

А.И.
ГЕРЦЕН

А.И. ГЕРЦЕН

XIV

XIV

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1859-1860 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1958

А. И. ГЕРЦЕН и Н. П. ОГАРЕВ
С фотографии. Лондон, 1860.

**СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1859-1860 ГОДОВ**

РОССИЯ И ПОЛЬША
Ответы статьям, напечатанным
в «Przeglądzie Rzeczy Polskich»

Если Польша хочет *другого* решения, да будет на
 то воля ее, но пусть она короче узнает Русь...

«Колокол», 1 марта 1859*.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ¹

Милостивый государь,
 я прочитал вашу статью обо мне и о Вольной русской типографии в Лондоне с вниманием, с благодарностью. В вас бьется славянское, родное сердце, оттого и речь моя так понятна вам, оттого и мне так хочется вам отвечать.

Само собою разумеется, что я обратил особенное внимание на те места, в которых вы выражаете ваше несогласие или недоумение. Замечания и самые обвинения противников и врагов можно иной раз перешагнуть, но замечания, делаемые друзьями, должны влечь за собой объяснение или сознание в их правде.

Я рад, что ваша статья дает мне повод коснуться главных основ моих убеждений и дать отчет, почему я поступаю так, а не иначе, с уверенностью, что поступаю совершенно сообразно с ними. Я был до того занят частными русскими вопросами, что все общие места, professions de foi² отступили на второй план.

Ваши замечания напомнили мне, что это умалчивание или подразумевание может быть иначе истолковано и дурно понято.

¹ Два первых письма писаны в ответ статьи: «Aleksander Hercen i Wolna Rosyjska Drukarnia w Londynie».

² исповедания веры (франц.).— *Ред.*

Я не говорил об общих теориях просто потому, что не считал этого своевременным. Общие места, планы, теории, утопии должны предшествовать работе исполнения, общественной перестройке. Идеи, воплощаясь, скрываются, как зерно в земле, в своих приложениях, существуют как развитие, как жизнь в организме, как законы природы, обнаруживающиеся только в самих явлениях.

К тому же злоупотребление громких слов, шедших рядом с чересчур скромными делами, утомившее в последнее время и самих французов, противно русскому характеру, чрезвычайно реально и мало привыкшему к риторике.

Русских действительно поражает бесплодное, театрално натянутое повторение возгласов и битых мест в революционной литературе, в речах и статьях, на сходках изгнанников и в их журналах. Но оно поражает не одних русских. Вы сетуете сами на то, что издания польских изгнанников мало расходятся в сравнении с «Колоколом»; не следует ли искать одну из причин в том, что их публикации больше занимаются *общими*, нежели *настоящими* вопросами своего края.

В Жерсее выходил французский демократический журнал, редактор его был человек с большим талантом *, а между тем, несмотря на жертвования, журнал не мог идти при всем благородстве своего направления, при всей чистоте своих намерений. Разобщенный с живой почвой, без истинных корреспонденций, он был сведен на вечное повторение в прозе того, что уж высказал В. Юго в стихах.

Дело в том, что после реакции, начавшейся с Июньских дней, наступил перелом. Люди увидели, что *общие места* и *частные события* совершенно расходятся и что словами их не примиришь. Громкие фразы и громовые слова с каждым днем теряют больше и больше своего значения. Они не действуют на нас, так, как не действуют вечно повторяемые слова молитв; революционная риторика испытывает участь литургической.

Бывало, я это очень помню, при одном слове «республика» билось сердце, а теперь, после 1849, 1850, 1851 годов, слово это возбуждает столько же надежды, сколько сомнений. Разве мы не видали, что республика с правительственной инициативой, с деспотической централизацией, с опломным войском го-

раздо меньше способствует свободному развитию, чем английская монархия без инициативы, без централизации? Разве мы не видали, что французская *демократия*, т. е. равенство в рабстве, самая близкая форма к петербургскому самовластью?

Мы с каким-то сыновним уважением боялись до сих пор признаваться в этих горьких истинах, скрывали их от себя из понятного чувства благочестия. Но и оно не должно заслонять истину, мешать откровенному, добросовестному разбору. Я смело скажу, переиначивая известную латинскую поговорку: «Я друг республики, я друг демократии, но гораздо больше друг *свободы, независимости и развития*».

Если мне возразят: «Да может ли быть свобода и независимость вне республики и демократии?», я отвечу, что и с *ними* они не могут быть, если народ *не дорос* до них.

Всякая церковь окончивается выходом из нее, и всякая монархия идет к республике и к высшему социальному устройству, т. е. к разумному и свободному экономическому быту, — если она не идет к разрушению и смерти. Там, где республика и демократия сообразны развитию народному, там, где они не только *слово*, а и *дело*, как в Соединенных Штатах или в Швейцарии, там, без всякого сомнения, наибольшая личная независимость и наибольшая свобода. Совсем иные результаты показывают нам страны, которым эти формы общественные слишком широки или не соответственны их развитию. Возьмите в пример народ невежественный, солдатский внизу, вверху растленный и преданный одному стяжанию — республика у него превратится через четыре месяца в Каваньяка *, а через девять в Наполеона *. Всеобщая подача голосов сделала из Франции смиренный дом.

Следует ли из сказанного, что я предпочитаю представительную монархию — республике и электоральную таксу — всеобщей подаче голосов? Нисколько.

Я констатирую факт и больше ничего. Видя его, я не могу сказать по совести: «Так как всеобщая подача голосов гораздо справедливее ценза, стало быть, Франция следующий раз, т. е. пройдя еще новой эпохой рабства и растления, сделает лучше свои выборы всеобщей подачей голосов, чем ограниченной». Я не верю этому, так, как не верю, чтоб турки, оставаясь

магометанами, с фаталистическим учением Алкорана, много выиграли провозглашением республики османлийской и гяурской.

Мы стремимся и хотим действовать в нашем времени, в современной России, — это заставляет нас не втеснять вопросов, но стараться овладеть теми, которые уже возникли.

Людям дальнего идеала, пророкам разума и прорицателям будущего, мало дела до прикладных затруднений, они указывают на разумные начала, к которым общество стремится, его законы, общую формулу его движения, предоставляя грядущим поколениям посылно осуществлять их в ежедневной борьбе сталкивающихся выгод и партий.

Одного из этих людей, месяца полтора тому назад, опустила в шотландскую землю скромная кучка друзей, и я очень благодарен судьбе, что успел еще застать его в живых и пожать почтенную и многотрудившуюся руку Робера Оуэна. Оуэн был прав, и Англия поймет его, но конечно не в XIX столетии. Такие люди, восстановители прав разума в капризной и фантастической сказке истории, велики и необходимы, и все эти предтечи мира, как Сен-Симон, Фурье, займут огромное место в сознательном развитии человечества, в самопознании общественного быта, но им почти нет прямого участия в текущих делах — это доля нас, будничных работников.

Чем тяжелее и мертвее настоящее, тем сильнее стремление отрешиться от него и подняться на алгебраическую высоту теории. Германия в своей пражданской ничтожности шла дальше всех стран в философии права и, сама не имея истории, являлась как пробужденная совесть других народов. Таково было для двух поколений России царствование Николая.

Государственная фура, управляемая им, заехала по ступицу в снег, обледеневшие колеса перестали вертеться; сколько он ни бил своих кляч, фура не шла. Он думал, что поможет делу террором. Писать было запрещено, путешествовать запрещено, можно было думать, и люди стали думать. Мысль русская в эту темную годину страшно развилась, и если вы сравните тайное веяние ее, ее бесстрашную логику, не бледнеющую ни перед каким последствием, с юным, благородным и чисто французским направлением литературы за двадцать пять лет, вы увидите это ясно.

Отголосок нового направления вы могли заметить и в моих книгах. Я ссылаюсь на них только потому, что в них проще высказано то, что у нас печаталось намеками и полусловами.

Но вот фура, с несколько обитыми сторонами, снова двинулась; явным образом наступило другое время, потянуло иным воздухом. Задача человека, желающего участвовать в новом движении, становится другая, она становится *специальнее*. Мало знать станцию, к которой мы едем, надо определить, *какую* версту по пути к ней мы проделываем и какие рытвины и мосты именно на этой версте.

Наше положение изменилось, иные вопросы нас занимают и занимают исключительно. Вместо «предисловий, программ и эпиграфов» мы вошли в *текст*. «Есть время камни собирать,— говорит Соломон,— и есть время камни метати». А ведь для того, кто хочет воевать пращой, это не два дела, а *два момента одного и того же дела*.

Я убежден, что с Крымской войны Россия входит в новую эпоху развития, что, расставаясь с трудными путями своего жестокого воспитания, *она вступает теперь в широкое русло совершеннолетней жизни*.

Я знаю, что я разнюсь со многими и с вами самими в внутренней оценке русского народа. Все те, которые не умеют отделить русского правительства от русского народа, ничего не понимают. Все те, которые хотят Русь мерить на ярды и метры, не знают ее. Нормы, сложившиеся в нашей голове от изучения западной цивилизации, не обнимают собой, не улавливают отклонений и особенностей русского народного быта, а определяют его только отрицательно. Обманчивое сходство правительственных форм с западными окончательно мешает пониманию. За царским забором, за петербургскими декорациями — народа было не видеть и не слышать, а слышался барабан и официальный говор, виделись штыки и писаря. Были люди, которые стали догадываться, что за знакомыми формами проглядывает какое-то незнакомое содержание; стали догадываться, что формы набиты насильственно, как колодки, но они не стали изучать характер бедного колодника, а отвернулись от него, сказавши: «Если терпит, видно, лучшего не стоит!»

Чтоб поить русский народ, не будучи русским (и притом русским, не запуганным с малых лет своим ничтожеством и величием Запада), падоблю быть или социалистом в Европе, или гражданином Северной Америки. Может, вам это покажется страшно, другим смешно, но оно так!

Условия, свойства русской жизни, русского быта — иные, оригинальные, *свои*. Этого ни признать, ни исследовать никто не хочет, особенность же его ставится ему в преступление, на том основании, на котором француз не может простить англичанину, что он обедает без салфетки, а англичанин французу, что он носит бороду. Западная цивилизация срезывается на своем первом следственном допросе своей собственной нетерпимостью и остается при одном негодовании.

Все то, что ставится так дорого другим народам, России не было зачтено ни во что или, хуже, послужило ей же в обвинение; ни то, что она уцелела под татарским игом, ни то, что втихомолку выросла и сложилась в огромное государство, отбившееся от всех соседей и сохранившее свою самостоятельность; ни ее 1612, ни ее 1812 годы. О пожаре Москвы говорят только потому, что слишком много иноплеменников видели зарево. Избавила ли Россия Европу от грубого солдатского гнета или заменила его другим — об этом может быть вопрос, но что Россия спасла Германию от французского ига — в этом нет никакого вопроса. Разверните Штейна, Арендта * и других современников и посмотрите, как в черную годину для Германии лучшие люди ее глядели на Александра I и на Россию. Что же вышло из этого? Полнейшая ненависть не к русскому правительству, — кто его не ненавидел, — не к русскому вмешательству, а к русскому народу, ко всякому нашему успеху, ко всякому нашему человеческому порыву. Так и узнаешь в современных публицистах Германии измещавшихся братьев ливонских рыцарей, не пропускавших в XVI столетии докторов в Россию. Не странно ли все это?

Вот вам еще пример. Англия, ломящаяся от тучности и избытка сил, выступает за берега, переплывает океаны и создает новые миры. Ей удивляются, и она заслуживает это удивление. Но так ли смотрят на подвиги колонизации Сибири, на ее почти бескровное завоевание? Горсть казаков и несколько

сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана... И такие колоссальные события едва помечены историей или помечены для того, чтоб поразить воображение дантовским образом ледяного острога в несколько тысяч верст...

Наконец является новый оселок. Европа после всех реформ и революций остановилась на горах трупов, по колена в крови перед страшным, неразрешимым сфинксом — поземельной собственности и пролетариата, капитала и работника. Ни французский дележ земли на атомы, ни паразитная жизнь английского фермерства ничего не устраниют, ничего не предупреждают. Земли становится меньше и меньше, владелец губит пахаря, капитал работника, и хор пролетариев из мастерских, из фабрик, с полей сильнее и сильнее поет лионский припев: «Свинец или хлеб! Смерть или работу!» *

Говорят, что возле есть народ, у которого совсем другое отношение к поземельной собственности, у которого на деле существуют веками уцелевшие разные виды коммунистического владения землею — от ежегодного дележа полей между общинниками до полной собственности; правда ли, нет ли, но согласитесь, что при настоящем положении экономического вопроса нельзя не исследовать такого важного факта. Изучение его может же дать столько же наблюдения, как микрометрические опыты Фаланги и Икарийцев?

Что же вы думаете, — обратились ли люди на эти факты, изучили их, опровергли, подтвердили? Нет. Они осмелили тех, которые говорили, так, как до сих пор они хохочут тому, что я сказал еще во время войны, что Украина была казачья республика, в основании которой лежали демократические и социальные начала, что Запорожская сечь представляла удивительное явление плебеев-витязей, рыцарей-мужиков¹. Вы, как поляк,

---

¹ Kosak ou liberté sont des expressions synonymes... l'antique liberté russe (в Украине) fut étouffée (XVII siècle) par l'aggression dynastique du despotisme. <Слова казак и свобода — синонимы... древняя русская свобода была там... задушена (в XVII веке) династической агрессией деспотизма>. J. Lelevel: Hist <oire> de la Pologne, t. 2, p. 284.

слишком хорошо знаете свою историю, чтоб я счел нужным настаивать на всей наглости невежества, которое не только не знает, но и смеется.

Поверхностная привычка смотреть исключительно на жизнь государственную и политическую, не обращая никакого внимания на жизнь народную, на экономический быт, разумеется, вела к одним ошибочным суждениям о России, потому что в России политической жизнью жило одно правительство. В самой Польше народную русскую жизнь так же мало знают, как во всей Европе. Я скажу без преувеличения, что из ваших соотечичей понимают и знают внутренний быт Руси только те, которые были сосланы в Сибирь или в дальние северо-восточные губернии. Все это удивительно! Неужели вам не приходило в голову, глядя на великороссийского крестьянина, на его умный развязный вид, на его мужественные красивые черты, на его крепкое сложение, что в нем таится какая-нибудь *иная сила*, чем одно долготерпение и безответная выносливость? Неужели вам не приходило на мысль, читая Пушкина, Лермонтова, Гоголя, что, кроме официальной, правительственной России, есть другая, что, кроме Муравьева, который *вешает*, есть Муравьевы, которых *вешают* *. Подумайте, если б не было *иной силы* и иной Руси, кроме правительственной, неужели в самом деле достаточно было бы несколько неудач в Крыму и смерти Николая, чтоб целое огромное царство обнять той деятельностью, тем *кипением вперед*, которое совершается перед нашими глазами? Да, Северный левиафан прошел через доки, покачнулся, справился и плывет; доказывать этого я не стану, так, как не стану и пророчить,— может, он завтра сядет на мель, это зависит от лощманов. Допустив это, чрезвычайно важно узнать, каким вопросом начинается это новое плаванье, какими воротами входит корабль в море, что на его флаге: конституция, республика, парламент, муниципальная свобода, война с Австрией, завоевание Турции? — Нет, у него на знамени *освобождение крестьян с землею*, т. е. опять социальный вопрос перед политическим.

Увидав это, мы бросили все и прилепились к этому жизненному вопросу для России. И вот вам причина нашего успеха.

Тот только Колокол и слушают люди, который зовет их туда, куда им идти надобно.

Представьте себе, что середь распрей и споров в самом дворянстве, середь зачатой борьбы двух бойцов, до того времени гладивших друг друга по головке и в первый раз поглядевших с ненавистью друг на друга,— представьте, что середь этой борьбы, совершающейся перед необозримым количеством народа, мрачно ждущего, кто кого сломит, но который несколько не намерен уступить ни вершка земли, наш *Колокол* стал бы звонить к всемирной республике и к солидарности народов?

Как вы думаете, эти люди, дерущиеся не на живот, а на смерть, которые теперь с любовью или ненавистью читают наши слова, стали бы читать наши дифирамбы и разглагольствования? Их ответ можно предвидеть: «Что вы нам толкуете о всемирной республике, которой нигде нет, о братстве народов, которые везде режутся,— мы все это читали в Руссо и Вольтере, в истории первой революции и в газетах 1848 года. У нас теперь забота растолковать, что такое усадебная земля и сколько десятин пашни дать крестьянину, ну где же нам читать ваши декламации!»

Колоколу пришлось бы прикусить свой железный язык.

Вы видите, что наш махиавеллизм, наша политика очень просты. Мы говорим о тех *вопросах*, которые *теперь выдвинуты жизнью* и без разрешения которых Левиафан сядет на мель.

Не отвлекаясь несколько от дела, мы предоставили другую часть журнала обличениям, особенно лиц, поставленных выше закона в России. Трудно себе представить, какой сильный отголосок находят эти обличения и какой ужас наводят не только на обличенных, но и на тех, которые еще не обличены строками «Колокола». До сих пор эти действительные тайные газели прыгали по вершинам правительственных Альп, с презрением посматривая вниз на облака, из которых сыпались уголовные и литературные громы на станowych и секретарей, оставляя их самих в покое, и вдруг их дела напечатаны русскими буквами с именем, и этот ужас, эта безнравственность ходит из рук в руки, может попасть в Тайную канцелярию, быть прочтена в передней...

Вот почему для нас история о том, как Панин, министр юстиции, хотел отжилить чужой дом *, важнее теории о «непосредственном правительстве», занимавшей лет пять тому назад западных публицистов.

Остается одно слово, прежде чем я перейду ко второму вопросу вашей статьи.

Вы, мне кажется, с некоторым упреком говорите, что я нахожусь в другом отношении к Александру II, чем был к Николаю. Вы думаете, что я переменялся; нет, не я переменялся, а Николай, именно тем, что умер. Как же я могу относиться к Александру II, который никого не казнил, никого не ссылал в каторжную работу за мнения, не брал Варшавы, не мстил Польше десятки лет, не губил русских университетов и русской литературы, так, как относился к Николаю? Такой упорной неподвижности вы не можете предположить в живом человеке, у которого мозг не поражен монотонией.

И это не все. Александр II, и никто иной, поднял крик «освобождения крестьян», и я еще раз повторяю: если он ничего не сделает, если этот вопрос и его решение ускользнут из неловких его рук, то и тогда имя его останется в истории наряду с венценосцами-реформаторами.

Откровенно ли он хочет освобождения?— Я не знаю, и, еще больше, мне до этого дела нет. Это интересно как психический студиум его личности — не больше. Речи Александра II, особенно речь к московскому дворянству, показывают, что он понимает неотлагаемую необходимость этой меры, и если Александр *не хотя* освободит крестьян, так, как Николай всю жизнь *хотел* (как нынче стали уверять) их освободить и не освободил, то я предпочитаю такую неоткровенность. Понимать необходимость реформы и не противиться ей — это все, что можно требовать от правительства, остальное мы должны сами сделать, если хотим, чтоб было *хорошо сделано*.

Но Александр II по своему чину должен быть отлучен нами... неужели это не так же смешно, как считать, по легитимистским иезуитским учебникам, революцию 1789 за мятеж, Робеспьера за разбойника с большой дороги, якобинцев за шайку воров?

Я знаю, что с *религией демократии* не совместно говорить что-нибудь о венценосцах, кроме зла; признаюсь вам, что мне *религия* демократии так же не по сердцу, как религия пана Фиалковского * и как религия «воссоединенного» Симашки *. Демократическое православие так же не дает воли уму и жмет его, как киево-печерское. Тот, кто истину — какая бы она ни была — не ставит выше всего, тот, кто не в ней и не в своей совести ищет норму поведения, *тот не свободный человек*.

В следующем письме позвольте обратиться к польскому вопросу.

ПИСЬМО ВТОРОЕ¹

Милостивый государь,

«Кровь и слезы, отчаянная борьба и страшная победа соединили Польшу с Россией.

По клоку отрывала Русь живое мясо Польши, отрывала провинцию за провинцией и как неотразимое бедствие, как мрачная туча подвигалась все ближе и ближе к ее сердцу. Где она не могла взять силой, она брала хитростью, дьягами, уступала своим естественным врагам и делилась с ними добычей.

Из-за Польши приняла Россия первый черный грех на душу. Раздел ее останется на ее совести...

...Сквозь мрачный ряд событий, сквозь дымящуюся кровь, через виселицы, через головы царя и палачей просвечивает иной

---

¹ Переходя к польскому вопросу, я замечу мимоходом, что ярываю всякую солидарность с мнением, выписанным вами из «Русских голосов». Вы сами заметили, что я никогда не брал на себя нравственной ответственности за «Голоса». В них были статьи превосходные, как «Проект освобождения» в V книжке, и статьи, с которыми у нас общее одно желание добра России при совершенной противоположности воззрений. В «Русских голосах» напечатана доля той письменной литературы, о которой вы говорите, часть их составлена из статей, ходивших из рук в руки при Николае и тотчас после его смерти. Эти отголоски окрепавшего общественного мнения имеют свою историческую важность, и их следовало закрепить печатью, все они писаны в умеренно либеральном духе, некоторые с большим знанием дела, например статья о «кражах полковыми начальниками». Вы видели, может быть, как в первой книжке меня отделал какой-то господин за радикализм, социализм и другие грехи *.

день. *Из-за насильственного единства виднеется единство свободное, из-за единства, поглощающего Польшу Россией,— единство, основанное на признании равенства и самобытности обоих. Скованные поневоле колодки, всматриваясь более и более, узнали друг в друге братьев; та же кровь сказала, и семейная вражда иссякает**.

Вот что мы говорили в 1853 году.

И потом в 1854: «Чего хочет Польша? Польша хочет быть свободным государством, она готова быть *соединенной* с Русью, но с Русью тоже свободной... Для того, чтобы соединиться с нею, ей необходима *полная воля*. Поглощение Польши царской Россией нелепость, насилие...», и мы, требуя от русских солдат присяги не поднимать оружия против Польши, говорили им: «Присягу эту требует не царь, а совесть народная, народное раскаяние, и если вас ждет гибель за это, она свята, вы падете жертвой искушения и вашей мученической кровью запечатлеете неразрушимый, свободный союз Польши и России как начало вольного соединения всех славян *в единое и раздельное* Земское дело!»*.

В этих словах, сказанных в два разных времени, перед войной и в ее разгаре, ясно высказано наше мнение о польском вопросе, оно осталось неизменно; во имя его я старался сблизить пропаганды обеих стран, во имя его подал нам дружескую руку Станислав Ворцель*.

Польша, как Италия, как Венгрия, имеет *неотъемлемое, полное* право на государственное существование, *независимое* от России. Желаем ли мы, чтоб свободная Польша отторглась от свободной России,— это другой вопрос. Нет, *мы этого не желаем*, и можно ли этого желать в то время, как исключительные национальности, как международные вражды составляют одну из главных плотин, удерживающих общечеловеческое свободное развитие? Глубоко ненавидя всякую централизацию, я убежден, что соплеменные федерализации дают среду государственную несравненно более широкую, чем раздробление одного рода на отдельные части. Федеральное соединение должно быть вольным даром; Россия *не имеет прав* на Польшу, она должна *заслужить* то, что взяла насильно; она должна *загладить* то, что сделали ее руками, и если Польша не хочет этого союза, мы

можем об этом скорбеть, можем не соглашаться с ней, но не предоставить ей воли — мы не можем, не отрекаясь от всех основных убеждений наших. Мне кажется, что это ясно.

Но если ясно, что мы признаем это право, то, может, надо пояснить, почему мы не желаем полного расторжения двух народов.

Нам кажется, что Польша и Россия могут рука в руку идти одной дорогой к новой, свободной социальной жизни.

Мы думаем, что Польша и Россия совсем не в том положении, в котором Ломбардия и Австрия. У Австрии и Ломбардии совершенно разные дороги; гибель Австрии — единственное условие жизни народов, скованных ею воедино.

Австрия не народ, Австрия — полицейская мера, сводная администрация, она ни к чему живому не примыкает, не покоится на себе; без частей ее нет, это величайший исторический призрак, который когда-либо существовал. Тут все ложь. Римская империя — в Германии. Германская империя — состоящая преимущественно из славян, итальянцев, мадьяр. Избирательное правительство — переходящее по наследству. Связь нескольких народностей — основанная на перекрестном отвращении их друг от друга. Тут нет ничего органического, отнимите Ломбардию справа и придайте слева Молдо-Валахию — и так хорошо. Отнимите Галицию и прибавьте Сербию — и это недурно, die Staats Kanzlei¹ пойдет своим порядком. Империя австрийская не имеет никакой будущности; когда ее *отменяют*, тогда только люди настоящим образом удивятся — как могла существовать такая нелепость, спитая из лоскутков конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображениями. Империя, необходимая для равновесия — *некогда*, чтоб перетягивать пану, *теперь* — чтоб пану не перетянули. Оплот Европы против исламизма, спасающий Турцию от России. Мнимая представительница германского единства, ненавидимая всей Германией и защищающая Рейн «на По и на Адиге» славянской и венгерской кровью против Италии. Это какой-то сон большого горячкой!

---

¹ государственная канцелярия (нем.).— *Ред.*

Совсем напротив, Россия — такая же живая личность, как Англия, как Франция, только с той разницей, что те, «ветхие деньми», с своим богатством и с своими рубцами, с шевронами на руках и с истрелянными, в последние три века, знаменами, покрытые славою, идут на отдых, а Россия только что вступает на плац, на народное место истории. Самое имя России — оно начинает повторяться в Европе вместе с именем Америки.

Россия, кроме окраин своих, представляет сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русский сознает себя частью всей державы, сознает родство свое со всем народонаселением, воспитанным в том же сельском быту, с своим общинным порядком и разделением полей. Оттого-то, где бы русский ни жил в огромных пространствах между Балтикой и Тихим океаном, он прислушивается, когда враги переходят русскую границу, и готов идти на помощь Москве так, как шел в 1612 и в 1812 годах.

Но что он считает своей границей? Вас, кажется, этот вопрос очень занимает. Действительно, я об нем никогда не говорил, но совсем не из боязни русских *патриотов*. Я их не больше боюсь, как *патриотов* вообще, а патриотов вообще боюсь потому, что их своекорыстный эгоизм за целое племя всегда готов на неправоe стяжание и их любовь к своим — слишком сбивается на ненависть ко всем другим. Развитой человек может любить по сердцу, по уму, по привычке свою родину, служить ей, умереть за нее, но *патриотом* не может быть. Христианство восемнадцать веков тому назад стало полоть эту языческую добродетель и ничего не сделало, потому что обращало людей к другой родине, совсем не существующей, т. е. существующей на небе. Ее выполет социализм снятием *земных* границ. От этого люди еще далеки (и мы с вами хлопочем еще об их обозначении!).

Что касается до главного вопроса, до самобытности Польши, он решен самим языком; ни один русский крестьянин не считает Польшу Россией. Вся Русь говорит: «в Польшу», «из Польши». Но где черта, за которой окончивается Русь и начинается Польша? Это определить труднее, но не из патриотизма, а из того, что у нас недостает *самого главного* элемента для решения вопроса.

Что мы возьмем за его основание? Присоединение Червонной Руси к Польше или присоединение Украины к России в половине XVII столетия? Между ними целый век борьбы Речи Посполитой с казаками. В продолжение ее два стремления, два противоположных потока обозначаются в южной Руси: шляхетство, паны — тянут к аристократической республике; нижний слой, народ, казаки, — напротив, в постоянной вражде с Польшей. Хмельницкий не из любви к Москве, а из нелюбви к Польше отдался царю. Москва или, лучше, Петербург обманули Украину и заставили ее ненавидеть москалей. Как же решить вопрос об ней? Давность владения ничего не доказывает. Утраченное владение — еще меньше. Право завоевания? Последний захвативший будет владеть, пока другая сила его сгонит. Завоевание — факт, а не право.

Естественных границ нет — ни цепи гор, ни больших рек; остается искать иных оснований в самой жизни народа, в его быте... Там, где народ исповедует православие, говорит языком, более близким к русскому, чем к польскому, там, где он сохранил русский крестьянский быт, мир, сходку, общинное владение землей, — там он, вероятно, захочет быть русским. Там, где народ исповедует католицизм или унию, там, где он утратил общину и общинное владение землей, там, вероятно, сочувствие с Польшей сильнее и он пойдет с ней.

Но скажите, что же мы за наследники венского конгресса, что будем расписывать, какая полоса земли куда принадлежит, *не спросясь людей, на ней живущих*. Да ведь так парижские дипломаты недавно совещались о том, что следует желать и чего не следует желать руманам в Молдо-Валахии*.

Ну, если после всех наших рассуждений Украина, помнящая все притеснения москалей, и крепостное состояние, и наборы, и бесправие, и грабеж, и кнут, с одной стороны, и не забывая, с другой, каково ей было и за Речью Посполитой с жолнерами, панами и коронными чиновниками, — не захочет быть *ни польской, ни русской*? По-моему, вопрос разрешается очень просто. Украину следует в таком случае признать свободной и независимой страной. У нас, людей изгнания, печальных свидетелей стольких неудачных сочетаний и распадений, не может, не должно быть и речи о том, кому должна *принадлежать* та или

другая часть населенной земли. В Малороссии живут люди,— люди, подавленные рабством, но не настолько сломанные правительством и помещиками, что потеряли всякое чувство народности; совсем напротив, родовое сознание у них очень развито... что же это будет за шаг к их освобождению, когда, спимая московские цепи, им скажут, что они должны *принадлежать* Польше?

Развяжемте им руки, развяжемте им язык, пусть речь их будет совершенно свободна, и тогда пусть они скажут свое слово, перешагнут через кнут к нам, через папуж к вам или, если они умны, протянут нам обоим руки на братский союз и на независимость от обоих.

Вот почему я так высоко ценю федерализм. Федеральные части связаны общим делом, и никто никому не *принадлежит*, ни Женева Берну, ни Берн Женеве. В 1851 году католическая реакция в Фрибургском кантоне вывела из терпения протестантский Муртен. Жители Муртена хотели отложиться от кантона; дело не состоялось, но никому и в голову не пришло говорить о том, принадлежит ли Муртен кантону или нет, изменяет ли Муртен или нет. Федеральные единства могут даже существовать при таком антагонизме, какой находится между Северными Штатами и Южными в Америке. Централизация, жертвующая самобытностью частей, стремящаяся к полицейскому однообразному фрунту, убивающая все индивидуальное, характерное, местное, всегда будет качаться между Николаем и Бонапартом. С другой стороны, полное расторжение народного единства на самобытные суставы сделает из них Германию; четвертованная — она лежит в своем расчленении, не имея возможности ни встать, ни двинуться.

Желание развинтить круто скрученные вожжи казарменного деспотизма нисколько не совпадает с желанием полного отчуждения своих судеб от судеб России. Для того чтоб сказать, *можно ли идти с Россией* или нет, *надобно* посмотреть, что выйдет из общего движения, в которое Россия ринута...

Неужели вы в самом деле не видите, как подтаивает снежная вершина, давящая нас? Николай заметил, что жизнь отлетела от его самодержавия, что у него нет дела, а только казни. Он выдумал войну, его побили... два градуса меньше. Он умер —

десять градусов, — а дела живого, а жизненной задачи все нет. В минуту какого-то вдохновения, а может, и отчаяния, Александр II нашел дело, роковое, необходимое, и дело живое: *освобождение крестьян*. Тяжелые ворота, скрыня на ржавых петлях, отворились в новую эпоху; тут старые квартальные и жомалые, Орловы и Закревские, лакеи и шпионы, Панины и Муравьевы, по старой памяти, стоят на дороге, толкают назад, не пускают идти, придают себе вид силы. Если они помешают, это уж наша вина! Вот поэтому-то я снова возвращаюсь к тому, что все наши усилия должны быть сосредоточены на одном вопросе, собраны около одного знаменья, *in hoc signo vincetis!* *

Выбор вопроса не нами сделан, но мы лучшего не могли бы сделать. И вот опять причина, почему мы оставили все на свете и прилепились к одному вопросу — *об освобождении крестьян с землею*. Судить нас, стало быть, не следует за выбор вопроса, а за образ обсуживания его, сообразен ли он с основами наших убеждений или нет?

Если Россия, освободивши крестьян с землею, действительно взойдет в ту новую фазу жизни, о которой мы говорили, я не думаю, чтоб Украина захотела отделиться от нее. Она тогда не будет иметь тех причин, которые заставляли ее в половине XVII столетия бросаться к татарам, к Москве от дворянско-католического ига Речи Посполитой, а при Петре I отдаться шведам.

Если же Россия, запнувшись на первом шаге, останется под розгой помещика, под палкой полиции, без суда, без прав, управляемая ординарцами и писарями, если все это движение окажется слабым и мы безропотно воротимся к николаевскому времени, тогда не только Польше, не только Украине не следует оставаться с Россией, но следует им соединиться, идти на Москву и разгромить все это исполинское здание рабства.

Вот вам весь наш взгляд, и, что бы ни сказали русские патриоты или ваши, мы его не изменим и не изменим ему потому, что мы убеждены в его истине и сердцем и умом.

Меняется у нас не фонд, а темы.

Вы с симпатией говорите о небольшой статье моей, писанной в 1854 году, о которой я упомянул в начале письма. Она была вызвана обстоятельствами. Тогда думали, что Польша во время

Крымской войны отложится, и мы говорили русским солдатам, стоявшим в Польше: «Ваша участь всех хуже. Товарищи ваши в Турции — солдаты, вы в Польше будете палачами. Вам придется краснеть вашей храбрости... знаем мы, что вы не по своей воле пойдете на поляков, но в том-то и дело, что вам пора иметь *свою волю*... Не легко неволить десятки тысяч людей, с ног до головы вооруженных». Из этих слов вы видите ясно наше мнение; из их повторения — то, что оно нисколько не изменилось. Но когда вы мне говорите, чтоб я перепечатал в «Колоколе» это воззвание к солдатам, то я вас не понимаю. Разве кто-нибудь говорит о восстании в Польше, о приготовлении русских войск? Зачем же я стану уговаривать людей не поднимать оружия, когда оружие и без того стоит в сошках?

Нет, если мы будем обращаться теперь к солдатам, мы к ним обратимся не с этой речью. Мы им теперь не о Польше будем говорить: мы скажем им о том, чтоб они подумали о смертном грехе усмирять крестьян; о том, что солдат, который штыком или пулей убьет крестьянина, — отцеубийца, что он своим оружием, помогая помещику, сквернит свою сестру, что он своей помощью кладет родную мать под розги и что если он подумает, то увидит, что без его слепого повиновения крепостное состояние рухнет, увлекая с собой все препятствующее освобождению.

Вот что мы будем говорить солдату. И если мы не говорили еще этого, то потому, что вопрос, кажется, разрешится без участия штыков и картечи. Довольно страдал русский крестьянин, довольно орошал он землю потом и слезами, на что же еще его кровь!

Я вам передал добросовестно нашу мысль и откровенно рассказал *экономлю* наших действий. Вы мне поверите, в этом мне служит порукой ваша статья; но есть ограниченные умы и узкие народные ненависти, которых убедить я не берусь, они ненавидят не рассуждая. Возьмите (чтоб не говорить о своих) статьи немецких демократов, кичащихся своим *космополитизмом*, и взгляните в их злую ненависть не только ко всему русскому, но ко всему славянскому... Если б эта ненависть была сопряжена с каким-нибудь желанием, чтоб Россия, Польша были свободны, порвали бы свои цепи, я понял бы это. Совсем

не то. Так, как средневековые люди, ненавидя евреев, не хотели вовсе их совершенствования, так всякий успех наш в гражданственности только удваивает ненависть этих ограниченных, заклепанных умов. По счастью, на этот раз они имеют дело не с рассеянным и бедным племенем, а с частью света.

Между прочим, эта круговая порука славянского мира, которую поняли враги ненавистью, обязывает нас подумать о ней. Одни ли в самом деле судьбы всего славянского мира в будущем или нет?

Вы уже видели, что мы разрешаем этот вопрос *федерализацией*.

Если Польша хочет иного решения, да будет на то воля ее. Но, разрывая семью, пусть она короче узнает Русь — не служащую, не мундирную — а Русь, пахущую землю, притесненную мундиром, Русь мыслящую и едва начинающую высказываться; тогда она оставит нас без международной ненависти и без горьких слов. Оскорбление народа, с которым она так долго боролась и который имел такое тяжелое и продолжительное влияние на ее судьбы, отбросит на нее самоё темную тень.

В 1853 году, 29 ноября, входя на трибуну польского митинга в Лондоне, я сказал: «Я представился моим польским друзьям не как отрешенное лицо от своего отечества, не как лицо, желающее, чтоб забыли его происхождение, совсем напротив, я прямо говорил о моей любви к России и о моей вере в ее будущность. И они меня так и приняли — *случайным представителем* будущей России, той России, которая ненавидит преступления своего правительства и хочет смыть с себя кровь польских мучеников!» *

Этими словами, которые были покрыты рукоплесканиями ваших соотечественников, позвольте мне заключить мое письмо.

12 января 1859.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Милостивый государь,

изложив так недавно мое мнение о польском вопросе, я не думал, что мне снова придется, и так скоро, приняться за перо, чтоб говорить о том же деле.

Правда, я получил с тех пор несколько писем и одну польскую статью, очень лестную для меня, под заглавием «*Słówo Prawdy*», но как ни она, ни всякие вызовы на полемику не могли ничего прибавить к ясности вопроса, то я и решился не печатать ни писем, ни статьи и не начинать полемики.

Какие бы разномыслия у нас ни являлись с разными оттенками польской эмиграции, от социалистов, с которыми мы всего ближе, до олигархов партии князя Чарторижского, с которыми мы всего дальше, — мы слишком уважаем их веру, их твердость, их несокрушимое постоянство в несчастье и слишком сознаем все зло, сделанное Польше русскими руками, чтоб быть их противниками; скорее мы вынесем несправедливость к нам, чем будем поднимать усобицу. Вот почему мы и решились во всех случаях, когда личное несогласие, не имеющее *общего интереса*, будет приводимо к речи, пользоваться тем правом, которого у нас не отнимал сам Николай, — *правом молчания*.

Но, только что я принял это решение, пришло ваше письмо.

Уже то самое, что оно *пришло из Польши*, придает ему большую важность. Сверх того, в нем видна такая обдуманность, такая завершенная, замкнутая мысль, такое энергическое убеждение, что я счел долгом своим сказать, почему я его не помещаю в «*Колоколе*».

Не помещаю я его за его *тон*. Не за его тон со мною, совсем напротив, вы слишком высоко поставили мои труды, мне остается вас много и много благодарить за все ваши отзывы. Но не обо мне речь, о себе я помещал самые заносчивые письма. Нет, я не печатаю вашего письма за тон, с которым вы говорите о *России и русских*.

Отрицайте все, что я утверждаю, отрицайте *новую силу*, входящую Россией в историю, разрушайте одну за другой наши надежды ... что хотите, это будет мнение, мы об этом будем спорить; говорите о страшной гангрене рабства и воровства, о грабеже, превращенном в администрацию, о подлом уничтожении, принимаемом за обязательную нравственность, о китаизме чиновничества, о богопочитании царя — я сей час все это помещу, хотя и трудно вам больше сказать об этом, чем мы говорим. Но я не могу по совести допустить гуртовых обвине-

ний, падающих на целый народ, ничего не доказывающих, кроме раздражения.

В заключении моего второго письма о России и Польше (34 лист «Колокола») я сказал: «Если Польша хочет иного решения, да будет на то воля ее. Но, разрывая семью, пусть она короче узнает Русь,— Русь не служащую, не мундирную, а Русь, пашущую землю, притесненную мундиром, Русь мыслящую и едва начинающую высказываться. Тогда она оставит нас без горьких слов. Оскорбление народа, с которым она так долго боролась и который имел такое тяжелое и продолжительное влияние на ее судьбы, отбросит на нее самой темную тень».

Я действительно не понимаю, какая цель в том, чтобы травлять едва закрывшиеся раны, поддерживать озлобление, повторять упреки, смотреть назад — когда надобно ринуться вперед, и это в то время, когда *ни один порядочный русский* и не думает оправдывать всех ужасов прошедшего.

Вот что вы говорите в начале письма: «Мы прежде всего благодарим вас от души за благородную и откровенную речь, с которою вы обратились к полякам. Она звучит в ушах наших звуками такими новыми, ее смысл так резко противоположен *заповедям петербургских наших Моисеев*, что мы невольно увлекаемся ею и гордое молчание политического колодника заменяем на откровенное сознание всего, что у нас лежит на сердце. Мы были *удивлены, сознаюсь вам откровенно*, когда дверь темницы нашей отворилась и перед нами предстал *русский*, вовсе не похожий на знакомые лица Новосильцовых, Мухановых и Бибиковых».

Вы удивились оттого, что вы не знаете ни России, ни современного движения умов в ней, ни русской литературы. А можно ли судить страну, не имеющую политической трибуны, не зная ее письменности, т. е. не выслушав ее. Если б вы были знакомы с внутренней русской жизнью, то вас бы несколько не удивило, что я не похож на Бибикова; вы увидели бы, что с начала нынешнего века одна кучка людей за другой постоянно выходила из забитого фронта, очень хорошо зная, чему подвергалась, и говорила: «Умирающие проклинают тебя» * — чудовищному самовластию, и все они, шедшие на виселицу, на каторгу, на поселение, в казематы, несколько не походили ни

па Муравьева, ни на Новосильцова, ни на Рожнецкого, ни на Абрамовича... Вы слышали о декабристах — а знакома ли вам деятельность таких людей, как Белинский, как Грановский, образовавших целые поколения молодых людей? Знаком ли вам объем, в котором обсуживается вопрос поземельного владения в русских обозрениях и журналах? Я сомневаюсь.

Вы выходите совсем вооруженным, но ваше рыцарское забрало мешает вам разглядеть противника. Снимите средневековые доспехи, тогда вам будет легче понять нас — всего менее средневековых.

В нашем смирительном доме, где нам не позволяли ни двигаться, ни говорить, мы, скуки ради, перебирали на свой страх дела, давно порешенные в Европе и сданные в архив; и нашли, что большей частью они или вовсе не решены, или решены пристрастно... От этого мы спрашиваем, доискиваемся там, где западное воззрение справляется и отвечает.

Мы спрашиваем, например, может ли человек отвечать за свои поступки, сделанные в другой возраст. А вы не сомневаетесь народ целый отдавать под уголовный суд за ряд событий, совершенных прежними поколениями. Как будто история развивалась так обдуманно, преднамеренно и сознательно, как ходы шахматного игрока?

Неужели вы еще верите, что есть народы доблестные и народы преступные, народы самоотверженные и преданные и народы алчные и своекорыстные? Эта точка зрения Израиля и Франции не может вынести никакой критики. На этом основании три поколения бранили «коварный Албион» и хвалили «великодушных галлов». Какие же в самом деле между народами Каины и Авели? Разные народы, как разные животные породы, различаются свойствами, а потом развитием, столкновениями. Все народы — страшные эгоисты, все лили реками кровь свою, чужую, все были пиратами и флибустьерами, а когда награбили довольно, расширились донельзя, тогда целомудренно заговорили о законном владении: «Нитки чужой нам не надо!»

Пора смотреть на историю с ее естественной, физиологической точки зрения, без всякой примеси религиозных и цивилистских символов веры и катехизисов.

В этом *неуважении* к общим предрассудкам вам, может быть, откроется одна из сторон русской мысли и русского духа. Он большей частью ленив, спит себе нарастяжку; но когда просыпается, его трудно убаюкать авторитетами. Не принося с собою никаких унаследованных догматов, без связи с своим былым, книжно соединенный с чужими преданиями, он свободно, безбоязненно щупает, осматривает и качает головой там, где не верит. От этого он не благоговеет без разбора и не презирает по наследству.

Вот вам недавний пример. Вся московская и петербургская литература без различия партии протянула дружескую руку евреям и восстала против плоской выходки какого-то журналиста *. Того католического чувства ненависти к евреям, которое если не осталось в законодательстве, то осталось в нравах, именно в Польше, в России нет. Гонение евреев было делом правительства. Общество не говорило прежде, потому что оно ничего не говорило, рука квартального лежала на его губах. Как только он приподнял один палец, оно и высказалось.

Дело в том, что у нас собственно нет *заветных* основ, нет прочно вкопанных в разумение межевых камней, означающих пределы. Мы не сложились, мы *еще ищем своих начал*. Это дает нам совершенно иную роль относительно всех вопросов, особенно если вы вспомните, что неудача всех революций в Европе произошла не от внешних неудач, а от вдруг поразившего сознания тощести, бедности тех начал, которых хватило на борьбу с католицизмом и феодализмом — но на которых строить нового нельзя; если вы вспомните, что движение затем приостановилось, что западный человек ищет *новых оснований* своего быта.

Откуда бы ни шли два путника за кладом, какой бы цветистой дорогой ни шел один, какой бы песчаной ни шел другой, но, встретившись, расстояние для обоих одно, и кто скорее придет — зависит от крепости ног и от тяжести ноши.

Вы, как вообще европейские народы, несете очень много. Вы горды вашей историей и совершенно правы, вам нельзя себя уронить, вы имеете сзади, как граф в «Пане Тадеуше»*, вместе с замком блестящие воспоминания и завещанную месть, и то и другое выступало все рельефнее, поэтичнее, мрачнее на

сером, прозаическом фонде николаевского деспотизма. Вы связаны с прошедшим, вам надобно поддерживать имя, вашу историю, вашу семейную хронику, в ней на манер Тита Ливия все ярко и светло, везде действуют одни герои добродетели, «каждый дворянин может быть королем, и каждый холоп может быть дворянином», в ней гнет шляхетский не тяготит и иезуит не сводит проклятия на целые деревни, населенные христианами восточного толка. А отчего это благочестие к вашим предкам? Оттого, что вы принадлежите слишком хорошей фамилии, чтоб дурно говорить об ней.

А мы? Мы выросли, когда мать с отцом были в разводе. Мы видели, как отец — пьяный солдат — позорил и бил мать, бедную крестьянку, безмолвно рыдавшую. Мы ненавидели отца, но сызмалу забитые, боялись его как огня. Мы, может, любили бы мать, но нас приучили не уважать ее. Нас воспитывали в том роде, как племянник Рамо, у Дидро, воспитывал своего сына *, нам с утра до ночи все окружающее твердило одну нравственную заповедь: *«Сила все, успех все»*. В этой школе развились — Меньшиковы, Долгорукие, Орловы, Потемкины, Зубовы, готовые сажать на престол и ссаживать с престола, готовые душить царей, избивать в неволе заключенных царевичей, красть князей Таракановых...¹

Школа наша была не лучше родительского дома. У вас Николай запретил преподавать на польском языке, и вы стали им гордиться. Нас уверили, что стыдно говорить по-русски немужику; нас уверили, что пошлое варварство бритья бороды значит образование; что носить чужое платье вместо своего — хороший тон. И вот мы давай говорить по-французски, оде-

---

¹ Когда Пестель во время сношений с Крижановским * требовал смерти цесаревича, поляки сначала просто отвергли предложение его, и потом приняли глухо и уклончиво. Во время коронации Николая в Варшаве знаменитая Школа подхорунжих * предлагала либеральным вожакам, когда Николай пойдет мимо их в церемонии, дать залп по нем. Все спархнулось от этого предложения, и Лафайет-Немцевич сказал, что Польша никогда не обагрят рук своих в крови своих королей. Наконец, рыцарский дух Польши отпустил в 1831 г. цесаревича * вопреки всякого здравого смысла. Из моих слов никак не следует, чтоб я одобрял Орловых и Зубовых, я констатирую только разницу воспитаний и воззрений.

ваться по-немецки и с таким неистовым усердием бриться, что борода и ее бритье вошли в коренные основы государственного быта, в уголовное законодательство, в общественную нравственность.

На все на это были, конечно, причины, не место останавливаться на этом. Это был трудный и уродливый рост.

Россия, как бывает с медленными и упрямыми детьми-крепкими, то под розгой, то без надзора, то лежа на печи, то на босую ногу в снегу, — все росла и крепла, колеблясь между полнейшим рабством и самым необузданным своеволием, между царем и казачеством. Казачеству, вы знаете, шляхетская свобода Речи Посполитой была так же ненавистна, как иго царя московского. Что за дикое, неслыханное явление какой-нибудь Стенька Разин! Это какое-то безумное метание барса, какие-то опыты мощи несознательной, но страшной — удаль, дерзость, злодейство, отвага. Прибавьте Стеньке Разину определенную цель, дайте ему вместо казацкой голи армию и посадите его на престол, вот вам Петр I.

Разрыв, сделанный Петром I в нашей истории, лишил нас народных преданий; у нас нет умилительных, светлых воспоминаний, идущих из рода в род; наши воспоминания не идут дальше господского дома — где секут, казармы — где бьют палками, канцелярии — где определяют удары кнутом, Зимнего дворца — перед которым вешают и хоронят живых в Алексеевском равелине.

Привитая нам западная традиция, несмотря на свое огромное влияние, не могла сделаться для нас тем кровным, обязательным, своим, как она выработалась на Западе и в высших слоях Польши.

Вот почему я сказал, что у нас ноши меньше, — мы бедны.

Миниле, пораженный этим явлением, подумал, что у русских нет нравственного чутья*. «Не чутья у нас недостает, — заметил я ему, — а нравственности, соответствующей *нашему чутью*. Нам нечего хранить, нечего поддерживать, нам дорога легка во все стороны. Мы потому думаем, что нам найдется дело в будущем, что мы не были республикой, как Греция, не были законодателями, как римляне, не были крестносцами».

Мы не возвращаемся к старым майоратам славы, а толчемся в новую жизнь, принося с собою не воспоминания, а дерзкую самоуверенность, горячую надежду и притязание на все.

Но ведь эти права, можете вы сказать, принадлежат вам столько же, сколько и готтентотам. Без сомнения. Только подождите того времени, когда готтентоты составят огромную империю, будут давить влиянием своим Америку и Африку и, главное, будут иметь ту *дерзкую самоуверенность*, те горячие надежды и верования, которые мы имеем.

Тут нет ни юридических прав, ни теоретических построений. Россия не теория, Россия — факт; его надобно признать, для того чтоб разбирать и понять. Мы можем рассуждать, следовало или не следовало быть Монблану в Савойе, но это будет лишнее; Монблан — факт, которого не сотрешь рассуждением.

Европа в России не нуждалась... да ведь она и в Америке не нуждалась. Две страны эти *нарождались* по сторонам ее, как два огромных флигеля.

Смысл и значение Америки и России только теперь начинает проясняться, особенно с 1848 года. До того времени аристократическая Европа не вводила в свои общие счета ни Америки, ни России; заключенная в беличьем колесе полусхоластических, полурелигиозных, полуфеодальных вопросов, Европа спорила о принципах, о вечных началах, не уступая ни йоты, пока Америка росла на воле, мы росли в колодках.

Споры их мы могли усвоить, но они не наши, мы на них смотрим с тем уважением и с тем интересом, с которым вы слушали бы дискуссию Кальвина о *servo et libero arbitrio*¹ *, или так, как я в самом деле раз в жизни слушал прение об *opus operatum* и *opus operans* *.

Все это интересно, но, выслушавши, все же пойдешь к своим *делам*.

— К каким делам?

А хоть бы и к *освобождению крестьян с землею*. Разница наших воззрений на этот вопрос очень резко определилась. Я думаю, что он для нас важнее того, отделится ли Финляндия или Грузия от России или нет; скоро ли заменится толстый

---

¹ несвободном и свободном выборе (лат.).— *Ред.*

и глухой свод Николая тонким и узким сводом Наполеона. А вы только снисходительно говорите об нем: «Бесспорно это шаг вперед, но шаг *исключительно экономический*». Excusez du peu¹... Как будто экономический вопрос не есть главнейший, не есть существеннейший, единый спасающий: До сих пор люди всё толковали о фасаде, о гербах, о заборах и снях, о границах и церемониалах. Те, которые сказали миру: «Ты печешься о многом, едино же на потребу — *экономическое устройство*», те первые поняли, что полицистик готов, что пора жить и полно обстроиваться. Свести кровавые религиозные вопросы на человеческие и кровавые политические вопросы на экономические — в этом вся задача современности.

Вы на экономический вопрос смотрите, я уверен, как на подчиненный, материальный и несколько грубый. От этого освещение всех вопросов выходит у нас разное.

Я очень понимаю революционный романтизм, идеально-восторженное воззрение на судьбы народов, это воззрение Мацципи, Ворцеля, которых вы помянули в вашем письме; в нем бездна поэзии, напоминающей нам нашу юность.

Крут переход от него на американские верфи и доки, на наши мирские сходки, спорящие об условиях освобождения с землею... от величавой, монастырской обители — на рынок, от оратории — к торговому крику с песнями, кукольными комедиями, треском колес.

Вам жаль той жизни, вы бережете ваши своды, ваши огивы *, чернеющие от времени; мы, с киркой в руке и замаранные известью, хотим строить, порядком не зная еще что.

Эта разница будет нас преследовать во всем; в заключение приведу два примера.

Я сказал, что вопрос о границах весьма равнодушен для меня, и прибавил, что, впрочем, есть физиологический признак — *православие*, язык и крестьянский быт. Вы, мне кажется, поняли это так, что я даю какое-то преимущество православию над католицизмом. Упрекая меня, вы говорите, что вы «не папский миссионер, а я не Филарет, чтоб толковать о религии». Из этого я просто заключаю, что вы еще не свободны от рели-

---

¹ Только-то и всего (франц.).— *Ред.*

гии. Я не считаю ни католицизм «высшей степенью развития», ни православие; для меня эти вопросы сами по себе не существуют, так, как для меня не существует вопрос, действительно ли бог Апис был бог и бык. Но ведь тем не менее *православие* составляет отличительный признак, так, как ислаимзм или будаизм. И в настоящем вопросе признак этот получает особенную важность. Католицизм представляет религию именно отживающего мира, мира *воспоминаний*, а православие ничего не представляет; оно сделалось исключительной религией и начало гонения только при Николае. Ну, а вы сами знаете, что у этого Пинети все в руках превращалось в кнут.

Вы говорите, что все «русско-польское дворянство по Днепр католическое». Да ведь я не верю, чтоб дворянство выражало народность того края. Вы говорите, что это самая *образованная часть*, и прибавляете, что, если б не Екатерина II, они давно сделали бы из народа католиков или униатов. Какая же польза была бы от этого? Неужели Богемия, орудиями пытки вновь соединенная с папизмом *, дает завидный пример? Какими средствами дворяне обращали прежде — это мы знаем из украинских летописей и из истории Лелевеля; как бы они обращали в XVIII столетии — этого я и понять не могу. Или они делали бы это с верой — и тогда они были бы отсталые фанатики, или без веры — тогда из чего же беспокоиться?

Далее вы говорите, что если развязать вам, Украине, раскольникам узы и снять кандалы, все уйдут без оглядки восвоюи и царский острог опустеет. «Сзывайте нас после — не сзовете, да и незачем».

Может, и в самом деле было бы хорошо распасться, чтоб насильственный узел развязался, чтоб нам можно было, наконец, свободно говорить и обсуживать вопросы, и говорить откровенно, без всяких задних мыслей. Теперь полной откровенности мешает с вашей стороны справедливая вражда, с нашей — неловкое положение стоять со стороны силы, которой своеволие мы так же хотим сокрушить, как и вы, но которую вы все-таки будете нам попрекать, пока не выйдете из-под ее опеки.

«Россия никогда не освободит своих неправо захваченных частей», — говорите вы.

Да ведь это должны сделать *мы и сами освобождающиеся части*. Неужели вы можете себе представить какое бы то ни было правительство, которое вдруг скажет своим народам: «Распадемтесь! Я вами неправо владею, ступайте на все четыре стороны и не поминайте лихом!» Вопрос совсем не в том, как присоединены части государства, а в том, сохранили они самобытность или нет?

Все государства в мире составились очень незаконно и очень насильственно, так что если передать дела приращения Франции и Англии на разбор гражданской палате, то мы сведем их на какую-нибудь галльскую деревушку и на англосаксонскую рыбацью слободу.

В Лондоне во время Крымской войны продавали карту России, в которой ярко были обозначены все поземельные приращения ее со времен татарского ига. Ядро России, или настоящая *благоприобретенная* Русь, была обозначена около Москвы верст на сто, остальное все взято силой. «Помилуйте,— говорил я одному здешнему публицисту,— какого вы маху дали. и Москва также захвачена силой, настоящая Россия — это часть Новгородского и Белозерского уездов...»

Если мы будем раздроблять государства на основании незаконного роста их, один только и останется в своих границах Косьма Бессребреник, ничего не стяжавший,— это республика Сан-Марино.

Ионийские острова имеют право отойти от Англии, а Жерсей или Гернсей нет. Оттого что ионийцы хотят присоединиться к Греции, а те два острова ради, что не принадлежат Галльской Порте.

Я искренно, от всей души желаю не разрыв славянского мира, а его свободную федерализацию. Может, вы правы в вопросе времени, и если, для того чтоб перейти его и лучше понять друг друга, Польша, многострадательная, но верующая, *хочет и может* стать независимо, *пусть станет*. Ее независимость сблизит нас. Мы тогда будем говорить друг с другом, как братья, забывая былые раны и бедствия и глядя *вперед*, чтоб узнать, одна ли дорога нам в будущем или нет!

10 февраля 1859.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ¹

Милостивый государь,

спору собственно между нами нет, а есть огромные недоразумения, происходящие от разных начал, от которых мы идем. Спору же в нашем воззрении потому нет, что вы с своей стороны теоретически и в дальней перспективе согласны с возможностью славянской федерализации; а я высказывал не один, а десять раз мысль, что Польша имеет неотъемлемое право на государственное существование, *независимое от России*. Я всегда считал насильственное соединение России с Польшей огромнейшим несчастьем для обеих сторон.

Быть вместе скованными не значит быть соединенными. Немецко-татарский деспотизм петербургский не снял пределы, а упрочил вражду между двумя народами. Обида может быть забыта в прошедшем — но обида продолжающаяся должна развивать ненависть.

Тут мы совершенно согласны и идем только дальше вашего соотечественника, писавшего первые статьи (в 1858). Приняв одним из начальных шагов к будущему союзу *расторжение насильственных соединений*, мы тотчас признали полные права на независимость и самоуправление за *Украиной*. Мы первые высказали это, и вы могли видеть по письму из Украины («Кол.», л. 61)*, верно ли мы попали в народное чувство.

По-настоящему мы с самого начала могли бы для облегчения вычесть эквиваленты и не возвращаться на тот вопрос, который не только мы с вами решаем одинаковым образом, но все сочувствующее нам в России; по несчастью, у вас нет доверия, потому что вы все-таки нас считаете врагами и в каждом русском видите хоть немного Екатерины II и Николая I, иначе вам не пришлось бы в голову говорить о дипломатических увертках, даже о скрытом желании *каких-то русских либералов*, чтоб освобожденная Польша, испытав вновь неурядицу, была бы вынуждена прибегнуть под покровительство России (стр. 13 2-й статьи). Я сказал «каких-то либералов», уверен-

---

¹ Два последних письма писаны в ответ статьям: *Postępowania Myśli Rosyjska wobec Zadań Polskich*, напечатанным в «Przeglądzie Rzeczy Polskich» в декабрьской книжке за 1859 и январской за 1860.

ный по первой статье вашей, что вы меня настолько уважаете, что не можете предположить таких дипломатических *способностей* во мне; к тому же и самое слово «либерал» как-то мало идет ко мне — особенно с тех пор, как в России доктринеры и бюрократы, цензоры и генерал-адъютанты хвастаются своим либерализмом.

Но все это не прямо идет к делу, а потому перехожу к главному вопросу.

В последнее десятилетие две идеи всплыли на месте потонувшего корабля Февральской революции как *бледная* замена остановленному развитию *политической* революции в *социальную*. Эти две идеи, близкие друг к другу, состоят в признании народностей как самоправных личностей и в стремлении одноплеменных народов к политическому единству. Разобранные по народностям, государства соединятся поплеменно, это шаг вперед против искусственных военно-дипломатических соединений и насильственных раздроблений; шаг вперед к снятию политических и всяких внешних границ.

Потребность единства в Италии и Германии идет гораздо дальше федерализации. В Италии оно понятно, ей надобно взять с боя свою независимость, и вот почему есть что-то великое и трогательное в самоотвержении какой-нибудь маститой Флоренции, этой веси Данта и Бонарроти, Медичи и Макиавелли, склоняющей свою седую голову, украшенную тройным лавром, перед какими-то неизвестными жителями Альпийских подошв, *al pié del monte*¹, ломающими итальянский язык на провансальский манер.

Да и что Флоренция — самый Рим, город, бывший вечным до р. Хр., — Рим, который всемирным светским владыкой пошел в монахи и монахом тяготил над всем миром, с радостью хочет спясть папскую тиару и бросить ее в архив вместе с перстнями цезарей и топорами ликторов, для того чтоб принять владычество Каринианского дома *, который не только не происходит от Енея, но даже и не от Августа, но который представляет *единство Италии*.

Германия, этот несчастный Эдип между народами, преследуемый каким-то политическим проклятием и который ничем не

---

¹ предгорья (итал.). — *Ред.*

может дойти до политического значения после тридцатилетнего самоубийства и вестфальских похорон *; которому не помогает ни народное образование, ни науки, ни искусства,— Германия видит в расторжении свою слабость и стремится всеми силами к прусскому казарменно-доктринерскому единству только потому, что оно степенью выше австрийского, пропитанного ладаном, гниющего, порочного и живущего комфортами ¹.

И эти слития, отчасти обусловленные внешним гнетом, все же представляют очевидный прогресс. *C'est autant, de pris sur le diable* ². Каждая граница, которая падает, уменьшает линию военной карты, т. е. ручей человеческой крови; каждая снятая застава растворяет дверь международному обмену и сближению.

В виду романского и германского мира, собирающихся воедино, естественно, что неопределенная мысль славянской федерализации, родившаяся у западных славян, окрепла и стала глубже входить в сознание. Само собою разумеется, что мы говорили о *вольном* союзе равных; мы никогда не говорили ни о завоевании, ни о рабском присоединении к России, мы вообще не говорили ни о каком соединении с Россией, пока в ней будет *продолжаться* Петербургское правление. Вы повторили мое выражение «вольный дар соединения» и прибавили к этому, что какой же вольный выбор западным славянам, находящимся под чужеземным игом; а между тем упрекаете меня за то, что во время войны 1859 * я говорил, что если б русское правительство было на высоте своего призвания, то оно должно бы порвать гнилые связи трикраты проклятого «Священного союза» признанием независимой Польши и потом, соединившись с нею, раздавить Австрию, т. е. освободить западных славян. Правительство с *новой* неловкостью своей, отчасти понятной, потому что самодержавные формы его гораздо больше приспособлены к всякого рода притеснениям, чем к какому-нибудь освобождению, не сделало ничего, и это можно было ожидать; но я никак

---

¹ Я не могу согласиться с вами, чтоб современное состояние Германии представляло в самом деле федерализацию. Бессильная и безобразная франкфуртская диета, как пустое блюдо, только показывает, что тут могли бы быть яствы,— но их нет.

² Здесь: с паршивой овцы хоть шерсти клок (франц.).— *Ред.*

не ожидал, что вы меня упрекнете, говоря, что Польша должна быть восстановлена из чувства *справедливости и долга*, а не для того, чтоб Россия развязала руки. Такого ангельского самоотвержения я, конечно, не жду не только ни от одного правительства, но ни от одной революционной партии.

Французы приучили нас к цивически-риторическим фразам, которыми они успели уверить всю Европу, что они сражаются только за свободу всех скорбящих и страждущих. У них этот язык, как религиозные фразы у англичан, не имеет никакого отношения к делу, так, как учтивости в конце письма.

Мы, русские, действительно до того еще не цивилизованы, что мы не можем употреблять этого языка...

Говоря о будущей славянской федерализации, я совершенно согласен с вами, что этот вопрос нельзя разрешить сплеча и что в его решение входит весьма важным элементом *время*. Я не думаю, чтоб славянские народы сразу были готовы вступить в тот союз, о котором я говорил. Но если до него надобно дойти рядом разных независимых форм и отдельных сочетаний, я все же не вижу, отчего не иметь будущий союз в виду как идеал, как широкую, покойную гавань?

Вы полагаете, что лучше и естественнее было бы славянскому миру разделиться на две отдельные части, т. е. по одну сторону была бы Россия — «славяне, смешанные с чудью и туранскими племенами», по другую Польша и «старые славяне». Призвание и поприще деятельности одних — «огромные плоскости Азии до Тихого океана. Назначение других — отпор германскому владычеству и *завоевание Турции*»¹.

Скажу вам откровенно, что я мало имею против этого с субъективной точки зрения. России действительно главное дело дома и в Азии, и, как вы говорите, она для хранения своих границ не нуждается ни в каком союзе. России скорее надобно распустить части, чем притягивать их к средоточию, что мы и высказали, говоря об Украине. Но тем не меньше я полагаю, что вам легче будет доказать возможность совершенного государственного отчуждения Польши от *непольского* славянства и ее

---

¹ Мы и в этом с вами согласны, но я вас спрашиваю, что за шум поднялся бы, если б это сказал русский?

самобытное значение, чем возможность того союза, о котором вы говорите. Вы говорите, что мы мало знаем характер юной Польши и потому говорим о католицизме и шляхетстве. Мы охотно вам верим, что молодое поколение излечивается от этой застарелой подагры и от этой наследственной хирагры, и тем охотнее, что мы имеем перед глазами примеры. Но неужели вы будете отрицать, что *католицизм* и *аристократизм* не составляют двух очень живых элементов в настоящей Польше? Мелкое гонение русского правительства сделало чудо, оно превратило ретроградную религию в революционную оппозицию. Широко разветвленное дворянство польское составляло и составляет до сих пор, с своей стороны, всю деятельную прогрессивную часть народа. Масса, особенно сельская, осталась вне движения.

У западных славян эти элементы расположились иначе. Чешская аристократия состоит из немцев с славянскими фамилиями и из славян с немецкими, аристократия кроатская из мадьяр, патриархальные отношения сербских бояр к народу совсем иные, *Сечь* Черногорская, вооруженное пограничное казачество, исключает всякую тень шляхетства.

Часть их исповедует греческую веру, и тем упорнее, чем больше австрийское правительство теснит их церковь, отнимает книги, печатанные славянскими буквами, и делает все то, что делал Николай с католицизмом. Другой части католицизм выжгли огнем, врезали ножом, вбили палкой. Страна таборитов, родина Гуса и Иеронима Пражского, вряд имеет ли большую нежность к папе и его во Христе опричникам-иезуитам.

Я уже объяснял в третьем письме, что религиозный вопрос меня вовсе не интересует с своей религиозной стороны. Для меня религия экспонент, отличительный признак, физиологическое *pli*¹ народного духа, и потому нельзя ее забывать, не впадая в ошибку французской революционной алгебры, формулы которой оттого-то и не шли ни к одному народу, что равно годились Томбукту и Гренландии.

Сверх того, Польша держала себя довольно далеко от западных славян, она на них смотрела свысока и равнодушно. Вот отчего, при развитии идеи панславизма, западные славяне

---

¹ склад (франц.).— *Ред.*

обратились с своими симпатиями к России. Что русское правительство очень бесплодно и очень корыстно эксплуатировало эти симпатии — в этом нет сомнения. Но что в том обществе, которое ничего не имеет общего с правительством, они нашли самое горячее сочувствие — в этом еще меньше сомнения для очевидца...

Из этого никак не следует, чтоб западные славяне *необходимо* соединились с Россией; но соединятся ли они в противном случае федерально с одной Польшей — это несколько не решенный вопрос. Впрочем, у них есть все, что нужно — горы и моря, реки и границы, — чтоб составить свою дунайскую и карпатскую федерализацию; и если они этого хотят, пусть остаются независимыми.

Ближайшее будущее может быть таково; но разве мы не имеем права идти мыслью дальше завтрашнего дня — и тогда естественно представляется вопрос, зачем эти три славянские федерации или государства, вопреки стремлению других народностей, остаются посторонними, неужели так мало сродства в их крови, что они не ищут союза? Е. Жиарден недавно в своей брошюре предлагал союз целой Европы *, основанный на уничтожении постоянных войск и всех международных стеснений. Союз этот невозможен только по невежеству масс и по узким целям правительств. Народы идут к этому как-то ощупью и потому по колению то в солферинской, то в севастопольской крови * и делая два шага вперед да один в сторону.

Для меня важность будущего союза славянского имеет особенное значение; мне кажется, что оно ускользнуло от вашего внимания. Вы считаете меня за *политического либерала*, а эти либералы преальчные люди, они думают, что стяжательность — которая вообще называется пороком — в *патриоте* добродетель. Вы заставляете меня желать славянскую федерализацию с русской гегемонией для блеска России, для ее могущества, значения в Европе. Так как этого было бы достаточно для всякого патриота, вы не пошли дальше, но вы совершенно ошиблись, *я еще меньше патриот, чем либерал.*

Мне всего больнее, что вы несколько раз в вашей статье *касались*, как птица, срезающая воду, истинного взгляда; но вы сами слишком *политический* человек и слишком горячий

патриот, чтоб оставить отца и мать и следовать за истиной, особенно когда отечество страдает!

Итак, я скажу вам мою мысль не обинуясь. Я только для *нерусского* славянского мира от всей души желал братский союз с Россией, для того чтоб когда гроза, которую никакая мощь в мире не остановит, грянет, они не были бы взяты врасплох.

Это темно. Позвольте мне объясниться.

Человеческая мысль, человеческое развитие через два тысячелетия коснулось до одного из тех рубежей, которые раздвигают всемирную историю на опромные, законченные части, между ними ложатся, как между материками, океаны. От одного до другого все изменяется — цветы и звери, небо и почва.

Судорожная реакция, господствующая теперь в Европе, старые власти, пришедшие вновь в силу, яснее всего показывают, как страшно близка Европа к этой катастрофе. Реакция эта — тоска перед землетрясением, страх перед неизвестным, трепет перед шагом, за которым нет возврата. Так боялись некогда эмигранты, когда они бросались на песчаный берег и навзрыд плакали, прежде чем поставить ногу на колеблющуюся доску, которая должна была оторвать их от всего прошедшего и через пропасти, через бури перевести в *новый свет*.

С тех пор как языческий мир, истощенный величием, изживший все, что лежало в его эллино-римской идее, отрекся от всех благ и просил крещения в другую жизнь, ничего подобного не бывало!

Голос, испугавший тогда, опять слышится и опять говорит «брось все и иди за мной!» * И снова стоит в раздумье богатый Никодим и, против своего сердца, становится консерватором.

Жертва, которую требовало христианство от античного мира, была мала в сравнении с той, которая потребуется теперь; христианство за землю давало небо, за Олимп — Голгофу, за бессмысленный рок — сознательный промысел, за потерю временного богатства — вечную радость. У нового света, толкущегося в двери, нет неба, нет рая, в нем может выиграть только тот, кому нечего терять.

Еще полвека тому назад, в двадцатых и даже тридцатых годах, стол западной цивилизации ломился от богатства. Ста-

рик Гёте председательствовал за ним, Гегель окончивая свои лекции, трехцветная Франция, в костюме 1789 года, сажала на трон короля-гражданина и пела беранжеровские песни. Политическая экономия, хартия *теперь* правда *, абсолютная философия, развитие промышленности, вера в прогресс, любовь к человечеству, надежда на республику... казалось, западный мир поюнул было и рвался вперед; политики и доктринеры радовались — до каких-де просвещенных веков мы дожили.

Но все изменилось с удивительной быстротой. Старый гуляка, «*der alte Zecher*», бросил свой кубок в море, хартия оказалась ложью, философия не абсолютной, политическая экономия — экономической статистикой. Человечество, прогресс, республика, а потом и демократия — все эти последние цветы, изящные, прекрасные оканчивающегося лета — поблекли на старом стебле, который подломился и не мог им доставлять свежих соков.

Люди устроились так хорошо, знали так много, и вдруг оказывается, что они почти ничего не знают, что устройство их никуда не годно. Что же все эти усилия, открытия, труды, доктрины, борьба — все это было бредом? Нет — что есть прочного, то останется. Количество развалин не должно удивлять. Разве мы не видим, как вековое, огромное готическое здание церкви и теологии, поглотившее труд лучших умов, всю эрудицию в продолжение десяти веков и дошедшее до вечной прочности и до безусловных истин, которым верила вся Европа, — как оно рухнулось до самого основания... Так может рухнуть новое здание политико-доктринерское западной *second hand*¹ цивилизации.

Собственно в этом беды нет, это общая судьба муравейников, они с трудом, с усилием *строятся, строятся*, потом проваливаются и служат материалом чему-нибудь другому. Это общий тип всех возникновений и смертей в природе. Но образованному миру это странно, оно оскорбляет его самолюбие. А самолюбие китайца оскорбляет сомнение, что небесная империя не есть самая образованная в мире.

Но, тороплюсь я прибавить, в самом в западном мире роди-

---

¹ другой стороны (англ.). — *Ред.*

лось святое сомнение, и оттого он не может заживо сделаться фарфоровой куклой, как Китай, ему мешает не недостаток сомнений, а привычка к своему богатству, ему мешает *удивление* — и это очень попятно. Вчера он знал незыблемые основы свободного государства — сегодня ему говорят, что они чрезвычайно зыбки; вчера он верил в уголовное, в гражданское право — сегодня он видит, что то и другое нелепо; и это отрицание принятого идет во всех сферах от самых отвлеченных теорий до очага и кухни; самый мир событий как нарочно спутал все понятия: где либеральная Франция? где прогрессивная Пруссия? В Северо-Американских Штатах перехватывают письма и журналы, секут граждан на площадях и продают с аукциона *вольных* негров. А подо всем под этим Медузин вопль «хлеба или свинец!». Крик этот ужасен, это «начало конца», как говорят французы. Мир, основанный на римском праве собственности и на германском праве личности, может бросить голодному хлеба, но признать его *право на хлеб* не может; зато он ему дает гражданскую свободу, а за это голодный дарит ее Наполеону.

Данииловское слово *, в котором заключается жизнь и смерть, вы, вероятно, назвали — это *социализм* во всех его оттенках, лежащий теперь под землей; но не в могиле, а на вспаханном поле.

Под этим словом разумеют тысячу вещей; какое дело, из каких лоскутков шито знамя, лишь бы было известно, что и кто собирается около него. А потому, как бы ни понимали развития и приложения, под словом социализма все разумеют такое же отрицание современного государственного быта, как христианство было отрицанием быта греко-римского.

Простите меня за это отступление, оно было необходимо, и я сейчас возвращусь к моему предмету.

Россия не только плохой славянский мир «с примесью чудских и туранских элементов», но в противоположность аристократическим, мещанским, городским государствам — бедное *мужицье* государство; у нас ничего нет, мы *les gueux*¹ мира сего, ничего, кроме стремлений, кроме веры в себя. Даже близость и родство «с чудскими и тураническими племенами» по-

---

¹ нищие (франц.). — Ред.

служили для нас к смиренному признанию за равных — жида и чухонца, татарина и калмыка; разве мы не одинаким образом служим кариатидой, поддерживающей Зимний дворец, с чего нам на них смотреть с высоты западной цивилизации?

Как вы думаете, не легче ли такому народу оттолкнуть дощаник от старого берега?

Вы можете сказать — оттолкнуться не трудно, но что он привезет на ту сторону? Это вопрос первой важности.

Вы русского народа не знаете, я вас в этом не виню. Давно ли мы, горсть людей, страдавших за его рабство, давно ли мы стали узнавать его? Мы жили чужой жизнью, мы его понимали чужой мыслию, а по большей части совсем ничего не понимали дома и не заботились об этом, а усвоили себе кое-что чужого.

Мы стали приходить к народному самопознанию в мрачные времена Николая. Под его железным кулаком наша мысль стала отрезвляться, он добил нас, как квартальный, не пускающий вперед, до мужиков; оскорбленные во всем человеческом, иностранцы дома, мы, чувствуя присутствие силы в мышцах, должны были сосредоточить внутри мозга и груди всю работу — и мысль наша сделалась дерзка и неустрашима. Мы уже ненавидели все петербургское, когда *fiasco* Европы, после 1848, довершило воспитание; мы на нее взглянули с той же беспощадностью. И тогда только поняли вполне, что за безобразное государство Российская империя и что за счастье, что оно такое *безобразное государство!*

Не думайте, чтоб это была игра слов.

Я сейчас объясню вам мою мысль. *Россия не дошла еще* до такого гражданского русла, которое бы ей соответствовало, в котором было бы достаточно простору для обнаруживания всех или большего числа внутренних сил своих, т. е. она не дошла до такой органической формы государственной, как, например, Англия или Швейцария. У России и в прошедшем никогда не было такого быта, разве при киевском прорезывании зубов. Эта неспетость, уродливое *кое-как* учреждений, вместе с праздностью сил и дурным употреблением их избытка или ленивым усыплением их, доказывает *незрелость* русского народа. Долгая незрелость не всегда право на зрелость, и потому надобно определить, что такое русский государственный быт, — есть ли это

смирительный дом для юродивого старика или воспитательный приют для отроческого возраста. Мы не верим ни призванию народов, ни их предопределению, мы думаем, что судьбы народов и государств могут по дороге меняться, как судьба всякого человека, но мы вправе, основываясь на настоящих элементах, по теории вероятностей делать заключения о будущем.

Я сказал ¹, что русская история до Петра представляет государственную эмбриогению темного, бессознательного пластицизма, оседания, роста, идущего до встречи с монголами. Естественный рост прерывается, и вместе с тем идея государства становится сознательною в московском единстве, стягивающем части для отпора. Но свергая иго ордынцев, Москва многое переняла у них. Царь московский какой-то византийский хан. Тяжкое, неповоротливое московское правительство могло набить дубовый обруч, сдерживающий части, пока сыщется железный, но не больше; оно имело поползновения выйти из оцепенения, но члены подгибались под тучным телом. Так шло до петровского переворота. Отбрасывая, насколько возможно было, все славянское, все византийское, Петр I сохранил татарский кнут и нагайку; ими он загонял оторванный от народа слой к западному образованию. Огромные средства бюрократического и военного устройства, взятые из Германии, соединенные с восточным отрицанием всех прав человеческой личности, дали в руки правительству чудовищную, неслыханную силу на создание и разрушение. Петр I — самый полный тип эпохи, им призванной к жизни, гений-палач, для которого *государство* было все, а человек ничего; он начал нашу *каторжную работу* истории, продолжающуюся полтора века и достигнувшую колоссальных результатов.

Безобразнейшее правительство в мире, иностранное по духу, сплотило из дряблого московского государства кованую империю от Балтики до Тихого океана, империю *чисто русскую*, гораздо больше русскую, чем правительство.

Императорская диктатура с Екатерины II стремится сделать консервативным самодержавием и не может. Ее постоянно преследует какое-то беспокойство, какое-то желание перемен,

---

¹ «Du développement des idées révolutionnaires en Russie».

оно чувствует, что у него под руками огромные формы без содержания, что оно не нашло истинного *слова*, на котором бы оно легло опочить, как некогда Бурбоны и Габсбургский дом. И вот почему рядом за заплесневшим от застоя австрийским правительством Петербург постоянно ломает, передвигает и сам мешаает покою. Покой в России только внизу, только в крестьянской Руси.

Ни ее молчаливая страдательность, ни барабанный бой и скрип перьев, треск и шум правительства не могли удовлетворять.

И вот мало-помалу развивалась третья сила, которой у вас совсем не знают,— наша оппозиционная литература.

Русская литература была в последнее время постоянно или пошлая или оппозиционная, рабская лесть или беспощадная критика, ни на чем не останавливающаяся.

Не ошибитесь, я слово *оппозиционное* употребил не в том смысле, в котором его употребляли во Франции, когда там еще была оппозиция. Совсем нет.

Французская оппозиция, во время Реставрации и Людовика-Филиппа, стояла на пьедестале; сильная сочувствием всего образованного, еще больше сильная собственным сознанием своего нравственного превосходства над правительством, она себя считала наследником и продолжителем великого народа, великого предания, 1789—94, великой армии, Вольтера, Республики и Аустерлица.

Оппозиционная мысль, которая стала пробиваться в русской литературе, скорее была похожа на угрызение совести; недовольство собою было на первом плане. Ей, в сущности, казалось, что не вся вина на правительстве, а что доля ее, и притом большая, лежит на нашей жизни,— она бросилась на ее разбор.

Здоровые, лесные зерна, попавшиеся не на родную почву, а на тощие, наносные пески, прибитые волнами Балтийского моря и засыпавшие наш чернозем, вырастили горькие и едкие плоды.

Мыслящие люди, отошедшие в сторону, чтоб сколько-нибудь прийти в себя, понять хаотический острог русской жизни, разобщенные с народом, не нашли никого правого и сказали **это**.

Никогда вы, связанные иначе с вашим отечеством, никогда французы не дойдут до того горького сомнения в себе, до того безжалостного суда над собой, до которого дошла русская литература при Николае.

Подумайте, как росла русская мысль, чем убаюкивалась, что помнила, что видела, и вы поймете, откуда идет этот характер. Она складывалась в виду Алексеевского равелина, возле которого пировал с своими клеветами пьяный отец через *несколько часов* после того, как задушил измученного пытками сына,— из которого она *не могла* сделать мученика, так он был слаб и пошел *; в виду Ропши, в которой развратная жена отравила мужа *,— *и не могла* не согласиться, что от него надобно было отделаться; в виду Михайловского дворца, где сын велел казнить бешеного отца *,— *и не могла* не благословить его решения.

Какое воспитание!

Но оно не оканчивается этим. Оно продолжается в виду пяти виселиц, на которых бездарный актер, сыгравший «эпилог и нравоучение» к Петровскому периоду, повесил пять благороднейших представителей юной, мужавшей мысли русской гражданственности, и в виду троек, мчавшихся на каторгу мимо народа, которому до них не было дела и который пахал да пахал на барщине, подстегиваемый розгой, и, наконец, в виду общества, т. е. братьев, сестер, отцов... повешенных и сосланных, плясавших до упаду на праздниках коронации, прежде чем тела одних испортились, а других — довели до Сибири.

Восстала Варшава, и целая армия поляков дралась, одушевленная благородным порывом, и, побежденная, покрыла себя славою, в то время как русская армия стыдилась мрачных побед своих. Потом все затихло; мы стали привыкать к ненависти всей Европы, мы оправдывали ее, мы понимали, что она заслужена. Вряд понятны ли вам те чувства, о которых я говорю. Ваша родина вынесла страшные несчастья с светлой ореолой на мученическом челе; побежденные, вы гордо смотрели в глаза всему свету и очень хорошо знали, что, кроме подлецов, все вам сочувствуют. Представьте себе то чувство, с которым иногда в аудитории Московского университета мы слушали рассказы ваших соотечественников и видели затаенный упрек, а иногда

и хуже — снисходительное сожаление, и — молчали, как дети какого-нибудь злодея, стыдясь имени своего отца. Я был рад, что в Перми и в Вятке я мог, встречаясь с поляками, сказать, что и я ссыльный, как будто ссылка разминала круговую поруку с тем, который нас сослал. Но поляков мы уважали, мы сознавали перед ними свою вину, — бывало хуже: каждый француз-сиделец, каждый немец, «у которого в Швабии свой король есть»¹, и тот смотрел на пас как на ненавистное орудие рабства всей Европы, и нам нечего было отвечать, мы сами так думали!

Оставалось сломиться, нравственно изнемочь и, как Чаадаев в знаменитом своем письме, проклясть прошедшее, настоящее и будущее России и быть — спасая в себе человека — человеком без родины.

Казалось бы — так, а на деле вышло иное. В этот двенадцатый час, середь тягости, дошедшей до последней степени тиранства, в то время когда Печерины, Гагарины, Голицыны бежали в католицизм, чтоб не задохнуться, мы еще раз взглянули внутрь своей души и перестали верить — во что вы думаете?.. в прочность наших цепей. Из глубины сердца нашего вырвался крик отрицания существующего порядка, крик протеста. В нас на этой последней степени унижения, что-то заговорило: «Это неправда, мы этого не заслужили, потому что мы нравственно свободны и крепки мыслью!»

Итак, вместо того чтоб сломиться, мы перешли *внутренно* кризис; это далеко не все, однако ж многое просвечивается в будущем.

«Volo videre quomodo aedificabis?»² — говорил один мой знакомый доктор Прудону, поставившему эпиграфом к своим «Противуречиям» — «Destruam et aedificabo»³. Вы вправе мне сделать этот вопрос.

Но позвольте мне коснуться до него в следующем письме.

10 марта 1860.

---

¹ Гоголь*.

² «Хотел бы я посмотреть, как ты воздвигнешь?» (лат.).— *Ред.*

³ «Разрушу и воздвигну» (лат.).— *Ред.*

Милостивый государь,

материал, собранный Петровской эпохой, огромен. Средства, которыми Петербург их накопил и берег, не имеют прямого влияния на их будущее употребление. Имения, данные Екатериной II Орлову Чесменскому за убийство Петра III, были отданы его дочерью монахам и монастырям.

Общую атмосферу, обстановку, в которой мы развиваемся, вы превосходно характеризовали; вот ваши слова:

«В сущности, русский не виноват, что, от шленок привыкнув к чрезвычайным и обширным размерам и целям, он и в мечтах своих невольно стремится за наружным величием. В самом деле, все вокруг его гигантское — пространство, народонаселение, однообразие даже в языке, неслыханный деспотизм и скрытое его бессилие, жестокое невольничество и страшное упрямство, варварский мрак и дикая дерзость замыслов, притязаний и надежд! Оттого вся мысль его обращена к обширным видам, к наружной колоссальности и он невольно в полетах думы своей теряется в этой колоссальности. Так, например, его будущая Россия должна быть демократической и социальной, если же федеративной — то в таких размерах, которых свет не видал и перед которыми он бы содрогнулся от страха. Воспитанный в виду гигантского мира, при свежих силах воображения, с умом еще невозмужалым, он развивает всякую мысль в громадные размеры, не предчувствуя другого *внутреннего величия*. Это младенческий восторг, а не мужеская обдуманность».

Согласитесь, что родиться с таким небосклоном — дело не шуточное; я не знаю, что вы разумеете под словом «внутреннее величие», но замечу вам, что желание, чтоб «будущая Россия была демократической и социальной», может, и подтверждает «дикую дерзость замыслов, притязаний и надежд», но, конечно, не может быть названо «внешним». Что касается до самой «дерзости замыслов, притязаний и надежд» — это своего рода огромная сила, нисколько не похожая на квиетическое себябоготворение восточных народов, думающих, что они достигли высшего состояния, а, напротив, источник движения вперед. Те только достигают великого, которые имеют в виду еще боль-

шее и инстинктивно верят в возможность его. Вы знаете поговорку: «Man will, was man kann, man kann, was man will»¹. Смелость замыслов и обширность видов идет *юному возрасту*, а ведь он обыкновенно лежит между «младенческим восторгом и мужеской обдуманностью».

Сверх колоссального горизонта и неустановившейся атмосферы, вы забыли еще один элемент, дающий огромную свободу мысли, именно нашу привычку, тоже от «самых пеленок», вовсе не думать о политической независимости, о государственной самобытности; мы не доказываем нашу народность, мы не боимся за нее, nous ne la faisons pas valoir²; она такой незыблемый, неопровергаемый, очевидный факт, что мы забываем ее, как дыхание, как биение сердца.

У нас эта государственная самоуверенность развита так, как у англичан и французов; это необычайно помогает в внутренней работе, в счастье и в горе. Не имей англичанин ее, он не достиг бы своих свободных учреждений; не имей ее француз, он сложился бы под игом рабства.

Но я тороплюсь сказать, что тем и окончивается сходство. У старых западных народов предание так же живо, как современность, они владеют майоратами, данными с условием сохранной передачи. У них столько же *отечества* в прошедшем, как в настоящем, у англичан, может, больше. Совсем напротив, мы так же *независимы во времени*, как в пространстве. У нас нет связующих воспоминаний, обязывающих наследств. Мы забыли наше давнопрошедшее и стараемся отпихнуться от вчерашнего; наша история впереди.

Мы все родились на наносной почве и только об петербургской, полуиностранной эпохе слышали от наших отцов и дедов. Одна сельская Русь продолжала не московскую историю, а старую бытовую, общинную жизнь. До московского управления ей дела не было, она же еще до Петра распалась с ним расколами. Связь с Москвой была исключительно основана на том чувстве государственного единства и независимости, о котором

---

¹ «Чего ты хочешь, то можешь; можешь то, чего хочешь» (нем.).— *Ред.*

² мы не стараемся ее подчеркнуть (франц.).— *Ред.*

мы сказали. Эта связь отдельных частей с земской целостью осталась и в петербургскую эпоху; 1812 соответствует 1612 году.

Московская Русь, казненная в виде стрельцов, запертая в монастырь с Евдокией, задушенная в виде царевича Алексея, исключилась бесследно, и натянутый, старческий ропот кн. Щербатова (который мы передали гласности) * замолк без всякого отзыва.

Имей Москва такое живое, соответствующее духу народному значение, как Речь Посполитая польскому народу, неужели бы Петр I — бритвой, топором и переездом в финское болото — снял ее, как мозоль?

Как ни бились Кромвель и Конвент, но прошедшего, вросшего в сердце, кровно связанного с настоящим, не одолели.

Новгород, Псков надобно было подавить, сослать на поселенье, испугать кровью и пожаром, чтоб довести до народного забвения. В Украине — ни польская шляхта, ни Петр I, ни Екатерина II не зашибли памяти. А московский период рассеялся как тень и тихо перешел в какое-то книжное воспоминание — и то не у народа, а у ученых и духовенства.

Из этого нисколько не следует, что народ сочувствовал Петровской реформе или принял ее потом; он в ней видел какое-то чужое насилие, правительство в народе видело государственную барщину. Петровская Русь с самого начала является с своим дуализмом. Это две России, из которых одна не народ, а только правительство; а другая народ, но вытолкнутый вне закона и отданный в работу. Государство окончивалось на канцеляристе, прапорщике и недоросле из дворян; по другую сторону были уже не люди, а материал, ревизские души, продажные, купленные, всемиловитейше пожалованные, приписанные к фабрикам, экономические, податные — но не признанные человеческими.

И эта *табель о рангах*, опираясь на несчастные жертвы рекрутских наборов, осужденные на двадцатипятилетний голод и палки, и наполняя возы бумаги безграмотной канцелярской болтовней и ябедой, произвела чудеса, заселила целые страны, колонизировала Сибирь, просочилась до Тихого океана, до Персии, до Швеции. Она подходила к Берлину, переходила Балканы — устроиваясь внутри в каком-то хаосе серальных перо-

воротов, крови и разврата, и притом без всякого сочувствия в отрезанном и подавленном народе. Не доказывает ли это чрезвычайную пластическую силу?

Да зато какой ценой все это куплено?

Это правда, бесчеловечно тяжел был путь русского развития, в этом нет сомнения, дорого заплатил народ за беспечный сон в селах и деревнях! Татарское варварство и немецкая цивилизация чудовищно наказали его. Татары с тех пор усмирились и тихо продают красные сапоги в Казани; немцы сильны еще, тем больше что большая часть из них русские, но и их иго идет быстро к концу; а циклопические работы и выведенные фундаменты остаются. Поверьте, что о жертвах, павших при этих постройках, о поколениях, безотрадно умерших на тяжелой работе, мы не меньше скорбим, чем кто-либо. Но, желая выйти из этих мрачных путей, мы стараемся понять их смысл, для того чтоб отыскать выход, для того чтоб воспользоваться выработанным кровавыми слезами и благословением прядущих поколений загладить прошедшие страдания.

Осудив оптом зверские пути Петровского периода, отрекаясь от них, мы отказываемся от процесса этапных офицеров, тем больше что они перемерли на дороге; и точно так же отказываемся от ретроспективной филантропии — она опоздала.

Может, Турнер и верно представил в своей картине Ватерлооской битвы на первом плане какой-то в ужас приводящий ворох трупов, раненых, плачущих женщин — но смысла битвы нет; и известный Наполеон со слезою на глазах, и бледный, мраморный Веллингтон в шинели, не спускающий глаз с отступающих французов, объясняют во сто раз больше, что тут было. А что и то было, что Турнер нарисовал, в этом нет сомнения; да это было во всякой резне от битв Нимврода до Солферино. Податная Русь страдала много, конечно, не меньше крепостной Польши; всего хуже, что она и теперь страдает, но одной чувствительностью не поможем. Врач, призванный к больному, смотрит, сколько сил, что цело и что повреждено; и если он расспрашивает, как больной дошел до настоящего положения и чем были больны его отец и мать, то совсем не с тем, чтоб читать ему мораль; болезнь такая красноречивая мораль, что если и она не поможет, то что сделают фразы?

Те народы пусть отвечают за свое прошедшее, которых пуповина с историей не разрезана, которые горды своим прошедшим. Мы, напротив, только разрываясь с ним, идем вперед. Мы скорее похожи на двуутробку, бегущую с обнищалою поля, унося с собой свое будущее поколение, чем на верблюда, несущего через степи кивот с старым заветом.

То, что было с московским периодом, то будет неминуемо с петербургским. И так, как реформа Петра убила московский порядок, так предстоящая реформа убьет петербургский. Первая *органическая*, народная мысль, которая пробилась в этих снеговых вершинах, носит в себе зародыш *освобождения от немецкого ига*.

До сих пор все шло иначе.

Работа петербургская была чисто внешняя, алчная, все захватывавшая, все жавшая. И если петербургское правительство дивило дерзкой отвагой объемов, то все его создания представляли какие-то огромные, пустые формы без содержания, чего-то ждущие и покаместь наполненные всякой казарменной рухлядью и канцелярской дрянью, которые так мало шли к жизни, что они постоянно уродовали ее, а она постоянно искажала их, прорывала, расширяла трещины, ускользала.

К чему копились силы, что выжимал Петербург своим самодержавным прессом из шестой части земного шара, зачем расширял он пределы, зачем ковал народы в цепи? На это он так мало мог бы вам отвечать, как какой-нибудь кит, на что он поглощал тысячи рыб в день, для того чтоб вырастить свое тело, — его голод и органическая пластика того требовали.

Наконец петербургский период дошел до своего предела, стукнулся об Запад и увидел, что ему его не сломить; внутри он заправился до такой нелепости, что стал, по немецкому выражению, как вол у горы, ему некуда было больше идти в его ботфортах — и очень хорошо: он все сделал, что мог, оценил огромную арену, приготовил эстраду, учредив в ней полицейский порядок. Когда его здание было готово не только стоять, но и рухнуть, ему пришлось сложить руки; тут уже дело актеров, а не капельдинеров. Вышел Александр II и объявил, что российскими императорскими чиновниками, с помощью благородного российского дворянства будет на Петровском

театре представлена новая пьеса «Освобождение крестьян с землею».

Это requiem петербургской эпохи, в котором главное solo поет сам царь.

Еще ничего не сделано, только спектакль возведен, а Россия вся переменялась... Вы, верно, слышали гул внутреннего содрогания силы в котле парохода, когда колесо-еще стоит, пар вырывается, сжатый, опасный, белый, в небольшую трубку и пароход, стоя на одном месте, уже повинуется по одному качанию волн, а своему сдержанному пульсу.

Вот что мы слышим теперь, вот что можете слышать вы, только для этого надобно не только прислушаться и прекратить частные разговоры, но бросить западный стетоскоп.

Слово «освобождение крестьян» раздалось как труба на заре. Крестьянин, раскольник, чиновник-либерал и чиновник-чиновник, образованный дворянин и дворянин секущий — все это проснулось от тяжелого сна в каком-то нервном раздражении и бросилось укладываться и собираться в путь. Берут меры, боясь какой-то грозящей невзгоды; правительство чувствует себя слабее... у всех сделалось больше крови в жилах, у него одного меньше; а между тем колодки не изменились.

Вдруг все открыли, точно какую-нибудь новость, удивительную нелепость и чрезвычайный беспорядок петербургского государственного устройства. Ни законов, ни суда, ни охраняющих форм, ни честности, ни в самом деле повиновения — ничего; словом, открыли то, что давным-давно говорил статс-секретарь Лонгинов: «Истинное самодержавие — само держится и черт знает на чем!»

Ни одной ясной, последовательно проведенной идеи, юридической, административной, нет во всей России от Зимнего дворца до сибирских поселений, от Святейшего синода до преходнейшего земского суда. Нелепость в одну сторону приводится к некоторому равновесию — нелепостью в другую.

Крепостное право, например, никогда не утвержденное законом в той силе, в которой оно существует, вовсе не укрепило, а спутало понятие о собственности. Как себя помещик ни уверял в правомерности иметь крепостных и как правительство ни усердно секло с ним мужиков в доказательство, что они соб-

ственность, на дне души оставалось сомнение, почти угрызение совести, которое мало-помалу перенеслось и на понятие земельной собственности,— и в то же время обратным путем крестьянин дошел до того, что он барский, а земля его.

Иностранцы, пораженные этим неустройством, и даже многие из русских смотрят с ужасом на него, не думая о том, что если бы петербургское управление могло быть возведено в порядок и принято народом, то мы бы погибли. Человек, схваченный врасплох за горло, отдает разбойнику свой кошелек, но нравственно он от него свободен; а несчастный, который кошелек отдает папе за индульгенцию, раб в душе, хотя папа и не держит его за горло.

Каждый русский должен благословить, что временные смирительные учреждения петербургского самовластья вызвали только одни пелопейские безобразия, а не стараться *как-нибудь* привести его в *порядок* на основаниях немецкой бюрократии. Наше неустройство — это великий протест народный, это наша magna charta¹, наш вексель на будущее. Не надобно ошибаться в его характере, это не распадение на части ветхого тела, а беспокойное ломанье живого организма, отделяющегося от посторонних пут; не гнилое брожение, а брожение около бьющегося зародыша.

Да где же он?

Конечно, не в Правительствующем сенате и не в Главном штабе, не в министерствах и их канцеляриях... все эти пустые стойла петербургской конюшни разве только ему послужили яслями...

Говорить еще раз о том, что такое *право на землю и общинное устройство* русской деревни, я не стану; я так недавно сделал опыт объяснить, насколько понимаю, эти вопросы (58 и 59 л. «Колокола»), что не имею почти ничего прибавить*.

Напомню вам только сказанное в прошлом письме об ином отношении нашем к Западу; *мы ближе и дальше* от него, чем прежде. Утомленная долгой борьбой за личную свободу, Европа, снова скованная, выбиваясь из сил, села на камень возле границы, к которой с другой стороны и нас пригнали с цепями на руках и ногах. Это наш первый этап; но уж не прежней запад-

¹ великая хартия (лат.).— *Ред.*

ной дороге, если нас раскуют, мы не пойдём — пример перед глазами.

Не величайшее ли счастье, что мы так поздно сблизились? Весьма может быть, что при иной встрече с западной цивилизацией, когда она сама была полна веры в себя, энергии и сил, мы продолжали бы внутри петровскую работу и, вероятно, разбили бы неказистые крестьянские ларцы, единственное наследие наше, для того чтоб сделаться чем-нибудь вроде плохой Пруссии.

Едва ли не придется нам также благословить «чудские и туранские» элементы, попризадержавшие наше «старославянское» развитие, как мы благословляем теперь петербургское неустройство. Может, без них мы имели бы в истории несколько страниц более блестящих, мы вспоминали бы, может, вместо дани, платимой Золотой орде, какое-нибудь спасение à la Jean Sobieski Венской орды *; вероятно, католицизм и римское право прикрепили бы и нас к кораблю, который теперь тонет и все свое тащит с собой в пропасть; общинное владение, мир — все это было бы разрушено панами, как в Польше, и *дикое право каждого на землю* заменилось бы образованным, но *невозможным — правом на работу*.

Случилось иначе — и теперь позвольте вам сделать вопрос: верите вы или нет, что казненный социализм «умер и похоронен»? Мне все кажется, что ему забыли перебить голени и что он, также как-нибудь «предваривши утро», сбросит с себя саван и пойдет бродить по ученикам. Кажется мне это оттого, что социализм — *необходимое последствие*; пока существуют посылки, — а они так глубоко вросли в современную жизнь или выросли из такой глубины ее, что их с корнем вырвать нельзя, — социализм будет ставиться их живым силлогизмом, по крайней мере до тех пор, пока мозг будет действовать пормально.

Силлогизм этот, последний логический вывод западного сознания, является у нас как естественная непосредственность. Мы общинный быт, право на землю пашли, как наши руки, т. е. они были тут, когда мы пришли в себя и в первый раз подумали об них. Так дикое, но резкое начало личных прав лежало в непосредственности доисторической природы германских племен.

Петр I задержал своим хлороформом народную жизнь на время императорских операций и перевязок, но он не разрушил ее элементов не только в податной Руси, но и в неподатной. По мере того как гений русский выходил из оцепенения и развивался наукой, он догнал теоретическую мысль Запада; но, догнавши, он разошелся с его практическим приложением, потому что был последователен, он в своей народной совести не находил тех граней и препятствий, о которые спотыкалась Европа. Бесправный раб помещика не мечтал об освобождении без земли, бесправный раб царя перестал восхищаться феодально-буржуазным представительством¹. Дерзость замыслов наша дошла, например, до того, что правительство, дворянство и народ, споря о выкупе и переходном времени, толкуя о количестве земли и ее оценке, согласны в одном — что без земли нельзя освободить русского мужика, признавая таким образом безусловно его право на землю.

Подумайте теперь о результате, когда эта шестая доля земного шара, со всеми своими «туранскими и чудскими» примесями, с социальными инстинктами, освобожденная от немецких колодок и лишённая воспоминаний и наследства, перекликнется с пролетарием-работником и с пролетарием-батраком на Западе и они поймут, что собственно у них дело одно!

Кто может предвидеть все столкновения и все борьбы, которые вызовутся в те дни. Но что они будут страшны — в этом нет сомнения. Перед борьбой нам хотелось, чтоб славяне подали друг другу руку на братский союз, — не для помощи России, уж она-то *faga da se*², не для составления с ней чудовищной импе-

---

¹ Есть в России каста отупевших от школьной политики педантов и доктринеров, которая с комическим *suffisance* «самодовольством» репетировала идеи пилевской реформы и либерализма времен Казимира Перье. Тяжелая ученость, схоластические занятия вывели их слабые способности; а совершенное безучастие к живой жизни не вызвало их сойти с кафедры на рынок. Испуганные дикими, неустроенными элементами русского развития, они попадают то во французскую болезнь — централизации, то в английскую — буржуазного *self-government*'а «самоуправления». Но это ничего не значит — люди эти и с целым мозгом не сделали бы ничего, — а скорее только доказывают крепость народного духа, который не переваривается «немецкими, гладенькими» умками!

² справится сама (итал.).— *Ред.*

рии,— мы ничего не знаем нелепее этих китообразных государств, которым двигаться тяжело от роста,— а для того, чтоб они не остались по ту сторону, по сторону *прошедшего*, или не сделались бы кровавым театром страшной борьбы.

Но, может, Польша действительно больше принадлежит к старозападному миру и хочет рыцарски делить его последние судьбы, лить за него кровь, как герой Понятовский, и увидеть, как сам Понятовский,— в песни Беранже *,— как Запад руки не подаст тонущему за него? Да будет ее святая воля!

Мы требовали одного и теперь требуем, чтоб, разрываясь с Россией, она глубже узнала, что за всходы прозябают, прикрытые в ней солдатской шинелью и императорской мантией...

Позвольте мне этим заключить письмо мое.

25 марта 1860.

ЕЩЕ РАЗ КОРНЕЛЕВСКОЕ «QU'IL MOURÛT!» *

Новороссийский Строгонов, сильный лаконическими словами, говорят, прославил себя вновь после своего спартанского: «Одесса шумит, я сделаю из нее Саратов!»

Из Бессарабии пришла к графу Строгонову депутация колонистов с жалобой па страшные притеснения земской полиции.

Все их справедливые рассказы о противузаконных действиях полиции наследник римских доблестей и пермских рудников * выслушал, не проронив ни одного слова; все просьбы их о защите не вызвали ни единого слова, граф молчал.

Тщетно ожидая ответа, колонисты вышли из себя, и один из них воскликнул:

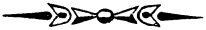
— Что же, ваше сиятельство! Скажите, что нам делать? Они, пожалуй, и вешать нас начнут! Что же нам тогда делать, наконец?

— *Висеть!* — отвечал Строгонов и проследовал во внутренние апартаменты.

< О БИОГРАФИИ ПАНИНА >

Мы получили превосходную биографию графа В. Н. Панина. Ее мы напечатаем особо *; житие такого замечательного и длинного лица не должно пропасть для истории!

ОПЯТЬ ОБЪЯСНЕНИЕ

Мы получили письмо, в котором сильно нападают на нас за некоторые выражения, употребленные в «Письме к редактору» в 25 листе «Колокола» *. Наши корреспонденты вправе делать замечания, мы должны выслушивать их, но пусть же они будут так добры и выслушивают нас.

Во-первых, с чего взяли, что выписанная фраза — «о топере» * — писана мною? Я думаю, есть значительная разница между помещением корреспонденции и собственной статьей. Знаем мы старую манеру издателей писать к себе, но уверяем честным словом, что мы ни к каким подобным шалостям никогда не прибегаем. Если корреспондент наш взглянет на подстрочное замечание при «Письме к редактору», он убедится, что не я его писал или что я Барнум П *.

Во-вторых, я согласен, что некоторые выражения в упомянутом письме слишком резки и страстны, мне тут трудно говорить, я недавно получил (как читатели наши знают) такой бесстрастный выговор и такое родительское поучение за то же самое, что считаю себя плохим судьей. Скажу только, что источник негодования у автора так благороден и понятен, что я сочувствую ему.

Мы слишком легко пугаемся свободного слова, мы не привыкли к нему. Посмотрите, что печатают об Англии, о ее правительстве в Ирландии или еще ближе — в Reynold's Newspaper, прочтите речи Брейта, когда он говорит о парах *. Фамусов давно заткнул бы уши и закричал бы: «Под суд! под суд!» *. А Англия молчит и слушает.

Свобода книгопечатания — какие бы мелкие неудобства она ни имела — величайшая хартия *. Правительство, находящееся

под надзором гласности и не имеющее средства подавить ее, больше озирается, чем человек, находящийся под надзором полиции.

Но для того чтоб свобода *слова* была делом искренним и возможным, надобно, чтоб ее поддерживала свобода *слуха*, и если нам следует поучиться у англичан, как говорить без цензуры, то наши читатели не рассердятся на нас, если мы им посоветуем у них же поучиться науке *свободно слушать* ¹.

---

¹ Что мне сказать о другом письме, полученном мною и в котором меня, совсем напротив, осыпают упреками за умеренность, сентиментальность, уступки, суетное самолюбие. Уважая сколько-нибудь человека, нельзя писать к нему в таких выражениях; если же эти господа не уважают меня, зачем они пишут? Может, они хотят обличить меня в глазах людей сочувствующих — зачем же в таком случае они это мне пишут? Обо мне печатались уже разные мерзости, но никто не требовал, чтоб я их сам печатал. Если же вся цель была месть за то, что я отказывался печатать все без разбора, и если писавшие хотели принести мне неприятную минуту — они успели. Мне было больно (пусть они меня еще раз обвинят в сентиментальности) читать такие строки из нашего стана; совесть моя говорит, что я их не заслужил.

〈РАДЗИВИЛЛ И ЕГО ПОМЕСТЬЯ〉

Мы получили письмо, в котором нас просят дать гласность следующему курьезному факту, в котором не знаем, чему больше удивляться — самодержавному понятию о семейных добродетелях, о патриотических обязанностях или о праве собственности, этой «незыблемой» опоры власти, которой она так хвастает.

Известный князь Л. Радзивилл, женатый на княжне Урусовой * и ездивший в Турцию после венгерской войны с патриотическим поручением склонить султана на выдачу польских изгнанников Николаю * (вероятно, в подражание тому, как Николай отдал па убой венгерских военнопленных австрийцам), владеет — как нам рассказывает письмо — своими литовскими землями на преоригинальном основании.

Поместья Радзивиллов в Литве были обременены долгами, заложены, перезаложены в продолжение двух веков. Земли эти, фактически перешедшие в третьи, четвертые руки, были в добрую минуту Николая *возвращены* Радзивиллу. Предлогом к тому исполнители царского коммунизма взяли небольшую часть майората, находившегося во владении кредиторов. Это было в 1834 году. Помещиков, давным-давно поселившихся и спокойно владевших, прогнали с их дворянами и скотом, обещая им на прощание четвертую часть дохода обратить в уплату долгов. В продолжение 24 лет кредиторы не получили ни копейки, т. е. половина их с семьями пошла по миру. Зато Радзивилл продал часть имения — кому вы думаете? Одному из великих князей.

Кому жаловаться, у кого просить суда — до государя просьба не дойдет.

Горчаков -- из ума выжил.

Муханов — выжил из сердца.

ГЕНЕРАЛЫ ОТ ЦЕНСУРЫ И ВИКТОР ГЮГ НА БАТАРЕЕ САЛЬВАНДИ

Генерал-адъютант *Ржевуский* (имя зловещее в польской истории) и генерал-редактор «Северной пчелы» *Н. И. Греч* начинают плач двух Рогнед на гробе николаевской цензуры. Соотечественник Костюшки и верный слуга Николая не мог удержатъ своего патриотического негодования, видя, что страдания русского солдата, этого мученика, обкрадываемого генералами, комиссариатом, полковником, ротным командиром, вахмистром, фельдфебелем, битого всеми штаб- и обер-офицерами, выходят на белый свет из-за стен казармы и возбуждают участие к этим невинным, осужденным почти на пожизненную каторжную работу.

Ржевуский восстал против этой болтовни; он думает, что это касается до *гонора*, разрушает уважение к священному сану генералов... Так повествует нам «Аугсбургская газета». Уж эти ренегаты — Муравьевы, которые вешают; Ростовцевы, которые имеют энтузиазм и вес; Ржевуские, которые хотят заглушить усердием к царю крик голода изнуренного солдата и прикрыть виноградным листом верноподданнического *гонора* избитую спину его! В самом деле, Голицын в «Печатной правде» дельно заметил, что в этой звериной пещере «не сдобровать бушке барану» *.

Отчего же все военные, которых мы видали, прекраснейшие, исполненные силы и энергии молодые люди, проросшие на свет, несмотря на то, что они служили лестницей, по которой восходил Иаков, несмотря на кадетскую стрижку мыслей под гребенку, — все они совсем не обижаются, что воров называют

ворами, они сами говорят с омерзением об этих злоупотреблениях. Они даже не обиделись бы, если б, например, Лидерса отдали вместо очищения минеральной водой — очищению судом и промыли бы ему не только желудок, но и совесть. Они не обиделись бы, если б над *пятым* союзником, ограбившим не только Керчь, а всю армию в Крыму — Затлером, велели произвести в самом деле суд вместо маневров, представляющих суд*.

Отчего же это наш ясновельможный Ржевуский так расходился за *гонор...* и с чего Греч, выросший на голландской саже, имеет такую же ржевускую ненависть к свободному слову? Мы думаем, это врожденное отвращение. Нам недавно попалась «Северная пчела» от 27 октября прошлòго года, там Греч поместил свою задушевную *profession de foi*¹, приправивши ее разными доносами, напшиговавши намеками. В статье этой он рассказывает, как он двадцать лет тому назад «на неприятельской батарее» защищал русскую цензуру и оплакивал вред свободной речи. Причем Греч сказал «напрямки», что «только тот литератор достоин уважения, который возвышает достоинство человека». Вы видите, что, если Греч пойдет резать правду, его не остановишь, и он *напрямки*, стоя на батарее, скажет, что дважды два четыре.

Опасности большой не было; эта легкая батарея, на которой наш артиллерист защищал николаевскую цензуру, была просто *batterie de cuisine*² Сальванди.

Один из присутствовавших, *прислушивавшийся* к разговору, сказал Гречу: «Я совершенно с вами согласен». Этот неизвестный господин оказался ужасно известным поэтом и раторборцем свободы книгопечатания — В. Гюго, *ni plus, ni moins*³; вследствие такого согласия «мы с ним познакомились и, могу сказать, *подружились*».

С чем же был согласен Гюго? — Ведь не с пошлой же мыслию, что нравственность лучше безнравственности; он был согласен, стало, с пользой цензуры *à la russe*⁴ и на этом *подружился* с Н. И. Гречем.

---

¹ исповедание веры (франц.).— *Ред.*

² батареей кастрюль (франц.).— *Ред.*

³ ни больше, ни меньше (франц.).— *Ред.*

⁴ на русский лад (франц.).— *Ред.*

Каков у нас Николай Иванович! Уездные барышни, проливавшие столько слез над его грамматикой *, которую они принимали за черную женщину, помирились с Гречем. Ah que c'est intéressant, ma Nastinka, M'sieur Gretch c'est un ami de V. Hugo... Mais c'est charmant! ¹ Ах как бы я хотела видеть В. Гюго — у него такой большой лоб! — Maman, il faut nécessairement podpisatsa à la «Pтчéла» ².

Не торопитесь, барышня! Если Николай Иванович имеет *летучие* воспоминания о словах В. Гюго, то мы имеем *остающиеся* письма того же В. Гюго, который обедал на батарее у Сальванди и подружился с Гречем, сойдясь в сочувствии к русской цензуре. Лучше уж подпишитесь на «Колокол».

Прикажете образчик? Вот вам и образчик:

Говиль-гоув, остров Гервсей, 17 января 1859.

...Кто прочел хоть одну страницу моих сочинений, тот не осмелится сказать, чтоб я когда-нибудь становился за цензуру. Всегда, даже во время моей роялистской юности, я был безграничным противником цензуры, в какой бы форме она ни являлась. А потому наш друг Герцен имеет полное право сказать, что все это неправда. Помнится, я этого Греча раза два видел у себя, и если не ошибаюсь, его привозил маркиз де Кюстин ³.

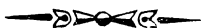
В. Гюго.

Н. Полевой (и да не возмутит это воспоминание греческой дружбы Ксенофонта с Булгариным) * давно заметил, что Фаддей Венедиктович, рассказывая геройские события своей юности, очень ловко подбирает понятых и свидетелей. «Покойный император Наполеон, например, подъезжая ко мне с покойными маршалами Неем и Даву, остановил свою белую лошадь (которая, вероятно, тоже почилa от земного галопа)»... Ну что б Гречу сослаться на покойного Казимира Перье или Людвиг-Филиппа — и концы бы в воду.

¹ Ах как это интересно, Настенька, мосье Греч — друг В. Гюго... Но это очаровательно! (искаж. франц.).— *Ред.*

² Матушка, необходимо подписаться на «Пчелу» (искаж. франц.).— *Ред.*

³ Хорошо, что Николай-то богу душу отдал, а то в самом деле «приведал бы Греч».

ОТВЕТ РУССКОЙ ДАМЕ

Милостивая государыня,

вы мне писали с доброй целью, я этому верю, я это вижу из некоторых мест вашего письма. Напрасно вы извиняетесь в конце его и избавляете меня от ответа, думая, что я не буду и не могу отвечать искренно. Совсем напротив, я сам хочу вам отвечать, и притом очень откровенно. Я вообще не скрытен, а тут и нет причины.

В вашем письме, признаюсь вам, в самом начале, два замечания странно подействовали на меня, потому ли, что оба несколько не заслужены мною, или потому, что оба касаются до предметов очень дорогих мне.

Вы говорите, что я *все* браню в России,— полно, все ли? Вы, мне кажется, думаете, что я имею какой-то зуб на Россию, что я полон нелюбви ко всему русскому. Уверять в противном я не стану, а скажу только, что вся моя жизнь, все мои слова, все, что я делал и делаю,— лучшее возражение на ваше замечание. Вы были предупреждены, читая «Полярную звезду».

А потому, что вы были предупреждены, вы увидали какой-то холодный, чуть не саркастический смысл в строках, писанных трепетной рукой, в строках, писанных с бьющимся сердцем, где я говорил «о тяжелых венцах, которыми венчали ямщиков, и о дыячке, подававшем дрожащей рукой ковш единения». Я вас не понимаю; сделайте одолжение, перечитайте это место¹.

Мне хотелось в самом начале покончить эти личные вопросы. Теперь позвольте мне обратиться к главному предмету вашего письма.

---

¹ «Полярная звезда», III книжка, стр. 134—135*.

Цель его — обращение меня в христианскую религию.

Вы видите во мне что-то «неспокойное», какую-то разорванность, подозреваете какую-то тайну, чуть ли не угрызение совести, и хотите меня спасти или, лучше, не самого меня, а мою душу. Вы предполагаете, что я хочу успокоиться во что бы ни стало, и, жалея меня, вы подаете мне потир * с опиумом.

Но вы ошибаетесь в моем духовном настроении. Тайн у меня нет. В прошедшем меня посетили страшные несчастия, но угрызений совести они не оставили. От этого не легче; есть случаи, в которых угрызения совести примиряют с несчастиями, вводя какой-то мстительный разум в противное бессмыслие, в хаотическую нелепость случайностей.

Но при всем этом где же вы видели во всем писанном мною эту усталую потребность *одного* покоя, в котором терзающие меня диссонансы разрешились бы не *в самом деле*, а в моем слухе...

Я не ищу страданий и не бегу от них.

Но представьте, что вы были бы правы, что, измученный, обессиленный, усталый, я жаждал бы успокоения и веры... Неужели вы думаете, что стоит захотеть — и поверишь?

Я уже не раз повторял ответ Байрона даме, которая ему писала в Грецию письмо в том же роде, как вы написали ко мне в Лондон. Байрон оценил ее участие и, отвечая ей с грустной кротостью, спросил ее: «С чего же начать, чтоб *поверить*, когда не веришь, как это сделать?» * Ведь это в самом деле задача невозможная!

Вера — страсть; но и любовь к истине — страсть; вера требует жертв, и любовь к истине требует жертв, и притом вера берет займы с лихвою, а любовь к истине без всякого вознаграждения, так она самодеянна и сильна. На которую из двух дорог попадет человек, выбор почти не зависит от него.

Вы знаете, что внутренняя жизнь наша определяется вовсе не по обдуманной программе; в раннем отрочестве, иногда в ребячестве инстинкт, окружающая среда без преднамерения, без полного сознания, без участия воли с той и другой стороны дают направление. Когда молодой человек впервые приостанавливается в раздумье и начинает разбор себя — его мысли уже подтасованы, движение по известному направлению уже дано.

Остальное зависит от силы логики, от силы характера, от последовательности. Большею частью умственная жизнь у людей так поверхностна и их интересы в ней так несерьезны, что из них можно равно сделать мистиков и материалистов, и даже то и другое вместе; у одних будет немного мистицизма в их материализме, а у других небольшая толика материализма в их мистицизме. Но если для человека мысль и сознание не шутка, если истина в самом деле составляет для него существенную потребность, если он дал в своей груди место ее труду, если он развил в себе тоску, боль по ней — тогда ему будет трудно отказать от самобытного разума, от независимого анализа в пользу какого бы то ни было авторитета, мысль его будет в тиши подтачивать на веру взятое, взвешивать слова и класть пальцы во все раны, хотя от этого и сделается в сто раз больше.

Многие (и вы в том числе) думают, что это гордость мешает варить. Но отчего гордость не мешает учиться? Что может быть смиреннее работы мыслителя, наблюдающего природу? Он исчезает как личность и делается одним страдательным сосудом для обличения, для приведения к сознанию какого-нибудь закона. Он знает, как он далек от полного ведения, и говорит это. Сознание о том, чего мы не знаем, своего рода начало премудрости.

До сих пор религиозное воззрение безнаказанно злоупотребляло словами, не отдавая себе отчета, — по привычке, традиции и монополии, которой религия пользуется.

Перед высокомерным уничижением верующего не только гордость труженика науки ничего не значит, но гордость царей и полководцев теряется и исчезает. Да и как же ему не гордиться — он знает безусловную, несомненную истину о боге и о мире; он знает не только этот, но и тот свет... он смиренен, даже застенчив от избытка богатства, от уверенности.

Посмотрите, как беспощадно, строго вы у меня отнимаете право речи, которое мне дала природа, как гордо и резко вы меня спрашиваете, кто мне поручил проповедовать? где мое помазание? То, что я сам себе это поручил, в ваших глазах ничего не значит — что такое я? Помазание любви, помазание труда, — все это не спасает меня, я самозванец и должен

замолчать. С другой стороны, какое спокойствие, какая уверенность в вас самих! В вашем помазании *вы не сомневаетесь*, вы уверены, что бог вам поручил меня спасти; вам легко, потому что вы действуете с ним заодно. Не думайте, что я хочу этими строками сделать вам личный упрек, — нисколько. Это странное сочетание неестественной гордости с неестественным смирением принадлежит вообще христианскому воззрению. Оттого-то и папа римский, «царь царей», всегда называет себя *рабом рабов*.

Вы говорите, что «я мог бы многое сделать для России, если б любил ее *бескорыстно*». Какая же корысть у меня? Видеть развитие России, участвовать в нем как один из сотен тысяч, видеть ее освобождение, освобождение крестьян — неужели это корысть? Неужели вы не шутя говорите, что я «живу для одной славы». Помилуйте, ведь я не шестнадцатилетний студент, не Карл Мор, не маркиз Поза. В наш век волокитство за славою вообще миновало и милый Камиль Демулен с милыми жирондистами и грозным Дантоном, говорившими о славе на ступенях эшафота, были последние люди, которые *не смешно* о ней говорили.

В наш век люди скорее живут для власти, для денег, чем для славы.

Если б я только хотел шуму, неужели вы думаете, что я бы не нашел дела в Англии, во Франции, в Америке, наконец, в Швейцарии, которая так дружески усыновила меня? Или, может, я ищу власти в России? Нечего сказать, хорош путь выбрал я в первые страницы адрес-календаря? Не денег ли?.. Этого уж никто не думает.

Так *из чего же* я хлопочу?

Религиозному воззрению любовь к истине, к делу, потребность обнаруживания себя, потребность борьбы с ложью и неправдой, словом, деятельность *бескорыстная*, непонятна. Религиозный человек свечки грошовой даром богу не поставит, это ему всё векселя на будущую болезнь, на будущий урожай, наконец, на будущую жизнь. Я не смею находить *бескорыстной* молитву, потому что мне придется, чтоб спасти ее от своекорыстия, признаться, что то, чего она просит, не в самом деле или невозможно, — а вы за это рассердитесь на меня.

Вы говорите мне: «Напрасно вы заботитесь о России, она могучая; здоровая, *сама справится*». Что такое *сама*? Да разве вы, я, все проснувшиеся, все говорящие, все недовольные, западники, славянофилы... не принадлежат к этой самости, не составляют ее сводной личности? Разве она не нами развивается, разве мы не ею развиты? Не с неба же свалились мои мысли, мое направление. Я «забочусь о России» потому, что *не могу* не заботиться об ней, потому, что, утром просыпаясь и ночью засыпая, невольно думается о России, потому, что каждая весть оттуда заставляет биться сердце — двойным негодованием или двойной радостью. Что же удивительного, что я «забочусь о России»? Ведь, может, и я, как Россия, «сам справлюсь», а вы заботитесь однако о спасении моей души, и я в этом нахожу очень человеческое чувство и душевно вас благодарю.

Перехожу к последнему. Вы говорите, что я браню все на Западе, царей и народы, браню все в России — без различия *сана и лет*, и спрашиваете, да где же мой рецепт на спасение людское... вы говорите, что я только сею раздражительное неудовольствие и сомнение, что я только развиваю жажду, не поднося питья.

Что касается до «сана и лет» — это мы отложим в сторону; лета только тогда достойны уважения, когда они служат доказательством не только крепости мышц и пищеварения, но и человечески прожитой жизни; и кто же не склоняется перед старцем Гумбольдтом, кто не склонялся перед старцем Оуэном, — бывали и на Руси старцы, которых все уважали, как Н. С. Мордвинов; у нас и теперь есть наши *старцы* Сибири, наши *старцы* каторжной работы, и мы перед ними стоим с непокрытой головой. Но уважать эти седые пиявки, сосущие русскую кровь, этих николаевских писцов, ординарцев, оттого что они живут до ардовых лет, оттого что их и смерть не берет и они, пользуясь этим, сделались какими-то мозолями, мешающими ступить России шаг вперед? Нет, они не заслуживают даже снисхождения.

Если взять табель о рангах и прочность желудка за меру уважения, где же мы поставим границы ему? Эдак мы пройдем через пять лет до уважения Дубельта, а через пятнадцать до Иакова Энтузиаста *. Тут вы меня извините, я не только не

могу вам уступить главных вроде Панина, но даже их подмастерий вроде Закревского. Да вот скажите кстати сами, что же вы — уважаете его за его сан и за его без малого сто лет?..

Итак, вы говорите, что я *только* вношу сомнение в сердца молодого поколения и пробуждаю в нем жажду. Это *только* само по себе кое-что. Человек сомневающийся будет беспокоен, станет искать выхода из сомнения; человек, у которого жажда возбуждена, пойдет отыскивать утоление ее. После нравственной косности прошлого тридцатилетия, после старческого маразма, внесенного в самую юность искаженным воспитанием, всякое возбуждение к жизни, всякий голос, бросающий вопрос, разрушающий рассеянное равнодушие, останавливающий молодого человека между университетским дипломом и дипломом на чин титулярного советника, между кадетским корпусом и полком и зовущий на раздумье, — спасительный голос.

Тех решений, о которых вы говорите, я не могу дать, я их не имею, я сам их ищу, я не учитель, я попутчик. Мы вместе доискиваемся, оттого, может быть, у нас есть сочувствие. Я не берусь им говорить, *что надобно*, но, кажется, довольно верно указываю, *чего не надобно*.

Вы хотите от меня доктрины. Вы правы. Доктрина действительно стоит между церковью и свободным мышлением вроде расстриженного монаха, не привыкшего еще к светскому платью. Того разлада, той неудовлетворительности, которую вы находите во мне, конечно нет у доктринеров, как вообще нет у религиозных людей. Доктрина — религия, из которой бог выехал, а церковная утварь осталась; от этого она вам знакомее, в ней еще ладаном пахнет. Церковь заменяется государством, монастырь — присутственным местом, чины небесные — служебными чинами, поглощение лица в боге — поглощением его в государстве; священники стали квартальными, и централизацией исправляется должность Иеговы. Народ по-прежнему остается паствой, пастухи-бюрократы знают, куда пасут его, псы верные от кавалерии и инфантерии им помогают, чтобы глупое стадо не заплуталось, — такой доктрины, определенной, ограниченной, умеренной и воздержной, у меня так же нет, как веры.

Но если я не имею доктрины, не нишу заповедей где-нибудь на горе, ни приказов где-нибудь в канцелярии,— неужели же я не могу кричать о рабстве и передней всякий раз, как увижу галун, на какой бы ливрее он ни был, с пчелами или орлами *, на академической мантии или па генерал-адъютантском мундире... Неужели я не могу проповедовать освобождение мысли и совести от всего хлама, пе проведенного сквозь очистительный огонь сознания, звать на борьбу со всеми остающимися узами на независимости мышления, со всем ограничивающим самозаконность личности, этой высшей, действительной цели церкви и государства? Неужели я не имею права покачать диалектическими мышцами все эти почтенные идолы, пугающие слабых, во имя логической свободы, во имя беспрепятственного мышления, разбирающего все, посягающего на все... Или неужели вы не дадите права русскому сделать гласным биение сердца, слезы, надежды и сомнения... во всем касающемся до русского народа в современных вопросах наших, который может меня упрекнуть во всем, кроме недостатка сочувствия и любви.

И к тому же зачем меня лишать права речи? Если мои слова без мистического верования, без школьной доктрины будут пусты, будут нелепы, их прочтут, забудут и наконец совсем не будут читать. Зачем же отнимать у человека такое естественное право, как участие речью в современном деле своей родины? Довольно в России всяких ценсур, всяких стеснений, всяких монополий, научимтесь выносить свободу!

В заключение моего письма я попрошу вас не сомневаться ни на одну минуту, что, несмотря на различие наших воззрений, я вполне ценю и теплоту душевную, с которой вы писали, и ваше доброе, человеческое желание свести мир в мою душу, и потому искренно и откровенно благодарю вас.

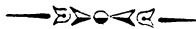
10 февраля 1859.

〈СМОТР ПАРОХОДА «КОЛХИДА»〉

Рассказывают о странном великокняжеском смотре в Тулоне парохода «Колхида» *, принадлежащего Черноморской компании, где будто бы капитан и капитан-лейтенант получили крутые выговоры за какие-то выпушки, а экипаж за штаны и пояса. Обществу парохода обещано «наклеить нос»... Стыдимся, краснеем, а уж особенно когда приходится слушать это от англичан и французов!

ПОСТЕЛЬНАЯ БАРЩИНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

С содроганием и отвращением передаем отрывок из письма, полученного нами на днях. Пусть исследуют это дело,— мы почти желаем, чтоб доказали, что оно не справедливо.

Орловской губернии, в Кромском или Орловском уезде есть имение, некогда принадлежавшее отцу Грановского, потом проданное и перепроданное. Оно нынче принадлежит доктору *Гутцейт*. Продолжая гнусную традицию русского барства, он завел у себя в именье *сераль*. Одну девушку, воспротивившуюся ему, он несколько раз сек, и потом послал в часть с просьбой наказать ее и с пятью рублями. Частный пристав, увидевши на теле несчастной рубцы, не стал ее наказывать, а послал ее по начальству с объяснительной бумагой, при которой приложил и пять рублей. Губернатор *Сафонович* имел с *Гутцейтом* объяснение, и девушку сослали на поселение.

Не больше как три месяца спустя совершенно было новое преступление *Гутцейтом*. Раз священник Георгиевской церкви не находит в алтаре просфир, приготовленных накануне для служения. Он подивился, но не сказал ничего. Другой раз, третий раз... то же самое! Тут он созвал после обедни прихожан и объявил им об исчезании просфир. Обыскали

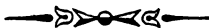
церковь и в печке нашли 12-летнюю девочку, которая со слезами объявила, что она скрывается от своего барина, доктора *Гутцейта*, который ее изнасиловал и за отказ продолжать любодейство сек ее беспощадно, а барыня ревновала и с своей стороны секла, да еще на колени на целый день ставила на битые горшечные черепки. Этого мало: в доказательство своего презрения к малолетству девочки, *М-те Гутцейт* (урожденная Глебова) приказала девочку спеленать и *собственноручно кормила ее соской...*

Девочку освидетельствовали. Нашли ее растленной и истерзанной. Городовой врач, честный молодой человек, *де Милорди*, рассказывал об этом с ужасом. Началось следствие. Де Милорди перешел куда-то в другой город... Надо, говорят, сделать повальный обыск, спросить у соседей-помещиков о поведении Гутцейта. Зубов, производящий теперь следствие о Стаховиче, сочинил вопросы: «Что, мол, вы знаете *доказательного* о поведении Гутцейта?» Разумеется, «доказательного» никто ничего не знал... по-человечески ответить побоялись; вышло, что никто ничего не знает. Дело передано на рассмотрение предводителей и депутатов... По *неимению доказательства Гутцейта оправдали...* Об этом было писано в Лондон. Но либо не дошло, либо поместить усомнились за безграмотство.

Само собою разумеется, что мы не получали прежде, это было бы преступление не обличить такое сцепление разврата, мошеннического покровительства и супружеской нежности.

Лист этот снова отправляем в пакете государю и министру внутренних дел, следовало бы послать министру юстиции, но место это упразднено Паниным.

А тут советую иметь холодную кровь, спокойное дыхание амфибий, серафимское терпение Симеона Столпника и кротко ждать, чем разродят плантаторские комитеты, в то время как наших сестер и дочерей розгами будут подгонять под господ... «Это уж, кажется, что-то неприлично?» — Да вы взгляните на вашу аркадскую жизнь, на ваши пастушечьи нравы,— взгляните на соседей и убедитесь, что об вас нельзя говорить прилично. Все вы виноваты, аристократы розог, Дон-Жуаны девичьей, благородное дворянство росейское... зачем вы якшаетесь с этими людьми кровавого разврата? Мы не забыли, как по подобному делу в Симбирской губернии несколько человек хотели изгнать из залы дворянского собрания помещика *Путилова*, уличенного в изнасиловании несовершеннолетней девушки,— но не осужденного никаким судом, и только 13 голосов оказались в пользу изгнания, *все* остальные были за преступника.

〈ПРЕДИСЛОВИЕ К «ИСТОРИЧЕСКОМУ СБОРНИКУ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ЛОНДОНЕ»

Книжка первая. London, 1859〉

Вольная русская типография в Лондоне будет время от времени издавать небольшими книжками «Исторический сборник» * разных документов и статей, актов и писем, *невозможных* для печатания в России, несмотря на улучшение цензуры понятыми от каждого министерства *, ценсурными комитетами общественного спасения *, рядом нелепых циркуляров отсталых министров, тупых ректоров и николаевских воспоминаний.

«Сборник» наш будет ограничиваться прошлым веком и нынешним, предоставляя допетровскую Русь ее истинным собственникам — славянофилам и их ученым соперникам. К тому же в воспоминаниях о Руси Киевской и Московской коса самого цензора *Елагина* не нашла бы ни травинки *.

В *первой книжке* читатели найдут документы, принадлежащие к четырем последним царствованиям. Из времени Павла I помещен единственный интересный эпизод его царствования — рассказ о его смерти, написанный современником *.

Екатерининская эпоха в этой книжке является заступивши одной ногой в гроб; письмо императрицы к Салтыкову важно потому, что бросает свет на семейную жизнь императорской фамилии. Екатерина с отвращением пишет о *бесчестном* и развратном поведении Константина Павловича. «Шведы, — говорит она, — без соблазна, содрогания и омерзения не могли видеть, что он делал». Длинная, чопорная и скучная предика Марии Феодоровны тому же Дон-Жуану Зимнего дворца подтверждает мнение Екатерины.

Александровская и николаевская эпоха, совсем напротив, отражаются в *первой* книжке «Сборника» во всей своей противоположности и притом чрезвычайно характеристично.

Александр был мечтатель и скептик, он желал много доброго, но не имел ни сил, ни людей. Людям он не верил. Смолоду окруженный перезрелой и растреленной екатерининской сералью, управлявшей государством, постоянно в соприкосновении с людьми, «которых он не хотел бы иметь лакеями», как он писал к графу Кочубею *, — откуда ему было взять эту веру.

Штейнгель ¹ рассказывает в своем письме, как Энгельгардт однажды, видя восхищение Александра войском, заметил ему, что теперь «пора бы приняться за устройство гражданской части». Государь взял его за руку и, *пожав* крепко, со слезами на глазах сказал: «Я это очень чувствую, но ты видишь — кем я возьмусь».

Утомившись от поражений, уставши от побед и чувствуя, «что нечем взять», Александр поступил так, как вообще у нас поступают непрактические помещики. Побился, побился с крестьянами да и свалил бремя на управляющего: секи, мол, да собирай оброк, а я буду Штилишгову «Победную трубу» читать. По несчастию, судьба подвернула нашему помещику желчного гатчинского каштенармуса. Аракчеев продолжал павловскую традицию и предупредил Николая как его предтеча. Он доказал старую истину, что добрые желания царей, если они не переводят их в добрые *законы*, ничего не значат. Но при всем этом Александр был только *отрицательно* дурен. Его сердцу, его пониманию верили, мощный поток середины екатерининского царствования еще влек события и людей в своем направлении, раскаты грома Французской революции, недавно прервавшие барский сон, еще бродили в умах. Ответом на эту возбужденность мысли и на внутренне доброе желание Александра являются несколько человек и, между прочим, величавый старец, муж редкой правоты и высокой честности. Голос этого римского сенатора, так странно попавшегося в сенат на Исаакиевской площади, раздается во всех важных делах... то обращаясь к царю, то к его советникам, то к жалкому сенату.

---

* См. письмо Штейнгеля к Николаю, справиться стр. 111*.

Мужественная речь Мордвинова, его тяжелые, взятые с латинского обороты поражают сходством с государственными мудрецами древнего мира, и в то же время так и чувствуешь, что его нам недостает именно теперь. Когда он говорит: «Минута, в которую осмеливаюсь призывать В. и в. обратить все внимание на пользу Вашего народа, коего Вы отец, есть, может быть, последняя для предупреждения ужасного, но неизбежного бедствия, грозящего отечеству как в лице повелителя его, так равно и последнему подданному. Уже не время, государь, предпочитать непредвидение, скрывающее от нас представляющиеся несчастья, — той мудрости, которая ищет их предупредить, не время закрывать завесою будущее и быть довольным тем, что на мигнуту останавливаем совершение нашей судьбы; обратите взоры Ваши па то, что происходит во внутренности Ваших владений, в столицах Ваших, даже около собственной Вашей особы, горестными опытами удостоверитесь, что одна измена может скрывать бездну, зияющую пред Вами, и что только соединенные усилия мудрости и осторожности, любви к отечеству и усердия могут исторгнуть Россию из бездны, в которую надменность, невежество, заговоры и вообще развращение нравов ее повергли» *.

Или:

«При вступлении В. и в. на престол блистательная будущность представлялась в глазах нации; торжественное обещание управлять по духу и сердцу августейшей Вашей бабки обратили на Вас всех взоры, исполненные надеждами, и соделали Вас предметом всеобщей любви.

И кто мог без восторга взирать на юного монарха, врага роскоши и суетного тщеславия, начинающего тем, что отдал себя первого под караул священных законов, возобновляющего и умножающего древние преимущества сената, подтверждающего права дворянства, окружающего себя исполнителями, которые приобрели общее уважение, идущего надежными шагами и с такими опорами по пути, который ведет к истинному величию! Уничтожение тайной экспедиции, намерение преобразовать гражданское уложение, беспристрастие в выборе правителей губерний, подтверждение терпимости в вере, строгая экономия во всех излишних издержках, неограниченная

щедлость во всем том, что истинно полезно, прибавка жалованья офицерам, раздача призов защитникам отечества, построение городов, портов и каналов, улучшение всех человеколюбивых заведений, одобрение наук, торговли, промыслов, искусств, великодушный покров всем утесненным, прибегающим к Вашему правосудию. Вот, государь! права Ваши, коими Вы снискали любовь подданных в первые годы Вашего царствования...» И после этих слов он заключает: «...Государь, вот ужасное изображение критического нашего положения, государство достигло почти до верху возможного несчастья, но средства к исправлению всего еще в Ваших руках — сблизьтесь с Вашим народом!»¹

Александр умер. На Исаакиевской площади стояло каре, охраняя зарождавшуюся будущность России. Все носящее эполеты было на площади с той или другой стороны; один желтый, исхудалый старичишка, трепещущий от ужаса и замаранный свежей кровью засеченных Клейнмихелем и Жеребцовым, прятался потерянный в зале Государственного совета; этот подлый трус был — Аракчеев. «На него жаль² было смотреть: ни одна душа не останавливалась промолвить с ним слово», — говорит статс-секретарь Марченко. — «Увидав меня, Аракчеев спросил: „Что, батюшка, есть ли утешительные вести?“ Я ему сказал, что число строптивых увеличивается и пр. Аракчеев с ужасом отошел от меня, услышав в первый раз о ране, нанесенной Милорадовичу — о которой знал весь город».

Наконец Николай Павлович, по словам Корфа, победителем взшел на лестницу Дворца, и императрица встретила его за *нового человека* *. Он сел прочно на свой трон и еще прочнее посадил в казематы своих врагов.

Из этих-то каземат один из колодников пишет ему письмо *. *Письмо барона Штейнгеля* — очень замечательно как анахронизм. Штейнгель вообразил, что такого человека, как

---

¹ В мнениях Мордвинова и в письме Штейнгеля много описок. Мы сильно просим, чтобы особы, имеющие доброе намерение посылать нам списки, были бы вполне добры и сверяли бы их. Мы были в необходимости *исключить* несколько мест, совершенно лишенных смысла.

Ред. <Примеч. ред. сборника>.

² Стр. 70, 71 *.

Николай, можно *урезонить*, можно навести на уступки, на доброту сердца, хоть на пониманье. Письмо это, подписанное 12 января 1826 года, явным образом принадлежит *александровской* эпохе и оттого так не идет по адресу.

Государственная литература николаевская сложилась не скоро, для растления мысли, языка целого поколения потребно было много времени, много ссылок, много Клейнмихелей. Точный исход этой литературы можно считать с речи самого Николая, произнесенной в Варшаве, это в своем роде оконченное произведение. Начать с того, что людям, которые не могут отвечать, сказать, что они *лгут*, и кончить тем, что пригрозить уничтожением целого города, если они начнут говорить *, — это *chef-d'œuvre*, напоминающий другие возрасты человечества: Батыя, Чингисхана, китайские прокламации во время последнего восстания *. Оригинального, особенно принадлежащего Николаю, тут одно: на востоке и юге, во времена библейских войн и народных переселений, тигриное красноречие это употреблялось вождями, упоенными победой, полководцами, привыкшими лить кровь реками и подвергать свою жизнь мечу, — у них чувства грубеют, в их диком иступлении отзывается перенесенная опасность, раны, труд... а Николай был по преимуществу *штатский военный*. После *защиты* Зимнего дворца, о которой он написал сам в своем формуляре *, нигде не умел командовать ни одной дивизией. В турецкую кампанию Дибич не хотел принять начальства, а Витгенштейн не хотел его продолжать, потому что Николай и Михаил Павлович были налицо и, не имея никакого понятия о войне, мешали. Итак, у Николая кровавое красноречие это не было искаженной натурой, дурной привычкой кондотьера — а врожденное свойство дурного сердца, его истинная натура.

Ну и посмотрите в нашем «Сборнике» на отражение, на подражателя, на *шаржу*.

Холоп его Бибиков прощается речью с киевским дворянством *; это Цицерон николаевской эпохи, каждое слово — палка, сосновая, сухая, сучковатая палка! Нахальство, кровь в глазах, желчь в крови, безопасная злоба, дерзость без границ, раболепие без стыда... все, что мы ненавидим в офицере и писаре, возведенное в генерал-адъютантскую степень. Как же

было не сделать министром этого заплечного генерал-губернатора!

Людей пробы такой разве теперь только остается Муравьев, заливающий à la Vignon холодной водой мужиков вместе с недоимкой *.

Бибиков публично сказал студентам в Киевском университете: «У меня держите ухо востро, делайте что хотите, пейте, гуляйте, ходите в публичные дома, мне дела нет. Но если вы осмелитесь хулить правительство да заниматься политическими бреднями, прошу не пенять» *.

Волнами грязь, густая, вонючая — Николай нашел свою клоаку.

Жандармский полковник не вынес этого, написал в Петербург. От Орлова запрос по высочайшему повелению — правда ли? (Точно в «Колоколе») — «Правда», — отвечает клоака и объясняет свое нравственно-правительственное употребление публичных домов с педагогической целью. Николай прочел — и написал: «Совершенно согласен». Всякое слово ослабит это высочайшее сочувствие. История этого не забудет, Мария Бреддау может внести эту резолюцию в свой альбом «вольного обращения».

Между письмом Штейнгеля, доверчивым и добрым, и бранью николаевского дворецкого мы поместили кроткий, духовный плод из вертограда, насажденного благочестивейшей десницей православного императора Николая Павловича: смиренный донос *воссоединенного*, но неуспокоившегося Иосифа *, архиепископа виленьского, просящего о повсехном гонении коронных чиновников, косно пребывающих в лживом живоначальной истинны — по западному лжетолку — понимании... Симашка известный злодей, удивляться нечего.

Но что дает особенный рельеф делу — это то, что московский митрополит Филарет вдруг, ни к селу ни к городу, испугавшись страшной мысли, что каким-нибудь злочудом западные лжецеркви император Александр II не знает этого доноса, — *еще раз его донес!* *

Вот что значило тридцать лет святительства при Николае. В царствование Александра I Филарет писал кудрявые, масонско-мистические проповеди, был каким-то якобинцем в богосло-

вии, так что его катехизис был запрещен синодом *; а через тридцать лет николаевского царствования он восхотел суетно совместить белый клобук с жандармским аксельбантом и стал писать уже не толкование на *книгу бытия*, которую никак не растолкуешь, а доносы под диктант *воссоединенного* Симашки. Как будто Филарет у себя на Патриарших Прудах или в Вифании * и не знал, как благокротко воссоединяли униат *земскими ваиями* * и *заушениями!*

Я думаю, право, и Варавва и разбойник с *левой стороны* * лучше этих пастухов как неотстававшего, так и *воссоединенного стада*.

Чтоб не оставить читателей под подавляющим впечатлением попа-рenegата, губернатора-палача, митрополита, донашивающего чужие доносы, чтоб рассеять сырой и удушливый воздух из петропавловского skleпa, где схоронен Николай, мы поместили в конце статью — «Об отношениях России и Австрии» * ¹. Она принадлежит к той рукописной литературе, которая так внезапно явилась во время Крымской войны и при восшествии Александра II на трон. Пусть эта статья заключит *первую книжку* «Сборника» надгробным порицанием узкой политики Николая и упованием, полным надежды на другое время, на которое мы и *сами все еще уповаем!*

29 марта 1859.

Лондон, Вольная русская типография.

---

¹ Больно нам было в этой статье видеть высокомерный отзыв о 14 декабря *. Это бесполезно и показывает отсутствие того декорума, который понимается d'emblée (сразу) теплым сердцем.

**ЕЩЕ И ЕЩЕ ПИСЬМА
ПРОТИВ «ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА»,
ПОМЕЩЕННОГО В 29 листе «КОЛОКОЛА»**

Довольно, друзья мои, довольно! The matter dropped¹, как говорят англичане, и я никогда не стоял сильнее и самобытнее на своей почве, как получив снова инвестиру вашу! Ведь я был уверен в нашем сочувствии, но я хотел в нем убедиться. По *сиверке*, которой веяло из письма строгого критика моего, я догадывался, что вы будете не с ним. Неужели, думал я, проснувшись после тридцатилетнего рабства *, мы опять уже успели так остыть, так сделаться воздержными, как умные и с своей стороны дельные строки неумытного судии; неужели волосы, подстриженные под гребенку, лишь только им позволили расти — поседели; неужели, наконец, я так мало знал русский ум, русское сердце?

Вы подтвердили мое мнение, со всех сторон, больше, чем я мог надеяться. Не будемте же длить эту полемику; я горячо, сильно благодарю за вашу очистку моего формуляра, но позвольте мне отказаться от помещения статей против «обвинительного акта».

В последних письмах, сверх диатриб против ученого критика моего, множество чрезвычайно интересных вещей о России. их мы помещаем с искреннейшим удовольствием.

---

¹ Вопрос исчерпан (англ.).— *Ред.*

Житие и деяния великого сановника николаевских времен и его верного оруженосца *М. Топильского* никогда не были описаны с такой глубиной и подробностью. Биография эта так полна, что заставляет искренно жалеть только об одном — что в ней не описаны *похороны* его сиятельства.

---

¹ О вышина! (лат.).— *Ред.*

И. ЛЕЛЕВЕЛЬ И КАЗЕМАТЫ

Г-н *Огришко* поместил в своем журнале «Слово» письмо знаменитого И. Лелевеля и несколько теплых, благородных слов об нем *. Этот поступок навлек на г. *Огришку* двугорчаковский гнев *. *Огришку* схватили, журнал запретили, Тимашев ходил с озабоченным лицом, Долгоруков говорил: «Вот видите»... Бутков отнес это к освобождению крестьян, Панин — к железным дорогам. Попечитель петербургского округа предлагал себя жертвой искупления *, но государь — по пословице «Горчаков хорошо, а два Горчаковых лучше» — все-таки велел г. *Огришку* посадить в единственную крепость, построенную исключительно против русских, т. е. в Петропавловскую.

Когда же наше самодержавие поймет, что талант — тоже помазание и что гонения самого имени людей, чисто и свято трудившихся до преклонных лет, признанных всем светом, как И. Лелевель, бьет рикошетным ударом назад?

НОВАЯ МЕРЗОСТЬ В ПОЛЬШЕ

«Allgemeine Zeitung» от 26 марта рассказывает, что в Варшаве 18 марта запретили частным людям отслужить в церкви панихиду по *Мицкевиче*, *Красинском* и *Словацком*. Pas de

rêveries! Pas de rêveries! ¹ * А если замечтаетесь — тут налицо отупевший Горчаков *, опираясь на палку из николаевского ограда — на Муханова!

Конгрессы, видите! Италию освобождаем *, Австрия, такая отсталая страна — деспотизм, невыносимо... Ох вы мои господа петербургское либеральное правительство — посмотрите в зеркало ...все тот же кварталный... только Дубельт называется Тимашевым *.

---

¹ Оставьте напрасные мечтания! Оставьте напрасные мечтания! (франц.).— *Ред.*

〈НА ЭТОТ РАЗ МЫ ОЧЕНЬ БОГАТЫ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯМИ...〉

На этот раз мы очень богаты корреспонденциями из разных концов России, объем нашего листа не позволяет нам передать их целиком, и мы ограничимся выписками и приложением двух важных документов.

К этому листу мы прилагаем текст проекта освобождения крестьян, сделанный Ростовцевым, с нашими замечаниями *. К следующему приложим продолжение заседаний Московского комитета * — документ этот очень важен. Пусть русский народ и потомство знают, каково большинство дворянства «первопрестольной столицы» и многим ли оно опередило дворянство «императорской резиденции».

Одно из вновь полученных писем снова направлено против «обвинительного акта», помещенного в 29 листе *, письмо это в высшей степени благородно. Но мы уже сказали, что не будем длить эту полемику в «Колоколе». Если автор непременно желает, мы поместим его письмо в VIII книжке «Голосов».

Переходя к другому письму, адресованному от имени нескольких особ, мы откровенно сознаемся — благодаря за все дружеские вещи, высказанные нам писавшими, — что мы не разделяем их мнения насчет гласности. Отдавая нам на копьё все гражданское и военное управление, письмо требует совершенного молчания *о духовенстве* и упрекает нас, что мы говорили о пошлых и несвоевременных вмешательствах петербургского митрополита — в женские шали * и популярные лекции геологии *.

Какие искаженные понятия оставила в умах долгая, стеснительная цензура и совершенная непривычка к вольной речи!

Позвольте узнать: па каком основании мы, осмеливающиеся порицать бессмысленные и разорительные поездки великокняжеские *, мы, осмеливающиеся обличать подленькие циркуляры Ковалевского *, бездельничество варшавского Муханова *, держимордство Закревского *,— будем смиренно молчать, когда выживший из ума монах выползет из сырой кельи своей для того, чтоб мешать науке, чтоб стеснять нашу маленькую волю?

Мы только тем оправданы перед всеми и перед своей совестью, мы только тем и сильны, что, сделавшись обличителями за немую родину, мы никогда, ни в чем не делали различия между министрами и квартальными, между Паниным и Марией Бредау и что для нас Адлерберги, Сечинские, Орловы так же равны, как Филареты, Макридии, Акрупирии, московские, комоленские, эчмиадзинские и не знаю какие святители.

Странное понятие о свободе книгопечатания. Ухо русское было железом завешено, ему больно слышать свободную речь; что делать, пусть воспитается к ней!

К тому же нападка на нас за то, что мы часто говорим о духовенстве, совершенно несправедлива, для этого стоит перелистовать «Колокол». Не говорили мы часто о духовенстве потому, что не до него теперь дело, другое давит нам грудь и бросает кровь в голову. Но могли ли мы остаться безмолвными зрителями, когда это молчавшее, забитое духовенство, кропившее святой водой учреждение крепостного рабства, военные поселения, всякие казни, благословлявшее два века с половиною насильственные браки, безмолвно хоронившее засеченных дворовых людей, не нашедшее и теперь ни одного сильного слова в пользу освобождения крестьян,— вдруг заговорило против маленьких газет, против популяризации науки? *

Пусть живые мертвецы держатся сообразно своему чину и молчат. Тогда и мы будем молчать. Пусть, наконец, они пишут свои богословские каламбуры, переставляя смысл и слова какого-нибудь текста, мы не будем их читать. Но всякий раз, когда архиастырский жезл ударит по живому мясу нашей начинающейся свободы, как полицейская палка,— мы закричим!

В письме из Новороссийского края много подробностей

о графе Строгонове. Он очень развился с тех пор, как был министром; мы никак не ожидали, чтоб у него была такая прогрессивная натура в грубом обращении (которое у нас часто принимают за аристократизм, забывая, что аристократы — люди хорошо воспитанные) и в ультраниколаевском направлении.

Далее, мы получили патриархальный рассказ, как князь Юрий Голицын освобождает крестьян *от земли* в Тамбовской губернии и рядом с ним фешионебельный анекдот из высшей жизни о векселе Адлерберга и одной французенке, посаженной под арест Тимашевым.

Затем следует целый ряд историй в чисто российском вкусе, например, история о том, как генерал-лейтенант Фролов обругал купцов в Ярославле, пришедших его звать на бал; похождения ополченного офицера Карцева, кончившиеся потерей собственности за несогласие *присвоить* себе деньги ратников, вместе с своим начальником князем Урусовым; дело это, как видно из письма, было на виду у Сухозанета, Ланского и Долгорукова; Карцев писал к самому государю... но письма до него не доходят. Говорят, будто и «Колокол» не доходит больше, а что для него *перепечатывают* в Петербурге, с должным очищением.

Все эти истории мы будем передавать мало-помалу, и просим наших корреспондентов извинить нас, если мы несколько сократим их рассказы¹.

Табель о рангах прежде всего! Начинаем нашу хронику с министров, генерал-адъютантов, жандармов... и во-первых с революционно-ценсурного триумвирата Адлерберга-сына, Тимашева-свояка и Муханова — обер-фор-шнейдера *...

J'avons vu... — говорит в известной фарсе старый наполеоновский гренадир — ...j'avons vu l'entrevue des trois empereurs, dont le roi de Prusse faisait partie²... Я думаю, эту-то роль и играет обер-фор-шнейдер в комитете ценсурного спасения.

---

¹ *Корреспонденту*, предлагающему нам статьи и документы для «Исторического сборника», спешим отвечать, что, само собою разумеется, мы им рады и просим прислать. Из названных им одна статья Воейкова у нас есть *, да другая напечатана уже в одном из «Русских сборников» *.

² Видал я... видал встречу трех императоров, и на ней еще был ирусский король (франц.).— *Ред.*

Случаи эти бывали в истории. Между консулом Бонапартом и консулом Сиэсом был, по словам М-ше Сталь, «как лайка между брильянтами», консул Лебрюн.

Вот что три консула цензуры говорят в своем первом плебисците.

Выписка из циркуляра комитета по делам книгопечатания.

По случаю обнаружившегося неодобрительного направления в политических отделах некоторых из московских повременных изданий государь император, в 24 день минувшего февраля, высочайше повелеть соизволил:

1. Текущие политические известия, как в ежедневных, так и в недельных изданиях, печатаемых в Москве, заимствовать исключительно из газет петербургских, которых политические отделы разрешаются к печати цензурою министра иностранных дел.

2. Политические *обозрения* и *статьи* в московских периодических изданиях хотя и должны быть составляемы по известиям, помещенным в русских газетах и журналах, рассмотренных цензурою министерства иностранных дел, но как в подобных статьях и обозрениях может проявляться собственный взгляд автора, иногда противный политике нашего правительства, то для устранения всяких неуместных намеков и суждений рассматривать эти обозрения и статьи в полном заседании московского цензурного комитета и с разрешения его дозволять печатание оных; в случае же какого-либо сомнения или недоумения комитета, представлять эти статьи и обозрения г. министру народного просвещения для передачи их, если то признается нужным, на окончательное рассмотрение министра иностранных дел.

Не выходя из храма Минервы-воздержательницы и из эзерциргауза просвещения, мы от *дуэта*, в котором обер-форшнейдер поет *третий* голос, переходим к слабогрудному солисту Ковалевскому. Вот что поет дворецкий Минервы по следам Строгонова — великого вотчима *, по *стопам* Норова — великого талмудиста.

№ 1289.

14 июня 1858 года.

Канцелярия М. Н. П.

Г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор граф Строгонов в начале прошедшего года обращал внимание предшественника моего (Норова) на вредное, по его мнению, направление, принятое в настоящее время нашу литературу вообще и «Одесским вестником» в особенности. При чем он указывал на отдельные предосудитель-

ные статьи «Одесского вестника». Вслед за тем херсонский губернский предводитель дворянства сообщил также свое мнение о вредном направлении, принятом редакцией «Одесского вестника» с 1858 г., причем он обращал внимание в особенности на осуждение правительственных мер, на неуместные выходки против помещиков и частных лиц и на послабления цензуры в этом отношении.

По высочайшей воле я (т. е. Ковалевский) предлагал главному управлению цензуры на рассмотрение все статьи «Одесского вестника» за нынешний год, как указанные графом Строгоновым и херсонским предводителем дворянства, так и вообще обратившие на себя внимание по своему содержанию или способу изложения.

Главное управление цензуры из числа сих статей признало предосудительными три: в № 6 о юридическом образовании, в № 7 «Бюджет рабочего в Одессе» и в № 28 «Ab Ovo»¹. В первой не только осуждается вообще наша система судопроизводства и в противоположность ей рекомендуется судопроизводство гласное, но в ней явно видно направление чернить все отечественное. Во второй статье оправдывается пьянство в простом народе недостаточностью будто бы платы за его труды, и во всей статье явно обнаруживается нерасположение к достаточным сословиям. В третьей статье взяточничество чиновников выставляется в самой грязной картине, которая легко может возбудить негодование простого народа против служащих, особенно против полицейских властей, и притом взяточничество это оправдывается недостаточным содержанием чиновников и признается почти неизбежным злом при нашей системе управления.

В других статьях встречаются только неосторожные фразы и выражения, которые следовало бы исключить, не подвергая запрещению самих статей, большею частью написанных с хорошим направлением. Таковые статьи: в № 5 «Заметки и вести из Подолии», где в конце есть выходка против помещиков, в № 18 о французской беллетристике — статья, заключающаяся слишком безусловным восхвалением Беранже; и в № 29 «Письмо г. О. Р. о докторе Линке», в котором неуместно превозносятся *глас и мнение народа*. В иных же статьях, каковы: в № 8 о современном положении русской мануфактурной промышленности, в № 9 о степном хозяйстве, в № 17 о существенных условиях процветания промышленности земледельческой, имеющих цель вполне благонамеренную — возбудить пашу промышленность мануфактурную и земледельческую к новой деятельности, нельзя одобрить упреков, хотя и справедливых, но делаемых исключительно *русским* мануфактуристам, и слишком общего порицания нашего помещичьего хозяйства, причем исключительно чернятся помещики, и не совсем основательно. В последней статье, сверх того, допущены отзывы о том, как уничтожилось крепостное состояние в Австрии, по мнению автора, «бурями 1848 года»,

---

¹ «С самого начала» (лат.).— *Ред.*

с довольно явными намеками на недостаточность мер, указанных в этом отношении правительством у нас. Иные статьи, как например в 13, 16 и 21 о частном бале в Одессе, не противны в строгом смысле цензурным постановлениям, но показывают незнание общественных приличий или недостаток такта в авторах. Общее же рассмотрение всех статей, указанных как предосудительные в «Одесском вестнике», привело главное управление цензуры к заключению, что нельзя согласиться с мнением графа Строгонова, будто нынешняя редакция этой газеты приняла решительно вредное направление или, как утверждает херсонский губернский предводитель дворянства, почти преступное, тем более что в «Одесском вестнике» нынешнего года появились в других номерах статьи истинно полезные и дельные,— можно только сказать, что направление большей части статей не вполне одобрительно по довольно часто повторяющимся выходкам против помещиков и богатого сословия, по резкости отзывов о недостатках нашего внутреннего устройства и по излишней склонности к теоретической полемике в газете, имеющей цели чисто практические. А потому главное управление цензуры положило: 1) сделать замечание цензорам, 2) отдать «Одесский вестник» с будущего 1859 года по-прежнему в распоряжение г. новороссийского и бессарабского генерал-губернатора с правом от себя назначать редактора и 3) взамен предложить лицу издавать какой-нибудь учебно-педагогический журнал. Сие предложение главного управления цензуры я имел счастье повергать на высочайшее его императорского величества утверждение, которое и последовало сего 7 июня.

Министр народного просвещения

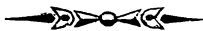
Е. Ковалевский.

Довольно просветились мы. Обер-фор-шнейдер может начать разрезать сову Минервы, нас сердце влечет к Марсу.

После дворянских выборов и бала, бывших в Ярославле в конце 1856 года, были выборы купечества. По окончании их купцы, желая ли подражать дворянам или подстрекаемые губернскими властями, вздумали также сделать бал «в честь его превосходительства досточтимого начальника губернии Алексея Петровича Бутурлина», как сказано было в пригласительных билетах. Назначен был день. За три дня до бала приехал в Ярославль инспектор карабинерных полков генерал Фролов. Купцы, всегда равнодушные к превосходительствам и вторично подстрекаемые теми же губернскими властями и полицией, рассудили, что надобно и его пригласить. Накануне бала вновь выбранный голова Семен Ильич Кузнецов, потомственный почетный гражданин Александр Матвеевич Пастухов и другие почетные купцы напялили сертуки с шитыми воротниками и все возможные медали, полученные ими за насильственные пожертвования, и отправились на квартиру Фролова. «Дома его превосходительство?» — «Дома нет, в манеже на

ученье»,— грубо ответил им слуга Фролова. Потянулись купцы в манеж. Входят. Карабинерный батальон стоит развернутым фронтом и выделяет муштру. Едва Фролов увидел купцов, тотчас скомандовал: «Вольно, поправьсь». Подходят купцы; Фролов нагло на них смотрит; они начинают в пояс ему кланяться и приглашают его на бал, но едва они кончили, как он закричал: «Чтоб я к вам, мерзавцам, поехал на бал, да с чего вы это взяли? Мужики вы эдакие, достойные ли вы этого? Вы не умели проводить мой полк в поход. Вы не умели даже ему обеда сделать. Ах вы бородачи поганые, чтоб я к вам поехал после этого на бал? Вон отсюда!» И его превосходительство изволил топнуть ногой. Купцы сначала ошалели, но при гуле топота ног генерала чувство самосохранения взяло верх, они подобрали полы своих форменных сертуков, накинули кое-как свои лисьи шубы, да и тягу из манежа; сели на откормленных одиночек и гуськом потянулись к полицмейстеру, объяснили ему в подробности весь прием и по его совету таким же порядком поехали к «досточтимому» начальнику губернии. Бутурлин принял их как нельзя лучше; принял горячо к сердцу и их жалобу и приказал подать прошение. Купцы уехали и настрочили бумагу, да так скоро, что к обеду прошение их лежало уже на столе в кабинете у губернатора. В этот же день обедал у него Фролов; Бутурлин показал ему прошение купцов, и неизвестно какой вследствие этого был между ними разговор, только вечером этого же или следующего дня петербургская почта привезла «Русский инвалид», в одном номере которого напечатан был рескрипт Фролову о награждении его лентой, кажется, владимирской. Агенты губернатора подсунили этот номер купцам; те было не унимались, а Пастухов так разгорячился, что сказал: «Меня сам государь удостоил — обнял и изволил поцеловать вот в эту щеку, так я не позволю над собой ругаться». На это ему сказали, что если государь его и целовал и обнимал, то это не причина, чтоб генерал его не обругал. Пастухов присмирел, остальные почесали затылки, потолковали и, убедившись, что «против рожна не можно прать и что плетью обуха не перешибешь», взяли просьбу свою назад. Носились темные слухи в городе, будто бы Фролов по отъезде из Ярославля с какой-то станции извинялся перед купцами, но это чиновничья утка, и на эти слухи никто не обратил ни малейшего внимания.

Ну, теперь позвольте отдохнуть... и сходить в баню... фу... а тут толкуют о Темзе... вот дренаж-то где употребить ...пока есть такой грязеотвод, как неответственное *быть по сему*.

〈ПОПЫТКА ПРЕДАНИЯ АНАФЕМЕ〉

Раз в жизни представлялся мне случай благословить Григория, митрополита петербургского, и тут злые люди помешали. Его высокопреосвященство предложило синоду предать меня анафеме за то, что я не считаю ересью геологию и скромными — маленькие газеты, продаваемые на улицах. Само собою разумеется, что, следуя евангельскому правилу, я тотчас бы по телеграфу послал *клянущему благословение*. Нам пишут, что тульский архиерей помешал Григорию возвести меня в чин Дмитрия Самозванца, Стеньки Разина, Мазепы, Емельяна Пугачева и... и кого вы думаете? — и дяденьки нашего magnanimous Ally*. Во время войны 12-го года духовенство, видя, как народ, купечество и дворяне жертвуют за независимость отечества — деньгами, людьми, собой, захотело показать, что и оно, любя отечество небесное, которое моль не точит, любит и земное, которое точит Наполеон, и действительно причесло на жертву больше чем кровь и деньги — здравый смысл и предало Наполеона проклятию. Но как-то императору Александру I показалось непоследовательно называться *благословенным* и *проклинать* других, он после войны и замял дело. По несчастию, кой у кого остались копии с синодского воззвания. Если «цыган для компании позволил себя повесить», как говорит пословица, то для эдакой компании — можно позволить себя предать григорианскому проклятию.

Мы так привыкли читать об России или нелепости или дикую брань, что умный, светлый взгляд названной нами книги и статьи «Russia and the West of Europe», вскоре потом помещенной в новом обозрении («Universal review», vol. I), удивили нас. Отчего именно в Англии начинают иначе смотреть на Россию? За что она сменила уркуардский гнев на гакстаузенскую милость?..* Дело не в сочувствии к России, а вот в чем: между англичанами есть люди, уважающие *объективную* истину, люди, умеющие смотреть и, что всего важнее, умеющие *слушать*. Другие ищут глазами и ушами только подтверждения своих преждепридуманых теорий, они *себя* видят и себя слушают. Так делают даже те, которые хвалят Россию или страдают ею из каких-нибудь видов. Французы почти никогда не ставили ни в грош объективной истины; немцы бывало любили ее, даже и не в одних трансцендентальных предметах, но подавленное положение их и страх зашиб им пониманье. Им все мерещится Семилетняя война, французы в Майнце, русские в Берлине, и они бранят Россию, чтоб отвести душу, чтоб не так страшно было. Из этой грубой и тупой литературы придется исключить несколько книг, «Коста-Рику» Вагнера * и Ю. Фребеля «Америку и Европу» *. Но заметьте, что они оба не *красные* немцы, а попорченные Америкой. Это так верно, что Фребелю за его книгу уже досталось от свирепых тевтонов, наследников Яна, Арендта, Менцеля и других французоедов, напоминающих блаженные времена Венского конгресса, Меттерниховых *нот* и Гейнцевых *вариаций* *.

Часть рассказов *недавнего путешественника* можно было бы перевести. В нелихорадочный день нашей перемежающейся цензуры — их пропустят.

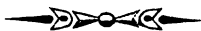
Нельзя, чтоб в книге путешественника, пробывшего очень короткое время в России, не было ошибок, они совершенно выкуплены общим взглядом и широким горизонтом. Хотя и в этой книге виден предел, рубеж, за который западный ум никогда не ходит: отношение русского крестьянина к общине и через нее к земле не оценено автором. В чем же он находит социальные элементы наши?

〈СТРОГОНОВ И PORTO FRANCO〉

Спрашивается, на каком законном основании проконсул «Строгонов» * высылает из Одессы людей, которые ему не нравятся лицом, цветом волос или не знаю чем? Зачем, например, он выслал, и притом очень грубо, г. Галецкого, — или он думает, что porto franco значит, что *свободно* можно выбрасывать за дверь *; да ведь и porto franco уничтожено? *

Но великий *Свекор* * ни на чем не останавливается, он велел собрать по пяти рублей штрафу с *православных*, бывших в опере в среду на первой неделе поста. Пусть Григорий Петербургский и Иосиф Виленский успокоятся — *еще церковь не сгиняла* — Строгонов за Кормчую книгу! *

ВОЙНА И МИР

...Je suis outré de l'appui que prête l'Allemagne à cette honteuse Autriche, à cette «Capua der Geister», concordée. Je prêche l'exclusion de toute province non-allemande; l'union plus étroite nationale, l'abandon de l'Autriche — pour rendre la main libre, non seulement à l'Italie, mais aussi à la Hongrie et aux provinces slaves. Cher ami, vous avez dit avec raison, que le bonapartisme c'est la mort; mais souvenez-vous que l'Autriche C'EST LA DAMNATION ETERNELLE et que ce n'est qu'en détruisant cette dernière que vous enlevez à la mort sa terreur en la réduisant au rang d'un simple accident¹.

Charles Vogt

(Письмо к издателю «Колокола»).

---

¹ ...Меня возмущает опора, которую Германия дает этой постыдной, *конкордированной* Австрии, этой «Капуе умов». Я проповедую исключение всякой пенемецкой области из немецкой конфедерации, более тесное национальное соединение и предоставление Австрии своим судьбам, чтоб не только Италия, но и Венгрия и славянские провинции могли освободиться. Любезный друг, вы справедливо сказали, что бонапартизм — *смерть*... но вспомните, что Австрия — *вечная мука*.. и что, только уничтожая ее, вы отнимете у смерти ее ужас и сведете ее на степень простого случая.

ВОЙНА

Австрия не народ, Австрия — полицейская мера, сводная администрация, она ни к чему живому не примыкает, не покоится на себе; без частей ее нет, это величайший исторический призрак, который когда-либо существовал. Тут все ложь. Римская империя — в Германии. Германская империя — состоящая преимущественно из славян, итальянцев, мадьяр. Избирательное правительство — переходящее по наследству. Связь нескольких народностей — основанная на перекрестном отвращении их друг от друга. Тут нет ничего органического, отнимите Ломбардию справа и придайте слева Молдо-Валахию — и так хорошо. Отнимите Галицию и прибавьте Сербию — и это недурно; die Staats Kanzlei¹ пойдет своим порядком. Империя австрийская не имеет никакой будущности; когда ее *отменят*, тогда только люди настоящим образом удивятся — как могла существовать такая нелепость, сшитая из лоскутков конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображениями. Империя, необходимая для равновесия—*некогда*, чтоб перетягивать папу, *теперь*, чтоб папу не перетянули. Оплот Европы против ислама, спасающий Турцию от России. Мнимая представительница германского единства, ненавидимая всей Германией и защищающая Рейн «на По и на Адиге», славянской и венгерской кровью, против Италии. Это какой-то сон больного горячкой!

«Колокол», 15 января 1859

I

Мы не рады войне, нам противны всякого рода убийства — оптом и вразбивку; те, за которые вешают, и те, за которые дают кресты; нам жаль всякую кровь, потому что крови веселее течь в жилах, чем по траве и по песку; нам всего больше жаль австрийскую кровь, которая будет литься за несправое дело и, сверх того, из-под палки. Дикие еще образованные народы и недалеко ушли от времен Нимврода и Сезостриса, если не могут иначе решать дела, как дубиной и пращою.

Сверх того, мы не рады войне как русские, война остановит внутреннюю работу, усилит снова управление шпорами и снова истощит силы бедного народа, не дав ему взамен ничего, кроме множества калек и нескольких лубочных картин, представляющих генералов, лошадей, трупы и дым.

Но, верные нашему реализму, *мы принимаем войну за факт* и несколько не намерены терять время чувствительно и беспо-

---

¹ государственная канцелярия (нем.).— *Ред.*

лезно, разглагольствуя о всеобщем мире, тоскуя о всеенском братстве — в виду двух армий, которые, быть может, теперь режутся.

Еще меньше будем мы отыскивать, справедливы ли причины войны, достаточны они или нет, кто виноват и кто прав. Вероятно, никто не смешивает *предлоги* войны, les à propos, с ее настоящими причинами. Разве кто-нибудь верил, что Крымская война делалась в пользу Турции, или разве есть люди, настолько нищие пониманием, что и взаправду думают, что Наполеон ночи не спит, а все кручинится о том, что Италия не свободна?

Кто юридически прав в этой войне, может, и можно бы доискаться по Гроцию и по другим, но это очень неинтересно и совершенно бесполезно.

Теперичная война, после десятилетнего натянутого состояния, в продолжение которого зло входило внутрь и подтачивало организм европейский, имеет ту же причину, по которой когда-то Везувий затопил расплавленным камнем целые города, т. е. излишнее накопление горючих веществ, праздных сил. Наполеон — случайная искра, она должна или потухнуть или жечь что-нибудь; сколько загорится и сколько сгорит, он не отвечает; в Крымскую войну пожар был не велик, искра стала тухнуть, но вот она подожгла Италию...

Для того чтоб предвидеть, что выгорит и что останется, надобно знать, *насколько* грудь здорова, насколько кровь жива у европейских народов.

«Здоровому все здорово!» — говорят русские; действительно, в хорошей крови многое переработается, в дурной оно разовьется в фак, в туберкулы...

Крымская война имела целью повредить России, но только ей и принесла пользу. Веревки, которыми мы были связаны по рукам и по ногам, ослабли, перетерлись во время войны, испуганный тюремщик сам помер. Осадой Севастополя началось освобождение крестьян, призыв к оружию был призывом к мысли; и Россия с тех пор идет мощно вперед по широкой дороге, несмотря на все черепки и битые бутылки, вроде Панина, Орлова, Муравьева, оставленные у ней под ногами упрямством и небрежностью шоссейного смотрителя, несмотря

на дворянские комитетские лужи и бакалдины, ни на ложные маяки доктринеров.

Если война завяжется, то мы можем смело сказать: Европа не возвратится па ту *мель*, с которой война ее стащит и на которой она застряла с 1849 года. Это уже само по себе чрезвычайно важно, и вот где причина, по которой Англия, единственная страна рационального консерватизма, готова сделать все, чтоб отвратить эту войну. Ей, как она сложилась, всякое быстрое движение вредно.

Но куда пойдут эти миры, снятые с якоря? Мы думаем, что романский мир одолеет сводную, разношерстую Австрию ...что же будет с побежденным, что будет с победителем?

Во-первых, для победителя будут предстоять те же два пути на другой день после победы, как накануне войны.

Победоносный и обнищальный, покрытый славой и солдатами, романский мир может после войны замереть под сенью всепоглощающего самодержавия, личность человеческая и ее чрава пропадут окончательно, государство делается целью всего; римское, античное начало это, вооруженное телеграфами, железными дорогами, опертое на страшные средства бюрократии, полиции и бесчисленного постоянного войска, еосредоточит всю жизнь, всю энергию в правительстве, в цезаре, и однообразное существование галло-романской державы с своими сестрами и родными обеспечится на века и века.

Может, случится и другое: может, франкское начало, разбуженное войной, также поднимет голову; может, Италия, ненавидящая централизацию, однообразность форм, гуртовой гнет, иначе поймет свое освобождение. Она теперь, при самом вачале, перевела *войну* на революцию. Гарибальди начальствует легионерами, Тосканский герцог в бегах, Уллоа чуть не на его месте. Если Италия увлечет Францию, если Франция после войны хоть один год будет в состоянии вытерпеть свободные учреждения, не делая генерала Мак-Магона или генерала Бурбаки императором, тогда, может быть, начнется на древней почве великих воспоминаний, между Средиземным морем и Атлантикой, третья эпоха событий и история не сделает географической измены.

То ли будет или другое, нам кажется, что не в этом ближайшая задача тенеричного положения дел и не в этом главный результат войны.

Первую роль поневоле надо уступить Австрии. Весь вопрос состоит в том: вгонится ли наконец эта *германская* империя в границы *немецкого* государства или нет? Растворятся ли наконец двери этой полурассевшей и покачнувшейся *бастилии народов*, готовых ринуться вперед, или старая дипломатия оставит подшибленного коршуна, изгнанного из Ломбардии, заедать чудные земли от Адриатики до Дуная?

Если последнее будет — кровь лилась напрасно, и Европа снова, как в 1848 году, даст доказательство своей неспособности вполне совершить что-нибудь.

Если же Австрия уничтожится как *сводное* государство, то тогда, какие бы судьбы романского мира ни были, *мы всеми парусами входим в новую эпоху*. И если в самом деле мир великого прошедшего, после двух тысячелетних деятельностей, устал, то чем может он доблестнее завершить свою длинную жизнь, как не открывая для истории новые, непочатые пажи, оттертые от света и всякого развития игом бесплодным и иноплеменным?

II

Немецкие публицисты выдумали для Австрийской империи всемирно-историческое *призвание*, оно, видите, именно состоит в *образовании полудикого юго-востока Европы*. Но какое значение имеет *австрийская* цивилизация, и что она сделала кроме того, что ввела ту же полицию и те же наказания во все страны? Ну, если не в политическом, то в торговом, в экономическом отношении?.. Королевско-имперская цивилизация состоит в постоянном гнете всего народного и в *онемечивании*. Но ни итальянцы, ни мадьяры, ни славяне не хотят вовсе образоваться в немцев. Между ними и немцами лежит та *incompatibilité d'humeur*¹, по которой разводят мужа с женой. Мы знаем, что значит насильственно образовывать, это одна из гибельнейших идей, в силу которой бездуш-

---

¹ несходность характеров (франц.).— *Ред.*

ной дрессировке и фельдфебельской выправке дается вид благодеяния. Маленьких детей не гоняют больше в школу розгой.

Замечательная вещь, что вообще германский мир — школьный и ученый по преимуществу — очень плохой образователь подавленных им народов. Стоит взглянуть на эстов и леттов в остзейских провинциях, чтоб убедиться в этом; особенно если их сравнить с финнами, бывшими в соприкосновении не с немцами, а со шведами.

Как Австрия специально образовывала — мы знаем по Богемии. Она употребила два столетия на систематическое забивание всего независимого и национального в этом народе; она совершала там злодеяния, перед которыми бледнеют дела протестантской Англии в Ирландии: казни, конфискации, гонения продолжались поколения, под руководством иезуитов и бюрократов, в распоряжении которых состояла развратная, наемная, скотски-свирепая солдатеска, хранившая в памяти предание валленштейновских времен и тридцатилетнего разбоя. Вешали, секли, морили в тюрьме, жгли людей, жгли книги, грабили, выселяли и дошли до того, что аристократическая помесь и часть мещан сделались немцами, а народ остался чешским; и в первую минуту, как потерявшийся палач приподнял свою руку и дал жертве немного вздохнуть, в начале нашего века, явилась целая чешская литература.

Про Италию говорить нечего. Сами немцы согласны, что Ломбардия образованнее немецкой Австрии. Некоторые из них признают даже, что Ломбардия имеет право отказаться от отеческого воспитания Австрии. Они всё нашего брата варвара-славянина, мадьяра норовят Австрией выделать в венцев.

Но что же приняли, например, от австрийцев мадьяры? Я в мире не знаю ничего противоположнее немцам, как мадьяров с их полудикой разметистой волей, к которой так идет их отвага, с их жизнью в лесах, с их бурными и независимыми комитатами. Это какое-то кованое племя, до того ушругое, что сам Меттерних не мог никогда его сломить *. И когда Венгрия восстала, Австрия дышала на ладан, и совсем перестала бы дышать, если б не преступная рука Николая. Николай, помо-

гая Австрии, изменил столько же России, сколько Гёргей, помогая ему, изменил Венгрии.

Или не в Галиции ли, может, в Иллирии, в Далмации особенно, успешно привился германизм?

Ничего подобного, напротив — международные распри, например, между мадьярами и славянами, стали с 1848 года стираться перед ненавистью к *общему отечеству*. Пока Австрия льстила ограниченным сторонам народностей и раздувала их неприязнь, ссоры оставались; но когда она принялась после революции подводить всех под один знаменатель, убедившись, что иной раз не сладишь с национальностями и что не всегда народное пробуждение ограничится филологическими исследованиями, тогда народы поняли, где их настоящий враг.

Печальная судьба пала на долю Австрии — она после Гогенштауфенов не имела ни красных дней, ни благородных воспоминаний, а при Гогенштауфенах она не была тем, чем теперь. Зловещая династия Габсбургов является какой-то карой людям за их стремление к независимости, она постоянно противодействует всему человеческому — старым вольностям и новой свободе; постоянно умиряет, подавляет, морит. В имперском устройстве ее соединяется все мрачно-инквизиторское, ядовитое и злое испанского католицизма с скупой алчностью, с кастратским бесстрашием клерикального управления, с наглой дерзостью немецкого риттера и с холодным капральством казарменной дисциплины. Умственное движение никогда не было настолько сильно в этой стране, чтоб получить себе права; у ней нет литературы. Вена только известна своей кухней и обжорством, несколько знаменитых ученых — или славяне, или иностранцы, во всем чисто австрийском что-то бездарное, лишенное поэзии. Где светлые воспоминания этого края? Годы его пущей силы — годы плача и стенаний для народов, как в царствование Карла V, этого бревна, брошенного на дороге человечества, от которого мрут живые остатки прежней Европы и блекнут новые всходы. Или эти светлые дни были при Иосифе II? Но он был окружен одной ненавистью разбужденных им галок и летучих мышей. Или в дни *победы* над Наполеоном, когда, избитая и окровавленная с обеих сторон, Авст-

рия входила в виде длинной фигуры своего Франца в Париж и на другой день после победы принялась за полицейские следствия, которыми и занималась тихо до 1848 года и от 1848? Военные суды, тайные суды, палки, цепи, двадцать лет, пятнадцать лет, десять лет carcere duro¹. И они находят, что это цивилизация?

Быть может, в те отдаленные времена, когда турки были опасны, когда весь юго-восток Европы бродил в неустроенном состоянии, открытый нападениям, и не имел опоры,— может, тогда и была какая-нибудь польза от этого железного обруча, набитого на несколько народов; хотя и тут надобно заметить, что Польша и Венгрия спасли Вену от турок, а не *Вена их*. Но время это *прошло*, а в истории самое *смертное* преступление — быть несовременным. Главная вина Австрии не в вековых злодеяниях ее — мало ли что было в прошедшей жизни каждого народа,— главная вина ее в том, что *она мешает*. Уголовный суд истории не совпадает с нашим, это не морально справедливый суд, а *физиологически верный*. Скорлупа, насильственно удерживающая части от распада, становится *ненужной*, потом вредной, она может задушить зародыш, а потому ее следует разбить клювом изнутри или ударом снаружи. †

Австрия заживает чужой век, за это в истории смерть — если то, чему она мешает, достойно жить и имеет силы.

История не убивает, как некогда камчадалы за одну старость, она оставляет и Китай и Японию. Но если б внутри Небесной империи бились живые силы, которым бы было тесно и которые сами по себе были бы здоровы и мощны, они давным-давно подорвали бы мандаринскую табель о франгах, несмотря на то, что китайское устройство гораздо умнее и сообразнее нравам своей страны, чем австрийское *иностранцам*, составляющим это *отечество поневоле!*

Неспособность мадьяр и славян онемечиться, их неспособность к известным государственным формам, к известному канцелярскому порядку вовсе не доказывает ни их дикость, ни действительную неспособность их. Это одна из старческих оши-

---

¹ одиночного заключения (итал.).— *Ред.*

бок западных народов; они думают, что имеют монополию исторического бытия и единospасающую форму образования. Все самобытное и независимое кажется им варварским или крaмольным, все новое обижает их как нелепость; к тому же они до такой степени привыкли думать и рассуждать по своим шаблонам, что они не понимают ничего не подходящего под них. В той *неспособности* славян, в которой немцы видят низшую, не развившуюся *до них* натуру, мы видим залог нашего *будущего развития!*

Ни славяне, ни мадьяры не составляют ни сателлитов, ни даже попутчиков германскому миру. Славяне — это *грядущая* часть человечества, вступающая в историю. Мадьяры составляют какую-то самобытную случайность, они имеют столько же прав на независимость, сколько Швейцария, сколько Греция, сколько Молдо-Валахия.

Разноплеменность в вольном союзе, в конфедерации ничего не значит; тессинец, гризон считают себя гражданами единой и кантональной республики, точно так, как житель Апенцеля или Лозанны.

Стоит взглянуть на карту, чтоб понять, что от Балкан до Адриатики готовы звенья обширной конфедерации с славными берегами, с естественными границами и с плодотворнейшей почвой. Австрийский кордон стоит плотиной между ними и Европой, не давая ни им *ринуться* вперед, ни свету проникать к ним.

III

...Но ринувшись из старой Бастильи, как бы народы не попались в *новый острог*. В Европе не один двуглавый орел — а два, и перемена австрийского одуряющего самовластья на прусско-монгольский царизм — не находка.

Об этом-то мы и хотим поговорить.

Россия находится теперь в одном из тех кризисов развития, из которого организм выходит разом сложившись или доказав свою неспособность. Я наше время для России считаю столько же важным, как эпоху Петра I. Если слепые и глухие не хотят понять, что за вопрос поднят теперь в России, и смешивают признание *права человека на землю* с личным освобождением

от помещицъей власти, пусть остаются при своей темной воде в глазах.

С того дня, как Александр II признал основой освобождения крестьян их право на землю, он еще раз переломил историю и пошел новым путем. Если он и Россия пойдут им, то без всякого сомнения ей будет принадлежать первое место в союзе славянских народов. Но для того, чтоб занять это место, ей окончательно надобно понять себя *русской* не в противоположность общечеловеческому, а в различие с староевропейским.

У России *своя Австрия*, и тем больше опасная, что она внутри. Пока правительство останется при своем иностранном взгляде, до тех пор и мы останемся в том положении, в котором крестьянские мальчишки остаются у немцев-мастеров в учении, т. е. будем носить ушаты, не сметь отвечать хозяину и пр. Да вот беда, мы как-то выросли и хозяина в грош не ставим. — Это неблагодарность! — Нет, это рост. Когда-то и мне был полезен немец-дядька, однако теперь он мне не много бы помог.

Отказаться от привычной традиции правительству не легко. Это тот переход из состояния дворового человека — в крестьянство, который так страшно оскорбляет камердинеров и горничных. А сделать его надобно. До тех пор не к чему и звать соседей.

Если Россия, продолжая свою иностранную политику, вздумает воспользоваться падением Австрии и приобрести себе какие-нибудь новые улусы, она усугубит ненависть других стран новым землекрадом, и народы ничего не выиграют, переменяв ошейник. Конечно, не от нас они услышат приглашение; нам не легче будет, если от тупости Панина и скверного управления вешающего Муравьева будут страдать другие.

Но мы имеем залог, что правительство *чувет* необходимость переродиться; подождем, чем кончатся его начинания.

Первый акт возмущения против западноисторического ига сделан *образом постановления* вопроса об освобождении крестьян; тут правительство сорвалось с *бигой* западной колеи, взяв в основу *нелепость* общинного владения и *предрассудок* освобождения *с землей*. Надобно, чтоб правительство пашло мужество независимости перед порицанием *мудрых мира сего*,

так, как его имел апостол Павел, сознаваясь, что его *истина* — сумасбродство для эллинов.

Пусть же Александр II найдет в себе силу невозвратным актом разорваться с петровским преданием, так, как Петр с московским, и заявить перед всем светом, что Россия кончила свою военную службу, что она не хочет быть *завоевывающей* империей с немецким устройством, а славянским государством и *мирной главой* нового союза.

Для этого надобно перешагнуть через многие и многие предрассудки, надобно уметь принести на жертву будущему настоящую выгоду и общую пользу славянского мира поставить выше интереса прусских сродников.

Судьба, совесть указывают, что надобно сделать, — надобно *восстановить Польшу!* Это было бы разом актом великого покаяния и актом великой государственной мудрости. С той минуты, когда из варшавской цитадели, осененной польским знаменем, выйдет последний русский солдат, Галиция и Познань будут с ней, и кровавое преступление двух немцев и одной немки * сотрется с имени русского.

У истории своя месть. Терзая Польшу, отнимая у ней то клочья земли, то торжественно данные законы, то язык, то детей, то взрослых, вырастив на польских жертвах и слезах целое поколение злодеев и доносчиков, правительство спутало ноги и руки не ей, а себе — приковав себя преступной солидарностью к Австрии и Пруссии.

Пусть же Россия покается! Пусть восстановит Польшу — с ее законами, с ее войском, с тем управлением, которое она хочет.

«Да как же это сделать, как же вдруг освободить целую страну, за покорение которой пролиты реки крови?»

По старому государственному кодексу невозможно, мы с этим согласны. Да ведь, руководствуясь им, нельзя было вызвать, без крайности, вопрос об освобождении крестьян от крепостного состояния, за упрочение которого тысячи были убиты гуртом и тысячи засечены по мелочи помещиками!

...Разум не *один*, их *два*. Разум мира *садыщегося*, *вечернего* — не совпадает с разумом мира *восходящего*, *утреннего!*

1 июля 1859.

На углу

— Постоите, постоите,— очень рад, что вас встретил, неужели и вы за Францию?

— Нет.

— Стало, вы за Англию,— я так и думал, а то мне говорили, что вы...

— Нет, нет, я и не за Англию, в этом случае.

— Так за кого же вы?

— Я *против* Австрии.

— Позвольте, стало быть, вы все-таки за Францию? Помилуйте! Бонапартизм!

— Нисколько.

— Ну, так вы против всех?

— Отчасти.

— Это невозможно... если вы против Австрии, вы должны быть за Францию.

— Вы забыли математику и аналитическую геометрию. Я здесь стою по ту сторону координат, у меня всё отрицательные величины, я могу быть *противее* одному, чем другому, вот и все. Как вы думаете — можно не в пример будущим случаям употребить слово *противее*?

— Разве *in usum et abusum Austriae...*¹

— Иногда грамматические ошибки очень важны. В Вятке был у меня один приятель, имевший слабость пить запоем, и притом тайком от жены (ему было лет 50). Так как у него отбирали ключи, вино и деньги, то он обыкновенно приходил ко мне освежиться тенерифом и бранить своего свекра. Раз он мне сказал: «Если б вы знали, что это за шельма — нет,— он остановился в раздумье и потом прибавил:— Нет, он не шельма, шельмой может быть всякий, а он — он не *шельма*, он *щельма!*» Этим ненужным хвостиком к *ш* он мне совершенно объяснил свою мысль.

— Вы всё смеетесь, это никуда не годится, особенно когда идет речь о таких важных предметах,— о предметах, так сказать, всемирно-исторического значения.

---

¹ на пользу и во вред Австрии (лат.).— *Ред.*

— Извольте, я постараюсь то же сказать, но очень скучно. Если б вы были первый адресовавшийся ко мне с этим вопросом, я с самого начала стал бы с вами скучно говорить. Но, наконец, надоело, мочи нет. Дамы в застарелой итальянской болезни, немцы в складной патриотической, англичане в неизлечимой английской и французы в хронической военной постоянно спрашивают то же самое — проходу нет; я обхожу переулками Режент-стрит; па них можно задохнуться и заразиться, да никто не спрашивает.

— Отчего же не спрашивать? Этот вопрос теперь так естественно приходит каждому в голову.

— Мало чего нет. А я и вопроса-то вовсе не понимаю... отчего же это быть *против* Австрии значит быть *против* Англии? Разве союзы делаются по азбучному порядку?.. Тогда придется прибавить Абиссинию, Аркадию и Аравию.

— А ведь обещались не остричь.

— Извините, поверьте, я буду невероятно туп, но рассудите сами. В мире нет ничего противоположнее Англии и Австрии. Страна ультраиротестантская с одной стороны; страна *красного* католицизма с другой. В Австрии одна военно-судная расправа и закон — раб произвола; в Англии все люди, не исключая королевы, рабы закона. Тут вся сила, все могущество — в торговле, в богатстве, в кораблях; там — в фальшивых ассигнациях, штыках и пехоте. В Англии запрещают жестоко обращаться с кошками и собаками; в Австрии дерут розгами женщин и платят 20 цванцигеров дамам, которые принимают на себя государственную обязанность сечь их.

— Да ведь вам никто не говорит, что Англия *сочувствует* Австрии, она, оберегая свои собственные интересы, хочет ее поддерживать.

— Ненавидя ее?

— Может быть, но для *сохранения* равновесия...

— Ученый друг мой, придите в мои объятия. На самом этом основании я желаю победы французскому войску, — Англия готова зарезать Италию и на век еще отбросить в варварство весь юг Европы, поддерживая ненавистный ей порядок — для *сохранения* *мнимого* равновесия; я желаю победы противоположному стану — для *разрушения* слишком *действительного* самовластья

в Европе. Тут вся разница в том, что я желаю *дела*, а Англия *вздора*... Если только Англия этого желает?

— В этом нет сомнения, читали ли вы сегодня *leading article*¹ в «Теймсе»?

— Я знаю очень хорошо, что думают «Теймс», банкиры, менялы, биржевые клерки и другие патриоты. Но так ли думает Англия — не знаю. Большая часть ее совсем не заявила своего голоса. Подождемте осуждать до суда. Помните *Conspiracy bill* и Бернаров процесс. Пальмерстон и Дерби, Кларендон и Дизраели, ни в чем не согласные, были братски душа в душу согласны в желании прислужить соседнему барину и повесить Бернара; все было сделано для этого — Наполеон прислал обоз свидетелей, женщин, детей, преклонных старцев, свинченных и развинченных гранат, легион шпионов с всевозможнейшими усами, от красно-алзасских до смоль-пиренейских, с тяжелыми золотыми цепочками и поддельными бриллиантовыми булавками. 300 000 фунтов стерл. стоил этот процесс; за эту сумму как, кажется, не повесить всякого человека, — а небогатый портной из Сити, от имени двенадцати плебеев, положил свое *veto* — и Кембель, в шубе и оперном парике, и Фицрой-Келли...

— Вот опять — а уговор?

— Я хотел сказать — и Фицрой-Келли, без шубы в парике, — согласитесь, что это было бы очень глупо.

— Да, не особенно умно.

— Очень рад, что успел угодить. Однако же прощайте, а то опять скажешь *что-нибудь*...

— Что же заключение — стало, вы думаете?..

— Подождемте же, что скажет *портной из Сити!* *

МИР

(Вторая статья о войне)

Как-то в 1851 году, будучи на несколько дней в Париже, я рано утром сидел и читал «*Le Spectre rouge*» Ромье *. Брошюра эта, нынче забытая и занесенная разными слоями политических памфлетов и реакционных брошюр, сделала некоторый шум при

---

¹ передовую статью (англ.).— *Ред.*

своем появлении. Ее хвалили немногие, ее ругали почти все, — ее *portée*¹ не поняли ни те, ни другие. Я ее читал с каким-то нервным раздражением, удивляясь преступной откровенности, бесстыдству выражений и дерзости тех истин, которые высказывались в ней с наивным цинизмом.

Кто-то постучался в дверь.

— Взойдите, — сказал я, почти с досадой. Но вошел человек, которого я искренно уважал, и я с радостью протянул ему руку.

— Вы меня застаете, — сказал я, — под магнетическим влиянием ядовитой книги; я часа полтора испытываю удовольствие американских птиц, когда они находятся под чарами гремучей змеи.

— И эта змея? — спросил Мишле.

— Ромье.

— Ромье? — повторил Мишле с удивлением.

— Вы верно читали его «Красный призрак»?

— И да, и нет... я имел эту книжонку в руках, взглянул там-сям — вы знаете очень хорошо, кто такой и что такое Ромье; его статьи о цезаризме, его брошюра, как тысячи других, принадлежат к массе печатной грязи, которую сегодня пишут по заказу, а завтра, по прошествии надобности, сметают в канаву.

— Я вижу, что вы ее не читали. Мне кажется, что этот памфлет имеет гораздо большее значение.

— Главную мысль его я знаю очень хорошо — что же в ней нового?

— Как что нового? Да кто же смел с таким цинизмом распорядиться будущностью Франции — разве один Донозо Кортес? Книжка Ромье — грозное пророчество.

— Хорош Исайя, нечего сказать.

— Что делать — бог иногда не брезгает и ослицами. Вы лучше подумайте, какова эпоха, в которой Фальстафы становятся пророками и проповедуют, вместо Синайской горы и острова Патмоса, у Провансальских братьев и в *rue Joubert* *.

Мишле я не убедил, брошюра забыта, старый гуляка Ромье умер — а предсказания его сбылись до последнего слова.

---

¹ значение (франц.). — *Ред.*

Лет через семь, в другой стране, не гуляка, не пустой шут, а человек науки и мысли — показал своему отечеству вместо *красного призрака китайскую куклу*, кивающую пальцем и головою с правильностью часов и с их безмозглостью, — куклу без личности, без особенности, без отчета в движениях, — и заметил, что со всеми железными дорогами и телеграфами, свободой книгопечатания и религиозной неволей — Англия идет в Китай¹.

И его книга прошла, не насторожив никого, не поднявши даже пыли за собой, только литературные сторожа, в двух-трех журналах, приподняли голову, пробормотали какой-то вздор со сна об книжке Милля, и она канула в воду, как «Красный призрак».

«Насильно спасать людей нельзя!» — заметил взбешенный маршал Бюжо, когда Людвиг-Филипп не позволил ему то, что законодательное собрание не только позволило Каваньяку, но вменило ему в обязанность — бомбардировать предместье св. Антония.

При всем этом нельзя сердиться на западного человека за его узорное непониманье. Ветхие стены общественного здания — *свои* ему, родные, наследственные, *его всё*, — в них кровная связь, память усилий, страданий, казней, память побед; оно узко, давит, понагнулось, но ему жаль ломать.

Наши добровольные, *нареченные* западники гораздо менее понятны для меня. Их жизнь не связана с падающей храминой, им не будет лучше, если она поддержится контрфорсами, им не будет хуже, если она совсем развалится. У них только архитектурные чертежи и картонные модели. Иной раз кажется, что они прикидываются ограниченными для того, чтоб выдать себя за принадлежащих к столбовой европейской семье.

Так или иначе, но нам периодически приходится повторять *одно и то же* и делать те же анатомико-патологические объяснения; по счастью, они делаются все легче и легче — *трупа больше!*

В печальное время горячечной трусости Цезаря, после трагического героизма Орсини*, когда необузданное раболепие

---

¹ On Liberty J. S. Mill*.

Франции выступало из берегов и Пальмерстон посягал на краеугольные основы английской свободы *, мы говорили, глядя на новые расселины ветхого здания, еще больше осунувшегося и покачнувшегося: «Мир сделал еще шаг вперед, старые к могиле, юные к возмужалости» *. Умники наши кричали о необузданности речи, о пессимизме; а между тем и на этот раз все подтвердилось, кроме одного: юные не возмужали!

«Наполеон III, — писали мы тогда, — представитель смерти. Бонапарты, как Цезари, не причина, но последствие, признак. Это туберкулы на легких отходящего Рима. Это болезнь старости, это сила судорог, безумная энергия горячки.

Бонапартизм идет рука в руку с смертью. Его слава — кровавая, она вся из трупов. В нем нет силы зиждательной, нет производительной деятельности; он — совершенно бесплоден, все созданное им — обман, мечта: *кажется*, будто *что-то есть*, а в сущности нет *ничего* — все это призраки, тени... империи, королевства, династии, герцоги, принцы, маршалы, границы, союзы... подождите четверть часа — все исчезло, все это не в самом деле. Действительность его — это Испания, утучненная трупами французов, это египетские пески, усыпанные французскими костями, это снега России, обогранные французскою кровью.

Бонапартизм, как бред, не имеет ни цели, ни основания; это постоянное противуречие и маскарад. Когда он поет, он поет бессмыслицу: *Partant pour la Syrie!* *

Чего хотел Наполеон? На вопросы наивного Лас-Каза он никогда не мог дать основательного ответа. Зачем было предпринимать египетскую кампанию? Восток — это прекрасный пьедестал, великолепный фон картины. Жестокая Испанская война — потому что Империя — венчанная революция, освобождение пародов.

Les nations reines par nos conquêtes,
Ceignaient de fleurs le front de nos soldats ¹.

Люди, силиющиеся разумно объяснить оргии убийства, которые составили славу Франции во время Империи, не находят

¹ Нации, возвеличенные нашими победами, увенчивают цветами чело наших воинов (франц.). — *Ред.*

ничего лучшего сказать, как то, что Наполеон вел войну, чтобы занять умы во Франции. Слышали ли вы что-нибудь более цинически-безнравственное, что-нибудь более уродливое, как это объяснение? Убивать людей с целью развлечь других, уничтожать поколения для того, чтобы у тех, которые останутся, заменить идеи общественного прогресса каким-то бредом кровавой славы, апотеозой убийства и бесконечной любовью к ордену Почетного легиона?

Да, это деспотизм конца, он только разрушает, убивая вместе и революцию и традицию: революцию церковью, а церковь революцией; убивая, наконец, *suffrage universel*¹ самым избранныком. Он все убивает. Он чуть не погубил Англию своим прикосновением: нет здоровья, которое бы вынесло каплю гнилой крови».

Но если ему не удалось погубить Англию *дружбой*, то Италию он погубил *помощью*, утопил ее в французской крови, пролитой *за нее*.

Неужели и тут кто-нибудь еще не узнает тлетворный характер смерти, от дыхания которой гибнет виноватое и невинное, враждебное и дружеское,— лишь бы оно попало на дороге. Неужели ученые друзья наши не замечают, что *все* пало, *все* понизилось — победитель и побежденный, Наполеон, его противник, его союзник, Кавур и Гарибальди, Кошут и Жеромов сын *. Это та разрушающая сила, которая бьет все живые всходы, обращая их в неорганические кучи,— и называется *смертью*.

Из затворяющихся дверей Янусова храма * бредут какие-то печальные калеки, состаревшиеся, с бритой головой, исхудалые, не вылечившиеся, а только неумершие. Никого узнать нельзя, ни даже папу — *титularyного* президента Италии *.

Нас обвиняют в пессимизме. Помилуйте, если нас в чем-нибудь можно обвинить, так это в оптимизме.

При начале войны нам казалось, что Наполеон хочет, исполняя программу Ромье, революционный вопрос *понизить* в вопрос народностей и распустить его в нем. Мы думали, что он выгонит австрийцев из Италии и задавит ее потом своим деспотическим покровительством. Такой удар — чего нет другого — окон-

---

¹ всеобщее избирательное право (франц.).— *Ред.*

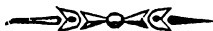
чивал чужеядную Австрийскую империю, призывал к жизни славян и мадьяр. Но *смерть* рука в руку с «вечной карой»¹. Наполеон только унизил, опозорил Австрию — потом спас ее!

Немецкие газеты говорят, что к этому союзу приступит и Александр II, — это невозможно, мы *не верим!* Союз с Австрией у просыпающейся России... нет, нет — Александр II может ошибаться, быть обманут лакеями старого барина, своим собственным хором, но этого он не может — *ведь он любит Россию!*

15 августа 1859.

---

¹ См. эпитафия статьи «Война», заглавие, 205 стр., Фохт говорит: «Le bonapartisme c'est la mort, mais l'Autriche c'est la damnation eternelle» («Бонапартизм — это смерть, но Австрия — это вечное проклятие»).

VERY DANGEROUS!!!¹

В последнее время в нашем журнализме стало поговать какой-то тлетворной струей, каким-то *развертом* мысли; мы их все не принимаем за выражение общественного мнения, а за наитие *направительного* и *назидательного* ценсурного триумвирата *.

Чистым литераторам, людям звуков и форм, надоело гражданское направление нашей литературы, их стало оскорблять, что так много пишут о взятках и гласности и так мало «Обломовых» и антологических стихотворений *. Если б только единственный «Обломов» не был так непроходимо скучен, то еще это мнение можно бы было им отпустить. Люди не виноваты, когда не имеют сочувствия к жизни, которая возле них ломится, рвется вперед и, сознавая свое страшное положение, начинает, положим, нескладно говорить об нем, но все-таки говорит. Мы видели в Германии всяких Жан-Полей, которые в виду революций и реакций исходили мнением, составляли лексиконы или сочиняли фантастические повести *.

Но вот шаг дальше.

Журналы, сделавшие себе пьедестал из благородных негодований и чуть не ремесло из мрачных сочувствий со страждущими, катаются со смеху над *обличительной* литературой, над неудачными опытами *гласности* *. И это не то чтоб случайно, но при большом театре ставят особые балаганчики * для освидетствования первых опытов свободного слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголове, так она недавно сидела в остроге.

¹ Очень опасно!!! (англ.).— Ред.

Когда товарищи Поэрио, встреченные тысячами и тысячами англичан при въезде в Лондон, не знали, что им сказать, и наконец просили простить их нескладную благодарность, говоря, что они отвыкли вообще от человеческой речи в десятилетних окопах, народ не хохотал им в ответ и «Пунш», смеющийся надо всем на свете, над королевой и парламентом, не сделал карикатуры *.

Смех есть вещь судорожная, и на первую минуту человек смеется всему смешному, но бывает вторая минута, в которой он краснеет и презирает и свой смех, и того, кто его вызвал. Всего гения Гейне чуть хватило, чтоб покрыть две-три отвратительные шутки над умершим Бёрне, над Платеном и над одной живой дамой *. На время публика отшарахнулась от него, и он помирился с нею только своим необычайным талантом.

Без сомнения, смех одно из самых мощных орудий разрушения; смех Вольтера бил и жег, как молния. От смеха падают идолы, падают венки и оклады и чудотворная икона делается почерневшей и дурно нарисованной картинкой. С этой революционной, нивелирующей силой смех страшно популярен и прилипчив; начавшись в скромном кабинете, он идет расширяющимися кругами до пределов грамотности. Употреблять такое орудие не против нелепой ценсурной тройцы, в которой Тимашев представляет Святой слух, а ее трезубцем, значит участвовать с ней в отравлении мысли.

Мы сами очень хорошо видели промахи и ошибки обличительной литературы, неловкость первой гласности; но что же тут удивительного, что люди, которых всю жизнь грабили квартальные, судьи, губернаторы, слишком много говорят об этом теперь. Они еще больше молчали об этом!

Давно ли у нас вкус так избаловался, утончился? Мы безропотно выносили десять лет болтовню о всех петербургских камелиях и аспазиях *, которые, во-первых, во всем мире похожи друг на друга, как родные сестры, а во-вторых, имеют то общее свойство с котлетами, что ими можно иногда наслаждаться, но говорить об них совершенно нечего.

«Да зачем же обличительные литераторы дурно рассказывают, зачем их повести похожи на дело?» — Это может относиться к лицам, а не к направлению. Тот, кто дурно и скучно

передает слезы крестьянина, неистовство помещика и воровство полиции, тот, будьте уверены, еще хуже расскажет, как златокудрая дева, зачерпнувши воды в бассейне, облилась, а черноокий юноша, видя быстротекущую влагу, жалел, что она не течет по его сердцу*.

В «обличительной литературе» были превосходные вещи. Вы воображаете, что все рассказы Щедрина и некоторые другие так и можно теперь гулом бросить с «Обломовым» на шею в воду? Слишком роскошничаете, господа!

Вам оттого не жаль этих статей, что мир, о котором они пишут, чужд вам; он вас интересовал только потому, что об нем запрещали писать. Столичные растения, вы вытянулись между Грязной и Мойкой, за городской чертой для вас начинаются чужие края. Суровая картина какого-нибудь «Перевоза»*, с телегами в грязи, с разоренными мужиками, смотрящими с отчаянием на паром и ждущими день, и другой, и третий, вас не может столько занять, как длинная Одиссея какой-нибудь полузаглохшей, ледящейся натуры*, которая тянется, соловееет, рассыпается в одни бессмысленные подробности. Вы готовы сидеть за микроскопом и разбирать этот гной (лишь бы не с патологической целью, это противно чистоте искусства, искусство должно быть бесполезно, иногда может быть немного вредно, но подлая утилитарность его убивает) — это возбуждает вам нервы. Мы, совсем напротив, без зевоты и отвращения не можем следить за физиологическими описаниями каких-то невских мокриц, переживших тот героический период свой, в котором их предки — чего нет — были Онегины и Печорины.

И сверх того, Онегины и Печорины были совершенно истинны, выражали действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный рок лишнего, потерянного человека только потому, что он развился в человека, являлся тогда не только в поэмах и романах, но на улицах и в гостиных, в деревнях и городах. Наши литературные фланкеры последнего набора шпыняют теперь над этими слабыми мечтателями, сломавшимися без боя, над этими праздными людьми, не умевшими найтись в той среде, в которой жили. Жаль, что они не договаривают, — я сам думаю, если б Онегин и Печорин могли, как многие, приладиться к николаевской эпохе, Онегин был бы

Виктор Никитич Панин, а Печорин не пропал бы по пути в Персию, а сам управлял бы, как Клейнмихель, путями сообщения и мешал бы строить железные дороги.

Но время Онегиных и Печориных прошло. Теперь в России нет *лишних* людей, теперь, напротив, к этим огромным запашкам рук недостает. Кто теперь не найдет дела, тому пенять не на кого, тот в самом деле *пустой* человек, свищ или лентяй. И оттого очень естественно Онегины и Печорины делаются Обломовыми.

Общественное мнение, баловавшее Онегиных и Печориных потому, что чуяло в них *свои страдания*, отвернется от Обломовых.

Это сущий вздор, что у нас нет общественного мнения, как говорил недавно один ученый публицист, *доказывая, что у нас гласность не нужна*, потому что нет общественного мнения, а общественного мнения нет потому, что нет *буржуазии!* *

У нас общественное мнение показало и свой такт, и свои симпатии, и свою неумолимую строгость даже во времена общественного молчания. Откуда этот шум о чадаевском письме, отчего этот фурор от «Ревизора» и «Мертвых душ», от рассказов *Олотника*, от статей Белинского, от лекций Грановского? И, с другой стороны, как оно зло опрокидывалось на свои идолы за гражданские измены или шаткости. Гоголь умер от его приговора *; сам Пушкин испытал, что значит взять аккорд в похвалу Николаю *. Литераторы наши скорее прощали дифирамбы бесчеловечному, казарменному деспоту, чем публика; у них совесть притушилась от изощрения эстетического нёба!

Пример Сенковского еще поразительнее. Что он взял со всем своим остроумием, семитическими языками, семью литературами, бойкой памятью, резким изложением?.. Сначала — ракеты, искры, треск, бенгальский огонь, свистки, шум, веселый тон, развязный смех привлекли всех к его журналу, — посмотрели, посмотрели, поохотали и разошлись мало-помалу по домам. Сенковский был забыт, как бывает забыт на фоминой неделе какой-нибудь покрытый блестками акробат, занимавший на святой от мала до велика весь город, в балагане которого не было места, у дверей которого была давка...

Чего ему недоставало? А вот того, что было в таком избытке

у Белинского, у Грановского,— того вечно тревожащего демона любви и негодования, которого видно в слезах и смехе. Ему недоставало такого убеждения, которое было бы *делом* его жизни, *картой*, на которой все поставлено, страстью, болью. В словах, идущих от такого убеждения, остается доля магнетического демонизма, под которым работал говорящий, оттого речи его беспокоят, тревожат, будят... становятся силой, мощью и двигают иногда целыми поколениями.

Но мы далеки от того, чтоб и Сенковского осуждать безусловно, он оправдывается той свинцовой эпохой, в которой он жил. Он мог сделаться холодным скептиком, равнодушным *blasé*¹, смеющимся добру и злу и ничему не верующим,— точно так, как другие выбрили себе темя, сделались иезуитскими папами* и поверили всему на свете... Это было все бегство от Николая — как же тогда было не бежать? Мы не прощаем только тех, которые бежали в Третье отделение.

Что же похожего на то время, когда балагурничал Сенковский под именем Брамбеуса, с нашим временем? Тогда *нельзя* было ничего делать; имей себе гений Пестеля и ум Муравьева — веревки, на которых Николай вешал, были крепче. Возможность мучеников, как Конарский, как Волович, была, и только. Теперь все, везде зовет живого человека, все в почине, в возникновении, и, если ничего не сделается, в этом никто не виноват — ни Александр II, ни его ценсурный терцет, ни квартальный вашего квартала, ни другие сильные мира сего,— виной будет ваша слабость, пеняйте на себя, на ложное направление и имейте самоотвержение сознать себя выморочным поколением, переходным, тем самым, которое воспел Лермонтов с такой страшной истиной!..*

Вот потому-то **в** такое время пустое балагурство скучно, неуместно; но оно делается отвратительно и гадко, когда привешивает свои ослиные бубенчики не к той тройке из царских конюшен, которая называется *Адлерберг*, *Тимашев* и *Муханов*, а к той, которая, в поту и выбиваясь из сил, вытаскивает — может, иной раз оступаясь — нашу телегу из грязи!

Не лучше ли в сто раз, господа, вместо освистываний, нелов-

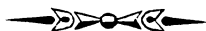
---

¹ пресыщенным (франц.).— *Ред.*

ких опытов, вывести на торную дорогу — самим на деле помочь и показать, как надо пользоваться гласностью?

· Мало ли на что вам есть точить желчь — от ценсурной тройцы до покровительства кабаков, от плантаторских комитетов до полицейских побоев. Истощая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы наши забывают, что по этой скользкой дороге можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, по (чего боже сохрани) и до *Станислава на шею!*

Может, они об этом и не думали — пусть подумают теперь!

ПРОЩАЙТЕ, АРСЕНТИЙ АНДРЕЕВИЧ!

Die ganze Kraft dem Volke weihend,
Am Ende doch hinausgeworfen seiend!*

Всего забавнее, что *Закревский* пал, как говорят, за свое *частное* семейное дело, не имеющее никакой государственной важности, но все-таки хорошо, что он пал... Граф *С. Г. Строгонов* имеет много хороших качеств, и его попечительство до 1848 года не забудется в Московском университете *. Теперь легче быть человеком и генерал-губернатором, чем было в прошлое царствование... Пусть же Строгонов берет себе в пример *М. С. Воронцова*, даже князя *Дм. Вл. Голицына* *, но только не своего новороссийского брата *. Крутить и щипать усы, хмурить брови, представлять из себя бенгальского тигра в генерал-адъютантских эполетах, давать отрывистые ответы, делать грубые замечания — все это *suprême mauvais genre* ¹, и если можно себе попускать это в Херсонезе Таврическом, то решительно невозможно на Тверской в Москве.

Мы никогда не могли понять, отчего у нас люди, получившие воспитание, становятся отвратительно грубы на службе? Кажется, чего уж аристократичнее английской аристократии, она и неприступна, и застряла в своих предрассудках, и считает королеву *первой из равных*, а ее мужа не совсем равным себе, и при всем этом английская аристократия в служебных отношениях необыкновенно учтива. Положим, что наш в генерал-адъютантстве почивший *Закревский*, вечно служивший в военной службе, в мелких чинах, мог привыкнуть ходить на просителя, как бульдог на крысу. Но есть фамилии, у которых

¹ крайне дурной тон (франц.).— *Ред.*

образование в семейной традиции, — к ним принадлежат Строгоновы. У Строгоновых в доме некогда жил гувернером член Конвента Ром *, знаменитый своей десятичной системой, античный герой, лишивший себя жизни в Конvente, когда реакция восторжествовала. Отец этих Строгоновых был один из умнейших и любезнейших дипломатов * — ну как же это делается, что одесский генерал-губернатор грубит женщине, вдове офицера, павшего под Севастополем, которая приходит, умирая с голода, — может и по форме — просить пенсии. Это психическая загадка!

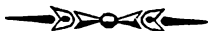
Но пусть же сначала нам будет позволено думать, что граф С. Г. Строгонов пойдет иной дорогой. Быть теперь генерал-губернатором в Москве значит одной ногой стоять в продолжении истории Карамзина... А с нынешней гласностью *шла в мешке не утаишь!*

В заключение обращаемся снова к вам, *продолжительный в пространстве и во времени* министр юстиции! Дайте нам право забыть вас, как с нынешнего дня мы забываем Закревского. Чего вы ждете? Гумбольдт умер, Закревский уволен — решайтесь поскорее на то или на другое. Вы вредный человек, вспомните, что и вы обязаны для России что-нибудь сделать!

〈МЫ ВСЕГДА ДУМАЛИ...〉

Мы всегда думали, что для полного обсуживания картины надобно приглашать в числе знатоков одного слепого, который бы мог сказать, как с точки зрения *слепого* должно смотреть на нее. А потому нас обрадовало, что Ростовцев посадил автора лабазно-плантаторской книжонки «Печатная правда» * в свой комитет. Не посылал ли он в Москву за моделью *детских* розог, которыми другой князь хотел сечь *взрослых* женщин *, чтоб знать, какой именно величины розги следует уничтожить?

ЕЩЕ О ГУТЦЕЙТЕ

Мы получили из Орла другое письмо *, в котором нас извещают, что хотя главные обстоятельства преступления Гутцейта («Колокол», лист 38) и справедливы, но что несчастную девушку отдали для *исправления* в однодворческое селение. Отчего же Гутцейт не отдан на исправление в *кааторжную работу*?

Корреспондент наш прибавляет:

История была известна во всей губернии, и несмотря на это в Орловском уезде на выборах в комитете было предложение выбрать Гутцейта в *депутаты*, но он не решился баллотироваться, вероятно, не из боязни быть невыбранным, а из боязни не быть утвержденным. Еще замечателен также и тот факт, что в Орловском уезде Гутцейт был членом комиссии, которой было поручено от уезда заняться обсуждением высочайших рескриптов для составления адресов. Плодом этого труда было такое постановление, о котором Милюков, мценский помещик, почти публично говорил в Собрании, что «надобно быть немцем или жидом, чтоб отнять у мужика даже землю на могилку». В 1848 г. в Орле сгорело $\frac{2}{3}$ города; известно, что засекали не помню сколько человек, 5 или 7; рассказывают, что губернатор Трубецкой обратился к публике во время казни с саблей в руках и сказал: «Вам всем то же самое будет». При секретном следствии по пожарам тот же Гутцейт пытал за сеченных людей *по особому способу*¹.

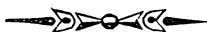
Вместо *водевиля после уголовной драмы* корреспондент рассказывает историю о каком-то диком генерал-адъютанте *Глинке* *, который повесил двух собак соседнего помещика и отнял ружье у охотника, встретив их на проезжем мосту через болото. В объяснение Глинка очень основательно сказал помещику, что он генерал-адъютант и потому имеет право делать что хочет. А мы прибавим в утешение помещику, что нечему дивиться,

---

¹ Сжатием детородных частей!

если вешают собак в стране, где безнаказанно насилуют девушек. Сверх того, несчастная жертва развратного правительства и распутного дворянства не имела никаких средств преследовать преступника, а помещик, обладавший собаками, зачем не хлопотал, не кричал, не отдал все достояние, чтоб проучить начального феодала после его татарского ответа?

Кстати, говорят, в Петербурге какая-то барыня жарила горничную на плите; ждем подробностей об этой милой соотечественнице *.

〈КОНЧИНА ПУЩИНА〉

Мы только теперь получили известие о кончине в подмосковной деревне 3/15 апреля ИВАНА ИВАНОВИЧА ПУЩИНА. Мы утрачиваем наших корреспондентов, что они так поздно известили нас. Все касающееся до великой, передовой фаланги наших вождей, наших героических старцев, должно быть отмечено у нас.

ЕЩЕ О ВОЗВЕДЕНИИ ПЬЯНСТВА В ПРАВОСЛАВНУЮ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ ОБЯЗАННОСТЬ

Перед нами два циркуляра, которым бы позавидовали даже австрийские иезуиты. Один, от 22 марта 1859, разослан из департамента полиции исполнительной, по *временному* (очень рады, что эти глупости не вечны) *отделению* и подписан (к крайнему сожалению М'инистром) в 〈нутренних〉 д'елъ Ланским. Забыл он, видно, псалтырь, в котором царь Давид «благословляет мужа, не сидящего на совете Муравьевых и не ходящего по дороге Паниных!» *

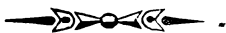
...Второй циркуляр, от 19 марта за № 670, наслан из первого депар. министерства государственных имуществ и подписан *не повешенным, но вешавшим* Муравьевым *. Тема одна, только варьяции Ланского *мольные*, а Муравьева *дурные*. Оба циркуляра говорят о пользе воздержания от сивухи, о *праве* крестьян не нарезываться, и на этом основании оба мешают им брать свои домашние меры надзора за исполнением обета не

пить *. Муравьев до того расхотелся, что вдруг является *Молешотом* или *Гуфеландом*, и *вешает* таким образом гигиену. «К искоренению пьянства надлежит стремиться наблюдением и внушениями, подвергая наказанию, указанным в законе порядком, за неумеренное пьянство, а не преследовать тех, которые употребляют вино *умеренно* и *нередко* даже нуждаются в том для поддержания сил и здоровья, и отнюдь не постановлять обязательных по сему предмету приговоров, как совершенно противных закону». Но букет циркуляра в конце: он предписывает в случае произвольных сходов, которыми сделаются *постановления*, выходящие из круга их ведения, «сей час *взыскать (что? как?)* с виновных, особенно с сельских начальников». Вероятно, это взыскание состоит в отodrании розгами — и потому никто не ожидает сюрприза, который им готовит после наказания Михаил Николаевич. «При чем (*при сечении, вероятно?*) разъяснить крестьянам, что правительство признает весьма похвальным благонамеренное стремление к воздержанию от пьянства, лишь бы не сопровождалось оно *мероположениями*, не разрешенными правительством».

Je t'aimais inconstant — qu'aurai-je fait fidel?*

Если за похвальные и благонамеренные стремления будут сечь, *что же* за стремления, достойные порицания и злонамеренные?.. Что за галиматья!

〈ПУТЕШЕСТВИЕ ТИМАШЕВА〉

Тимашев, генерал от III отделения, посетил Париж *, где был принят с подобающим почетом, *только не русскими путешественниками*, а французскими блюстителями порядка и молчания, у которых он успешно хлопотал о запрещении наших изданий. Говорят, что свою ученую прогулку генерал от III отделения продолжит до Лондона. Ну здесь-то к кому он обратится? Страна безобразная, ни цензуры, ни корпуса жандармов, ни каземат, ни Адлерберга с Мухановым — чтоб остановить *Колокольный звон* по случаю вождеденного приезда его превосходительства.

Он обратится к Михаловскому!

Все это усердие — от нашей статьи о том, как братья Тимашевы *освобождали* своих крестьян *без земли*, помещенной в 38 листе *.

〈UN AUSTRIACO PRINCIPE TROUBETZKOY¹〉

Что это за Австрийский принцпе Трубецкой в Комо? Пишут из Италии, что какой-то бывший в 1848 офицером у Радецкого un austriaco principe Troubetzkoу ездил из Комо депутатом от Австрийской партии, прося снова принять в имперское подданство из-под *рабства* Гарibaldi. Правда это или шутка?

---

¹ Австрийский князь Трубецкой (итал.).— Ред.

ПО ЧАСТИ ЦЕНСУРЫ ТВОРЧЕСКОЙ

Есть цензоры *марающие* (как юный Дегай *, уже удаленный за преувеличенный ценсурный яр), но зато есть и цензоры *прибавляющие*, как незабвенный в истории русской литературы Борис Федоров *. Вот что пишут о нашем Борисе:

В одном из №№ «Колокола» обвиняют журналистов в употреблении ливрейного языка *. Может быть, они пересолили, но примите к сведению следующий факт, за который я ручаюсь. При открытии одного женского училища в С.-Петербурге государыня (молодая), его покровительница и основательница, сказала речь, где будто бы находилась либеральная фраза, что *образование равняет все сословия*. Это событие и речь явились в печати. Государыню обвинили в санкюлотизме, она будто бы отреклась от этих слов; принялись за ценсоров, те оперлись на придворного ценсора, *старца* Бориса Федорова, которому сообщена была рукопись брошюры, и он получил нагоняй. После сего было строго подтверждено цензорами — все, что касается до царской фамилии и двора, препровождать к г. Федорову на разрешение министра двора. Я сам месяц тому назад видел на одном корректурном листе, где в биографии одного учителя было упомянуто, что он обучал таких-то великих князей в таком-то году, вставку г. Федорова: *имел счастье преподавать...*

Sehr gut!

1814—1859

ВТОРОЕ ЗАНЯТИЕ ПАРИЖА РУССКИМИ

При первом в Париже распоряжался из немцев *Фабиан Вильгельмович фон дер Остен-Сакен*. При втором — из жандармов *Тимашев*.

Пока Наполеон добивает *несокрушимые* войска габсбургской империи *, Париж полицейски занят русскими и *граф Киселев*, оставленный для формы и почета *явным посланником*, замещен в сущности *действительно тайным* — *Тимашевым* из III отделения.

Отовсюду приходят к нам слухи о резких и быстрых военных действиях генерала Тимашева против «Колокола», против «Полярной звезды». Французские шпионишки утром и вечером бегают по книжным лавкам в Париже — ищут *les maudits imprimés russes*¹ — так, как при Николае русские шпионишки, управляемые тогда *незабвенным* Леонтьем Васильевичем *, шныряли по французским лавкам и искали парижских книжонок.

Мы уверены, что, как только Тимашев воротится в Петербург, кн. Долгорукий представит его к ордену *Всеслышащего уха* с надписью «*За взятие Колокола в Париже во время каникулярных жаров 1859 года*».

Жаль, что к этому порывистому усердию примешивается личность, — и в этом мы виноваты. Нужно, в самом деле, было нам помещать в «Колоколе» о том, как братья Тимашевы уговорили откупиться 700 душ в Оренбургской губернии — *без зем-*

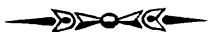
---

¹ проклятые русские издания (франц.).— *Ред.*

ли *. Во-первых, зачем *душе* земля, а потом — что же за важность, что братья Тимашевы прогнали мужиков и пустили их по миру, — в России не пехристи живут, подадут где-нибудь ломтик хлеба, и много ли в сущности прибавится к массе крестьян, разоренных вконец благородным российским дворянством, сей верной опорой престола, от 700 душ, да еще оренбургских. О чем же было тут печатать? — Вот за то «Колоколу», вот за то «Полярной звезде»! ¹

---

¹ В утешение нашим читателям мы должны сообщить, что продажа «Колокола» и «Полярной звезды» никогда не шла лучше, как теперь!

ВЫГОВОР ПО СЛУЖБЕ

Рассказывают, что в те патриархальные времена, когда «еще нам новы были» * все канцелярские порядки и немецкая бюрократия чуть-чуть пускала солодковые корешки свои в едва распаханную русскую землю, в какую-то дикастерию * сошла или, лучше, насралась бумага из Петербурга, в которой велено было сделать одному чиновнику *строжайший выговор* при отворенных дверях присутствия. Презус * потер лоб, поморщился, да и дай его, в дверях, пушить на чем свет стоит. «Ах, говорит, ты такой-сякой, чего не идешь в отставку, коли службы не знаешь». Тот слушал, слушал, наконец, потеряв терпение объявил, что он будет жаловаться высшему начальству *за афронг чести*.

Презус, видя, что чиновник хочет идти, велел его задержать в канцелярии, вышел из присутствия, снял мундир, надел сертук и, протягивая обе руки, сказал рассерженному чиновнику:

— Друг ты мой сердечный, ведь мне-то каково было, ведь я тебя люблю душевно, ведь хлеб-соль двадцать лет водил, не каменный я какой. Пожалуйста, прости!

— С чего же вы взъелись на меня? — спросил титулярный и обиженный советник.

— Служба, служба, вот видите предписание из Петербурга — написано: «Сделать *строжайший* выговор».

— Так это вы из-за этого меня и в хвост и в гриву?

— Как же, батюшка, *строжайше*.

— Ну, бог вас простит!

Этот анекдот пришел нам в голову вследствие письма, недавно полученного нами, *ставящего нам на вид* наши упущения и недостатки.

Странный pli ¹ принял русский ум. Наклонность к насмешке, к иронии — совершенно национальные и прекрасные свойства в нашем характере — превратились под канцелярским влиянием Петровской эпохи в страсть к *начальническим выговорам*.

Мы получали их не один раз. Вот несколько слов в ответ последнему, писанному от имени «Легиона» наших доброжелателей.

«Не довольно, — говорит автор, — в *прекрасном далеко* изготовлять бомбы, надобно их уметь бросать, и чем больше и чаще, тем лучше; никто не требует от вас, чтоб вы были в одно и то же время писателем и книгопродавцем. Никто также не потребует, чтоб вы разорились на общую пользу, но, объявив, что труды ваши в настоящее время вознаграждаются материально, вы дали публике право контролировать ваши издания...» ²

«Если, — продолжает автор, — ваших собственных сил недостаточно, пригласите печатно сотрудников. Многие поехали бы даже в корректоры, но, не зная *какой* assueil ³ вы им сделаете, не решатся ехать на авось. Кстати, корректура в ваших изданиях все хуже и хуже, и есть строки, которых смысл совершенно непонятен, *непростительная небрежность — за огромные деньги*. Если в Лондоне дорого издавать, то перенесите издание, т. е. *печатание, в Германию*. Ведь печатают же Schneider и Frank вещи не менее *кричащие*».

«Желательно, чтобы „Колокол“ выходил чаще, обратился бы в газету: все указы, приказы и т. п. должны тотчас обсуживаться в „Колоколе“. Иные №№ „Колокола“, извините, чрезвычайно бедны по содержанию. **ПОВТОРЯЮ**, если вы не признаете в себе редакторского таланта, то вызовите, стоит только клич *кликнуть*».

---

¹ склад (франц.). — Ред.

² Вот как делается этот контроль. Автор обвиняет г. Трюбнера в том, что в V книжке «Полярной звезды» много *белой бумаги*, что есть страницы, на которых только 5 строчек, и что стихи можно бы было напечатать на меньшем пространстве. Объем «Полярной звезды» и число строчек *совершенно независимы* от г. Трюбнера — цена «Пол. зв.» насколько не изменилась бы от того, что листом было бы больше или меньше — мы не думали продавать ее ни на вес, ни на ярды. — Ред. (Примеч. ред. «Колокола»).

³ прием (франц.). — Ред.

Мы уверены, что автор без умысла употребил *этот тон*, который *никогда* не придет в голову ни одному английскому журналисту, потому что в Англии есть борьбы, нетерпимости, доходящие до грубости, но нет *внушений*, нет служебных распеканий, нет начальнических *ПОВТОРЯЮ*; пора отучиться и нам.

Что касается до рассылки книг, это дело г. Трюбнера, и нельзя не отдать ему полной справедливости, что он действовал с большим умом и с большим успехом, доказательством этому — расход вторых изданий и продажа «Колокола»¹.

Не надобно забывать, какие препятствия делают циркуляции наших книг. Когда Норв вымолил у Мантейфеля и у Бейста запрещение «Колокола» *, целые посылки его пропадали или отсылались назад с таким *порто*, что лучше было отказываться от них. Месяц тому назад Тимашев исходатайствовал новое гонение в Париже *, и 5 книжка «Полярной звезды» и 3 последних листов «Колокола» нашли свою *преждевременную кончину* в закормах французских таможен.

Этими мерами полиции ничего не сделают, в этом нет сомнения. Но желающий *контролировать* не должен забывать, что периодические потери эти падают на Трюбнера, в силу этого он назначает цены слишком дорогие; мы с этим согласны, и будущие издания он очень понизит по нашему совету.

Что касается до цен, по которым продаются русские книги в Берлине, Париже и пр., мы совсем не отвечаем, *эта надбавка совершенно противузаконна*.

Вы видите, что сделал г. Трюбнер для распространения русских книг и что полиция — для уничтожения их. Но что сделали русские, для того чтоб способствовать циркуляции? — *Ничего!*

Мы двадцать раз предлагали посылать куда угодно наши книги и «Колокол» за *полцены и доставку*, мы не получили заказа *ни на одну гиню*. На что нам кликать клич, на что нам *commis-voeuageur* — кто мешает вам с той стороны протянуть руку, когда с этой подадут книгу?

---

¹ В июне месяце, например, сверх 3 листов, вновь напечатанных, г. Трюбнер получил заказ на 4800 разных листов «Колокола» и на 25 полных экземпляров. Типография не могла их выставить и отправила только 4300.

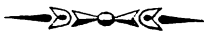

Открывая русскую типографию в 1853 году, мы говорили вам: «Дверь открыта, хотите вы ей воспользоваться или нет — останется на вашей совести» *.

Считаем ли мы себя способными издавать журнал или нет — это к делу не идет. Можно себя считать очень способным и не иметь никакого таланта. Самый вопрос показывает, что наша способность очень сомнительна, — по *кличу* и в этом случае мы не будем *кликать*. Неужели почтенный автор думает, что в издании, основанном на безусловной тайне корреспонденции, может участвовать каждый *незнакомец*, умеющий писать по-русски и не имеющий другого занятия? Да нам на нашу кличь Тимашев даром отправит корректоров и батырщиков. Если же есть близкие нам люди, способные и желающие работать с нами, они нас найдут без клича и мы им будем очень рады.

«Полярная звезда» и «Колокол» доказали возможность и своевременность русских изданий за границей. Первые ручьи всегда бывают беднее последующих рек. Мир не клином сошелся — разве кто-нибудь говорит, что вне России может быть только один русский журнал, да и то в Лондоне. Вы довольны русскими изданиями в Лейпциге и Берлине, вы верите *возможности* свободного слова в настоящей Германии, — издавайте там новый журнал.

Мы с своей стороны готовы братски помогать всякому свободному органу русской мысли.

ГОНЕНИЕ УМЕРШИХ

В 47 листе «Колокола» мы поместили несколько слов * о бездушном и оскорбительном благообычае нашей смиренной церкви не хоронить покойников и не служить панихиды во все тезоименитства 34 душ обоего пола, принадлежащих к царской фамилии ¹*. Теперь один корреспондент сообщил нам исторические сведения о другой такой же нелепости. Спешим поделиться с читателями этими новыми доказательствами, что доктор Крупов был совершенно прав, принимая всех людей за сумасшедших.

Дело идет о запрещении провозить и проносить покойников мимо Зимнего дворца. Закон этот установлен императрицею Анною Ивановной в 1740 году и существует доселе. Неужели и теперь, в половине XIX века, кто-нибудь из царской семьи, увидя покойника, провозимого мимо окон Зимнего дворца, скажет вместе с Анною Ивановной, что «сие весьма непристойно»? Это запрещение, подобно запрещению хоронить в царские дни, также причиняет не мало хлопот. Куда, например, прикажете везти тело покойника из домов, близь Зимнего дворца находящихся (например, на Дворцовой набережной, на Миллионной), если надо везти его на Смоленское кладбище? Не угодно ли повернуть назад, на Гагаринскую пристань, и потом, объехав напрасно несколько улиц, вновь, украдкою, тайком, как будто с контрабандою, выехать на Адмиралтейскую площадь и следовать далее, до места «злачна и прохладна». Если нелепый закон Анны Ивановны, подтвержденный в 1755 году Елизаветою Петровною, был уместен сколько-нибудь в свое время, хоть потому уже, что

¹ При богом благословенном плодородии благородного дома Романовых можно рассчитать примерно, в котором году в России совсем нельзя будет хоронить!

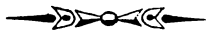
последняя боялась покойников, то в настоящее время он не имеет за себя ни малейшей защиты.

Указ этот, а равно и подтверждение оно, сделанное Елизаветою Петровною, интересны в высшей степени, ибо ясно показывают не только грубость прав и понятий тогдашнего времени, но и какое-то наглое, непонятное для нас, презрение к человечеству, даже мертвому. К тому же указ Анны Ивановны исполнен таких *курьезных* выражений, что в назидание для грядущего потомства, особенно же для составителей высочайших указов и повелений, мы решаемся привести их здесь целиком, тем более что они не займут много места. Оба указы именные, объявленные полицеймейстерской канцелярии, помещены в полном собрании законов под №№ 8060 и 10480¹. Вот первый, от 10 апреля 1740 г.

Ее императорское величество изволила указать в полицеймейстерской канцелярии объявить: понеже в 9 день сего апреля случилось, что мимо самых ее императорского величества покоев и окошек, где *ее императорское величество высочайшею своею особою присутствовать изволила*, пронесли мертвое человеческое тело, что *весьма непристойно есть; ибо для* таких случаев, чтоб мертвые тела и прочее *тому подобное*² проносить, или провозить, много иных дорог сыскать можно; того ради полицеймейстерской канцелярии накрепко того смотреть, чтоб впредь такие *непристойности не происходили* и мимо ее императорского величества покоев и окошек такой *вольный* проход и проезд с мертвыми телами и *прочим тому подобным* отнюдь не был.

Вот и второй:

6 ноября 1755 г. ее императорское величество указать соизволила чрез полицию здесь в С.-Петербурге обывателям объявить, чтобы никто мертвых для погребения мимо Зимнего ее императорского величества деревянного дворца не носил, как по Пресективной так и по Мойке, а обносить другими улицами далее; кое высочайшее повеление чрез сие главной полиции ко исполнению и сообщается.

---

¹ Замечательно, что они не вошли в свод законов, составители которого, вероятно, устыдились ввести их в подлежащий том, оставив в силе как полицейское распоряжение, никому, впрочем, не объявленное.

² Что разумела Анна под словами «и прочее тому подобное», осталось для нас непроницаемою тайною.

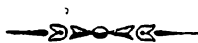
〈ОБЪЯСНЕНИЕ СТАТЬИ «VERY DANGEROUS!»〉

В 44 листе мы предупреждали наших русских собратий, слишком нападавших на изобличительную литературу, что они этим путем, сознательно или бессознательно, помогут *наставительному* комитету.

Нам бы чрезвычайно было больно, если б ирония, употребленная нами, была принята за оскорбительный намек. Мы уверяем честным словом, что этого не было в уме нашем; если б оно было, мы иначе бы стали обличать — в особой умеренности и скрытности в подобных случаях нас сам Панин не обвинит.

Нельзя же *manière de dire*, образ выражений, особенно иронических, брать в прямом смысле. В прошедшем «Колоколе» мы говорили о том, что *тайный* член ценсурского триумvirата Тимашев заступил место Сакена, бывшего парижским генерал-губернатором *, — разве кто-нибудь будет доказывать, что это не так?

Мы не имели в виду ни одного литератора, мы вовсе не знаем, кто писал статьи, против которых мы сочли себя вправе сказать несколько слов, искренно желая, чтоб наш совет обратил на себя внимание.

〈МОДЕСТ КОРФ ПРИСТАВЛЕН (ГОВОРИТ «NORD»)...〉

Модест Корф приставлен (говорит «Nord») к наследнику российского престола в учителя законовещения *. Теперь нам только остается ожидать, что на днях приставят к нему Рафаила Зотова в учителя философии, а Алфонса Баладые в учителя — ну хоть математики и закона божия.

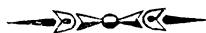

ПОД СУД!

Получая известия о делах слишком частных, чтобы взойти в состав «Колокола», и за достоверность которых мы не можем ручаться, мы решились издавать как прибавление к «Колоколу» листок под заглавием «ПОД СУД!» * Смотря по количеству материала, он будет выходить раз в месяц или в два месяца. Мы будем помещать в него все дела частные, которые однако не переходят в пустые личности и неинтересные сплетни. Честные люди, видя дело, решенное несправедливо, или видя кого-нибудь притесненным местною властью, могут всегда доводить встречаемые ими случаи до сведения публики и правительства посредством нового органа. Если они ошиблись, то мы всегда примем и напечатаем *возражение другой стороны*, будь она частное лицо или судебная инстанция, исправник или губернатор, благочинный или архиерей. Конечно, мы охотно предоставляем каждому лицу, постороннему в деле, присылать нам свое суждение о нем; но мы также предоставляем и себе право делать свои замечания, руководствуясь посильным здравым смыслом и существующими узаконениями. К какой бы губернии, к какому бы уезду, к какому бы городу или селу случай ни относился, мы предоставим всякому свободный голос. Не только случайно наткнувшись на какую-нибудь несправедливость, но даже следя за ходом дел по официальной части губернских ведомостей, всякий честный человек, проживающий в губернии или проезжающий по ней, может обратить внимание на видимую им неправду, проследить и обличить ее.

Мы открываем лобное место для частных лиц и частных дел; от наших соотечественников зависит добросовестно и смело воспользоваться нашим предложением. Мы желали бы, чтоб «Колокол» был голосом всех, а «Под суд» голосом каждого.

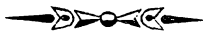
ВО ХРИСТЕ САПЕР ИГНАТИЙ *

Мы никогда не имели большого доверия к архиереям из саперов, нам всегда казалось, что люди, наводящие понтоны на временные реки, — скверные *понтифексы*, когда идет дело о вечных понтонах, по которым души должны подыматься в райские селения. Вот, например, из саперов архиерей Игнатий, бывший архимандрит Сергиевской лавры * и наставитель многих московских Магдалин, а ныне преосвященный владыка Ставрополя, написал возмутительный памфлет по поводу крестьянского вопроса. Цель памфлета состоит в христолоубивом доносе на архимандрита Казанской духовной академии Иоанна, поместившего «Слово об освобождении крестьян» (в янв. книжке «Православного собеседника») *, и в благочестивом рвении доказать, что рабство — установление божественное, святыми отцами православныя церкви поддерживаемое, благоверными царями упроченное.

Ржевуский в подражание уподобляет Казанскую академию и преимущественно автора «Об освобождении крестьян» «волкам, являющимся в одежде овчей», восстанавливающим одно сословие против другого, подкопывающим престол, алтарь и пр. Потом ангельского чина сапер вступает в исторические исследования о происхождении крепостного состояния в России, доказывает, что рабство учреждено самим богом, что христианин должен только терпеть и не сметь даже думать об освобождении. Здесь полемика сосредоточилась на тексте ап. Павла («Первое послание к коринфянам», глава 7, стих 20—23), где сказано: «Если ты раб — не смущайся; но если можешь сделаться свободным — тем лучше, умей воспользоваться». В славянском евангелии текст этот, как известно, искажен, сказано: «аще можеши сво-

боден быти — тем паче *поработи себя*». Но в русском переводе, сделанном при Александре I Библейским обществом и потом запрещенном, он переведен так, как его восстановила теперь Казанская академия, т. е. «*тем лучше, воспользуйся*». К этому придрался во Христе сапер Игнатий и обвиняет академию в том, что она, *в угоду народу*, искажила слова апостола. Если б архиерей был мало-мальски добросовестен, то ему стоило только взглянуть если не в греческий и латинский, то во французский или немецкий текст, — а он по крайней мере по-французски-то знает (этим языком он увещевал Магдалин), — там именно сказано так, как сказала академия. Далее архиерей восстает против прогресса, глумится над тем, что академия употребляет это слово и оканчивает апологией рабства, доказывая, что нету счастливее состояния, *как крепостное право*.

Мы слышали, что на Алеутских островах и в Камчатке есть закоптелые грешники, не верующие ни в святость рабства, ни в душеспасительство розог, ни в чистоту господских изнасилований, — что бы хоть Ростовцеву похлопотать о переводе туда во Христе сапера Игнатия!

ЗЛОДЕЙСТВА ПОМЕЩИКОВ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Благородные помещики пользуются двенадцатым часом своей безобразной власти. Вот что нам пишут:

В Тираспольском уезде опять ужасное происшествие: помещица ВЛАСОВА, у которой бежала горничная, призвала мать бежавшей и секла ее три дня, чтобы та сказала, куда девалась дочь. На третий день женщина повесилась. Барыня сама сняла ее с веревки. Следствие, конечно, все покрывает, ибо *следователи* остановились у брата этой госпожи и пировали там дни и ночи.

Сапер Игнатий! * Хорош же ваш бог, если он установил крепостное право с пытками, убийствами и безнаказанностью!

Да неужели ВЛАСОВУ не сошлют на поселенье... а впрочем, Орловского помещика *Гутцейга* * оставили насиловать детей, отчего же и ВЛАСОВОЙ в продолжение *переходной* эпохи не позволить потешиться над старухами. В истории такого подлого, татарски-кнутового, грязного дворянства не было! Это все не аристократия, а дворян, забравшая власть в руки!

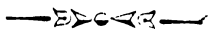

〈ЕЩЕ О «КОЛХИДЕ»〉

В 37 листе «Колокола» мы упомянули о «слухе», что капитан-лейтенант парохода «Колхида» получил выговор от великого князя за какие-то воротники, выпушки *. На днях получили

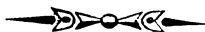

мы письмо от лица, которое должно, кажется, иметь вернейшие сведения, что этого выговора не было, а что великий князь *шутил*. Мы очень рады этому. Уж лучше бы им и не шутить по части этой слабой струны всего семейства, унаследованной от императора Петра Феодоровича.

〈ЕЩЕ О РАДЗИВИЛЛЕ〉

Мы снова получили письмо о деле незаконной отдачи Николаем к.Радзивиллу, женатому на Урусовой, имения. Мы уже печатали об этом в 34 листе «Колокола» *: видно, князь крепко закусил николаевскую *на-водку* *... Тут гласностью не поможешь. Не адресоваться ли кредиторам в агентство Адлерберга sen., jun. et C.

〈ПАНИН СОШЕЛ С УМА〉

Спешим поделиться с нашими читателями новостью, что министр юстиции Панин *сошел с ума* и остается министром юстиции. В прошлое царствование одного из умнейших людей в России, *П. Я. Чаадаева*, считали по высочайшему повелению *умалишенным*. Теперь сумасшедший Панин по высочайшей воле считается *умным*. Действительно неограниченное самодержавие!

〈ССЫЛКА г. РЫБНИКОВА〉

Мы были бы очень благодарны, если б нам сообщили подробности, за что сослан в Петрозаводск *г. Рыбников*. Нам пишут, что он сослан за то, что, изучая в Черниговской губернии промышленность, он ходил в *русском*, а не в *немецком* платье, — и это не при Бироне, не при Николае!..

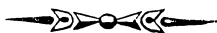

СМЕРТЬ ИЛИ КОСУШКУ!

¿Правда ли, что преступление *трезвости* дошло до того в Тамбовской губернии, что губернатор *Данзас* выслал военную команду для усмирения *непьющих*? * Бедное войско, бедные офицеры, мало было им защищать трон и алтарь, помещичьи розги и чиновничий разбой — пришлось теперь защищать кабак с его штофной и распивочной продажей. Уже не дадут ли им потом ведерные кавалерии через плечо, полуштофные крестики в петлицу, а нижним чинам медали с изображением голубя, сходящего на откупоренный штоф и с надписью: «*Spiritus sanctus — spirito vini*»! ¹

Пока мы спрашивали о военных действиях *Данзаса* — еще сомневаясь в них — дошла до нас другая весть о том, как генерал *Ефимович* в Пензе и Саратове усмирял штыками *трезвость* *. Неужели государь знает это? Неужели во всей семье его нет человека, который настолько бы любил его и Россию, чтоб сказать ему это?

Таким образом мы еще дойдем до того, что Марию Бредау и ее дом *вольного обращения* * будет защищать лейб-гвардия.

---

¹ Дух святой — духу винному! (лат.).— *Ред.*

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА, ОДЕРЖАННАЯ В КОВЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ГУСАРСКИМ Е. И. В. ПОЛКОМ

Взвод этого полка занял в Ковенском уезде деревню Воеводзишки * и тотчас начал отбивать у *неприятеля* сено, солому и пр. За сопротивление крестьянина Матеуша Илгунаша солдаты взяли в плен и повели к ротному командиру *Волкову*. Помещик (*фамилья недостает в письме*) с дворовыми отбили мужика у солдат. Вслед за тем является к помещику поручик *Лапунов*, требуя выдачу крестьянина, на этот раз как уже обвиняемого в том, что разрубил топором ноздри строевой лошади. Зная опасность военного положения, помещик хотел замять дело, но это уже было поздно. Капитан Волков донес полковому командиру Розепу, что крестьяне воеводзишские бунтуют, что один из них хотел топором зарубить солдата, но не попал, а изувечил строевую лошадь. Видя неминуемое бедствие, помещик бросился в Ковпо к предводителю Иосифу Довгирду, Иосиф Довгирд к исправляющему должность губернатора Порай-Лентковскому — troppo tardi ¹: Порай-Лентковский уже донес обо всем Назимову.

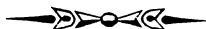
И вот едут полковник *Во*, жандарм *Шварц*, поручик *Иваненко* — депутат со стороны победоносного войска, другой депутат — со стороны побежденных. Назимов предписывает им произвести следствие. На спросе солдаты показали, что крестьянин не хотел рубить ни солдат, ни лошадиных ноздрей, что, когда его вязали, топор у него был за поясом, что лошадь была оцарапана случайно. Пристав Мицкевич с своей стороны отказался написать, что лошадь была изувечена (*находя это гиперβολой!*), — оставалось оправдать помещика и оставить дело.

Но неумытный Назимов шутить не любит, он призывает Станислава Хотинского (первого губернатора из поляков!) и велит в пример и поучение другим помещикам наказать *невинного* (тем больше острастки, совершенно виновного наказать — не хитрость!). Хотинский, усердствуя общей пользе, делает такое заключение: что хотя помещик в деле не обвиняется, но, желая дело окончить *административным порядком*, губернатор предлагает помещика посадить под арест, взыскав с него протори, убыт-

---

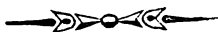
¹ слишком поздно (итал.).— *Ред.*

ки и прогонные деньги следопроизводителям — всего 108 рублей. Назимов, не видя тут никакой *гиперболы*, а, напротив, думая поставить полезную параболу, согласился с губернатором и предложил выдержать помещика 15 дней на гауптвахте. Военный министр * утвердил! А тут есть беспокойные люди, удивляющиеся, что Панин сошел с ума и не сошел с министерства. Да разве при такой расправе кто-нибудь, кроме сумасшедшего, может быть министром юстиции!

〈ОТЗЫВ НА ПИСЬМО О КОНТРАБАНДЕ〉

Мы получили письмо, в котором неизвестный корреспондент описывает, почему и как провозят контрабанду на западной границе и какими средствами ее уменьшить. Это второе письмо о том же предмете, а потому мы и считаем излишним сказать, почему мы не печатаем их. Мы стоим за всякого рода *облегчения и освобождения*, и нам вовсе нет дела до полицейского или таможенного послабления, — мы не учим, как крепче запирать тюрьмы и как прочнее клепать цепи.

РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ

I

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЕ НЕМЦЫ

«Историки делаются — поэты рождаются», — говорит латинская сентенция. Наши правительствующие немцы имеют ту выгоду против историков и поэтов, что они и *делаются*, и *рождаются*. Рождаются они от обруселых немцев, делаются из онемечившихся русских. Плодородие это — спору нет — дело хорошее, но чтоб они не очень гордились этим богатством путей нарождения, мы им напомним, что только низшие животные разводятся на два, на три манера, а высшие имеют одну методу, зато хорошую.

Из всех правительственных немцев — само собою разумеется — русские немцы самые худшие. Немецкий немец в правительстве бывает наивен, бывает глуп, снисходит иногда к варварам, которых он должен очеловечить. Русский немец ограниченно умен и смотрит с отвращением стыдящегося родственника на народ. И тот и другой чувствуют свое бесконечное превосходство над ним, и тот и другой глубоко презирают все русское, уверены, что с нашим братом ничего без палки не сделаешь. Но немец не всегда показывает это, хотя и всегда бьет; а русский и бьет, и хвастается.

Собственно *немецкая* часть правительствующей у нас Германии имеет чрезвычайное единство во всех семнадцати или восемнадцати степенях немецкой табели о рангах. Скромно начинаясь подмастерьями, мастерами, гезелями, аптекарями, немцами *при детях*, она быстро всползает по отлогой для ней лестнице — до немцев *при России*, до ручных Нессельродов, цепных Клейнмихелей, до одноипостасных Бенкендорфов и двуипостас-

ных Адлербергов (*filiusque*¹). Выше этих *гор* и *орлов* * ничего нет, т. е. ничего земного... над ними олимпийский венок немецких великих княжон с их братцами, дядюшками, дедушками.

Все они, от юнейшего немца-подмастерья до старейшего дедушки из снеговержцев зимнего Олимпа, от рабочей сапожника, где ученик заколачивает смиренно гвозди в подошву, до экзерциргауза, где немец — корпусный командир заколачивает в гроб солдата, — все они имеют одинакие зоологические признаки, так что в пемце-сапожнике бездна генеральского и в немце-генерале пропасть сапожнического; во всех них есть что-то ремесленническое, чрезвычайно аккуратное, цеховое, педантское, все они любят стяжание, но хотят достигнуть денег честным образом, т. е. скупостью и усердием, — это дает им их черствый, холодный, осторожный и бесстрастный характер. Воруя на службе, можно еще быть добродушным плутом; наживать честным образом — все же будешь плутом, но злым и беспощадным, например, исполняя с точностью безумные приказы самовластья.

Сверх этих общих признаков, все правительствующие немцы относятся одинаким образом к России — с полным презрением и таковым же непониманием.

Не знаю, каковы были шведские немцы, приходившие за тысячу лет тому назад в Новгород. Но новые немцы, особенно идущие царить и владеть нами из остзейских провинций, после того как Шереметев «изрядно повоевал Лифлянды» *, похожи друг на друга, как родные братья. Самый полный тип их — это конюх-регент, герцог на содержании — *Эрнст Иоганн Бирон*.

В мою молодость, в Москве, я имел случай изучить по крайней мере человек пять Биронов — только они не были на содержании, а жили на свой счет. Отец мой охотно отдавал дворовых мальчиков к немцам *в науку*. Все хозяева были неумолимые, систематические злодеи, и притом какие-то *беззлые*, что еще больше делало невыносимым их тиранство. Я помню очень живо щеточника в Леонтьевском переулке, белобрысого немца с испорченными зубами, лет 35, чисто одевавшегося, говорившего тихо и скромно державшего себя вне мастерской. Дома при нем постоянно лежал ремень, и он, как американский плантатор

¹ с сыном (лат.).— *Ред.*

или как пьяный кучер, стегал то и дело то того, то другого мальчика и стегал два раза, если тот отвечал. Я даже не думаю, чтоб этот человек был особенно свиреп, он с тупым убеждением продолжал дело Петра I и вколачивал ремнем европейскую цивилизацию. «Es ist ein Vieh — man muß der Bestie den Russen herausschlagen»¹, — думал он с покойной совестью.

Я уверен, что Бирон, ужиная en petit comité² с своими Левенвольденами, Менгденами, точно так относился о всей России и Остерман ему поддакивал, если не было никого из русских, и жаловался на глухоту, если кто-нибудь был налицо. И добрые немцы, как добрый щеточник, без устали употребляли ремни вроде Ушаковых, Бестужевых *, которые подымали Россию на дыбу, ломали ей руки и ноги и были вдвое мерзее своих немецких хозяев.

Об них-то именно мы и хотим поговорить.

Тип Бирона здесь бледнеет. Русский *на манер немца* далеко превзошел его; мы имеем в этом отношении предел, геркулесов столб, далее которого «от жены рожденный» не может идти, — это граф Алексей Андреевич Аракчеев. В нем совместились все роды бичей, которыми Русь воспитывалась, это был раболепный татарский баскак, наушник-дворецкий из крепостных и прусский вахмистр времен курфюрста Фридриха-Вильгельма. Но что же было в нем русского! Какое-то национальное ensemble³, какое-то национальное сочетание нагайки, розог и шпицрутена.

Аракчеев совсем не немец, он и по-немецки не знал, он хватался своим русопетством, он был, так сказать, *по службе* немец и, не отдавая себе никогда отчета, выбивал из солдата и мужика не только русского, но и человека.

Так, как в Саксонии есть своя небольшая Швейцария, так у нас своя, и притом очень большая, Германия. Средоточие ее в Петербурге, но точки окружности везде, где есть стоячий воротник, секретарь и канцелярия, во всех администрациях: сухопутных, горных, соляных, военно-статских и статски-военных. Настоящие немцы составляют только ядро или закваску, но большинство состоит из всевозможных русских — православных, столбовых, с нашим жирным носом и монгольскими скула-

¹ Это — скотина, нужно выбить скота из русских (нем.).— *Ред.*

² в тесной компании (франц.).— *Ред.*

³ единство (франц.).— *Ред.*

ми, ученых невежд, эскадронных командиров, журналистов и начальников отделения. Они-то и занимают все первые места, когда нет под рукой настоящего немца, и все вторые — когда есть, или, вернее, все остальные, кроме поповских, и это оттого, что немец *ex officio* должен ходить по-немецки, т. е. брить бороду, а поп из религиозных причин должен быть женат и с бородой.

Вступив однажды в немцы, выйти из них очень трудно, как свидетельствует весь петербургский период; какой-то угол отшибается, и в силу этого теряется всякая возможность понимать что-нибудь русское, по крайней мере то русское, что составляет народную особенность. Один из самых замечательных русских немцев, желавших обрусеть, был Николай. Чего он не делал, чтоб сделаться русским: и финнов крестил, и униат сек, и церкви велел строить опять в виде судка, и русское судопроизводство вводил там, где никто не понимал по-русски, и все иностранное гнал, и паспортов не давал за границу, а русским все не сделался, и это до такой степени справедливо, что народность у него являлась на манер немецкого тейчтума, православие проповедовалось на католический манер. Толкуя о народности, он даже не мог через русскую бороду перешагнуть *, помня, что скипетр ему был вручен на том условии, чтоб он «брил бороду и ходил по-немецки». Этого мало: Николай при первом представившемся случае, когда враждебно встретились интересы России с немецкими интересами, предал Россию, так, как ее предал нареченный дед его Петр Федорович. Только что они нашли разных немцев: Петр Федорович изменил России в пользу прусского короля, потому что Фридрих был гений *; Николай изменил всему славянскому миру в пользу австрийского императора, который был идиот *.

Дело-то в том, что жизнь русскую, не установившуюся, задержанную и искаженную, вообще трудно понимать без особенного сочувствия, но во сто раз труднее в *немецком переводе*, а мы ее только в нем и читаем. Она ускользает от чужих определений, а сама не достигла того отстоявшегося полного сознания и отчета, которое является у старых народов вместе с сединою и печальным припевом: «*Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!*»¹

¹ «Кабы молодость знала, кабы старость могла!» (франц.).— *Ред.*

Вместо статистических, юридических, исторических торных дорог, по которым мы ездим во все стороны на Западе, у нас везде лес, проселки, дичь... Стремления, способности, огромный рост, в ужас приводящее молчание и какой-то народный быт, засыпанный мусором... вот и все. Есть признаки, *приметы*, звуки симпатии, по которым многое делается понятным для простого ума, т. е. непредупрежденного, для простого сердца, для кровной связи; это чутье совершенно притупляется немецкой дрессировкой.

Кто не видал в свою жизнь истого городского жителя, как он теряется в поле, в лесу, в горах?.. Ни будочника, чтоб спросить дорогу, ни пумеров, ни фонарей; а крестьянский мальчик попевает песни, щелкает орехи и преспокойно идет домой.

Той ясности, той легости, к которой нас приучает чтение духовных завещаний, надгробных надписей, оконченных процессов, мы не находим и, обращаясь к хаосу русской жизни, ломаем и гнем непонятые факты в чужую меру.

Это метода Петра, первого императора и первого русского немца. Петр был совершенно прав в стремлении выйти из неловких, тяжелых государственных форм Московского царства, но, разорвавшийся с народом и равно лишенный гениального чутья и гениального творчества, он поступил проще. Возле, рядом иные формы прочной немецкой работы, в них так могуче развилась западная жизнь — чего же лучше?.. *Neig Nachbar, eine kleine Sorie!*¹ В самом деле, коли эти формы были хороши для таких аристократов, как французы, шведы, немцы, как же им не быть хорошими для русских мужиков; стоит сначала приневолить, обрить, посесть, и все пойдет как по маслу.

Так оно и пошло; ясно, что для вколачивания русских в немецкие формы следовало взять немцев; в Германии была бездна праздношатающихся пасторских детей, егерей, офицеров, берейторов, фореиторов; им открывают дворцы, им вручают казну, их обвешивают крестами; так, как Кортес завоевывал Америку испанскому королю*, так немцы завоевывали шпицрутенами Россию немецкой *идее*.

Если Бирон ссылал сотнями, сек тысячами, это значит, что русские дурно учились. ●

¹ Господин сосед — маленькую копию! (нем.).— *Ред.*

Ведь за то-то и Аракчеев бил всю жизнь русского человека, чтоб лучше его пригнать в солдатскую меру, а ее Аракчеев унаследовал из чистейшего голштинского источника, предание которого хранилось свято и исправно в Гатчине *. Идеал вахтпарадного солдата, до которого Аракчеев доколачивал, был хорош, а скотина мужик этого не понимал... 1000 шпицрутенов, 2000, 3000 — да чего жалеть прутьев, наш край дубравен — 10 000!

Немцы из настоящих и из поддельных припяли русского человека за *tabula rasa*, за лист белой бумаги... и так как они не знали, что писать, то они положили на нем свое тавро и сделали из простой бумаги гербовый лист и исписали его потом нелепыми формами, титулами, а главное — крепостными актами, которыми закабалили больше и больше это *живое тесто*, которое они были призваны выцивилизовать.

За работу они принялись усердно: что помещик — то Петр I, что немец — то Бирон. Помещик высекал из крестьянина лакея, Аракчеев солдата. Добросовестные из них были уверены, что они образуют их. «Посмотрите, — говорит помещик, указывая на Гришку, — три года тому назад за сохой ходил, а вот теперь служит в английском клубе не хуже всякого официанта; у меня есть секрет их учить. Тяжело было, нечего делать, не одну березовую припарку вынес; зато теперь сам чувствует мои благодеяния».

И действительно, Гришка чувствовал это и богу молил за барина, и отца с матерью в деревне презирал как сиволапых мужиков.

Так у нас шло тихо да келейно, посекая да постегивая, и долго бы прошло, да вдруг русская жизнь натолкнулась на *русский* вопрос, а по-немецки его разрешить нельзя.

Вопрос этот в освобождении крестьян с землею ...и во всяких чудесах — в праве на землю, в общинном владении.

II

ДОКТРИНЕРСТВУЮЩИЕ НЕМЦЫ

То, что делалось грубо, хирургически в передней и казарме, повторялось с разными утонченными и нервными видоизменениями во всех других сферах.

Разрыв, которым для нас началась *немецкая наука*, невольно ставил все отторгаемое от прежнего единства в враждебное отношение ко всему остававшемуся по старине. Освобождаясь от целого мира нелепых предрассудков и тяжелых форм, *новая Россия* не делалась свободной, на это она еще не имела достаточной самостоятельности, а подчинялась другому нелепому порядку и принимала его предрассудки — второй степени, так сказать.

Допетровская жизнь была виновата в разрыве, она обусловила и вызвала его; в ее сонном прозябении нельзя было дольше оставаться не покрывшись плесенью, не расплзаясь, не впадая в восточную летаргию. А на все на это недоставало азиатской лени и старческого покоя. Совсем напротив, в русской жизни бродила бездна сил неустоявшихся: с одной стороны — казачество, расколы, неоседлость крестьян, их бродяжничество, с другой — государственная пластичность, сильно обнаруживавшаяся в стремлениях раздаться, не теряя единства.

Каким путем эта стихийная жизнь, равнодушная к развитию своих собственных сил и даже к сознанию их, должна была выйти к совершеннолетию и измениться — это зависело от разных обстоятельств, но *необходимость* выхода вовсе не была случайностью. Оторвавшаяся часть немой и спящей горы представляла именно тот революционный фермент, то деятельное меньшинство, которое должно было волею или неволею увлечь за собою всю массу. Что меньшинство это было само увлечено подражанием чужеземному — и это естественно. Русская жизнь, таившая в себе зародыши будущего развития, вовсе не подозревая того, держалась за старину по капризу, не умея объяснить почему, а революция, напротив, указывала на блестящие идеалы, на широкую будущность и, наконец, на существующую Европу с ее наукой и искусством, с ее государственным строем и общежитием.

Что европейские гражданские формы были несравненно выше не только старинных русских, но и теперичних, в этом нет сомнения. И вопрос не в том, догнали ли мы Запад или нет, а в том, следует ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можем пуститься прямее. Нам кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можем стать на свои

ноги и вместо того чтоб твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги, нам следует подумать, нет ли в народном быту, в народном характере нашем, в нашей мысли, в нашем искусстве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство несравненно высшее западного. Хорошие ученики часто переводятся через класс.

Представьте себе, что каким-нибудь колдовством кто-нибудь вдруг развил бы из куриного яйца ящерицу или лягушку. Без всякого сомнения, состояние ящерицы было бы для яйца прогрессом, но в сущности зародыш цыпленка мог иметь высшие притязания, именно сделаться птицей. Если бы мы теперь остановили развитие цыпленка, основываясь на том, что ящерица или лягушка, выведенная из птичьего яйца, потому не может еще сделаться птицей, что она не достигла всех лягушечьих совершенств, и будем его заставлять прыгать на брюхе подтянувши ноги, в то время как он мог бы летать,— то мы все же делаем *avortement*¹ птицы и дальше лягушки ее не разовьем.

Наука, которую мы прошли, была трудна, помечена слезами, кровью и костями. Она пошла впрок, наша здоровая организация все вынесла. Сначала мы были у немца в учении, потом у француза в школе — пора брать диплом.

А страшное было воспитание!

При Петре I дрессировка началась немецкая, т. е. наиболее противоположная славянскому характеру. Военный артикул и канцелярский стиль были первыми плодами немецкой науки. Тяжелые и неповоротливые бояры и князья наперерыв старались походить на капралов и берейторов, германский бюрократизм обогащался византийским раболепием, а татарская нагайка служила превосходным пополнением шпицрутенов. На троне были немцы, около трона — немцы, полководцами — немцы, министрами иностранных дел — немцы, булочниками — немцы, аптекарами — немцы, везде немцы до противности. Немки занимали почти исключительно места императриц и повивальных бабок.

На добродушнейшем из всех немцев, на пьяненьком Петре III, как всегда бывает, оборвалось немецкое единодержавие.

---

¹ Здесь: остановку в нормальном развитии (франц.).— *Ред.*

Немка, взбунтовавшаяся против него, была офранцужена*, выдавала себя за русскую и стремилась заменить немецкое иго — общеевропейским.

С тех пор в обществе немцы уступают французам; но если французы господствуют в гостиной и на кухне, то передняя и правительство остается за немцами¹.

Et par diverses raisons
Gardons ces amis de la maison².

Они любят правительство, правительство их любит, да и как не любить людей, которых отечество в канцелярии и казарме, которых совесть — в Зимнем дворце?

И не только правительство, мы сами так привыкли, что нельзя хорошо управлять Россией без немцев, что нам кажется просто странным, как быть русскому министерству, русской армии без Нессельроде, Канкрин, Дибича, Бенкендорфа, Адлерберга, — нельзя! — ну хоть какой-нибудь Балтазар Балтазарович фон Кампенгаузен или Фабиан Вильгельмович фон дер Остен-Сакен, а все нужно.

Пока немцы владели Русью как справедливой наградой за аккуратность и умеренность, общество продолжало спрягать французские глаголы и обогащать русский язык галлицизмами. Кафтаны и танцы, книги и прически — все шло из Франции, и это был большой шаг вперед. В конце XVIII столетия Франция действительно была страной великой пропаганды, дух будущего носился над Парижем, и наше молодое поколение незаметно переходило от французской грамматики к французским идеям... Одно правительство дальше языка не пошло и, щегольски говоря по-французски, руководствовалось чисто немецкими мерами, ограждая себя по-прежнему остзейскими лейб-оприч-

---

¹ С глубокой горестью читали мы, что самый почетный гость на празднике 8 сентября 1859 был немец с *австрийским* крестом, полученным за *отличие* при Солферино... именно Гессенский принц*. Рано узнает юноша, призванный когда-нибудь царить над Русью, что в его семье есть рейторы и кондотьеры к услугам каждого нуждающегося тиранства, вольнонаемные принцы, готовые своей шпагой, оскверненной кровью в неправом деле и в деле, *чужом* для них, — расчистить дорогу палачам!

² И по разным причинам сохраним этих друзей дома (франц.). — Ред.

никами от французских идей и русских притязаний. Но несмотря ни на это, ни на Аракчеева, ни на военные поселения, ни на винные откупа, александровская эпоха была великим временем. Это была эпоха Пестеля и Муравьева, университетов и лицеев, Пушкина и 1812 года, эпоха гражданского сознания и государственной мощи. Она служит лучшим ответом слепым порицателям петровского разрыва, ею он оправдан и заключен. Залп на Исаакиевской площади — был залпом на его похоронах.

Юные, гордые силы были уже готовы выступить за гранитные берега, которыми *образующий* деспотизм стремился удерживать образование. Грубый отпор осадил их, тяжелый гидравлический пресс налег на все, сгущая, сосредоточивая и все выросло в молчании. Николай имел в виду одно стеснение; он не виноват в пользе, им сделанной, но она сделалась. Юношеская, самонадеянная мысль александровского времени смирилась, стала угрюмее и с тем вместе серьезнее. Боясь светить ярко, светить вверх, она, таясь, жгла внутри и иной раз светила вниз. Громкие речи заменяются тихим шепотом, подземная работа идет в аудиториях, идет под посом у Николая в военных училищах, идет под благословением митрополитов в семинариях. Живая мысль облекается в схоластические одежды, чтоб ускользнуть от наушников, и надевает рабскую маску, чтоб дать знак глазами, — и каждый намек, каждое слово прорвавшееся понято, становится силой. Удивительное время наружного рабства и внутреннего освобождения; настоящая история этого времени не на Кавказе, не в убитой Варшаве, не в остроге Зимнего дворца, она в двух-трех бедных профессорах, в нескольких студентах, в кучке журналистов.

Мысль растет, смех Пушкина заменяется смехом Гоголя. Скептическая потерянности Лермонтова составляет лиризм этой эпохи.

Печальны, но изящны были люди, вышедшие тогда на сцену, с сознанием правоты и бессилия, с сознанием разрыва с народом и обществом, без верной почвы под ногами; чуждые всему окружающему, не знавшие будущего, они не сложили рук, они проповедовали целую жизнь, как Грановский, как Белинский, оба сошедшие в могилу, рано изношенные в суровой и безотрадной борьбе.

Они по духу, по общему образованию принадлежали Западу, их идеалы были в нем... Русская жизнь их оскорбляла на всяком шагу, и между тем с какой святой непоследовательностью они любили Россию и как безумно надеялись на ее будущее... и если когда в минуты бесконечной боли они проклинали неблагодарный, суровый родительский дом, то ведь это одни крепкие на ум не слыхали в их проклятиях — *благословения!*

Грановский и Белинский стоят на рубеже, далее в их направлении нельзя было идти. Последние благородные представители западной идеи, они не оставили ни учеников, ни школы. Молодое поколение *выслушало* результаты, до которых они домыслились, и, предостереженное их примером, не впадало в их непоследовательность; спокойное и рассудительное, оно или примирилось с «разумной действительностью» русской гражданской жизни, или, как подсолнечник, склонило свой тяжелый цветок через острожный частокол русской тюрьмы к сажающемуся на Западе солнцу. Из них-то составились наши *доктринеры-бюрократы* и *западные доктринеры* *; последняя фаланга петровского войска, лучшие немцы из русских — умные, образованные, но не русские и именно потому способные с наилучшими намерениями наделать бездну вреда.

В первое десятилетие, следовавшее за 14 декабря 1825, поднялось рядом с тем движением, о котором мы говорили, совсем иное направление. Несколько деятельных умов, отворачиваясь от лунного, холодного просвещения, которым веяло из Петербурга, стали проситься *домой* из «немецкой науки» и, попав на мысль, что Русь русскую не уразумеешь из одних иностранных книг, отправились ее искать, *ее живую*, в летописях, так, как Мария Магдалина искала Иисуса в гробе, в котором его не было *.

Над ними смеялись, и они действительно были смешны, юродствовали, переезжали за два века назад, наряжались постарорусски, — так, как их предки наряжались по-немецки, отращивали бороду, которую полиция им брила, натягивали подогретое православие, сомневались, следует ли есть телятину, и не сомневались, что иконопись выше живописи. Мы смотрели на них с негодованием и были правы, мы искали *свободы совести*; они, исполненные раскольнической нетерпимости, про-

поведовали православное рабство. Мы не понимали (да и они сначала сознательно не понимали), что у них, как у староверов, под археологическими обрядами бился живой зародыш, что они, по видимому защищая один вздор, в сущности отстаивали в уродливо церковной форме веру в *народную жизнь!*

Пока продолжалась борьба свободной совести против рабской и партии не могли друг друга понять, грянула февральская гроза и перемешала все карты в Европе *. Когда она улеглась, полюсы шара земного были переменены.

Западники, безземельные дома, теряли теперь шаг за шагом свои владения в обетованной земле. Славянофилы, думая отрывать трупы на кладбище, по дороге пахали поле. Западная партия была разбита на Западе; кирпичное, в один камень, здание политической экономии покривилось и оселось, теория общественного прогресса падала в бесплодную риторику, Франция, как покорное стадо единого пастыря, и Германия, как покорное стадо множества пастырей, утратили, раз за раз, свободные учреждения, личную безопасность, право речи, утратили талант, серьезность; общее падение, как неотразимый рок, влекло всю Европу в хаос разложения; явились трогательные, печальные личности *, упорно остающиеся верными всякому падению, надеющиеся, что храм западный, как храм Соломонов *, скоро воскреснет во всей славе и силе, лишь бы только отделаться от социализма и деспотизма, от католицизма и *невежества масс...*

И наши западные доктринеры вслед за ними не изменили своей вере, не уступили стен своей ученой крепости; они печально, но твердо ждут, когда уляжется дикое славянофильство, варварство социальных идей и французская централизация, на основаниях немецкой *Schulwissenschaft* ¹*, будет царить от Таурогена до Амура.

Чем больше западная партия удалялась от реальной почвы и переносила шатры свои в абстрактную науку, тем тверже становились славяне на практический грунт. Вопрос об общественном владении, по счастью, вывел их из церкви и из летописей — на пашню.

И вот как, роковым колебанием исторических волн, *люди прогресса* стали в свою очередь консерваторами, старообрядца-

¹ школьной науки (нем.).— *Ред.*

ми реформы, стрельцами западной цивилизации, хвастающимися неподвижностью своих мнений!

Старая шутка софистов решилась обратно, черепаха опередила Ахилла... Ахилл забежал далеко, а путь переломился.

Как это делается, приведу один пример: спор, длившийся в русских журналах о народности в науке *. Западники были совершенно правы в том, что объективная истина не может зависеть ни от градуса широты, ни от градуса лицевого угла; но, говоря это, у них есть задняя мысль, что *западная наука*, как единая сущая, и есть эта объективная, католическая, безусловная наука. Конечно, другой науки нет, но разве быть *одной* значит быть безусловной? ¹ Западная наука, с своим схоластическим языком и дуализмом в понятиях, в тысяче случаях не умеет не только разрешить, но поставить вопрос. Она слишком завалена грубым материалом, слишком избалована своими старыми приемами, чтоб просто относиться к предмету, она слишком облегчила себе труд рубриками, словами, трафаретками и шаблонами, чтоб искать новых мехов для нового вина.

Славянофилы поняли, что их истина плохо выражается западной номенклатурой, они пытались науку сделать русской, православной, остриженной в скобку, так, как пытались архитектуру и живопись свести на византизм, а в сущности они достигают совсем другого — высвобождения мысли и истины от обязательных колодок немецкой работы, набитых на наш ум западным воззрением.

Вот почему мы, не хвастающиеся достоинством Симеона Столпника, стоявшего бесполезно и упорно шесть, десять лет на одном и том же месте *, оставаясь совершенно верными нравственным убеждениям нашим... *живые*, т. е. изменяющиеся —

Течением времени *,

стали гораздо ближе к московским славянам, чем к западным старообрядцам и к русским немцам, во всех родах различных.

---

¹ Разве по той логике, по которой доказывают, что человек, сидящий *один* в лучшей комнате всего Парижа, есть лучший человек во всем мире!

Нам кажется, что западный мозг, так, как он выработался своей историей, своей односторонней цивилизацией, своей школьной наукой, не в состоянии уловить *новые явления жизни ни у себя, ни вчуже*.

Наука (исключая естествоведение) изменила прогрессивному характеру своему и перешла в доктринаризм, который расходуется с живой средой, так, как некогда разошлась с нею церковь католическая, а потом и протестантская... Академическая кафедра и церковный налож остаются какими-то *venerabilia* ², которым из уважения позволяют поучать, мешаться в жизнь, но которым жизнь не позволяет управлять собой.

Западное миросозерцание, с его гражданским идеалом и философией права, с его политической экономией и дуализмом в понятиях, принадлежит к известному порядку исторических явлений и вне их несостоятельно.

Идеал его, как всегда бывает с идеалами, *тот же* существующий исторический быт, но преобразенный на горе Фаворе *. К этим идеалам шли, увлекая поколения, великие мыслители XVIII века, радостные люди 1789 и мрачные 1793, мещане 1830 и их сыновья 1848; к ним нейдут народы нашего времени, потому что они отслужили свою службу, они обойдены чутким инстинктом... и на этом растет разрыв.

Пока западный мир в мучениях и труде троил из своей действительности свои теории и стремился потом из теорий вывести свою действительность — *истины его пережили свою истинность*. Он не хочет этого знать... тут предел, и настоящая Европа представляет нам удивительное зрелище политического и научного консерватизма, соединенных не на взаимном доверии, а на страхе чего-то отрицающего их авторитет.

Страх не совместен ни с свободой, ни с прогрессом. Противозаконный союз науки с властью сделал из нее схоластический доктринаризм во всем относящемся к жизни.

¹ Кабы старость могла, кабы молодость знала (франц.).— *Ред.*

² почитаемыми (лат.).— *Ред.*

Старая цивилизация истощила свои средства, она становится все больше и больше *книжной*; способность прямо, без письменных документов, относиться к предмету — теряется; заучившийся человек меньше наблюдает, чем вспоминает; привычка все узнавать из книг делает его больше способным для чтения и меньше способным для смотрения. Ученый авторитет, седея, теряет терпимость, становится обязательным и принимает отрицание за обиду и крамолу. У него есть прочный запас давно решенных истин, начал, законов, к ним он не возвращается, оно и не было нужно, пока дело шло о приложении, о развитии прежнего, словом — о продолжении. Но тут, как нарочно, мир не может идти по-старому, а догматики не верят, чтобы мир мог шаг сделать вне форм и категорий, вперед ими признанных.

Я с ужасом слышу грозное негодование моих ученых друзей.

«Да он властей не признает!» —

говорят они. — Что же это, наконец, — кощунство в девичьей спальне Минервы, этого мы не потерпим. Дело теперь не о русских немцах и не о немецких русских, дело о достоинстве науки, за нее мы заступимся: *Moriamur pro regina nostra* ¹.

— Равви, если б вы выслушали меня...

— Да что вы можете сказать, вы софист, вы скептик, вы любите парадоксы!

— Во-первых, я бы вас успокоил насчет науки, она *assez grand garçon* ², чтоб не нуждаться в защите дядек от нападок какого-нибудь поврежденного. Наука такой же сущий непреложный факт, как воздух, как луна; можно сказать, что воздух сегодня не чист и луна там-то не светит, но начать бранить воздух или луну может только сумасшедший. Представьте себе человека, который бы стал говорить, что воздух глуп, и другого, который с негодованием стал бы ему возражать, защищая благородный, хоть и несколько ветреный характер его.

— Все это так, но вред от нападок ваших унижает цивилизацию и науку в глазах невежд и лентяев, а нам надобно учиться, много учиться.

¹ Умрем за нашу царицу (лат.).— *Ред.*

² достаточно взрослая (франц.).— *Ред.*

— И будемте. Как же не учиться и где же лучше учиться, как не у старших братьев. Но скажите мне на милость, ваши похвалы наукам и искусствам подняли ли их, например, в глазах первых трех классов в России? Не проймешь их превосходительства велеречием; они могут только уважать по высочайшему повелению или по воле высшего начальства. Но дело не в том, а в том, что, уважая науку всем сердцем и всем помышлением и отдавая ей все, что ей принадлежит, я не хочу создавать себе из нее кумира, а, совсем напротив, призвав ее логическое благословение, скажу, что безусловной науки нет (как вообще нет ничего безусловного). Наука в действительности всегда обусловлена; отражаемый мир явлений — в *человеческом* сознании, — она делит его судьбы, с ним движется, растет и отстывает, постоянно находясь в взаимодействии с историей. Оттого в развитии ее тот же поглощающий, страстный интерес, та же поэзия и драма, те же страдания и увлечения, как в истории. Ее *относительная* истина всегда отклонена от прямой линии мозговым преломлением и подкрашена средой — и тем больше, чем предмет ближе к нам.

Западный мир, и это совершенно естественно, считал и считает свою науку абсолютной, свой путь — единым ведущим к спасению. Но так как магнитная стрелка его сильно отклонилась от прямого направления в продолжение долгого исторического плаванья, то он наконец хватился об утес и, боясь потонуть, бросился на мель. Теперь все усилия, весь труд употребляется, чтоб неподвижному сидению на мели придать вид прогрессивного движения.

Для того чтоб в самом деле плыть дальше, надобно весь груз бросить в море, а его много и жаль. Жаль ученым не меньше банкиров, и они переходят на консервативную сторону. В самом деле, разве какому-нибудь юристу легко признаться, что все уголовное право — нелепая теория мести; что лучший уголовный суд — очищенная инквизиция; и что в лучшем кодексе — нет ни логики, ни психологии, ни даже здравого смысла?

К тому же теоретические убеждения упорнее всех на свете, упорнее религиозных верований, именно потому, что они имеют свое одностороннее логическое оправдание, свое диалектическое доказательство, основанное не на патологическом состоянии

мозга, как в религии, а на относительной истинности. Средств переубедить человека, теоретически убежденного, никаких нет, это совершеннейший предрассудок. Логика не имеет такой силы над привычным складом ума, над застарелыми приемами его. Убедить вообще можно только того, кто или никакого мнения не имеет или чувствует, что его мнение шатко. А западный ум, совсем напротив, убежден в непогрешительности своей методы и в *истине своих истин*.

Но будто нет исключения?

Есть. Но эти люди такие же иностранцы на Западе, как и мы. Старая Европа, ученая, юридическая, этико-политическая и политико-экономическая, филологическая и либеральная, относится к ним с таким же непониманьем, как к нам, и с двойной ненавистью.

К тому же они побеждены!

2

С того дня, когда невозможность величайшей утопии, когда-либо волновавшей дух человеческий, обличилась, когда усталый народ и откипевшие партии поняли, что из монархической Франции не легко создать, даже с помощью гильотины, демократическую республику, основанную на разуме, равенстве и братстве, и все стремилось взойти в покойное русло, т. е. найти себе господина, который бы снял на свои плечи бремя самоуправления,— с того самого дня поднялся голос *протеста* *, говоривший, что революция не удалась не потому, что она сбилась с своих начал, а что она сбилась с них потому, что из ее начал не выведешь нового общественного устройства, соответствующего с потребностями разума.

Революция отвечала на дерзкий протест ржавым топором, уже выходявшим из употребления. Человек был убит, голос остался, и иной раз его слышали издали, даже во времена нравственной прострации всеобщей бойни «периода славы», потом погромче во времена Лазарева воскресения Бурбонов и, наконец, очень громко, когда за прилавок Франции сел смысленный хозяин Людовик-Филипп *.

В процессе улицы *Ménilmontant* * люди увидели в первый раз, после Плиния и Тертуллиана, небольшую кучку сектато-

ров, отвергавших не то или другое учреждение, не ту или другую форму правительства, но все современное общественное устройство, и притом не одно австрийское, не одно папское, а с тем вместе и все либерально-конституционное короля-гражданина и хартии, «сделавшейся правдой» *.

Государство должно было их преследовать, это был вопрос на жизнь и смерть, и не одно государство опрокинулось на них, но и общественное мнение, руководимое либеральной буржуазией. Тут не было места для взаимных уступок, не на чем было примириться; между католиком и кальвинистом, между легитимистом и якобинцем, при всей их противоположности, были общие данные, общие истины, были идолы, которым поклонялись те и другие, святыни, чтимые ими обоими. Между судьями и сен-симонистами ничего не было общего. Они отвергали весь существующий порядок. «Да как же это, — говорили не только судьи, но и либералы, — разве наша цивилизация рядом с своими недостатками ничего не выработала прочного, дельного, кроме ворот, которыми из нее выходят?.. Что же станет со всем этим миром богатства, просвещения, искусств, промышленности, свободных учреждений?» И борьба ассизов сделалась общественной борьбой. Либерализм, ополчаясь против социализма, с самого начала громко возвестил миру, что он идет на защиту *цивилизации*, против новых варваров.

Чего же так испугалось государство — этих блудных сынов образования, осмелившихся слабыми руками покачнуть столпы векового здания? Того, что все столпы и своды, дворцы и академии были построены на корабельной палубе, отделенные досками от бездонной, дремлющей пропасти, от пропасти пролетариата и голода, изнуряющей работы и недостаточного вознаграждения за нее.

Борьба продолжалась бы, вероятно, долго. Но после пятнадцатилетнего застоя дела пошли быстро. Прогнали *возможного* Людовика-Филиппа, провозгласили невозможную республику и невозможный *suffrage universel* ¹ *. Груша была зрела для гниения. Спор перешел из книг и журналов на площадь. «Варвары» были побеждены, «цивилизация» была спасена *; Сенар от ее

---

¹ всеобщее избирательное право (франц.). — *Ред.*

имени благодарил Каваньяка. Свобода, равенство и братство были обеспечены!

Но вот что странно, — с этой победой что-то убыло, какой-то нерв был перерезан. Республика стала бессмысленна, народ равнодушен к ней, и от падения до падения Франция упала по горло в Наполеона и успокоилась в нем. Что же случилось? Варвары были побеждены, цивилизация торжествовала, а между тем — то будто Франции было стыдно, то будто на совести что-то шеловко. Социальные идеи скрылись, взошли внутрь, и рядом с тем, как на смех, нелепость республики обличилась до того, что одной темной ночью президент ее послал квартального взять ее за шиворот и выбросить вон. Он ее и выбросил, при хохоте работников, которые думали, что выбрасывают Шангарнье и квесторов*.

С тех пор ум, пониманье отступили на столетие во всей Европе. Одичалые правительства беспрепятственно давили и тнали, заключали конкордаты, преследовали мысль; что-то кровожадное снова развилось в европейских нравах, начались ненужные войны*. И в третий раз подогретые мнения либерализма, снова гонимые, стали подымать голову в репейниковом венце и делать дальние намеки о парламентской трибуне, о свободном книгопечатании*.

Зачем было выгонять Людовика-Филиппа? Он отлично уравновешивал своим безменом свободу и рабство, революцию и консерватизм. Я не говорю, чтоб формы Июльской монархии были особенно хороши, но они были лучшие формы, до которых Франция доросла. Людовик-Филипп служил фонтанелью, оттягивающей в себя четверную ненависть легитимистов, бонапартистов, республиканцев и социалистов. Как только мартингал королевской власти был снят, партии вцепились друг другу в волосы.

Монархическая власть вообще выражает меру народного несовершеннoлетия, меру народной неспособности к самоуправлению; к какой же подаче всеобщих голосов была готова Франция? Она была готова к деспотизму, он и явился под фирмой Бонапарта.

Но как бы то ни было, одна из главных побед — *победа над социализмом* — была сделана, об нем перестали говорить.

«Не далее!» — сказал западный ум и остановился, так, как

некогда он уже останавливался по приказу Лютера и Кальвина. Может, предел был практически необходим, но он необыкновенно кастрировал вольный полет мысли, сузил взгляд и лишил способности понимать все выходящее из пределов старого порядка вещей. Один страх попасть в социальные идеи сам по себе заставляет теперь осматриваться, сжиматься, оговариваться, и это тем труднее, что социальные идеи, как неминуемый силлогизм либеральных посылок, стоят на каждом логическом шагу вперед.

Середь этого застоя, вызванного противудействием естественному развитию, середь конфузии, происходящей от постоянно поднимающихся выше и выше волн неотразимой реакции, вдруг представляется русский вопрос *об освобождении крестьян с землею, об общинном владении*. Страна, которую знали за безобразнейшее самовластье, за кнут и взятки, за ее штыки, направленные против всякого прогресса, за ее секущее дворянство и мужиков, продаваемых чуть не на вес, — эта страна является с каким-то вопросом, сильно пахнущим социализмом. — Что за вздор!

— Явное дело, что все это нелепость, — говорят западные западники ¹.

— Явное! — отвечают им восточные.

...Что касается до старой цивилизации, которая возвела свой быт в науку, обобщила его в закон и все в свете разрешает по аналогии с собой, мы очень хорошо понимаем не только ее непонятливость, но и ее озлобление... два полюса всех ее ненавистей, два пугала, употребляемые то властью, то народами, чтоб стращать друг друга, — *Россия и Социализм* являются в одном вопросе.

Не разделяя этой ограниченности, мы можем себе объяснить ее; но, возвращаясь, как французы говорят, à nos moutons *, мы совершенно перестаем понимать непонимание русских немцев.

---

¹ Из европейцев старого толка Гакстгаузен понял русскую сельскую общину. Но сам Гакстгаузен находится в каком-то исключительном положении, в семейной ссоре с современностью. Иезуит и патриархальный Freiherr (барон), он из рыцарских видов ненавидит бюрократию и централизацию, зато из католических — монархист. Он пленился в славянской общине возможностью self-government (самоуправления), допущающего николаевский деспотизм *.

У нас что засорило ум?.. Какое великое воспоминание отклонило его?.. Этот почтенный вековой мох, эта седая плесень на наших мыслях что-то подозрительна и сильно сбивается на жженую хлопчатую бумагу, которой для новичков обвертывают бутылку молодого вина... мы *прикидываемся* тем, чем европейцы стали на старости лет, и — страстные актеры — окончиваем добросовестно, но карикатурно, сживаясь с маской.

На берегах Средиземного моря есть раковины, в которых живут креветки; это вещь очень смешная: креветка маленькая, найдя пустую раковину, помещается в ней, комнатка, отделанная перламутром, ей нравится, она растет себе в ней, выпуская клещи и ноги, и растет до того, что вылезть не может, и тогда креветка таскает на себе всю раковину, едва передвигая ноги, — наши русские западники ужасно похожи на этих креветок в маскарадном платье; они даже, как раки вообще, пятятся назад, думая идти вперед!

3

Быт европейский, последнее слово тысячелетней исторической жизни, — это ее результат, ее предел, до *этого* она выработалась. Россия, напротив, еще складывается и ищет своего устройства; у нас все, кроме сельского быта, носит характер внешней необходимости, временной меры, чего-то переходного — строил, лесов, карантина.

Это различие возрастов и положений поражает русского, переезжающего западную границу. Мы видим на каждом шагу следы старой, глубоко вкоренившейся цивилизации — личность независимее, образование шире, потребности развитее, нам становится завидно и стыдно, вспоминая страну помещичьих и полицейских розог, наглого произвола и безответного молчания.

Многие из русских, и, между прочим, Чаадаев в своем знаменитом письме *, сетуют на отсутствие у нас того элементарного гражданского катехизиса, той политической и юридической азбуки, которую мы находим с разными изменениями у всех западных народов. Это правда — и если смотреть только на настоящее, то вред от *этих* неустоявшихся понятий об отношениях, обязанностях и правах делает из России то печальное

царство беззакония, которое ставит ее в многих отношениях ниже восточных государств.

В самом деле, идея права у нас вовсе не существует, или очень смутно; она смешивается с признанием силы или совершившегося факта. Закон не имеет для нас другого смысла, кроме запрета, сделанного властью имущим; мы не его уважаем, а квартального боимся... Нет у нас тех завершенных понятий, тех гражданских истин, которыми, как щитом, западный мир защищался от феодальной власти, от королевской, а теперь защищается от социальных идей; или они до того у нас спутаны, искажены, обезображены, что самый яростный западный консерватор от них шарахнется назад. Что, в самом деле, может сказать в пользу неприкосновенной собственности своей русский помещик-людосек, смешивающий в своем понятии собственности огород, бабу, сапоги, старосту?

Все это так. Но тут-то мы сейчас и разойдемся. Петровская метода избаловала нас своей необычайной легостию. Нет гражданского катехизиса — взять немецкий, переложить на наши нравы, как переключивают французские водевили, переплести в юфть, вот и будет катехизис. Так думают девять десятых из наших просветителей *in spe*¹ *. Так поступали англичане с индейцами: находя у них какие-то неразвившиеся зачатки патриархально-общинного управления, они его заменили английским. Которое из двух законодательств — индейского и английского — выше, кажется, нельзя спрашивать. Посмотрите, что в приложении к индейским земледельцам сделало это повышение в юридическом чине. Оно кретинизировало народ, местами убило его, местами развило ту ненависть к Англии, которую мы видели год тому назад *.

Князь Козловский, встретив на пароходе маркиза Кюстина, заметил ему, что в нашем обществе большой пробел от недостатка рыцарских понятий, с которыми связано уважение к себе и признание личного достоинства в других *. Князь Козловский совершенно прав... Только подумайте, что было бы *au jour d'aujourd'hui*², если б у нас вместо выслужившихся писарей и вахмистров, вместо царской дворни и разных Собакевичей и

¹ в будущем (лат.).— *Ред.*

² на сегодняшний день (франц.).— *Ред.*

Ноздревых была, например, аристократия вроде польской? Для дворян это было бы лучше, нет сомнения; они были бы свободнее, они шире бы двигались, они бы не позволяли ни царям обращаться с собою, как с лакеями, ни лакеям на службе обращаться с ними по-царски — против этого спорить нельзя. Но как бы пошел вопрос об освобождении крестьян с землею?.. А потому вряд не лучше ли, что наши тамбовские Роганы и калужские Ноальи не прошли рыцарским закалом, а оделись только в рыцарские доспехи... вроде диких на Маркизских островах, приходивших к Дюмон-Дюрвилю на корабль в европейских мундирах с эполетами, но без штанов*.

То же самое придется сказать об отсутствии уважения к законности с обеих сторон — со стороны народа и со стороны правительства.

На первый взгляд совершенно ясно, что уважение к закону и его формам ограничило бы произвол, остановило бы всеобщий грабеж, утерло бы много слез и тысячи вздохнули бы свободнее... но представьте себе *то великое и то тупое* уважение, которое англичане имеют к своей законности, обращенное на наш свод. Представьте, что чиновники не берут больше взяток и исполняют буквально законы, представьте, что народ *верит*, что это *в самом деле* законы, — из России надо было бы бежать без оглядки.

Стало быть, серьезный вопрос не в том, которое состояние лучше и выше — европейское, сложившееся, уравновешенное, правильное, или наше, хаотическое, где только одни рамы кое-как сколочены, а содержание вяло бродит или дремлет в каком-то допотопном растворе, в котором едва сделано различие света и тьмы, добра и зла. Тут не может быть двух решений.

Остановиться на этом хаосе мы не можем — это тоже ясно; но для того чтобы *сознательно* выйти из него, нам предстоит другой вопрос для разрешения: есть ли путь европейского развития единый возможный, необходимый, так что каждому народу, где бы он ни жил, какие бы antecedенты ни имел, должно пройти им, как младенцу прорезыванием зубов, срастанием черепных костей и пр.? Или оно само — частный случай развития, имеющий в себе общечеловеческую канву, которая сложилась и образовалась под влияниями частными, индивидуаль-

ными, вследствие известных событий, при известных элементах, при известных помехах и отклонениях. И в таком случае не странно ли нам повторять теперь всю длинную метаморфозу западной истории, *зная вперед le secret de la comédie* ¹, т. е. что со всем этим развитием, рано или поздно, нас также причалит к той меже, перед которой вся Европа свернула паруса, и, испугавшись, гребет назад...

Я могу понять русских помещиков тридцатых годов, возвращавшихся из чужих краев корча буржуа и фабрикантов, с умилением смотревших на французский либерализм; я еще больше понимаю поклонение к Германии русских ученых, которые из Берлина привозили нам в сороковых годах живое слово науки и тайком передавали его нам. Это было время Людовика-Филиппа, конституционной свободы, свободы мысли и преподавания. Это было при Николае, Запад становился нам дорог как запрещенный плод, как средство оппозиции... То ли время теперь?

Мы столетием отделены от него.

И мы, и Европа совсем не те, и мы, и Европа стоим у какого-то предела, и мы, и она коснулись черты, которой оканчивается том истории.

Тогда западные люди не знали еще своей границы, они свой быт высокомерно принимали за идеал всех народов, они соглашались, что в нем надобно кое-что почистить, но в фонде никто не сомневался. Гегель видел в монархии на манер прусской, с ее потсдамской религией, *абсолютную политическую и религиозную форму* государства. А если с ним не были согласны Барбес и Годафруа Каваньяк, то это потому, что они наверное знали, что абсолютная форма государственная — это Французская республика на манер 1793 года, *avec un pouvoir fort!* ²

Тогда, униженные, забытые Николаем, и мы верили в западный быт, и мы тянулись к нему.

Теперь — Запад пошатнулся; мы вышли из оцепенения; мы рвемся куда-то, он стремится удержаться на месте. Черта, до которой мы дошли, значит, что мы кончили ученическое подражание, что нам следует выходить из петровской школы, стано-

¹ в чем суть дела (франц.).— *Ред.*

² с сильным правительством (франц.).— *Ред.*

виться на свои ноги и не твердить больше чужих задов. В идее, в меньшинстве мыслящих людей, в литературе, на Исаакиевской площади, в казематах мы прожили западную историю — и будто теперь нам надобно ее повторять оптом?

Европа перешла от скверных проселков к хорошим шоссе, а от них к железным дорогам. У нас и теперь прескверные пути сообщения — что же нам сперва делать шоссе, а потом железные дороги? Эта педагогика напоминает мне Гейне; он находит очень хорошим, что в немецких школах преподают римскую историю так, как ее преподавали до Нибура. Иначе, замечает он, трудно было бы молодому поколению оценить всю заслугу великого историка, доказавшего, что все то, что их заставляли учить, сущий вздор *.

4

Наши отношения к Западу до сих пор были очень похожи на отношения деревенского мальчика к городской ярмарке. Глаза мальчика разбегаются, он всем удивлен, всему завидует, всего хочет — от сбитня и пряничной лошадки с золотым пятном на гриве до отвратительного немецкого картуза и подлой гармоники, заменившей балалайку. И что за веселье, что за толпа, что за пестрота! Качели вертятся, разносчики кричат, паяцы кричат, а выставок-то винных, кабаков... и мальчик почти с ненавистью вспоминает бедные избышки своей деревни, тишину ее лугов и скуку темного, шумящего бора.

Вслушиваясь в толки наших «ученых друзей» *, мне часто приходило в голову это сравнение. Один тоскует, отчего у нас не развилась такая муниципальная жизнь, как в Европе, отчего у нас нет средневековых городов, с узкими улицами, по которым ездить нельзя, с уродливыми домами, в которых жить скверно, с переулками, копотью и памятниками XIII, XIV столетия... Другой не может утешиться, что у нас нет среднего сословия в западном смысле — той настойчивой, трудолюбивой буржуазии, которая так упорно боролась с рыцарями и королями, так ловко защищала свои права и пр.

Мы не имеем ничего в защиту наших уездных сел, называемых городами, и сами жалеем, что Николай Павлович, который все мог, не велел в них построить древних памятников

и узких улиц. Мы также ничего не имеем в защиту наших мещан, отданных в крепость квартальным, и наших купцов, пожалованных губернаторам. Тем не меньше остановимся на этом примере. Неужели «ученые друзья» наши, восхищаясь средневековыми зданиями, не замечают, что односторонне развитая муниципальная жизнь Европы сделала страшный разрыв между сельскими и городскими жителями и что этот антагонизм двух населений составляет теперь, вместе с постоянным войском и настойчивой, трудолюбивой буржуазией, твердейший оплот реакции? Между селом и городом — века; иные понятия, другая религия, другие нравы, часто другой язык. Сельские народонаселения Запада нам кажутся его резервом, народом *будущей* Европы, *по ту сторону* городской цивилизации и городской черни, по ту сторону правительствующей буржуазии и по ту сторону утягивающих все силы страны столиц.

Бедные массы городов, безотраднейшие жертвы разрабывания лучшей жизни для других, вряд имеют ли будущность; они изнурены, они нервны, в их жилах больная кровь; унаследованная от поколений, выросших и умерших в нужде, духоте, сырости; у них развивается иногда звериная хитрость, но не ум; мир их узок, не идет далее прибыли нескольких копеек; они идут в лапцарони. Люди полей сменяют их. В этом отсталом, но крепком мышцами кряже осталась бездна родоначальных сил; оно в своей бедности и ограниченности не так истощало, не так обносилось, не так покрылось пылью, как городской пролетариат и мелкое мещанство; оно работало на чистом воздухе, на солнце и дожде. Гордая цивилизация пронеслась мимо деревень, не раскрывая тюков своих; но минуя сельского жителя, она спасла его от пошлого полуобразования и оставила при своей самобытной и простой поэзии в жизни и одежде, в речи и пляске, в то время как бедный горожанин утратил все, вытягиваясь для карикатурного подражания аристократам.

Житель полей был всем обойден — не для него строились театры и академии, не для него писались книги, на языке почти незнакомом ему, не для него издавались журналы, — ему была оставлена детская поэзия церкви, и вместо училища, кафедры, литературы он был покинутым на попа-невежду, страшавшего своим библейским колдовством. И действительно сельское

население словно замерло на тяжелой работе, около убогих очагов своих. Оно не брало страстного участия в политических партиях, раздиравших города; оно платило подать, давало солдат и вовсе не понимало вопросов, которые *некогда* казались так просты и в которых теперь все перестают что-нибудь понимать.

Той необходимости, которая вызвала города и обусловила их необходимость, больше нет; ту пользу, которую они могли принести, они принесли. Где теперь та трудность сообщений, которая заставляла людей не разъезжаться, найдя выгодное место? Где опасность феодальных набегов, против которых люди лепились как можно теснее, окружали свои дома оградами, строили заставы и крепости? Обстоятельства изменились, последний враг — пространство — побеждено. Города продолжают расти на том основании, на котором все живое растет; но все живое имеет свой предел, за которым смерть или страдание.

Мы живем в *городе городов* — в Лондоне. Неужели вы думаете, что такая нелепость имеет какую-нибудь будущность?

Одна волна населения за другой прибывалась к этим докам вселенной и оседала, как саранча на падающие крупы... и вот скипелась трехмиллионная толпа, заражающая воздух, заражающая воду, теснящаяся, мешающая друг другу и сросшаяся в какие-то плотные колтуны своими самыми большими частями... Взгляните на темные, сырые переулки, на население вросшее на сажень в землю, отнимающее друг у друга свет и землю, кусок хлеба и грязное логовище, посмотрите на эту реку, текущую гноем и заразой, на эту шапку дыма и вони, покрывающую не только город, но и его окрестности... и вы думаете, что это останется, что это необходимые условия цивилизации?

Сначала эта бесконечность улиц, эта огромность движения, эти пять тысяч омнибусов, снующих взад и вперед, эта давка, этот оглушающий шум поражает нас удивлением, и мы, краснея, признаемся, что в Москве с небольшим триста тысяч жителей... но нельзя же остановиться на точке зрения нашего мальчишка на ярмарке. Простой человеческий инстинкт шепчет вам: «Тут быть беде!»

Богатый Лондон, как будто чуя это, расплзается, выходит сам из себя по всем подгородным окрестностям, и заметьте,

он не продолжает пристраиваться, как делал двадцать лет тому назад, а кладет между собой и этим гнилым морем две нитки железной дороги.

Ну а бедный Лондон что сделает? Что сделает это выгорелое топливо цивилизации, этот слой мокриц, кишаших в Бетналь-Грине и в Вейт-Чапеле, в ирландских кварталах и в Ламбете? Энергию искать другой судьбы они давно потеряли, силы пробовать новое счастье утрачены, они *пошли назад*, запуганные не людьми, а гнетущим роком, безжалостным и нелюбезным; они не верят в себя, не верят в лучшую судьбу, у них явилось если не христианское смирение, то смирение и покорность отчаяния, иногда только нарушаемое таким диким взрывом страстей, таким страшным преступлением, что волос дыбом становится... куда же они денутся?.. разве Темза поможет смести их холерой и тифусом...

Я останавливаюсь на этом; моя цель не исследовать, что будет с Лондоном, мне хотелось только насторожить наших правоверных западников и заставить их остановиться перед вопросом.

— Стало быть, в России все очень хорошо и лучше, чем в Европе?

— Нет, не стало.

Неужели вы в самом деле не видите, в чем дело. Исторические формы западной жизни в одно и то же время, будучи *несравненно выше* политического устройства России, не соответствуют больше современной нужде, современному пониманию. Это понимание развилось на Западе; но с той минуты, как оно было признано и высказано, оно сделалось общечеловеческим достоянием всех понимающих. Запад носит в себе зародыш, но желает продолжать свою прежнюю жизнь и делает все, чтоб произвести абортив. Кто из них останется жив — мать ли, ребенок ли, или как они примирятся — этого мы не знаем. Но что мать представляет больше воспоминаний, а зародыш больше надежд — в этом нет сомнения.

В виду этой борьбы возникает страна, имеющая только маску, и то прескверную, западной гражданской жизни, только ее фасад и народный быт неразвитый, полудикий, но несколько не похожий на народный быт европейских народов. Он в своей

маске так же мало может идти, как Европа в своей коже. Что же ему делать? Следует ли ему пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленами через реки крови до того же выхода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа? И притом зная вперед, что все это не в *самом деле*, а только для какого-то искусства? Да разве вы не видите, что это безумно? Довольно, что мы постоянно играем в маневры и представляем мирную войну, зачем же еще представлять прошлую историю цивилизации?

А потому существенный вопрос в том — *как* относится наш народный быт не к обмирающим формам Европы, а к тому новому идеалу ее будущности, перед которым она побледнела, как перед головой Медузы!

5

В истории бывают чудеса мудренее всех сказочных чудес, в ней иногда спят крепче двенадцати спящих дев *, в ней точно так же есть живая и мертвая вода, вода чрезвычайной памяти и удивительного забвения.

Не чудо ли, в самом деле, что в продолжение полутора веков мы не имели никакого понятия о русском народе. Все время, пока нас вытягивали в колоссальную империю, пока нам прививали цивилизацию и мы с успехом учились тому и другому, у нас не было никакого сознания о нашем народе; были люди, знавшие русскую историю, но современного народа не знал ни один человек.

Возле, около, со всех сторон, на необозримом пространстве жило население, считаемое десятками миллионов, единоплеменное с нами, говорящее с нами одним языком, находившееся в непрерывном и самом тесном сношении с нами, уже по тому самому, что оно нам было отдано на кормление, — и мы об нем не больше знали, как в Англии знают об индейцах, т. е. что их легко обирать.

Употребляя его в пищу, тучнея от него, мы так же мало думали о нем, как о гречневой каше или буженине, — питательно и хорошо. Народ с своей стороны не напоминал о себе, а только кланялся в пояс при всяком заеденном поколении помещи-

ками и чиновниками, приговаривая: «Дай бог на здоровье, мы на то ваши дети, вы на то наши отцы, чтоб нас кушать».

Ну в какой же сказке, в каком «Бове королевиче», в каком «Еруслане Лазаревиче» вы найдете что-нибудь удивительнее?

Между тем западное образование прививалось недаром, мы в нем дочитались до того, что ни антропофагия, ни раболепие не составляют высоких качеств человека, что человек, который сечет и насильничает, очень легко получает сам пиньки; и мало-помалу началось у нас складываться *либеральное мнение*, сначала в небольшом круге образованных.

Как только у нас явилась мысль об обуздании правительственного произвола, рядом с нею явилась, как дополнение, мысль об освобождении народа. Но долгий разрыв высказался тут всего яснее тем, что развитое меньшинство, имея благородные, общечеловеческие стремления, не знало быта народного и, следственно, его истинных потребностей.

Надо правду сказать, что либерализм нигде не отличался глубоким знанием народа, особенно сельского. Либерализм вообще явление переходное, развившееся в городской цивилизации, необходимая расчистка места между старой и новой постройкой. Он всегда довольствовался отвлеченным понятием о народе, риторическим образом его, в котором были совмещены простота Геснеровых патриархов, нравы дезульеровских пастушек * и свирепые добродетели римского плебея допунических времен.

У нас расстояние между народом и либеральным дворянством казалось тем страшнее, что между ними ничего не было, какая-то бесконечная пустота, в которой едва заметно плетутся купцы, плетутся мещане, фельдъегери скачут взад и вперед, помещики мелькают, чиновники мчатся на следствия — нисколько не сближая двух России, остающихся двумя враждебными странами.

И при всем том разрыв этот вовсе не был следствием всей исторической жизни, как распадение горожан с крестьянами, простолюдинов с феодалами в Европе. Разрыв был сделан у нас по указу, насильственно, с педагогической целью и был до того сначала чужд, ненатурален, что в предупреждение нового сближения правительство выдумало ставить тавро на лица,

своего рода обрезание, и стало метить своих бритвой и ножницами, чтоб они не мешались с прочими. Однажды разрезанные части целого, намеренно поставленные в враждебное положение, по свойственной телам упругости, удалились друг от друга с каким-то отвращением. «Мужик!» — говорила с высокомерием обритая и одетая в ливрею Русь об народе. «Немцы!» — бормотал себе в бороду с затаенной злобой народ, глядя на дворян.

Так и устроились мы. С одной стороны народ в угрюмом *a parte*¹, задавленный работой, полицией, помещиками, живущий никому не известной жизнью расколов и не имеющий ничего общего с просвещающим правительством; с другой стороны дворянство, нераздельное с правительством и потому само представляющее правительство. Русское поверие, что дворянин должен служить — иначе он теряет свое звание, самое слово «недоросль» доказывает, что у нас дворянство принято народом за коренную службу.

С развитием просвещения возникает удивительное зрелище. Правительственная Россия делится сама в себе на правительство и оппозицию, так что одни чиновники представляют протест, либеральное начало, другие консерватизм, начало авторитета — и оба остаются на службе, получая чины и отличия. Это одна из причин, отчего не только русский народ ничего не понимает во всем этом, но и все европейские.

«У нас все делается паизнанку, — сказал умирающий Рос-топчин, услышав весть о 14 декабря. — В 1789 году французская *roture*² хотела стать вровень с дворянством и боролась из-за этого, это я понимаю. А у нас дворяне вышли на площадь, чтоб потерять свои привилегии, — тут смысла нет!» *

Федор Васильевич был умный человек, умевший не хуже фан Амбурга обходиться с Павлом не обжигаясь и сжечь вовремя Москву, но и он с своей философией XVIII столетия не понял этого странного явления. Может, в раздвоении дворянского стана в противность собственной выгоды лежит лучшее доказательство, что порча его не глубока, и единственный путь искупления.

¹ отдалении (итал.). — *Ред.*

² чернь (франц.). — *Ред.*

Не имея за собой балласта народного населения, разорвавшееся с ним образованное меньшинство понеслось, как порожнящая телега, быстро догоняя западное движение, подпрыгивая на тех кочках, на которых предшественники ломали себе шею.

Но сравниваясь с Европой, мы оставались в петровском отношении к народу, т. е. смотрели на него как на грубую массу, которую надобно очеловечить. Немецкого презрения Бирона с компанией у меньшинства, разумеется, не было, оно заменилось чувством более мягким сострадательного покровительства к неразумным детям.

На этом нас застают два события: падение Европы перед социальным вопросом, социальный вопрос, поставленный Александром II как призыв России к жизни.

Западные публицисты с тем несокрушимым упрямством, которое им дает ненависть к России и невежество, смеются, когда мы говорим о великом историческом значении нашего освобождения крестьян с землею. А нам кажется вопрос этот до того важным, что одно постановление его ставит нас совсем на другую ногу с Европой и дает Александру II место в числе величайших государственных деятелей нашего времени, какие бы, впрочем, он промахи и шалости ни делал.

Перед *социальным* вопросом начинается наше равенство с Европой, или, лучше, это действительная точка пересечения двух путей; встретившись, каждый пойдет своей дорогой.

Западный мир, дойдя до своего предела, сам указал, что ему мешает, и отрицательно определил свое искомое. Случайное распределение сил, богатств, орудий работы, оставленное ему в наследство, окаменело давностью и, укрепленное всеми новыми средствами, ставит стену, которую до сих пор нельзя взять никаким приступом. Труд с одной стороны, капитал с другой, работа с одной стороны, машина с другой, голод с одной стороны, штыки с другой. Сколько социализм ни ходит около своего вопроса, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья. «Vivre en travaillant ou mourir en combattant!» — кричат работники *. «Qui a du plomb a du pain!» — отвечает им Бланки *.

Мирное решение у них было одно, но зато оно не было решение. Социальное меньшинство требовало у Законодательного собрания *признание права на работу* *. Под ним крылось мини-

стерство работ, т. е. разрешение правительством борьбы между капиталом и работой, доходом и трудом, заведование государством всеми производительными силами, иначе — промышленный деспотизм, прибавленный ко всем остальным.

Сверх всего, такое решение могло только водвориться на полном устранении старого порядка вещей, на полном отречении его от всех прав своих. Но он вовсе не похож на качающийся зуб, который стоит тронуть, чтоб он выпал, а скорее па словный клык, почернелый, испорченный, но глубоко выросший в челюсть.

Единственная органическая попытка и была сделана рабочими артелями и товариществами *. При том общественном устройстве, в котором капитал, сверх своей силы, гнетет всю силу правительства, они не могли выдержать ни конкуренции, ни полицейского преследования — стало, и тут не было выхода.

Либералы старого толка, политические экономы старого исповедания решили, не без внутреннего удовольствия, что задача невозможная, что надобно все предоставить снова знаменитому *laissez faire* * и, улучшая вообще существующие формы, ждать благодетельных последствий от увеличения школ и уменьшения браков, от свободы торговли и технических усовершенствований. Пока они этого ждут, девять десятых континента сломились под грубым солдатским деспотизмом, народы разорены содержанием армии, тень политических прав исчезла, а последний остаток их Франция употребила на то, чтобы противодействовать Наполеону в его замыслах свободной торговли *.

Зато в Американских Штатах осуществилось все, о чем либералы мечтали, да, сверх того, такое развитие невольнического груга, его признания, его оправдания, о котором они и не мечтали. С двадцатых годов, когда американцы, еще краснея, говорили об этом наследственном зле, когда они проводили на своей карте резкую черту, чтоб отделить себя от рабовладельцев, до нашего времени понятия так изменились в пользу рабства, что оно теперь возводится в одно из краеугольных оснований союза, в одно из неотъемлемых прав республики — и сын американца Северных Штатов, которого отец убил бы всякого осмелившегося охотиться на его земле по черным, спокойно

вяжет их теперь и отдает хозяевам на казнь. Рабство, только терпимое прежде, сделалось органическим законом, на котором покоится американская демократия. В то время как мы это пишем, может быть, палач вешает Джона Броуна *.

Итак, вот к чему пришел весь образованный мир!..

Представьте же себе то удивление, которым было поражено наше образованное меньшинство, когда оно, обращая с отчаянием взгляд свой среди этого кораблекрушения, в эту темную ночь и не находя нигде ни совета, ни помощи, ни указания, ни маяка, увидело какой-то тусклый свет, и этот свет мерцал от лучины, зажженной в избе русского мужика!

...Этот дикий, этот пьяный в бараньем тулупе, в лаптях ограбленный, безграмотный, этот пария, которого лучшие из нас хотели из милосердия оболванить, а худшие продавали на своз и покупали по счету голов, этот немой, который в сто лет не вымолвил ни слова и теперь молчит, — будто он может что-нибудь внести в тот великий спор, в тот нерешенный вопрос, перед которым остановилась Европа, политическая экономия, экстраординарные и ординарные профессора, камералисты и государственные люди?

В самом деле, что может он внести, кроме продымленного запаха черной избы и дегтя?

Вот подите тут и ищите справедливости в истории, мужик наш вносит не только запах дегтя, но еще какое-то допотопное понятие *о праве каждого работника на даровую землю*. Как вам нравится это? Положим, что еще можно допустить *право на работу*, но *право на землю*?

А между тем оно у нас гораздо больше чем право, оно факт: оно больше чем признано, оно существует. Крестьянин на нем стоит, он его мерит десятинами, и для него его право на землю — естественное последствие *рождения и работы*. Оно так же несомненно в народном сознании, так же логически вытекает из его понятия родины и необходимости существования возле отца, как право на *воздух*, приобретаемое дыханием вслед за отделением от матери.

Право каждого на пожизненное обладание землею до того вросло в понятия народа русского, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленного в крепость, оно выразилось

по видимому бессмысленной поговоркой: *Мы господские, а земля наша.*

Само собою разумеется, что Русь дворянская, согласно с западным понятием права собственности, смотрела совсем иначе на вопрос о крестьянах и земле. Наиболее образованные, допуская, что рано или поздно крестьяне, когда они окончат их воспитание (барщиной и оброком), выйдут на волю, были уверены, что *земля* останется неприкосновенной собственностью воспитателей. Но Александр Николаевич не того мнения, он не любит слишком дорого платить за воспитание, он и Зиновьева отблагодарил табатеркой во время совершеннолетия наследника * — а тут дай пол-России!

Счастье, что мужик остался при своей нелепой поговорке. Она перешла в правительственную программу или, лучше сказать, в программу одного человека в правительстве, искренно желающего освобождения крестьян, т. е. государя. Это обстоятельство дало, так сказать, законную скрепу, государственную санкцию народному понятию.

И это не все. Сверх признания права каждого на землю, в народном быте нашем есть другое начало, необходимо пополняющее первое, без которого оно никогда не имело бы своего полного развития. Это начало состоит в том, что земля, на пользование которой каждый имеет право, с тем вместе не принадлежит *никому лично и потомственно.*

Далее *право на землю и общинное владение* ею предполагают сильное *мирское устройство* как родоначальную базу всего государственного здания, долженствующего развиться на этих началах. Мирское управление уцелело под гнетом иностранного правительства и помещичьей власти, так, как в Морее уцелели коммунальные и городские права под владычеством османлисов *. Этот характер мирского управления русских деревень поразил Гакстгаузена, потом разных американских путешественников и в том числе известного экономиста Керрея *, который мне сам говорил, возвратясь из России в нынешнем году, что в мирском начале наших коммун лежит великая основа самоуправления.

Итак, элементы, вносимые русским крестьянским миром, — элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и

встречающиеся с западным стремлением экономического переворота,— состоят из трех начал, из:

- 1) *права каждого на землю,*
- 2) *общинного владения ею,*
- 3) *мирского управления.*

На этих началах, и *только на них*, может развиваться будущая Русь.

6

Не допетровская Русь должна быть воскрешенной, оставим ее в ее иконописном склепе. Не петербургский период должен продолжаться в своем пемецком мундире; он не может идти далее, не изменив себе; его граница обозначена тем же забором, перед которым остановилась Европа. Он нам дал широкое поле, сильное государство, он привил нам внешнюю форму западного образования, как прививают оспу, а с формой перешла сама собою и внутренняя мысль его, и стремление к личной свободе, не выработавшееся ни в общинной жизни нашего народа, ни в служилом дворянстве нашем. Задача новой эпохи, в которую мы входим, состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плутая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности *земля осталась под ногами* и чтобы общинник был совершенно *свободное лицо*.

Лучшего времени для внутреннего переворота нельзя найти. В начале нашего века мы были слишком под влиянием западно-либеральных идей, буржуазного гарантизма; ни мы, ни правительство не знали народа. Наверное, тогда были бы сделаны страшные ошибки, которых не поправили бы века, в то время как теперь, настороженные опытом соседей, мы должны иначе смотреть на свое и на чужое; сам Запад повернул угасающий фонарь свой на наш народный быт и бросил луч на клад, лежавший под ногами нашими. Недоставало счастливой случайности. Пришла и она.

С небольшим пять лет тому назад Россия лежала безмолвно у ног тупого деспотизма и Яков Ростовцев спрашивал в Пет-

ропавловской крепости у Петрашевского и его друзей, не было ли у них *преступных* разговоров об освобождении крестьян*. Теперь царь стал во главе освобождения и Иаков Ростовцев председателем в комитете освобождения.

Не воспользоваться этим временем, чтоб тихо, *бескровно* взойти в новый возраст, или сбиться с дороги, когда она так ясна, было бы великое несчастье и великое преступление. Но что же мешает?

Сверх невежества, окружающего государя, и чиновничества, основанного на плутовстве, один враг всего опаснее.

— Кто? Войско?

— Нет. Войско бессмысленно, как пожар: в чьи руки он падает, тот им и режет; войско имеет один постоянный характер — оно всегда делает вред и никогда не рассуждает. Наше войско, я думаю, скорее ближе к народу, чем другие.

— Итак, барство?

— У нас барство не имеет ни нравственных, ни физических сил. Оно по своему положению слишком зависимо от трона, оно все служилое и выслужившееся, богатства его жалованные. У нас нет торизма, который бы сам в себе представлял и охраняющую партию, и реформу, упрямого лорда Дерби и родного сына его лорда Стенли. Большая часть наших аристократов люди совершенно неделовые и неполитические; они вносят в общество свое чванство, свои деньги, но никакой идеи. Те же из них, которые развились, те оставили за собой многих западных аристократов, но они не принадлежат больше ни к своей касте и ни к какой другой, они стали просто людьми. Сверх того, *где* почва пражданской деятельности нашего барства — в Английском клубе, в московских гостиных?.. даже домовая церковь князя Сергея Михайловича Голицына закрылась. Наши аристократы не умели никогда воспользоваться ни дворянскими собраниями, ни дворянскими выборами. Последнее политическое право, которым они пользовались *con amore*¹, — *право сечь себе подобных*, и с ним они, бедные, расстаются теперь!

— Но тогда кто же мешает ринуться России вперед?

---

¹ с любовью (итал.). — *Ред.*

— Прислушайтесь.

...Entendez-vous dans les campagnes.
Mugir ces féroces *Allemands*,
Ils viennent...¹

Вот кого мы боимся, опять-таки *русских немцев* и *немецких русских*; ученых друзей наших — западных доктринеров, донашивающих старое платье с плеч политической экономии, права ведения и пр., централизаторов по-французски и бюрократов по-прусски. Они дельнее барства, они честнее чиповничества, оттого-то мы и боимся их; они собьют с толку императора, который стоит беспомощно, и шаткое, едва складывающееся общественное мнение. Они могут их сбить, потому что их воззрение выше общего уровня нашего образования и очень доступно среднему пониманию. Их мнения либеральны, они в пользу разумной свободы и умеренного прогресса, они говорят против взяток, против произвола, они хотят улучшить *скверное само по себе* и, пожалуй, заставят нас уважать приказных, полицию, земский суд, сделавши квартального Косьмой Бессребреником и обер-секретаря неподкупным Робеспьером. Они примирят нас со всем тем, что мы презираем и ненавидим, и, улучшивши, упрочат все, что следовало выбросить за окно, что, оставленное в своей гнусности, само собою выгнило бы, окруженное здоровыми силами народа русского.

К тому же, завися, как католическое духовенство, от чужой власти, они должны по стопам своих учителей питать зуб против всего социального, а тут, как нарочно, на самом пороге «право на землю, общинное владение». Вот почему мы думаем, что, если они одолеют, они помешают взойти тем всходам чистонародного устройства, которому стоит не мешать, чтоб урожай был хорош; а улучшения, которые они принесут нам, хотя и будут улучшения, но с ними разве можем надеяться века через полтора дойти до того состояния, из которого Пруссия стремится теперь выйти...

Знаем мы, что попы и монахи никогда не бывают свирепее, как накануне падения церкви. Иезуиты, эти зуавы св. Петра и

---

¹ ...Вам слышны ли среди полей *немцев* свирепых крики, они сулят... (франц.).— *Ред.*

все жарившие, вытягивавшие у гугенотов жилы инквизиторы, явились после Лютера и Кальвина. Но тем не меньше они упрочили и утвердили еще на целые века католический порядок. Трудно своротить русский народ с его родной дороги, он упрется, ляжет на ней, врастет в землю и притаится спящим, мертвым. Петровская эпоха — лучшее доказательство; но та же эпоха доказывает, как надолго можно приостановить его жизнь и какие страдания можно заставить его вынести одним материальным гнетом, зачем же подвергать его им à propos délibéré¹.

Петр I, Конвент 1793 не несут на себе той ответственности за все ужасы, сделанные ими, которую хотят на них опрокинуть их враги. Они оба были увлечены, хотели великого, хотели добра, ломали что им мешало и, сверх того, верили, что это единственный путь. Но не такая ответственность падет на наше поколение, искушенное мыслию, когда оно примется ломать, исказить народный быт, зная вперед, что за всяким насилием такого рода следует ожесточенное противодействие, страшные взрывы, страшные усмирения, казни, разорение, кровь, голод.

Мы не западные люди, мы не верим, что народы не могут идти вперед иначе, как по колена в крови; мы преклоняемся с благоговением перед мучениками, но от всего сердца желаем, чтоб их не было.

Если б только наши доктринеры могли *просто* взглянуть на вопрос, отрешаясь от магистерского диплома, без самолюбия, без той самонадеянной гордости, которая дает сознание, что они хорошо учились*; если б они, как Фауст, который тоже хорошо учился, и много, и назывался не только «магистром, но даже доктором», умели останавливаться в добросовестном раздумье и от книги снова бы обращались к непосредственной жизни, они сейчас поняли бы, в чем дело.

Отчего у естествоиспытателя нет ничего заветного перед природой, к ней он постоянно обращается с сыновним повиновением, без лукавства, в ней он ищет проверки, ей он жертвует вековой теорией своих предшественников и собственной системой, как только она требует этого. Неужели смиренное самоотвержение натуралиста основано единственно на том, что у не-

---

¹ предумышленно (франц.).— *Ред.*

го под руками то камень, то трава, то зверь и потому с ними не может быть личностей? Природа в своей фактической бес-сознательности и безответственности так явно независима от человека, что он с ней не пикируется, в то время как мир людской ему кажется собственным домом, и его самостоятельную волю он принимает за оппозицию и выходит из себя, особенно когда за него наука веков, ученая традиция.

Это помещичье чувство строптивости особенно развилось у нас в петербургский период, в эту классическую эпоху насильственных образователей и беспощадных цивилизаторов. И тут странная смесь жалкого и возмутительного. Цивилизаторы очень часто откровенно и благородно стремились к добру, лелеяли мысль, например, об освобождении крепостных крестьян, готовы были жертвовать частью достояния, говорили об этом в то время, когда это было опасно, изучали западное сельское устройство... и вдруг, когда освобождение очью совершается, у крестьян открывается готовый быт, который они вовсе не хотят менять, им кажется это неблагодарной дерзостью, и натура русского немца берет верх... та натура, в которой так и веет сквозь австрийского писаря и русского капрала — татарским баскаком, которая, щуря безжизненные глаза и бледнея от бешенства, говорит без звука: «Да вы, кажется, рассуждаете, знаете ли вы, с кем вы говорите?» Или кричит раздавленным голосом, как псковский городничий путешественнику, «Молчать!» только за то, что он *в крестьянском* армяке *. Ведь и русский-то немец-цивилизатор за то и сердится на наш крестьянский быт, что он, в своем мужицком кафтане, не слушается его, одетого по-немецки.

Псковский частный пристав обижен тем, что человек, одетый по-русски, т. е. состоящий вне закона, не подавлен его величием, властью, которую он представляет, воротником, который он носит. Доктринер скандализован тем, что его экономическая наука, наука Робертов Пилей и Гускисонов не находит беспрекословного повиновения, что ее, разработанную столетними усилиями, *хотят обратить вспять* к общинному владению, к коммунизму в лаптях *. «Помилуйте, — говорит он, — что вы суетесь с вашим общинным устройством; как с последней новостью, оно было у германов времен Тацита, общинное

владение *соответствует* младенческому возрасту гражданских обществ и „рассеивается от лица просвещения, как тучи рассеиваются от лица солнца“, уступая *высшим* гражданским формам. Народы дикие любят общинное владение, народы образованные порядок» — и голод, добавим мы, видя, как девять десятых населения не наедаются досыта, для того чтоб собственность развивалась правильно.

«Что же делать, таков закон общественного роста, *народы должны* пройти его фазами, каждая имеет свое неудобство, но зато и свой прогресс. Сначала дикие люди владеют сообща, по-семейно, родами, потом развивается сильнее и сильнее право личной и наследственной собственности... Конечно было бы хорошо, если б каждому можно было дать клочок земли, но так как на *право* собственности не все приглашены природой, то...»

Вот тут-то в самом деле нам становятся пути провидения *неисповедимы*; для того, чтоб несколько государств имели правильно развитую собственность, опромное большинство должно остаться без кола и двора! Библейским языком эдакий закон прогресса по крайней мере называется *проклятием* в род и род. Тогда уже знаешь à quoi s'en tenir¹ и не обижаешься, а чувствуешь, что это справедливая месть божия за какого-нибудь Эноха или Иафета, что-нибудь напакостившего шесть тысяч лет тому назад... А тут признай я разумом, своим собственным разумом, что есть такой нелепый закон!

Откуда экономическая наука вывела этот закон? Она порядком знает только одно экономическое развитие германо-романских народов. Нельзя же по биографии одного человека составлять антропологию, хотя в ней непременно есть общечеловеческие стороны, но рядом и в связи с совершенно частными.

К тому же разве гражданственность, разве собственность в самом деле в Европе развивались нормально или по крайней мере беспрепятственно? Разве общинное владение и весь прежний порядок уступили внутреннему развитию, а не огню и мечу завоевателей? Или, может, феодальная система была крутой экономической мерой, эдаким цезаревым сечением, хирургически облегчившим народение правильной собственности?..

---

¹ как и этому отнестись (франц.).— *Ред.*

Но ведь и цезарево сечение не делается из подражания над здоровой женщиной, а только по необходимости. Зачем же народ, который никогда не был побежден, у которого не враги отняли землю, а свои как-то *отписали ее*, должен непременно пройти теми же фазами? Если же подражать, то давайте строить крепости в городах, на которые никто, кроме полиции, не нападает, будемте на ночь улицы запираить цепями и рогатками, пусть градской голова не спит, а ходит рундом, гласному бердыш в руки — это будет по крайней мере забавнее; а коли кто спросит, что мы делаем, мы скажем, что проходим феодальную фазу развития городской жизни...

Лет тридцать тому назад Н. А. Полевой заботился же о раскрытии в русской истории той борьбы двух начал, которая так ясно представлена Август. Тьери в письме его о французской истории *.

Пора перестать ребячиться.

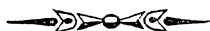
Не то важно, что у кельтов, германов, пожалуй, у кафров и готтентотов *было* общинное владение в диком состоянии, а то, что у нас *сохранилось* оно в государственный период.

А потому в настоящем положении дел серьезно можно поставить только два вопроса:

Есть ли личное, наследственное, неограниченное владение землею *единственно возможное* для развития личной свободы — и, в таком случае, как спасти большинство населения, не имеющего собственности, от рабства собственников и капиталистов?

Есть ли, с другой стороны, поглощение лица в общине *необходимое, неминуемое* последствие общинного землевладения, или оно относится к неразвитому состоянию народа вообще, и в таком случае как соединить полное, правомерное развитие лица с общинным устройством?

Об этих вопросах мы просим наших читателей подумать.

**⟨ПОПРАВКА К ЗАМЕТКЕ О КН. ТРУБЕЦКОМ
В «КОЛОКОЛЕ», л. 47⟩**

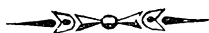
В 47 листе «Колокола» был помещен вопрос о том, правда ли, что князь Трубецкой ездил из Комо депутатом к австрийскому войску? * Вопрос этот мы сделали, прочитав этот факт в одной итальянской корреспонденции.

Князь А. Трубецкой, называя вопрос «Колокола» «нашей клеветой», желает, чтобы мы «уничтожили ее».

Поставив себе за святое правило помещать всякого рода поправки, мы тотчас поручили спросить о деле у подесты * в Комо. Ответ его мы получили только на днях и потому спешим уведомить читателей, что в нем действительно не сказано, чтоб князь Трубецкой был в депутации, он только *уговаривал епископа и подесту* (1 июня 1859) *идти навстречу Урбану* *. Вот подлинные слова письма: «*Quivi alla presenza di entrambi (подесты и сардинского комиссара Веносты) disse (к. Трубецкой) e ripete: è tempo di andarsene (rivolgendo la parola al Venosta) perchè si avvicinano i Tedeschi e possono essere qui fra poco, indi soggiunse che avea esso già parlato al Vescovo per andare incontro all Urban*» ¹.

---

¹ «Там в присутствии обоих... он ... сказал и повторил: пора уходить (обращаясь к Веносте), так как немцы подходят и могут вскоре быть здесь; тут он добавил, что уже говорил с епископом о том, чтобы идти навстречу Урбану» (итал.).— *Ред.*

СИНХЕДРИОН МОСКОВСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ФАРИСЕЕВ

Encore une étoile qui file ... file... ^{1*}

Кажется, Московский университет пережил эпоху своей славы. Смерть Грановского словно провела черту. Неужели нужен был гнет свирепого николаевского прессы для того, чтоб сплавлять учащих и учащихся в одну семью?

Теперь слишком свободно — и потому профессора, по крайней мере их большинство, представляют какую-то управу благочиния.

Год тому назад студенты перестали ходить на лекции какого-то бездарного профессора Варнека; из этого университетское начальство раздуло историю, окончившуюся исключением десяти студентов, и это уж конечно не вина ученого синхедриона, что дело не приняло николаевского оборота. Мы давно знали эту безобразную историю, но недавно доставили нам ее подробности, которые мы передадим вкратце нашим читателям.

Студенты выбрали депутатом г. Жохова, который сказал Варнеку от лица товарищей: «Г. профессор, сегодня мы вас не слушали и положили впредь не переступать порога той аудитории, где будете преподавать вы. Мы просим вас дать нам возможность иметь другого профессора».

Университетское начальство, оскорбленное в своем учено-полицейском достоинстве, решилось сломить волю крамольных студентов и начало свои действия *исключением Жохова*, объявив, что он исключен за неблагонамеренные стихи, *по высочай-*

---

¹ Еще одна звезда, которая меркнет... меркнет (франц.).— *Ред.*

шему повелению покойного императора, воля которого не была до сих пор выполнена, оттого что попечитель Назимов протезировал Жохову, а попечитель Ковалевский как-то забыл о нем!..

Во-вторых, оно отобрало от студентов письменное обязательство посещать лекции Варнека. Здесь очень любопытны хитрости и уловки, к каким оно прибегало. Так, например, инспектор требовал к себе медиков в 11 и 12 часов ночи, небольшими партиями, чтобы предупредить возможность стачки между ними; потом, также, разумеется, не без задней мысли, он начал подписку с казеннокоштных, которым приходилось выбирать одно из двух: согласиться или идти в фельдшера. Наконец необходимые приготовления были исполнены и 19 числа декан вывесил объявление, что завтра в таком-то часу г. Варнек будет читать в анатомическом амфитеатре. Задолго перед началом лекции студенты уже толпились в коридоре, смежном с амфитеатром. В половине двенадцатого стало появляться университетское чиновничество. Наконец приехал и сам попечитель Бахметев. Он раскланялся очень вежливо с студентами и обратился к ним с такую речью: «Господа, мы можем войти, пора!» Эта фраза была произнесена им таким ровным, ласковым голосом, как будто ему вовсе ничего не известно о составившейся оппозиции. «Не пойдем!» — загудела толпа. — «Но, господа, вспомните, вы дали честное слово инспектору». — «Из-под палки... нам грозили». — «Так вы положительно не хотите?» — «Нет! нет!» — «О! в таком случае прошу не пенять на меня. Я поступлю как требует *моя совесть*. Г. ректор, потрудитесь назначить комиссию для разбора этого странного дела. Каков бы ни был ее приговор, я не задумаюсь подписать его, если он будет *справедлив*». Попечитель опять раскланялся с студентами по-прежнему вежливо и уехал, даже не повидавшись с Варнеком.

В 7 часов вечера несколько человек медиков 1-го курса позвали в правление, где они уже застали Альфонского, Баршева, Лешкова, Крылова, а Армфельд уехал, не дождавшись, пока соберутся студенты, как носились слухи, рассорившись с прочими членами за их слишком *честные* намерения!..

Подсудимых ввели в залу и еще раз пытались уговорить их. «Отчего вы отказываетесь ходить к Варнеку?» — «Оттого что

он дурно читает». — «Кто вам сказал, что он дурно читает? Откуда в два месяца вы набрались столько знаний, что беретесь судить профессора, человека ученого? Вы молоды и легко можете ошибаться». — «Да не мы одни такого мнения о его чтениях». — «Кто же еще?» — «Весь медицинский факультет». — «Слышите, весь медицинский факультет, — восклицает Баршев, профессор уголовного права, — стало быть, у вас заговор!» — «Попечитель из сострадания к вашей молодости, — продолжает президент, — хочет кончить эту историю домашним образом. Согласитесь слушать Варнека, и вас оставят в покое, никто не будет наказан. Подумайте хорошенько, упрямство, право, бесполезно и даже опасно».

Студенты подумали и повторили, что слушать Варнека не станут. Их отпустили. 23-го числа медиков 1-го курса потребовали в минералогический зал, роздали им писанные вопросы и объявили, что никого *не выпустят* отсюда до тех пор, пока он не даст ответов на все. Студенты, чувствуя себя правыми, отвечали прямо и резко, не справляясь с полным собранием законов. Этого было довольно; члены ухватились за необдуманно жесткие фразы и на основании большей или меньшей их резкости, разделили подсудимых на категории и передали дело на окончательное решение в академический совет. Таким образом подверглись самому тяжелому наказанию некоторые личности, вовсе не участвовавшие в последних происшествиях, *единственно за свои либеральные мнения!*

«Но прежде нежели скажу что-нибудь о решении университетского суда, — говорит корреспондент, — я остановлюсь на любопытном эпизоде, очень верно характеризующем *дружеские* отношения профессоров к студентам. Если бы я назвал тех и других двумя враждебными лагерями, то, право, не заслужил бы упреков от моих товарищей в преувеличении...

Студент Кляуз, испортивши во время допроса свой лист, обратился к секретарю с просьбою, чтобы ему выдали новый. „Не давайте, — вмешался Баршев, — он сейчас выходил в коридор к товарищам, и они велели ему сделать ложные показания”. — „Г. профессор, будьте осторожнее в ваших обвинениях”. — „Ну да, — закричал Баршев, — вы станете еще оправдываться!” — „Я не оправдываюсь, а просто говорю, что вы

лжете“.— „Арестуйте его“,— приказал взбеленившийся член инспектору.— „Это действительно не он выходил“,— заметил Ильинский. „В таком случае извините меня, г. Кляуз“,— пробормотал сконфуженный профессор.

Тем, казалось, и должен был кончиться забавный анекдот, но, к сожалению, у нас уже давно ничего не делается так, как бы следовало. На другой день *Кляуз был исключен*. По чьей жалобе, кто исключил — этого и теперь никто хорошенько не знает: Баршев не жаловался, комиссия и не подозревает о наказании Кляуза! Не правда ли, поступок вполне достойный защитников устности и гласности в судопроизводстве, за каких выдают себя наши *мужи науки?*»

28 собрался академический совет, 29 на нем председательствовал министр Ковалевский, 4 декабря было читано в аудиториях решение знаменитого судилища, вот оно: «10 человек исключаются *с дурным поведением*, около 100 с правом поступить через год».

Потом последней категории позволили покаяться и предложили форму прощения: «Я, нижепоименованный, обязуюсь впредь безусловно повиноваться всем распоряжениям начальства». И из 100 человек только три отказались от позорного помилования. В тот же день от имени министра студентам строжайше запрещено было собираться *толпами*, говорить речи и пр. в университетском садике и в аудиториях.

Что же делали в это время студенты других факультетов? А пуще всего что же делали молодые профессора, доценты... интересно бы иметь список поданных мнений.

Вот определение университетского совета. Этот документ не должен исчезнуть в университетском архиве.

Присутствию совета доложена была записка комиссии по делу о беспорядках, произведенных студентами медицинского факультета 1-го курса. Комиссия объясняет, что поступок студентов 1-го курса медицинского факультета заключает в себе оскорбление делом профессора Варнека при исполнении им обязанностей его звания и состоит в самовольном выходе из аудитории при начале лекции г. профессора и в формальном отказе от посещения его лекций. Проступок студентов отягчается: 1) повторением и 2) открытым сопротивлением распоряжениям начальства скопом. Но есть в деле и обстоятельства, уменьшающие вину студентов: 1) разные неблагоприятные поступки г. профессора при чте-

нии лекций и в обращении его с гг. студентами (основано на показаниях гг. студентов, но еще должно быть доказано, если будет признано нужным), 2) пример такого же оскорбления профессора в филологическом факультете студентами, который остался без всякого наказания, но не оставшийся без влияния на других студентов, как и должно было ожидать (на этот пример именно указывают в своих ответах как на одну из побудительных причин своего действия некоторые из студентов медицинского факультета 1-го курса), 3) молодость, к сожалению, во многих крайняя незрелость суждения и свойственная молодым людям восприимчивость ко всем хорошим и дурным впечатлениям и влияниям, отчасти также и 4) незнание университетских постановлений. Но и при уменьшающих обстоятельствах вину студентов проступок их так важен, что, кроме некоторых немногих, всех виноватых в нем следовало бы наказать самым высшим университетским наказанием: исключением из университета; но, не желая подвергать одинаковому наказанию менее виновных с более виновными, следственная комиссия находит возможным на основании ответов, данных гг. студентами на предложенные им вопросные пункты, разделить их на 4 разряда: 1-й разряд, к нему принадлежат те из виновных, которые высказывают в данных им ответах полное одобрение случившегося и прямо отказываются от повиновения начальству, когда его распоряжения не согласны с их личным убеждением; сюда относятся наименованные в записке 14 человек. 2-й разряд, к нему принадлежат те, которые признают лишь совершенный ими проступок справедливым, но не отказываются вообще от повиновения начальству, когда их убеждения будут расходиться с его убеждениями, или по крайней мере не выражают так дерзко, как первые, свое отрицание от повиновения в подобных случаях; сюда относятся поименованные в записке 86 человек. 3-й разряд, к нему принадлежат участвовавшие страдательно, или по увлечению, или по незнанию, сюда относятся поименованные в записке 50 человек. 4-й разряд: к нему принадлежат совершенно неучаствовавшие 17 человек. Наконец, не явившиеся к следствию по болезни и находящиеся в отпуску, которых числом 18 человек; затем остаются еще некоторые неспрошенные студенты, не явившиеся к допросу по неизвестным причинам, за что и подлежат ответственности, как виновные в новом неповиновении, а именно 50 человек. Члены совета, по рассмотрении вышеизложенных разрядов, на которые комиссия разделила участвовавших в беспорядках студентов, и по обсуждении сих разрядов, по их письменным показаниям, признали более справедливым и разумным с целью — изменить их таким образом: 1-е, от наказания освободить студентов 4-й категории и тех из остальных студентов 1-го курса, которые докажут, что были больны или находились в отсутствии из Москвы в дни 30 октября, 1-го и 20-го ноября, когда были совершены проступки, и 23 ноября, когда все студенты 1-го курса медицинского факультета были вызываемы для ответов; 2-е, студентов первой категории, которые остались вторично на первом курсе медицинского факультета

или перешли на опый, пробыв уже один год в других факультетах Московского университета, признать не заслуживающими снисхождения и уволить из университета без подачи ими о том прошения. 3-е, остальных студентов первой категории и тех студентов второй категории, которые остались вторично на первом курсе медицинского факультета или перешли на опый, пробыв уже один год на других факультетах Московского университета, признать заслуживающими наименьшей степени снисхождения и уволить из университета, предоставив им самим подать об этом прошение. 4-е, из числа не явившихся к ответу. признать также заслуживающими наименьшей степени снисхождения и уволить из университета на том же основании, т. е. с подачею о том просьбы, тех, которые остались вторично на 1-м курсе медицинского факультета, или перешли на опый, пробыв уже один год на других факультетах Московского университета. 5-е, студентов 1-го курса медицинского факультета, не подходящих ни под один из вышеписанных разрядов, подвергнуть следующему наказанию: в аттестате за поведение они получают отметку *неудовлетворительно*, вследствие чего они лишаются права перейти по истечении сего академического года на второй курс, но для ободрения лучших из них просить г. попечителя Московского учебного округа о дозволении освободить от действия этой отметки тех студентов, которые на переводном экзамене получают в среднем выводе не менее 4 баллов и которых инспекция засвидетельствует, что они во все остальное время академического года не позволяли себе никаких противозаконных поступков. Хотя все таковые подразделения приняты были большинством голосов, однако относительно последнего разряда студентов, многие из членов совета как справедливую меру наказания за их проступок предлагали переименовать их в вольные слушатели с возложением на них соединенных с сим званием обязанностей по уставу. Далее, как из обстоятельств рассматриваемого дела видно, что между причинами беспорядков, произведенных студентами, одною из важных оказывается существующий недостаток инспекторского надзора, то члены совета единогласно положили представить об этом университетскому начальнику с целию содействовать инспекции к возвращению утраченного ею нравственного влияния на студентов. Наконец, между причинами происшедших беспорядков, по общему показанию студентов, обнаруживается неудовлетворительность преподавания исправ. должн. экстр. профессора Варнека, то совет университета, на основании ст. 84 Устава, поручил это обстоятельство особому рассмотрению физико-математического и медицинского факультетов с тем, чтобы о результатах сего рассмотрения было донесено безотлагательно совету. Члены совета, ординарные профессора *Калиновский* и *Китарра* уклонились от подачи голосов при обсуждении меры наказаний виновных студентов под тем предлогом, что назначение такого наказания не требуется от университетского совета предложением г. попечителя Московского учебного округа от 20-го сего ноября, коим предписано только исследовать причины беспорядков.

Определено: с приложением именного списка студентов 1-го курса медицинского факультета с обозначением, кто из них к какому из вышеозначенных разрядов относится, донести о настоящих распоряжениях совета г. попечителю московск. учебн. округа.

Что эти книжники — фарисеи или иезуиты?

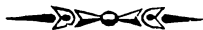
В заключение мы обращаемся дружески и братски к русскому юношеству с советом или, вернее, с горячей просьбой.

Мы нисколько не обинуясь обвиняем военно-судные наклонности московского профессорского аудиториата. В нашем сочувствии вам сомневаться грешно. Вся наша жизнь, все ее отдельные события могут служить свидетельством, что если б даже мы были вознесены судьбою на места Баршевых и Крыловых, то и тогда остались бы верны нашим убеждениям, а потому с чистой совестью и с откровенностью любви мы решаемся умолять вас *быть осторожными*, вы можете погубить не только себя, но гораздо больше.

Россия обязывает вас к этой жертве. Есть стадии развития организма, требующие более строгой гигиены. Россия именно теперь находится в таком состоянии. Ничто старое не вырвано с корнем, ничто новое не пустило еще корни. Опереться не на что. Вне благородных инстинктов государя с одной стороны и части общества с другой, вне удвоенной умственной деятельности и того трепетного ожидания, которое предваряет великое будущее, *ничего нет*, ничто не обеспечено! Не давайте же повода, чтоб снова спустили на вас присмиривших андреевских шакалов и действительных тайных палачей. Память Новосильцовых и Пеликанов не за горами, и пятилетние всходы не так сильны, чтоб противустоять реакции.

Возле вас великий пример, взгляните на тихий океан крестьянского мира, ожидающего в величавом покое уничтожения позорного рабства. Как были бы рады плантаторы-помещики, если б они могли вызвать бурю!

Силы ваши — силы России, берегите их для нее, не тратьте их по-пустому, нам столько дела впереди, столько борьбы!

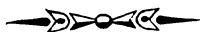

〈ОПЯТЬ И ОПЯТЬ PAS DE RÊVERIES!¹〉

Опять и опять pas de rêveries! Зачем государь был в Варшаве *, что великого возвестил он, чем оправдал надежды, которые возлагал на него край? Тот же злодей Муханов, тот же неспособный Горчаков!.. Если государь ездил потолковать с Брунновым и Киселевым, то ведь он мог их выписать и в Петербург. Зато путешествие в Одессу ознаменовано дарованием каких-то сатрапских прав нелепому Строгонову и чина действительного статского советника его подмастерью Местмахеру *; для уразумения всей величины этой царской милости мы поместим в следующем листе биографию сего нового превосходительства *.

---

¹ Оставьте напрасные мечтания! (франц.).— *Ред.*

ТОТ ЖЕ ГРАФ СТРОГОНОВ, ПЛАЧУЩИЙ НА ГРОБЕ СЕЧЕННОГО КАНДЫБЫ

Только что мы послали в типографию кроткое и дружеское решение Строгонова по делу палача-помещика, мы получили другую историю, в которой Строгонов пытался перещеголять настоящего палача. Мы обличаем Строгонова в этом перед всей Россией, мы его имя желали бы передать истории, пусть она знает, что в то время, когда император Александр II освобождал крестьян, нашелся сатрап, защитник розог и помещичьих злоупотреблений, просивший государя, в его бытность в Одессе, дозволение *усилить уголовные и полицейские наказания* для помещичьих крестьян, посягающих на *честь помещиков* (не странно ли, что у помещиков честь сзади!). И это потому, что он был недоволен слабым решением Уголовной палаты по делу высеченного генерала Кандыбы (см. «Колокол», лист 45), по которому виновные после двухлетнего или трехлетнего заключения в тюрьме наказаны только 70-ю ударами розог чрез нижних полицейских служителей. Выводя из этого общее заключение, что уголовное законодательство наше слабо, Строгонов выводит, что такое послабление закона, *в виду настоящего состояния крестьянских умов*, опасно.

По счастью, государь не утвердил этого доклада, но, не желая огорчить плетолобивого графа, велел ему об этом посоветоваться с министром юстиции.

Да простит господь за это доброе дело государю и то, что он офицера *Папенгута*, не по форме одетого, арестовал в Одессе, и то, что арестовал там же офицера *Ризниченко*, выставившего опасные для общественного спокойствия воротнички. Пусть только он будет уверен, что он больше сделал бы пользы для России, если б без всякого ареста велел бы Строгонова отвести куда-нибудь в Петербург или назначил бы его в Калугу стеречь такого же дикого зверя — Шамиля.

«PAS DE RÉVERIES!», ВЕДУЩЕЕ К FAUX PAS¹!

Право, лучше было бы государю сидеть в Петербурге, ездить на охоту, ездить в Царское Село, пожалуй, в самое большое из них — в Москву, а не «обтекать, яко солнце, своего государства». Юго-запад решительно слишком раздражителен северным нервам. У нас перед глазами с десятков газет и еще больше писем, описывающих последнее путешествие. Досадно читать.

В *Каменце-Подольском* дворяне подают адрес, просят вздор, каких-то новых *свобод* католическому *рабству*, просят и дело — возвращение польского языка, выборов. За все за это не за что сердиться, все это не похоже на бунт. Но государь разобидел дворян, говорит, что он не любит такие *замашки*. Для чего это? Он обижается, не может вынести, что его никто не принимает за злого человека. Страшное самолюбие!

Отец Фридриха II, совсем напротив, до того ненавидел, что его боялись, что, встретив раз, гуляя, в Потсдаме евреев, спрятавшихся от него за дерево, он бросился на них с своей державной палкой. — «Зачем, бестии, спрятались?» Несчастные евреи просили прощения и говорили, что спрятались от испуга. — «Так вы боитесь меня? Хорошо, — сказал Фридрих Вильгельм и принялся им отпускать палочные удары, приговаривая: — Любить, разбойники, любить должны вы меня, а не бояться!» Какие у царей бывают разные вкусы, только жаль, что средства почти одинакие.

В *Варшаве* евреев, хотевших видеть государя, заперли где-то обманом. А те просто ничего не хотели просить, а жела-

---

¹ ложному шагу (франц.). — *Ред.*

ли только поблагодарить его. Скажут, что государь в этом не виноват. Нет, виноват.— зачем герой великой ретирады не ретируется из Варшавы, зачем присутствием Муханова в польском министерстве продолжается николаевская обида благородному польскому народу?

В Харькове — спич к студентам. После известной харьковской истории, в которой Зиновьев-брат погубил несколько молодых людей, двое студентов, зная, в каком искаженном виде дело было представлено, написали к государю письма, разумеется, не подписавшись, и послали их по почте. Недоглядела ли тайная полиция или нарочно отдала, но письма дошли. И вот Александр Николаевич говорит в своем спиче: «Подолскивать свое имя, всякий, кто прав, может открыто искать справедливости; прежде я был доволен студентами, а теперь нет; попечитель и профессора должны будут отвечать мне за поведение студентов».

Слышите, «всякий, кто прав»! Это мне напомнило уж не курфирста брандбургского, а 1794 год, именно как Дантон в последнее свидание с Робеспьером требовал ограничения революционного суда, говоря, что правый и виноватый его трепещут... Робеспьер перебил его словами: «Разве хоть один правый был обвинен?» Дантон раскрыл рот, этого он никак не ожидал!

В заключение государь сделал замечание о «необходимости соблюдения университетской формы». В одесском лицее он заметил неоднобразность воротничков, потом безобразность воротничков, выставленных одним офицером. В Харькове, Киеве то же. Не хорошо, право, не хорошо! Бывало от Николая, от Михайла Павловича и не ждешь ничего другого. Эх эта фельдфебельская немочь как взошла в кровь нашей царской фамилии; болезнь эта не русская, а пришла к нам, как красные тараканы, из Пруссии. Хоть бы новое-то поколение спасти.

Вот граф Сергей Григорьевич Строгонов подумал бы теперь, как исцелить от немецкой болезни наследника и других великих князей. Нельзя ли им как-нибудь маленьким прививать пуговку, или выпушку, чтоб припадки были слабее у взрослых. А насчет бороды это еще легче, можно камер-лакеям,

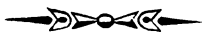
камергерам или другой прислуге привязывать раза два в неделю бороду и водить мимо детей — глаз привыкнет.

Сверх оскорбительной грубости подобных замечаний о форме, они могут иметь и другое неудобство, как бы сосредоточивая свои силы и внимание на пустом, не пропустить сквозь пальцы — историю.

Меттерних, взойдя раз с докладом к австрийскому императору, ныне уволенному от дел, застал его с величайшим вниманием углубленного в тетрадь. Удивленный министр остановился в дверях, мертвая тишина продолжалась. Вдруг император поспешно захлопнул тетрадь и с восторгом сказал Меттерниху: «Beide auf einmal!»¹ Он действительно очень удачно поймал листами две мухи, прогуливавшиеся по тетради. Жаль только, что Австрию упустил!..

---

¹ «Сразу обеих!» (нем.).— *Ред.*

〈ЭКЗАМЕНЫ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ〉

Из 375 молодых людей, державших экзамен для поступления в Петербургский университет, приняты 73 человека. Что это? Просто безумие и глупость или иезуитский план, имеющий целью исподтишка возвратиться, в педантском костюме, к тупой, но откровенной николаевской войне против университетов? * Кто экзаменует, жандармы или профессора? и кто этот Ирод, выдумавший лицемерную методу — избивание отроков *, — Ковалевский ли, доктринер ли какой или Липранди, подавший проект об учреждении Академии шпионства *? Не приняться ли и за него ¹?

ГРАФ СТРОГОНОВ, ШПИЦРУТЕНЫ И ШТАБС-КАПИТАНША БАРАНОВА

Вот что нам пишут в дополнение помещенного нами в прошлом листе «Колокола» о бесчеловечном вмешательстве одесского Строгонова в дело о Кандыбе *.

Еще в прошлом году граф Александр Григорьевич Строгонов почувствовал потребность с своей стороны заявить что-нибудь в пользу крестьян, об улучшении быта которых все хлопочут, именно — он хотел ввести наказание их *шпицрутенами*. Он предлагал, чтоб крестьян за все преступления и проступки против помещиков, в видах охранения государственного спокойствия, судить не обыкновенным гражданско-уголовным, а военным судом и наказывать не розгами или плетьюми, а *шпицрутенами*; что при настоящем порядке рассмотрения дел о подобных преступлениях не явственно для крестьян вмешательство в дела суда правительства (1); между тем как военный суд более других судов

---

¹ Сейчас узнали мы, что подобные варварские приемы студентов были в Московском университете.

удовлетворяет необходимости, при настоящей готовности крестьян к свободе, рассматривать с надлежащим беспристрастием подобные дела и часто соображать такие обстоятельства, принятие которых не входит в круг обязанностей судебных мест (2). К счастью, в это время Ланской и даже Сухозанет пришли к совершенно противоположному убеждению, они нашли, что лица гражданского ведомства вообще не следует судить военным судом, и ходатайство графа Строгонова оставлено без последствий¹.

Каков Аракчеев! И какое счастье, что бодливой корове бог рог не дает! Его мы не зовем под обыкновенный суд, его мы зовем под *верховный суд России потомства, истории!* Да, дети, юноши, не забудьте, что в 1859 году нашелся в России человек, принадлежащий к хорошему роду, получивший образование, бывший в связях с декабристами, живший несколько лет за границей и который, при первом теплом ветре, обещающем нам весну, нашел в своей черной душе не только развратную мысль об увеличении телесных наказаний, но нашел силу, цинизм ее высказать, ее предложить.

Читая о лицах, которых человеческая кровь пьянила, которые наслаждались пытками, изобретали их, смотрели на судороги смерти, вслушивались в крики боли, читая о них в летописях Тацита, в сказаниях об инквизиции, вы верно думали, свободно вздыхая — как после кошмара, — что таких людей больше нет. Вы ошиблись.

Посмотрите же на Строгонова, не забывайте черты этого человека, *он предложил в России усилить телесные наказания крестьянам в 1859 году!*

Отчего? Оттого, что он помещик, а помещик привык, как мясник на бойне, к истязанию людскому, к воплю, к синим пятнам и к бледному челу засеченного, который только его страшает судебной ответственностью!

Вот *выписка* из следствия о бесчеловечном поступке жены штабс-капитана *Барановой* * с находившейся у нее в услужении крепостною девушкою отца ее *Елизаветою Андреевою*. Эта Баранова заслуживает стоять между Кандыбой и Строгоновым².

---

¹ (1) и (2) Из представления графа Строгонова министру внутренних дел.

² Выписку эту нам прислали в ответ на наш вопрос «Правда ли?» об этом деле.

Елизавета Андреева показала, что Баранова, чтобы заставить ее возвратить взятый ею носовой платок, посадила ее 15 января 1859 года в кухне на плиту, при чем была горничная Татьяна Аполлонова; что, почувствовав сильную боль, она соскочила с плиты и, отыскав платок, получила еще от госпожи три удара по лицу.

Из отзывов конторы больницы для чернорабочих видно, что у Андреевой оказались при осмотре ее в больнице сильные обжоги на седатических местах.

Находящиеся при Барановой другие крепостные люди Азарьева — Татьяна, Ненилла, Наталья и Петр — объявили, что барыни их 15 января вовсе не было в кухне; причем первая добавила, что сама видела, как Андреева, неизвестно для чего, села на плиту и обожглась. *Но впоследствии* Татьяна созналась, что Баранова действительно приказала Андреевой сесть на плиту, и Петр сознался, что он слышал это приказание.

Баранова предана уголовному суду. Сверх того, из собранных сведений оказалось, что и мать ее, помещица Валдемского уезда Азарьева, вполне достойна дочери, что крестьяне совершенно разорены, жестокие наказания заставили некоторых из них лишиться себя жизни: трое удавились, один утопился. Такое управление продолжается более 20-ти лет, и только по случаю происшествия с Елизаветою Андреевою Азарьевы удалены из имения и назначено формальное следствие.

ОТ ИСКАНДЕРА

Какой-то *Н. Елагин сам-третий* издал в Берлине против меня тупую и грубую книгу под заглавием «Искандер-Герцен»*.

Я не буду отвечать на брань Елагину *сам-третей*, так, как не отвечал ругавшим меня в одиночку. Пусть ругаются, если это им доставляет удовольствие.

Что, в самом деле, сказать на сквернословие каких-нибудь синодальных писарей и семинарских риториков старого порядка, — кроме того, что отвечал знаменитый Фокс одному лорду, написавшему к нему письмо, исполненное брани и дерзости. «Sir, письмо ваше от такого-то числа я получил. Оно теперь *передо мной*, через четверть часа оно будет *за мной*, о чем честь имею вас уведомить.

Преданный вам,

Ч. Фокс».

РАЗГОВОРЫ С ДЕТЬМИ

I

ПУСТЫЕ СТРАХИ.—ВЫМЫСЛЫ

Желание узнать причины, как что делается возле нас, совершенно естественно человеку в каждый возраст. Это всякий испытал на себе. Кому не приходило в голову в ребячестве, отчего дождь идет, отчего трава растет, отчего иногда месяц бывает полный, а иногда видна одна закраинка его, отчего рыба в воде может жить, а кошка не может?.. Людям так свойственно добираться до причины всего, что делается около них, что они лучше любят выдумывать вздорную причину, когда настоящей не знают, чем оставить ее в покое и не заниматься ею.

Такого любопытства — *знать*, что и как делается, — звери не имеют. Зверь бегаёт по полю, ест, коли что попадетсЯ по вкусу, но никогда не подумает, почему он бегаёт и отчего он может бегать, откуда взялся съестной припас, который он ест. А люди всем этим заботятся.

Посмотрите, что из этого выходит: чем больше вещей человек знает и чем короче, подробнее он их знает, тем больше у него власти над ними. Звери с их умом несовершенным и маленькие дети с их незнанием всего слабее и беспомощнее. Не думайте, что дети только потому слабы, что они малы, — слон при всем своем росте сделает не больше ребенка во всех тех случаях, где нельзя взять ни массой, ни мышцами.

Когда человек хочет что-нибудь сделать, он прежде должен *знать* свойства вещей, из которых ему приходится что-нибудь сделать. Вещи сами по себе очень послушны, но слушаются

они человека и настолько исполняют его волю, насколько он умеет приказывать им, т. е. насколько он их *знает*.

Вещи не *в самом деле* слушаются человека или противостоят ему. Это так говорится для краткости, вещам до человека дела нет, они очень равнодушны к своей судьбе и продолжают существовать — рудою, слитком, червонцем, кольцом на пальце, как случится, у них нет ни цели, ни намерения, ни воли. Река течет, — течет потому, что земля поката, а не потому, что ей хочется течь. Человек ставит плотину — так как воде все равно, то она перестает течь и накапливается. Насколько человек знает силу воды, силу плотины, вышину берегов и другие условия, настолько он может заставлять воду, *делая свое дело, исполняя его волю*: вертеть колеса, пилить бревна, орошать луга, подымать барки. Из этого вы уж видите, что мы настолько умеем управлять природой или вещами, нас окружающими, *насколько их знаем*, направляя одни против других или соединяя их по их свойствам.

Вы хотите отрезать сучок от дерева и сделать из него трость. Вы берете нож, т. е. кусок железа, таким образом сплавленный, выкованный, отточенный, что одна сторона его остра, и начинаете отрезывать, зная, что растительные волокна не могут удержаться против железа.

Таким точно образом человек поступает и в самых сложных своих делах, в хлебопашестве и других работах.

Совсем напротив — чего мы не знаем, то не только не в нашей воле, но скорее мы в его воле, *оно нас теснит*. Люди по большей части боятся того, чего не знают, потому что от него трудно защищаться.

Вот тут-то и случается, что люди лучше выдумывают ложную, мнимую причину, чем остаются в безоружном неведении. Принимая ложную причину за знание, за понимание, веря ей, они обманывают себя и думают, что овладели страшным явлением.

Возьмемте для примера *грозу* и посмотрим, в каком отношении к грозе находились люди в младенческом состоянии и в какое перешли в более образованном.

Люди были поражены блеском молнии, раскатом грома, они видели зажженные деревья, убитый скот, убитых людей

и потом снова прежнюю тишину, тучи проходили, небо разъяснялось. Вместо того чтоб добираться до причины, сличать, обдумывать, они вот как рассуждали: «Мы слышали треск и гром — стало быть, *кто-нибудь гремит*», и они стали искать (тут-то вся ошибка) не *что* гремит, а виноватого. Гремит наверху, молния падает сверху, стало быть, *громовержец* живет наверху. Черные тучи, мрачное небо показывают, что он сердится; на кого? Конечно, всего больше на тех, кого убивает.

Что же делать и как умиловить этого свирепого громовержца? Унижением, бросаясь на колени, моля о пощаде. Так люди делали тысячелетия, и им в голову не приходило, что громовержец бьет бессмысленно скалы и деревья, которые не могут быть виноватыми, баранов и волов, мирно пасущихся, и из людей убивает не худших, а так, кто попадется; это объясняли тем, что громовержец делает это для острастки, чтобы виновные трепетали, а прочие знали бы его мощь. И эдакого-то бессмысленного и безжалостного чудака хотят умолить красными словами, поклонами, взятками. А все это делается только для того, чтоб заглушить страх перед неизвестной опасностью.

Помните вы греческое вероисповедание, у них на все был свой Бука или своя Баба-яга: для моря и огня, для неба и земли. И серьезные, взрослые люди, полководцы, купцы, отправляясь в море, ходили перетолковать об этом с медной куклой, делали ей обещание принести в жертву кур и телят, повесить в ее храме свое платье, если кукла пошлет хорошую погоду во время плаванья.

Мы смеемся над их морским богом, разъезжающим в раковине на четверке дельфинов, с трезубцем в руке *, так, как вы смеетесь над куклами, с которыми вы бывало разговаривали, как с живыми, укладывали их спать, давали им лекарства, — ведь вам и тогда чувствовалось, что они не живые, да хотелось верить, вы и верили. Но мало-помалу ваш ум крепнул, и по мере того как он стал брать верх над детским воображением, вам меньше и меньше казалось вероятным, что кукла больна или спит. Так жили целые народы — до тех пор, пока *знание* природы не победило их *мечтанье* об ней.

Когда люди приобрели больше опытности и сведений о при-

роде, они пошли и в деле *грома* и *молнии* иным путем; вместо того чтоб спрашивать, *кто* гремит, стали наблюдать, *что* гремит, и мало-помалу, сличая разные явления, доискались до причины; а найдя ее, стали обороняться от нее уже не молитвами и коленопреклонением, не курами и свечами, принесенными на жертву, а снарядами, называемыми *громоотводами*.

Точно так действует знание во всех других вещах и предметах: везде освобождает оно нас от страха, а где не может освободить от зависимости, там учит нас избегать вредных действий.

Прежде чем мы пойдем дальше, я вам расскажу, как в детстве я сам освободил себя от одного из *пустых страхов*. У меня, по правде сказать, их было немного, однако ж не был и я совсем свободен от них. Нянюшки натолковали и мне о всяких чудесах, о том, как домовый приходит по ночам в конюшню и ездит верхом на лошадях и как кучер против этого в стойле держит козла. Лет двенадцати я стал с ними спорить, и, разумеется, разубедить их не мог.

Бедные люди эти обречены на темную жизнь неведения и тяжкую работу — им недосуг учиться, недосуг думать, их досугом пользуемся мы; и если свет до них не доходит, то мы не должны забывать, что *мы* им застим его. А осуждать их — большое преступление; к тому же гораздо удивительнее, что люди ученые и образованные рассуждают иной раз не лучше их и что большая часть их верит в такого или другого домового и имеет в конюшне или дома своего *козла* против него.

Мне было лет двенадцать, жили мы летом в деревне. За нашим домом был овраг, заросший сосняком и ельником, овраг этот шел, огибая поля, к двум-трем курганам, тоже покрытым большим сосновым лесом. Курганы эти, вероятно, были насыпаны над могилами павших воинов в древние времена.

Там раза два отрывали совсем перержавевшие доспехи, в преданиях у крестьян осталось темное воспоминание какого-то сражения. Курганы эти они звали «проклятыми». Неохотно ходили туда ночью мужики; про женщин и говорить нечего, ни одна ни за что на свете не пошла бы туда после сумерек — не оттого чтоб они боялись волков — это было бы естественно, а оттого, что боялись каких-то *духов*.

Дворовые люди наши, разумеется, не меньше их верили в эти чудеса. Я спорил с ними, смеялся над их трусостью.

— Да вы вместо того чтоб говорить,— сказал мне один из них,— сами бы ночью сходили.

— Я охотно пойду.

— Когда?

— Сегодня, когда у нас все улягутся...

— А как же знать, до которых мест вы дойдете?

— У большой сосны возле первого кургана лежит лошадиный череп.

— Помню.

— Ну так я принесу его.

Пространство, которое мне приходилось пройти, вряд было ли всего больше полутора или двух верст, из которых половина шла по полю. Пока было видно освещенное окно нашего дома и я не покидал тропинки, я шел себе спокойно, попевая песни для большей храбрости, но когда взошел в лес, мне тоже стало очень страшно. Чего мне было страшно, не знаю; но сердце билось и ноги так неверно ступали, когда я цеплялся за сучья, что в ту же пору хоть бы и воротиться. Но я переломил свой страх, дошел до черепа, взял его на палку и побежал домой.

Человек наш хотя и похвалил меня, но все же не убедился, а говорил мне, что «иногда и ничего не бывает, а иногда и бывает».

На другую, на третью ночь я уже ходил туда без всякого постороннего повода, и сердце билось меньше и меньше, и я уже не пугался, зацепляясь за хвойные ветви. Вот как проходят пустые страхи.

Но чего же собственно наши люди и крестьяне боялись на курганах? Того, чего люди обыкновенно боятся в присутствии мертвого тела, на кладбище. Они боятся, что покойник *не в самом деле умер*, а что он *раздвоился как-то* — тело само по себе, а жизнь этого тела *сама по себе*. Этого-то люди и боятся, по инстинкту понимая, что в этом есть что-то *нелепое*. А то чего же бы бояться? Люди сами хотят жить после смерти, скорбят и оплакивают, когда кто-нибудь умрет,— стало быть, следовало бы радоваться, что духи усопших уцелели и являются к нам!

Дух без тела страшен невообразимой нелепостью своей; до

того страшен, что человек обыкновенно придумывает ему или чудовищное *тело*, или неестественно красивое.

Вы, верно, видели изображение длинных, исхудалых, завернутых в белые саваны мертвецов, с дырами вместо глаз. Видали вы, верно, также и маленькие кудрявые головки, нарисованные без туловища с двумя-четырьмя крылышками, прикрепленными к задней стороне нижней челюсти или к первому шейному позвонку *. Само собою разумеется, что ни скелет в холстине, ни голова без груди, необходимой для дыхания, и без живота, необходимого для пищеварения, не только не могут понимать и говорить, но просто не могут жить. Несмотря на то, людям легче воображать эти нелепости, чем живой *дух*, т. е. живой *воздух*, газообразную личность без всяких жидких и густых частей. Это до такой степени нелепо, что человек отпрядывает от бестелесного духа к уродливым вымыслам.

На это, пожалуй, вам скажут, что *духи* могут иметь воздушное или эфирное тело, не зримое нашими глазами, тонкое, легкое и прозрачное.

На земной планете таких нет, а если б они где-нибудь и были, то с умершими людьми они ничего общего не имеют. К тому же не думайте, что в самом деле *прозрачность* и воздушность — что-нибудь высшее. Если б человек мог сделаться жиже, еще жиже и наконец совсем прозрачным, он от этого стал бы только хуже. Хорошая кровь густа, и хороший мозг густ, хорошие мускулы упруги, воздушные мускулы не могли бы служить; газовым мозгом нельзя было бы думать.

Невидимых для простого глаза животных бездна — все наливчатые животные *; но они, хотя и малы, не состоят же из одного воздуха или из одной жидкости; у них есть свои оболочки, очень тонкие, но которые оставляют после себя известку или мел. Их прозрачность сопряжена с самой бедной степенью жизни; для того чтоб жизнь мухи или осы была возможна, телу животному надобно было очень много погустеть, потерять своей прозрачности и местами окрепнуть, как крылья жука или ноги кузнечика.

Тело всякого животного — червя, слона, человека — делается из окружающих припасов едой и дыханием. На это ему нужны части твердые, жидкие и воздухообразные. Пока они вместе

работают и ни одна не берет верха, *жизнь* продолжается. Если у животного отнять твердые оболочки его, то кровь и всякая жидкость, обращающаяся в его сосудах, прольется, газы, в ней заключающиеся, испарятся, рассеются, твердые части выветрятся, засохнут, сделаются черноземом, известковой землей.

Общее дело (жизнь) твердых, жидких и воздухообразных веществ, пока они продолжают пищеварение, нельзя отделить от этих частей (т. е. от тела). Так, как нельзя линию, границу двух площадей, отделить от площадей не на чертеже, а в самом деле.

Объяснить это *общее дело*, задерживающее в известном виде и в известной деятельности части тела, задача трудная; но путь к ее разрешению очевиден — *физиология и химия*.

Неполное знание не дает права на произвольные предположения. Мы сейчас видели, до каких нелепостей люди доходили в своем объяснении грома; повторять такие ошибки непростительно.

Вымыслы не только отдаляют пониманье, но забывают самую возможность правильно поставить вопрос; в манере спрашивать видно, что сделанный вопрос вперед решен.

Так, вопрос «*Может ли душа существовать без тела?*» заключает в себе целое нелепое рассуждение, предшествовавшее ему и основанное на том, что душа и тело — две разные вещи. Что сказали бы вы человеку, который бы вас спросил: «Может ли черная кошка выйти из комнаты, а черный цвет остаться?» Вы его сочли бы за сумасшедшего — а оба вопроса совершенно одинакие. Само собою разумеется, тот, кто может себе представить черный цвет, оставленный кошкой, или ласточку, которая летает без крыльев и легких, тому легко представить себе *душу* без тела, такое *целое*, которого части *уничтожены*... а затем почему ему и не бояться на кладбище или на кургане встречи с давноумершими, ходящими без мускулов одними костями, говорящих без языка.

Есть люди, которые без малейшего основания говорят, что души умерших отправляются на *другие планеты*; это понятнее не легче.

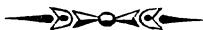
Как же это они поднимаются в океане кислорода и селитро-рода, не окислившись в нем или не соединяясь с водородом, ут-

леродом? Но душа не имеет *химических* свойств. Какие же? *Физические*? — Нет. *А движается?*

Предмет, не имеющий ни физических, ни химических свойств, без формы, без качества и количества, мы называем несуществующим, т. е. *ничем*.

Тут прибегают обыкновенно к сравнению с электрической искрой; но электрическая искра очень богата физическими и химическими свойствами; несмотря на то, в пей нельзя предположить сознания — а ведь это *главное*, чего хотят в душе, отрешенной от тела. Чтоб сознавать себя, нельзя быть ни твердым, как кремень, ни жидким, как вода, ни изреженным, как воздух; надобно быть *студенем или кашей, как мозг*.

На первый случай, я думаю, есть о чем вам подумать и поговорить с вашими товарищами и учителями, если только они не боятся *домового* и не держат *козла*.

1860

1860 ГОД

I

Без преувеличенных надежд и без преувеличенных отчаяний входим мы в *новое десятилетие* — твердым, ровным шагом старого войска, знавшего победы, знавшего поражения и пуще всего знавшего тяжелые переходы по песчаным, пыльным, безотрадным степям. Спины понагнулись, волосы поседели, много рубцов, много шевронов... много товарищей в земле, много чужих за родным очагом... но — старые солдаты — мы без заносчивости и страха, шагом твердым и ровным входим в новое десятилетие!

Еще шеврон!..*

...Что бы ни было, хуже, чем было десять лет тому назад, не будет. Тогда был медовый месяц реакции, тогда со слезой, замершей в глазе, со злобой, кипевшей в сердце, смотрели мы на проигранную кампанию и проклинали позорное время, в которое нам пришлось жить.

«Когда многие надеялись, мы говорили им: это не выздоровление, это румянец чахотки. Смелые мысляю, дерзкие на язык, мы не боялись исследовать зла, ни высказать его, а теперь выступает холодный пот на лбу. Я первый бледнею, трушу перед темной ночью, которая наступает; дрожь пробегает по коже при мысли, что наши предсказания сбываются так скоро, что их совершение так неотразимо!»¹

Мрачная туча, которую мы предчувствовали по лому в мысли и в сердце, заволокивала больше и больше, все потемнело,

---

¹ Эпилог 1849 году. «С того берега» *.

спуталось, покосилось, стало тонуть... всплывали герои без всякой пользы; говорились слова, полные мудрости, никто их не понимал... удар за ударом разил то и другое, сбивая осколки в серую, грязную массу, на вершине которой поднимался яснее и яснее, как на своем пьедестале, сфинкс с узенькими глазками, ухарски зачесанными висками и усами, свернутыми в фидибусы *.

Пять лет продолжалось это, и все было хуже и хуже *.

...Помню я полутуманный лондонский день и улицы, кипящие народом, дома, покрытые гирландами, украшенные знаменами, войска в парадных мундирах, нарядные дамы в окнах, горс-гарды на конях, пудренные кучера и лакеи, мещане с сияющим лицом, словом, праздников праздник; Наполеон III въезжал победоносным и гордым в почтенные, средневековые ворота *Темпль-Бара*; из гостей Виндзора, королевы, он ехал в гости к царствующей буржуазии в *Меншен гаус*. В Виндзоре надпись «Ватерлооская зала» была стерта *, в Сити было стерто достоинство свободного народа *; Наполеона встретило чудовищное подобоострастие городских властей, тем больше упоительное для него, что оно не было внушено пасилием, а падало перед ним в откровенно рабском унижении... То же восторженное «ура» проводило его назад, и «Теймс» трубил славу великого союзника Англии.

Дальше падать, глубже опускаться — нельзя. Это был перелом креста.

Но перелом креста состоит не из одного звука... а из двух.

Рядом с Англией, певшей с благоговением и английским произношением «*Partant pour la Syrie...*» *, другие певчие пели «Со святыми упокой!» у гроба в Зимнем дворце *.

Крест переломился!

II

Отлегло на сердце, мы перевели дух! Дело пошло к утру. Усмиренные опытом, укрощенные памятью, мы с умилением приветствовали зорю нового дня, занимавшуюся в России. Мы радовались не тому, что он нам давал, а, как выздоровляющие после перелома болезни, радовались за *право на надежду*.

На эту полосу света на родном небосклоне, усталые от всего, что нас окружало, мы смотрели без заносчивых требований, без юпошеских утопий. Мы ограничивались желанием, чтобы с бедного русского народа сняли грубые железные цепи, для того чтобы *развитие сделалось возможным*; остальное, казалось нам, придет своим порядком — может, после нас, даже весьма вероятно, все равно, лишь бы видеть самим, что на пути нет бревен.

Мысль наша, речь наша не шли дальше —
Освобождения крестьян от помещиков,
Освобождения слова от цензуры,
Освобождения суда от мрака канцелярской тайны,
Освобождения спины от палки и плети *.

Пока мы думали и говорили об этом, вышел знаменитый рескрипт к дворянству трех польских губерний *.

Тот, кто понимает глубину умиления и молитвы, которая заставила Канта при вести о провозглашении Французской республики обнажить голову и, поднявши глаза к небу, повторить слова Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаеши!», тот поймет, что происходило в душе нашей, когда мы слышали робко произнесенное государем, но все же произнесенное слово — *освобождения крестьян!*

Мы помолодели, мы поверили в себя, в то, что наша жизнь не прошла напрасно... а тут облегчение цензуры, уничтожение позорного стеснения путешествовать, уничтожение кантонистов, военных поселений, проекты о гласности судов *. Мы стали отдыхать от ненависти.

Наша программа осуществлялась, и нам легко было сказать: «Ты победил, Галилеянин!» («Колокол», лист 9) *. *Так* побежденными мы хотели быть.

Самодержавная революция могла вести Россию к великому развитию всех ее неистощимых сил, неведомых возможностей, не проливши ни одной капли крови, не поставивши ни одной виселицы и делая из сибирского тракта путь богатства и обмена — вместо пути слез и скрежета зубов.

Да, мы были правы, говоря Александру II при его восшествии на престол: «Вы необыкновенно счастливы!» *

Отчего же мы входим в новое десятилетие не с тем светлым

упованием, не с той твердой надеждой, с какой встретили эпоху возрождения России?

Александр II, как Фауст, вызвал духа не по силам и перепугался. Какая-то истощающая силы нерешительность, шаткость во всех его действиях и под конец совершенно ретроградные поступки. Он явным образом хочет добра — и боится его.

Что же случилось? Война? восстание? распадается ли государство? провинции отлагаются, что ли? — Ничего! Финансы плохи, да ведь это обыкновенное русское хозяйство, вид пышный — и ни гроша за душой! Сверх того, реакцией финансам не поможешь...

Чего же испугался государь? — А чего боятся люди на кладбище?..

В том-то и состоит несовершеннолетие людское, что оно боится вздора и не видит действительной опасности, что оно опирается на гнилое дерево возле свежего. Стремясь за фантазиями, оно упускает из рук реальное; боясь призраков в якобинской шапке — гладит шакалов в генеральских эполетах; боясь демократической страницы в журналах — не боится олигархических грамот в бархатной книге.

Идти двумя путями невозможно.

Каким Янусом ни будь, нельзя разом идти в две противоположные стороны *, можно только одной половиной своей всякий раз идти задом наперед, мешая самому себе и бесполезно качаясь на одном месте.

Нельзя желать гласности — и усиливать цензуру.

Нельзя желать просвещения — и гнать студентов от университетских ворот.

Нельзя уважать людей в подданных — и не позволять им детей вывозить за границу.

Нельзя стать со стороны народа — и называться «первым дворянином» *.

Нельзя желать гласного суда — и держать гайдука юстиции Панина.

Нельзя желать законности — и иметь в своей собственной канцелярии целое отделение шпионов.

Нельзя начинать новую постройку — и брать помощников из богадельни прошедшего.

Нельзя прогнать Клейнмихеля и Бибикова * — и оставить Панина и Муравьева (который вешает), Орлова, мухановского Горчакова и пр., и пр. С этими ядрами на ногах даже знаменитый скороход в «не любо — не слушай» не ушел бы далеко *.

Все это так же несовместно, так же нелепо, как проповедовать министерством внутренних дел трезвую жизнь, мед и млеко — а министерством финансов в то же время и тех же людей спаивать отравленной водкой *.

Это-то колебание и выводит нас из терпения — не в отчаяние, а в глубокую горечь, тем больше что оно совершенно не нужно и происходит оттого, что декорации принимаются за самое дело, вероятно, по привычке видеть в человеке прежде всего форму воротника и пуговицы.

Если б государь всмотрелся, он сейчас бы увидел, что он окружен целым миром призраков, что Панин, например, не в самом деле министр юстиции, а марионетка, и очень плохо сделанная из шестов; что Горчакова совсем нет, а есть мундир с дырой сзади, в которую фигляр Муханов запустил пальцы и представляет, будто покойник жив, на оскорбление польского народа...

Да кем заменить этих опытных, маститых слуг престола? *Опытных* в чем? Неужели в освобождении крестьян, в учреждении гласных судов?..

К тому же вот пример: разве в Москве хуже стало после Закревского? Тучков наверное в десять раз лучше его... А ведь не начитайся Закревский французских романов и не сделай свой сентиментальный пассаж à la George Sand *, он и теперь давил бы Москву и государь верил бы, что он необходим для спокойствия первопрестольной столицы!

Шапка Мономаха не только тяжела, но и велика, на глаза падает... Если б можно было на один миг приподнять ее и показать государю не верноподданнически, а просто по-человечески все живое и мертвое в России, все, что пойдет с ним, если он сам не оставит пути развития и освобождения, и все, что пойдет против него... дорого бы можно было дать.

Какие странные времена: у нас нет тайн, мы страстно хотим государю показать всю подноготную. А Долгорукие и Тимашевы, его уши *по ремеслу*, имеют много тайн от него и скрывают

все, кроме вредных сплетен. А всего тщательнее скрывают они то, что высший слой благородного росейского дворянства не только не единственная, верная опора престола, но само по хилости ищет на что-нибудь опереться. Время, в которое правительство петербургское существовало не только божией помощью, но помощью олигархов-бояр и немцев-генералов, прошло. У них тогда было *общее хозяйство* и круговая порука: правительство предоставляло дворянам грабить народ и сесть его розгой, дворянство помогало правительству забирать чужие провинции и сесть кнутом.

С тех пор исподволь все переменялось. С тех пор Россия Бирона и Остермана состарелась, а Россия Ломоносова пошла вперед. С тех пор был 1812 год и 14 декабря 1825. Новая среда подкрадывалась незаметно, клином, между народом и вельможами, в ней встречаются атомы всех других слоев, но иначе кристаллизованные, к ней принадлежат дети графов и князей и сын воронежского прасола *, в этой среде образование, университеты, вся умственная деятельность, книги, а книги теперь власть.

Обо всем об этом не знают при дворе, так, как граф Гонфалоньеры и его друзья не знали ничего, кроме смутных слухов о революции 1830, содержась в Шпильберге *. До высочайших каземат Зимнего дворца ничего не может пройти, кроме особ первых трех классов. Кажется, все идет по-прежнему, те же мундиры, шитые золотом, начинка мундиров истлела, измельчала, выжила из ума и из века, умерла — но по Ганалевой системе славно бальзамирована. Из-за этих анатомических, шитых золотом шпалер государь не видит, что центры тяжести, фокусы сил — все изменилось, что в формулу русской жизни взошли элементы, о которых при Петре I не имели понятия, а при Екатерине II знали по слуху; он не знает, что теперь ни науку, ни литературу *запретить* нельзя, что есть верования и убеждения, общие каждому образованному человеку, кроме большинства именно того высшего дворянства, которое в олигархических книжонках представляется опорой престола.

Не видит он и того, что ему не нужен вовсе этот гнилой костыль, пока он не изменит началу своего царствования. Когда, кто из русских императоров имел разом за себя, как это

случилось в вопросе освобождения крестьян и введения гласности, народ русский и образованную Россию, простолюдинов и литераторов, молодое духовенство и всех старообрядцев, наконец, мнение всего мира от величайших органов публичности до смиренных листов «Колокола»?

Только «единственная опора» престола *против*; ее рабское усердие не идет дальше уменьшения оброка ... Се по — по! ¹ «Секу и служу, не секу и не служу!»

Но ведь от этой оппозиции не государь стал слабее, а *они*; у *них* исчезает земля под ногами. Поддерживая самодержавие под высочайшее плечо, в сущности они сами опирались на него. Оставьте их на свои силы — и они в четверть часа упадут с своего «прекрасного высоко» и сделаются «Comme tout le monde», по выражению Сусанны Фигаро *. Да это еще счастье, а то как крестьянский *tout le monde* догадается, что государь не поддерживает больше ни Кочубеев, которые в мирное время стреляют по австрийцам *, ни Ивана Онуфриевича *, секущего ежегодно на своих заводах, ни Панина, который хотел стянуть дом *, ни меньших братий их вроде Гутцейта, насилующего детей *, Кандыбы, оплакиваемого Строгоновым *, и сестриц вроде Барановой, сажавшей на плиту живую девушку *... они тогда проведут очень неприятные четверть часа...

Неужели государь боится, что эти выдуманные графы, напоминающие аристократию Сулука, эти обнищавшие князья с археологическими именами, при помощи губернских Добчинских и уездных Бобчинских, заставят его, как нормандские бароны, подписать *великую хартию* действительно статских свобод и генерал-майорских вольностей или сведут его в тюрьму, как Людовика XVI? Прежде для точности надобно ему побывать в законодательном собрании, где Бутков будет представлять Лафайета, а какой-нибудь Кандыбин сын — Мирабо!

Все это уж по тому самому невозможно, что нормандские бароны наши не имеют силы ни в себе, ни в народе, ни в современной какой-нибудь идее, вся их сила в царской поддержке.

Они могут одно сделать — убить государя из-за угла, на это никакой силы не надобно, а надо быть только злодеем. В касте, которая поджаривает на плите живых женщин и засекает здо-

¹ Иначе — нет! (итал.).— *Ред.*

ровых мужчин, найдется их, вероятно, довольно. Этому, впрочем, каждый подвержен так, как тифусу или холере. Может, и не мешает брать меры против такого покушения, но это очень скучно и почти лучше благородно рисковать собой, как Генрих IV, чем день и ночь выдумывать с каким-нибудь русским Эспинасом меры предохранения своей священной особы.

Но нам могут сказать, что государь вовсе не их боится. Кого же?

Народного восстания? Трудно себе представить, что русский крестьянин, терпевший века свое бедственное положение, взбунтовался бы за то, что его освобождают, и стал бы требовать возвращения крепостного права!

Чиновников? Люди, берущие взятки, никогда не бунтуют.

Купечества? Какой же им барыш от этого? Откупщики первые лягут костями за отеческое управление...

Смотрите куда хотите в России, везде есть всходы, везде почки, везде зерна наливаются, везде что-то просится наружу, на развитие, все хочет распрямить члены после долгой-долгой неволи и нигде ни одного элемента восстания. Один вопрос, который может поднять народ, — это освобождение крестьян с землею; но ведь он-то и находится в руках правительства.

Что же мутит, что мешает государю идти по одной доске?

Самые резкие, самые печально самовластные распоряжения правительства были направлены против *литературы*, а теперь и против *студентов*. Вот что пугает, вот, стало, где опасность! Странно, больно, стыдно, но оно так! С ценсурой государь пачится, я думаю, третий год, уменьшает ее, растягивает, опрощает, усложняет. Вдруг «ценсура требует весь туалет!» — из каждого министерства по ценсору... Вдруг совсем новая ценсура, в которой председатель должен быть *три человека*, в числе которых один обер-фор-шнейдер, один начальник лазутчиков и один Адлерберг *, известный в литературе только как плодовитый писатель векселей. Когда все это было сделано, государь застыдился до того, что придумал одного главного цензора и того назвал начальником V отделения собственной канцелярии * (слава богу, что по ту сторону III-го) и для большей скромности вернул это место *Модесту* Корфу, историографу 14 декабря *.

В продолжение этого времени история «Паруса», история с

Огрызкой, нелепейшие циркуляры Норова, Вяземского, Ковалевского * указывают на какую-то судорожную раздражительность. Ясное дело, что журналы, что книги навлекли на себя гошепис.

Отрезанные от всякой возможности (отвратительным почтовым устройством книжных посылок из России) своевременно получать журналы, мы долго думали, что в России печатаются зажигательные воззвания, еретические книги Лютера и эротические сочинения Баркова.

Ничуть не бывало. Получая в ноябре мартовскую, а в декабре февральскую книжку, мы все-таки мало-помалу перечитали почти все. Разница с николаевским временем большая. Задавленная мысль ожила, язык воротился, человеческие мысли, интересы нашли отголосок в «Обзрениях». Все журналы без исключения поддерживали энергически, с увлечением главную мысль царствования — освобождение крестьян с землею.

В чем же дело?.. нельзя же было ждать, что бедная, раскованная колодница наша снова заговорит языком покойного князя Шаликова и чувствованиями еще здравствующего Рафаила Зотова.

Дело, по несчастю, в том, что у нас в известной высоте над уровнем житейского моря *слово человеческое считается дерзостью и мысль сама по себе подозрительна*. Думать и говорить (т. е. приказывать) должно правительство, для подданного это роскошь и ведет только к пересудам дел, *не касающихся до него*, например, имеют ли право его без суда сажать в Петропавловскую крепость, посылать за тысячу верст, не говоря причины, и пр. Идеал государственного порядка и цивилизации для этой трехпервоклассной сферы — восточная сераль и прусский вахтпарад. Сераль, в которой люди, отрекаясь от своего зоологического достоинства, падают на четвереньки перед владыкой; и фронт, в котором человек, приделанный к ружейному прикладу, унижается до восковой фигуры и четыре тысячи ног поднимаются под тем же углом и опускаются в ту же секунду. Отсюда идет супружеская любовь к безгласному повиновению, к молчанию страха и любострастная невоздержность к застегнутым пуговицам, к форме воротника.

В последней инструкции Московскому ценсурному комитету

сказано, что правительство считает *ниже своего достоинства* обращать внимание на факты, обличаемые печатной гласностью. В последнее десятилетие, так обильное глупостями, я не думаю, чтоб было сказано что-нибудь глупее. Это гениально глупо. Точно будто одно благородное средство и есть узнавать истину — *шпионство!*

То же самое относительно студентов. Цивилизирующее правительство должно иметь университеты и студентов, но ему хочется, чтоб студенты были похожи на солдат в арестантских ротах.

Чем раздражили студенты правительство до иезуитских экзаменов и диких исключений? — Да как же! История за историей. — Какие? В московской истории ни Беринг, ни Закревский не могли скрыть, что виновата была полиция. В харьковской — студенты не только были правы, но вели себя с благородством и тактом, почти ровным безобразным действиям попечителя и университетских властей *. В Казани — студенты аплодировали Буличу *. В Петербурге — студенты собрались, чтоб узнать, что такое было в Казани, и это все преступления???

Однако чего же требуют в самом деле эти господа от юношей?

Очень просто — *рабского* духа, *рабской* дисциплины, *рабского* молчания! Что значит *высочайшее* повеление *не аплодировать* профессорам?.. И зачем государь исправляет должность педеля и инспектора?.. Как иначе Пушкин разумел царское достоинство, заставив Годунова сказать сыну, что слово государя, как благовест, должно только раздаваться, возвещая великое событие или великое несчастье! *

Одно из ужаснейших посягательств прошлого царствования состояло в его настойчивом стремлении сломить отроческую душу. Правительство подстерегало ребенка при первом шаге в жизнь и развращало кадета-дитя, гимназиста-отрока, студента-юношу. Беспощадно, систематически вытравляло оно в них человеческие зародыши, отучало их, как от порока, от всех людских чувств, кроме покорности. За нарушение дисциплины оно малолетних наказывало так, как не наказывают в других странах закоснелых преступников.

Здоровая мощь русская была сильнее гнета, не удалось

правительству осквернить все души молодого поколения, свихнуть все сердца, сделать Клейнмихелями и розгами доносчиков из товарищей школы, палачей из старших в классе. Да, не удалось, по какой цене купили юные страдальцы святое святых своей человеческой души?

Посмотрите на это чахлое, нервное, тревожное внутри, не верующее более ни во что светлое, не верующее в себя поколение — это та доля, которая *пережила* душевредительство правительственного воспитания.

А сколько умерло, сложивши голову, не зная светлого дня после вступления в корпус или школу?

Действительно, в то время молчали, *не аплодировали, не собирались*, и еще больше — в то время у несчастных польских матерей отрывали детей насильно и малютки мерли на дороге, в то время как полицейские *воспитатели* пьянствовали на украденную у них пищу и теплую одежду.

За тем временем не утоняешься!

Безгласная страна, глотая слезы, не нарушила дисциплины. Россия молчала и падала в глазах всего мира до того, что ненависть к ней была равнозначительна с любовью ко всему человеческому!..

III

Тяжелы эти воспоминания! Хотелось бы не с ними вступать в новое десятилетие, но не мы вызвали черные тени прошедшего!

Каждый удар правительственной плетью по юношеству, по будущей России будит в наболевшем сердце страшные образы; нам так и кажется, что недаром еще живы Пеликаны, Бибиковы, недаром Муханов оставлен в Варшаве, что они раком вопьются в молодое поколение и потащат его назад или в помойную яму III отделения.

Да дайте же хоть одному поколению, пресловутые просветители, воспитаться человечески, глядя всему в глаза, безбоязненно говоря свою мысль, открыто *рукоплекская*, открыто *собираясь*, так, как это делается в Англии во всякой школе.

Неужели передняя, где десять крепостных лакеев молчат при барине и молча его ненавидят, — образец воспитания?

Неужели шепот рабов приятнее вам, чем говор возникающих жизней, их звонкий смех и даже иногда заносчивое слово?

Ах, как еще наши просветители неразвиты! Как они еще далеки от «человека» и как близки к Аракчееву, как замечен еще на них вершок казарменной грязи и подъяческого честолюбия разночинца, — который требует *не уважения к лицу, а подчиненности, страха перед его чином!*

...Мы не так легко предаемся верованиям, чтобы их легко оставлять, и на вопрос, думаем ли мы, что всей этой николаевской ветошью можно остановить Россию и возвратиться за 1855,— решительно отвечаем *нет!*

Но, с другой стороны, мы знаем, что путь, по которому Россия идет, можно исказить, покрыть грязью, усыпать битым стеклом и из светлого, правильного шествия сделать утомительный переход и непрерывную драку, в которой правительство, как материально гораздо сильнее, погубит бездну людей, наделает бездну несчастий без нужды и без пользы. Вот почему эти реакции, эти возвращения ко времени, которое надобно забыть, эти перевесы в сторону прошедшего не повергают нас в отчаяние, но заставляют дрожать от гнева и досады. Вот почему мы входим с раздумьем в новое десятилетие и, переступая последнюю черту прошедшего, останавливаемся еще раз, чтоб сказать государю:

Государь, проснитесь, новый год пробил нового десятилетия, которое, может, будет носить ваше имя; но ведь нельзя одной и той же рукой ярко и светло записывать свое имя в историю как освободитель крестьян — и подписывать нелепые повеления против свободной речи и против молодости — юношей. Вас обманывают, вы сами обманываетесь — это святки, все наряженные. Велите снять маски и посмотрите хорошенько, кто друзья России и кто любит только свою частную выгоду. Вам это потому вдвое важнее, что *еще* друзья России *могут быть* и вашими. Велите же поскорее снять маски. Вы удивитесь — этот маскарад, вас окружающий, не похож на тот, который делали два года тому назад для великих князей в кадетском корпусе; там дети представляли волков и вепрей, а тут вепри и волки представляют сановников и отцов отечества!

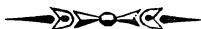
АЙ ДА КОРФ!

Сам *Модест Андреич*,
Но это секрет,
Любит ерофеич
Больше, чем Совет *... —

пелось в известной песни, ходившей в Петербурге по рукам, но оказывается на деле, что Модест Андреич всего больше любит цензуру *. Только что уселся на месте, взял да и изгнал цензора Палаузова за то, что он пропустил в «Русском слове» непочтительную статью о корпусе жандармов, состоявшем при Иване Васильевиче! *

А тут есть добрые люди и плохие музыканты, которые воображают, что человек, писавший *поэму* в прозе о воцарении Николая, сидевший с Бутурлиным в осадной цензуре *, будет менее вреден, чем ценсурный сброд.

Воля ваша, а лучше больше любить ерофеич... чем *класть* мысль человеческую — по Оригену — на Прокрустову постель.

DAS LIEFLÄNDISCHE ATHEN *

Несколько раз получали мы письма о дерптском университете * и все откладывали эту неприятную материю. Но так как нас снова спрашивают, почему мы не упоминали об университетской истории 22 ноября 1857 г. *, то мы считаем себя обязанными сказать об этом несколько слов.

Мы всегда были убеждены, что в остзейских губерниях все уродливые стороны германизма, от юнкертума * до теологии, от мещанского филистерства до мещанской *буришкозности* *, не только хранятся, но доведены до карикатуры. Точно так, как в Польше католицизм. Не имея никакого самобытного политического значения, остзейцы тем ревнивей держатся за бессмысленные формы *. Тупое угнетение католицизма при Николае прилило свежей крови в дряхлые жилы его ¹.

Русские студенты, будучи в очень сильном меньшинстве, не могут воевать с немцами без *защиты начальства*, а от нее

---

¹ Не надобно думать, впрочем, чтоб и теперь не делали всякого рода диких и подлых насмешек над католицизмом в Польше. В Ковно в день Corpus Christi * 1859, когда крестный ход с святыми тайнами шел из Фарного костела в Берпардинский и проходил через площадь, генерал *Лауниц*, командующий корпусом внутренней стражи, велел целому батальону раздеться и делал смотр подштанников и рубашек, не щадя при этом площадных ругательств и не обращая внимания на 10 000 следовавшего с крестным ходом народа. Мы от всей души желаем, чтоб католицизм, эта застарелая язва романского мира, был бы поскорее схоронен в летописях, с папами и кардиналами, но готовы всеми силами защищать католицизм, из уважения к народу, против грязных, тунгусских оскорблений, наносимых царскими опричниками.

спаси их бог. Лучше уступить немцам, датчанам, татарам, чем пользоваться высоким покровительством попечителя, ректора и даже жапдармского обер-офицера, как это было с немцами в деле гг. Зарина и Юферева.

Что же делать?

Не вступать в дерптский университет. Разве Петербургский не возле? А хочется непременно в немецкий университет — так лучше ехать в Берлин, Гейдельберг...

Дерптский *академический сенат* и вся немецкая *мусса* * будут рады победе; отчего же им и не дать порадоваться, а русские студенты ничего не потеряют. Вряд можно ли многому научиться в университете, в котором профессора *печатно*, в 1857 году, спорят о том, могут ли ангелы плодиться или нет? * Где на степень магистра пишут диссертации о том, не следует ли дьяволу *виндицировать* качество церковного лица? * И где кандидату философии Сонцеву не разрешил совет профессоров печатать диссертацию, потому что в ней Сонцев, русский, не совсем благоприятно отзывался о протестантизме *.

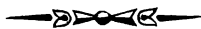

ВОПРОС И ОТВЕТ

Мы получили, и притом издалека, следующий, не совсем грамотный запрос:

«Зделаите нам приятность, написать и напечатать объяснение причин ненависти Вашей к Славянофилам, для нас непонятной, и по видимому в последствии розпространившейся вообще на всех Славян».

Когда вы сделаете себе приятность прочесть «Колокол», хоть за 1859 год *, вы будете иметь неприятность узнать, что вы самым грубым образом ошиблись.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ К 61 ЛИСТУ «КОЛОКОЛА»

Говорят, что князь Орлов, Адлерберг и другие старцы всеподданнейше доложили е. и. в., что они не согласятся ни за что явиться к князю Барятинскому как к фельдмаршалу. Государь *будто бы* сказал, что делать нечего, так закон велит, но что он попросит Барятинского им отдать визит. Насчет князя Орлова решено *будто бы*, что князь Барятинский выйдет на подъезд, представляя, что он сам едет к нему?..

Седые шалуны, плешивые шалуны, смешные шалуны, да неужели вы не понимаете, что между покорением Шамиля и пол-Кавказа * и покорением почтового ведомства и третьего отделения * есть разница?

ИЗОБЛИЧИТЕЛЬ

Мы имеем перед глазами две тетрадки, в которых студенты Московского университета изобличают аудиториям дурные поступки товарищей. Вещь очень полезная, но недостаточная; за таким обвинением должен быть суд,— суд, обязанный выслушать оправдание, суд, настолько выражающий живое, деятельно-нравственное понятие аудитории, настолько сильный ее сочувствием, чтоб он мог *исключать* из среды студентов уличенного негодяя.

Изобличения, не ведущие ни к каким последствиям, кроме праздных пересудов, при существовании корпорации — вредны, доказывают нравственную шаткость ее и недостаток общественной силы.

В полках, при всей военной дисциплине, офицеры очень часто заставляют загрязнившегося товарища выходить в отставку.

На первый случай мы не хотим рассказывать преступные и грязные истории, прочтенные нами, но берем две из них, самые гнусные, для того чтоб поставить вопрос: могут ли порядочные студенты находиться в одной и той же аудитории с подобными товарищами, если они не оправдаются, и могут ли их терпеть, если они не хотят оправдываться?

Один студент из ревности заманил девушку, с которой был в связи, на квартиру к товарищу; там, осыпая ее ударами, юный Отелло раздел ее до рубашки и потом *вместе с своим товарищем* отодрал арапником. В этой отвратительной истории особенно замечательно то, что счастливый соперник палача был тоже студент и не только ничего не сделал, узнав об этом, но даже не возбудил этим смирением особенного внимания *Изобличителя*.

Второе происшествие еще гнуснее.

Какой-то студент, обидевшийся тем, что крепостной его слуга повесил свои панталоны на вешалку с господским платьем, бил его палкой, не говоря причины и требуя, чтоб тот догадлся; так как бедный мальчик не догадывался, студент его бил всякий день до тех пор, пока полиция, узнав об этом, вступилась за него и отослала мальчика к родителям.

В истории с несчастной девушкой еще можно сыскать тень извинения — в ревности. Хотя и трудно чем-нибудь объяснить (кроме пьяного состояния) роль Пилада, державшего жертву своего Ореста *. Но от этого систематического тиранства над мальчиком мальчишки-барина — и притом студента — становится волос дыбом. Это холодное, обдуманное, старческое злодейство, лишенное даже той грязной поэзии, которая окружает всякий разврат и всякое буйство, *cela promet* ¹... и особенно в то время, когда вся Россия говорит об уничтожении крепостного права! Такое глубокое, коренное растление, однажды узнанное, вряд имеют ли право студенты амнистировать, не взяв на себя доли грязного пятна.

Нам возразят, что люди, способные бить своих людей, не подчинятся суду, не выйдут на праведж, а, пожалуй, донесут — и все-таки останутся.

Если тысяча студентов не умеют отлучением от огня и воды товарищества отравить жизнь какому-нибудь негодяю, преступнику или доносчику до того, чтоб он не смел против их воли остаться, тогда лучше не делать обличений, а исправно слушать лекции, держать спокойно экзамен и еще спокойнее идти на службу...

В наше время подобный случай был невозможен. Мы не слыхали о студентах-палачах, студент, который бы бил систематически своего крепостного слугу, не был бы с нами, или мы бы не были с ним, а может быть, годом, двумя раньше в Вятке или Черми *.

Что касается до университетского начальства, оно имеет тот характер тяжелой глупости, к которому особенно предрасполагает педантская ученость, старосеминарское боговоспитание, доктринаризм и вообще наука, когда она не по организму.

---

¹ многообещающее поведение (франц.).— Ред.

Рядом с тупоумием и иезуитизмом, с *Баршевым*, «требующим кнута для живых и позора для мертвых», и *Орнатским*, «толкующим об особенных притечениях святого духа на главу помазанника божия» *, встречаются разные канцелярские пакости, показывающие, что aula * университетская все же кровная, родная уездному суду, гражданской палате.

Зачем *Майкову* (которого, говорят, уволили из комитета об освобождении крестьян за то, что он защищал крепостное право) кафедра сохранена после его истории, а он сам живет в отпуску? *

Зачем *Овидий*, воспевший любовь пауков, — *Варнек* * — не лишен кафедры и *Борзенков* только его адъюнктом?

Зачем *frater* ¹ *Летунов* все спит, когда его зовут по обязанности к больным и даже умирающим студентам? Он таким образом уже заснул *Жукова*. Альфонский в качестве генерала и хирурга мог бы сделать свой суд Соломонов. Если же Летунов одержим спячкой, как многие из русских «грызунов», по свидетельству Палласа, то отчего же не найти ему больше дневного употребления — лечить ректорских кошек, попечительских лошадей, Орнатского, когда он занеможет, и прочих вещей, которых не очень жаль.

---

¹ коновал (франц.).— *Ред.*

〈УБИТЫЙ ПОМЕЩИК〉

«Le Nord» рассказывает *, по своему обычаю умалчивая собственные имена, что в Тамбовской губернии крепостной человек убил своего помещика, вступившись за честь своей невесты. И превосходно сделал, прибавим мы. Таковы нравственные последствия преступного и, по счастью, издыхающего теперь крепостного права. Посмотрите на эту чудовищную альтернативу: или вам приходится сказать, что священный долг жениха, брата, отца — почтительно молчать, когда насилуют его невесту, сестру, дочь, сказать, что этого молчания требует нравственность, религия и чистота семейной жизни, или сознаться, что в подобном случае *еще нравственнее* расколоть топором голову барину? Что касается до нас, мы предпочитаем последнее!

«Nord» совершенно прав, говоря, что наказывать «по всей строгости законов» плетью и каторгой такого преступления нельзя, что это безобразно; особенно, прибавим мы, когда рядом «строгость законов» оказывается слабостью бабушки к внукам — в отношении к Затлеру *.

Кстати, когда же нам напишут, что сделали с орловским помещиком *Гугцейгом* *, насилувавшим детей, или его оставили тоже *до первого жениха*?

Эх вы, законодатели, администраторы!

〈В. БЕЗОБРАЗОВ〉

¿ *Правда ли*, что статья В. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства», помещенная в «Русском вестнике», была разбираема в комитете министров *под председательством*

государя? Правда ли, что за немедленное прекращение журнала был... отгадайте... раз, два... десять... *Николай Миллюгин?* А против такой николаевской меры — *Горчаков?* Правда ли, что В. Безобразову (как некогда Чаадаеву) запретили писать, — отчего не запретили ему думать, быть умным человеком и пр.?

FOR GENTLEMEN ONLY¹

¿ *Правда ли*, что русский архимандрит в Афинах слишком предастся восточным и античным страстям,— страстям очень ретроградным в нашу прогрессивную эпоху, идущую все вперед? Нам писали об этом *четыре раза* * — нельзя, наконец, не спросить — хоть, например, Озерова (не трагика) *, — почему он покровительствует таким языческим поползновениям отца архимандрита и даже теснит диакона *, имевшего неосторожность найти православно несовместным должность послушника и Антиноя?

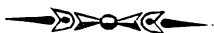

УЧЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Петербургские газеты уведомляют нас, что во вторник 29 декабря 1859 жрецы науки сделали в Академии действительно замечательный акт мужества и упрочили независимость академической науки *. В присутствии всех сановников, несмотря даже на то, что и *вешающий* Муравьев был там, непременный секретарь прочел, что Академии удалось исходатайствовать высочайшее соизволение государя императора *ходатайствовать* у его императорского высочества, государя наследника, цесаревича, великого князя — еще что?.. слава богу, молитвами отца нашего Василия Борисовича Бажанова *, ничего нет дальше, один имрек... итак — наследника, цесаревича, великого князя Николая Александровича о соизволении принять звание почетного члена Академии.

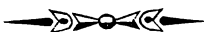
¹ Только для мужчин (англ.) — *Ред.*

Я бы отказался па его месте: не хочу, мол, быть почетным членом невской Мипервы до тех пор, пока она выражается, как чухонская горничная.

<«АГРОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА»>

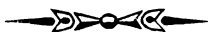
В Петербурге выходит «Агрономическая газета». Ценсура положила на нее (читаем мы в «Gazette du Nord») следующее замечательное тавро: *«Печатать дозволяется с тем, чтоб газета не рассылалась, не была бы перепечатываема в журналах и не продавалась бы в книжных лавках»* *. В Германии встарь писались драмы не для сцены. Татарско-немецкой ценсуре нашей предстояла честь позволять журналы *не для чтения*. Это сильно смахивает на мертворожденную ценсуру Модеста Корфа * — он первый начал в России печатать «в виде манускрипта» *.

<«PRZEGLĄD RZECZY POLSKICH»>

«Przeгляд Rzeczy Polskich» вновь напечатал замечательную статью о наших мнениях. Читатели наши помнят, может быть, что мы писали о *России и Польше* («Колокол», л. 32—34), вызванные статьею того же «Польского обозрения»: «Aleksander Hercen i Wolna Rosyjska Drukarnia w Londynie», — это ответ на них. Тот же благородный дух, тот же пламенный и гордый патриотизм отличают и новую статью. Нет, мы не можем быть противниками, мы действительно, как Польша и Россия, не враги, а *разномыслящие братья*. В одном из следующих листов «Колокола» мы скажем наше мнение о спорных предметах *. Такая полемика многое уяснит в вопросе, она сблизит, а не разведет. Ни в нападении, ни в отпоре тени нет самолюбия, любовь к родине с обеих сторон и с тем вместе с обеих сторон взаимное признание искренности... Наша разница — это тот угол, который астрономы называют *параллаксом*, мы наблюдаем с разных точек одну и ту же звезду и оттого розно пролагаем ее, надобно определить ее объективно-истинное положение. Попытаемся это сделать.

10 февраля 1860.

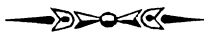

РОСТОВЦЕВ И СТРОГОНОВ

Я. И. Ростовцев умер. Граф *С. Г. Строгонов* назначен на его место *. Как шатко еще все у нас, смерть одного деятеля и замена его другим наполняет каким-то ужасом мысль нашу, привыкшую с ранних лет не доверять всему стоящему на снежных горах петербургских... Вспомните, граф Сергей Григорьевич, что со дня, в который вы взошли в комнату, где обсуживается величайший русский вопрос, вы стали перед страшным судом истории — положите на ваше имя благословение русского мужика. До сих пор русские аристократы заслуживали только благодарность государей, они только им и служили да иногда государству — народу никогда; за то народ их ненавидит. Перемените эту традицию.

Мы не забыли того времени, когда мы вас лично знали *. В вас было много благородного, вы любите Россию, покажите, граф, что майораѣ в сорок тысяч душ не перетянет.

ОТ РЕДАКЦИИ

〈ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПИСЬМУ ИЗ ПРОВИНЦИИ»

М. г.

Я долго сомневался, печатать ваше письмо или нет... и наконец решился, но считаю необходимым *сперва* сказать несколько слов об этом.

Вы говорите, что я уже печатал письмо моих врагов, отчего же не напечатать письма одного из друзей «не совершенно согласное с моим мнением», как прибавляет приложенная к вашему письму записка.

Мне раз случилось поместить враждебную статью *, но это не достаточная причина, чтоб помещать дружеские письма, с которыми мы не согласны. Печатая враждебные обвинения, мы садимся на лавку подсудимых и, как все подсудимые, ждем суда и вперед радуемся, если он будет в нашу пользу. Скажу больше, я предчувствовал, с которой стороны будет общественное мнение, и от всей души желал этого.

Но этого-то я и не желаю в отношении к статьям наших друзей, с которыми мы расходимся. Нам будет больно, если мнение выскажется против нас, и больно, если против них; торжество над своими не веселит. К тому же в наше бойкое время нельзя давать много места междоусобному спору, нельзя слишком останавливаться, а надобно, избравши дорогу, идти, вести, пробиваться.

Россия вышла из той душевной эпохи, в которую людям только и оставалось теоретически обсуживать гражданские и общественные вопросы, и, что ни говорят, мы не взойшли снова в гамлетовский период сомнений, слов, спора и отчаянных средств.

Дело растет, крепнет, и вот почему мы не можем быть беспристрастной нейтральной ареной для бойцов; мы сами бойцы и люди партии ¹.

Впрочем, это замечание к вашему письму мало относится. Мы расходимся с вами *не в идее*, а в средствах; *не в началах*, а в образе действия. Вы представляете *одно из крайних* выражений *нашего* направления; ваша односторонность понятна нам, она близка нашему сердцу; у нас негодование так же молодо, как у вас, и любовь к народу русскому так же жива теперь, как в юношеские лета.

Но к *топору*, к этому *ultima ratio* ² притесненных, мы звать не будем *до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора*.

Чем глубже, чем дольше мы всматриваемся в западный мир, чем подробнее вникаем в явления, нас окружающие, и в ряд событий, который привел к нам Европу, тем больше растет у нас *отвращение от кровавых переворотов*; они бывают иногда необходимы, ими отделяется общественный организм от старых болезней, от удушающих наростов; они бывают роковым последствием вековых ошибок, наконец, делом мести, племенной ненависти,— у нас нет этих стихий; в этом отношении наше положение беспримерно.

Императорство со времени Петра I так приотпало и выползло прежнее государственное устройство, как этого не сделал 92 и 93 год во Франции, так что его нет в живых, что его надобно отыскивать в пыльных свитках, в летописях, оно для нас больше чужое, чем Франция Людовика XIV.

И это не вся отрицательная заслуга его,— важнее этого, может быть, то, что оно и не заменило его ничем прочным органическим, что бы бросило глубокие корни и выросло бы помехой будущему. Совсем напротив, осадное положение императорства было вместе с тем постоянной *реформой*.

Сломавши все старое, императорская власть принималась

---

¹ Мы недавно отложили до времени два письма об общинном и личном владении. Тем больше мы сочли себя вправе так поступить, что в 57 листе «Колокола» было помещено подобное письмо и наш ответ на него *.

² *последнему*, решительному доводу (лат.).— *Ред.*

обыкновенно ломать вчерашнее: Павел — екатерининское, Александр — павловское, Николай — александровское и, наконец, ныне царствующий государь, сто раз повторяя, что он будет царствовать в духе своего отца, ничего не оставил от военнопосмирительного управления *его*, кроме сторожей, истопников и привратников.

Императорская власть столько же и строила, сколько ломала, но строила по чужим фасадам, из скверного кирпича, наскоро, здания его разваливались прежде, чем покрывались крышей, или ломались по приказу нового архитектора. Оттого-то никто не верит теперь не только в прочность Грановитой палаты и теремов, растреллиевских дворцов и присутственных мест, но даже казарм и крепостей.

Если что-нибудь уцелело под ударами императорского тарана, то это *сельская община*; она казалась немецкому деспотизму до того нелепой и слабой, что ее оставили, как детскую игрушку, зная вперед, что она исчезнет, как только благотворные лучи цивилизации ее коснутся.

Другая Россия — Россия правительственная, *дворянская* — по той мере только и сильна, по которой она идет заодно с правительством.

Они поссорились на вопросе об освобождении крестьян, и одной неловкости правительства следует приписать то, что оно не умеет воспользоваться этим.

Дворянская Россия — искусственная, подражательная, и оттого она бессильна как аристократия. Подумайте о разнице между крестьянским понятием о своем праве и понятием дворянским. Право на землю так кажется естественным и прирожденным крестьянину, что он в крепостной неволе *не верит*, что оно утрачено. В то время как дворяне знают, что права их высочайше пожалованные и притом добровольно дарованные.

Да оно и некогда было забыть.

Сто лет тому назад тронутое дворянство русское решило вылить из чистого золота статую Петра III за то, что он запретил дворян бить кнутом. Сеченная спина долго не может сделаться аристократической, рубцы переходят в наследство на целые поколения.

Аристократизм, как царская власть, должен в себе иметь долю сумасшествия, без которого он не может быть истинным. Царь, не верящий в помазание божие, — диктатор. Аристократия, не верующая в свою независимую самобытность, в свое в крови и белой кости лежащее право, — дворяня.

Оттого-то вольноотпущенные вельможи — не западные аристократы, а византийские свнухи, восточные сатрапы, преданные немецкие камердинеры, фавориты и пр. Они *не сами по себе*, и по понятной логике рабства чем дальше от трона, тем они самобытнее; чем ближе, тем зависимее и безличнее.

Дворянство наше может приобрести гражданское значение только одним выходом из правительственной касты в неопределенное сословие, называемое *образованным*. Для этого одна дорога — *идти дальше самого правительства в освобождении крестьян с землею*.

Где же у нас та среда, которую надобно вырубать топором? Неверие в собственные силы — вот наша беда, и, что всего замечательнее, неверие это равно в правительстве, дворянстве и народе.

Мы за какими-то картонными драконами не видели, как у нас развязаны руки. Я не знаю в истории примера, чтобы народ с меньшим гру́зом переправлялся на другой берег.

К метлам надобно кричать, а не к топорам!

Вы негодуете за то, что дело освобождения застряло, но неужели вы думаете, что это только от тупости одних и упорства других?

Я не так думаю.

Что правительство идет, поворачивая ноги носками внутрь, что оно само перепугалось, видя, как крестьянский вопрос потянул за собой все замысловатое петербургское устройство, — это правда. Что большинство дворянства с ожесточением степного волка держится за кость — это правда.

Но, позвольте вас спросить, давно ли у нас толковали о том, с землей или без земли следует освободить крестьян, давно ли хотели крестьян отбоярить с одними усадьбами — а теперь комиссии и несколько губерний согласны, что необходимо отдать крестьянам пахотную землю, и притом не по фантастическому нарезу, а по существующему факту.

Вопросы, теперь волнующие наше общество, вопросы, возникающие, поставленные везде, в книгах и дворцах, в университетах и канцеляриях, в военных школах и духовных семинариях, необычайно трудны; реакционная Европа у нас отдернула мало-помалу все мостики, обобрала все пузыри для плавания; с берега нам прямо приходится бросаться в море.

Что нам помогут немецкие юристы, сделавшие из сухого прусского деспотизма философию права, и французские политики, сделавшие из трех революций третьего Наполеона? У англичан можно было бы что-нибудь занять, но их законодательство похоже на народные песни, которые прекрасны на своем языке и нелепы в переводе.

И что же может, в самом деле, сказать политическая экономия и религия случайной собственности о нарезке земель крестьянам, об обязательном выкупе, об общинном владении¹. Мы решительно оставлены на наши силы и на нашу неопытность.

Дайте же сколько-нибудь устояться, придти в ясность всей этой массе идей, надобно, чтоб одно *мнение* взяло решительный перевес. Что вы сделаете с топором, когда один полухор говорит, что вопрос об общинном владении решен всеми в русском смысле, а другой полухор уверяет, что он должен быть решен в английском смысле, и не сомневается в том, что он доказал *несостоятельность* общинного вопроса.

С полемикой в основном вопросе нельзя идти на площадь; 1789 год увлек всех, вот от чего его непреодолимая сила. Тогда были минуты, в которые сердца Мирабо и Робеспьера, Сиза и

---

¹ Какой-то русский помещик, *одичавший* в западной цивилизации, недели три тому назад поместил в «Норде» письмо по поводу отвратительного осуждения Вашро за его книгу о демократии *. Ему особенно нравится, что между другими обвинительными пунктами то, что Вашро защищает право экспроприации в пользу народной нужды. «В *свободной* Франции» — как называет французскую империю русский помещик — видите, сажает в тюрьму за такие мысли, а у нас само правительство со стороны надела крестьян землю!

Нам даже страшно стало за Александра II. Эдак, как только он приедет в «*свободную* Францию», его тотчас в St. Pélagie, как *partageux* *. Кто не помнит сенатора в гоголевском «Разъезде», который говорит: «Во всякой образованной стране автора отдали бы в солдаты!» *

Лафайета бились одинаким образом; потом пришло с развитием разветвление, раскаяние и отчаянный бой.

В печальный переворот 1848 г. вы видите совсем иное: той веры, одной и нераздельной, нет, даже знамени нет одного — социалисты были уверены, что они водворяют социальную республику, а политические демократы думали, что они доказали несостоятельность социализма и детскость его вопросов.

Следствия вы знаете, а я их видел своими собственными глазами, и, может быть, этот физиологический факт делает между нами большую разницу. Июньская кровь вошла у меня в мозг и нервы, я с тех пор воспитал в себе отвращение к крови, если она льется без решительной крайности.

Но и тогда, в случае крайности, мне кажется, что призыв к топору — последнее, а не первое. Восстания зарождаются и возрастают, как все зародыши, в тиши и тайне материнского чрева, им надобно много сил и крепости, чтоб выйти на свет и громко кликнуть клич.

Что же у вас готово?.. Мы не знаем. Отступило ли оскорбленное меньшинство в сторону, составило ли тот первый *punctum saliens*¹, по которому притекут родные атомы, рассеянные теперь в неопределенном искании и брожении?

Сделано это или нет?

И это не все.

Призвавши к топору, надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план, силы и готовность лечь костью, не только схватившись за рукоятку, но схватив за лезвие, когда топор слишком расходится? Есть ли все это у вас?

Одно вы мне можете возразить: а что будем делать, если народ, увидя, что его надувают освобождением, сам бросится к топору? Это будет великое несчастье, но оно возможно благодаря бесхарактерности правительства и характерности помещиков, — тогда рассуждать нельзя, тут каждый должен поступать, как его совесть велит, как его *любовь* велит... но, наверное, и тогда не *из Лондона* звать к топору. Будемте стараться всеми силами, чтоб этого не было!

---

¹ родник (лат.).— *Ред.*

Вот все, что я хотел вам сказать.

В заключение одно слово насчет того, что вы называете моим «гимном» Александру II.

Одной награды, кажется мне, я мог бы требовать за целую жизнь, посвященную одному и тому же делу, за целую жизнь, проведенную, как под стеклянным колпаком, — чтоб, наконец, не сомневались в чистоте моих убеждений и действий.

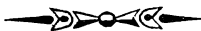
Я могу ошибаться в пути, много раз ошибался даже, но наверное не сворочу ни из страха перед фельдъегерской тройкой, ни из благоговения перед императрицыной каретой!

Сказавши это, я вас спрашиваю: да полно, ошибся ли я? Кто же в последнее время сделал что-нибудь путного для России, кроме государя? Отдадимте и тут кесарю кесарево!..

Прощайте и не сердитесь за длинное предисловие.

25 февраля 1860.

И — р.

ОПЯТЬ РОЗГИ

Корреспондент «Le Nord» (№ 53) пишет из С.-Петербурга от 30 января (11 февраля):

«С вчерашнего дня носится слух, что в последнем заседании комитет освобождения крестьян, возвращаясь к прежнему положению, признал за помещиком право, по собственному усмотрению (или через сельскую расправу), наказывать свободного крестьянина, поселенного на его земле, и даже *наказывать телесно*... Я сам не читал отчет заседания, и потому не знаю, в каких словах выражено это положение; но что касается до содержания, то быстро распространенный слух отнюдь не лишен основания».

Так вот они, спасители отечества! Россия опять вгоняется в татарско-немецкую, помещичьи-бюрократическую колею. Если это правда, пусть же первый топор, который они вызовут этим решением, падет на их преступные головы!

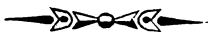
РОССИЯ ЗАЩИЩАЕТ ЛИНИЮ МИНЧИО!*

Английские газеты говорят о новом будто бы союзе России с Австрией, сочиненном Балабиным и улаженном Гессенским принцем, солферинским рейтором *. Мы этому не верим. У России столько апатии, даже ненависти к Австрии, что подобным союзом правительство только докажет, что оно не русское, а немецкое, и падет под общее презрение. Союз с Австрией значит союз против славян. Это был бы смертный грех, несмываемое пятно. *Не верим* мы этому союзу; правительство не захочет лишиться всякого сочувствия в русском народе таким пошлым сближением с тем, чего нет гаже в Европе, и неужели такой союз, *сведенный* гессенским спадассипом, пойдет через руки Горчакова?

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ

«Le Nord» от 28 февраля напечатал следующую телеграфическую депешу, взятую из «Дрезденской газеты»: *«Министр юстиции граф Панин назначен председателем Редакционной комиссии на место Ростовцева».*

Как, Панин, Виктор Панин, длинный, сумасшедший, который лучше всех перевел на штатский язык мертвящий деспотизм Николая, который формализмом убил остаток юридической жизни в России? Ха, ха, ха! Это мистификация! Разве Александр II не уважает ни себя, ни русского народа, разве он смеется над ним... Но хорошо смеется тот, кто смеется последний!

〈НЕВЕРОЯТНАЯ НОВОСТЬ О НАЗНАЧЕНИИ ПАНИНА...〉

Невероятная новость о назначении *Панина* на место *Ростовцева* подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакции поставлен главою освобождения крестьян. С глубокой горестью узнали мы об этом. Но горевать недостаточно, наше время слишком бойко. Это вызов, это дерзость, это обдуманное оскорбление общественного мнения и уступка плантаторской партии. Тон царствования изменился, с ним должны измениться и все отношения. Члены редакционных комиссий, если им дорого их дело, если им дорога память, которую они оставят в истории, если они хотят, чтоб им отпустили их бюрократические страстишки и детскую привязанность к розгам, должны тотчас подать в отставку. Меньшинство дворянства должно сомкнуться и взять в свои руки дело освобождения крестьян. Ошибаться нечего, длинная фигура Панина может служить шестом с шляпой, чтоб пугать, но она слишком *узка*, чтоб застить собою черты Николая Второго *. Мы недавно советовали государю сорвать маски с своих приближенных; он ее снял с себя... и это не так дурно! *Истина прежде всего*, истина — какая бы она ни была!

Что касается до нас, наша дорога ясна, об ней мы поговорим в другое время.

ТОПИЛЬСКИЙ В НЕНУЖНОМ МЕСТЕ

Ну, прорвало плотину! Вся грязь, мертвые кошки, выброшенные голенищи, арбузные корки — все понеслось за Паниным *... Михайло Иванович, поздравляем вас в редакционном «месте» * (комиссией ее нельзя больше называть), ха, ха, ха, — признайтесь, милый, услужливый удобоуправляемый Топильский, вы, верно, расхохотались, когда прочли ваше назначение. Балагуры да и только!

«Прошка, Прошка, — сказал бы Суворов, — зачем, дурак, не дожил до 1860 года, вот ты, Прошка, сидел бы теперь в редакционном месте!» *

Михаил Иванович, вы соберите новых депутатов от дворянства — Гутцейта, помещицу Свирскую, казака Попова, Жадовского, немца Вреде, стрелка Кочубея * и других членовредителей, насильвателей, домокрадов à la Rapine, секарей и иных плантаторов!

ЕЩЕ ОБ РЕТРОГРАДНОМ АРХИМАНДРИТЕ И НЕПРОГРЕССИВНОМ ОЗЕРЕВЕ, ПОСЛАННИКЕ АФИНСКОМ

Какой-то господин * (вероятно, сумасшедший, судя по ругательствам, обращенным к нам) в письме, полученном на днях, обвиняет нас в том, что мы не поместили в «Колоколе» вопроса об античных вкусах русского архимандрита в Афинах (*хотя вопрос и был помещен в 63 листе*) * и, сверх того, в том, что какой-то будто бы шпион писал (*кому?*) о получении нами письма,

вследствие чего Озеров начал гонение против диакона. На брань мы смотрим с всесовершеннейшим презрением, заметим только наивному корреспонденту, что неужели, требуя *четыре раза напечатания в «Колоколе»* длинных реляций об шалуне архимандрите, он хотел хранить дело в тайне?

Но не об нем дело. Мы помещаем эти строки с иною целью и обращаемся прямо с вопросом к человеку, известному нам за одного из благороднейших государственных людей в России — к князю Горчакову: предписывал он или нет посланникам покровительствовать, из светско-дипломатических или церковно-православных интересов, *ретроградные нежности пастырей и архипастырей*, и неужели он думает, что православие много выиграет, например, в глазах карпатских и австрийских раскольников, когда они узнают, что императорская мантия служит занавеской и прикрытием таких *правонеславных* грешков?

Не мешало бы, сверх того, на родину Перикла и Алквиада (тоже не без слабости человека, но не архимандрита) назначить посла, у которого было б побольше аттической соли, чем у Озерова. Его силу может князь Горчаков очень легко оценить в этом деле. Какой-то диакон упомянут в письме корреспондента и в «Колоколе»; хитрый Талейран-Невский догадался: «так, стало, это он и писал?», т. е. это мы сдуру так своего корреспондента и выдали. Зачем же он об нас судит по себе?

А ведь дело в том, князь, что несчастный диакон, пожалуй, и пострадает от похмелья в чужом пиру.

Ни к чему не ведут все эти укрывательства, секреты, незаконные действия... Да и синоду стыдно давать свое благословение на такие слабости. Пусть они или оправдают архимандрита (мы первые от души порадуемся), или пошлют его в *женский* монастырь, на покой.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Мы получили два письма по поводу помещенного нами (1 января) возражения г. Анастасьева *; благодарим за участие к нам и к делу бесценсурной гласности, но просим позволения писем не помещать.

Г. Анастасьев имел полное право вступить за своего отца; то, что он требовал, чтоб его имя было напечатано, делает ему величайшую честь. Если б он не скрепил своего письма кой-какими *крепкими* замечаниями, может, было бы лучше. Но русские слишком привыкли говорить на ценсурных помочах, чтоб иметь *такт пределов*.

Большое несчастье, что мы не можем поверять всех фактов, помещаемых нами, но разве это может какой-нибудь журнал? Конечно, наше положение затруднительнее, чем всякого английского журнала. В свободной стране издатель указывает на источник, у нас источник *должен быть* скрыт. Если б в России была судебная ответственность, это было бы дело другое; но опасность, которой бы подвергся корреспондент, написавший без умысла ложную новость, неверно повторивший слух, так громадна и несоразмерна, что об этом и думать нельзя. При всей нашей осторожности мы поневоле компрометировали какого-то русского диакона в Афинах *, который, вероятно, не имел понятия о том, что в Лондоне есть русская типография, и которого русский посланник Озеров заподозрил *в неуважении* к содомии и в корреспонденции с «Колоколом».

Нам остается делать то, что мы делаем, — добросовестно открывать наши столбцы для всякой дельной поправки. Разумеется, когда нам пишут, *как на днях*, в защиту какого-нибудь генерала, о победах которого мы ничего не слыхали, а о взятках очень много, что и «Массепа, и Сульт» были грабителями, то мы не считаем себя обязанными повторять такие шутки.

Ложных новостей у нас было очень немного, и часть их взята из других журналов. Мы не можем жаловаться на наших корреспондентов. Что мы получали несколько раз ругательные письма, *опровергавшие бранью* факты, высказанные нами, это служило только подтверждением их истины.

В заключение возвращаемся на наш старый припев, повторяемый нами двадцать раз. Мы просим, мы умоляем — не ради нас, а ради дела, которое мы представляем, — сообщать нам только достоверно известные факты, в противном случае по крайней мере отмечать, что это слух.

НАБЕГ НЕМЕЦКИХ ТАТАР В ТАМБОВСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Пятый лист «Под суд» напечатан. В нем рассказана возмутительная история бессмысленного и безнаказанного дранья розгами *больше ста* крестьян генерал-адъютантом Толстым, тамбовским губернатором Данзасом и разными подьячими гражданского ведомства и палачами военного *. Дело изложено подробно, без фраз, простым деловым слогом. Оно требует изучения и вполне заслуживает его; в этой службе правительства кабакам выразилась вся безнравственность петербургского периода, отсутствие всех юридических понятий и человеческих чувств. Так, как при Петре I Меньшиков пристреливал стрельцов на кремлевских зубцах, не думая вовсе о том, что это работа палачова подмастерья,— так и теперь ни одному генерал-адъютанту, флигель-адъютанту, плац-адъютанту и просто адъютанту в голову не приходит, что *сечь*, даже и по высочайшему повелению, *не совместно с* достоинством порядочного человека. Они все еще представляют себя татарами, пожалованными в немцы за завоевание России ¹.

Замечательно, что в истории, напечатанной в 5 листе «Под суд», все незаконно, начиная с *беззаконной откупной системы* *. Откуп произвольно, в явное противоречие условиям,

---

¹ При всем разглагольствовании о прогрессе в России до телесных наказаний не касаются. Попытки и мучения людей так глубоко вошли в нравы, развращенные помещичьей властью и петербургской бездушной военной, что радикальные члены редакционной комиссии отогревают розги на груди своей, а морские и сухопутные офицеры отогревают их по-прежнему на солдатской спине.

Что за удивительная страна, в которой каждый человек, в свою очередь, охотно может сделаться зверем — нет, хуже — котом, палачом, заплочным мастером!

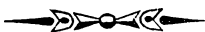
надбавляет цены; плутующее с ним правительство, под сурдинкой, шепчет министром финансов, что оно разрешило грабить народ *. Народ, который не знает ни высочайшего банкротства, ни высочайшего разрешения на продажу, требует, в небольшом уездном городе, вина по законной цене; ему отказывают, грубят; несколько горячих голов разбивают питейные дома, забывая, что от *безденежья* правительства кабак поднялся в ранг церкви и дворца, что оскорбление кабака становится оскорблением величества. Кража вина $\frac{1}{4}$ не просто кража, а *виногатаство!*

После совершенного успокоения и после произведенного следствия, при котором, разумеется, секли сколько душе угодно, является из невской орды баскак Толстой и, говоря, что «суд затянет дело», без всякого суда дерет несколько десятков человек; потом дерет Данзас, после Данзаса дерут подьячие. Окружный *Кидошенков*, один исполнивший долг, кажется каким-то римским героем в звериной пещере.

Добавим интересный рассказ небольшой подробностью, кладущей александровский венок на это происшествие.

На другой день сечения крестьян в Спаске офицеры Казанского полка давали Толстому завтрак, на котором был Данзас, чиновники и разные дворяне. На этом завтраке полковой командир *Минкович-Петровский* говорил речь о преданности полка престолу, которую они так ясно доказали накануне. Толстой ему отвечал.

При Николае драли, ссылали, пытали — но все было покрыто молчанием рабства, молчанием повиновения; а это царствование дерет с *репетицией*, со спичками! Гласность, прогресс!

〈КАЧЕНОВСКИЙ〉

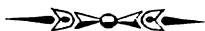
«Times» от 24 марта подтверждает страшную весть об арестациях в Киеве и Харькове, прибавляя, что такие же арестации были в Казани. Между арестованными находится профессор *Каченовский*. Корреспондент «Теймса» замечает, что, ве-

роятно, по обычному усердию русской полиции, какое-нибудь *литературное* общество принято за заговор.

За работу, г. Тимашев! За работу, III отделение!.. Батрак ваш Лужин доставил вам грубую материю, прославьте царствование гласности и мягкодушного прекраснодушия! А Г'сеувге¹, господа!

---

¹ за дело (франц.).— *Ред.*

СЛОВО ГРАФА ВИКТОРА ПАНИНА К ДЕПУТАТАМ

Господа,

вы помните слова государя императора, я их глубоко запечатлел в моей памяти и буду действовать сообразно им. Вы знаете, что предложения Редакционной комиссии еще не утверждены, а потому не могу сказать ничего *ни успокоительного, ни благоприятного* для вас и надеюсь, что вы воздержитесь от всего, что может возбудить *большие надежды или опасения* в дворянстве. Хотя сам *богатый* помещик, я не забуду интересы помещиков *небогатых* и, помня, что крестьяне не имеют здесь своих представителей, я буду иметь в виду выгоды их, тем более что вполне убежден, что дело не может обойтись без жертв со стороны дворян. Это дело, гг., наше *частное, семейное*, оно не должно выходить отсюда, а потому не надо *распространять его, а тем более писать об нем **ва границу***. Теперь я имею к вам еще просьбу, господа. Я слышал, что многие из вас собираются у графа Шувалова, где дворянство готовится к выборам, а потому и прошу вас *прекратить ваше посещение, потому что там будут стараться завлечь вас*.

Дверь моя вам всегда открыта для всех и каждого, *но я прошу вас не посещать меня*, чтобы не подать повод к толкам, что я нахожусь под влиянием того или другого. Итак, господа, советую вам заниматься. Гг., в этом отношении я имею навык; нет такого важного государственного дела, которого нельзя было бы окончить в *четыренадцать дней*.

Бессмысленные слова этого графа-чиновника почти примирили нас с ним, нам стало жаль эту длинную фигуру больного, у которого на такой высоте размягчился мозг (и прежде не очень твердого состава, по правде). Он подлежит исключительно медицинскому суду; суду общественного мнения подлежит тот, кто его посадил вместо сумасшедшего дома в *освободительный!*

Заметьте, каждая фраза *плюс-минус — равна нулю*.

Что значит, что Панин не имеет ничего *ни успокоительного, ни благоприятного*? Что он называет успокоительным? Оставить все по-прежнему? Права на домокрадство, на постельную

барщину, на шесть дней... розги, поборы?.. Почему освобождение крестьян дело *частное и семейное*, почему его следует беречь под сурдинкой? Это дело земское, историческое, всероссийское, а вовсе не семейное *богатых* помещиков, сердобольствующих *бедным*. А хорошо и это хвастовство своим состоянием! Представьте себе судью, который бы сказал просителю: «Не смотря на то, что я богат, а ты беден, я тебя буду защищать». За такую грубую пошлость министр юстиции (если б он был не Панин) должен был бы сделать ему через Топильского выговор.

Страх перед «Колоколом» нам слишком лестен, мы становимся на стул и целуем его за это в лоб.

Донос на Шувалова и страх перед ним гадок, мелок. Впрочем, хороши и мы, забыли нашего старика Крупова: какого же мы смысла доискиваемся в словах больного, который все забыл, даже Альфреда де Мюссе; иначе бы он знал, что «дверь должна быть заперта или открыта!» *

О Крупов, прими его, возьми его, облей его холодной водой... еще... еще и еще немного!

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

«...Грустно, грустно и грустно! Не пришлось бы России сказать Александру Николаевичу, как сказала Татьяна Онегину: *А счастье было так возможно, так близко!*»

Этими поэтическими, но бесконечно печальными строками оканчивается одно из множества писем, полученных нами в последние десять дней.

Письма эти сами по себе замечательны: у испуганных, удивленных людей явилась потребность заявить свое негодование, свой крик боли вслед за неожиданным воскресением николаевского времени.

Твердо перейдем время этого тяжелого испытания, станем добрее и не утратим веры в русское развитие оттого, что слабый государь, спотыкнувшись об Панина, упал в слякоть и грязь лужинских доносов. Его жалче нас, — «после пятилетнего царствования, наполнившего надеждами сердца римлян, Царь изменился!» Речь шла о Неропе; от души желаем, чтоб эти слова римского летописца не повторились будущим Карамзиным *.

Нас упрекнуть нельзя. Мы держались до последней крайности, до открытой измены, до преступного назначения Панина, до самоуправства в деле *Унковского и Европеуса*, до *полицейского заговора*, вследствие которого нахватали студентов, профессора *Каченовского* * и мы не знаем кого еще ¹. Мы могли подаваться и уступать, когда главный поток шел своим руслом, теперь другое дело!

---

¹ «Теймс» от 9 апреля опять говорит об обысках, арестациях и, между прочим, о том, что у профессора *Павлова* захвачены бумаги.

Прощайте, Александр Николаевич, счастливого пути! *Bon voyage!*.. Нам сюда.

«Как? — закричат снова рыбокровные мудрецы, наши Меттернихи en herbe ¹, наши Оксенштирны в прозябении. — Давно ли вы говорили..? — Пожалуйста, гг. Сперанские in sere, обратитесь с этим вопросом к Александру Николаевичу. Из нас двух честь „шанже через половицу манежа“ принадлежит не нам».

Люди умственной выправки и доктринерной шагистики негодуют на наши увлечения событиями, на то, что, плывя рекой, мы вместо прямой линии следуем ее извилинами. Невские стоики, стоящие на неизменной нравственной снеговой линии, не могут нам простить ни смеха нашего, ни наших слез и гордо издеваются над слабым характером, которому холодно в декабре и жарко летом.

Но ведь это происходит оттого, что наши положения розны. *Они ведут* народ, *внушают* ему, для его собственной пользы, как следует идти на английский манер, как на французский. Мы, материально оторванные песчинки проснувшейся толпы, массы в России, — мы только сильны инстинктом, по которому угадываем, как у ней бьется сердце, когда оно обливается кровью, и что она хочет сказать, да не может.

На это мы воротимся. Теперь обращаемся к письмам. Мы передадим только фактическую часть и слухи.

Мифы и легенды, ходящие о назначении Панина, очень замечательны. Один корреспондент пишет, что «Муравьеву и Панину поручено было опечатать кабинет Ростовцева. Государь сам явился туда и застал Панина одного; ждет час, другой, Муравьева нет. „Ну, так я тебя назначаю председателем комиссии“». *Ben trovato!* ² Нелепости должны быть основаны на глупой случайности. Когда люди играют в жмурки, в том-то и забава, что они не знают вперед, *кого именно* поймают за полу. А ведь если б государь поймал и Муравьева, тоже бы не бобра убил. Досадно, что на эти *petit jeux* ³ приглашаются только

---

¹ в зародыше (франц.).— *Ред.*

² Хорошо придумано! (итал.).— *Ред.*

³ салонные игры (франц.).— *Ред.*

свои дворовые, а то, пожалуй, случай бы пал на парижского Кисслева, понявшего общину еще при Николае, или на старейшего бойца за освобождение крестьян с землею Н. И. Тургенева. Они повели бы дело лучше прежнего. А то, как весь *embarras du choix*¹ — между Адлербергом старым да Адлербергом молодым, Паниным долгим да Долгоруким недальним, тут выбора нет. Тут и Диоген с своим фонарем, кроме Буткова, ничего бы не сыскал.

Не хуже и другая легенда. Назначению Панина (и это пишут двое корреспондентов) *содействовала* императрица «вследствие экономических и религиозных идей своих, которые не сходятся с мыслию *освобождения крестьян с землею!*»

Действительно, ни pietизм, ни политическая экономия не доведут до надела землю. Это мнение чисто немецкое, т. е. вредное, но *logisch conséquent*². Христианство требует, чтоб все мы были нищими и немного бродягами; сверх того, оно поучает, чтоб мы заботились о ближнем больше, чем о самом себе, потому и не мудрено, что, оставаясь еще в мирском довольстве, государыня возжелала *прежде* освободить крестьян от *временной* земли, облегчая им тем самым надел вечный — пашни райские — десятинами бесконечными, от века засеянными, и притом семенами не от житницы, не от зерна!

Мы не обвиняем императрицу в том, что она думает разом по учению апостолов Христа и апостолов Мальтуса и что она не знает русского вопроса. Но зачем же ей мешаться в такие иностранные дела, как освобождение *наших* русских крестьян, как надел их *нашей* русской землей?

По третьему сказанию, повествуется, что Панина назначил государю Ростовцев, умирая. Этому трудно поверить; неужели он хотел заключить свою карьеру как начал *, или разве он умер в бреду?

Что касается до героя романа, т. е. до Виктора Никитича, он тотчас начал действовать, как стрихнина, наводя столбняк

---

¹ затруднение в выборе (франц.).— *Ред.*

² логически последовательное (нем. и франц.).— *Ред.*

и окоченение на все живое мертвящим формализмом и убийственной буквой. Вот чем занялась эта голова на шесте, призванная опошлить великое дело освобождения: она велела «членам комиссий являться в вицмундирах или фраках, велела составить *ведомость* делам решенным и нерешенным, имеющим быть обсуживаемыми и не имеющим быть обсуживаемыми».

Но и сами комиссии, по какому-то ясновидению, иногда посещающему людей перед смертью или бедой, ошалели, предупреждая стрихнинное действие Ивана Великого юстиции. «В административном отделении князь Черкасский снова возбудил вопрос о розгах и числе ударов (это просто мономании у этого человека!), ему возражали, что он уже отказался от розог печатно, на это он отвечал, что «одно в печати, а другое на деле», прибаеляя карамзино-ансильоновским стилем: «Кто хочет популярности, тот может говорить против розог (кто против бога и великого Новгорода!), а кто *серьезно мыслит*, тот не может не признать их необходимости». (Неприменно спрошу у Стюарта Милля, у Прудона и за неимением Гегеля — у Фейербаха, вот и узнаю, *серьезно* ли они думают или нет). Говорят, что ему сильно возражал Соловьев, и когда баллотировали черкасское предложение, оказалось, что голоса разделились пополам. Гамлетовский вопрос, переложенный на русские нравы — *бить или не бить и, если бить, то сколькими ударами?* — перешел в общее собрание; там произошло то же равенство. Голос председателя Булгакова (коего упражнения в риторическом стиле мы имеем) должен был дать перевес. Жаль сделалось велеречивому председателю секолюбивого князя, и он склонился на сторону розог; они-то послужат торжественными ваиями, которыми члены умилоствят у врат града Иакова, когда из Кафернауама юстиции будет въезжать в них Панин, сидя на скромном Топильском.

Говорят, что либеральные защитники *розог* извиняются тем, что разрешены только *двадцать ударов* (экие дикие татары, пусть прикинут на счетах $20 + 20 + 20 + 20 =$ сколько будет?). А впрочем, пусть останутся розги в самом деле во все продолжение нелепого переходного состояния как памятник гнусной, позорной, не аристократической касты, а касты пала-

чей и плантаторов. Честь и слава гражданам, *не ищущим популярности* и поддерживающим свирепые и кровавые аппетиты сословия, которому, может, без этого *народ простил бы прошедшее!*¹

---

¹ В двух письмах, полученных нами, есть противуречие в одном имени. Шутить этим нечего. Люди, подавшие в 1860 году голос за розгу, должны знать, что их имена останутся у позорного столба, какие бы они ни были бюрократы, администраторы или товарищи. Вот почему мы искренно просим сообщить нам, верен ли этот список имен:

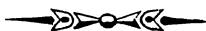
Против сечения

Гирс
Соловьев
Доментович
Бунге
Арапетов
Кн. Голицын
Любоцинский
Заблоцкий
Кульчин
Калачов
Булыгин

За сечение

Кн. Черкасский
Самарин (?)
Милютин
Галаган
Семенов
Семенов 2
Булгаков
Татаринов
Гродянка
Залесский
Железнов

В другом письме, совсем напротив, именно сказано, что *Самарин* был совершенно против *черкасских* бичеваний.

ПОЧТА В РОССИИ

Нас спрашивает один торговый дом в Манчестере: «Отчего письмо, отправленное из Одессы в Англию и нефранкированное, плотится здесь 11¹/₂ пенсов, а письмо, отправленное также нефранкированное в Одессу, плотится там 72 к. (2 шил.); если же письмо здесь франкировано 11¹/₂ пенсами, там заставляют приплачивать 25 коп.»

Отчего?.. Побужденные патриотизмом, мы объясняли, что причина происходит оттого, что расстояние от Англии до Одессы гораздо больше, чем от Одессы до Англии. Ну — а келейно-то можно сказать, *entre nous*, — оттого, что почтовое ведомство *крадет*.

Ну уж крали бы у своих, все было бы шито и крыто; русский знает свой *habeas corpus* * — что всякий имеет право быть обворованным казною и воровать казну. Зачем же англичан-то мешать в семейные удовольствия?

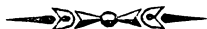
В свою очередь и мы теперь спросим всех почтенных особ, умеющих отгадывать *ребусы*, в Манчестере, Бирмингаме и Ливерпуле: нельзя ли узнать, отчего, «каких ни вымышляй дружин» и как дорого ни плати, нет никакой возможности получать вовремя русские периодические издания? Они иногда опаздывают *три, четыре* месяца, иногда приходят разом от двух месяцев. В последнее время в Лондоне были получены январские и февральские книжки за 1860, а декабрьских за 1859 до сих пор нет!

Кто тут виноватый: редакторы, книгопродавцы, прянишниковские почтальоны или тимашевские слухальоны? *

К тому же *porto* совершенно произвольные; разве нельзя в

каждом журнале печатать цену с доставкой в пять или шесть главных городов Европы?

Хоть бы редакторы к празднованию тысячелетия России постарались, чтоб их издания рассылались сколько-нибудь лучше, чем в те времена, когда Рюрик пришел с своими сотрудниками из Жмуди. *

LA VÉRITÉ SUR LA RUSSIE

(PAR LE PRINCE PIERRE DOLGOROUKOFF, PARIS, 1860)

Если б наши европейские читатели нас спросили, какая партия, какое мнение управляет теперь Россией, мы были бы очень затруднены; современный ход дел у нас представляет постоянную, ежедневную борьбу бюрократии, опертой на камариллу (на дворню) и на тайную полицию, против общественного мнения и истинных выгод страны, представляемых образованной частью дворянства, всеми серьезными и честными людьми в России, русской литературой, которая своим высоким пониманьем и добросовестностью принесла огромную пользу стране в продолжение пяти лет, прошедших после *дикого* царствования Николая. Это жалкое положение непрерывной борьбы исполнено опасности в будущем. Петербург — театр интриг с самого основания своего — наполнен ими больше, чем когда-нибудь. В решительную великую минуту начатых реформ вопросы о лицах, самолюбивые соперничества и, всего более, страсть стяжанья мешают всему и сбивают с дороги. Правительство в России похоже всего больше на корабль, носимый по океану без всякого направления. Капитан исполнен прекрасных намерений, но мичмана, рулевые и кормчие — тупости невероятной. Между ими и пассажирами глубокое отвращение и постоянная борьба. Капитан не решается их заменить более способными, он ждет, пока старые перемрут, т. е. пока и те состарятся и будут желать одного покоя. В ожидании корабль может удариться о скалы!..

Лишь бы *пассажиры* спаслись, а что касается до моряков и корабля, туда им и дорога...

Автор полагает, что мы, как социалисты, не будем согласны с его конституционными стремлениями. Мы думаем, напротив, что есть обстоятельства, при которых нельзя избежать этих переходных форм, они столько же необходимы беснующемуся самодержавию, сколько камзол беснующемуся вообще. Мы думали, что петербургское императорство могло еще сослужить одну службу, разрубая им самим скрученный узел крепостного

состояния. Такие перевороты должны раздражаться, как громовой удар, являться, как Минерва, с копьем в руке, в латах и шлеме *. Не тут-то было, наше самодержавие оказалось недоросшим до энергического решения — и не мудрено, оно не знало чего хочет и спрашивало то тех, то других, чтоб узнать свое желание. Таковую власть надобно взять в опеку, пока она не наделала больше бед. А чего нельзя ждать от власти, которая из карбункула Ростовцева развила Панина? *

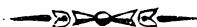
Давно ли было дело Огрызки *, оно всех удивило и всего больше государя, он был поражен своей жестокостью, решительностью и, покраснев до ушей, велел выпустить Опрызку. «Но счастливые дни в Аранхуеце прошли!» * Теперь государь не краснея ссылает без суда Унковского и Европеуса * и судит несудебным местом Головачева *. Снова поднимаются в пудретное заведение Тимашева и К^о мифические доносы, берут студентов, берут бумаги, берут профессоров, бессловесный Иван Лужин становится, как Шервуд, *Лужин Верный* *. Разумеется, что в таком положении всякого рода перилы, плотины, garde-fous ¹ со стороны общества против Зимнего дворца очень хороши.

Князь Долгоруков хорошо делает, что печатает по-французски, наши бюрократы боятся огласки, особенно на французском языке — дамы прочтут и французские тайные советники... Как-то все перед французом стыдно. И Потемкин (из которого у нас умели сделать интересного героя), ударивши в лицо (само собою разумеется) русского полковника, сконфузился, увидевши Сегюра, и стал извиняться перед ним и пороть какую-то дичь. Но зачем же автор лишил своих героев имен, мы любим их во всей их конкретности, с их именем и отчеством, с их волом и ослом, с их чином, ростом, кавалериями, фамилией и Топильским. Помилуйте, чего их жалеть!

В заключение попросили бы мы почтенного автора сообщить нам подробности о том, какие средства хотели употребить бюрократы и другие казнокрады, чтоб остановить «Колокол» (ст. 336—337) *; мы действительно не знаем, а должно быть, хорошо.

---

¹ барьеры (франц.).— *Ред.*

ТАЙНОЕ ЯВНО

На диспуте Погодина и Костомарова* явился Тимашев и сел подле кафедры Костомарова. Говорят, крики «прочь от кафедры, прочь от кафедры!» раздались со всех сторон. В силу этого III отделение велело сделать большой виноградный лист, который будут держать перед Тимашевым два жандармских штаб-офицера, одетых нимфами.

«БИБЛИОТЕКА» — ДОЧЬ СЕНКОВСКОГО

Сенковский так же принадлежит николаевскому времени, как шеф корпуса жандармов, подслушивавший Дубельтом, как Клейнмихель, исправлявший высочайшие *пути сообщения**, как неприхотливая «Пчела»*, находившая *даже* в николаевском царствовании мед, как комиссариат, постоянно победоносный над русской армией, как камелеопардал без задних ног — Панин*, как Муравьев, *что вешает*, Муханов, *что на Висле**, и пр. и пр.

Положение Сенковского было поэтичнее и независимее этих государственных кварталных, он не был в самом деле на службе, а с горя и по влечению создал себе место вроде императорского и *царского* Мефистофеля. Именно в этом качестве он и затеял журнал, который было вредно читать, и — *Geist des Widerspruchs*¹ — назвал его «Библиотекой для чтения». Основная программа его была проста — она была целиком взята из разговора Мефистофеля с студентом*.

Николай умер.

Сенковский умер.

Россия и «Библиотека для чтения» остались в расстроенном состоянии — но живы.

Об наследнике Николая и об России мы довольно говорили, о «Библиотеке для чтения» и о мефистофелидах* очень мало. Это было вовсе не от невнимания, а оттого, что мы минуем говорить о русской литературе из разных гигиенических соображений.

Великие *злые духи*, точно так же, как великие люди, редко оставляют достойных наследников. Сын Кромвеля*, сын

---

¹ дух противоречия (нем.).— *Ред.*

Богдана Хмельницкого * и «Библиотека», *урожденная* Сенковская, показывают, что это случается не только в Великобритании и Малороссии, но и в Петербурге.

Главное намерение — быть *злым духом* — осталось у новой редакции — но без остроты в крови, а с одной золотушной хилостью, с дурными привычками эстетического жеманства, старонемецкого бегства от общественных вопросов, выражавшегося неприличной радостью при встрече рассказа, где они обойдены, стихов, в которых бесплодно испаряется мление души, чуждой сует мирских.

Хотя и досадно было, однако мы молчали, предупредивши раз, что это *дело опасное* ¹.

Но на днях мы прочли, и то не в «Библиотеке для чтения», а в «Отечественных записках» за декабрь, которые, благодаря компании du roulage Adlerberg — Prjanischnikoff *, пришли в Лондон в половине апреля, ответ (слабый и бедный) на статью против *Марка Вовчка*, помещенную в *ноябрьской* «Библиотеке для чтения», вовсе не приходившей.

По опилкам можно судить о достоинстве металла. Это чистое железо с крестьянских колодок.. Halte là ², господа! — Есть пределы, далее которых «Колокол» не выдерживает и должен треснуть — или звонить. Мы не на откуп у Панина и Муравьева с К^{го} мы звоним не по чинам.

Задача Мефистофеля совсем не в том, чтоб говорить безнравственные вещи с серьезным доктринаризмом да и принимать это tout de bon ³ за истину. Сбивающие с сердца сентенции и бездушные остроты гётевского Мефистофеля не покрывают своим мерцанием внутреннего сознания их пустоты и призрачности, и *иное* воззрение просвечивает во всей поэме, примиряя с преднамеренными диссонансами.

Желчевая, закусившая удила насмешка Сенковского была месть, была досада, отражение обстоятельств, отрицательное раскаяние в своей слабости, была маской, но никогда не была убеждением; почтительная дочь его, принимая за *в самом деле*

---

¹ «Колокол», лист 44 — «Very dangerous!».

² Стойте (франц.).— *Ред.*

³ всерьез (франц.).— *Ред.*

эту лихорадку мысли и слов, начала проповедовать воздержание от сердца, действительное статское равнодушие к людским делам и легкий эстетический эпикуризм. Это уже не ирония, а доктрина.

Много смешного, нелепого, уродливого является в нашем литературно-ученом мире, мы никогда не затрагиваем этих сторон.

Что за беда, если люди, не смевшие громко сказать слово при трех свидетелях, теперь решают публичными спорами арифметические и этнографические вопросы. Что за беда, если они дают обеды со спичками какому-нибудь «знаменитому иностранцу»*, удивленному своею знаменитостью, о которой он не подозревал. Что за беда, если и он, оправившись, начинает чувствовать свое величие и, как граф Нулин, радоваться, что у нас «умы уже развиваться начинают»*, и желать, чтоб мы просветились наконец. Да и в том нет беды, если напоказ перед «знаменитым путешественником» двое или трое учеников выйдут на диспут, и один, как Утешительный, говорит, что человек весь принадлежит обществу, а другой, как практический Швохнев, уверяет, что человек принадлежит обществу — но не весь*.

Все это смешно, но все же лучше публично решать ученые вопросы и делать знаменитых людей *для обедов*, чем бояться произнести слово при посторонних и делать обеды для «их высокопревосходительства, глубокоуважаемого и сердечно чтимого начальника, начальника и отца».

Но когда редакция журнала берет перо для того, чтоб в торжественную минуту государственного покаяния, в минуту борьбы между отстаиванием неправого стяжания и отречением от застарелого преступления своими софизмами ослабить тот ужас, который овладевает нами по той мере, по которой мы вглядываемся в домашнюю контору, в застенок передней и сераль девичьей, когда она разглагольствует для того, чтоб прикрыть иссеченные спины изнасилованных женщин высокомерной улыбкой, отводя глаза нищих умом к другой стороне вопроса, тогда мы зовем ее на лобное место!

Извольте видеть — слабые нервы петербургские не выносят таких ужастей, таких отвратительных картин... Да ведь и распятие, когда на него смотреть без веры и без любви,— возму-

ительная картина — и этот мясник Рубенс, и этот палач Рембрандт чему обрадовались, представляя всяких смердящих Лазарей да корячащихся в агонии разбойников на кресте *?.. Им бы нарисовать все части Гиббоновой книги о падении Рима *, тогда было бы понятно, что и римлянин мог иной раз повесить невинного, но что это редкий, исключительный случай, не сообразный с «благодушием» римских начальников когорт и департаментов!

Пожалуй, можно указать на Гуда, подслушавшего, «не выходя из кабинета», страшное рыдание бедной *needle woman* *, вместо того чтоб положить на куплеты теорию уничтожения пауперизма, или на Диккенса с его Оливером Твистом и героями, сорвавшимися с виселицы, о которых он рассказывает подробности *shocking* *... И что тут рассказывать — стоит «усилить» полицию, а главное веревки и палачей *, их как рукой снимет... Но ведь Гуд и Диккенс для своих героев не унижались до русских «псарей» и «крепостных нимф», отдаваемых насильно замуж, а брали хоть и плебеев, но все английских.

Для полной бережки нерв редакция успокоивает нас и себя тем, что в повестях «писак» против помещичьего права все преувеличено, что жестокости редкость, что наши помещики, точно пеликаны, готовы своих мужиков кормить грудью.

Так-с!

Да разве «Библиотека» не читает «Колокола»? Листа ведь нет, где бы не было какой-нибудь каннибальской истории, или Гутцейта, насилюющего детей *, или усмирения вроде Эльстона-Сумарокова. * Генерал Кандыба *, штабс-капитанша Баранова *, помещица Клопотовская * и сотни других — это не мифы. «Но много ли они засекли в сравнении со всеми рождающимися в России?» Это правда, и зачем это вся Европа хлопотала, когда папа украд мальчика Мортару? * Ведь не всякий же день св. отец крадет по несколько детей.

Нас вот что удивляет: когда эти рассказанные стоны наших крестьян и дворовых успели до того раздражить опустившиеся нервы «Библиотеки», что она называет их «мерзостно-отвратительными картинками» *, как будто это известные ободрительные изображения, тоже сильно действующие на нервы?.. Помилуйте, пять лет тому назад людей ссылали в Сибирь,

если они не разделяли мнения «Библиотеки» о благодушии помещиков.

«Мне тебя-то, матушка, стало жаль,— говорит Недоросль,— что ты очень устанешь (колотивши отца)» *.

В самом деле, что вы так расстонались, барыню обеспокоите, барыня антологию в книжке изволит читать.

...Итак, горемычные, пропадайте без вести. За ваши предсмертные муки на конюшне, за ваши слезы девичьи, слезы матери о поруганном ребенке, за ваши мученические существования от колыбели до могилы вас ждет свирепое забвение. Вопль ваш исключится из песни, изнуренный образ ваш вытолкают взащей из сказки. Кто поминает о прошлогодней траве, о разоренном муравейнике?

...Жизнь ваша, заеденная хищным помещичеством, не отзовется ни угрызением совести, ни примиряющей слезой; даже в книге, в этой общей родительской субботе всего схороненного, не помянется она. От ваших грусть наводящих теней отвернется пасоконосный потомок ваших господ. Да и в самом деле, что за беда, что такого-то «псаря» отодрали, а такую-то «девчонку» выдали замуж поневоле. Из-за этого если б освобождать крестьян, *«игра не стоила бы свеч»* *. Дело не в том, а в глубоких экономических соображениях ¹.

Но этого не будет!

И лучшее доказательство, что не будет,— это появление таких изящных в своей сельской свежести рассказов, как те, которые навели «Библиотеку» на ее безобразную выходку.

Рассказы эти, попавшиеся нам в руки с другими книгами, вовсе нам не известными, остановили нас именем переводчика. Прочитавши, мы поняли, почему величайший современный русский художник И. Тургенев перевел их *.

В петербургских болотах, в москвской пыли не растут такие дубравные цветы; тут все чисто и здорово, неистощенная земля, непечатое сердце, тут веет полем после весеннего дождя, веет

---

¹ Само собою разумеется, что мы согласны в мнении о нелепом экономическом устройстве оброка, но как же это выходит, что знаменитая школа «l'art pour l'art» («искусство для искусства») переходит в «comptabilité en partie double pour l'art» («двойную бухгалтерию для искусства»)??..

и проклятьем русского поля — господским домом; шум листьев, лепет, жужжанье не заглушают ни плач «девчонки», оторванной на веки веков грубым насильем у матери, ни вопль «псаля», стегаемого zu unästhetisch¹... Украинiec-рассказчик не брезглив,— ведь и природа не брезглива,— он не прячет своего кровного родства с «девчонкой» и не стыдится, что слезы его льются на грязный посконный холст, а не на мягкое «пате» (непременно Гамбсовой работы)!

А сказать вам, отчего *он* не стыдится? Оттого, что в этих девчонках, в этих псалях он почувал — именно сердцем, которое вытравляют столичные доктринеры,— замороенную силу, близкую, понятную, кровную нам. Оттого-то и слезы его не наполняют душу одним безвыходным поедающим горем — а дрожат, как утренняя роса на сломанных и истоптанных цветах; *их* не воскресят они — но другим возвещают зорю!

---

¹ слишком неэстетично (нем.).— *Ред.*

НОВОСТИ ИЗ РОССИИ

Начнем с следующей, приятно успокоивающей вести, помещенной в 74 № «С.-П. ведомостей» под рубрикой «Россия».

В четверг, 31-го марта, в малой церкви Зимнего дворца сподобились приобщиться святых Христовых тайн: их императорские величества государь император, государыня императрица Мария Александровна, их императорские высочества: великие князья Алексей и Сергей Александровичи, великая княжна Мария Александровна и великие князья: Константин Николаевич, Николай и Константин Константиновичи, Николай Николаевич «младший», великие княгини Александра Иосифовна и Александра Петровна и великие княжны Ольга и Вера Константиновны.

Затем сообщим читателям, что исполнение священных обязанностей не имело никакого влияния на течение дел, а только собственно на русский язык, который принял церковно-мистический оттенок. Мы читаем в той же газете:

На докладе Святейшего синода о трех избранных кандидатах на вакансию викария санкт-петербургской епархии, епископа ревельского, в числе которых первым назначен был ректор санкт-петербургской духовной семинарии архимандрит Леонтий, с тем чтобы наречение и посвящение удостоенному епископского сана произвести в Санкт-Петербурге 5-го марта, собственною его императорского величества рукою написано: *«Быть первому, а в прочем быть по сему».*

Вы поняли? Мы — решительно ничего!

Но если царский язык неясен в таком смутном государственно-церковном деле, то царская воля на подавление *языка вообще* несомненна и ясна как день. Устрялов напугал царевичем Алексеем *. Пожалуй, эдак и бог знает что расскажут о всех псевдо-Романовых. А посему цензура получила строжайшее приказа-

*Николаю Ивановичу
Тургеневу
в знак глубокого уважения
от издателей
"Колокола"*

*20 May London
1860*

ЗА ПЯТЬ ЛЕТЪ

(1855—1860)

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ СТАТЬИ

ИСКАНДЕРА И Н. ОГАРЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСКАНДЕРА

ЛОНДОНЪ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ

5, THORNHILL PLACE, CALEDONIAN ROAD, N.

1860.

СБОРНИК «ЗА ПЯТЬ ЛЕТ» (1855—1860). ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Титульный лист с дарственной надписью А. И. Герцена:
«Николаю Ивановичу Тургеневу в знак глубокого уважения
от издателей „Колокола“. Лондон, 20 мая 1860».

ние ничего не пропускать о лицах, принадлежавших к царской фамилии и живших *после* Петра, кроме, разумеется, о их высочайшей добродетели и августейшем милосердии, например: говоря о Петре III, надобно непременно упомянуть о его уме; говоря об Екатерине II, удивляться ее целомудренности; говоря о Павле, с восторгом отзываться о его сходстве с Аполлоном Бельведерским; говоря о Николае, упрекнуть его в мягкой кротости и излишней любви к науке, которую он неумытно пересаживал тридцать лет в дальнейшие провинции Сибири, и пр. Обобщая эту систему предупреждения и пресечения гласности, Горчаков испросил высочайшее разрешение распространить вуаль, дарованный послепетровским Романовым на а) Людовика-Наполеона, б) австрийского императора...

В Москве *Щербинин* (сенатор по департаменту Кирилла и Мефодия, втеснявший католикам православие, «Кол.», л. 63) * с своим зятем, с «Прибылью» и с успехом занимается отрезыванием и урезыванием языка и не только с Прибылью, но с Росковшенком и Бессомыкиным * (что за имена, как это в цензуре их пропустили?).

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК В КВАДРАТЕ

Служащий в *тайной* полиции и известный читателям «Колокола» как ученый путешественник *Гедерштгерн* * пожалован в *тайные* советники с оставлением при *тайной* полиции... Хранить бы это все в *тайне*, зачем нам знать, как правительство любезничает с тимашевским застенком.

ЗА ПЯТЬ ЛЕТ¹

Прощайте, Александр Николаевич, счастливого пути! Bon voyage!.. нам сюда!

«Колокол», 15 апреля 1860*

Случайно предпринятое издание политических статей наших, разбросанных в «Полярной звезде» и «Колоколе» за последнее *пятилетие*, получает особенный смысл по угрюмым событиям, при которых является наш сборник*. Обстоятельства делают из него пограничный столб. Мы опять входим в какую-то новую область хаоса и сумерек и снова должны переменить нашу одежду и наш язык именно потому, что мы неизменно остаемся верными своим убеждениям. Известная глубина необходима для плавания, и выбор фарватера зависит не от нас, а от потока; мы пойдем по всем его изгибам — лишь бы идти вперед к нашей цели и не стать на мель... воображая, что двигаемся. *Пять лет* тому назад мы в первый раз после семи страшных годов*, проведенных в похоронах лиц, народов, надежд, верований, взглянули несколько светлее на будущее, вздохнули, как выздоравливающие после тяжелого недуга.

Неверная полоса бледного света занялась на русском небосклоне. Мы ее предчувствовали, предсказывали серель темной ночи, но не ждали ее так скоро — на ней-то сосредоточили мы все наши остальные упования и осколки всех надежд. Западу мы были уже настолько чужды, что его судьба не составляла больше для нас жизненного вопроса. С глубоким интересом, с сочувствующей печалью следили мы за мрачно развивавшейся

---

¹ С этим предисловием вышла первая часть нашего сборника.

трагедией его, но, укрепленные сведанным, благословляя великое прошедшее, собирались, как Фортинбрас после повести Гоэшио *, продолжать свой путь.

На нем мы не далеко ушли — нас остановило какое-то болото без конца, которого мы не ждали и которое грозит без шума и грома неказисто утянуть мало-помалу последние силы топкой, скучной грязью, размягчая отчаяние надеждами и разводя ненависть — сожалением.

Неужели мы опять ошиблись? Может, оп только не в самом деле, оно пойдет; мы снова ошиблись во времени, обрадованные бледным рассветом; мы не ввели тех стихийных, темных, непреодолимых туманов, над которыми свет не имеет власти или должен бороться с ними целые поколения.

Роковая сила современной реакции в России, — реакции бессмысленной, ненужной, — оттого так трудно сокрушима, что опирается на двух твердых гранитной крепости — на *тупости правительства и на неразвитости народа.*

Тупость понимания — власть, сила, величайшая ирония над разумом и логикой. Неразвитие не так упрямо, но оно уступает только одному времени, долгому времени. Это-то нас и повергает в отчаяние, мы скорее готовы поступиться всем — достоинством, свободой, чем временем. «Time is money», — говорят англичане *, — как можно, гораздо дороже, гораздо больше: *время — мы!*

Но как бы ни была естественна досада, снедающая человека, когда он видит, что «счастье было так возможно, так близко» ¹ и ускользает от неловкости пальцев; как ни естественен тот ужас, овладевающий нами, когда мы кричим путнику, не замечающему пропасти под ногами, и чувствуем, что голос наш не достигает, — все же надобно смириться перед истиной и вместо упорства и траты сил в отстаивании своих путей, занесенных реакцией, идти той тропинкой, по которой можно дойти. В этой изменчивости при постоянном стремлении состоит все творчество природы, все богатое многообразие ее форм при единстве и простоте начал и целей.

Надобно найтись в новом положении. Правда, что мы

---

¹ «Колокол», лист 68—69*.

выходим беднее из пятилетия *добрых надежд*, но зато и грузу с нами меньше па болотистый путь.

Мы думали, что самодержавие может еще в России совершить подвиг *освобождения крестьян с землею*. Такого рода спутанные узлы, около которых накопилась старая неправда, где интересы перекрещиваются с справедливостью и нравственные понятия расходятся с положительным законодательством, громовой удар решает часто лучше всех контроверз и словопрений. Так мы и думали. Что же вышло? Самодержавие, никогда не задумывавшееся ни над чем, проливавшее кровь и слезы с бездушием локомотива, встречающего препятствия, застенчиво остановилось, произнеся слово «освобождение с землею», и стало советоваться с генералами и бюрократами, с молодыми учеными и «ветхими» невежеством стариками. Этого было мало, оно созвало каких-то нотаблей и велело им *молчать* свой совет *. Все это вместе — невольное сознание, что у императорства нет больше веры в свою нравственную силу, в ту кровную связь с народом, по которой правительство и революционер чувствуют, что имеют право *дерзнуть!*

Статья наша 1 января 1860 была последним усилием, которым мы *себе* еще доказывали возможность «улучшения быта» императорского освобождением его от грубой и невежественной дворни, от тлетворной, мертвящей бюрократии.

Но уже Александр II, испуганный какими-то призраками, держался за бесконечные фалды Панина и говорил ему: «Ты меня не обманешь!»

Это своего рода отречение.

Александр II пустил пращу, и в этом его историческое значение; куда она долетит — вне его власти, это даже не зависимо от того, обманет его Панин или нет. Не есть ли это царское колебание своего рода *vivos vobis*! Не есть ли это колокол, напоминающий меньшинству совершеннолетних, что пора свои дела делать самим, что полно надеяться всего от правительства. Оставим его при его административных занятиях и дипломатических сплетнях. Отойдемте от его плацпарадного места и займемся своими делами, пусть оно стоит, как Невская пирамида, храминой, в которой живет умерший.

Убедитесь, что от правительства ждать нечего. Без Ахил-

ловой пяты для разума, занятое хранением старого ритуала и канцелярских форм, довольное пышным облачением и материальной властью, оно будет иной раз под влиянием современного тока идей судорожно протягивать руку к прогрессу, всякий раз пугаясь на полдороге... Все это, может, продолжится долго, по крайней мере до тех пор, пока кто-нибудь посмелее заглянет под занавес и увидит не то, что император умер, а что правительство приказало «долго жить народу!»

Кому не случалось видеть старые цитадели, мрачно стоящие целые века? С тех пор как они рассылали смерть врагам, новая жизнь обрастила их венком улиц, садов, дворцов, раздаваясь шире и шире в поле и примыкая теснее и теснее к бойницам с своими ржавыми пушками, возле которых ходит в деловом безделье часовой, а внутри воробьи вьют гнезда. Сменяются поколения, и вдруг всем представляется вопрос: зачем эти стены, ни от кого не защищающие, зачем содержится гарнизон, о чем ходит рапортовать коменданту всякий вечер праздный шалун с седыми усами? Городу становится смешно; и вековая крепость идет на мусор, а жизнь быстро покрывает рубец своими полипниками и ячейками.

Такой грозный кремль представляет наше правительство. Все взято в реквизицию комендантом, все, как и следует в осадном положении, *polens volens служит*. Россия представляет небывалое зрелище государства, в котором все, признанное человеком, состоит сплошь *из чиновников*, военных или гражданских.

Литература, университеты и крестьянская изба одни не участвовали положительно в утверждении и поддержании самодержавного канцелярского порядка, принятого за цель государства. На подавленную избу не обращали внимания; одни расколы гнал по временам экзекутор, как нарушение церковной *формы*. Литературу и университеты действительно и ненавидел знаток своего дела — Николай.

Целый народ был под опекой, как какой-нибудь недоросль. Покойный опекун дошел до того Геркулесова столба, что частным людям не позволял на свои *собственные деньги* строить железные дороги!

За этим оставалось народу окончательно убедиться, что он

недоросль, сделаться зоологическим видом и спокойно остановиться в соседстве с хивинцами, бобрами, киргизами, лемурами. Но именно тут-то и оказывается, *где* жизнь в самом деле. Раб, скованный по рукам и по ногам, прошнурованный и привязанный к «делу», без речи, запутанный сетями бюрократии, отданный в солдаты и высеченный, вздрогнул от нашествия иноплеменного врага *, натянул свои мышцы и на краю позора почувствовал свою силу и подозрительную крепость казенных веревок, как будто и эти заготавливаются в комиссариате.

Вздрогнул и царь, открыл и он глаза... молчание степи, воровство возле, воровство вдаль, ни теплого взгляда, ни человеческого лица, ни преданности, всё застегнутые воротники, всё по форме сшитые и хорошо пригнанные мундиры... внизу стон, армии гибнут, раскаты пушек, зарево, корабли тонут, кровь течет... депеша из Евпатории вывалилась из рук, и он умер *.

Россия дала *пять лет ожидания* за несколько добрых слов, за желание добра. И что же вышло? Такое же доказательство неспособности, несостоятельности в добре, какое оказалось за пять лет — *в зле!*

Что же следует из этого? Пора перестать играть в гарнизоны. Оставим *правительство правительствовать* и будемте заниматься своим делом. Для этого пойдемте в отставку, хозяйство расстроено, детей надобно воспитывать, делать их ручными из баричей.

Ослабим правительство нашим неучастием. Дела и с ним стоят, а *делопроизводство* не остановится. У него и без нас довольно помощников, оно развело во всех канцелярских щелях — писарей, бюрократов-немцев, бюрократов-доктринеров. Они для него возвели чиновничество в науку, оно для них низвело правительство на степень управы благочиния. Из благодарности они должны остаться с правительством, как мыши с тонущим кораблем...

А мы будемте *сами собой!*

25 апреля 1860.

МУХАНОВ, ЧТО ПЕ НА ВИСЛЕ

Невский Фалстаф не только режет фазанов, а и защищает Альфонского *. В журнале «Развлечение» помещена была статья под заглавием «Галопов» *,— а на дочери Альфонского Аркадия женат Хлопов... Муханов за родню горой *, давай Драшусова, уничтожить Драшусова, стереть с лица земли Драшусова... и пишет Муханов к Щербинину о том, чтобы тот, призвавши Драшусова к себе, *попросил бы* его самого подать просьбу об отставке. Письмо Муханова было *секретно*. Понятно отчего — указать прямо на статью «Галопов» было нельзя; приведенные же причины для отставки Драшусова так ничтожны и мизерны *, что огласить их было совестно.

Вот копия с письма Муханова к Щербинину:

Секретно.

М. г. Михаил Павлович,

в № 11 за сей год журнала «Развлечение» напечатано несколько статей, не заслуживавших ценсурного одобрения. На 1-й странице помещена неприличная карикатура, *оскорбляющая военный мундир* (!!). На странице 124 находится стихотворение «Петербургский телеграф», наполненное личностями против разных писателей, журналистов, против общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым и, сверх того, содержащее в себе неприличную и неосторожную выходку, на которую цензор не мог не обратить своего внимания: автор, говоря о недостатке в России звонкой монеты, приводит слухи о причине такого явления, а между прочим замечает, что, по мнению некоторых, металл уехал за границу для поправления здоровья — в Баден, в *Ниццу* (!!!).

В городской хронике, на стран. 131, есть *язвительная* выходка против московского почтамта: «Итак, стоит чиновнику умереть, чтобы ход дела, ему порученного, покрылся мраком неизвестности. Поучительно!» В стихотворении из Гейне, стран. 132, цвет воротника квартального надзирателя и комиссариатского чиновника назван *дурацким*.

Этот № «Развлечения» одобрен к печати цензором Драшусовым. Им же допущена в № 10 «Московского вестника», в отделе «Внутренние

известия», на стр. 150, неуместная выходка против школ детей канцелярских служителей, которых и учреждение, и устройство представляется в самом невыгодном свете, и на стр. 161 той же газеты, в *заметках кое о чем*, употреблено странное в печати слово *языкоблудие* в применении к ложным толкам о литературных произведениях.

Главное управление цензуры, обратив внимание на непрерывно делаемые цензором Драшусовым упущения, за которые он неоднократно подвергался замечаниям, находит невозможным оставлять его доле цензором; а потому предоставило мне покорнейше *просить* ваше превосходительство *просить* к себе статского советника Драшусова и от имени главного управления цензуры *предложить* ему подать просьбу об увольнении его от службы. Редактору же журнала «Развлечение» главное управление цензуры просит вас, м. г., за помещение в сем журнале столь большого числа неодобрительных статей сделать *предварение*, что если сие издание останется при нынешнем направлении, то подвергнется запрещению.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

вашего превосходительства покорнейший слуга

Н. Муханов.

№ 429.

2 апреля 1860 года.

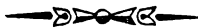

〈ТИМАШЕВ и ДУБЕЛЬТ〉

Что же Тимашева не делают графом? Поскорей бы... ему смертельно хочется, у него *бешенство карьеры* открылось, дать ему графа, он года на два уймется и не будет из кожи лезть, открывая лужинские заговоры *, и не будет с озабоченным видом говорить: «Je tiens dans mes mains les fils d'une conspiration immense!»¹ Дубельт обидится, ну его — князем. Светлейший Леонтий Васильевич, князь Дубельт-Бенкендорфский! Нет, не Бенкендорфский, а князь Дубельт-Филантропский. Он в апреле месяце нынешнего года даже императрицу тронул своим попечительством о каких-то бедных девушках (зри «Моск. ведом.») *. Он и прежде был страшный филантроп и тоже по части бедных девушек, воспитывавшихся в театральной школе Гедеоновым и им.

---

¹ «Я держу в руках нити громадного заговора!» (франц.). — *Ред.*

РЕЛИГИОЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ «СПБ. ВЕДОМОСТЕЙ»

Журнал не может существовать без мнения, без партии — только мнение и делает из него живую личность, только оно и дает ему нравственную силу. Кто не знал, *кто такое была «С. пчела»* в блаженные времена Николая Павловича, Николая Ивановича и Фаддея Венедиктовича *.

Нюансы журналов можно было различать даже в те времена, когда черная тень Николая широко отбрасывалась на Россию, тем паче в наше время *прогресса*.

Какое же мнение, какую тень, какой нюанс представляют «СПб. ведомости»? Долго отыскивая, мы пришли было в отчаяние: не за что ухватиться, в них нет ни свирепо-православного характера «Маяка», ни англобесия, ни галломании, ни основательно-тупого доктринаризма других московских и петербургских журналов и газет.

Но вдруг мы поняли, что «СПб. ведомости» — орган католической пропаганды в схизматической России, орган иезуитов и папы. Только с этой точки зрения можно объяснить отвагу, с которой «СПб. ведомости» поместили похвальное слово Ламорисьеру * — отступнику всех знамен, легитимисту, орлеанисту, республиканцу, палачу Июньских дней, тройному изменнику, называя его Баярдом, героем, не знаю чем! Иезуиты, так иезуиты, оно скверно, но все же лучше быть чем-нибудь, нежели ничем. По крайней мере по старой шутке, цитированной Гегелем, что «дурная погода все же лучше, чем если б совсем погоды не было».

Но мы не долго оставались в заблуждении.

Какой иезуитский орган? Ламорисьер-Баярд. Но Гладстон — «бесспорно первый оратор нашего века» *, и «Ведомости» с про-

тестантским восторгом и англومانским умилением выписывают две колопны риторического *fatras*¹ (вроде Бунцена и К-нии), сказанного Гладстоном в Единбургском университете. По этому поводу преподобные «Ведомости» подхваляют английское благочестие, состоящее из лицемерства, отвратительного для всякой здоровой натуры.

«Ученые, кто бы они ни были — диссиденты или низкие, высокие, широкие церковники (*low, high, churchmen*) *, со всевозможными подразделениями — остаются верными этому направлению. Христианский дух проникает все их произведения, всё их исследования; германский рационализм им чужд; никогда не заподозрят они действительности и истинности откровения; и светлая, критическая, но никак не скептическая наука доставляет им только новые, богатые материалы для возведения великолепного здания божественной истины».

Но потом мы усомнились точно также в кальвинизме и пуританизме схи-ведомостей.

Взяв книгу какого-то поврежденного француза * в доказательство, как англичане религиозны, они соглашаются с ним, что *разумом до понятия о боге не дойдешь* * (это-то и называется атеизмом!), что познание бога *единого* «*есть исключительный* результат откровения Аврааму. И если мы с детства привыкли смотреть на Авраама как *на друга* божия с любовью и уважением, то нам не мудрено понять, что этой *почтенной* личности *бог доверился*». Это дружеское доверие пришлось ему не даром.

Минуй нас пуще всех печалей

И барский гнев и барская любовь *.

«Подобно всем друзьям Божиим, он должен был выслушивать, как называли его безверным и атеистом; а в наше время его сочли бы *безумцем* за одно намерение убить своего сына. Верою своею приведен был Авраам к этому особенному откровению, а не инстинктом, не отвлеченным размышлением, не восторженными видениями» *.

Выписавши эту нелепость о *почтенной* личности Авраама, о его коротких сношениях с богом и о том, что бог ему *доверил-*

¹ вздора (франц.).— *Ред.*

ся, «Ведомости» даже и не заметили, что, сломи себе шею Авраам до приязни с богом, мы бы и понятия не имели о его друге.

Разве издатель «СПб. ведомостей» не знает, что если он сидит дворником при современности с метлой в руках, то это для того, чтоб отгонять грязь и сор, а не загонять их в «ледактурскую» яму.

Пора подумать и о том, что при дикой нетерпимости в делах религии, защищаемой синодом, сенатом, ценсурой, квартальными и попами, в светском журнале не следует помещать богословских статей. Не только эти безответные статьи не деликатны, но они не нужны, их никто не просит, и, еще больше, их никто не читает.

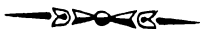
Мы хотя и уверены, что большая часть читателей «СПб. ведомостей» не поверит, что во *всех* отраслях знания в Англии преобладает изуверство *, но как противуядие против ужаливания английских фарисеев и их гезелей ¹ мы рекомендуем с своей стороны «History of civilisation in England by H. T. Buckle» — труд добросовестный, ясный, глубоко задуманный и в котором искры нет пиетизма.

Его нет ни у Грова, написавшего свою превосходную книгу «О соотношении физических сил», ни у Дарвина в его «Об образовании видов в животном и растительном царствах (On Species)», ни у Д. Стюарта Милля, ни у Фарадея.

Отче издателю, будьте от мира сего. Вам-то не за что злословить на него.

---

¹ подручных (нем. Gesell).— *Ред.*

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

〈ЗАКЛЮЧЕНИЕ К СТАТЬЕ

«Г-н ИЗВОЛЬСКИЙ — УПРАВЛЯЮЩИЙ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИЕЙ»〉

Принимая на себя тяжелое бремя обличения злоупотреблений в стране, совершенно не привыкнущей к гласности, мы очень знали, что две вещи неизбежны — ошибки в доставленных сведениях, грубый тон поправок. Легко говорить о фактах и доказательствах! Возможны ли они не только нам, но редакции «Теймса»? Есть нравственное убеждение, правдоподобие в изложении, в обстоятельствах описываемых происшествий, словом, есть вероятность, что факт справедливый, — но как бы сильна ни была вероятность, все она не полная юридическая достоверность. В этом случае у нас одно оружие — искренняя готовность помещать ответ; почему же, пользуясь ею, защитники считают нужным так бесцеремонно обращаться? Не знаем... принимаем этот тон за одно из горьких последствий нашей чистой, изъятой всякого лицепрятия службы истине и России — и передаем его на суд наших читателей...

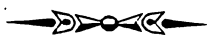

ЕЩЕ ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ

Занимаясь высочайшими награждениями, повышениями, благоволениями, которые струятся на *Гедерштерна* (не надобно смешивать его с *Нордштремом, это другой*) и на вдовствующего начальника III отделения *Леонтия Дубельта*, мы проглядели было пожалование в тайные советники *Ульрихса*.

Что же такое *Ульрихс*? Эта фамилия напоминает нам молодые годы, университет, всеобщую историю Шрека и доброго

гелертера Юлия Ульрихса, читавшего нам о Юлии Цезаре. Но это не он, а его сын Федор Юльевич. Он не любит древнюю историю, а самую новейшую и изучает ее по источникам — по письмам, *еще не дошедшим по адресу*. Почтовое ведомство, надобно ему отдать полную справедливость, дало всевозможные пособия ученому предприятию подпечатывания писем и даже приставило при Ульрихсе разных адъютантов *ès lettres desachetées*¹ * под приличным, хотя и бессмысленным названием *ценсоров, знающих иностранные языки*. Не видя им никакой награды, мы решаемся представить и их к повышению: 1) д. ст. сов. Ивана Федоровича *Вейрауха*, занимающегося *хирургией* этого дела и делающего операции, без повреждения и следов, 2) ст. сов. Петра *Витте*, 3) Алекс. Мартыновича *Домбровского* (из лицейстов!), 4) Вл. Федор. *Шора* (кандидата Московского университета!). Сверх того, не надобно забывать и более скромные услуги их юнейших помощников: Ивана *Прокофьева*, Франца *Гольмблата*, Павла *Мазнера* и Дмитрия *Штера*. Да помянет их государь император в Царском Селе своим и ныне, и присно, и в будущее трехлетие! Аминь!

КНЯЗЬ А. Ф. ГОЛИЦЫН

С каким невыразимым и искренним удовольствием прочли мы, что *наш* Голицын junior, член-инквизитор следственной комиссии, судившей нас в 1834 *, сделан председателем следственной комиссии, судящей в 1860 харьковских студентов — через 26 лет!.. * Это постоянство занятий, направления в высшей степени почтенно — и, должно быть, сверх того, очень здорово, Салвотти, пытавший в двадцатых годах друзей Гонфалоньери и Сильвио Пеллико, пытал их сыновей в 1849, и, вероятно, пытается теперь внучат их. Все политические хирурги (не говоря о Пеликане) два века живут; даже у Шиллера в Дон-Карлосе инквизитор представлен столетним старцем — слепым и седым *.

¹ распечатанных писем (франц.).— *Ред.*

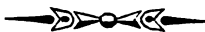

〈РУССКИЕ МАТРОСЫ В ВИЛЛАФРАНКЕ〉

¿ *Правда ли*, что русских матросов в Виллафранке истязают самым бесчеловечным образом *, не стыдясь даже близости сардинских и французских офицеров? * Правда ли, что один *русский немец* * не только наказывает линьками и собственным *фамильным перстнем*, но открыто говорит, что с этой бестией русским солдатом нельзя иначе обходиться? Константин Николаевич, бога ради — *правда ли это?*

〈ПРАВДА ЛИ, ЧТО ДОНОСЧИК ЛУЖИН ОТДАН ПОД СУД...〉

¿ Правда ли, что доносчик Лужин * отдан *под суд* за превышение власти и за нанесение побоев арестанту? Не может быть, до этого смысл справедливости не может идти в правительстве, коего часть (и очень длинная) — *Панин*.

РОЗГИ ДОЛОЙ!

Мы хотим сделать очень простое и очень возможное предложение образованному меньшинству дворянства, — предложение, не влекущее за собой ни ответственности, ни опасности. Мы предлагаем ему составить:

СОЮЗ ВОЗДЕРЖАНИЯ ОТ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ

Степень образования этого меньшинства, его поведение в губернских комитетах, его совершеннолетие, выразившееся в желании самоуправления, — все это несовместно с диким битьем и сечением крепостных. Во времена неразвитости и патриархального зверства совесть наказывающего была до некоторой степени чиста, он верил, что это не только его право, но думал, что это его долг. Теперь этому никто не верит, всякий знает теперь, что наказание без суда, из личных видов есть своекорыстное употребление права сильного — такая же пытка, как стеганье лошади. Крестьян и дворовых бьют исключительно и единственно из денежных выгод и мелких удобств.

Правительство не может препятствовать и не будет такому *отрицательному* союзу... Правительство не вменяет дворянству в обязанность *сечь крепостных*. Оно только дозволяет и отечески помогает, когда помещик сам выбивается из сил или когда *вбивает* в силу мужика.

Пусть помещики подумают, что сечь и так остается не долго, вслед за нелепостью переходного состояния придется поневоле расстаться с розгой... не лучше ли же добровольно отказаться от нее? Бросить розгу, так, как французское дворянство 4 августа бросило в огонь свои феодальные грамоты *.

Отказаться от права сечь в виду черкасской партии, в виду Самарина и Милютина, воссоединенных с Черкасским *, благо-родно. За кого, в самом деле, вас принимает правительство, думая, что вы требуете для себя прав человеческих и хотите сечь без суда, — и это в то время, когда само правительство начинает ограничивать в военной службе побои?

Пусть в каждой губернии три-четыре помещика дадут между собою *честное слово никогда* не прибегать к телесным наказаниям, никогда не допускать себя до побоев — этого довольно для начала. Само собою разумеется, что дело надобно делать не вполтину, мало не бить людей из собственных рук и не посылать их сечь... надобно запретить управляющим, старостам, дворецким, и запретить так, чтоб крестьяне знали, чтоб дворовые знали!

Не первый раз приходится нам стыдиться бедности наших требований... Да, многое надобно укротить в себе, многое заставить молчать, чтоб протянуть руку, прося как милостыню... чего?.. признания в себе и ближнем человеческого достоинства!

Но лишь бы голос наш не остался тщетным, лишь бы напомнить одним, надоумить других, что пришло время оставить палачество; лишь бы удалось на первый случай избавить несколько мужиков от истязаний и несколько помещиков от пятна.

Что помещики делали прежде, мы знать не хотим. На прошедшее мы закрываем глаза, многое делалось по неведению, по привычке, по скверному воспитанию, по безобразному примеру родительского дома... Амнистия, забвение и тут необходимы. Но три года тому назад положение изменилось; и с тех пор как вопрос об освобождении был поднят правительством, обсуживался в журналах, гостиных и передних, в столице и провинциях, *с тех пор нельзя быть честным и образованным человеком и бить своих людей.* (Разумеется, мы исключаем теоретических фанатиков розги, это поврежденные, они могут врать вздор и быть честнейшими людьми, как всякий сумасшедший.)

Давайте же друг другу честное слово не сечь ваших мужиков, составляйте не один союз, а сотни, в разных губерниях, в разных уездах. Не бойтесь пуще всего вашей малочислен-

ности, два деятельных человека, твердо идущих к своей цели, сильнее целой толпы, никакой цели не имеющей. Разве Уилберфорс, разве Кобден не начинали с трех-четырех человек, столковавшихся в клубе или в таверне?.. Ведь это одно самодержавие из своих видов лишает людей доверия к себе, на этой мнимой беспомощности покоится опека рабства; человек и слаб, как *искра*, и силен, как *искра*, если верит в свою силу и *вовремя* попадет в приготовленную среду.

Бросайте же подлую розгу и давайте друг другу ваши руки на *Союз против телесных наказаний!*

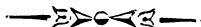

ПОБЕДА, ОДЕРЖАННАЯ ХРАБРЫМ ГЕНЕРАЛОМ МУХАНОВЫМ, ЧТО НА ВИСЛЕ

Муханов (не обер-фор-шнейдер) * дошел до своей цели, и *нимфа Эхо* Зимнего дворца отозвалась, как всегда, бессмысленно подтверждая все, чего требует самая тупая, самая трусливая, самая гадкая реакция: *Польское земледельческое общество закрыто!* * Это уже не только *pas de rêveries*, а *pas d'agriculture!* *

Однако Муханов человек известный, как Абрамович, как двадцать других мелких интригантов, сыщиков,— но справедливо ли его обвиняют? Да, видно, императорское эхо оттого и вторит так хорошо, *что хочет этого*. Кто же обвиняет кучера за то, куда едет барин? Стыдно, в самом деле, прятаться то за помешанного дядьку Панина, то за совсем сумасшедшего Горчакова-*Таврического*. Посмотрите свежие подседы, например, на *будущего* графа *Тимашева* — вот какие грибы тянет из русской земли солнце Зимнего дворца... а Лужин во время прогресса как воспитался — прежде был только неспособный полицмейстер, а теперь — бьет и доносит...

Но как бы то ни было, уничтожение *земледельческого общества в Польше* — одно из самых цинических и черных дел петербургского самовластья. Поляки делают превосходно, что не верят в чудеса Александра Невского *.

РУССКАЯ МУЗЫКА В ЛОНДОНЕ

Концерты кн. Ю. Н. Голицына имеют решительный, огромный успех, — со второго концерта обширная зала St. James Hall была полна *. Англичане были удивлены, увлечены и провожали треском и громом почти все пьесы. Эстетическое нашествие русских звуков идет от победы к победе. Концерты кн. Голицына чисто *русские* *, и в этом-то их серьезное значение. Богатая натура наша высказывается тут с своей мощной стороны. Наша музыка не является скромно просить внимания своей оригинальности и какого-нибудь гражданства — она врывается разом, вооруженная *Бортнянским и Глинкой*, заявляет себя энергически и самоуверенно под партизанским начальством искусного вождя!

По всему этому мы от всей души желаем успеха и успеха русским концертам кн. Голицына. И тем больше, что кн. Голицын ими начинает новую жизнь — из камергеров он делается художником. До сих пор он жил, как все русское барство, чужим трудом, значением по службе и царской милостью; теперь он начинает, как всякий независимый артист, жить своим трудом, значением своего таланта; высочайшее благоволение заменится рукоплесканиями свободной аудитории, а крестьянский оброк — платой за билеты.

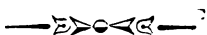
Мы приветствуем князя на этом *человеческом* поприще; путь этот, может, и не так легок, но воздух, который веет на нем, необыкновенно чист.

Пример кн. Голицына очень ко времени. Это своего рода *memento mori* ¹ для невских «князей, бояр и воевод». По несча-

---

¹ помни о смерти (лат.).— *Ред.*

стию, пример его труден. Тут недостаточно иметь *хорошее ухо* — но выработанный талант. А то у *будущего* графа Тимашева ухо есть, и превосходное, но концерта с князь Васильем Долгоруким он не даст. Для концерта надобно в себе *доносить* искусство до совершенства, а не делать несовершенные доносы из западни III отделения. Правда, Тимашев прежде хорошо рисовал карикатуры *, ну да это *tempi passati* ¹.

А. С. ХОМЯКОВ И АВСТРИЯ

Московское *императорское* общество любителей словесности, окончив любопытную и длинную междоусобную войну Селиванова и Лонгинова *, занялось внешней политикой. Оно послало одному ученому чеху диплом на звание члена *. В Австрии еще продолжаются николаевские времена, и чех должен был спросить позволение у k. k. Polizei о дозволении принять это невинное, как агнец, звание. K. k. Polizei спрашивала такую ж в Вене и объявила, что диплома *der sogenannten Gesellschaft* ² принимать не дозволяется. Всякий знает, что значит слово *der sogenante*, употребленное в этом смысле. Прочитав это в немецких газетах, мы так и ждали примерной мести творца «Дмитрия Самозванца» и «Ермака» * за оскорбление белого царя, святой Руси, первопрестольной Москвы — и не ошиблись. Досталось за бесчестие и вражьи наветы цесарцам, называющим *императорское*, да еще московское общество — *die sogenante*... Лонгинов напечатал об этом в «Московских ведомостях!» * С нами бог! Бог-то с нами — да языцы-то не разумеют по-русски!

---

¹ времена прошедшие (итал.).— *Ред.*

² так называемого общества (нем.).— *Ред.*

БЕРГ, МАГИСТРЫ И ТЕЛЕГРАФ

В Гельсингфорсе магистры, кончившие курс, хотели дать бал, как дают его всякий год. Берг, которого там не любят *, не был приглашен. Он тотчас за телеграф и к государю. Государь оставил друзей и маронитов *, и тотчас за телеграф. Бал был запрещен по высочайшему повелению. Берг торжествует и магистры тоже, потому что городское общество дало им бал. So stehen wir, wie die Ochsen am Berge *.

ПИСЬМО К ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ ЗИНОВЬЕВУ

Милостивый государь Николай Васильевич, у вас в тверском имении военная экзекуция, жандармский штаб-офицер Сименовский уродует стариков, вырывает бороды — а вы не допускаете к себе мужиков, жалующихся на мерзавца бурмистра Михайлова. В следующем листе «Колокола» мы поместим все подробности дела *. Теперь обращаемся прямо к вам, чтобы вы имели время спасти от окончательного разорения ваших крестьян.

Вспомните, что, не слушая просьбу и не допуская до себя просящих, вы даете дурной урок наследнику *. Призывая солдат и жандармов в деревню совершенно ненужно, вы даете дурной пример помещикам.

Авось ваш дворецкий не перехватит «Колокола».

Примите уверение в нашем искреннем желании помочь шим крестьянам.

Издатели «Колокола».

Лондон, 27 июля 1860.

ОФИЦЕРСКОЕ ЁРНИЧЕСТВО НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ

«Русский инвалид» рассказывает (разумеется, скрывая фамилию) ряд грязных, кабацких, ухарски-ёрнических проделок каких-то офицеров и других молодцов, останавливавших женщин и девушек на Тверском бульваре, целовавших незнакомых из-за пари и пр. Все это очень мило. Но разве в Москве нет военного генерал-губернатора, ни коменданта, ни обер-полицмейстера, наконец? Неужели по бульвару, идущему мимо обер-полицмейстерского дома, нельзя безопасно ходить? Прежде чем христиан от друзей защищать *, надо своих христианок взять под защиту от опричины.

Так мы еще не дальше ушли — так еще теперь ваша жена, сестра, дочь может быть оскорблена безнаказанно, если вы не принадлежите к аристократии, а ёрник защищен эполетами, аксельбантами, дядями и тетками.

Почему пет имен милых любезников, почему правительство считает себя обязанным прикрывать собою все нечистоты, прятать у себя за пазухой все гадости? Скрывать значит принимать на себя долю вины, сочувствовать — ни тени здравого смысла!

Эти строки были у нас написаны, когда мы получили письмо от неизвестного господина, сомневающегося в истине происшествий, рассказанных в «Инвалиде». Но сомневается он на странном основании: «Неужели, — говорит он, — *возможно* предполагать, чтоб кто-либо из гг. офицеров когда-либо мог забыться до подобного бесчинства?»

Отчего же это невозможно? Где, в каком уголке царства небесного или России живет автор письма, что считает это невозможным? Ну, а как же, возможно или нет себе представить офицера, который в публичном доме в Москве во время корона-

ции зарезал купца и *не был наказан за это?* Если мы не ошибаемся, его фамилья князь Долгоруков. Или он никогда не слышал о проделках de la bande joyeuse ¹ конпогвардейцев и других офицеров у Бореля? А как полицмейстер Огарев сѣк купца за то, что он написал любовную цидулку танцовщице, за которой ухаживал? *. Вы мало знаете Россию и мало знаете офицеров, В числе офицеров есть благороднейшая, прекраснейшая молодежь, на которую мы смотрим как на одну из самых лучших надежд России, это люди, испытавшие себя в Крыму и на Кавказе, развившию в себе человеческие понятия вопреки николаевских учебных заведений, люди энергии и деятельности, люди нравственного здоровья, спасшиися от статской сломанности и безумных нерв,— эти не пойдут на бульвар ёрничать.

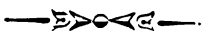
Но есть и другого рода офицеры, продолжающие традицию безумного цесаревича, стрелявшего для потехи дробью из окна в прачек, отдавшего на поруганье французенку-модистку, не склонившуюся на его предложения, каким-то одичалым разбойникам своей свиты, *убившим ее* *.

Отправляясь от такой ложной мысли, что нет возможности, чтоб были такие офицеры, корреспондент говорит: «Неужели правительство не заступится!» — за кого, вы думаете? За несчастных женщин? Нет — *«за обиженное звание!»* Помилуйте, да вы молитесь богу, что правительство хоть во что-нибудь не мешается. Требуйте от автора фамилий, нападайте на цензуру, что она не пропускает имен, но не зовите на помощь правительство. Своей помощью оно самое чистое дело сделает подозрительным. На статьи надобно отвечать не на гербовой, а на простой бумаге.

В заключение мы сами обращаемся, только не к правительству, а именно к тем благородным представителям военного звания, о которых говорили. Это их дело начать изгнание грубого, наглого ухарства, всех этих казарменных Алкивиадов и Дон-Жуанов из экзерциргауза. И то ли время теперь, чтоб вообще дурачиться,— туча над головой, духота!

---

¹ веселой банды (франц.).— *Ред.*

«ЗАПИСКИ» И. В. ЛОПУХИНА

Всякое правдивое сказание, всякое живое слово, всякое современное свидетельство, относящееся к нашей истории за последние сто лет, чрезвычайно важно. Время это едва теперь начинает быть известным. Времена татарского ига и московских царей нам несравненно знакомее царствований Екатерины, Павла. История императоров — канцелярская тайна, она была сведена на дифирамб побед и на риторику подобострастия.

Не думаем, чтоб в самой Австрии употреблялись когда-либо такие многосторонние меры, как у нас, чтоб скрывать и искажать исторические события. С одной стороны, правительство запрещает печатать о таких происшествиях, о которых все знают, о которых все говорят — в гостиных и передних, во дворце и на рынке¹. С другой — оно открыто лжет в официальных рассказах и потом заставляет повторять свою ложь в учебниках. Сначала ей никто не верит, но, боясь преследований, никто в этом не признается; потом события забываются, современники умирают, и остается какое-то смутное предание о том, что правительство исказило факт.

Отсюда общая уверенность, что правительство всегда говорит неправду, и сомнение в возможности знать истину. Разве целая Россия не была свидетельницей, что в продолжение нескольких лет после 1812 года правительство проклинали французов за сожжение Москвы, а потом то же сожжение стало ставить героизмом русских. Народ, само собою разумеется, не верит не только ни одной победе, ни одной реляции, но он не

---

¹ Бенкендорф рассказывал Кюстину в Петергофе подробности о революции 1762 и о смерти Петра III.

верит в естественную смерть императора Александра, его жены, цесаревича Константина, Дибича; о том, как отравился Николай, составила целая легенда.

Казалось, что в нашу эпоху *ожиданий и упований* можно было *уповать* и на то, что мы, наконец, узнаем историю последнего времени не по канцелярским Тит-Ливиям, а по документам, и действительно, оказались превосходные монографии, чрезвычайно интересные письма, записки. Половина материалов, присланных нам для нашего «Исторического сборника», явилась на свет в России. Словом сказать, дела и люди настолько усовершеншились, что Устрялов, писавший свою историю России по трафаретам министра Уварова и по мотивам Николая Павловича, стал издавать историю Петра по источникам *. VI том его истории испугал и был поводом к одному из замечательно нелепых циркуляров *. Цензорам не велели ничего пропускать *непохвального* о лицах, родственных к императорской фамилии и умерших после кончины Петра I. Мы имеем перед собой выпущенные места из записок Енгельгардта *, свидетельствующие, что обер-фор-шнейдер Муханов ловко внушил своим нидер-нах-шнейдерам, как исполнять кастрирование книг.

Чтоб не отстать от внутренней, иностранная цензура запретила «Записки» *Сиверса* *, книгу чрезвычайно полезную и писанную в совершенно умеренном смысле; та же участь постигла «Записки» *Толя* *. Мы знаем, что от этого не меньше экземпляров разойдутся в России, но тем хуже, зачем же они срамят себя, не думая, что их срам невольно отсвечивается на всю Россию.

Нечего делать, мы снова должны приняться за печатание в Лондоне «Исторического сборника» *. Документов, записок, писем у нас набралось довольно.

На первый случай мы издаем «Записки» Лопухина.

Лопухин представляет явление редкое. Тихий, честный, чистый, твердый и спокойный, он с своим мистицизмом и мартинизмом идет так непохоже, так противоположно окружающему морю интриг, исканий, раболепия, что это бросается в глаза не только генерал-губернатору Брюсу, но даже самой Екатерине, которая велит сослать его покаявшегося товарища, а его не велит *; Павлу, который вынес от него два раза

возражение; Александру, благодарившему его за превосходную записку о духоборцах *. Советником московской уголовной палаты Лопухин начинает свою карьеру тем, что склоняет сурового генерал-губернатора * по мере возможности уменьшать число ударов кнутом, а через двадцать лет с энергией отстаивает сперва духоборцев сенатором, ревизующим Слободско-Украинскую губернию, и убеждает государя остановить разбойничьи набеги на них хищной полицией и хищных попов; потом, возвратившись из Крыма, с такой же ревностью защищает Джантемира-Мурзу и его товарищей татар, которых невинно хотели отодрать кнутом и послать в каторжную работу. Своей горячностью в этом деле Лопухин заслужил *насмешки* сенаторов. «Еще вот что странно,— говорит он,— оправдание мертвого Каласа * читают с восторгами, а что свои беспокровные бедняки живые сидели в тюрьмах безвинно и пытаны — это дело кажется очень не важным, и сделается по нем что-нибудь разве потому, что уже нельзя иначе или когда нет никакой подпоры тем, которые теснили и пытали! Неужели оттого, что там Вольтер, Калас и Франция, а здесь Джантемир-Мурза, поселяне Мухин с Гласовым и русская Таврида?» (Стр. 163).

Во всей жизни И. В. Лопухина удивительное единство, он нигде не изменяет своего нравственного склада. Молодым советником он восстает против дикого гонения нищих Прозоровским и говорит по этому поводу:

Кстати о милостыне. Странно, как очень многие против ее умствуют. Главная тому причина, кажется, желание оправдывать свое нехотение подавать ее.

Правительству, конечно, нужно и должно стараться, чтоб нищие не шатались по улицам и по дорогам, однако такими средствами устройства, чтоб, во-первых, не было их, если то можно, и, наконец, чтоб, их переводя, не сделать вдвое несчастных, т. е. чтоб лишать людей сих единственного способа к пропитанию и притом еще с притеснением.

Но частному человеку, имеющему в сердце хотя искру любви к ближнему, как отказать ему в помощи, какая может быть в том ошибка? Что поданных несколько копеек иной пропьет? А ежели от сделанного посему отказа иногда человек должен будет сутки или больше терпеть голод или покуситься на преступление или замарает душу свою ропотом на судьбу, то каково должно это быть душе того, кто откажет, ежели в ней есть чувствительность истинного человеколюбия.

И мне случалось иногда отказывать, и с некоторою досадою, потому что просящий милостыни покажется мне пьяным; однако, признаюсь, я всегда очень рад бывал, когда в таком случае, воротив того, кому отказал, заслуживал ему и себя как бы наказывал дачею ему вдвое, говоря себе в мыслях: «Что! Разве ты сам не проступал никогда пределов трезвости, и разве бедному и подлинно крайнюю нужду имеющему не может случиться лишнее вынуть?»

Впрочем, я в себе расположение к милостыне никак не считаю добродетелью. Это во мне природная склонность, как в ипых бывает к разным охотам. Делать удовольствие людям всегда была страсть моя. Будучи еще ребенком, и нарочно проигрывал мальчику, служившему при мне, деньги, какие у меня случались, и любовался его о том радостью *.

Стариком сенатором он отвечает своим товарищам, говорившим ему *часто* по поводу голосов, которые он подавал, «ведь не будет же по-твоему» — «как будто надобно резать и грабить людей для того, что многие грабят и режут?» *

Странно встретить при столько хорошем развитии и гуманном закоснелое упорство Лопухина в поддержании помещичьей власти. Он не имел права на этот предрассудок в начале царствования Александра, и тут он невольно противоречит сам себе и от этого впадает в фразы. Он пишет, например, к императору, что стыдится слова «холоп», что желал бы, чтоб все русские были свободны, и с тем вместе говорит, что вторжение неприятеля было бы менее губительно, чем ограничение помещичьей власти *¹.

Распространяться о «Записках» Лопухина нечего, книга у читателя в руках; но в заключение нельзя не обратить внимания на один вопрос: откуда у Лопухина это единство, этот сознательный, верный себе шаг по дороге, однажды им избранной? Его странно видеть среди хаоса случайных, бесцельных существований, его окружавших; *он идет куда-то* — а возле, рядом целые поколения живут ощупью, впросонках, составленные из согласных букв, ждущих звука, который определит их смысл; из людей слабых, без отпора, людей азартных в том смысле, в

---

¹ Как в нем боролся помещик с человеком и мистиком, ясно видно в случае, который он рассказывает в первой части «Записок». Во время говения он разобрал и разобидел своего камердинера * и вдруг, опомнившись, бросился к нему в ноги и стал просить прощения.

котором так называют бескозырные игры; в их жизни есть внешняя необходимость, связь оглавления, табель о рангах и послужной список, но единства высшего порядка, связующей мысли, общего стремления — никакого.

Из пенящегося брожения *столбовых* атомов, тянущихся разными кривыми линиями и завитками к трону и власти, Лопухин был выхвачен своею встречей с Новиковым, своим вступлением в мартинисты. Ими пустое брожение, покорное стихийным силам, старалось вынырнуть, схватить в свои руки свою судьбу. Удачно ли или нет — все равно. Присутствие стремления и силы было неотразимо. Между мартинистами была человеческая связь, опора, круговая порука, обмен сил, и, как бы они мистически ни понимали и какими бы иероглифами ни заменяли ее, они стояли гораздо выше шаткой и бесцельной толпы *образованных* русских. Они жили задней мыслью, у них было сознание совокупного труда. Член союза, член тайного общества чувствует себя не одиноким сиротой, а живою частью живого организма.

И вот откуда нравственная сила Лопухина.

PANINIANA

Издав в свет жизнеописание графа Виктора Никитича Панина («Голоса из России», кн. VII) и видя, что он так же длинен во времени, как и в пространстве, мы решились в виде дополнения печатать время от времени наиболее любопытные черты его жизни (со включением в них и таковых же из жизни М. И. Топильского). Заглавие, нами избранное, вроде Scapoliаna, Jocrisiana, очень идет к нашему серьезному комику и председателю редакционных комиссий.

1.

Печатая лебединые песни редакционных комиссий в разных типографиях, Панин задолжал типографу *Деноткину* 1500 руб. Панин на платеж казенных денег туг. Он поставил себе за правило не брать в казначействе более 10 000 рублей даже и в тех случаях, когда надобно платить 100 000. Типограф просил, просил своего долга и наконец написал Панину письмо с надписью «*весьма нужное*». Красноречивый министр юстиции вообще не любит употреблять по-пустому речь человеческую и переписывается с другом своим Топильским и иными смертными, сидя с ними в той же комнате. Получив письмо Деноткина, Панин написал в нем следующую резолюцию: «Выдать 1500 руб. г. Домантовичу». Домантович — член редакционных комиссий. Секретарь, видя ошибку в имени, написал снова Панину, что деньги следует заплатить не Домантовичу, а Деноткину. Непогрешимый граф Виктор снова пишет: «Выдать Домантовичу 1500 р.». Г-н Домантович, не разделяя мнения Адлербергов насчет денежных *дусеров*¹, написал Панину, что он не может принять этих денег, потому что он ничего не сделал особенного, а занимался как и все прочие члены. Но министра юстиции не своротишь с дороги. Он снова написал: «Выдать 1500 р. Домантовичу, чтоб он заплатил Деноткину». Зачем г. Домантович не отказался?

---

¹ подачек (франц. *douceur*).— *Ред.*

ГЕНЕРАЛ-КУЛАЧНЫЙ БОЕЦ И ДЕТСКИЙ КИСЕЛЬ

Рассказывают удивительное дело, будто бы бывшее в полтавском кадетском корпусе. Кадеты не хотели ходить к какому-то плохому преподавателю. Явился генерал уговаривать, и, так как кадеты не шли, он схватил первого попавшегося и хотел его протолкать в залу; кадет его оттолкнул от себя. Тогда рукопашный генерал начал *кулаками бить* кадет в первой шеренге. Кадеты было бросились на него, но большинство старших остановило их и твердо высказало генералу, что они ему не позволяют драться, что он может их судить, на них доносить, но расправляться кулаками права не имеет. Генерал, которому дали дорогу, как-то сконфузился и, выходя, уронил фуражку. Тогда маленькие кадеты не могли удержаться, бросились на него в то время, когда он поднимал фуражку, и надавали ему пиньков, называемых у них *киселем*.

Но большие кадеты не хотели окончить дело этим детским десертом, они выбрали депутатов, чтоб довести дело до губернатора и до жандарма. Директор, чтоб затушить дело и запугать кадет, хотел и не сумел арестовать тех, которых считал самыми решительными. На это он употребил педагога по фамилии *Котельникова* (фамилии кулачного бойца и генерала в письме нет *, равно нет и числа). Юноши, привыкшие уважать педагогов, не носящих военного мундира, сдались на красноречивые фразы учителя и пошли под арест. Говорят, что из Петербурга приезжал какой-то следователь-немец и будто 13 человек кадет приговорены к отдаче в солдаты.

Если это преувеличено, то мы очень желали бы знать, что ж было и что сделали с генералом? В Англии и не такие бойцы водятся: давно ли Бенишия-Бой отличался с Томом Сейерсом?

Только королева их не делает директорами ни в Сандгорском военном училище, ни в Гриниче.

До тех пор, пока у нас все будут драться с подчиненными, грубить с низшими, до тех пор, пока розгу будут отстаивать с фанатизмом, пока ярыги будут останавливать женщин на Тверском бульваре *, а другие говорить непристойности в вагонах железной дороги, до тех пор у нас *многого не будет...* Кстати:

ПАЛЬТО МЕНЩИКОВА И РУБАХА МУРАВЬЕВА- ВЕШАТЕЛЯ

Месяц тому назад мы говорили об офицерском ёрничестве на Тверском бульваре *; недавно полученное нами письмо навело нас, во-первых, на *генеральское* ёрничество и вообще на всероссийское, чиновничье-помещичье.

Нам пишет знакомый из Висбадена: «Здесь Муравьев, министр, представьте себе, что он сидит у себя на квартире в одной рубашке перед окном на главную улицу». Кажется, беды в этом нет, и мы не имеем вовсе pruderie ¹, но беда в том, что это делается не просто от жара, а из ёрничества, а поэтому и не следует им спускать. Менщиков под солнцем Византии преет в пальто, чтоб показать фюрс *. Муравьев-Вешатель дрогнет в рубахе нынешним *зимним* летом, чтоб пофордыбачиться перед немками.

Выучитесь прежде у себя дома ходить без ливреи, курить на улицах сигары, а уже потом показывайте вашу развязность другим странам. А то ведь мы знаем, что «у вас в Швабии свой король есть!» *

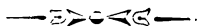
Русский чиновник в берлинской камере (писали в журналах) не хотел встать во время присяги, что ли... «Хвала тебе, свободы чадо!» Ха-ха-ха! а в Петербурге... а в департаменте перед начальником отделения... да что перед начальником отделения?... перед криком пьяного квартального — что сделает «свободы чадо»!

¹ ложной стыдливости (франц.).— *Ред.*

ПУГАЧЕВ И СУХОЗАНЕТ

Мы узнали новые подробности об обеде, на котором Булгаков предложил тост Пугачева *: одну, делающую величайшую честь Александру Николаевичу, и другую, не делающую никакой чести Сухозанету. Булгаков объяснил в *Тимашевке* (мы думаем, что III отделение можно так назвать), что он тост свой предложил, найдя неприличным тост за Унковского и пр. Когда это было доведено до государя, он сказал: *«Я думал, что это только глупая история, а теперь вижу, что она и очень подлая история»*. Эта сентенция вырвалась у государя, мы уверены, без совета Панина, без контроля Адлерберга *filiusque* ¹, без ведома Орлова. Далее хроника говорит, что Булгаков (которого *голос* арифметически упрочил розгу * в руках помещиков, их жен и дочерей) чуть-чуть было не слетел за это из статс-секретарей, но рука старца, ветхого деньми и слабого достоинствами — Сухозанета, поддержала его; а жаль, что не Булгаков стащил с собой старичка. Это была бы новая заслуга Пугачева.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ КАМЕРДИНЕРОВ

Мы советуем всей России проситься в камердинеры к кому-нибудь из огромного и невероятно увеличивающегося числа великих и малых князей и княжон, от цесаревича и наследника престола... до королевы нидерландской и супруга ее. Что может быть, например, лучше, как быть камердинером Николая Николаевича и супруги его?

Вот что случилось 30 июня (12 июля) на пароходе «Нева», шедшем из Петергофа в Петербург. Какой-то мерзавец буянил до того, что пассажиры просили шкипера унять его; но мерзавец объявил, что он камердинер в свите Николая Николаевича, и в силу того *приколотил шкипера*. На пристани свиты его высочества камердинер был отдан полиции и *приколотил* городского. Патрон его, узнав об его аресте, попросил запиской вы-

---

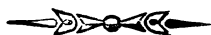
¹ с сыном (лат.).— *Ред.*

пустить камердинера; ну, его и выпустили. Каково уважение к закону у членов августейшей фамилии? Или добродушный Nicolas l'Oiseleur ¹ * не знает, что ударить шкипера во время плавания — преступление первой важности, да и что городских бить только позволяется частным приставам и разве камергерам, а не камердинерам.

ШАЛУИ МУХАНОВ

Едва Коваленский из Петербурга *, как Муханов, *что не на Висле*, запрещает писать против Главного общества железных дорог *. В циркуляре своем *нарезчик дичи* * особенно велит строго смотреть за статьями «Петербургских ведомостей» и в особенности Воскобойникова. Ах, князь Горчаков! Как вас совесть должна мучить, что вы подняли Муханова не на Висле, вот его и пустили в огород народного просвещения, он и пошел топтать литературу, журналы, гласность.

ЛУЖИН ВЕРНЫЙ

Лужин сошел с ума на доносах, ему так понравилась безнаказанность его гнусного поведения с несчастным Завадским *, что он теперь доносит направо и налево, сделался Майборода и Шервуда вместе *. Граф Тимашев им не нахвалится, князь Долгоруков им только и печалится. В уездном городе *Богодухове* окружной начальник *Иванов* осмелился не тотчас явиться к Лужину. Лужин послал за ним. Иванов велел сказать, что он только что воротился из уезда и, как разберет свои дела, явится к нему. Лужин за это обругал его, посадил под арест и велел помощнику принять должность, а сам донес государю, что он так распорядился потому, что *Иванов волнует народ, пуская в оборот вольные мысли*. Иванов подал прошение в палату — что-то выйдет из этого?

---

¹ Николай Птицелов (франц.).— *Ред.*

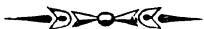
После того, господа, извольте служить в гражданской службе!

Бедный Дубельт! Зачем при нем не было такого Ивана, каков Иван Лужин.

ПРОСЬБА ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издатели «Колокола» просят покорнейше орловских жителей прислать им подробности дела милого шалуна *князя Кейкуатова*, не дававшего спуска своим дочерям и принимавшего всех крестьянок за своих дочерей. Мы слышали, что его расстригли из князей и послали в крепость, но товарищи по ремеслу хотят его как-то взять на поруки. Не может ли *г. Гутцейт* (тоже орловский помещик, насилующий детей * и, следовательно, оправданный русским судом) сообщить нам о своем эротическом соиздателе *князе Кейкуатове* — мы будем ему очень благодарны.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР!

Неужели это правда, что кейзер петербургский сближается с кейзером австрийским?...? * Неужели мы доживаем с нашими пятилетними надеждами до этого предела и до этой бесконечности позора?

Это уже не ошибка, не слабость, не Панин — это была бы измена, преступление... чем мы заслужили это? Несчастливая Россия! И так ей не отпустится ни одно унижение, ни одно поругание, ни даже *дружба* с Австрией?

Князь Горчаков, выйдите в отставку, если это так. Стачку немцев против России не должен скрепить своим именем русский; у нас есть довольно Адлербергов, Бенкендорфов, Гедерштремов и других Герштенцвейгов.

Министр для предания России на позор у них готов в семье — макро¹-министр великий герцог гессенский *, ему надобно же что-нибудь за куртаж.

Ха-ха-ха, два банкрота соединяются для составления такого капитала, чтоб подорвать кредит Европы... ха-ха-ха... не принять ли в пай неаполитанского короля, он стащил что-то из дворца, когда ехал в Гаету *. Купончик ему!

В мире нет, по было положения проще, яснее, как современное положение России относительно Европы. Ей дела нет до их внутреннего устройства. Ну что, с тех пор как в Неаполе перестали пытаться арестантов, меньше продают отравленной сивухи откушники? Или меньше будут ее продавать с помощью губернаторов, генерал-адъютантов и прочего откушного началь-

---

¹ от греческого — *большой*; а не от рыбы этого имени.— Пр<имечание> ред. <«Колокола»>.

ства, оттого что папу отошлют на срацинское пшено к Абдель-Кадеру или на португальские апельсины к испанской королеве?

— Да, это все так, но, но Венгрия!

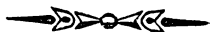
— Что же Венгрия?

— Да это уже близко к Польше.

Вот оно что. Кровь четвертованной имъ Польши подымается в их глазах всякий раз, когда в Европе освобождается народ!

Да неужели Польша жива? Какие обер-фор-шнейдеры резали ее, не Муханову чета: Екатерина, Фридрих, Иосиф, всё вторые и всё великие. *А ведь жива!* Что, Леди Макбет, вы не думали, что у этого старого народа так много крови?

И назначить местом союза немцев против славян — Варшаву! Нет, у них нет ни смысла, ни сердца, ни совести!

БОГОМОКРИЦЫ И БОГОСАРАНЧА

*Разбор основначертательницы сребромудрия преподобных
отец наших Башуцкого, Бурачка, Аскоченского*

Какой-то бельгийский доктор хвастался недавно, что изобрел средство готовить впрок живых людей, т. е. останавливать на пять, на пятнадцать, на пятьдесят лет жизнь; а потом, когда случится надобность, спустить машину, и все пойдет по старому... сердце — биться, глаза — моргать, пятки — чесаться. Прочитавши это, первая мысль, пришедшая мне в голову, была благодарность небесным силам за то, что бельгийский доктор открыл этот секрет после смерти Николая Павловича, а то, пожалуй, он бы его из в бозе почивающих сделал бы в бозе *проснувшимся*. В таком случае я тотчас поехал бы к доктору, чтобы он меня завинтил лет на тридцать и повесил на крючок у себя в подвале (разумеется, если нет в нем крыс).

Впрочем, нового тут ничего нет. В Лондоне, где все делается на обширную скалу, есть целые общества филантропические и религиозные вроде «Общества духовных особ распространения христианско-правственного по воскресениям чтения между недостаточными и не достигнувшими совершеннолетия прачками и швеями, преимущественно шотландского происхождения». Эти общества мало-помалу вянут, сохнут, исчезают с лица земли... И вдруг, когда меньше всего думают об них, лет через десять, двадцать, встает целое кладбище; пожелтевший президент садится на свое место, плешивые, седые члены, и все те же члены, собираются около него, и то же говорят, и пьют тот же тост за распространение христианского чтения между несовершеннолетними прачками, особенно шотландского происхождения, и

дряхлый секретарь дрожащим голосом читает имена несовершеннолетних прачек, которым ежегодно посылают с 1819 года «Путь пилигрима» Бупьяна и «капли росы из священного писания — dew drops!»¹.

«Теймс» очень удачно сравнил эти общества с мокрицами, которые остаются живыми под известью и штукатуркой и которые опять начинают шевелиться, когда штукатурка отпадает.

Чего в Лондоне не делается — нам приятно, что в Петербурге всякие мокрицы начали смертию смерть попираť и являться даже в трещинах Зимнего дворца, и именно на половине ее величества. А еще и того приятнее поражает нас то, что ни могильная сырость, ни гниль монастырских склепов не лишает наших мокриц ни народности, ни родных привычек.

В Англии все эти пиетические, филантропические и просто тропические крустацей* оживают не только бескорыстно, но еще приплачивают свои деньги для перевода пророчеств Исаии на сандвичский язык для тамошних швей (несмотря на то, что там дамы ничего не носят, а мужчины — один пшурочек), для посылки Reverend so-and-so², с женой и детьми, для внедрения истинного библейского образования гон-лулуским прачкам. А наши-то родные, только что из могилы, пошли бить по карманам. Это вместе *мокрицы* и *саранча*.

А надобно признаться, славное изобретение — воскресать, а если удастся воскресать *по-русски*, то и очень прибыльное.

Я, например, был уверен, что умру спокойно, никогда не услышавши об А. Башуцком (*сыне*, об отце я всегда готов был слушать анекдоты*), а еще меньше о Бурачке, о морском, православном, маячном Бурачке*. И вдруг А. Башуцкий, краснобай и чуть не статс-секретарь, издатель «Наших»*, пекшийся о детских приютах, как о *своих**, желавший поступить в ангельский чин, но принятый там за *чужого**, и Бурачок, подводный камень веры и ее маяк, друг Зеленого «*по прозванью Бурачок*»*, — живы; да и Аскоченский, о котором я прежде ничего не слышал, тоже опять жив³, и не только живы, но засели на

¹ капли росы (англ.).— *Ред.*

² преподобного отца такого-то и такого-то (англ.).— *Ред.*

³ Скромный, но благоуханный цветок, выращенный при Киевской духовной академии и расцветший стараниями благочестивого Дмитрия Гавриловича Бибикова*.

большой дороге в рай господень, да кто ни идет, будь он жид или немец: «*Шесть копеек, или крест в зубы!*»

Мы уверены, что у читателей сейчас в голове Башуцкий Ринальдо Ринальдини, Карл Моор «по прозванию» Бурачок и Стенька Разин Аскаченский с толпой киевских иноков, убивших в вертограде плотских сестер некоего любострастного мытаря (см. «Кол(окол)», 47) * и отказавших в неводе для спасения тонувшего офицера (см. «Кол(окол)», 57-58) *. Успокойтесь, наш век совсем не такой век — век гласности и акций. Они просто, видя, что дела идут плохо, предлагают императрице завести *торговый дом благочестия*, учредить нечто вроде *ставропигиального* откупа для распространения, укрепления и поддержания православия; при центральном оптовом подвале в Петербурге, где будет духовный Бернардаки, заведутся и в других городах питейные дома слова божия и выставки неподслащенных и очищенных даров св. духа, и вся эта благодать устроится за бездельное право *обложить всю Россию шестикопеечным побором с души* сверх добровольных дателей, которые по службе должны быть увлечены примером императрицы и наследника!

Св. Игнатий Лойола, моли бога о нас!

Чужестранче, шпанские земли угоднику, моли бога о нас, бедных!

А. Башуцкий в толстой промемории, представленной им императрице и малолетнему сыну ее, говорит, что, видя приближение «празднества тысячелетия государства российского», и он вздумал с своей стороны поставить *памятник* «самый приличный и богу приятный, России полезный».

Действительно, памятник недурен. Представьте вы себе сеть духовной полиции светского звания, которой генерал будет в Петербурге под особенным покровительством императрицы, а агенты будут везде. И какие агенты — не жандармы, которых все боятся, не полицейские, от которых все прячутся, а таскающиеся по миру богомольцы, праздношатающиеся изуверы, шныряющие по деревням, толкующие со старухами и бабами!

Это уже не тимашевская полиция с сыщиками вроде Лужина и всеми этими баронами и отставными штаб-ротмистрами с усами и с бриллиантовыми булавками, от которых пахнет на

пистолетный выстрел III отделением; нет, это истинное осквернение избы и церкви, надзор за совестью каждого крестьянина, разрушение последнего убогого уголка жизни независимой, куда не заглядывал ни становой, ни окружной, которых оставляла неприкосновенными самая церковь наша, не имеющая раздражительной римской нетерпимости.

Заметьте, что уже промемория толкует «об унижении религии *литературой*, о презрении *науки* к ее авторитетам, о *научении* всех классов и даже народа (уже читающего в множестве периодические издания), что все, что касается веры и благочестия, чуждо интересам современного движения» и что это есть «опасность великая, неотстраняемая никакими в мире научными и материальными успехами».

На дикое и глупое вмешательство выжившего из ума митрополита Григория указано в записке как на необходимое последствие паучного растления.

Что, господа, запахло Соловецким монастырем, покаянием, епитимьей?..

Но не унывайте и тут.

Тинистая топь церковно-иезуитской риторики не скрывает главной цели, да и автор не настолько усвоил себе надмогильный покой, чтоб с равнодушием говорить о мольбу точимой части проекта. Совсем напротив, автор становится как-то взволнован и одушевлен, приступая к лепте вдовицы и динариям вдовцов.

Цель проекта состоит в ежегодном сборе 4 183 813 р., кроме частных пожертвований. Как только автор доходит до этого щекотливого предмета, он боговзывает:

Но как, откуда иметь средства? А они должны быть *весьма обширны и постоянны*. *Создавать стоит*, не имея материала, идти в отпор *десяти тысячам с десятью* — не в разуме мудрости *евангельской*.

Итак, средства денежные — вот *первый* вопрос. *Средства денежные*, — продолжает он, — по обширности и требованию постоянно неоскудевающего притока их, очевидно не могут быть доставлены никаким ведомством, ни всеми ведомствами правительства совокупно, ни частными пожертвованиями тех богатых лиц, которые сохранили бы в себе весьма редкое ныне желание постоянно и много жертвовать на дело веры и благочестия. Такие средства могут быть доставлены только *целым государством*, т. е. *всем народом русским*, так как и дело это есть дело для *всего народа, для целого государства* в высшей степени необходимое.

Ввиду пользы всеобъемлющей, всесодержащей и всех польз превысшей, стесняться, *устыжаться некоторых суждений*, мнения некоторых учений, партий или лиц, понятий утилитарного и *прогрессистского стана* — было бы прямо сказанное самим Спасителем «постыдиться его пред родом прелюбодойным и лукавым».

Народ, справедливо призываемый к денежному содействию на содержание предметов жизни внешней, конечно, необходимых, как, например, дорог, каналов, постоев, почт и пр., законом неотложно к сему *обязанный*, строгому, неуклонному взысканию подвергаемый, по каким убеждениям, на основании каких умозрений или научных начал, не может быть не обязан, а *спрошен и вызван* к невынужденному, но к прямо свободному, добровольному, и только при большинстве добровольий (т. е. только по согласительному решению *всем миром русским*) к *обязательному* уже для меньшинства пожертвованию на дело важнейшее жизни внутренней, которым и все другое в государстве должно необходимо двинуться к здравью и процветанию? (*Что за слог!*).

Дело это должно быть *добровольным делом всего народа*. Следовательно, народ должен быть спрошен, приглашен к нему; оно должно быть объяснено ему так просто, кратко, чисто, как есть в существе своем, когда не затемняется мудрованиями лживой философии. *Приглашение, воззвание* должно истекать от высокого, ничем в мире *неподкупного*, несовратимого, искреннего хотения народу блага, от лица, которое всеведомо народу, ничего иного желать ему не может; от сердца истинно материнского; от мысли истинно православной; от воли сильной в добре и от сильной в деле руки; от разума христианского, а потому не лживого.

Мы желаем выразить сим, как дерзаем думать то, что ее императорскому величеству, истинно благочестивейшей и народом благоверным *воистину любимой* супруге императора православного подобает быть началом, главою, душою и двигателем дела сего, присоединив себе в содействователи непосредственного, ближайшего и главного распорядителя — его императорское высочество государя наследника цесаревича.

О форме возвания, об изложении его, объявлении, распространении, заявлении народу, о благословении его не только синодом, но хотя бы и собором всех патриархов восточных (*кем ни попало, лишь бы до в-копеечного сбора дойти!*), о мирском собрании согласий и пр., и пр. здесь излагать и неуместно и преждевременно; дело истины внушится, управится, обработается удобным пособием самой истины сей.

Воззвание, изложив кратко и внятно великие убеждения эти, с благословения церкви, только *предложит* народу русскому заявить *всемирным судом своим*: желает ли или не желает он, в вечное, истинное благодарение тому *богу*, которого мы преискренно и необманчиво всегда считаем *«с нами»*, в всемирное благодарение за все благое, уже приятное нами, за все благое, к приятию уготовляемое, и в всенародное, вечное же, молитвенное прошение о благословении богом на успех для пользы истинной всего начинаемого,— пожелает ли народ, во сви-

детельство сих чувств, создать не роскошный и дивный памятник искусства, но на тщеславие наше и на удивление света, но сознательно, добровольно и на все времена существования России принести и постоянно приносить от каждого из сынов и граждан ее, как лепту вдовицы, ничтожное пожертвование, господу угодное, а потому для России всепесомненно истинно славное, воистину честное, великое и необманчиво полезное навсегда и во всем полезное. Вот что спросится у народа.

Сомнения настоять не может, за исключением мудрователей лживых не из народа, малейшей развее частицы его, недостойной ни имени русского, ни великого звания.

Весь мир русский (мы, не обинуясь, не исключаем и раскольников) громко и радостно откликнется, как один человек, согласием и крестным знамением на призыв этот, благословляя имя благочестивой начинательницы дела великого по сердцу божию! Свободно равные, в свободно обязательной жертве сей от царя до последнего подданного, кто откажется ввергать ежегодно только *шесть копеек* в сокровищницу, из которой имеет истекать для страны истинное благо?

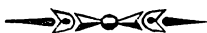
Пожертвования особенные, усиленные добровольным желанием по состоянию, положению, участию, живейшему сочувствию и призванию, отвергаемы, конечно, быть не могут. Но здесь говорится лишь об этом общем, *всемирном русском приношении*.

По официальным сведениям за 1856 год общее число народонаселения империи составляло: 69 730 231 челов., а за исключением царства Польского (4 790 379) и княжества Финляндского (1 639 977) — 63 306 975 человек. Означенное ежегодное *приношение*, одному лишь народу православному сродное, возможное и вполне достойное его, составит в последнем случае: 3 798 418 р., а в первом, т. е. считая всех, как и следует, ибо все суть граждане одной империи и братья одной семьи, — 4 183 813 р. ежегодно.

Научное мудрование, конечно, назовет это *налогом прямым*, и в настоящее время неудобным. Но при изложенной выше форме *возвращения*, при согласии и желании народа, знающего, на что именно он свободно жертвует, а не вносит по неперемennomу требованию, никакая научность не может изменить сущности христианского *приношения* в податной *налог*.

Итак, от трех с двумя третями до четырех с лишком миллионов рублей ежегодного, неиссякаемого никогда дохода — вот возможное *денежное средство* для осуществления предприятия великого.

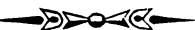
Достаточно! Отвернемтесь от этой печальной попытки — сделать новый подбор для новых цепей бедному русскому народу. Мы убеждены, что при всех пиетистических наклонностях императрицы она не станет во главе шестикопеечного сбора на постройку духовного Цвинг-Ури!

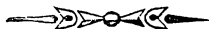
CRAB AND LOBSTER¹

Что такое *Краббе*, поступивший на место Метлина? Правда, *Краббов* из моря достают, но зачем же их делать министрами? Говорят, что даже грешный старичок Менщиков * рассердился на Константина Николаевича, что он посадил Краббе на его место. Менщиков сам употреблял его... но по большей части как фельдъегеря и адъютанта, — роли переменялись!

〈ТИХОЦКИЙ〉

Имя кулачного бойца и генерала *, тузящего полтавский кадетский корпус (см. «Кол.», № 80), *Сергей Егорович Тихоцкий*. Поди! И не ждешь от такой скромной фамилии столько прыти!

ТИРАНСТВО СИБИРСКОГО МУРАВЬЕВА

Дело Беклемишева и Неклюдова * открыло нам такое обилие поклонников сибирского Муравьева, что мы даем им новый случай показать свою преданность и, если можно, объяснить *человечески*, почему *по отъезде* Муравьева *Петрашевский* был схвачен и сослан на поселение за Красноярск, верст 40 от Минусинска? *

¹ Краб и Омар (англ.). — *Ред.*

Неужели у графа *Амурского* столько *ненависти*? Неужели прогрессивный генерал-губернатор не понимает, что вообще теснить сосланных гнусно, но теснить политических сосланных времен Николая, т. е. невинных, преступно? Если же он не может с ним ужиться, то благороднее было бы, кажется нам, просить об переводе Петрашевского в Западную Сибирь, на Кавказ или куда-нибудь.

ЛИШНИЕ ЛЮДИ И ЖЕЛЧЕВИКИ

...Онегины и Печорины были совершенно истинны, выражали действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный тип *лишнего* потерянного человека — только потому, что он развился в *человека*, являлся тогда не только в поэмах и романах, но на улицах и в гостиных, в деревнях и городах...

...Но время Онегиных и Печориных прошло. Теперь в России нет лишних людей, теперь, напротив, к нашим огромным запашкам недостает рук. Кто теперь не найдет дела, тому пенять не на кого, тот в самом деле пустой человек, свещ или лентяй..

«Колокол», 1859, л. 44

Эти два разряда лишних людей, между которыми сама природа воздвигла обломовский хребет, а генеральное межевание истории вырыло пограничную яму, именно ту, в которой схоронен Николай, постоянно смешиваются. А потому мы хотим, с катоновским пристрастием к делу побежденных *, вступить за стариков. Лишние люди были тогда столько же *необходимы*, как *необходимо* теперь, чтоб их не было.

Ничего нет плачевнее, как середь возникающей деятельности, неустроенной еще и угловатой, но полной стремлений и начинаний, встречать этих оторопелых, нервнорасслабленных юношей, теряющихся перед упругостью практической работы и чающих дарового разрешения трудностей и ответов на вопросы, которые они никогда ясно не могли поставить *.

Мы этих вольноопределяющихся в лишние люди отводим,

и так, как французы признают истинными гренадерами только *les vieux de la vieille* *, так мы признаем почетными и действительно лишними людьми только *николаевских*. Мы сами принадлежали к этому несчастному поколению и, догадавшись очень давно, что мы лишние на берегах Невы, препрактически пошли вон, как только отвязали веревку.

Себя нам стало нечего защищать, но бывших товарищей жаль, и мы хотим оборонить их от следующего за ними выпуска больных из николаевского лазарета.

Нельзя не разделять здоровый, реалистический взгляд, который в последнее время в одном из лучших русских обзоров * стал выбивать тощую, моральную точку зрения на французский манер, ищущую личной ответственности в общих явлениях. Исторические слои, так же худо, как геологические, обсуживаются уголовной палатой. И люди, говорящие, что не на взяточников и казнокрадов следует обрушивать громы и стрелы, а на среду, делающую взятки зоологическим признаком целого племени, например, *безбородых русских*, совершенно правы.

Мы только и желаем, чтоб николаевские лишние люди состояли на правах взяточников и пользовались бы привилегиями, дарованными казнокрадам. Они это тем больше заслужили, что они не только лишние люди, но почти все люди умершие; а взяточники и казнокрады живут, и не только в довольстве, но и в историческом оправдании.

С кем тут сражаться, над кем смеяться? С одной стороны упавшие от утомления, с другой — помятые машиной; винить их за это так же не великодушно, как винить золотушных и лимфатических детей за худосочие их родителей.

Серьезный вопрос может быть один: точно ли эти болезненные явления были обусловлены средой, обстоятельствами?..

Кажется, в этом сомневаться трудно.

Нечего повторять о том, как туго, тяжело развивалась Русь. Кнудом и татарами нас держали в невежестве, топором и немцами нас просвещали, и в обоих случаях рвали нам ноздри и клеймили железом. Петр I таким клином вбил нам просвещение, что Русь не выдержала и треснула на два слоя. Едва теперь, через полтора года лет, мы начинаем понимать, как раздвинулась эта трещина. Ничего общего между ними: с одной сто-

роны — грабеж и презрение, с другой — страдание и недоверие.) С одной стороны ливрейный лакей, гордый своим общественным положением и надменно показывающий это; с другой — обобранный мужик, ненавидящий его и скрывающий это. Никогда турок, резавший, уводивший женщин в гаремы, не теснил так систематически и не презирал так нагло франка и грека, как шляхетская Русь — Русь крестьянскую. (Нет примера в истории, чтобы единоплеменная каста, взявшая верх, сделалась бы до такой степени чужестранной, как наше служилое дворянство.) Ренегат всегда доходит до крайности, до нелепого и отвратительного, до того, наконец, чтоб сажать человека в тюрьму, потому что он, будучи литератором, *одевается по-русски* *, не пускать его в трактир, потому что он в кафтане и подпоясан кушаком. Это колоссально и напоминает индейскую Азию!

На окраинах этих дико противопоставленных друг другу миров развились странные явления, указывавшие в самой сломанности своей на потаенные силы, которым неловко, которые ищут другого. Сюда принадлежат на первом плане раскольники и декабристы, а потом все западники и восточники, Онегины и Ленские, лишние и желчевые люди, — все они, как ветхозаветные пророки, были вместе протестом и надеждой; ими Россия усиливалась отделаться от петровского периода или переработать его в свое настоящее тело и в свою здоровую плоть. Эти патологические образования (формации), вызванные условиями им современной жизни, непременно пройдут с переменой условий так, как теперь уже прошли *лишние люди*; но из этого не следует, чтоб они заслуживали суд и осуждение — разве только от своих младших товарищей по службе? И это на том основании, на котором один из жителей Бедлама с негодованием показывал на больного, называвшего себя апостолом Павлом, в то время как он, сам Христос, наверное знал, что это не Павел апостол, а просто лавочник из Флит-стрита.

Вспомним, как развились лишние люди.

Казнь на Кропверкской куртине 13 июля 1826 года * не могла разом остановить или изменить поток тогдашних идей, и действительно, в первую половину николаевского тридцатилетия продолжалась, исчезая и входя внутрь, традиция александровского времени и декабристов. Дети, захваченные в школах,

осмеливались держать прямо свою голову — они не знали еще, что они арестанты воспитания.

Так они и вышли из школ.

Это уже далеко не те светлые, самонадеянные, восторженные, раскрытые всему юноши, какими нам являются при выходе из лица Пушкин и Пущин. В них уже нет ни гордой, непреклонной, подавляющей отваги Лунина, ни распущенного разгула Полежаева, ни даже светлой грусти Веневитинова. Но еще в них хранилась вера, унаследованная от отцов и старших братьев, вера в то, что *«она взойдет — заря пленительного счастья»* *, вера в западный либерализм, которому верили тогда все — Лафайет и Годафруа Каваньяк, Бёрне и Гейне. Испуганные и унылые, они чаяли выйти из ложного и несчастного положения. Это та последняя надежда, которую каждый из нас ощущал перед кончиной близкого человека. Одни доктринеры, красные и пестрые всё равно, легко принимают самые страшные выводы, потому что они их, собственно, принимают *in effigie* ¹, на бумаге.

Между тем каждое событие, каждый год подтверждал им страшную истину, что не только правительство против них, с виселицей и шпионами, с обручем, которым палач сжимал голову Пестелю, и с Николаем, надевавшим этот обруч на всю Россию, но что *и народ не с ними*, или, по крайней мере, что он совершенно чужой; если он и недоволен, то совсем не тем, чем они недовольны. Рядом с этим подавляющим сознанием, с другой стороны, развивалось больше и больше сомнение в самых основных, незыблемых основаниях западного воззрения. Почва пропадала под ногами; поневоле в таком недоумении приходилось в самом деле идти на службу или сложить руки и сделаться *лишним, праздным*. Мы смело говорим, что это одно из самых трагических положений в мире. Теперь лишние люди анахронизм; но ведь Ройе Коллар или Бенжамен Констан были бы теперь тоже анахронизмом, однако нельзя же за это пустить в них камень.

Пока умы оставались в тоске и тяжелом раздумье, не зная, как выйти, куда идти, Николай шел себе с тупым, стихийным

---

¹ в воображении (лат.).— *Ред.*

упорством, затапливая все нивы и все всходы. Знарок своего дела, он с 1831 г. начал воевать с детьми; он понял, что в ребяческом возрасте надобно вытравлять все человеческое, чтоб сделать верноподданных по образу и по подобию своему.

Воспитание, о котором он мечтал, сложилось. Простая речь, простое движение считалось такою же дерзостью, преступлением, как раскрытая шея, как расстегнутый воротник. И это избивание душ младенческих продолжалось тридцать лет!

Отраженный в каждом инспекторе, директоре, ректоре, дядьке, стоял Николай перед мальчиком в школе, на улице, в церкви, даже до некоторой степени в родительском доме, стоял и смотрел на него оловянными глазами без любви, и душа ребенка ныла, сохла и боялась, не заметят ли *глаза* какой-нибудь росток свободной мысли, какое-нибудь человеческое чувство.

А кто знает, что за химическое изменение в составе ребячьей крови и нервной пульпы делает заstraщенное чувство, остановленное слово, — слово скрывшееся, чувство подавленное?

Испуганные родители помогали Николаю; они скрывали от детей единственное благородное воспоминание, чтоб спасти их неведением. Молодежь росла без традиций, без будущего — кроме карьеры. Канцелярия и казарма мало-помалу победили гостиную и общество, аристократы шли в жандармы, Клейнмихели — в аристократы; ограниченная личность Николая мало-помалу отпечатлелась на всем, всему придавая какой-то казенный, правильный вид — все опошляя.

Разумеется, середь этого несчастья не все погибло. Ни одна чума, ни даже тридцатилетняя война не избила всего. Человек живущ. Потребность человеческого развития, стремление к независимой самобытности уцелело, и притом всего больше в двух македонских фалангах нашего образования, в московском университете и царскоосельском лицее; они пронесли через все царство мертвых душ, на молодых плечах своих, кивот, в котором лежала будущая Россия, ее живую мысль, ее живую веру в грядущее.

История не забудет их.

Но в этой борьбе и они по большей части утратили *молодость* своей юности, они затянулись и преждевременно перезрели. Старость их коснулась прежде гражданского совершеннолетия.

Это не *лишние*, не праздные люди, это люди *озлобленные*, больные душой и телом, люди, зачахнувшие от вынесенных оскорблений, глядящие исподлобья и которые не могут отделаться от желчи и отравы, набранной ими больше чем за пять лет тому назад. Они представляют явный шаг вперед, но все же болезненный шаг; это уже не тяжелая хроническая летаргия, а острое страдание, за которым следует выздоровление или похороны.

Лишние люди сошли со сцены, за ними сойдут и *желчевики*, наиболее сердящиеся на лишних людей. Они даже сойдут очень скоро, они слишком угрюмы, слишком действуют на нервы, чтобы долго держаться. Жизнь, несмотря на XVIII веков христианских сокрушений, очень языческим образом предана эпикуреизму и *à la longue*¹ не может выносить наводящие уныние лица невских Даниилов, мрачно упрекающих людей, зачем они обедают без скрежета зубов и, восхищаясь картиной или музыкой, забывают о всех несчастьях мира сего*.

Смена им идет; мы уже видим, как из дальних университетов, из здоровой Украины, с здорового северо-востока являются совсем иные люди*, с непочатыми силами и крепкими мышцами, и, может, нам, старикам, еще придется через болезненное поколение протянуть руку кряжу свежему, который кротко простится с нами и пойдет своей широкой дорогой.

Тип желчных людей мы изучили не на месте и не по книгам, мы его изучили по экземплярам, выезжавшим за Немань, а иногда и за Рейн с 1850 г.*

Первое, что нас поразило в них,— это легость, с которой они отчаивались во всем, злая радость их отрицания и страшная беспощадность. После событий 1848 г. они были разом поставлены на высоту, с которой видели поражение республики и революции, вспять идущую цивилизацию, поруганные знамена,— и не могли жалеть незнакомых бойцов. Там, где наш брат останавливался, оттирал, смотрел, нет ли искры жизни, они шли дальше пустырем логической дедукции и легко доходили до тех резких, последних выводов, которые пугают своей радикальной бойкостью, но которые, как духи умерших, представляют сущ-

---

¹ долго (франц.).— *Ред.*

ность, уже вышедшую из жизни, а не жизнь. В этих выводах русский вообще пользуется перед европейцем страшным преимуществом, у него тут нет ни традиции, ни родного, ни привычки. Всего безопаснее по опасным дорогам проходит человек, не имеющий ни чужого добра, ни своего.

Это освобождение от всего традиционного доставалось не здоровым, юным натурам, а людям, которых душа и сердце были поломаны по всем составам. После 1848 г. в Петербурге нельзя было жить. Самодержавие дошло до геркулесовых столбов нелепости, до инструкции преподавателям военно-учебных заведений *, до бутурлинского проекта закрыть университеты *, до подписи цензора Елагина на трафаретах. Чему же удивиться, что юноши, вырвавшиеся из этой пещеры, были юродивые и больные?

Потом они завяли без лета, не зная ни свободного размаха, ни вольно сказанного слова. Они носили на лице глубокий след души помятой и раненой. У каждого был какой-нибудь тик, и, сверх этого личного тика, у всех один общий — какое-то снедающее их, раздражительное и *свернувшееся* самолюбие. От обид, от унижений, от отрицания всех прав личности у них развилось затаенное притязание на удивление; [эти неразвившиеся таланты, неудавшиеся гении скрывались под личиною унижения и скромности.] Все они были ипохондрики и физически больные, не пили вина и боялись открытых окон, все с изученным отчаянием смотрели на настоящее и напоминали монахов, которые из любви к ближним доходили до ненависти ко всему человеческому и проклинали все на свете из желания что-нибудь благословить.

Половина их постоянно каялась, другая — постоянно карала.

[Да, у них остались глубокие рубцы на душе.] Петербургский мир, в котором они жили, отразился в них самих; вот откуда их беспокойный тон, язык *saccadé*¹ и вдруг расплывающийся в бюрократическое празднословие, уклончивое смирение и надменные выговоры, намеренная сухость и готовность по первому поводу осыпать ругательствами, оскорбительное принятие вперед всех обвинений и беспокойная нетерпимость директора департамента.

¹ отрывистый (франц.). — *Ред.*

Этот *fiou*¹ директорского распекательного слога, презрительный и с прищуренными глазами, для нас противнее генеральского силлого крика, напоминающего густой лай остепенившейся собаки, ворчащей больше по общественному положению.

Тон не безделица.

Das was innen — das ist draußen! *

Добрейшие по сердцу и благороднейшие по направлению, они, т. е. желчные люди наши, тоном своим могут довести ангела до драки и святого до проклятия. К тому же, они с таким *à plouf* преувеличивают все на свете — и не для шутки, а для огорчения, — что просто терпения нет. На всякое «бутылками, и пребольшими» у них готово мрачное «нет-с, бочками сороковыми!» *

— Что вы заступаетесь за этих лентяев, — говорил нам недавно один желчевик (*sehr ausgezeichnet in seinem Fache*) *, — дармоедов, трутней, белоручек, тунеядцев *à la Oneghine?*.. И, извольте видегь, они образовались иначе, им мир, их окружающий, слишком грязен, не довольно натерт воском, замазывают руки, замазывают ноги. То ли дело стонать о несчастном положении, и притом спокойно есть да пить.

Мы было ввернули слово в пользу нашего разделения лишних людей на ветхозаветных и новозаветных. Но Даниил и слушать не хотел о разделе, ему не было дела ни до обломовского хребта, ни до того, что в меди отлитой Николай покоится в бозе и именно потому и отлит в меди. Напротив, он напал на нас за нашу защиту и, пожимая плечами, говорил, что он смотрит на нас, как на хороший остов мамонта, как на интересную ископаемую кость, принадлежащую миру иного солнца и других деревьев.

— Позвольте же мне хоть на этом основании и в качестве *homo Benkendorffii testes*² защитить наших сопластников. Неужели вы в самом деле думаете, что эти люди по доброй воле ничего не делали или делали вздор?

— Без всякого сомнения, (они были романтики и аристократы, они ненавидели работу, они себя считали бы униженны-

¹ шик (франц.). — *Ред.*

² Бенкендорфова свидетеля (лат.). — *Ред.*

ми, взявшись за топор или за шило, да и того, правда, они не умели. !

— В таком случае я буду называть имена. Например, Чаадаев — он не умел взяться за топор, но умел написать статью *, которая потрясла всю Россию и провела черту в нашем разумении о себе. Статья эта была началом его литературного поприща. Что вышло, вы знаете. Немец Вигель обиделся за Россию *, протестант и будущий католик Бенкендорф обиделся за православие, и Чаадаева *высочайшей ложью* объявили сумасшедшим и взяли с него подписку не писать. Надеждина, напечатавшего статью в «Телескопе», сослали в Усть-Сысольск, ректора старика Болдырева отставили, Чаадаев сделался праздным человеком. Иван Киреевский, положим, не умел сапог шить, но умел издавать журнал; издал две книжки — запретили журнал *; он поместил статью в «Деннице», цензора Глинку посадили на гауптвахту, — Киреевский сделался лишним человеком. Н. Полевого, конечно, нельзя обвинить в лени; человек он был изворотливый, а все-таки крылья «Телеграфа» подвязали *, и, признаюсь в моей слабости, когда я читал, как Полевой говорил Панаеву о том, что он, женатый человек, обремененный семьей, боится квартального *, я не смеялся, а чуть не плакал.

— А Белинский умел писать, и Грановский умел читать лекции, они не сложили рук.

— Если являлись люди с такой энергией, что могли писать или читать лекции в виду тройки и каземат, то не ясно ли, что множество людей с меньшими силами были парализованы и глубоко страдали этим?

— Зачем же они в самом деле не пошли в сапожники, в дрвосеки, все лучше бы? *

— Затем, вероятно, что у них было настолько денег, чтоб не нуждаться в такой скучной работе; я не слышал, чтоб кто-нибудь из удовольствия принялся шить сапоги. Один Людовик XVI был королем по ремеслу и слесарем по страсти. Впрочем, не вы первые заметили этот недостаток в практическом труде у лишних людей; бдительное правительство наше для пополнения этого недостатка посылало их в каторжную работу.

— Ископаемый друг мой, я вижу, что и вы еще на работу смотрите как-то сверху вниз.

— Как на вовсе не веселую необходимость.

— Почему же им не делить общей необходимости?

— Без сомнения. Да, во-первых, родились они не в Северной Америке, а в России и, по несчастю, не так были воспитаны.

— Зачем не так воспитаны?

— Затем, что родились не в податной России, а в шляхетской; может, это и в самом деле предосудительно, но, находясь тогда в неопытном положении церкариев *, они по малолетству за свои поступки отвечать не могут. А уже раз сделав эту ошибку в выборе родителей, они должны были подвергнуться и тогдашнему воспитанию. Да, кстати, на каком это праве вы требуете от людей, чтоб они делали то или другое? Это какая-то новая принудительная организация работ, что-то вроде социализма, переложенного на нравы министерства государственных имуществ.

— Я не заставляю никого работать, я констатирую факт: это были праздные, пустые аристократы, жившие покойно и хорошо, и не вижу причины, почему мне сочувствовать им.

— Заслуживают ли они симпатии или нет, это пусть себе решает каждый как хочет. Всякое человеческое страдание, особенно фаталистическое, возбуждает наше сочувствие *, и нет ни одного страдания, которому бы нельзя было не отказать в нем. Мученики первых веков верили в искупление, верили в будущую жизнь. Римские Мухановы, Тимашевы, Лужины заставляли христиан склоняться в прах пред августейшим изображением цезаря, христиане не хотели сделать этой пустой уступки, их травили зверями. Они были сумасшедшие, римляне полоумные, тут нет места ни сочувствию, ни удивлению... но тогда прощай не только Термопилы с Голгофой *, но и Софокл с Шекспиром, да, кстати, и вся длинная, бесконечная эпопея, которая беспрестанно оканчивается сумасбродными трагедиями и беспрестанно идет далее под названием истории.

Даниил наш, как и следует в споре, не сдавался. Мне стало все это надоедать и я, пользуясь моим палеонтологическим значением, сказал ему: «Воля ваша, а ведь это пустое дело гнать людей или умерших или приготовляющихся к смерти, и гнать в таком обществе, где почти все живые хуже их — военные и штатские, помещики и попы; знаете ли что — если вас особенно

прельщает *sensura togum*¹ и суровая должность моралиста вам так нравится, возьмите что-нибудь оригинальное. Я вам, пожалуй, укажу типы вреднее не только мертвых, но и живых лишних людей».

— Какие же типы?

— Ну, да хоть бы литературного *guffiano* *.

— Не понимаю.

— В бледной и обиженной ценсурой литературе нашей последнего времени было множество всяких чудаков, но большей частью это были люди чистые, люди честные. Аферисты, плуты, делатели фальшивых векселей и истинных доносов если и попадались, то они или были со стороны правительства, или шныряли где-то по подвалам и никогда не лезли на видные места, точно лондонские тараканы, держащиеся в кухне и не являющиеся в салоне. Таким образом сохранилась у нас наивная вера в поэта и писателя. Мы не привыкли к тому, что можно лгать духом и торговать талантом так, как продажные женщины лгут телом и продают красоту, мы не привыкли к барышникам, отдающим в рост свои слезы о народном страданье, ни к промышленникам, делающим из сочувствия к пролетарию оброчную статью. И в этом доверии, давно не существующем на Западе, бездна хорошего, и нам всем следует поддерживать его. Поверьте, что гонитель неправды, сзывающий позор и проклятие на современный срам и запустение и в то же время запирающий в свою шкатулку деньги, явно наворованные у друзей своих, при теперешнем брожении всех понятий, при нашей распущенности и удобовпечатлительности вреднее и заразительнее всех праздных и лишних людей, желчевых и слезливых!

Не знаю, согласился ли мой Даниил...

---

¹ цензура нравов (лат.).— *Ред.*

ВОЛЬНОЕ РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Русская литература за границей растет не по дням, а по часам — как ясное доказательство, что нам *есть что сказать* и что нам *нельзя говорить дома*. В 1853 году мы основали первую русскую типографию за границей с целью пропаганды. Теперь их существует три, четыре, даже одна в Наумбурге *. Три года тому назад был напечатан первый лист «Колокола», теперь выходит в Лейпциге под редакторством Густава Бера новый русский журнал «Будущность», который мы от души приветствуем, но о котором будем говорить, когда выйдет несколько листов *.

Мы намерены отныне давать отчет нашим читателям о всех сколько-нибудь замечательных русских книгах, печатаемых за границей, не исключая даже *любопытных свидетельств о непорочном зачатии богородицы*, издан(ных) священником общества Иисусова И. Гагариным.

Вновь вышедшие в Германии книги имеют особенный интерес, и тут на первом плане:

1) *О суде присяжных и о судах полицейских в России*, Н. Тургенева.

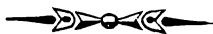
2) *Статский — армейцу*, Н. Павлова. (Печ. в типографии Петца в Наумбурге).

3) *Шервуд*, Из записок генерала Б. П.

Мы всякий раз с чувством глубокого уважения встречаем имя Николая Ивановича Тургенева в числе передовых бойцов за свободу крестьян, за свободу суда, за свободу русского народа вообще. Через тридцать лет, государственный человек, оттертый Николаем от родины и от деятельности, он является с тою же верой, энергия его не утратилась, любовь его к России не остыла,

Это тот же исполненный сил молодой статс-секретарь, совещавшийся некогда с великим министром Штейном... Что это было за удивительное поколение, из которого вышли Пестели, Якушкины, Фонвизины, Муравьевы, Пушины и пр., — поколение, к которому принадлежит по праву Н. И. Тургенев. Якушкин приехал из Сибири с молодым сердцем, Тургенев с молодой верой двадцатых годов пишет в 1860 в Париже. Нам не трудно уважать наших предшественников. Нам легко это высказывать!

О книге *Н. И. Тургенева*, о брошюре *Н. Павлова* и о прелестнейшем силуэте шпиона *Шервуда* мы поговорим впоследствии. Теперь ограничимся извещением, что *Шервуд* переведен на английский язык. Гг. Трюбнер и К^о намерены его издать.

АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ НАПОЛЕОНУ ТРЕТЬЕМУ — ЧЕТЫРЕ ЛОШАДИ!

Четыре лошади эти, посланные Александром Вторым Наполеону Третьему, были приведены в Париж *двумя* Шуваловыми * «*The animals.*— говорит «Теймс»,— *were attended during their journey from Russia by general count Schouvaloff, who it appears is grand master of police at St. Petersburg and his brother count Paul &*»¹. Который же из них тот грозный, тот мощный аристократ, к которому Виктор Панин не пускал депутатов, боясь, что они избалуются? *

А Англия думает, что у нас есть аристократы!

---

¹ *Животных...* во время их путешествия из России *сопровождали* генерал-граф Шувалов, являющийся, *кажется*, полицмейстером Петербурга, и его брат, граф Павел и т. д. (англ.).— *Ред.*

СЕРБЫ И ЧЕРНОГОРЦЫ

Мало знакомые с внутренними делами западных славян и исключительно занятые нашими русскими вопросами, мы ни разу не обращали к ним речи и ни разу не передавали ничего об них нашим читателям.

Революционная декламация нам ненавистна; дутые фразы сочувствия, казенно-либеральные возгласы нам противны со времен всемирно-риторических упражнений, которыми занималась вся Европа после похорон Февральской республики. Театральные постановки в серьезном деле не в нашем характере. Русская воля, если она разовьется когда-нибудь, то разовьется здоровой, простой крестьянкой, которой равно не нужно будет ни румян, ни белил, чтоб нравиться, ни римских тог и цивических причитываний, чтоб полюбить.

Мы не говорили о западных славянах потому, что нам нечего было высказывать, кроме нашей искренней братской любви,— говорить об одной любви мы не хотели.

Но ввиду сближения *невских немцев с венскими*, но накануне воскрешения смердящего в гробе *Священного союза*, этого источника смерти для всего стремящегося к независимости, этого источника жизни для гнилой, расползающейся Австрии,— ввиду такой измены славянскому миру со стороны Петербурга, мы не должны молчать, тем больше что именно теперь сербы и черногорцы вступают в новую фазу.

Старый Милош со своими старыми понятиями сошел в могилу *. Его преемник возвестил о своем воцарении народу сербскому языком благородным, твердым, современным. Он не обещал продолжать царствования *незабвенного* отца и благоде-

теля, он обещал царствовать лучше, царствовать «покоряясь законам» свободного представительства народа *.

В Черногории преемником несчастного князя Данилы является юноша *. Мы мало об нем знаем, но нет причины думать, чтоб он бросился в объятия истасканной, исхудалой старухи Австрии, давно грозящей своей клюкой его родине, и тем больше теперь, когда седая колдунья снова ластится к медведю, с которым прежде жила и который готов опять защищать беззубую дульцинею. Если молодой князь Черногории будет *поменьше благодарен за свое воспитание* * (за которое он, вероятно, заплатил из своих денег), он может сделать многое для славных горцев своих.

Сказав это, мы прямо обращаемся к нашему делу и обращаем внимание сербов и черногорцев на один факт первой важности. В наше время нельзя безнаказанно смешивать Россию с ее правительством. Пусть они будут уверены, что недостаточно продолжать ненавидеть турков и не терпеть Австрии, а что надобно *окончательно не надеяться на русское правительство*. Петербургская дружба стоит турецкой вражды и австрийского коварства, только гораздо опаснее, потому что в нее верят.

Пора западным братьям нашим убедиться в том, что в России нет ничего меньше русского, меньше славянского, как правительство. Зимний дворец — это какая-то *немецкая слобода на Неве*.

И это вовсе не зависит от царствующего лица, а от царствующей мысли, от всей системы; тут больше чем завещание Петра I, которого никогда не было; тут преемственно наслоившаяся почва, из которой Зимний дворец получает исключительно свой государственный ум и свою государственную глупость. В ней гниют, заражая ее, страшные трупы и сохраняются страшные традиции — от бироновских и остермановских до аракеевских и от них до николаевских безыменников.

Мы считаем Александра II, даже после всех его ошибок, после того как он упал до пояса в Австрию, лучшим из всех романовских Меролинггов.

Но где же у него сила Самсона, чтоб своими мышцами порвать эти тысячи веревок и пут, вязанных по пятидесяти лет сряду какими-нибудь Нессельродами на дипломатических спич-

ках и какими-нибудь Папиными с компанией прошнурованных, спутанных и закрепленных канцелярскими нитками. К тому же он привык к сетям с самого рождения, он в них вырос, в них воспитан; они ему мешают видеть и понимать. Как барабан 21 января 1793 года мешал слышать слова короля *, так Александру II барабан мешает слышать слова народа. Он думает, что он волен делать *добро*, а в сущности ему только не мешают делать *зло*.

Один раз поступил он свободно — в крестьянском вопросе — и сделал великий шаг, который ему история зачтет... но на этот шаг чуть ли не потратилась вся его сила!

Теперь он соединяется с Австрией, испуганный итальянским освобождением. Что ему за дело до него? Пусть славяне подумают, чего можно ждать от правительства, готового соединиться с худшим, с презреннейшим врагом, — с врагом, ненавистным всей России, только для того, чтоб поддерживать рабство народов и священный принцип самовластия. Разве это не та же политика, по которой православный Александр I не хотел помочь грекам *, по которой Николай I сделал первую венгерскую кампанию *, а Александр II, может, сделает вторую? Зимний дворец с вами поступит не лучше; не считайте на его родство, его славянская кровь подозрительной чистоты. Как он чувствует свою соплеменность и помогает славянам — на это пусть вам ответит Польша...

Когда Соломон велел разрубить ребенка, материнское сердце сказалось; ну а *как сказалось* сердце матушки императрицы, когда она четвертовала Польшу с союзными немцами? * Или, может, оно иначе сказалось, когда Николай бросил на водку Австрии одну из древнейших столиц Польши — Краков *, а мещанская Европа, с своей широкой совестью, позволила ей принять краденое добро?

Да будут вам судьбы Польши вечным уроком. Прометей, прикованного к Кавказу, ежедневно прилетал терзать один коршун, одним клювом. Дальше воображение греков не шло. А Польшу, прикованную к России, клюют день и ночь три орла, три урода — с пятью клювами *.

Что же сделал для Польши Александр II? Сыну шло, было прилично покрыть чем-нибудь черную память страшного отца,

испросить ему, кротостью и льготами, прощение, заставить забыть его. Исторический декорум, человеческое сердце требовали этого. Дал он какую-то амнистию, нехотя, с ограничениями, да и та отравлена дерзкими посольскими писаришками. Наместником остается раболепный старик, уложивший тысячи русских под Черной * из подбострастного повиновения нелепому царскому приказу и до того выживший из ума, что не узнает детей своих. Новый царь даже не умел (а впрочем, может, и не хотел) прогнать взащей субалтернов вроде отвратительного Муханова, гнусного Абрамовича.

Обратитесь от Польши к собственным воспоминаниям.

Всякий раз, когда петербургскому правительству нужно, для того чтоб оторвать какой-нибудь кусочек Турции или пугнуть Австрию, оно наводняет ваши страны агентами; это делалось со времен Миниха и Анны Ивановны, при Потемкине и Екатерине, при Александре I и Николае. Агенты толковали о православии и привозили *кресты*, о свободе (к которой, вероятно, особенно приучились в Петербурге); надежды были возбуждены, наболевшие сердца бились сильнее, обещана помощь, вы приготовляетесь, вы верите — между тем там, где-нибудь под Кучук-Кайнарджи или в Адрианополе, заключается мир — агенты исчезают, поверившие народы проданы, и петербургское правительство, в очках и крошечного роста, объявляет по-немецки, daß es niemals solche scandalöse Hoffnungen gegeben habe¹, и немцы верят Нессельроду или Мейендорфу, Алопеусу или Убри, Шредеру или Штакельбергу; а Австрия и Турция являются с своими гофратами и башибузуками наказывать за веру в Петербург.

Это повторялось двадцать раз, а у вас все покупали портреты Александра I да Миколая I. Пора же снять повязку.

По счастью, Зимний дворец — не вся Россия, даже не весь Петербург, его золотое время, то время, когда он, как феникс, по манию Клейнмихеля, возникал из огня на трупах работников, прошло.

Другая Россия, вне дворца, вне табели о рангах, растет; она слаба, но и Зимний дворец не так крепок, он без гроша (разве

---

¹ что никогда не подавало таких скандальных надежд (нем.).— *Ред.*

Австрия даст займы?). Другая Россия приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку; не смешивайте же ее с руками всех этих квартальных пропагандистов, агитаторов с Анной на шее, действительных статских пилигримов, заезжающих к вам *по дороге* в Иерусалим или на Афонскую гору, мужей консульских, визирующих уродливой птицей ненужные паспорта и пишущих всякий вздор в Петербург.

— Да где она, эта другая Россия?

— Это трудно сказать — много посторонних нас слушают, но ищите и обряцете. На первый случай мы предлагаем вам наш вольный заграничный орган, чтоб перекликнуться с Россией. Он слишком слаб, чтоб служить мостом для легионов; но он может служить доской, брошенной через овраг, на которой могут встретиться два брата, потолковать о своих делах — и пожать друг другу руки!

20 октября 1860.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ МАСКАРАДЫ ИГНАТЬЕВА

Нынешний год нашу «Северную Пальмиру» ожидает ряд новых пикантных увеселений. Игнатъев с Потаповым будут давать уличные маскарады, на которые приглашены уже *бродячие женщины* и водимые мужчины*; венецианские маски будут раздаваться брандмайором — вероятно, в это время костюмер Александрийского театра будет тушить пожары.

Вот афишка антрепренеров:

*Приказ с.-петербургской полиции.
19 сентября 1860 года № 169.*

По открытии проступка полиция задерживает совершившего оный или подозреваемого в нем и при пересылке таких людей из одного места в другое полицейские служители водят их по городу, таким образом, лица эти прежде обвинения подвергаются позору и осуждению. Господин с.-петербургский военный генерал-губернатор, в видах *уменьшения преступлений для обережения чувства стыда* от всякого преждевременного оскорбления, при пересылке арестантов в здешней столице из временных мест заключения *изволил* признать полезным надевать на арестантов особенные шапки, которые закрывают верхнюю часть лица и голову пересылаемого. Предписываю гг. приставам исполнительных дел принять от г. брандмайора означенные шапки и постоянно употреблять их при пересылке арестантов из одного места заключения в другое, а также при сборе *бродячих женщин*.

Подписал исправляющий должность с.-петербургского обер-полицеймейстера, свиты его величества генерал-майор *Потапов*.

Ей-богу, Бедлам!

Неужели после этого Игнатъев не купит, т. е. не возьмет у брандмайора, себе такую шапку «для обережения чувства стыда» и не наденет ее? Потапов может узнавать его по нижней части... лица.

А государь? Тому давно надели шапку, только не для того, чтоб его не видел народ, а чтоб он не видел, что делается в государстве.

Откуда эта нецеремонная нелепость, эта смелая тупость, не останавливающаяся ни перед чем? — вот откуда:

*Замечание «Русскому инвалиду»
от с.-петербургского генерал-губернатора.*

В фельетоне № 200 газеты «Русский инвалид», от 18 сентября, в статье о похоронах артиста императорских театров Мартынова между прочим напечатано: «С величайшим удовольствием исполняю я желание многих лиц, просивших меня выразить печатно благодарность нашей полиции, которая действовала в день похорон с величайшим тактом и умеренностью».

Санкт-петербургский военный генерал-губернатор долгом поставляет объявить сим редакции означенной газеты для руководства, что рассмотрение служебных действий полиции не подлежит вовсе контролю редакции «Русского инвалида», не имеющей права порицать полицию столицы, а следовательно, и права объявлять ей благодарность за ее такт («Вед. спб. гор. пол.»).

Эта выходка генерала заставила нас вспомнить одно место из второй части «Мертвых душ» *:

— Стало, ваш дядюшка дурак?

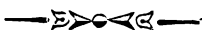
— *Дурак*, ваше превосходительство!

А вот и другой:

ДЕНЬ АНГЕЛА ДИРЕКТОРА!

«Инспектор классов генерал-майор Павловский имеет честь покорнейше просить ваше высокоблагородие пожаловать завтра, т. е. в пятницу, 21 марта в 10 часов утра, в квартиру его превосходительства г. директора корпуса для принесения поздравления по случаю дня его ангела».

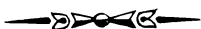
(С литографированного циркуляра).

ДОМ, ПРИМЧАВШИЙСЯ К МИНЕ ИВАНОВНЕ НА ПОЧТОВЫХ

Знаменитая *Мина Ивановна* * имеет в Гороховой улице дом. Чиновники почтового ведомства обыкновенно называют его своим домом, и вот как это объясняют: когда был куплен дом, чиновники не получили награждения, выдаваемого им из экономических сумм, потому что вся экономическая сумма пошла на покупку дома, поднесенного в дар Мине Ивановне Прянишниковым и Антонским. Все жившие в доме видели, что Прянишников приезжал осматривать дом, а Антонский и не раз — он вел всю покупку с начала до конца, и купчая крепость совершалась под его надзором; поднесена же была Мине Ивановне, вероятно, самим Прянишниковым, *comme ayant le pas* ¹ над Антонским.

Говорят, что Мина Ивановна хлопочет теперь, чтоб ее тоже произвели в *графы* вместе с Тимашевым, но мы еще не верим, чтоб так *явно* можно было награждать за *тайные* услуги.

САМОДЕРЖАВНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Невско-австрийский посол упрекнул Кавура *, что он не слушался петербургских советов, отряс прах с ног своих и отправился восвояси. С этим успехом мы поздравляем и Кавура, и Горчакова. Надеемся, что Виктор-Эммануил примет с равнодушнейшим презрением самодержавную дерзость татаро-австрийской дипломатии.

А. С. ХОМЯКОВ

Еще один из замечательнейших деятелей в мире русской мысли и русского сознания кончил свою жизнь. *Алексей Степанович Хомяков* умер от холеры 4 октября в своем рязанском

¹ как имеющим старшинство в чине (франц.).— *Ред.*

имени. Не во всем согласные с ним, мы высоко ценили и огромные дарования А. С. Хомякова, и благородную жизнь его, проведенную вдали от всего официального, служебного, и его влияние на московское общество. Ему было только 55 лет... скоро изнашивает наш север лучших людей своих!

ES REITEN DREI REITER *

Es reiten drei Reiter
Nach Warschau hinein!
Juchhe!
Aus Warschau drei Reiter
Sie reiten *hinaus!*
Juchhe!¹

И это самое лучшее, что они могли сделать, *три всадника*, то есть,— уехать из Варшавы. Приезжать-то незачем было.

«Варшава опустела!» — говорит «Nord», все видящий при северном сиянии,— и на душе стало как-то легче. Слава богу, разъехались!

Чем же это кончилось? Что вышло из этого?

Разве тем, что Unter den Linden * какой-нибудь прусский офицер, бывший в Варшаве, встречая другого прусского офицера, не бывшего в Варшаве, раздавленным голосом скажет: «Die Manefren auf dem Povonskischen Felde — allerehrenwert, Prince Prusse sehr zufrieden, russische Majestät auch — Magniperbe, Bruder, Magniperbe!» *

А сверх того? Ну, уже больше ничего.

Варшавский съезд действительно один из самых замечательных, он делает эпоху в международном праве. Люди явились без ясной мысли, без плана, заявили перед всем светом свое поползновение преступного вмешательства в чужие дела и разъехались, ничего не сделавши, по каждый *головой ниже*.

Прусский регент, der liberale *, показал своим участием, что он друг конституции, друг гражданских прав, но еще более друг прав самодержавия.

---

¹ Едут три всадника в Варшаву! Ура! Из Варшавы *уезжают* три всадника! Ура! (нем.).— *Ред.*

Александр II обидел Россию возможностью австрийского союза *, обидел Польшу, созвавши в дом повешенного толковать о веревке, обидел Италию, забывшую, что он сын Николая; и это не все — букет в том, что пуще их всех он обидел австрийского императора. Призвал молодого человека, словно затем, чтоб ему показать, что его и в Польше так же ненавидят, как в Италии; что в Варшаве, как некогда в Милане, все бегут от него, как от появления смертоносной заразы, дамы отказываются от бала, мужчины отказываются от *передней* — и за все это ни Суворова на вырубку, ни Паскевича на выкупку. «Да ведь это прекрасно!» — Нисколько. Мы не знаем, что просил государь у Австрии за братскую помощь. Мы знаем, что торг не сладился; *но он мог сладиться*, а тогда что? Наши бедные солдаты, наши бедные офицеры опять пошли бы душить Венгрию, или Познань, или Венецию, или вообще кого-нибудь душить, приготавливая мягкое *stufato*¹ человеческое для Австрии. За неудачу мы не отпустим греха, так, как и нам, во время оно, он не был отпущен,— мы пять лет прожили в ссылке *за намерение составить общество с безнравственной целью* *.

Об австрийском императоре и говорить нечего, жалче роли после Святополка Окаянного в Червонной Руси не видали и не было *; я нисколько не удивляюсь, что Киселев, тронутый его судьбой, приласкал его у Горчакова на *мужском* бале. Так, бедный, и проехал в Шенбрунн, не заезжая в Вену.

Уж не нарочно ли *пряжка* провидения спасла его от ножа Лебени *, чтоб в нем с библейской злобой казнить габсбургский дом?

А ведь это по-японски: чтоб отомстить освобождающейся Италии, наши самодержцы взяли да и нанесли сами себе раны в свой тройной живот. Какой Джузеппе, называйся он Гарибальди или Маццини, мог бы им сделать такую операцию! Помазанники божий пришли с севера, с юга, с запада, посмотрели друг на друга, сглазили друг друга и разошлись, ничего не сделав!

---

¹ тушеное мясо (итал.).— *Ред.*

Не значит ли и это свиданье *белого* царя с *белым* императором, как сон Сквозника-Дмухановского, что ревизор скоро будет *? Чего доброго!

Хлестаков-то у нас в Европе давно готов и берет себе в лавочке на пробу вместо балыка то кусочек Италии, то кусочек Швейцарии, но ведь за Хлестаковым приехал же и *настоящий* ревизор.

Вот потому-то и не надобно шалить в конгрессы, того и смотри накличешь беду. Теперь какие времена — все газ да телеграф — видно, слышно. Каких ни вымышляй пружин, даже допотопных буйволов для представителей допотопных идей — все эти величественные съезды с их пародияльными *mise en scène*¹, секретными пунктами и явной ложью не действуют на грубые нервы современного человека или, хуже, возбуждают его смех. Время дипломатических перешептываний, международных плясок, попок с государственною целью, переодеваний из мундира в мундир прошло вместе с верой в дипломатические тайны, в гаданье по кофею, в «жизненный эликсир» и слабительное Леруа. Люди догадались, что история вовсе не такая аристократка, и что она делается и не на бале, и не в канцелярии, и что пиши какой хочешь важный вздор, а Гарибальди придет, и история пойдет с ним под руку.

А все гласность, проклятая гласность все загубила, все разболтала. Бывало, народы, ничего не зная, смотрят с ужасом на какую-нибудь конференцию как на таинственную лабораторию народных судеб, где какие-то золотом шитые старцы, покрытые звездами, как и следует астрологам, кашляя диктуют будущее, все цифрами да шифрами, и всемирная история нарождается под крыш канцелярских перьев, — а теперь — теперь никого не надуешь.

Всякая сволочь часа через два по проволоке знает всю подноготную. Вот от этого, когда случится опростоволоситься, как в Варшаве, *fiasco*-то скрыть и нельзя; а народы сдуру, не понимая, что это все-таки помазанники божии, и поднимают грубый, гомерический смех, смех проклято-здоровых легких. Выйдите на английскую набережную, я уверен, что из-за Балтийского

---

¹ сценическими эффектами (франц.). — *Ред.*

моря к вам донесется британский хохот, old merry England¹ удержаться не может на старости лет, так и катается со смеху, как вспомнит о варшавском свидании.

О Немезида, Немезида! ты одна осталась от всего Олимпа, потому что ты умеешь свои жертвы не только колоть кинжалом и покрывать саваном, но и колоть иронией и покрывать смехом. Разве это не Немезида-ирония устроила, что все собственники и обладатели *благоприобретенной* Польши, все ее вотчимы в кои-то веки собрались вместе в Варшаве для того, чтоб с каким-то аристофановским комизмом показать свои дурные намерения и безграничную неспособность исполнить их.

Они явились и исчезли какими-то наводящими уныние тениями давно прошедшего, печально покачали головой, видя, что делается в Италии, и, не умевши сговориться между собой, как труппами целых армий запрудить новое русло, которое пробило себе народное освобождение, отпешествовали в свои мавзолеи.

Читаешь подробности об этих казенных праздниках и обязательных иллюминациях, об охотах и театрах, о смотрах и балах — и еще больше и больше не веришь, чтоб в их руках в самом деле были судьбы мира. Нравы народов стали серьезнее, понятия, обычаи — все изменилось; а они все еще в тех временах, когда конгрессы *плясали* *, и вахтпарады были нечто вроде военной литургии. Нет, уже если непременно надобно вредить какому-нибудь народу, то легче это делать втихомолку да в тени, чем при освещении плошками и шкаликами, со всеми старинными агрементами и орнаментами, которые теперь только смешны и карикатурны.

Представьте себе трех ученых, трех докторов, желающих совещаться о каком-нибудь важном деле, о труднобольшом. Люди занятые, они бросают практику и едут дня на два в какой-нибудь город. Что бы вы об них сказали, если б вы услышали, что они только что приехали и загуляли? Сначала, в доказательство задушевной дружбы, доктор А. явился бы в пальто доктора В. и оба в штанах С., на другой день С. в пальто В., и, по известной математической формуле переложений и сочетаний, так и рядились бы три раза в день. Одевшись в чужое платье — на

---

¹ добрая старая Англия (англ.).— *Ред.*

кутеж, с кутежа в театр, из театра на бал, с бала в постель,— хорошо день потерял, зато на другой день, если голова не болит, можно и делом заняться. Ничуть не бывало, доктор А. будит ранехонько товарищей, скорей одеваться в чужое платье. Что случилось? «Поедемте за город, я покажу, какие у меня цепные собаки; дружба моя дружбой, а коли когда не поладим, посмотрите, мол, что за зубы!»... и опять кутеж.

Что за пустота или что за угрызение совести должно быть у людей, которые так бегут сосредоточения и всякой серьезной мысли!

Но довольно о неудачном конгрессе. Еще одно слово, и это слово в утешение.

Варшавское свидание будет внесено и в другую летопись, и в ней скажется, что царское самовластье, не знавшее никаких пределов, наконец натолкнулось на свою границу и вызвало то страдательное противудействие молчания и затаенного отвращения, от которых монархи бледнеют. Перед позором австрийского союза, перед глупостью союза против *Италии Россия и Польша* соединились в одно чувство порицанья и осужденья!

И если венценосцы уехали из Варшавы головою ниже, *Россия и Польша выросли на голову!*

РУССКИЕ ГЕНЕРАЛЫ ГЕРШТЕНЦВЕЙГ И СИВЕРС И РУССКИЙ ПОМЕЩИК ГУТЦЕЙТ

Добрые немцы эти попадаютя очень часто в «Колокол» *. Они доставляют нам почти столько же материала, как Панив и некогда мужественный Закревский.

Трудно себе представить, в какой азарт привел дежурного генерала Герштенцвейга и виц-директора инспекторского департамента флигель-адъютанта Сиверса 48-й лист «Колокола», где был напечатан рапорт Лауница и ответ на этот рапорт. Сиверс прежде всего обратился к чиновникам, прося выдать виновника передачи рапорта, *негодяя, наносящего бесчестье всему департаменту*. Чиновники отозвались неведением, несмотря на убедительнейшие речи Сиверса, вроде следующих: «Что государь будет думать об инспекторском департаменте, и сколько нужно усилий, чтоб заслужить его прежнее мнение!» Испытав здесь неудачу, Сиверс обратился к писарям. Он допрашивал каждого из них порознь, обещая по 100 р. каждому, кто укажет хоть на след виноватого. «Не брал ли у вас кто-нибудь этого дела?» — спрашивал Сиверс. Один из писарей указал на помощника столоначальника Степанова, бывшего в то время в отпуску. Когда Степанов воротился, Герштенцвейг лично допрашивал его, и только спокойствие и твердость спасли невинного от беды. Спустя некоторое время, к утешению Сиверса, один столоначальник объяснил, что передачу сделали из штаба внутренней стражи, так как Штанге и не думал давать этому делу законодательного хода; на том дело и остановилось.

О том, как орловский Гутцейт * от малолетних девочек перешел к старушкам и сечет их — в следующем листе.

ПОЧТОВЫЕ, ПОЧТЕННЫЕ И ИНЫЕ ШПИОНЫ

Статьейка об *Ульрихсе* в 74 листе «Колокола» * подействовала на его прислушников и адъютантов. Лицеист *Домбровский* и кандидат *Шор* собираются покинуть свои занятия; Шор управляет канцеляриею Комитета детских приютов и любим председателем гр. Блудовым, который пришел в ужас (о святая невинность!), узнав из «Колокола» о приятном занятии кандидата (т. е. в Гедерштерны) в часы досуга. Статьейка эта была перепечатана в «Börsen Halle», но Ульрихс покрыл ее чернилами. Да, один Ульрихс, незнакомый со слабостями смертных, твердый в гражданском мужестве, не только не смутился, но поехал в Берлин — по секретному делу. Уж не опять ли меры против «Колокола»? Или, может, тайная полиция так же разделяется, как Национальная гвардия в 1848 г., на *постоянную* и *блуждающую* *: одна твердо вросла в землю возле Зимнего дворца, задуманная Николаем, исполненная Бенкендорфом, упроченная Орловым, поддержанная в цветущей акустике Долгоруким и будущим графом Тимашевым с своими старшими чиновниками *Кранцем* и *Туруновым*, с своим Нестором *Салтынским* и пр., и пр.; другая — *police galopante* ¹, почтовая, курьерская, несущаяся с Ульрихсом в корню, с Шором и Домбровским на пристяжке,—

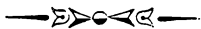
Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дороге столбовой,
...А колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой *.

---

¹ скачущая полиция (франц.).— *Ред.*

ИГНАТЬЕВСКИЕ МАСКИ

Издатели «Колокола» покорнейше просят известить их, введены ли игнатъевские маски, и, если возможно, прислать рисунок для напечатания его в «Пунше».

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЗА ЛИНЬКИ

Наша рекомендация не пропала. Приказом от 17 октября *Крузенштерн*, о пристрастии которого к истязаниям матросов мы говорили три раза *, получил Станислава. Поздравляем Константина Николаевича и советуем ему отслужить панихиду о капитане «Пластуна»! * Историю этого взрыва и некоторые подробности о капитане I ранга *Шестакове*, о наказаниях на «Генерал-адмирале» мы надеемся в скором времени передать вашим читателям *. Они узнают чудеса — о том, как матросам *затыкают рты шваброй с навозом*, как секут гардемаринов и как при этом остаются любимцами либерального великого князя.

ТЕРРОР В ПОЛЬШЕ

«Теймс» два раза с 1 декабря говорил о николаевщине, снова появившейся в Польше вслед за нелепым свиданием в Варшаве *. Он называет полковника *Галлера*, председателя какой-то политической инквизиции, судящей всякий вздор и основанной на подлых доносах и сплетнях, и полицмейстера *Васильева*, рыщущего по ночам, осматривающего дома, берущего под арест людей за запрещенные книги. Г-н *Ладислав Янковский* был схвачен, потому что в *прошлом году* у него в доме жил г. *Вишневский*, у которого нашли тетрадку запрещенных стихов. Фу — какие мелкие, плюгавые мерзавцы и невежды! Да, эта сволочь вместе с барином достойна была вступить в союз с Австрией!

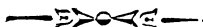
Пора, пора Польше разорвать гнусную веревку, на которой ее держит Петербург.

Но это не все — «Теймс» говорит о *засеченном студенте* в Варшаве. Мы умоляем написать нам, правда это или нет?

Если это неправда, зачем молчит русское правительство? Разве оно не понимает, что с него прязь каплет на нас, на народ? Что оно молчит — из *Vornehmthuerei*¹ или от безграмотности, — пусть учится в таком случае читать и писать.

---

¹ аристократизма (нем.).— *Ред.*

◀ П Р Е Д И С Л О В И Е
К «ИСТОРИЧЕСКОМУ СБОРНИКУ
ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ» В ЛОНДОНЕ,
1861 г., кн. II ▶

Второй выпуск «Исторического сборника Вольной русской типографии» доставит несколько любопытных материалов для уголовного следствия, теперь начавшегося над петербургским периодом нашей истории. Золотые времена Петровской Руси миновали. Сам Устрялов наложил тяжелую руку на некогда боготворимого преобразователя *. За ним последовали в опалу не только Анна с Бироном, но и Меншиков с Волинским, потом благодушная Елисавета Петровна и еще больше благодушный Петр Федорович. Далее еще не позволяют нам знать историю. Русское правительство, как *обратное провидение*, устроивает к лучшему не будущее, но прошедшее. Пошлая газетная ложь остается обязательной. В дозволенной истории все сохранилось — от гастрической болезни Петра III и апоплексического удара Павла I * до изумительных побед Паскевича* и пр.

Вот этому-то пробелу и помогают несколько статей нашего сборника. Имеют ли некоторые из них полное историческое оправдание или нет, например, статья о финском происхождении Павла I *, не до такой степени важно, как то, что такой слух был, что ему не только верили, но вследствие его был поиск, обличивший сомнение самых лиц царской фамилии. И немудрено, если вспомнить неслыханный сбор всевозможных подлогов и незаконнорождений, спутанного родства и сомнительных происхождений этой династии, которая при Николае

с бурбонской аристократией ставила себя представителем легитимизма¹.

Династия, *исправляющая*, по выражению кн. П. Долгорукова, *должность* Романовых, не только не романовская, но и не голштейн-готторпская, даже и не салтыковская, — кажется этого было бы довольно, по крайней мере с материнской стороны императорский дом в родстве с Ангальт-Цербстом. Мать у каждого бывает *своя* — например, кто была мать Бобринского, никто не сомневается*. Но после разных сомнений в отце Павла оказывается, что он не от своей матери, и петровская династия становится *династией, родства не помнящей*.

Точно так, как ее члены не верят, что они — они, так не верят они и в ту власть, которая у них в руках, отсюда постоянные попытки террора, страха и готовность уступить.

Между двумя геркулесовыми столбами деспотизма, между приказами Павла, обличающего больше белую горячку, чем черную душу, и увеличением приговоров по делу Петрашевского, обличающим гораздо больше черной души и не меньше белой горячки в Николае, — читатели, между прочим, найдут государственную уставную грамоту Российской империи. У Александра I было так велико сомнение в прочности этой искусственной машины граненых штыков и чиненых перьев, что он боялся, что не сегодня — завтра этот наскоро сколоченный острог развалится. Ссылая с жесткостью трусости и беспокойной совестью на каторжную работу за либеральное слово, за смелый стих, самодержцы, на всякий случай, сами втихомолку заказывают проекты, и вы не думайте, что это было только при Александре. Николай, этот человек, которого рука не дрогнула, подписывая приговоры на ссылку за то, что человек «слушал разговоры» или присутствовал при «чтении письма В. Белинского к Гоголю»*, — поручал особому секретному комитету составлять какое-то новое уложение в 1829 году*.

¹ Поневоле вспоминаются стихи Байрона:

But oh, thou grand legitimate Alexander!
Her son's son, let not this last phrase offend
Thine ear...

...So you be

Your father's son 'tis quite enough for me.

Don Juan. C. VI—XCIII*.

Читатели наши, конечно, не ждут, что сам Павел чуть не сделался конституционным императором. Вот что мы читаем в записках одного из героев 14 декабря *:

Граф Никита Иванович Панин, воспитатель великого князя наследника Павла Петровича, провел молодость свою в Швеции. Долго оставаясь там посланником и с любовью изучая конституцию этого государства, он желал ввести нечто подобное в Россию: ему хотелось ограничить самовластие твердыми аристократическими институциями. С этой целью Панин предлагал основать политическую свободу сначала для одного дворянства в учреждении верховного сената, которого часть несменяемых членов (*inamovibles*) назначались бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц. Синод также бы входил в состав общего собрания сената. Под ним (т. е. под верховным сенатом) в иерархической постепенности были бы дворянские собрания, губернские или областные и уездные, которым предоставлялось право совещаться об общественных интересах и местных нуждах, представлять об них сенату и предлагать ему новые законы.

Выбор как сенаторов, так и всех чиновников местных администраций производился бы в этих же собраниях. Сенат был бы облечен полною законодательною властью, а императорам оставалась бы власть исполнительная с правом утверждать сенатом обсужденные и принятые законы и обнародовать их. В конституции упоминалось и о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых людей. Проект был написан Д. И. Фонвизиним под руководством графа Панина *. Введение или предисловие к этому акту — род *considérants*¹, — сколько припомню, начиналось так: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенной ясностью сея истины и великими качествами души одаренный монарх, приняв бразды правления, тотчас почувствует, что власть делать зло есть несовершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное величие, когда само у себя отъемлет власть и возможность к содеянию какого-либо зла и т. д.». За этим следовала политическая картина России и исчисление всех зол, которые она терпит от самодержавия.

Список с конституционного акта хранился у родного брата его редактора, Петра Ивановича Фонвизина. Когда в первую французскую революцию известный масон и содержатель типографии Новиков и московские масонские ложи были подозреваемы в революционных замыслах, генерал-губ. князь Прозоровский, преследуя масонов, считал сообщниками или единомышленниками их всех, служивших в то время в Московском университете, а П. И. Фонвизин был тогда его дирек-

---

¹ мотивировки закона (франц.). — *Ред.*

тором. Перед самым прибытием полиции для взятия его бумаг ему удалось истребить конституционный акт, который брат его ему вверил. Но третий брат, Александр Иванович, случившийся в то время у него, успел спасти введение или *considerants*, которого начало я выписал выше. В 1826 г., при арестовании Михаила Александровича Фонвизина, эту бумагу взяли вместе с прочими; об ней спрашивали его в известном комитете, и он рассказал всю историю, как знал. Покойному Никите Михайловичу Муравьеву он сообщил с нее копию, и тот переделал ее, приспособив содержание этого акта к царствованию Александра. Разошлось несколько экземпляров этого сочинения, которое стали приписывать М. И. Фонвизину. В 1825 году князь М. Д. Горчаков, нынешний наместник в Польше, признавался, что он в восторге от него (*кажов!*). Подлинное *введение*, писанное рукою Д. И. Фонвизина, после как-то досталось И. П. Бекетову и должно храниться в его бумагах.

Александр Иванович Фонвизин рассказывал, что в 1773 и в 1774 году, когда цесаревич Павел Петрович достиг совершеннолетия и женился на дармштадской принцессе, названной Наталией Алексеевной, граф Н. И. Панин, брат его, фельдмаршал П. И., княгиня Дашкова, князь Н. В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо ее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию, утвердил ее своею подписью и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие. Душою заговора была супруга Павла, в. к. Наталья Алекс., тогда беременная.

При графе Панине были доверенными секретарями Д. И. Фонвизин и Бакунин (Петр Васильевич), оба участники в заговоре. Бакунин из честолюбивых, своекорыстных видов решился быть предателем. Он открыл любовнику императрицы князю Г. Г. Орлову все обстоятельства заговора и всех участников — стало быть, это сделалось известным и Екатерине. Она позвала к себе сына и гневно упрекала его участие в замыслах против нее. *Павел испугался, принес матери повинную и список всех заговорщиков*. Она сидела у камина и, взяв список, не взглянув на него, бросила бумагу в камин и сказала: «Я не хочу и знать, кто эти несчастные». Она знала всех по доносу изменника Бакунина. Единственною жертвою заговора была великая княгиня: полагали, что ее отравили или извели другим образом. Из заговорщиков никто не погиб. Екатерина никого из них не преследовала. Граф Панин был удален от Павла с благоволительным рескриптом, с пожалованием ему за воспитание цесаревича 5000 душ¹ и остался канцлером. Брат

---

¹ Может быть, оттого-то граф Панин и не захотел принять этих пяти тысяч душ.

его фельдмаршал и княгиня Дашкова оставили двор и переселились в Москву. Князь Репнин уехал в свое наместничество, в Смоленск; а над прочими заговорщиками учрежден тайный надзор.

Не знаю, можем ли мы, должны ли благодарить особ, при-
славших нам эти материалы, т. е. имеем ли мы право на это. Во
всяком случае они должны принять нашу благодарность как от
читателей за большее и большее обличение канцелярской тайны
Зимнего дворца.

Мы вместе с тем имеем к ним просьбу. Первая статья о Пав-
ле, статья о его происхождении, несколько резких страниц о
А. П. Ермолове присланы нам без всякого означения, откуда они
взяты и кем писаны. В тех случаях, когда нет особых пре-
пятствий, мы очень желали бы знать источники или имя
автора — если не для печати, то для нас. Тимашев, как ни ездил
в Лондон и каких мошенников III отделения ни посылай, *ниче-
го не узнает* — за это мы ручаемся.

24 декабря 1860.

TO THE EDITOR OF THE «DAILY NEWS»

Sir, it may not be uninteresting to English readers to know that the General Aide-de-Camp of his Imperial Majesty, Timasheff, chief of the secret police in Russia assisted by a select staff of spies, is now occupied in London upon a special mission.

We have reason to believe that this mission is connected with an attempt to discover certain correspondents of the «Kolokol» («Bell»), the Russian newspaper published in London.

Should this be the case, we can only assure his Excellency that he will lose, without result, much valuable time, and we recommend him to return as soon as possible.

But if, on the contrary, his object in London is to study the nature of the police in a great and free country, we sincerely wish him success.

The insertion of these lines, signed by us, will oblige.— We are etc.

Alexander Herzen,
Nikolas Ogareff —
Editors of the «Bell».

Orsett-house. Westbourne-terrace. Dec(ember) 27.

ПЕРЕВОД

К ИЗДАТЕЛЮ «DAILY NEWS»

Милостивый государь, английским читателям, быть может, небезынтересно узнать, что генерал-адъютант его императорского величества Тимашев, шеф русской тайной полиции, при

содействии штата отборных шпионов выполняет в настоящее время в Лондоне специальное поручение.

Мы имеем основание думать, что это поручение связано с попыткой раскрыть имена некоторых корреспондентов «Колокола» — русской газеты, издаваемой в Лондоне.

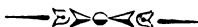
Если это действительно так, мы можем только уверить его превосходительство, что он безрезультатно истратит много драгоценного времени, и советуем ему как можно скорее вернуться восвояси.

Если же, напротив, его задачей в Лондоне является изучение свойств полиции в большой и свободной стране *, мы искренне желаем ему успеха.

Вы обяжете нас, опубликовав эти подписанные нами строки. Остаемся и пр.

Александр Герцен.
Николай Огарев —
издатели «Колокола».

Orsett-house. Westbourne-terrace. Дек(абря) 27.

◀ ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Ж. САНД
«ПОХОЖДЕНИЯ ГРИБУЛЯ» ▶

Надобно было бы иметь больше наивности и детского простодушия, чем у самого Грибуля *, для того чтоб *рекомендовать* нашим читателям произведение одного из величайших писателей нашего времени, — писателя, с которым наша публика так коротко и так давно знакома, которого она так сильно любит и который так достоин быть любимым.

Нам только хотелось обратить внимание читателей на необычайно ловкое, удачное и художественное разрешение бесконечно трудной задачи.

Писать детские книги действительно задача колоссальная, оттого-то их и нет. Есть книги *отроческие*, современная английская литература ими очень богата, но детских нет.

Дети любят сказки. Но сказки бывают или бессмысленны, или скучны. В первых все пожертвовано фантастическому, во вторых все убито натянутой, пошлой и не вовсе нравственной моралью.

Одна книга делает исключение — «Робинзон»; да как же его зато и читают дети!

Ж. Санд, удовлетворяя совершенно художественной потребности детского воображения, создала рассказ высоко нравственный и который поэтому не имеет ничего общего с нравучительными повестями, особенно с французскими. Мораль их состоит в развитии эгоистической, своекорыстной любви к добру, в *внешних* наградах за исполнение долга, так что человек, поступающий нравственно, ничем не отличается от ростовщика, лишаящего себя на время денег для того, чтоб получить их назад с огромной лихвой.

Вот почему детские повести и рассказы, драмы и поэмы у французов сбиваются на полицейское следствие и психический разбор их очень близок к разбору в управе благочиния. Им надобно открыть виновных и достойных, виновных наказать, достойных наградить¹.

Вовсе не так поняла и создала Ж. Санд своего Грибуля. С первого появления его от него веет какой-то свежестью и чистотой; это натура наивная, бескорыстная, преданная, любящая и оттого постоянно гонимая. Родители его считают дураком, потому что он не плут и не вор. Они его бьют за то, что он не хотел из любви к ним покинуть родительского дома. Этот характер она выдержала до конца.

Когда Грибуль сам зажег свой костер и царица хотела отступить, чтоб его спасти, мы так и ждали, что Шмель, тронутый героизмом Грибуля, бросится к костру спасать его, отдаст Грибуля царице, а царица отдаст себя Шмелю и сделает Грибуля маршалом или констаблем. Но Грибуль *сгорел* — «от него осталась груда пепла, на верхушке которой вырос и распустился маленький голубой цветочек». Награда за подвиги Грибуля *была не ему*.

Здоровее нравственности нельзя проповедовать детям. Ж. Санд облекла ее во всю прелесть детской поэзии, — без этого дети все бы не стали ее читать. Художественная потребность идет у детей вперед, они в книге ищут наслаждения, а не пользы. Оттого они очень рано различают два рода книг: один, который *они читают*, и другой, который им *велят читать*.

---

¹ «Я слышал, что вы что-то писали о моем „Тряпичнике“, и очень бы желал знать что», — сказал мне раз Ф. Пиа*. — «Вы не думайте, что я только хвалил вашу пьесу, я и бранил ее». — «За что?» — «За последнее действие, которое к делу не идет и все портит нелепой развязкой, в которой порок наказан и добродетель торжествует». — «Неужели вы думаете, что я не так же на него смотрю?» — «Так зачем же вы его написали?» — «Вы мало знаете французскую публику; без этого действия пьеса была бы лучше, а театр был бы пуст после двух, трех представлений. Дело в том, что француз терпеть не может выходить из театра в раздумье, томимый вопросом или сомнением. Для него надобно, чтоб дело было *кончено* и чтоб он чем-нибудь был утешен и примирен». Я считаю, что характеристика Ф. Пиа очень верна.

С первой страницы дети увлекаются Грибулем, любят маленького чудака, который «бросился в воду, чтоб скрыться от дождя», и следят за ним с страстным участием. Дочитавши, они снова принимаются за книгу. Это я видел на опыте и знаю по количеству экземпляров, *погребленных* детьми. Они изнашивают «Грибуля», — это верх успеха для детской книги.

**РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ,
ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ**

1859

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «КОЛОКОЛА»

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Мысль, что найдутся люди, которые подумают, что ответ сделан или вызван самой редакцией, действительно останавливала нас. Но, без сомнения, наш защитник имел то же право на нашу печатную гласность, как наш обвинитель, и мы печатаем его ответ.

Мы получили еще *четыре* письма, в которых резко нападают на статью г. Ч. В двух нас упрекают, зачем мы поместили ее. Если б публикация «обвинительного акта» только и принесло, что эти горячие, полные любви и симпатии протесты, то я конечно не стал бы раскаиваться в том, что напечатал. Привыкните же наконец к свободе не только мнений, но и громкого высказывания их.

И-р.

Примечание дано к тексту следующего письма: «М. г. В 30 листе «Колокола» вы напечатали мое письмо к вам, с предисловием, в котором вы говорите, что «d'écouter obliger» вас не печатать нашего протеста против «обвинительного акта» г. Ч.

Позвольте мне вам заметить, что если вы прочтете еще раз наш протест, то вы увидите, что основной смысл его не защита вас, но защита принципа, что большинство читателей и увидят ясно. Суждения о характере вашей деятельности, как я уже вам сказал в первом письме, были неизбежны; а потому позвольте вам повторить еще раз, что вы не имеете права не напечатать нашего протеста, в котором трогаются некоторые вопросы, не касающиеся вас.

Примите и проч.

Русский.

ПИСЬМО В ЗАЩИТУ г. Ч.

〈ПРИМЕЧАНИЯ〉

К заглавию «Письмо в защиту г. Ч.» относится следующеe подстрочное примечание:

Мы не имели места для первого письма г. Спартанского и предпочли начать вторым. После предшествующей статьи справедливость требовала напечатать защиту г. Ч.

И-р.

*Второе примечание Герцена относится к словам «восклицаете вы» в абзаце: «Вам это странно, вы этому не верите, вы потеряли доверие к человеческой истории — всякий, кто не смотрит на Россию или на гражданское ее устройство сквозь призму упорного отрицания всего существующего, по вашему мнению, партизан деспотизма, кнута и взяток — *regreat patria*,— восклицаете вы,— лишь бы на трупах ваших братьев, на дымящихся развалинах вашей родины водрузилось бы, хоть минутно, кровавое знамя социальной утопии, свернутое повсюду и утратившее даже тот мнимый венец мученичества, которым гордились несколько лет тому назад его приверженцы!»*

Нет, я никогда этого не восклицал, и ничего подобного этому каннибальскому доктринаризму нигде не выражено в моих сочинениях.

И-р.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛУНИНЕ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Бесконечно благодарим мы приславшего нам эту статью. На его вопрос, не знаем ли мы брошюры, напечатанной в Англии или в Америке, о которой он говорит *, мы должны отвечать отрицательно. У нас есть письма Лунина к сестре на французском языке и статьи: «*Coup d'oeil sur les affaires de Pologne, 1840*» и «*Après vue sur la société occulte en Russie, 1816—1821*».

〈ПРОСЬБА О ПРИСЫЛКЕ ПОРТРЕТА А. РАДИЩЕВА И СТИХОТВОРЕНИЙ В. ПЕЧЕРИНА〉

Нас очень бы одолжили две присылки:

1) Портрет А. Радищева, который был приложен к его сочинениям.

---

¹ пусть погибнет родина (лат.).— *Ред.*

2) Список стихотворений *В. Печерина* («Торжество смерти», «Поликрат Самосский», «Годовщина» и пр.). И то и другое нам нужно для «Полярной звезды».

О ПОЛОЖЕНИИ ЕВРЕЕВ В РОССИИ

⟨ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

Нам остается прибавить к переводу этой печальной записки, доставленной нам, чувство истинного удивления к Муханову — вот цельная натура... с такой всесторонностью он далеко уйдет... и это при Александре II! Ох, *слепота* большой порок.

ПО ДЕЛУ КРИВОНОГОВА И ДОКТОРА ШТЕЙНА

⟨ВСТУПЛЕНИЕ И ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Мы получили против статьи, помещенной в 29 листе «Колокола», о купце Кривоногове * довольно длинное объяснение, имеющее целью оправдать действия г. доктора Штейна. Справедливость требует, чтоб мы дали гласность этому объяснению. Нам душевно жаль, если г. Штейн был безвинно замешан в это дело. Мы не знаем ни первого корреспондента, ни второго. Вся ответственность обоих рассказов на их совести.

Вот обстоятельства дела, изложенные в письме ¹:

Далее приведено письмо.

⟨КЛЕВЕТА ВАРШАВСКОЙ ГАЗЕТЫ НА ЕВРЕЕВ⟩

⟨ПОСТСКРИПТУМ⟩

P. S. Сейчас мы прочли превосходную статью об этом деле в 86 № «Норда» *. Спешим передать имя негодяя редактора, его зовут Леснёвский (Lesnowski).

ИЗ ВТОРОГО ПИСЬМА

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Мы просим вспомнить несколько строк, помещенных нами в начале прошлого листа перед отрывками «Из первого письма».

⟨О «ПРОЕКТЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН В РОССИИ»⟩

Поразительная ясность прилагаемого «Проекта освобождения помещичьих крестьян», его краткость и дельность навели

---

¹ Мы только опустили ту часть письма, которая не идет к делу, и разные крепкие слова, которые, особенно в деле этого рода, нисколько не прибавляют ясности.

нас на мысль разослать его при нынешнем листе «Колокола»; думаем в следующем листе поговорить об нем.

Ред.

БЕШЕНСТВО ЦЕНСУРЫ

〈РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ВСТАВКИ И ПРИМЕЧАНИЯ〉

Одноипостасная цензура Ковалевского.— Гибель парохода без паруса и т. д.— Триипостасная цензура Адлерберга, Тимашева и Муханова.— Полное затмение ума, бред и лепет с отсутствием сознания и логической последовательности.

Вслед за заголовком приводится письмо министра народного просвещения Е. Ковалевского управляющему московским учебным округом по поводу запрещения газеты «Парус», издававшейся И. Аксаковым. В письме в числе прочих признана «неблагонамеренной» статья М. П. Погодина, опубликованная в № 2 газеты «Парус».

На это письмо он получил следующий исполненный достоинства ответ от М. П. Погодина *.

Далее следует письмо Погодина.

Засим из отрицательных нелепостей ценсурократы бросаются в положительные. Посмотрим, как они создают.

Запретивши «Парус» *, обер-цензура вызывает в Петербург одного почтенного литератора (*зачем нет фамилии?*) и предлагает ему взять редакцию нового журнала «Пароход» *. Литератор требует прежде всего независимости, требует, чтоб журнал дозволили издавать по той же программе, как и «Парус», одним словом, чтобы все осталось по-прежнему. Переменится только имя редактора, цель же журнала и, главное, действующие лица останутся те же. Обер-цензура соглашается. Проходит две недели, и будущий редактор получает следующую бумагу:

Приведен текст отношения из Московского цензурного комитета, в котором предписывается программа нового издания и запрещается всякая преемственность с «Парусом».

Вы можете себе легко представить, что после такой бумаги и таких умных речей мысль о возобновлении «Паруса» была брошена *.

Внутри текста отношения в скобках имеется следующее редакционное примечание:

Обратите внимание на нелепость и сведения министерства; оно даже не знает, что мы и до сих пор без настоящего дозволения пользовались правом входить в сношения с иностранными учеными и покупать *дозволенные* книги. Нет, решительно тупеют в Петербурге. Законы даже забывают.

Примечание относится к тексту: «...необходимо однако ж, чтобы предполагаемая к изданию газета ограничивалась исключительно разработкою языкознания, литературы, законодательства, истории и археологии славянских народов, чтобы она имела чисто учено-литературный характер и устранила бы от себя всякое вмешательство в современную политику. При таком только условии можно будет разрешить редакции газеты входить в сношения с учеными и литераторами чешскими, сербскими, хорватскими, болгарскими и польскими, а равно получать славянские издания, газеты, журналы и книги, дозволенные цензурой».

В заключение приведены 2 циркуляра министра народного просвещения Е. Ковалевского: 1) о выговоре редактору «Русского вестника» за выраженное на страницах журнала осуждение всякой правительственной цензуры и 2) о соблюдении строгих цензурных требований при издании нового собрания сочинений А. С. Пушкина.

ДЕЛО О ВЫСЕЧЕННОМ ГЕНЕРАЛЕ КАНДЫБЕ И ЕГО ЖЕНЕ

⟨ПРИМЕЧАНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

После рассказа о зверских расправах генерала Кандыбы с своими дворовыми людьми и о том, как они решили отомстить ему, к словам: «Они бросились на Кандыбу, заворотили халат на голову и отодрали его» — сделано примечание в скобках:

Мы душевно жалеем, что мало!

О чиновнике особых поручений херсонского губернатора Криштофовиче сказано в скобках:

Читатели «Колокола» знают уже этого молодца *.

Итак, вы думаете, что мы можем спасти, когда Строгонов возле, Катакази возле, — скрывают, замазывают — нет; мы можем только предать позору имя этого Кандыбы, мы можем издали подать руку мученикам, которых покончат однокорытники Катакази, и прибавить, что мы перестаем верить, что государь хочет знать подобные вещи и хочет завести иной суд и иную расправу.

От ред.

Мы получили рассказ об освобождении крестьян Голицыным, при письме, в котором между прочим сказано:

Далее приводится рассказ корреспондента об освобождении Голицыным крестьян без земли и их разорении.

〈PROGRAMME DE LA SAINTE-ALLIANCE DES PEUPLES〉

Чрезвычайно рекомендуем нашим читателям небольшую брошюру, напечатанную в Брюсселе: «Programme de la Sainte-Alliance des Peuples. Bruxelles, F. Classen 88, rue de la Madeleine». В одном из будущих листов «Колокола» мы поговорим об этом самобытном произведении, в котором (хотя мы не совсем согласны с автором) веет тем новым веянием, по которому можно узнать русского, на каком бы языке он ни писал.

〈ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ «КОЛОКОЛА» О ПРИСЫЛКЕ ИМ СТАТЕЙ〉

Издатели «Колокола» покорнейше просят особ, желающих посылать им рукописи, справляться в местах, откуда посылают, о почтовых постановлениях, франкировать их, и притом не посылать пакетов с гарсонами, дворниками, а носить самим.

В России книги можно посылать наглухо заклеенные; здесь книга sous bande¹ за несколько копеек отправляется в Германию, Францию — и за ту же книгу, заклеенную наглухо, плотится, как за письмо.

В Англии — рукописи sous bande посылать дозволяется.

За все не франкированное в Англии берут *вдвое*.

Сверх того, мы просим посылающих нефранкированные рукописи извещать нас за день письмом. Иначе мы будем в необходимости отказываться от получения неизвестных пакетов.

Мы усердно просим обратить внимание на эти замечания.

〈ЗАМЕТКА О ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА К АЛЕКСАНДРУ II
В ПРИЛОЖЕНИИ К «КОЛОКОЛУ»〉

Прилагаем к нынешнему листу «Колокола» письмо к императору Александру Николаевичу, мы не совершенно согласны с ним, но охотно даем ему место при нашем листе.

Ред.

---

¹ бандеролью (франц.).— Ред.

«ПОПРАВКА К ЗАМЕТКЕ О г. МИКЛАШЕВСКОМ
В «КОЛОКОЛЕ», л. 47»

Мы узнали из верного источника, что чиновник особых поручений одесского Строгонова *В. В. Миклашевский* несправедливо обвинен в статье о торговле *женщинами* *, поставляемыми из Одессы в Константинополь (47 лист «Колокола»). Спешим передать это нашим читателям — снова повторяя, что мы готовы печатать всевозможнейшие поправки.

⟨НОВЫЕ КНИГИ⟩

Русским переводчикам рекомендуем вновь выходящую ливрезо-нами популярную физиологию Луиса — «*The Physiology of common life*», by G. H. Lewes, London, William Blackwood. Кстати обращаем внимание на книгу Жуванселя «*La Vie*», изд. в Брюсселе. Книга эта, писанная в особенности для молодых девушек, составляет вторую часть его сочинения «*Les commencements du monde*» *.

⟨ЗАМЕТКА О ВЫХОДЕ 1-го ЛИСТА «ПОД СУД!»⟩

1-й лист «Под суд!» вышел 1 октября, в нем помещено дело о преступном сообщничестве *Попова, Игнатьева, Виктора Панина* и *Алексея Орлова* * и несколько новых случаев чудовищного злоупотребления помещичьей властью. Особо от «Колокола» он продается по 6 пенсов.

ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ

⟨ВСТУПЛЕНИЕ⟩

Сообщаем нашим читателям отвратительный, гнусный циркуляр, разосланный из военного министерства.

Далее приведен циркуляр, в котором приказывается ротным командирам проверять письма солдат к родным и «подвергать строгому взысканию» «замеченных в сообщении неосновательных сведений по крестьянскому вопросу».

ВАРШАВСКИЕ НОВОСТИ

⟨ВСТУПЛЕНИЕ⟩

В официальной газете Царства Польского обнародован устав о службе гражданской. Редактором его был обер-прокурор *Енох*. Устав этот утвержден государем. Чтоб дать понятие, что это такое, мы выписываем следующую статью:

Далее приведена выписка из устава.

〈ЗАМЕТКА ИЗ ОДЕССЫ〉

Нам пишут из Одессы ¹, что статья, напечатанная нами в защиту адмирала Метлина *, возбудила неприятное чувство в одесском обществе; особенно потому, что в ней были нападки на уважаемого всеми адмирала Бутакова. Мы поместили статью в защиту Метлина, так как помещаем всякого рода поправки, объяснения, рекламации. В частных делах мы служим только органом — личностей у нас никаких нет, совесть наша чиста; но нет у нас средств знать истину; вся нравственная ответственность остается на тех, которые нам доставляют статьи.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Не разделяя строгого мнения автора, мы спешим поместить его талантливое письмо в «Колоколе». Всякая вещь имеет свою лицевую сторону и свою изнанку. Да сверх того, если излишняя *даль* сглаживает многое, то не надо забывать, что излишняя *близость* также мешает верности суждения, выставляя слишком выпукло все случайное, отрицательное, дисгармонирующее.

Изд.

ГРАФ СТРОГОНОВ И СТАРИЦКИЙ

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

У нас являются дела до такой степени не только преступные, но бессмысленные, что ум отказывается их понимать. Власть растляет людей у нас, делает их мономанами и, главное, зверями, так что все человеческое чуждо им.

Но есть же, наконец, границы. Можно пожимать плечами, когда рассказывают о наглом приеме, о грубостях с дамами великого свекра *, но когда она защищает чудовищные злоупотребления помещичьей власти *, тогда гласность должна ее клеймить, напоминая вместе с тем и Александру Николаевичу, что *доля кесарева* и тут не пропадает.

Далее приведен текст корреспонденции

Что-то сделает новый херсонский губернатор Башмаков, о котором мы слышали как о честном и благородном человеке. Дело в уездном суде?

Следует окончание письма корреспондента.

---

¹ Сверх того, мы получили статью о том же предмете, мы ее поместим, когда будет место.

ЧЕРТЫ ИЗ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА БАРОНА МЕСТМАХЕРА

〈ВСТУПЛЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

За Строгоновым молитва,
За царем служба не пропадают!

Прочитав в «Le Nord», что барон Местмахер пожалован в действительные статские советники *, мы вспомнили, что у нас давно лежит биография доблестного барона. Чтоб показать государю, кого ему представляют Строгоновы и К^о, мы передаем нашим читателям отрывки из нее:

Далее приведен текст биографии.

Засим следует длинная перечень действий Местмахера в Строительном комитете, где ему ревностно помогает полковник фон Энтен, и в Приказе общественного призрения. Но мы полагаем, что наших выписок из письма совершенно достаточно не только для характеристики достойнейшего барона, но и сиятельнейшего графа.

〈О ПОЛУЧЕНИИ СОРОКА ФРАНКОВ В ФОНД ГАРИБАЛЬДИ〉

Мы получили от двух русских офицеров *сорок франков* для передачи в гарибальдиевский фонд — с величайшим удовольствием исполним их желание.

〈ШПИОНСТВО ВАСИЛЬЧИКОВА В ПАРИЖЕ〉

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Мы читали в одной парижской газете, что граф Киселев получил следующее письмо:

Далее приведено письмо художников.

УБИЙСТВО НЕКЛЮДОВА В ИРКУТСКЕ

〈ВСТУПЛЕНИЕ И РЕДАКЦИОННАЯ ВСТАВКА〉

Мы получили два письма из Сибири об этом преступлении. Мы печатаем почти целиком одно из них и небольшие отрывки из второго. Обстоятельства дела рассказаны во всем главном и существенном одинаким образом и сходно с первым письмом, вследствие которого мы сделали запрос в «Колоколе».

Далее приведено первое письмо.

Второе письмо во всем существенном подтверждает первое. Трудно себе представить гнусности, которые безнаказанно делают чиновники в Иркутской губернии. Ограничимся одним примером. Разъезжая по деревням, они по превосходному обычаю мерзавцев-помещиков приказывают *приводить себе крестьянских девушек*. Автор рассказывает случай, как староста в одной деревне спрятал от чиновника свою дочь, за что благородный представитель правительства высек не только его, но и двух сыновей его, осмелившихся вступить за отца... Как бы ни велики были заслуги Муравьева, но допускать такие преступления он не имеет права. Защищаться тем, что он не знает — нелепо: как же мы в Лондоне знаем, что делается в Иркутской губернии, а он в Иркутске не знает.

Ограничиваемся выпискою подробностей самого дуэля и его последствий.

Далее следует выписка из второго письма.

ОТЧЕТ О ПОСЛЕДСТВИЯХ РЕВИЗИИ

〈ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Мы напечатали эту умную и дельную ревизию потому, что: 1) Директор и инспектор и *все лица, находившиеся с ними в сообщничестве*, очевидно идут «Под суд» за воровство; 2) Надо было эту ревизию напечатать в «С.-Петербургских ведомостях» и посредством гласности вызвать на будущее время в публике доверие к общественным предприятиям, кредит, который при безгласности гибнет, ибо не всякий решится быть акционером какого-нибудь общества, зная наперед, что управление будет чиновничье и что акционеры будут наверно обворованы, а воры воспользуются их добром безнаказанно; но правительство запретило печатать эту ревизию, потому что в управление царскосельской дороги, т. е. в воровство, замешаны *важные сановники*. Правительство полагает, что его обязанность быть пристанодержателем и укрывать людей, которые, несмотря на огромные состояния, опираясь на свою власть, ради личных корыстных видов не упускают случая гнусно и пошло обманывать Россию и государя.

ДЕЛО О СООБЩНИЧЕСТВЕ ВОЛОХОВА С МЕТЛИНЫМ

〈ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Мы тем более сочли обязанностью отдать *Под суд* дело *Волохова с К^о* в его истинном виде, что в 50 листе «Колокола» мы поместили статью в защиту Метлина. Мы не имеем средств поверять факты и потому должны дать место равно истцу и ответ-

чику; истина сама обозначится. В этом случае, без сомнения, истина идет против *Волохова с компанией*, принявшей в почетные члены адмирала *Метлина* — и идет прозно, вооружаясь XV томом Свода законов.

О ПОЛКОВНИКЕ ТАУБЕ

По поводу «Отчета о последствиях ревизии царскосельской железной дороги», помещенного во 2 листе «Под суд!» *, мы получили письмо, сильно защищающее благонамеренность полковника Таубе; спешим сообщить это нашим читателям, но удивляемся, что г. Таубе оставил без объяснений «Отчет», бросающий на действия его весьма неблагоприятную тень; лучше бы ему было откровенно сознаться в своих недосмотрах и промахах, чем молчать. Листы наши открыты постоянно всем желающим прислать какое угодно объяснение, поправку.

И-р.

⟨ПРИМЕЧАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ НА 1859 ГОД⟩

I. К оде «Видение» Рылеева:

Во II книжке «Полярной звезды» был напечатан отрывок; получив наконец список, мы помещаем целое стихотворение,

II. К эпиграмме на Булгарина в публикации «Стихотворения А. С. Пушкина (к строке «Сильна к отечеству любовь»):

По другой рукописи: Хитра к отечеству любовь.

III. К статье «Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 году» Никиты Муравьева:

Другими эта превосходная статья приписывается Лунину *.

IV. К статье «Взгляд на тайное общество в России (1816—1826)» М. С. Лунина:

Статья эта, переведенная нами с французского, получена позже помещенного нами «Разбора донесения», она очевидно опровергает мнение, что «Разбор» был писан Луниным.

Ред.

⟨V⟩. Стихотворение «Блажен, кто мог на ложе ночи», напечатанное на 15 странице этой книжки «Полярной звезды», отнесено нами к стихотворениям Пушкина, по трем спискам, у нас имевшимся. Когда оно уже было отпечатано, мы услышали, что оно принадлежит Языкову и помещено в новом издании его стихотворений, которого у нас нет*.

⟨VI⟩. Мы снова получили «Разбор следственной комиссии», и в записке, приложенной к ней, снова говорится, что она писана М. С. Луниным, а примечания Н. М. Муравьевым. (У нас вкралась в заглавии статьи Лунина ошибка, вместо М. С. Лунина напечатано С. Лунина).

Так как все относящееся к этим великим предтечам русского гражданского развития чрезвычайно важно и принадлежит истории, мы сочли обязанностью сообщить об этом нашим читателям. Что касается до помещенной нами статьи Лунина, мы в ней нисколько не сомневаемся, слог ее, склад мысли совершенно сходны с его письмами к сестре.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ⟨ПРИМЕЧАНИЯ⟩

I. К письму, присланному вместе с «Записками»:

Записки Екатерины II были доставлены нам при следующих строках.

II. К письмам великого князя Петра Федоровича:

Под прочими письмами в. к. подписывался Piëgte, под этим Peter. Хотя мы и старались перевести эти письма слово в слово, но вся прелесть орфографических ошибок утратилась.

III. К письму Екатерины II к Понятовскому:

⟨1⟩. Для дополнения записок Екатерины II мы перепечатываем письмо, приписываемое ей и, как думаем, адресованное Понятовскому. Мы его взяли из чрезвычайно любопытной книги, вышедшей в прошедшем году в Берлине под заглавием «Российский двор сто лет тому назад» («La Cour de la Russie il y a cent ans»)*.

⟨2⟩. Мы не знаем, чем лучше окончить благочестивую молитву Екатерины, как словами французского посла Беранже, который оканчивает свою депешу о том же событии: «Что за зрелище для народа, когда он спокойно обдумает, с одной стороны, как внук Петра I был свергнут с престола и потом убит*»;

с другой — как внук царя Иоанна увязает в оковах *, в то время как Ангалтская принцесса овладевает наследственной их короной, начиная царевубийством * свое собственное царствование!»

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ

〈ПРЕДИСЛОВИЕ «ОТ ИЗДАТЕЛЯ»〉

Записки княгини Дашковой особенно важны теперь, после напечатания «Записок императрицы Екатерины II»: «Записки императрицы» вдруг прерваны на полуфразе в начале 1759, так невольно и ждешь продолжения... особенно рассказа о 1762 году. Первая часть «Записок княгини Дашковой» служит естественным продолжением и комментарием «Записок Екатерины II». События продолжаютя с тем же освещением у Дашковой, Екатерина растет и преобразается под пером ее почитательницы.

Что касается до самой Дашковой и о ее «Записках», мнение мое о них так недавно было сказано в III книжке «Полярной звезды», что я прошу позволение его повторить.

1860

У ПАРАДНОГО КРЫЛЬЦА

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить.

〈ПО ПОСЛЕДУЮЩИМ ИЗВЕСТИЯМ ИЗ РОССИИ...〉

По последующим известиям из России видно, что г. Унковский, Тверской предводитель дворянства, не был арестован, а удален от должности («Nord», «Indépendance», «Daily Telegraph»).

ОТ РЕДАКЦИИ

1) Нас спрашивают, получили ли мы «Записки» кн. Ив. Вл. Лопухина. — Нет, мы их не получали *.

2) Мы получили две статьи о спорном вопросе общинного и необщинного землевладения. Мы не можем их напечатать и отвечать на них прежде, чем окончим разбор докладов хозяй-

ственного отделения ростовцевской комиссии и разбор соображений о выкупе крестьянских земель финансового отделения комиссии.

3) Несколько раз получали мы письма из Петербурга и других городов России с просьбой выслать книги, «Колокол» и, главное, с просьбой немедленно отвечать. Что это — шутка, неопытность, или бравада? Во всяком случае мы считаем нашим долгом *не отвечать*.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

С искреннейшей благодарностью извещаем мы пославшего, что мы получили все документы по делам о крестьянских восстаниях и все другие бумаги, посланные с ними. Равно и письмо о генерал-губернаторе Игнатеве нам доставлено.

30 января 1860, Park House, Fulham.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

〈ПРИМЕЧАНИЯ〉

Статья разоблачает деятельность петербургского генерал-губернатора П. П. Игнатьева. Пренебрегая всеми законами, он приобрел продававшийся за долги дом. Автор корреспонденции пишет, что некто Р. тщетно пробовал предлагать за дом большую сумму. К этому месту сделано примечание:

Просим всегда писать фамилию; что за алгебра!

Автор корреспонденции, рассказывая о махинациях П. П. Игнатьева с акциями общества водопроводов, пишет, что он выпросил большое количество акций у директора этого общества, некоего О. К этому месту сделано примечание:

Фамилию, фамилию!

Сообщается факт о том, что наемная прислуга в Петербурге возбуждает печатные и устные сетования. К этому месту сделано примечание:

А нанимающие господа возбуждают сетования или нет?

Ред.

КОМИССАРИАТ В РОССИИ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Редакция от всей души благодарит приславшего эту превосходную статью.

ЭПИЛОГ ТВЕРСКОМУ КОМИТЕТУ

Сейчас получили мы письмо, что *Унковский* и *Европеус* посланы — один в Вятку, другой в Пермь.

ПОПРАВКА

В одном из прошлых листов «Колокола» * было сказано, что Майков (пр<оф>. Московского университета) был в комитете об освобождении крестьян защитником крепостного состояния; нам пишут, что это совершенно ложно и что г. Майков в владимирском комитете постоянно был со стороны крестьян. Мы спешим довести это до сведения наших читателей, с тем вместе мы не можем не попросить еще раз наших корреспондентов быть поосторожнее.

АФИНСКИЙ АРХИМАНДРИТ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Мы получили два письма в его защиту. Одно помещаем. В другом нет никаких фактов. Мы вовсе не намерены разбирать монашеские романы и знаем мы хорошо последствия неестественных воздержаний. Но зачем же в эти частные дела замешался Озеров? Это имеет характер дела, мы в особенности преследуем всякого рода николаевские поползновения всех этих микроскопических тиранчиков, консульков, посланцев и других агентов, воображающих, что для них законы не писаны.

〈О ГОЛОВАЧЕВЕ〉

В следующем листе «Колокола» мы поместим историю третьего тверского помещика, пострадавшего от бессмысленного петербургского деспотизма. Мы говорим о г. *Головачеве*.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА 63 № «КОЛОКОЛА»

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Помещая это письмо с искренним уважением к автору *, мы считаем долгом уверить его, что у нас в мысли не было бросить малейшую тень сомнения на великие заслуги Штейна и его

сверстников. Но если автор взглянет на постепенное вырождение в Германии людей, подобных Штейну, на измельчание и гражданственности, и личности, и даже литературы, и на неизбежность бюрократического и казарменного склада Пруссии, — склада, к несчастью, целиком перенесенного в правительственную Россию и глубоко отделившего ее от настоящей России, — то, вероятно, нам будет прощено наше отвращение от прусской болезни, которое сколько не мешает нам уважать великих германских деятелей.

Ред.

〈ПИСЬМО К ГОСУДАРЮ, ПРИСЛАННОЕ НАМ...〉

Письмо к государю, присланное нам с просьбою напечатать в «Колоколе» — и с странным предложением заплатить за печать, — мы не можем напечатать, потому что оно совершенно не согласно с нашими убеждениями.

ПРОВИНЦИЯ И РЕЗИДЕНЦИЯ 〈ПРИМЕЧАНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

В публикуемом ответе министра внутренних дел на адрес царю дворянства Владимирской губернии говорится, что «прошение сие наполнено неприличным порицанием существующего ныне порядка и устройства управлений, неосновательными укоризнами...» К этому месту сделано примечание:

Зачем правительство так бесстыдно лжет? Где неприличные порицания, где неосновательные укорижны?.. Адрес называет оно «прошением». Нет, не стереть им с себя ни Чингисхана, ни Бирона!

В адресе петербургского дворянства сказано: «...замещение большей части губернских и уездных должностей предоставлено сословному избранию. В последнее же время особому комитету при м. в. д. поручено составление предварительных предположений о преобразовании сих местных учреждений». К этому месту сделано примечание:

В каком духе и смысле намерены преобразовать их — не знаем, можно только догадываться.

〈ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Нам кажется, что прибавлять к этим двум адресам, принадлежащим двум разным столетиям, двум разным образованиям, нечего. Кто ждал, что Тверь, Владимир, Харьков, Нижний,

Калуга, Ярославль, Кострома... окажутся умнее, современнее, чем петербургские бюрокрады и московские тузы?

Время *резиденции*, видно, также миновало, как и время *столицы!*

Говорят, в Петербурге — царь, а не Россия. В Москве ни народа, ни царя. Народ в поле; будущее на здоровом провинциальном воздухе!

БРИЛЕВИЧ И РАЗРУБЛЕННЫЙ ЕВРЕЙ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Об этом герое Брилевиче нам приходится не в первый раз слышать, до нас доходили слухи о том, как он образует какое-то таможенное монашество или сечу, запрещает солдатам жениться, не позволяет им иметь частной собственности и сам не считает чьей-нибудь собственностью артельные деньги. Как такой таможенный коммунист должен быть полезен — для торговли.

〈ТВЕРСКОЙ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР〉

Говорят, что тверской вице-губернатор Иванов переводится в Рязань будто бы за неосновательное донесение о *митингах* дворянства, по поводу которых Унковский сослан в Вятку.

〈REVUE ПРУДОНА〉

Прудон издает вновь свою книгу «О справедливости в революции и церкви» ливрезнами ¹*. К каждому ливрезону прибавляет он главу «Опыта популярной философии». Обращаем внимание почитателей великого диалекта социализма на его новый труд. Вот заглавие: «Essais d'une Philosophie Populaire... De la Justice», par P. J. Proudhon. Bruxelles, office de Publicité, Montagne de la Cour 39.

РОЗГИ И ШПИЦРУТЕНЫ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Это письмо залежалось у нас с прошлого года, в чем усердно просим автора нас извинить.

---

¹ выпусками (франц. livraison). — *Ред.*

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИБИРИ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

К словам: «Когда из одного... острога бежал какой-то преступник, Горчаков отвечал на запросы из Петербурга, что дело весьма неважное, если преступник бежал из маленькой тюрьмы в большую» — сделано примечание:

Ответ этот нам кажется очень умен.

Ред.

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ П. В. ДОЛГОРУКОВА С РУССКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Князь П. В. Долгоруков передал нам лично эту характеристическую переписку: спешим поделиться ею с читателями «Колокола».

Изд.

ПО ДЕЛУ ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ

〈ПРИМЕЧАНИЯ〉

В письме дается восторженная характеристика генерал-губернатора Муравьева Амурского. Рассказывается случай, когда, убедившись в невинности оскорбленного им чиновника, генерал не рассердился на него за то, что чиновник вел себя с ним довольно смело, а дал ему высшее место советника. К этому месту сделано примечание:

И это ставится в достоинство! Каково же положение служащих в России!

Пр. ред.

Нападая на статью о дуэли Беклемишева с Неклюдовым, помещенную в «Под суд!» № 2, за якобы ложные сведения, автор письма пишет, что, например, о крестьянских девушках автор статьи заговорил лишь для красоты слога или с целью доставить случай г. редактору «ругнуть мимоходом помещиков мерзавцами». К этому месту сделано примечание:

Мы имеем довольно случаев заявлять гнусное и безобразное поведение помещиков и потому не нуждаемся в сибирском à propos.

Пр. ред.

К последней фразе письма сделано примечание:

После этого письма нами получены еще два, одно в защиту г. Извольскому, другое в пояснение дела о дуэли в Иркутске. Объем второго так велик, что мы не можем его поместить. В сле-

дующем листе мы сделаем выписку из него, пропуская, по принятому нами правилу, брань против противников и оставляя брань против нас.

Изд.

ОБЕР-ФОР-ШНЕЙДЕР*
〈ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ〉

Сообщаем нашим читателям дикий, глупый, пелепый текст обер-фор-шнейдерского предложения Главному управлению цензуры от 10 марта 1860 года, о котором мы упоминали в прошлом листе *.

ЕЩЕ РАЗ О СТАРИЦКОМ

Мы получили письмо от полтавского помещика, не совершенно согласного с горячим защитником Старицкого. Мы просим извинения, что не помещаем его письма, полемика эта нам кажется утомительною. Скажем только, что полтавский помещик упоминает о замечательной подсудимости Старицкого, о прощении в 1825 году с оставлением в подозрении; но что подозрительнее этого — это претензия Гвоздева и Жданова, которая, впрочем, не спасла его от очень неприятных последствий (по словам корреспондента) на дворянских выборах Полтавской губернии. Он баллотировался в дворянские предводители Полтавского уезда, а вместо того он был при помощи князя П. Цертелева и г. Тарновского *освобожден* дворянством от права присутствовать в полтавском дворянском собрании.

〈ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ〉

Издатели объявляют, что полученные ими от «Русских путешественников» 4 фунта и от «Русского чиновника» 3 фунта ст. для гарибальдиевского фонда переданы лондонскому Комитету.

ЕЩЕ О СТРЕЛКЕ КОЧУБЕЕ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

А мы, с своей стороны, поручаем особенному вниманию князя Петра Владимировича Долгорукова дело о стрелке Кочубее и его просим познакомить с ним Европу.

Ред.

**ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ПО ПОВОДУ ДУЭЛИ БЕКЛЕМИШЕВА
С НЕКЛЮДОВЫМ**

〈ПРИМЕЧАНИЕ И РЕДАКТОРСКИЕ ВСТАВКИ〉

Мы получили три письма, одно было напечатано почти целиком, из другого были отрывки. Первое письмо, полученное

гораздо прежде, послужило поводом нашего вопроса «Правда ли?» Обстоятельства дела описаны почти одинаким образом, вот что нас заставило поместить второе письмо в «Под суд». К этому мы должны прибавить, что месяца три после напечатания обвинительного письма мы получили снова записку в подтверждение обвинения. Предоставляем читателям быть присяжными, обе стороны перед ними.

Автор письма пишет, что Иркутск «не имеет привилегированного дворянского сословия». К этому месту сделано примечание:

Оттого-то из Сибири и может выйти много путного. Что касается до злоупотреблений и невежества, мы их привыкли не менее видеть в *благородной* аристократии около Зимнего дворца.

Ред.

После слов «...Руперта, этого лифляндского немца...» стоит многоочие и сделано примечание:

Мы приняли за правило брань вообще, и особенно брань, не идущую к оправданию, не печатать.

Ред.

В письме говорится, что вокруг Муравьева было всего человек пятнадцать «аристократических юношей». После этих слов идет вставка:

Место не позволяет нам поместить приложенные отрывки из послужного списка этих господ. Автор желает доказать только, что ни число лицейстов и правоведов не было так велико, как было представлено, ни повышение не представляло ничего особенного. Переходя к г. Беклемышеву, автор выписывает следующее место из обвинительного письма.

Ред.

К словам: «Богатые мещане и купчики, которые выдают себя за демократов, но в сущности — говоря вашим языком — самые отвратительные замократы...» дается примечание:

Я ничего подобного не говорил и вовсе не узнаю своего языка в подражании.

И-р.

В письме говорится о нравственном поведении «таких личностей, как некоторые из наших политических изгнанников...» К этому месту сделано примечание:

О ком речь? Не понимаем решительно.

Ред.

Автор письма говорит, что не считает «приличным повторять здесь от своего лица» сцену, которая произошла в квартире Беклемишева. К этому месту сделано примечание:

А история все-таки рассказана подробнее, чем в письме.
Ред.

Автор письма рассказывает, как полицмейстер сам приехал к Беклемишеву разобраться, зачем послан к нему Неклюдов. К рассказу сделано примечание:

Какой добрый и какой плохой полицмейстер!
Ред.

В письме говорится, что местные власти знали заранее о предстоящем поединке, но никто не помешал дуэли. К этому месту сделано примечание:

Никакое правительство, даже французское, несмотря на то, что дуэль совершенно в французских нравах, не допустит этой отрицательной *complicité*¹ чиновников и еще более — полиции. Правительство может смотреть сквозь пальцы, если и *не подозревают*, что оно знает. А тут сам полицмейстер замешан, весь город знает, и все власти молчат — неужели и это не преступление?

Ред.

В письме говорится, что секундантом Беклемишева был его друг Молчанов. В примечании сказано:

В его оправдание было уже помещено несколько строк в 67 листе «Колокола».

Ред.

Рассказывается, что лекарь Кашин отказался поехать на место поединка. К этому сделано примечание:

Тоже хорош, нечего сказать!

После рассказа о том, что клевету о деле Неклюдова и Беклемишева распустил В. Ф. Раевский и его помощники, идет вставка: -

В числе их автор помещает учителей гимназии и несколько имен, из которых одно — глубоко уважаемое нами. Автор

---

¹ соучастия (франц.).— Ред.

говорит: «Мы не думаем, чтоб в глазах ваших какой бы то ни был авторитет давал право на безнаказанность», и мы дадим на это доказательство почтенному автору письма, пропуская все это место, *несмотря* на другой авторитет, которым скреплено все письмо. Одно слово еще. Что значит «пасть до пасквилей»? Надобно знать, против чего и кого пасквили, иногда можно *подняться* до пасквилей. Как вы думаете — поэт, которому добрый пастырь Сикст V отрубил обе руки и вырвал язык за пасквили против него *, до них *пал*?

Ред.

Автор письма сообщает, что накануне похорон Неклюдова были отпечатаны объявления о выносе его тела. К этому месту сделано примечание:

Отчего же было не напечатать?

Автор письма замечает, что хорошо было бы напечатать в «Колоколе» приговор суда по делу о дуэли. К этому месту сделано примечание:

Все это слишком длинно для помещения.

ТОСТ ПУГАЧЕВУ И ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ

(БУДУЩЕГО ГРАФА) ТИМАШЕВА

<ПРИМЕЧАНИЕ>

«Daily Telegraph» па днях, помещая рассказ о знаменитом тосте Пугачеву, прибавляет, что государь узнал об этом из «Колокола». «Колокол» переходит в миф, у нас строки не было ни о касиновском празднике, ни о самом Касинове (которого переписка с Строгоновым у нас есть). Или в самом деле перепечатывают «Колокол» для высочайшего употребления, или *аристократ* Тимашев, граф in spe, выдумал новую уловку и сваливает на нас, бедных, свои доносы — какое лестное братство!

Ред.

ПОПРАВКА ПО ДЕЛУ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ДАРАГАНА

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Герштенцвейг к Сухозанету находится в таких отношениях, как Муханов к Горчакову, по определению 60 № «Колокола» *. Вся же тройца употребляет все меры, чтобы развратить вконец русскую армию, удержав в ней помещичий способ управления частями. Прикрывают они свои благонамеренные стремления

разными благовидными предложениями вроде дисциплины и т. под., не понимая того, что они сами первые ее подрывают, боясь, как огня, ее законного хода.

〈УВЕДОМЛЕНИЕ〉

Полученные нами из России 18 фунтов (450 фр.) и из Германии от русских 3 фунта переданы нами через здешний гарибальдиевский комитет А. Бертани в Геную. Расписки у нас.

ЗАМЕЧАНИЯ 〈ПО ПОВОДУ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА О НИЖНИХ ЧИНАХ, НАХОДЯЩИХСЯ В ОТПУСКУ〉

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Автор статьи говорит об одном губернаторе, который предложил издать закон: «Нижних чинов, находящихся в отпуску, которые будут себя дурно вести, возвращать на действительную службу порядком административным и не стесняясь и з л и ш н и м и формальностями». К этому месту сделано примечание:

Требуется имя этого почтенного начальника губернии, для которого закон не писан.

Прим. ред.

ГРЯЗЬ И ЛУЖИН

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

«Я сам выдал свою дочь за *Лужина!*» — говорит Николай Васильчикову, желая сказать, что выдал ее плохо. На этот раз бригадный император не ошибся. Перед нами лежат подробности гнусного харьковского дела *. Читаешь — и не веришь глазам. Письмо явным образом опоздало, но это не лишает интереса рассказанных злодейств.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Господ, приславших нам письмо о злоупотреблениях, делавшихся во время ополчения, и другое письмо о управляющем Вержболовской таможней, мы просим нас извинить за то, что мы не напечатаем их корреспонденций. Время дружин и ополчений давно прошло, и теперь нет никакого интереса рассказывать мелочи — вкус притупился, особенно после того, как публика знает, что делал оптом Лидерс, и что делал гуртом Затлер, и как с ними поступил Александр Николаевич *. Еще менее интересны для публики подробности таможенных шапшен, все это ведомство основано на нелепости и правительственном лихоимстве;

ни в таможеню, ни в откуп не пойдет человек служить из полного самоотвержения и таковой же преданности¹.

Кстати, у нас еще есть пять, шесть записок по делам *чисто гражданским*. Общего интереса в них нет. Мы вообще отказываемся печатать спорные гражданские дела, когда в них нет каких-нибудь чудовищных нелепостей или беззаконий.

ПО ПОВОДУ «РОЗГИ ДОЛОЙ»

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Мы прочли это письмо с чувством глубокой горести и стыда за прошлые поколения. Взгляд автора слишком черен, мы не разделяем его. Не одни «мертвые быстро ходят», а и народы проснувшиеся. Мы, может, совсем не поместили бы этой статьи, но ярость, с которой защитники розог смело и открыто проповедуют теперь телесные наказания без суда, заставляют нас напечатать страшные подробности, рассказанные автором. Мы посвящаем их ревнителям и споспешествователям розог, палок, колодок и пр.

Ред.

СТАНОВОЙ ПРИСТАВ ОРЛОВСКИЙ И ЕФРЕЙТОР ДОБРОПАС

〈ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Честь и слава благородным офицерам. С глубоким умилением прочли мы этот подвиг, тут больше геройства, чем во взятии батареи. А ведь правительство так и оставит несчастного Добропаса — мы держим пари.

Ред.

ЕЩЕ РАЗ О ВИТВИЦКОМ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

В статье говорится о том, что управляющий имением Витвицкий наказал крестьянина «через солдат 17 стрелкового батальона». К этому месту сделано примечание:

Что это значит — разве 17 стрелковый батальон назначен в палачи?

Ред.

И. И. ГЛУШКОВ

Нам пишут следующее: «Недавно напечатано было, что Иван Ив. Глушков взял 50 000 для закрытия казенной суконной

---

¹ С последним письмом прислан *галер* для пересылки листа «Колокола». Что нам с ним делать? Мы всегда готовы послать на свой счет, это нас меньше затрудняет, чем подобная присылка.

фабрики. Глушков в высшей степени человек честный, он был начальником провиантского департамента и остался бедным. Враг всякой роскоши, живя тихо, Глушков точно закрыл две фабрики, но не для Алексеева, а для того, что ежегодно приносили казне 200 000 чистого убытку. Это известно всем, кто этим интересуется. *Не всякому обвинению можно верить, следовало бы узнать дело, прежде чем огорчать хорошего человека*. Конечно следовало бы, — впрочем, оно по до такой степени легко, как думает почтенный защитник г. Глушкова. Об этом мы говорили сто раз.

ОТ РЕДАКЦИИ

Господина, приславшего нам филиппику против *Волкова*, полтавского губернатора, мы извещаем, что его письма не можем печатать, нам *надобны факты, а не намеки, и факты с именами и числами*.

ОТЧЕТ

Издатели «Колокола» извещают, что собранные ими от соотечественников *двадцать фунтов* для отправления польского офицера в войско Гарибальди ими вручены (расписка хранится в редакции). Желаящие жертвовать для подобной цели могут присылать деньги в Русскую типографию.

DIE EDLEN RITTER VON LIEFLAND!¹

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Отвратительнее, ограниченнее, глупее, дерзче, несвоевременнее этого образчика кур-эст-лифских рыцарских нравов мы ничего не печатали. Да хороши и законы!

Ну, господа защитники *русских немцев*, сознайтесь — *es ist famos — aber fatal!*².

ОТВЕТ

У нас есть «Записки» Толя, изданные на немецком языке *, но журнала нет, и мы готовы напечатать его в «Историческом сборнике». Рукопись всего лучше послать *auf Buchbändlerischem Wege*³ на имя N. Trübner 60, Paternoster row, London.

¹ «Благородные рыцари в Лифляндии!» (нем.).— *Ред.*

² это великолепно, но фатально (нем.).— *Ред.*

³ бандеролью (нем.).— *Ред.*

ОТ РЕДАКЦИИ

〈ПРЕДИСЛОВИЕ К IX КНИГЕ «ГОЛОСОВ ИЗ РОССИИ»〉

Мы с особенной готовностью и уважением издаем эту книжку «Голосов из России». Несмотря на то, что в некоторых частностях мы не совсем согласны с автором, мы убеждены, что ее появление — полезно; в ней слышен голос здравого смысла в пользу блага общественного. Эту статью приписывают г. Унковскому. Если это правда, то мы просим прощения у почтенного автора, что печатаем ее без его согласия; мы получили ее в нескольких экземплярах и потому не думаем, чтоб эта статья была тайна; а издаем ее, потому что она полезна.

А. Герцен. Н. Огарев

ВТОРОЕ ПИСЬМО ПО ПОВОДУ «РОЗГИ ДОЛОЙ»

〈ПРИМЕЧАНИЯ〉

К строкам о том, как фельдфебель Моллер, чтоб его не могли вторично высечь без всякой вины, бросился в окно и погиб, сделано примечание:

Что-то подобное было, помнится нам, с сыном генерала Михайловского-Данилевского.

Ред.

К строкам о жестокостях, царящих в кадетских корпусах, сделано примечание:

С искреннейшей благодарностью помещаем мы этот *scandalum*; без сомнения, все эти официальные злодеи должны видеть свои имена в печати; а главное — все русские должны знать их.

Ред.

ЛУЖИН ВЕРНЫЙ

〈редакционная вставка и заключение〉

В публикации сделана редакционная вставка:

Опять Лужин и все Лужин

Стоит заговорить о Бурачке — увидишь Зеленого. Читатели наши не забыли шестикопеечную основоначертательницу Башуцкого и Бурачка, — только мы ее напечатали, читаем¹:

---

¹ О деле г. Иванова было уже говорено в «Колоколе».

Далее публикуются материалы о деле изюмского окружного начальника Иванова: отношение Лужина от 16 июня 1860 г. к управляющему министерством Зеленому с просьбой разрешить ему уволить Иванова за то, что он заступился за крестьян; резолюция Зеленого, письмо Иванова и др.

¿Правда ли, что государь подарил Лужина австрийскому императору для Венеции, и что его поведут туда два Тимашева и один ветеринарный врач?

КИЕВСКИЙ ГУБЕРНАТОР ГЕССЕ И МНИМО ОТРАВЛЕННЫЙ ИМ

⟨ПРИМЕЧАНИЯ⟩

Публикуется ответ на статью из л. 60 «Отравители в Киевской губернии», автор которого не верит, что губернатор Гессе отравил двух людей, так как «губернатор может еще быть терпим как взяточник, не знающий своего дела, покрывающий разные злоупотребления и пр. (к этому месту сделано первое примечание), но чтобы правительство терпело человека, совершившего явное смертоубийство, этому я не верю» (к этому месту сделано второе примечание).

Что же еще?

Ред.

А Муханов, убивший в Варшаве швейцара? *

УНКОВСКИЙ И ЕВРОПЕУС

Унковский и Европеус возвратились в свои тверские имения без права выезжать из Тверской губернии (!?).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УПРАЗДНЕНИЯ КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН В РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ имп. АЛЕКСАНДРА II. BERLIN. F. SCHNEIDER

¿Первая часть этого в высшей степени замечательного, дельного и превосходно изложенного труда вышла. Спешим рекомендовать ее нашим читателям, предоставляя себе в одном из следующих листов «Колокола» дать полный отчет об ней.

〈ПРОСЬБА «КОЛОКОЛА»〉

«Колокол» просит побольше подробностей о помещичьем и отеческом управлении Андрея Федоровича *Кислинского*, корчевского помещика; доставленное хорошо, но слишком коротко. Кстати, что за история у Николая Козлянинова с крестьянкой г-жи Жадовской, Авдотьей Лукьяновой, которую *подполковник* куда-то зазвал и исколотил? Об этом, должно быть, есть дело Ярославской губ. в Любинском земском суде.

ПОМЕЩИЧЬИ ЗЛОДЕЙСТВА В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Акатов — Мацневы — Безобразова — Хлебниковы, муж и жена —
Гутцйт *medicinae Doctor*

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

На этот раз вместо всякого *leading article*¹ мы помещаем перечень гнуснейших злодейств. Трудно найти больше ясного доказательства безнравственности и закоснелого упорства русского правительства; обращаем внимание наших читателей на один факт, что уголовные преступления, обличаемые нами, непременно читаются в разных министерствах, не говоря о Тимашевых и всякого рода лазутчиках. Что же за польза? Пусть они нас ненавидят — и мы не страдаем от особенно страстной любви к ним, — но как же у них у всех нет настолько совести, чести, благодарности, наконец, за чины и ленты, аренды и места, чтоб обратить внимание на такого рода невероятно наглые преступления.

Придется, краснея и скрепив сердце, печатать эти каннибальские истории на французском языке, авось ли сделается стыдно.

СВЕТСКОЕ И ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

〈РЕДАКЦИОННАЯ ВСТАВКА〉

Мы имеем еще письмо об Александровском и Николаевском институтах, написанное нам в ответ на вопрос: «за что хотели прогнать товарища министра юстиции Замятнина из института» («Кол.», л. 82) *; письмо подробное и очень умно написанное. В нем, между прочим, говорится, что не Замятнина, а Замятнину хотели удалить; говорится тоже о ее *услугах государю императору* *, и как ее оставили портить нравы института, да-

---

¹ передовой статьи (англ.). — *Ред.*

вать ужины на счет детского корму, зажигать свои 30 ламп на казенном масле и пр.

Довольно грязи в этом листе *, мы письма этого не поместим (сохраняя, впрочем, его на всякий случай). Разврат, воровство, барщинная работа воспитанниц на начальницу и ее товарок далеко превосходят то, что можно было предполагать. Да, так оно и будет до тех пор, пока государственная тайна будет, как известная крышка, накрывать все на свете.

⟨Г-н ГЛУШКОВ⟩

Еще раз нам пишут о том, что генерал *Глушков* («Колокол», 65—69), «один из благонамереннейших русских начальников, известен своим бескорыстием и высокой честностью...». Нам очень больно, что несколько слов, помещенных о г. Глушкове, могли нанести неприятность ему и его друзьям. Мы еще раз печатаем, что нам нет никакой возможности *вперед* знать верность каждого факта (недавно «Московские ведомости» превосходно сказали несколько слов о том же предмете). Мы готовы помещать поправки, но за что же почтенный защитник г. Глушкова говорит: «Стыдно вам... Вы говорите... и пр.»— Да разве он не понимает, что *мы ничего не говорим* ни о комиссариате, ни об интендантстве, *мы помещаем сведения, доставленные другими корреспондентами*. Кажется, ясно?

ВЫСОЧАЙШЕ КОНФИРМОВАННЫЙ 19 ДЕКАБРЯ 1849 г. ДОКЛАД ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРИАТА О ТИТ⟨УЛЯРНОМ⟩ СОВ⟨ЕТНИКЕ⟩ БУТАШЕВИЧЕ-ПЕТРАШЕВСКОМ И ДРУГИХ ЛИЦАХ

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Николай I, утверждая приговор И. Ястржембскому, на котором лежало подозрение, что он, «сравнивая Россию с Китаем», дерзал назвать царя «богдыханом», увеличил меру наказания и вместо предлагавшейся генерал-аудиториатом четырехлетней ссылки на каторгу определил: «Ястржембского на 6 лет». К этим словам дано примечание:

Это за недоказанное название государя богдыханом?

Вместо предлагавшейся генерал-аудиториатом высылки А. Европеуса в Вятку, а К. Тимковского — в Олонец, Николай I определил первого записать в рядовые, а последнего — «на 6 лет в арестантские роги». К этим словам дано примечание:

Странное усиление наказания — за недоказанное же произнесение речи? А Европеусу-то за что? Незабвенный!

На приговоре генерал-аудиториата П. Шапошникову — сослать в арестантские роты на 6 лет с последующим определением на службу «в отдаленные войска» — Николай I наложил резолюцию: «Рядовым в оренбургские линейные батальоны». К этой резолюции дано подстрочное примечание:

Неужели с оставлением первой части наказания,— генерал-аудиториат понял так.

D U B I A

〈ДЕЛО КОЧУБЕ Я И ЗАЛЬЦМАНА〉

«Times» говорит, будто бы дело о графе Кочубее, хотевшем убить Зальцмана, было переследовано. Г-жа Зальцман обязана нам этим переследованием: мы явили забытое дело о ее муже на свет. Желательно было бы знать, чем оно кончится *. В «Теймсе» написан какой-то вздор о наказании мертвых, а о Кочубее ни полслова *.

〈ПОХИЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ〉

В 1857 году путешественник, возвращавшийся из Сибири, встретил там одну из тех кибиток, в которых увозят осуждаемых без суда и расправы. Наш путешественник хотел узнать, кого умчали в Сибирь? На станции сказали: «Какого-то молодого человека; с фельдъегерем он говорил *не* по-русски и очень сильно плакал, индо жаль было смотреть». Отправлен ли этот несчастный по воле Александра II или без его ведома кем-нибудь *по данной им власти?* кто он? и в чем его вина?

Это напоминает нам полицейские похищения людей в николаевское время. Однажды приказывают в Варшаве фельдъегерю быть во втором часу ночи на дворе Паскевича, а ровно в два часа войти в кабинет наместника. Гремела музыка, был блистательный бал. В два часа вошел в кабинет сам князь Варшавский вместе с молодым человеком в бальном костюме; молодой человек вдруг страшно побледнел. Паскевич, обратившись к фельдъегерю, сказал ему: «Отвези его в Бобруйск!» и, взявши молодого человека за руку, передал его фельдъегерю. Его усадили в «темную» тележку; фельдъегерь из сожаления накинул на него свою шинель (был сильный мороз); у заставы ждали казаки с тулупом и шапкой. Молодой человек до самого Бобруйска не мог прийти в себя, и фельдъегерь знал только, что он доставил из Варшавы в Бобруйск № 21.

Мы, вдали-то живши, все думаем, что Александр II не ссы-
ляет, а возвращает из ссылки...

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ НАЧАЛЬНИКА III ОТДЕЛЕНИЯ

У Тимашева есть родной брат оренбургский помещик, и обо-
им этим братьям принадлежало нераздельно 700 душ крестьян
при 25 000 дес. земли в Оренбургской губернии. Как люди, по-
священные в тайны тайной полиции *, Тимашевы могли благо-
временно узнать о предстоящем освобождении крестьян и при-
нять свои меры для изгнания крестьян из своих владений. С этой
целью они *убедили* их выкупиться и составили для них отпуск-
ные без земли. А как в один раз нельзя отпускать без земли *
более 10 человек, то составлены были отдельные отпускные на
каждые 10 человек, и все эти отпускные были явлены в один
день в том же присутственном месте. По условию, крестьяне
обязаны были, кроме суммы выкупа, платить до новой ревизии
прежний крестьянский подушный оклад. Так прошло два года,
и они жили себе на тех же землях, мирно занимаясь хлебопа-
шеством. Через два года оренбургский брат жандармского Ти-
машева потребовал выселения этих крестьян; полиция явилась
к услугам, и крестьяне были изгнаны!.. Как люди оседлые,
хлебопашцы, а не промышленные, эти 700 человек поспешили
приискать себе новую оседлость и обратились в казенную пала-
ту с просьбой о причислении их к Сентовскому посаду; их при-
числили. Они заняли денег, обстроились, обзавелись всем вновь
и стали возделывать новые земли... Сентовцы, владеющие зем-
лею на крепостном основании, оставили их в покое на два года,
а потом представили просьбу о неправильном причислении их
к посаду; просьба справедлива, уважена, и бедные крестьяне
эти опять согнаны с места... Сентовцы вслед за тем подали иск
о взыскании с крестьян за неправильное пользование их
землею...

Будучи причислены в мещане, отпущенники Тимашева ста-
ли обязаны платить и мещанский оклад.

Таким образом эти бедные люди очутились вдруг бездомни-
ками, бобылями и обязаны платить одновременно: 1) выкуп
помещику, 2) крестьянский оклад, по условию при выкупе,
3) мещанский оклад, как мещане, 4) долг, сделанный при посе-
лении в Сентовском посаде, и 5) вознаграждение сентовцам за
пользование их землею! У них отняли все: скот, лошадей, зда-
ния — и из 700 трудолюбивых хлебопашцев, сделалось семисот-
енное бродячее население голышей, нищих!..

Тимашевых, разумеется, оставят в покое, — *никто против*

бога и III отделения — зато хоть бы все против совести! Положим так, но почему бы не дать этим бедным обманутым казенных земель?

ПО ДЕЛУ О ХАРЬКОВСКИХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ЗИНОВЬЕВА И ПОТВОРСТВЕ КОВАЛЕВСКОГО

Мы получили подробную и прекрасно составленную записку о прошлогодней харьковской истории *, мы ее напечатаем в «Русских голосах» *. Поведение студентов было удивительно, не только благородно, по исполнено такта, имена пострадавших не должны быть забыты. Нас при чтении этого рассказа один вопрос постоянно занимал: что же при всем этом делали молодые профессора? Мы их нигде не находим — советниками, защитниками студентов; отчего они не пошли к Зиновьеву, отчего не писали министру, отчего позволили синдикату отказать в ревизии кондуитных отметок, сделанных помощником инспектора?

Странно! И благородная молодежь эта, оставленная одна лицом к лицу с ябедой, с полицейскими уловками, с Лужиным и со всеми властями, кажется, и не заметила этого, честь ей и слава!

А что это за комическое лицо ректор Фойт, окончивающий каждую речь своим «Sapienti sat»¹, и инспектор Стороженко, так горячо принимающий к сердцу образование Украины и говорящий: «Господа, ведь я не Ламартин!»

Что касается до Зиновьева, он и этого не имеет, он просто пошл.

<МЫ ПОЛУЧИЛИ ПИСЬМО...>

Мы получили письмо, в котором жалуются на слишком самовластные распоряжения сибирского Муравьева *, на распечатывание в Иркутске писем, на уничтожение писем неприятного содержания для высшего начальства, на угнетение племен, отданных в управление Российско-Американской компании *, которая их грабит, надувает и держит их в постоянной кабале.

Письмо это окончивается кассиевским воззванием к губернатору, писанным с любовью: «Проснитесь, *Козакевич*, проснитесь и бросьте жизнь, не достойную вас. Займитесь добросовестно делом, вы можете сделать много пользы, добра и пр. Это говорит уважающий и сожалеющий вас».

Не зная дел этих, мы не помещаем и письма, наши строки пусть будут вызовом на больше подробные сведения.

¹ «Понимающему довольно» (лат.).— *Ред.*

Сибирского Муравьева нельзя судить, как какого-нибудь Закревского или Панина. Он многое сделал и при таких трудных делах, может, многое сделано круто. И потому ждем фактов.

〈ПРАВДА ЛИ, ЧТО СТРАШНЫЕ СЦЕНЫ БИРОНОВСКИХ ВРЕМЕН...〉

¿*Правда ли*, что страшные сцены бироновских времен повторялись нынешней зимой в государственных имуществах, что несчастных крестьян, на которых оставалась недоимка, не только секли, но обливали на морозе холодной водой с ведома Муравьева? *

СЕМЬ МОГИЛ, ЗЛОДЕЙ-ПОМЕЩИК И ГУБЕРНАТОР-ПАЛАЧ В КРЕМЕНЧУГСКОМ УЕЗДЕ

Мы получили письмо, сообщающее нам следующее отвратительное преступление отеческого управления помещиков и злоупотребления власти губернского начальства. И неужели все это остается безнаказанным — и *Вреде*, который засекал крестьян по воскресеньям солеными розгами («Колокол», лист 6) *, и эротический помещик Орловской губернии *Гутцейт* («Колокол», лист 38), насилувавший двенадцатилетних детей *, и пр.?

Да хоть бы Ростовцев, наконец, вступился в это — когда у других вымерло всякое человеческое чувство.

И как же теперь, совершая радикальную перемену, не ограбить законом крестьян от последних, отчаянных посягательств на грабеж и притеснения со стороны *благородного* дворянства, которое *большинством* своим дало меру своего *благородства*?

...В Кременчугском уезде Полтавской губернии есть село *Семь Могила*, принадлежащее помещику *Клевезалю*, известному своей жестокостью и притеснением крестьян. Со времени поднятого вопроса об улучшении быта крестьян и Клевезаль принялся за улучшение своей системы. До 100 человекам крестьян назначен был самый тягостный оброк, и они отправлены были в Крым на работы, а 80 человек были отданы на сахарный завод Позена в самую горячую пору весны, когда нигде нельзя было найти рабочих людей, и, разумеется, за дорогую цену. Остальные должны были нести барщину за себя и за 180 человек отсутствующих. Вообразите себе положение этих остальных: дети, старики, калеки — все без исключения должны были работать каждый день под кнутами приказчиков. По истечении работ (через 8 месяцев) являются крестьяне из сахарного завода, голые, босые, и в таком же

положении застают свои семейства. Дрогнуло доброе сердце мужиков, стали они думать, как пособить своему горю, и пошли работать на чужие работы,— но не тут-то было: их опять отсылают на завод. Тут уж сердце завопило. Несколько человек пошли просить милости у барина. Они хотели рассказать ему про свое жалкое положение и просить хоть отсрочки. При появлении их на барском дворе барин, чувствуя себя несправедливым, вообразил, что это бунт, струсил и бежал в Кременчуг, там он заявил начальству о бунте его крестьян. Немедленно отправлено было временное отделение земского суда, выехал исправник, собраны попятые из казаков и тут же хотели приступить ко внушению покорности розгами, крестьяне плакали и просили выслушать их. Велено сечь. Но попятые, узнавшие прежде от крестьян, в чем дело, отказывались и говорили: «За что же мы будем их бить? Их нужно прежде рассудить с барином». Исправник струсил и послал эстафету губернатору. Немедленно является губернатор *Волков*, предводитель дворянства *Остроградский* (тость Клевезаля) и иные власти в полном мундирном облачении. Требуют команду солдат и отправляются усмирять бунтовщиков. При виде такого сонма мундиров созданные крестьяне все пали на колени и просили не пощады, а просто хлеба, просили губернатора заглянуть в их домашний быт, показывали ему свои рубища. Все видели их голых и босых, видели их избитых палками и кнутами, но, несмотря на все это, их велели сечь. На вопрос: «Как смеете бунтовать?» они отвечали: «Мы хлеба просим Христа ради, мы не бунтуем!». Солдаты, привезенные на шести тройках для экзекуции, исполнили волю начальства над крестьянами, а казаков-попятых приказано выслать в Кременчуг в губернаторскую квартиру, и там они все были высечены за непослушание начальству. Дело было представлено бунтом, донесено несколькими эстафетами в Петербург и наконец торжественно объявлено, что бунт, благодаря богу и расторопности властей, прекращен, что крестьянам внушена строгая покорность, что зачинщики восстания арестованы и содержатся в остроге для дальнейшего с ними поступления по законам!

〈ИМЕНА ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ Г-ЖИ СОФИИ ИОГИХЕС〉

Читатели наши знают из русских журналов дикую историю * о борьбе директоров николаевского Благородного собрания против молодой девицы Софии Иогихес, которой эти настоящие *николаевцы* хотели запереть дверь танцевальной залы за то, что она не татарского и не чухонского происхождения, как половина русских дворян (доказавшая это еще раз в вопросе освобождения крестьян), а *иудейского*. Но мы не помним, передали ли паши журналы вместе с событием и почтенные имена аристократических гонителей семитических племен, которых мужество дошло до оскорбления девицы, желавшей танцевать на бале.

Журнал 13 февраля 1859, заключающий продолжительные совещания и дебаты 31 декабря 1858, 23 января 1859, под- писали:

генерал-лейтенант *Кумани*,
камер-юнкер *Батьянов*,
капитан 1 ранга *Кузнецов*,
флигель-адъютант *Кригер*,
капитан 2 ранга *Карпов*,
капитан-лейтенант *Добровольский*,
капитан-лейтенант *Бальзам*,
лейтенант *Христофоров*.

Из них *Батьянов* и *Кригер* остались при своем мнении.

Журнал скреплен таким образом: в *верности засвидетельст- вовал* дежурный директор, капитан 2 ранга *Карпов*, и судьба заставила того же *Карпова* потом засвидетельствовать свое поч- тение девице *Иогихес*, посылая ей билет от имени старшин, ко- торым начальство отечески внушило, чтоб они сменили гнев на милость. Письмо это замечательно: трудность ли положения заставила забыть русскую грамматику или желание приблизить- ся к языку *Авраама* и *Исаака*, но русской грамматикой оно ре- шительно не блещит.

М. г. *София Павловна*,

дирекция николаевского *Благородного собрания* по предмету обсужде- ния прав *Ваших* на посещение одного *Собрания*, известясь в настоящее время о постановлении, до сего времени не бывшим известным как дирекции, так и г. *Попову* и дающим Вам право на посещение балов и танцевальных вечеров *Собрания*, сочла долгом препроводить при сем Вам, милостивая государыня, билет одного *Собрания*, покор- нейше прося Вас продолжать посещать николаевское *Благородное собрание*.

С совершенным почтением имею честь быть
Вашим, милостивая государыня, покорнейшим слугою
дежурный директор П. Карпов.

ПЕЧЕНЕГИ ИЛИ НЕ ПЕЧЕНЕГИ?

Много раз повторяли мы, что всегда готовы помещать всяко- го рода поправки нашим статьям. У нас нет средств делать по- верки, и мы, нисколько не обидясь, поместили цитероновское оправдание *Сечинского*, доктора *Штейна* * и др. На этом основа- нии помещаем мы письмо, написанное в оправдание «*Печенеж- ского набега*» черниговского губернатора на раскольниковый монастырь (10 лист «*Колокола*») *. Дело читателей судить;

с нашей стороны, мы находим, что становиться за ширмы высочайшего повеления может снять служебную ответственность, но несколько не снимает ответственности перед общественным мнением.

Гнать раскольников — глупо и невежественно, кручиниться, что они добровольно тратят деньги на свои религиозные капризы — слишком слабонервно в страпе, где дворянство и чиновники насильственно обирают крестьян до последней нитки. Ломать замки, рыться в вещах старух — все это действительно поступки печенежские и татарские.

Рассказ нашего корреспондента и рассказ защитника черниговского губернатора не сходны — они нам напоминают французские и австрийские реляции об одном и том же сражении — *которое все же было!*

Милостивый государь,

случилось мне прочесть объявление ваше в «Колоколе», посвященное министру внутренних дел, № 10, о разграблении монастыря и походе черниговского губернатора против монахинь: будто бы губернатор насильственно отнял пристанище у старух-раскольниц Казанского монастыря, мирно живших и по-своему молившихся богу, приказал солдатам отобрать у них все имущество, а печи и окна перебить; будто бы он явился в монастырь ночью с священником Сергием и совершил описываемое преступление.

Отдавая вам полную справедливость в просвещенной вашей деятельности и в прилежном стремлении к общей пользе России, я не могу не удивляться: как вы не только даете веру дошедшему до вас слуху, но еще убеждаетесь, что такие сплетни могут получаться из совершенно верного источника и без жалости бьете русских людей, не стараясь узнать ни их *нравственной стороны*, ни *цели*, с которою иногда предпринимаются действия, облеченные *не в немецкую форму*, но *последствия которых ведут к уничтожению зла*, чего вы сами желаете. Вы хорошо знаете степень развития просвещения в России, что еще много предстоит разрешить ей таких вопросов, от которых завертятся не только *наша невыработанная* голова, но даже все головы, вместе взятые, из немецких, *австрийских*, французских и английских племен. За что же без пощады карать учеников, если они стараются по возможности *хорошо учиться, делают успехи и нравственно не испорчены?* Конечно, нам еще далеко до Англии, исполнение закона у нас ничем не обеспечено, пока на просторе гуляет произвол; но высочайшее повеление выше всякого закона; хотя оно было бы совершенно незаконно, исполнение сго требуется настойчивее, и ответственности несравненно больше. Известная система управления Николая Павловича так глубоко пустила свои корни, что ее сразу не вырвешь; но мы радуемся душевно и тому, что в настоящее время при толчке, данном вперед, многие из сформированных Николаем начальников, окованных в железную

сетку в предохранение от всего гражданского, добровольно освобождаются поимному от 30-летнего карантина и по возможности освежаются воздухом с дальних стран. Не вдаваясь в подробности, обращусь прямо к делу. Я хотел бы знать: что тут особенно преступного со стороны черниговского губернатора, что он закрыл раскольничий монастырь по высочайшему повелению, и почему вы называете действие его в этом случае печенежским набегом и татарским своеволием? Помоему, следовало бы не только раскольничьи, по все православные монастыри уничтожить¹ как вредные учреждения в государстве, где ни религии, ни веры не существует, а только суеверие и алчность к деньгам,—следовательно, и я принадлежу к категории татар и печенегов? Мне положительно известно, что история закрытия Казанского монастыря происходила вовсе не так, как вам донесли. Губернатор приехал туда действительно 21 ноября, но не ночью, а в 9 часов утра; прежде всего обратился он учтиво и ласково к монахиням с просьбою о выдаче ключей от церкви, предостерегал их от ослушания высочайшей воли, просил их убедительно не заставлять его прибегать к крайним мерам, которые ему предоставлены были в случае сопротивления, и это происходило во всеуслышание, но монахини упорствовали и ключей не дали; тогда губернатор приказал отбить замки у дверей церкви, сделал при себе опись всей церковной утвари и оставил все на месте под присмотром единоверческого священника впредь до дальнейших распоряжений духовным начальством. Губернатор вовсе не приказывал солдатам отбирать имущество монахинь; а так как по форме следовало произвести обыск по кельям для разыскания запрещенных церковных книг и вообще не сделано ли какой-нибудь утайки из вещей и денег, принадлежащих церкви, то губернатор приказал состоявшим при нем чиновникам сделать обыск и сам при этом присутствовал с батальонным полковником и двумя жандармскими офицерами; причем найдены в различных потаенных местах различные книги и деньги, которые на другой же день были возвращены монахиням сполна в присутствии тех же лиц; следовательно, злоупотребления чиновников тут не могло быть. После того монахинь обрекли не на голодную смерть, как ваш благонадежный корреспондент уверяет, и отправили их не колодницами, а им дали подводы, на которые они уложили свое имущество и вместе с ним отправились на родину; им предоставлено право вступать, если пожелают, в православные монастыри (это уже на смех!) или спокойно жить где хотят, с воспрещением только возвращаться в Казанский монастырь. Остальное за тем имущество, какое нельзя было старикам взять с собою на подводы, жители посада, раскольники же, охотно приняли на себя труд сохранить и доставить все оставшееся по принадлежности; кроме их, никто не смел дотронуться ни до одной

¹ Это совсем другое дело. Мы, пожалуй, могли бы молчать на то, что помещикам предоставлено право сечь в частном доме крепостных людей, если б и крепостным людям было предоставлено право по общему приговору посылать в часть своих господ.— *Изд.*

щепки. *Цель* в поступке губернатора была *самая благонамеренная*: монастырь этот давно находился под полицейским надзором, и давно уже состоялось высочайшее повеление закрыть его, но оно не приводилось в исполнение потому, что монастырь приносил до 100 000 сер. секретного годового дохода на чиновную и духовную братию; большая часть из этих денег возилась в Петербург, а остальное раздавалось местным властям; таким образом кровь понемногу высасывалась из монастыря, а монахинь все-таки преследовали *по правилам* (хороши правила!) православной церкви, не давая им отдыха, но те смиренно переносили гонения с убеждением, что бог посылает на них испытание. Наконец явился новый начальник, служивший прежде в гвардии, потом губернским предводителем дворянства, человек богатый, честный; получив подтверждение высочайшего повеления с строгим предписанием министра внутренних дел о немедленном закрытии монастыря, принялся за дело энергично, горячо, с одного размаха убил дойную корову и *тем прекратил* дальнейший разврат и взяточничество чиновников, ревнителей православия. В Петербурге были поступком его недовольны.

Губернатору *жаль было* видеть эту угнетаемую массу раскольников, исправнейших платильщиков податей, повинующихся беспрекословно, вне своих религиозных обрядов, всему, что прикажут люди промышленные и торговые. Исполнивши такое дело *против своих чувств и убеждения*, губернатор в декабре месяце того же года по приезде в Петербург ходатайствовал у министра об освобождении черниговских раскольников от православного ига, от незаслуженного надзора за богатыми раскольниками и от притеснения их обрядов, подал об этом докладную записку и, к особенному удовольствию, заботы его увенчались успехом, надзор снят, и дозволено раскольникам молиться по-своему; этим черниговский начальник губернии положил конец стяжанию и к дальнейшему закрытию раскольничьих монастырей таким образом, каким, по несчастью, пришлось на его дело¹.

В заключение в письме сказано:

Независимо этого я бы *покорнейше просил принять меры к распространению «Колокола»* в губерниях, а то мы будем всегда опаздывать возражать на ваши статьи, так, как я опоздал теперь: поневоле отвечаю на нее спустя год и два месяца.

Мы еще пламеннее желаем *распространение «Колокола»*. Мы готовы посылать даром, лишь бы он доходил!

ЦЕРКОВНО-САМОДЕРЖАВНЫЕ ШАЛОСТИ

Во все царские дни (не только в дни рождения и именин государя, но даже и Анны Павловны, *королевы Нидерландской*, и

---

¹ Мы пропускаем часть письма, не идущую к делу о раскольниках.— Ред. (Примеч ред. «Колокола»).

всех новорожденных младенцев, их наберется человек 30!) *запрещены похороны* частных лиц и попы не смеют даже служить панихид и заупокойных обеден! * Ну, как католическое духовенство неравно узнает об этом византийски рабском принижении церкви, посмеется оно от души! И кому приходит эдакой вздор в голову, за это, наконец, и взятки никто не даст, это бескорыстно глупо!

〈ТОПИЛЬСКИЙ, МУРАВЬЕВ И ПАНИН〉

Правда ли, что гр. Панин желал дать аренду М. И. Топильскому и что сей последний был послан предварительно, для ходатайства о самом себе, к Муравьеву, от которого много зависит назначение аренд? Правда ли, что Муравьев объявил ему, что вакантных аренд нет и спросил потом: «Отчего сын мой не сделан до сих пор обер-прокурором?» Правда ли, что М. И. доложил Муравьеву почтительнейше, что в настоящее время таковых вакансий не имеется, а на другой день явился снова, обрадовать нежного отца известием об открывшейся внезапно вакансии и помещении на оную сына? Наконец, правда ли, что на третий день сам М. И. был обрадован известием о представившейся возможности назначить ему аренду?

ПО МУХАНОВУ И ЦЕЦУРИН

(Новые злодейства русских чиновников в Варшаве)

Не сосланный в каторжную работу убийца *Муханов* * нашел, по химическому сродству, какого-то пошлеца *Цецурина* и усадил его на президентские кресла Варшавской медицинской академии. Приемш Муханова совершенно взошел в отеческие виды инквизитора Польши.

Польский журнал «Przegląd» рассказывает, что эти *братья-разбойники* сочинили новый академический устав, безмозглый и уродливый! Вот главнейшие пункты его:

1) Все в настоящее время находящиеся в академии студенты, *хотя они поступили в академию и на прежних условиях и на таковые подписались*, обязаны теперь подчиниться новому порядку дел. 2) Всякий студент, желающий держать экзамен и получающий *два средние* балла, хотя бы даже из менее важных предметов, должен быть *исключен* из академии. 3) Каждый студент на основании мнения президента академии может быть исключен из нее во всякое время, потому что мнение это равняется силе суда и должно составлять закон. 4) Ежели студент даже удовлетворительно отвечает по взятому билету, все-таки

президенту разрешается предлагать экзаменуемому произвольное число вопросов и вследствие этого мнение президента решает участь студента, и пр. ...

Студенты составили протест и отправили с ним депутацию к президенту. Содержание протеста выражало ту мысль, что коль скоро произвол одного человека будет править их участью, то, не желая подвергаться произвольному изгнанию, они, предупреждая угрожающие им события, желают все, по своей доброй воле, оставить академию, ибо по одной доброй воле поступили в нее на совершенно иных условиях. На другой день в инспекторской академической канцелярии явилось более 200 формальных прошений о выдаче принадлежащих студентам бумаг и свидетельств о том, что они слушали два года курс наук в академии. Подобный поступок открыл широкое поле интриг для академических властей... Несколько студентов взяли прошения обратно; брешь в студенческой фаланге была сделана... Распространили слух, что причину поступка студентов боязнь экзаменов; что *предводители* протестации одни только лентяи и т. д. Когда ни искушения, ни обещания, ни прельщения не подействовали на большинство студентов, были приняты строгие меры и десять человек студентов арестовано по приказанию наместника с посадением в известные камеры гауптвахты, что на Саксонской площади. *Строжайшие осмотры книг и бумаг каждого студента* не привели ни к чему. По сегодняшний день посажено еще 12 новых государственных преступников, бунтовавших против Цецурина!

〈ДУЭЛЬ НЕКЛЮДОВА С БЕКЛЕМИШЕВЫМ〉

Что за история была у чиновника особых поручений при Главном управлении восточной Сибири г. Неклюдова с г. Беклемишевым? *Правда ли*, что Неклюдову, имевшему дело с одним Беклемишевым, было послано *шесть* вызовов? *Правда ли*, что дуэль (возле Иркутска, 16 апреля), окончившаяся смертью Неклюдова, была сделана неправильно?

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЕДЫ В МОСКВЕ

I

Мы, русские, всегда любили обедать, и притом обедать хорошо, но в последнее время мы выучились *политически* обедать и так, как прежде собирались на уху со стерлядью, так ныне собираются на обед *с речью*. Даже николаевцу до конца ногтей Закревскому давали 24 апреля 1859 обед * *с речью* Корнилова; мы не можем удержаться, чтоб не сообщить ее нашим читателям.

Граф Арсений Андреевич,

еще недавно мы праздновали 10-летие управления вашего сиятельства Москвою — те же чувства любви и преданности к вам собрали нас теперь. Но все, что было тогда радостного в наших чувствах, омрачено теперь сердечною грустию прощания. Тяжкий удар ниспослан вам свыше. Это не первый в вашей многотрудной блистательной жизни: вы прошли уже путем испытания.

В течение 11 лет службы под вашим заботливым, полным *благодушиного* участия начальством, мы привыкли видеть вас всегда твердым, всегда неутомимым, всегда неусыпным, строгим к себе, снисходительным к другим.

Таким вы были в годину народного бедствия, когда холера опустошала Москву. Быстро, разумными мерами, призвав в помощь бога, вы *прекратили* бедствие и подали сострадательную руку сиротам и семействам жертв эпидемии.

Таким вы были в тяжкую для отечества годину Крымской войны¹. Бодрствуя под тяжестью лежавших на вас обязанностей, вы ободряли, одушевляли в жителях Москвы патриотические чувства.

Таким мы видели вас и при радостных событиях нашего любезного отечества.

В настоящую эпоху исполнения великодушной мысли августейшего государя об уничтожении крепостной зависимости² вы *сдержали первые необдуманные порывы*, дали общему мнению сложиться, созреть и в мнении своем на проект московского комитета превзошли *либерализмом* многих, осуждавших в ваших действиях отсталые, запоздалые, несовременные идеи и убеждения.

В частных сношениях с нами вы были нам не начальником, а отцом. Все мы смело шли к вам с нашими радостями, с нашими печальми. Никому не отказывали вы ни в совете, ни в утешении, ни в помощи.

Везде и во всем вы были образцом всегда живой, всегда заботливой, всегда предусмотрительной деятельности.

Дай бог, чтоб это мужество и крепость сил не изменили вам теперь, когда они нужны для вас самих, для вашего спокойствия, для вашего семейства.

И если неличемерная любовь и преданность к вам бывших подчиненных может служить для вас утешением, то, граф, мы все здесь на

---

¹ В Крымскую кампанию Закревский ставил скверное сукно для ополченцев с своей фабрики и пр., чиновники его обогатились, это правда; но нельзя же за это благодарить!

² По крестьянскому вопросу Закревский давил меньшинство комитета, искренно стремившееся к изменению крепостного быта, задерживал их действия, грозил, но под конец, видя, что воздух в Петербурге по поводу крестьянского дела повеял несколько благоприятнее для меньшинства, желая угодить барину, представил проект меньшинства, да еще со своими добавлениями.

лицо, и непритворные слезы наши красноречивее слов говорят вам, как мы глубоко сочувствуем несчастью, постигнутому вас и всех близких вашему нежнолюбящему сердцу.

Да подкрепит вас всевышний и уврачует ваши сердечные раны!

Господа! За здоровье нашего незабвенного, всегда дорогого нам графа Арсения Андреевича!

II

Мая 10 дан был обед новому градоначальнику Москвы графу Строгонову. Он должен был служить выражением удовольствия московского народонаселения, что Закревский наконец смелен *. Подписались на обед с лишком 400 человек, *подписались даже и те, которые давали обед Закревскому.*

За $\frac{1}{4}$ часа до приезда графа и до начала обеда приезжает комендант и объявляет от имени графа, что речей не должно быть.

Тем не менее говорил Воейков, отвечал Строгонов, и затем обед кончился. После обеда профессор Соловьев успел перерезать дорогу графу Строгонову и сказать несколько слов. Остальные речи были произнесены *после отъезда* Строгонова. Это совершенно ново!!

Во время обеда московский градской глава Гучков сидел где-то в стороне, тогда как возле графа был с одной стороны предводитель дворянства, а с другой поместилось наше знаменитое генеральство. Распорядители обедом назначили градскому голове место, но генерал Чертов занял его, прогнав официанта, заметившего, что это место градского головы. Распорядители смолчали, смолчал и съезжился голова. Ну где же нам давать обеды со спичами, демонстрациями, манифестациями!

〈ЗАМЕТКА О ГУБЕРНАТОРЕ СИНЕЛЬНИКОВЕ〉

Получили мы разные забавные подробности о лихом управлении Воронежской губернии генералом *Синельниковым*. Мы их не помещаем только потому, что пет ни названия уездов, ни фамилий,— а такой холостой, алгебраической гласностью мы не довольствуемся. Спросим только Ланского и Долгорукова (жандарма), отчего они не отвечают на жалобы, посланные им против отважного губернатора Синельникова и его верных пандуров.

〈ПРЕДСЕДАТЕЛЬ УГОЛОВНОЙ ПАЛАТЫ В МОГИЛЕВЕ г. СТАХОВСКИЙ〉

¿*Правда ли, что бывший председатель уголовной палаты в Могилеве г. Стаховский* надевал крепостным женщинам своим намордники, когда они собирали овощи, в благоразумное предупреждение соблазна горохом или морковью? Это было не в

1657, а в 1857 году. Говорят, будто производится следствие для скрытия этого дела ¹.

КОНСУЛ ПОПОВ И КОНСУЛ ЧЕРЧИЛЛЬ В ЯССАХ

Videant consules!..*

В конце прошлого года русский дворянин *Иван Репницкий* привел на продажу в Яссы лошадей с своего бессарабского завода. Он продал две из них г. Черчиллю, английскому консулу в Яссах. Г-н Черчилль ездил 6 недель на лошадях и потом прислал обе назад, требуя промена их на две другие лошади, которых цена была значительно выше. Помещик не согласился, английский консул пожаловался русскому консулу Попову, решившему дело в пользу своего собрата.

Репницкий представил свидетелей и между прочими кучера г. Черчилля Ньюмана, подтвердивших, что лошади были проданы в совершенно здоровом состоянии и в продолжение первого месяца были здоровы. Консулы с своей стороны представили свидетельство ветеринарного врача; но Репницкий отвел его свидетельство, доказывая, что давший его не был врач... вследствие чего был призван другой ветеринарий, имеющий диплом из парижской ветеринарной школы. Этот другой засвидетельствовал, что болезнь лошади недавняя. Консулы поставили третьего ветеринара, показавшего, что болезнь старая. Тогда консул Попов предложил третейский суд и выбрал себя судьей, чего, разумеется, Репницкий не принял.

Так ли это было или иначе, была ли лошадь больна прежде или после, все это дела, подлежащие следствию.

Но вот что для нас важно в этой истории двух консулов, двух лошадей и трех ветеринариев, из которых один не ветеринарий. Неужели в самом деле телеграфическая депеша на имя государя, посланная Репницким 20 февраля 1859, была возвращена? Неужели письмо к министру иностранных дел, писанное Репницким, осталось без ответа, что его заставило писать 4 марта и потом 30 к русскому послу в Константинополь, на которое тоже не было ответа?

Не думают ли наши послы, что для сокращения переписки они имеют право не отвечать на деловые письма?

Корреспондент наш прибавляет, что по этому делу русский консул велел арестовать Репницкого и задерживает его до сих пор в Яссах (Письмо, нами полученное, от 27 июля). Неужели и это правда?

¹ Цитировавший нам прибавляет, что в случае нужды он готов скрепить своим именем рассказ.

**<ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ВИЛЬНЕ ГИМНАЗИСТОВ БАРОНОМ
ВРАНГЕЛЕМ, КНЯЗЕМ ШИРИНСКИМ-ШИХМАТОВЫМ
И ФОН ФРЕЙМАНОМ>**

Нам пишут из Польши: «Попечитель Виленского учебного округа, барон *Врангель* (из гусар!) и его помощник князь *Ширинский-Шихматов* (из мичманов!!) решились энергически противудействовать распространению просвещения и для того стали уменьшать всеми средствами число учеников в гимназиях и других учебных заведениях. Усердный исполнитель их *фон Фрейман* (из фэйерверкеров!!!), директор виленской гимназии, отказал под разными предлогами *двумстам* мальчикам, привезенным в Вильно, в праве поступления в гимназию, ссылаясь на недостаток места (в здании, в котором прежде помещался университет), усиливая экзамены и пр.»

Когда немцы сами по себе и татары сами по себе столько вредят России, что же сказать о соединении немцев с татарами на уничтожение просвещения? Если сухопутные и пешие попечители и директора учебных заведений никуда не годятся, что же сказать о наступительном союзе *гусара, мичмана и фэйерверкера!*

1 8 6 0

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА

**ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕЛА О ПОКУШЕНИИ КНЯЗЯ ЛЬВА КОЧУБЕЯ
УБИТЬ ВЕНГЕРЦА ЗАЛЬЦМАНА**

Читатели наши, вероятно, не забыли эту курьезную историю, рассказанную в 7 л. «Колокола» *. Статья наша имела свое действие. Государь, справившись о деле у австрийского посланника гр. Эстергази, приказал гр. Панину обратить особое внимание на это дело, и оно было во второй раз отослано на рассмотрение V департамента сената в С.-Петербурге, и на этот раз сенаторы — кн. Эрстов, Горголи, Баратынский и другие — решили в пользу Зальцмана, т. е. сенат приговорил отдать под суд: генерал-губернатора Шульгина, полицмейстера Поля (ныне председатель 2-го департамента управы благочиния), двух стряпчих — Титова и Килсевского, пристава Литейной части Сахарова, следственного пристава Швалова, квартального надзирателя Копьеченко, частного лекаря Васильева (показавшего, что рана нанесена Зальцману не пулей, а холодным оружием) — за ложные показания и фальшивое следствие; а также служащего у Блудова, поверенного Кочубея, Богоявленского за дважды ложный донос на Зальцмана: 1) будто Зальцман сам нанес себе рану и 2) будто он уговорил свою жену из греческого православия перейти к католицизму; но главного преступника,

кн. Льва Кочубея, уставший от геройского подвига сенат *не дерзнул* отдать под суд, но за неимением двух свидетелей на основании Св<ода> законов, т. XV, кн. II, разд. IV, ст. 329, оставил в подозрении со внесением подозрения в формуляр. Сверх сего, сенат приговорил к взысканию с виновных в пользу Зальцмана 30 000 рублей. До сих пор по приговору сената ничего не исполнено; все поименованные преступники живут припеваючи, служат и получают награды.

Нас уверяли, что Зальцман два раза подавал прошение государю, разумеется, через комиссию прошений, руководимую, за отсутствием кн. Голицына, г. Рашетт с сыном, и, разумеется, Зальцман не получил никакого ответа, потому что комиссия прошений, которой назначение быть посредницею между просителями и государем, составляют неодолимую преграду между царским слухом и вопиющим голосом подданных. Итак, до сих пор невинный страдает, а преступники гордо носят свою голову. Неужели государю, так грозно выступающему против учащихся и просвещения, приятна эта тьма крошечная русского суда, где самые повеления государя не исполняются, где страждет целый народ и позорится имя русское?

Еще в дополнение: на место Эстергази австрийским посланником в Петербурге гр. Сеченый. Этот граф на прошлой Святой неделе позвал к себе Зальцмана и свел его с кн. Сергеем Кочубеем (братом Льва), который предложил Зальцману покончить дело миролюбно, т. е. взять 6000 руб. с. и дать подписку в том, что князь Лев Кочубей никогда в него, Зальцмана, не стрелял. Разумеется, Зальцман подписки не дал и все идет по-старому.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ В ОСАДНОМ И ИКОНОПИСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

«Русская Академия художеств, год тому назад украшенная картиной Иванова *, взята приступом. На место талантливого, хотя уже старого, но весьма почтенного вице-президента ее, графа Толстого, сидит грозный вождь князь Гагарин *. Он тотчас занял крепкую позицию — 40 комнат под свою квартиру, т. е. *вчетверо* более, чем его предшественник, изгнав трех заслуженных профессоров Академии, и все это под тем предлогом, что к нему ездит *сам государь*. На переделку *укрепления* отпущено ему 5000 р. с. из сумм вовсе не богатой Академии *.

На художников он тотчас опрокинул, как на врагов, велел их допускать в мастерские только в известные часы дня * и подвергать их работы полицейскому наблюдению гг. профессоров. Натурщицы и натурщики, являющиеся в мастерские, также будут подвергаться какому-то осмотру бдительного начальства. (Баловники!). К довершению всего православная Академия

художеств займется *исключительно византийской школой живописи* и постарается довести до божественной лепоты суздальскую иконопись» *... (О А. С. Хомяков! Вы шутили, а генералы из этого сделают розгу!).

Корреспондент наш прибавляет: «Что же делает Мария Николаевна, президент Академии?»

Занятий мало ли у ней? *

Она посылает Васильчикова подсматривать за художниками *, не занимается ли кто по части клубники, не принимает ли кубебу, плотит ли прачке деньги...

Хозяйки взор повсюду нужен *

Особенно когда *хозяйка — президент!*

СЛАБОСТЬ К ВОРАМ

Мы всегда за помилование, но не за оскорбительное потворство. Зачем сообщники *Затлера* в воровстве больше наказаны, чем *Затлер?*.. * Это похоже на то, как Кочубей, стрелявший в Зальцмана, один и не попал под суд *. Затлер помилован по ходатайству Горчакова и Лидерса; мы понимаем, что Лидерсу было жаль Затлера — свой своему поневоле брат, — понимаем и то, что окончательно выживший из ума Горчаков не знает, что делает. А государь-то зачем их слушается? Или он суровую сторону власти бережет исключительно для студентов?..

ЗАСЕЧЕННЫЙ МАТРОС

<ВСТУПЛЕНИЕ>

Печатаая документы каннибальского зверства морского ведомства и стачки начальства для укрывательства преступления, мы в первый раз обращаемся к Константину Николаевичу. Говорят, что он искренно хочет улучшить свою часть, — в таком случае он не может, не должен терпеть такого татарского варварства и таких бесстыдных укрывательств.

«Подобные злодейства, — пишет совершенно справедливо наш корреспондент, которого мы просим присылать нам побольше подобных документов, — совершаются у нас ежедневно и гложут бесследно в омуте канцелярий; их никто не знает, жертвы этих злодейств совершенно лишены возможности не только искать справедливости, но даже и заявить публично свои страдания».

Неужели в то время, когда герцог Кембриджский свел телесные наказания в армии на минимум и приговор к ним окружил всеми гарантиями английского судопроизводства, в то вре-

мя как английское адмиралтейство делает подобную перемену и английские судьи *вешают* капитанов, засекающих матросов, у нас в ведении *Константина Николаевича* не только лейтенанты засекают *колючими* розгами, но контр-адмиралы приговаривают к шпицрутенам и ссылают в арестантские роты человека за то, что он писал просьбу вдове засеченного матроса.

Интересно, как одесские друзья г. Бутакова объяснят и это дело в его пользу.

Обращаем особенное внимание на свидетельство медиков, очень жаль, что их фамилии не написаны, их следует отметить. Прибавлять к этим документам ничего не надобно. Мы очень серьезно просим Константина Николаевича дать себе труд прочесть их.

ИЗ МОСКВЫ

Университет больше и больше превращается в детский приют, за ним приставлен вроде мамушки *Авилов*, бывший директором 2-ой гимназии. Он и его помощники сидят на лекциях и учат студентов — слушать. Он и его помощники ходят по саду, ходят по двору — и отучают студентов курить; говорят, что с будущего семестра инспектор и его помощники будут умывать руки студентам и причесывать их, а курса через два носить на руках, водить по лестнице.

Письмо из Москвы, лежащее перед нами, говорит между прочим:

Место Иноземцева занял теперь человек умный и деятельный — Басов. Адъюнкт Иноземцева Матюшенков занял кафедру Басова. Нужно избрать теперь адъюнкта Басова на место Матюшенкова. Достойным этого места является уже известный университету, особенно медицинскому факультету, *Рассветов*. Басов первый изъявил желание иметь у себя адъюнктом Рассветова, и все профессора мед. факультета разделили желание Басова. В совете собираются профессора юридич., математ., филолог. и мед. факультетов. Люди, *совершенно не знающие медицины* и не понимающие Рассветова, положили ему черные шары, и Рассветов не избран адъюнктом...

Г-н Леонтьев, профессор латинского языка на юридич. и филолог. факультетах, стал в глаза называть студентов, своих слушателей, глупцами, школьниками, мальчишками и т. п., прибавляя далее, что они заслуживают розог. Заикнулись было некоторые студенты, но их тотчас же исключили из университета.

Г-н Леонтьев; неужели это правда?

ЭПОХА ПРОГРЕССА И ГЛАСНОСТИ В РОССИИ

Желая всеми мерами способствовать изучению России, прогрессивное правительство сделало, под влиянием прогрессивного III отделения, следующее положение: что «никто не имеет

права производить или посылать кого-либо производить по России этнографические разыскания или собрания *каких бы то ни было* сведений, не спрося позволения правительства, от которого то лицо получает особенный вид, с прописанием: как, почему и для чего посылается. Разумеется, это дозволение может быть дано только лицам, пользующимся совершенным доверием правительства» (Говорят, что литераторам это право вовсе отнято!). Поздравляем с будущей прогрессивной статистикой!

〈АКАДЕМИК БАССИН〉

¿*Правда* ли, что академик *Бассин* бьет учеников Академии художеств? И правда ли (если это правда), что ученики его еще не поколотили?

〈ПЕРЕХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ〉

«*Le Nord*» от 5 февраля говорит, что уже оконченное положение об освобождении крестьян начнут приводить в исполнение с будущего сентября. Во время переходного срока от 10 до 12 лет (!) в каждом уезде будет *военный начальник с полной властью* действовать в случае столкновений между помещиками и крестьянами. Т. е. бояться неизбежных при переходном положении (и невозможных по ненужности при немедленном учреждении выкупа) крестьянских бунтов и потому припасают солдат и военачальников душить народ, если он чуть где пикнет. Сомневаемся мы в этом, но если это правда?.. О святая предусмотрительность! Ну, а если солдатам противно будет из храброго войска сделаться палачами своих братьев мужиков? Тогда что?.. Тогда первый умный полковник, который с своим отрядом примкнет к крестьянам, вместо того чтоб душить их, сядет на престол Романовых.

〈ГЕРШТЕНЦВЕЙГ〉

¿*Правда ли*¹, что в весьма недавнее время дежурный генерал главного штаба е. и. в. генерал-адъютант Герштенцвейг послал *по этапу* юнкера одного армейского полка, расположенного от Петербурга во 800 верстах, за то, что юнкер явился в инспекторский департамент *не в должной форме*. Нарушение формы состояло в том, что мундир был сшит из тонкого сукна, вместо солдатского, и вместо каски юнкер явился в форменной фуражке?

---

¹ Мне это рассказывал очевидец, присутствовавший при этой сцене, но он не мог сообщить мне фамилии юнкера и названия его полка.

ШПИЦРУТЕНЫ И СИВЕРС

Когда в Петербурге был получен № 48 «Колокола»*, то военное министерство переполошилось по поводу статьи о розгах и шпицрутенах.

Следствие об отыскании предателя канцелярской тайны было возложено на вице-директора инспекторского департамента в. м., флигель-адъютанта полковника графа Сиверса. Граф Евгений Егорович созвал писарей и предлагал 100 р. сер. награды и повышение в следующий класс тому, кто выдаст предателя.

Увы! До сего времени благородные старания почтенного флигель-адъютанта остались без успеха. Это тот самый Сиверс, который, будучи еще правителем канцелярии инсп. деп., сильно оскорблялся тем, что бывший тогда вице-директор отнял у начальников отделения и правителя канцелярии право телесно наказывать писарей. В 1855 году он восклицал: «Я состою 20 лет на службе, я полковник, и не имею права высечь писаря. Это ни на что не похоже!»

В 1856 граф Сиверс пожалован вице-директором, и с того времени всем властям дано разрешение *сечь писарей*, — и не пользуются этой привилегией только ленивые — да университетские.

ПАЛАЧ БАРАНОВСКИ Й

Мы ждали целый месяц, чем кончится дело, напечатанное в «Северной пчеле», о помещике Барановском *, истязавшем беременную женщину, которая вследствие побоев родила в свином хлеве, а новорожденный был съеден свиньями, — и не дождалась еще. До тех пор, пока дворяне будут в своей среде не только терпеть таких злодеев, но отстаивать их, *как орловские предводители отстояли* Гутцейта (за исключением одного Стаховича), насилувавшего малолетних *, до тех пор судьба их детей и жен тоже не очень обеспечена.

〈ЛУЖИН ДЕРЕТСЯ〉

?*Правда ли*, что харьковский губернатор Лужин при допросе студента *Завадского* его ударил? И если правда, какие меры взяты правительством, студентами или университетским начальством? Теперь-то нам Зиновьев покажет, что он не только умеет губить студентов, но и отстаивать!

НАЧАЛО НОВЫХ ГОНЕНИЙ В РОССИИ

В Петропавловской крепости велено приготовить казематы. На днях ждут *двенадцать* студентов Харьковского и Киевского университетов, обвиненных в революционном образе мыслей и в революционных замыслах!

〈ДУЭЛЬ В ИРКУТСКЕ〉

Мы получили письмо, в котором говорят, что обстоятельства дуэля, бывшего в Иркутске между Беклемишевым и Неклюдовым, описаны в 2 листе «Под суд» в преувеличенном виде; сверх того — что г. Молчанов, секундант Неклюдова, совершенно чист в этом деле. Мы получили об этом дуэле небольшую записочку и два довольно длинных письма (без подписи, но писанные разными лицами), обстоятельства с небольшими вариантами были сходны. Мы поместили целиком одно письмо; наша обязанность поместить и ответ, мы первые будем очень рады, если таким образом дадим случай оправдаться обвиненным. Сам новый корреспондент соглашается, что в Иркутской губернии ходили такие же слухи.

〈СВИСТУНОВ И КАШКИН〉

¿*Правда ли*, что из Калуги не позволили приехать депутатам — ни г. *Свистуну* (декабристу), ни г. *Кашкину* (замешанному в дело Петрашевского)? Хорошо понимает правительство амнистию!

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ

Каждая эпоха имеет свое помешательство, каждая страна свое. Русское помешательство на сию минуту — *переходное состояние*. Переходным состоянием плантаторы и бюрократы отдали освобождение крестьян, переходным состоянием начинается робко, едва заметно уничтожение розог, палок, плетей. Однорядцев не будут больше сечь; разумеется, это очень хорошо, но отчего же одних однорядцев исключили?... Так это никого и не сечь? Как можно — надобно *переходное состояние*, — за однорядцами не позволят сечь кучеров, потом поваров и т. д. Метод всего важнее! Тем не менее это благое начало. Скажите, в прочность чего верить смертному, когда даже будущность розог в России сомнительна.

АФИНСКИЙ АРХИМАНДРИТ, РОМБОТИ И ИЕРОДИАКОН

Мы получили возражение на письмо г. Ромботи, подписанное иеродиаконом афинской посольской церкви Агашием, о котором мы уже упоминали*.

О самом деле мы решительно *отказываемся* что б то ни было печатать. Но подробности озеровского суда в Элладе очень замечательны. По *одному подозрению*, что иеродиакон сообщил в

«Колокол» весть об архимандрите, основанному на их вражде, Озеров предписывает ему (30 января) отправиться с отходящим 2 февраля русским пароходом «Русалка» в Константинополь и там явиться к князю Лобанову-Ростовскому¹.

Иеродиакон поехал. Лобанов-Ростовский объявил ему, что он с первым пароходом отправит его в Одессу к графу Строганову, для передачи его в духовное ведомство.

Иеродиакон, чувствуя, что «вреден север для него» *, стал проситься на всегдашнее жительство на Афонскую гору. Лобанов-Ростовский отказал ему.

Что ему было делать? Ехать под страшный, неумолимый суд монашеский, было нелепо; «броситься в Босфор,— говорит он сам,— было лучше». Отец иеродиакон Агапий избрал благую часть, он исполнил волю Озерова и Лобанова-Ростовского и *сел* на пароход; но исполняя свою собственную — на тот, который его здраво и невредимо доставил в Лондон *.

<«С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ»>

«С.-Петербургские ведомости» и на этот раз приносят, хотя и несколько постные, но приятные и успокоительные новости:

С высочайшего государя императора соизволения имеют быть в нынешнем году народные гулянья:

1-го мая и в троицын день — в Екатерингофе.

В духов день — в Летнем саду.

1, 22 и 27-го июля и 26-го августа — на островах Елагином и Каменном, с сожжением, 1 и 22-го чисел июля, фейерверков.

30-го августа — в Александровском парке.

ОМСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Нам (т. е. не нам, а редакции «СПб. ведомостей») пишут из Омска:

28 февраля в церкви здешнего кадетского корпуса была отслужена панихида по усопшем Я. И. Ростовцеве. Горестное сознание великой утраты, понесенной этою кончиной всеми военно-учебными заведениями, выразалось на лицах всех присутствовавших в церкви воспитанников и наставников. С глубоким благоговением молились они об успокоении труженической души вновь представившегося — души, горячо любившей добро и детей, царя и Россию и слившейся неразрывно с жизнью военно-учебных заведений в последние 28 лет.

---

¹ Предписание, подписанное Озеровым, вместе с другими документами о *выборе лиц*, которым раздадут в Афинах деньги, собираемые для раздачи бедным, приложены в подлиннике к письму.

В этой скорби семьи *корпусной* принял живое участие и присутствовал также при панихиде попечитель здешнего кадетского корпуса, командир Отдельного сибирского корпуса и генерал-губернатор Западной Сибири, генерал-от-инфантерии Г. Х. Гасфорд с супругою.

По окончании панихиды г. попечитель обратился к воспитанникам и в нескольких *задушевных словах* высказал им, с какою глубокою признательностию должны они всегда чтить память Я. И. Ростовцева, и пр

В *заключение* г. попечитель, для *утешения опечаленных* воспитанников, объявил о полученной *радостной* для них вести, что государь император, желая показать новое всемилостивейшее внимание к военнo-учебным заведениям, соизволил назначить его императорское высочество генерал-фельдцейхмейстера Михаила Николаевича главным начальником этих заведений. Высочайшая милость эта оживила грустные сердца воспитанников и исполнила их чувством благоговейной признательности к царственному благодетелю, пожелавшему еще теснее, как бы родственнее, привязать их к себе.

Да полноте же, господа, вздор писать! стыдно — ни мертвому, ни живому спуску нет. Уймите чиновническое красноречие и евнушью лезть!

ПО ЧАСТИ «МЕРЗОСТНО-ОТВРАТИТЕЛЬНЫХ КАРТИН» «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

¿ *Правда ли*, что в канцелярии саратовского губернатора пропало курьезное дело о 70-летнем помещике Абуткове и о *девятилетней* девочке, ему принадлежащей? Дело было в хвалынском уездном суде? Мы слышали, что подробности этого дела еще хуже, чем de-садовские похождения другого почтенного старца и саратовского помещика Н. А. Шахматова.

АВГУСТЕЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАЗБОЙ

Государь император, усмотрев из доставленных от министра финансов сведений о податях за вторую половину 1859 года, что в некоторых губерниях с государственных крестьян поступили подати *в количестве, превышающем годовой оклад*, высочайше повелеть соизволил, за успешные действия по взысканию с означенных крестьян *податей* в 1859 году, объявить монаршее его императорского величества благоволение палатам государственных имуществ: Виленской, Калужской, Киевской, Тверской, Ярославской, Воронежской, Владимирской, Вятской, Костромской, Курской, Нижегородской, Псковской, Подольской, Тульской и Харьковской.

(«С.-Петербургские ведомости», 23 апреля 1860).

Государь император, усмотрев из доставленных от министра финансов сведений о податях за вторую половину 1859 года, что в некоторых

губерниях с государственных крестьян поступили подати более годового оклада, высочайше повелеть соизволил: за успешные действия по взысканию с означенных крестьян податей в 1859 году объявить монаршее *его императорского величества* благоволение палатам государственных имуществ: Пензенской, Саратовской, Смоленской и Пермской.

(«С.-Петербургские ведомости», 15 мая 1860).

После этого такая же благодарность палатам государственных имуществ — Астраханской, Минской, Орловской и Курляндской¹. Очевидно, что вскоре со всей России сберут податей больше годового оклада, государственным бюджетом не предвиденных и законным образом не утвержденных.

Что все это значит? Был ли это сбор недоимки? Тогда зачем же вещь не названа по имени? Но по смыслу рескрипта нельзя заключить иначе, как что с крестьян были собраны подати, которых им платить не следовало, излишние, незаконные подати, т. е. государственные крестьяне подверглись чиновничьему разбою, да не тайному, как взятки, а явному, с разрешения правительства, по его желанию, по признанному им государственному разбою. Где это слыхано? Благодарность за разграбление крестьян! И это государь объявляет во всеуслышание, не краснея, не подумавши, какими страшными средствами вообще собираются у нас подати. Или государь не читает того, что подписывает... зачем же он не читает? Или он читает, да не понимает... Зачем же он не понимает? Или он хотел разбоя, потому что деньги понадобились?.. Нельзя же однако царствовать, как *Утешилительный* из гоголевских «Игроков».

ЕВРЕЙСКИЕ ВЫБОРЫ В ВИЛЬНЕ

«Теймс» от 31 мая рассказывает, что австрийская «Пресса» по поводу требуемой в защиту христиан в Турции международ-

¹ По «Памятной книжке» 1860 года мы можем сообщить имена атаманов, получивших благоволение за этот разбой. Председатели палат: Виленской — Антон Глушановский, Владимирской — Владимир Калачев, Воронежской — Владимир Черепнин, Вятской — Николай Гартинг, Калужской — Виктор Юзефович, Киевской — Семен Шийко, Курской — Петр Зиновьев (брат Зиновьева, спасающего наследника русского престола от образования, и Зиновьева, знаменитого набегом на Харьковский университет), Нижегородской — Павел Бетлинг, Подольской — Николай Ключарев, Псковской — Алексей Казначеев, Тверской — Владимир Коробин, Тульской — Николай Павлович Воронцов-Вельяминов, Харьковской — Михаил Мартынов, Ярославской — Евгений Якушкин, Пензенской — Измаил Сумароков, Пермской — Константин Антонов, Саратовской — Николай Силич, Смоленской — Петр Сильванский, Астраханской — генерал-майор Струков, Минской — Дмитрий Готовцев, Орловской — Сергей Моисеев, Курляндской — Константин Китер. Действовали ли эти господа по приказу министерства или по собственному усердию — не знаем. Но если и был подобный приказ, то долг получившего его скорее оставить службу, где такой приказ возможен.

ной следственной комиссии замечает, что не худо бы было учредить такую же комиссию в России, «особенно, — продолжает черно-желтый орган, — если все, что печатается в „Колоколе“, справедливо». Эта мысль очень хороша и тем больше радует нас, что явилась с такой стороны, с которой мы не избалованы обилием мыслей, пронизательными догадками и вообще пониманием. Мысль эта нам нравится по трём причинам. Как первая не рабская и не тупая мысль в австрийской журналистике. Во-вторых, сама по себе. А в-третьих, потому что она доказывает всего лучше, что непасть между Россией и Австрией не только существует, но *дозволена* к. к. ценсурой, а на этой-то непасти и зиждутся надежды славянского мира.

Впрочем, петербургское правительство и тут имеет большое преимущество перед турецким. Турки дают одних христиан, Петербург давит христиан *не меньше* Порты (например, расколеников), но зато давит и всех прочих.

Вот небольшой образчик, взятый из «Wiadomosci Polskich»:

До сих пор правительство равнодушно смотрело на выборы раввинов, которые совершались в Вильне каждые три года, и каждый из евреев имел право голоса. В прошедшем году по окончании трехлетия бывшего раввина, который прослужил почти 20 лет, назначен новый выбор. Собралось до 500 избирателей; по приведении к форменной присяге в синагоге их отвели под стражей в огромное здание, называемое экзерциргауз, где обыкновенно в зимнее время производится учение.

Когда приступили к собиранию голосов, подаваемых тайно, оказалось, что ни один из кандидатов не получил даже $\frac{1}{8}$ голосов. Это рассердило виленского вице-губернатора, он видел в этом *оскорбление для кандидатов от правительства* и непочтение к царской воле. Поэтому он приказал окружить стражей здание, запереть двери и представил избирателям 11 других кандидатов, из которых ни один не был старше 24 лет. Все это время избирателей не выпускали, не давали им ни есть, ни даже соломы отдохнуть. Что происходило в это время в собрании, трудно рассказать; многие попадали в обморок от давки и духоты; один старик, которого, несмотря на усиленные просьбы, не хотели выпустить, сильно заболел и на другой день умер. Несмотря на крики, плач и обмороки, полицмейстер не позволил прервать баллотировки. Когда призывали воотирующего к урне, то полицмейстер с фонарем должен был отыскивать его, пинками будил уснувших и тащил за воротник к столу *свободных совещаний*. Смелых спорщиков он отправлял в полицию.

Однако ж это насилие и варварство не устрало евреев. Твердые в своем решении, они без колебания, хотя сквозь сон, клали *negatywy*, и никто из этих новых кандидатов не получил даже столько, сколько имели прежние.

ТЕОРИЯ СЕЧЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОЛИЦИИ

На Невском проспекте обокрали французенку; дворника взяли в часть, жестоко высекли и отправили в больницу. Вступившему за это бессудное дело домовладельцу обер-полицмейстер объявил, что дворников *всегда будут сечь без следствия и суда*. Вот какая привилегия!

〈СВЕРХШТАТНЫЙ ЧЛЕН ШЕРЕМЕТЕВ〉

Может ли быть *исправляющий должность сверхштатного члена*? И очень, особенно в таком присутственном месте, которое само по себе сверхштатно и ненужно. Шереметев (женившийся на дочери М. Н. Муравьева) считается *исправляющим должность сверхштатного члена присутствия строительной конторы министерства императорского двора!* Много бо может молитва родителей!

САМОДЕРЖАВНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

— Sono nato libero — e voglio morire libero!¹ — говорил — кто вы думаете?.. Маццини? Орсини?.. Нет, покойный король неаполитанский *, когда его убеждал один из конституционных министров подписать какой-то закон. У венчаных глав бывает иногда такой самодержавный якобинизм. Говорят, *Княжевич **, спросив предварительно у Шувалова, сколько тратится на двор, поднес *taximum* государю, прося его утвердить эту смету, чтоб министерство знало, не более какой суммы потребуется. Государь разобиделся этим и сказал Княжевичу: «Как? Меня ограбичивать, ну а если я все потребую сразу?» — E nato libero, e corpo di Vacco, vuol morire libero!²

ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ ПАЛИСАДОВ И ЕГО МЕРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «КОЛОКОЛА»

21 июня (1 июля) в 1 кадетском корпусе происходила присяга нововыпущенных из кадетских корпусов офицеров. При присяге, рассказывают петербургские журналы, законоучитель СПб. университета Палисадов произнес слово. Богокрасноречивый проповедник советовал ревностное занятие *чтением*. «Что же читать?» — вопрошал он. — «На это трудно ответить, — благоотвествовал он, — но легко сказать, чего читать не следует. Не следует читать тех запрещенных сочинений, которые ходят тайком и, как волки хищные, губят религию и государство».

После этого мы обеспечены, каждый молодой офицер при-
мется за хищных волков.

¹ Я родился свободным — и хочу умереть свободным! (итал.).— *Ред.*

² Он родился свободным и, черт побери, хочет умереть свободным! (итал.).— *Ред.*

Давно ли газеты рассказывали о попе, изгрызшем *под волка*¹ убитого им солдата, а теперь нам пишут, что городничий в каком-то городе Московской губернии икусал купца. Мы сильно сомневаемся в этом развитии готтентотских вкусов. Неужели оттого, что скоро помещикам нельзя будет высасывать кровь мужиков, духовенство и полиция примутся кусать прочие сословия? Если этот факт справедлив, просим имя городничего и купца.

ЗАПРОС

Лондонские журналы от 21 августа напечатали телеграфическое известие, будто в России войску не выдается жалованье, что даже гвардия уже пять месяцев не получает его и что везде в России идут глухие толки о том, что правительство накануне банкротства. Убедительно просим наших соотечественников сообщить нам, правда ли это и насколько правда, или это только слухи, преднамеренно распускаемые биржевой спекуляцией?

ГРАФ ЗАКРЕВСКИЙ И ГЕРЦОГ САКСЕН-ВЕЙМАРСКИЙ

⟨ВСТУПЛЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

В Лондоне месяц тому назад герцог Саксен-Веймарский изволил проскакать мимо сборщика дорожных денег, не соблаговоливши заплатить *двух пенсов*. Остановленный сборщиком, он ему сказал, что едет *по службе*. В силу чего и был герцог Саксен-Веймарский потребован в полицию — да и не только потребован, но и явился. Оправдывался, оправдывался, ссылаясь на *Mutiny Bill*, но дело все-таки кончилось тем, что судья (прибавляя, впрочем, к каждой фразе «ваше высочество») приговорил его заплатить *два пенса* за дорогу и *два шиллинга* за протори.

Любопытно видеть, как розны в разных странах понятия о нелицеприятии суда.

Вот как поступлено в России не с его Саксен-Веймарским высочеством, а с его сиятельством графом Закревским².

Но почему же в этом предложении Правительствующему сенату опущено имя графа Закревского? Почему его наглый и

¹ Недаром бого-витийствующий законоучитель *Палисадов* поминал о «хищных волках»*.

² Далее печатаются документы, рассказывающие, как граф Закревский выдал письменное разрешение своей дочери повенчаться, в то время как у нее был муж.— *Ред.*

самопроизвольный поступок не отдается на обсуждение правосудия? Он — главное виновное лицо; пользуясь своим высоким официальным положением, он дал фальшивое свидетельство и ввел чрез то в обман других — и это преступление должно остаться без суда и расправы. Человек, бывший руководителем законопреступного события, свободен от суда; а лица второстепенные, несравненно менее виновные, будут подвергнуты всей строгости закона! Где же тут правда? Или и впрямь на Руси закон — что паутина: муха завязнет, а шмель всегда проскочит? Говорят, что граф Закревский уже достаточно наказан тем, что лишился места генерал-губернатора *, но разве это возмездие? На службе давно нельзя было терпеть его, как человека неблагонамеренного; преступление, им совершенное, нисколько чрез то не уничтожается, что он более не грабит Москвы.

ЕЙ ТЫ, ФЕЛЬЕТОНИСТ!

Мы читали в «Московских ведомостях», что ты в какой-то русской газете упрекал учителей воскресных школ, что они говорят ученикам «вы». Сообщи, братец, нам твою статью, название газеты и твое прозвище, ты нас этим удовлетворишь.

<ВОЙТ>

¿ Что за место сверхштатного члена упраздненного комитета при театральной дирекции, которое с успехом занимает действит. статский советник *Войт*?

<Д. Н. ЗАМЯТНИН>

Очень нужно, и в скором времени, узнать, за что государыня хотела выслать *Замятнина* из какого-то женского института * и за что государь его оставил в нем? Правда ли, что этот господин *entre Panin et Topilski* ¹ думает, что нельзя быть наместником мин. юстиции, не подражая в нравственности министру юстиции при Людовике-Филиппе Мартин дю Нор?

ЕЩЕ ГЛУПЕЕ!

Директор училища правоведения *Языков*, узнав, что правоведы «занимаются обучением народа грамоте в воскресных школах», запретил правоведам учить в воскресных школах, говоря, что это «марает мундир их». Каков флелевый директор *Языко-*

---

¹ Здесь: нечто среднее между Паниным и Топильским (франц.).— *Ред.*

саур или Языкодонт! Да когда же вся эта действительно тайная и не действительно вонючая трава пересохнет? Николайто — вот воспитатель-то был, какое дал прочное направление!

ПОТОЦКИЙ, ЗАКРЕВСКИЙ, ИЛЬИНСКИЙ

В 1856 году граф Михаил Потоцкий торговался с особами, близкими графу Закревскому, о покупке высочайшего прощения. В цене сошлись, но дело не сладилось — Потоцкого выслали из Москвы, а вслед за тем графа Ильинского. Закревский обвинил Ильинского в утаивании суммы Потоцкого — Ильинский протестовал, Закревский донес на него, Петербург — выслал Ильинского из Москвы. Ильинский просил произвести следствие, следствие произвели секретное, и киевский генерал-губернатор объявил ему, тоже *секретно*, что он оправдан. Но Ильинский просил копии или официального сообщения — ему отказали; он еще раз адресовался к жандармскому Долгорукову, тот велел ему сказать, что «надзор с него снят, чего же он еще хочет!» *Если это правда*, какое тонкое понятие о чести и добром имени у голубого князя!

ПОЛТАВА И СТОКГОЛЬМ

В Швеции уничтожены паспорта. Зато при въезде в Полтаву устроена от полиции разбойничья станица, останавливающая путешественников под предлогом осмотра паспортов. Как же не пожалеть, что не Карл XII побил Петра и что верх взял не Мазепа!

〈РАД СТАРАТЬСЯ〉

В министерстве финансов найдена бумага, из которой можно догадаться, что Врончепко завез Николаю финансовый отчет за прошедший год и бюджет на будущий, но невпопад. Николаю нужно было ехать играть солдатиками. «Оставь у меня, я пришлю тебе», — сказал Николай и прислал через полчаса; на отчете написано было: «Читал с удовольствием», на бюджете: «Быть по сему». Вронченко, боясь, чтобы потом чего-нибудь не вышло, — может быть упреков, зачем не сказал, в чем дело, — написал Николаю докладную записку, в которой между прочим удивлялся высочайшей мудрости, обнявшей такое громадное дело мигом. Николай противу этой похвалы изобразил: «Рад стараться!». Впрочем, это было известно и прежде.

〈ПАСПОРТЫ〉

Говорят, что *Княжевич* хочет снова обложить заграничные паспорта *. А мы его считали умным министром. Знает ли он, что нельзя остаться честным человеком, сделавши такое предложение. Финансы этим не поправишь. Нельзя же, сверх того, оттого, что у правительства нет денег, наложить подать на рыжие волосы, на людей, у которых не была scarlatina, — гораздо проще отобрать у всех часы, серебряные ложки и пр. Это уже пробовали в прошлом столетии во Франции, незадолго до революции.

〈ПОМЕЩИК г. ХАРЧЕНКО〉

«*Правда ли*, что дело о злодействах помещика Верхнеднепровского уезда Гаврила Харченка, замечательного, как мы уже писали (смотри. «Колокол», № 55), выдумкою машины, *одним оборотом колеса* дающей от 100 до 150 ударов палками по пяткам, кончено в Верхнеднепровском уездном суде судьей Каширининовым совершенно в его пользу и во время отсутствия начальника губернии графа Сиверса утверждено исправлявшим его должность вице-губернатором Большевым, которому подслунали это дело в числе других дел, предающихся *воле божией* по недостатку явных доказательств? Правда ли, что граф Сиверс по приезде и принятии должности немедленно возвратил это незаконное дело из Верхнеднепровского уездного суда, куда оно уже было отправлено для зависящего распоряжения, т. е. объявления Харченка невинным и снятия опеки с его имений, которая налагалась два года и едва могла состояться только несколько месяцев назад по решительным настояниям генерал-губернатора и начальника губернии графа Сиверса?

〈КОВАЛЕВСКИЙ ПРИЗЫВАЛ ПЕТЕРБУРГСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ...〉

Ковалевский призывал петербургских журналистов и высочайше повелел им плакать о покойной императрице Александре Феодоровне *. А прогос, говорят, будто Аничковский дворец, завещанный императрицей государю (видите, дворцы-то все частная собственность — на прусские деньги приобретена, верно?), *заложен где-то в Англии?* Если дорого, Александр Николаевич может отказаться, дворец здесь продадут с молотка.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

1860

LA PRESSE RUSSE A LONDRES AUX SERBES
ET MONTENEGRINS

Connaissant peu les affaires des Slaves du sud et entièrement absorbés par nos questions intérieures, nous ne nous sommes jamais adressés à eux, et nous n'avons rien communiqué sur eux à nos lecteurs russes.

Mais à la vue du rapprochement qui s'opère entre des *Allemands* de Pétersbourg avec les Allemands de Vienne, mais à la veille de voir la résurrection de la maudite *Sainte Alliance* — cette source empoisonnée pour tout ce qui aspire à l'indépendance, cette source vitale pour l'Autriche putréfiée et qui s'en va en lambeaux — en vue de cette trahison envers le monde slave, se perpétrant par le gouvernement russe, nous ne pouvons pas nous taire.

Nous le pouvons d'autant moins que la Serbie et le Monténégro entrent aussi dans de nouvelles phases du développement.

Le vieux prince Milosch, avec ses vieux préjugés, est descendu dans la tombe. Son successeur annonça son avènement au peuple serbe par une proclamation noble, ferme, contemporaine. Loin de s'engager à continuer le règne de son «*inouvable* père et bienfaiteur», il promet un règne meilleur, un règne soumis aux lois, certainement votées par l'assemblée nationale.

A la place du malheureux prince Danila paraît un tout jeune homme. Nous ne le connaissons pas, mais nous n'avons pas de raison pour soupçonner qu'il ira de joie de cœur se jeter dans les bras ridés de la vieille sorcière l'Autriche qui de tout temps menaçait de son bâton la patrie du jeune prince, et d'autant plus que la vieille retombe derechef dans ses hideuses liaisons avec l'ours, prêt à prendre parti pour sa belle édentée. Nous sommes convaincus qu'il peut beaucoup faire pour ses splendides montagnards, *surtout s'il se pique un peu moins de reconnaissance au sujet de son éducation* (qu'il a payée, au bout du compte, de ses propres deniers).

Ceci entendu, venons au fait.

Nous voulons tourner l'attention de nos frères serbes et monténégrins à un sujet très grave, c'est que de notre temps on ne peut plus impunément confondre la Russie avec son gouvernement. Ils doivent se pénétrer de l'idée que ce n'est pas tout de haïr la Turquie, de détester l'Autriche, il faut une fois pour toutes ne plus *espérer en Pétersbourg*. L'amitié de Pétersbourg vaut bien l'animosité de Constantinople et l'astuce de Vienne, et elle est beaucoup plus dangereuse — car on y croit.

Il est temps pour tous les Slaves de se convaincre définitivement qu'il n'y a *rien de moins russe, de moins slave en Russie que le Palais d'Hiver, c'est un faubourg allemand aux bords de la Néva*.

Et cela ne dépend pas du tout de la personne du tzar régnant, mais bien de la pensée régnante, du système entier. Il y a là quelque chose de plus grave que le testament de Pierre I qui n'a jamais existé, il y a là un sol, formé couche par couche, tradition par tradition, et ce n'est que de ce sol que le Palais d'Hiver puise sa sagesse et sa folie gouvernementale. Dans ce sol malsain il y a des cadavres funestes qui se décomposent, il y a des réminiscences à faire dresser les cheveux sur la tête, depuis les Biron et les Ostermann jusqu'aux Araktchéieff et aux *sans-noms* du règne de Nicolas.

Jusqu'à cette heure nous sommes convaincus qu'Alexandre II, avec toutes ses fautes et défauts, avec sa chute jusqu'à la ceinture dans l'Autriche, est le meilleur de tous les Mérovingiens de la famille Romanoff.

Mais d'où prendra-t-il la force de Samson pour rompre de ses muscles tendus les mille et mille filets et nœuds, tricotés pendant une cinquantaine d'années consécutives par des diplomates tels que les Nesselrode et des buralistes tels que les Panine? Sans compter qu'il est habitué à ce régime depuis sa naissance, il ne sait ni voir, ni ouïr. De même qu'au 21 janvier 1793 le tambour empêcha à un peuple d'entendre les paroles de son roi, de même aujourd'hui il empêche le tzar d'entendre les plaintes du peuple; et il reste convaincu qu'il peut faire *le bien*, parce qu'on ne l'empêche pas de faire le mal.

Une seule fois il a agi en dehors de la tradition du Palais d'Hiver, dans la question de l'émancipation des paysans, et il a fait un pas énorme en avant, un pas qui lui sera compté dans l'histoire; mais il paraît que cet effort a épuisé toute sa force.

Maintenant il s'allie avec l'Autriche, ahurie par l'indépendance italienne. Pourquoi s'en préoccupe-t-il? Méditez cela, et vous pourrez apprécier ce que vous avez à attendre d'un gouver-

nement qui est capable de se lier avec un ennemi plus que haï, méprisé par lui et par son peuple, et cela pour arrêter une nation qui brise ses chaînes et maintenir les principes sacrosaints de l'absolutisme.

Est-ce que vous ne reconnaissez pas dans ce fait la même politique qui avait empêché l'*orthodoxe* Alexandre I de tendre la main aux Hellènes, qui avait amené la *première* intervention en Hongrie? Le Palais d'Hiver agira de la même manière avec vous. Ne comptez pas sur la parenté, son sang slave est d'une pureté très problématique. Si vous voulez savoir comment il comprend la solidarité de race, demandez aux Polonais.

Lorsque Salomon ordonna de *partager* l'enfant, le cœur maternel se manifesta, et comment se manifesta le cœur de la mère Catherine, lorsqu'elle, écartela avec ses complices allemands la Pologne? Ou le cœur du père Nicolas, lorsqu'il jeta, en guise de pourboire, à l'Autriche une des plus vieilles capitales de la Pologne, la Cracovie, et que l'Europe bourgeoise lui permit de recéler le vol?

Que le sort de la Pologne vous serve d'exemple. Lorsque Prométhée était rivé au Caucase, un vautour venait le tourmenter chaque matin, l'imagination des Grecs n'allait pas plus loin. Mais la Pologne, crucifiée à la Russie, est tourmentée jour et nuit par trois aigles — à cinq têtes!

Eh bien, qu'a-t-il fait pour la Pologne, Alexandre II? Il convenait bien au fils de couvrir la mémoire funeste de son père, d'implorer pour lui pardon et oubli, par la douceur et des concessions; le décorum de l'histoire, le cœur humain l'exigeaient.

Il a donné une piètre amnistie avec mauvaise grâce, avec des restrictions, et cette amnistie a été envenimée par les procédés insolents des garçons de bureau des ambassades. Il a laissé comme lieutenant du royaume le vieillard servil qui a fait tuer des millions de Russes à la Tchernaya, exécutant par courtesanerie des ordres absurdes venus de Pétersbourg. Il n'a pas même voulu mettre à la porte les subalternes dans le genre de l'abject Moukhanoff et du hideux Abramovitch. Passons maintenant de la Pologne à vos propres souvenirs.

Chaque fois que le gouvernement de Pétersbourg avait besoin de vous, pour arracher un lambeau de la Turquie ou pour faire peur à l'Autriche, vous étiez inondés d'agents; cela se faisait du temps de Munikh et de l'impératrice Anne, cela se faisait du temps de Potiomkine et de Catherine, du temps d'Alexandre et de Nicolas. Ces agents avaient le verbe haut sur l'orthodoxie, parlaient de la liberté (qu'ils avaient probablement appris à aimer à

St. Pétersbourg), les espérances se réveillaient, l'assistance était promise, le cœur battait, on se remuait, et pendant ce temps là, quelque part, dans un coin — à Koutchouk-Kaïnardji ou bien à Adrianople, on concluait, la paix; les agents disparaissaient, vous étiez trahis, livrés, et le gouvernement de Pétersbourg, sous la forme d'un petit Allemand en lunettes, déclarait *daß es niemals solche scandalöse Hoffnungen gegeben habe*, les Allemands croyaient aux Nesselrode ou aux Mayendorf, à Alopeus ou à Oubril, à Schroeder ou à Stakelberg, et vous aviez les *hoffrat* et les *bachi-bouzouck* pour vous punir.

Cela s'est répété vingt fois, et l'on achetait quand-même chez vous les portraits d'Alexandre I et de Nicolas; ôtez donc le bandeau de dessus vos yeux.

Heureusement le Palais d'Hiver n'est pas toute la Russie, pas même tout Pétersbourg. Son âge d'or, lorsqu'il renaissait des cendres, nouveau phénix, par l'ordre de Kleinmichel, sur les cadavres des ouvriers, — est passé.

Il y a une autre Russie, hors du palais, hors *du rang*; elle est faible, mais elle grandit. Le Palais d'Hiver, lui aussi, n'est pas très fort et bientôt il n'aura pas le sou (à moins que l'Autriche ne lui en prête!). Cette autre Russie voudrait vous tendre une main de frère, mais elle vous prie de ne pas confondre la main qu'on vous tend avec celles des propagandistes brevetés à Pétersbourg, des agitateurs portant la croix de St. Anne au cou, celles des pèlerins *d'Etat actuels*, qui viennent chez vous *en passant* par Jérusalem, ou *venant* du Mont Athos, celles enfin de tous les hommes consulaires qui visent les passeports en y imprimant l'effigie d'un oiseau monstre et correspondent avec les chancelleries de Pétersbourg.

Mais où est-elle, cette autre Russie? C'est difficile à dire, il y a trop d'étrangers qui nous écoutent aux portes, mais cherchez et vous trouverez. Pour le moment nous vous proposons notre organe *extra muros* et complètement libre. Il est trop faible pour servir de pont à des légions, mais il peut être employé comme planche, jetée en travers du ravin, et sur cette planche des frères peuvent se rencontrer pour s'aboucher et se serrer la main.

Londres, 20 octobre, 1860.

I s c a n d e r,
Editeur du *Kolokol*

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ „КОЛОКОЛА“

1860

ОТРАВИТЕЛИ В КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Один богатый еврей, Бродский, воротившись из-за границы, привез с собою множество фальшивых ассигнаций и начал распространять их. Киевский гражданский губернатор Гессе считал не деликатным мешать ему в этом, тем больше что Бродский помогал ему своими советами купить имение в 600 душ. Ассигнации сильно распространились в южных губерниях, и это дошло до новороссийского генерал-губернатора. Строгонов поручил своему чиновнику отыскать их источник. Чиновник был усердный и знающий свое дело человек (*фамилия?*); по горячим следам добрался он до Киевской губернии. Бродский, видя невозможность убедить его, обратился за содействием к Гессе. Гессе написал к Строгонову, чтобы он переменял следователя, потому что посланный им чиновник позволяет себе противозаконные поступки. Чиновник был отозван, но когда он объяснил Строгонову, в чем дело, его опять послали. Явившись в Киевскую губернию в другой раз, он на третий день *скоропостижно умер*.

В это время содержался в киевской крепости под арестом помещик Черниговской губернии Ярошевицкий. Ярошевицкий написал в Петербург, что чиновник был отравлен; но, видно, на этот раз отравка была прилипчива, Ярошевицкий выпил, совершенно здоровый, стакан минеральной воды, которую он имел обыкновение пить, почувствовал себя очень дурно и стал требовать своего доктора, говоря, что ему дали яду. Явился доктор, *но не его, а другой*, и до тех пор принимал деятельные медицинские пособия, пока Ярошевицкий успел умереть. Назначено было медицинское следствие, при котором должны были присутствовать и депутаты от медицинского факультета. Трупоразъятие (сделанное очень поздно, в пущие жары) было произведено госпитальными медиками *Юзевичем* и *Меллиотом*: университетские депутаты профессора Гюббенет и Эргард уклонились

от следствия. Признаков отравления не пашли (В другом письме сказано, что даже желудок, присланный в университет, принадлежал какому-то солдату).

Это совершенно новая отрасль служебных занятий. Нельзя ли взять на откуп право отравлять, с заведением контор (при губернаторских канцеляриях) для продажи *очищенного* стрихнина, *подслащенной* синильной кислоты и пр.?

P. S. В утешение нам пишут, что полицмейстер *Плеханов* по делу с французенкой оправдан *. Мы были уверены, что виновность рано или поздно восторжествует!

А что *Плеханов* занимается, что ли, химией? Зачем он брал у дворового человека Ярошевицкого минеральную воду?

В ЗАЩИТУ Н. ЖУРАВЛЕВА

В 57 и 58 л. «Колокола», стр. 481, было напечатано: «Правда ли, что ярославский губернатор переместил рыбинского уездного секретаря в Углич (в город бездоходный) за то, что тот осмелился справедливо решить дело абакумовских крестьян с рыбинским купцом Журавлевым, который огородил деревню Абакумово тыном в две сажени вышины и, лишив жителей законного и выгодного сообщения с рекою Шексною, превратил деревню в острог?»

Мы получили письмо, в котором говорят: «Во-первых, что губернатор не перемещал никакого секретаря в Углич. Во-вторых, что решение магистрата вообще с уездным судом было несправедливо и отвергнуто палатой потому, что тына в две сажени вышины по даче мещан у Журавлева нет, а есть забор вышиною в 4 аршина, потому поставленный на земле Журавлева, что за ним к реке производится постройка судов Журавлева».

Считаем обязанностью поместить этот отрывок. Часто наши статьи — только запрос.

В том же письме в защиту Журавлева говорится о каком-то *Михалкове*, выпустившем крестьян на волю из *Петровского* без земли. Правда ли? — спрашиваем мы и равно готовы принять отрицание и подтверждение.

ПОМЕЩИЦА — НЕНАВИДЯЩАЯ И ПОМЕЩИК — ЛЮБЯЩИЙ СВОИХ РАБОВ

I

Нам пишут из Украины, что помещица Сумского уезда, жена штаб-ротмистра, Наталья Васильевна *Свирская*, далеко превзошла в гнусных злоупотреблениях помещицьею власти Вреде, о котором мы писали (в 15 л. «Колокола») *, Клопотовскую

(лист 22) *, Гутцейта и пр. неонаказанных преступников. Свирская в продолжение нескольких лет драла, вешала за ноги на морозе и обливала холодной водой, травила волком дворовых людей и женщин. Она заставляла обстриженных девок *есть собственную косу*, заставляла глотать кал... Семь лет тому назад она замучила одну девочку до смерти. Священник, видя тело, покрытое пятнами, отказался хоронить без следствия, но *добрый* уездный врач дал свидетельство, что девочка умерла от чахотки и водяной. Перед этим производилось исправником Власовским следствие по обвинению Свирской своих крепостных людей в покушении отравить ее. При производстве следствия исправник так усердствовал, что из 15 прикосновенных к делу лиц *умерло четыре!*

Суда никакого не было ни по тому, ни по другому делу. Только генерал-губернатор сделал распоряжение взять имение Свирской в опеку и представил в сенат о действиях ее мужа (бывшего *предводителя* Сумского уезда!), *допустившего* жену к жестокому обращению. Сенат нашел, что ему за это (за участие в убийствах и ряде злодейств) следует сделать выговор, да и подвел его под манифест 27 марта 1855 *.

Все это было в продолжение папинского министерства. Нет, государь отводит глаза, он не хочет правды, он боится правды; но история не должна забыть преступления и злодейства извергов-помещиков, покрываемых ворами-чиновниками и амнистиями коронуящегося царя!

II

В 1855 году молодой помещик, казацкий есаул *Попов*, поселился в своем родовом поместье, Саратовской губернии, Царицынского уезда, в селе Отраде. 22-летнему юноше сельская жизнь показалась скучна, и для развлечения он собирал по вечерам в барский дом сельских девушек, начиная с 14 лет, петь, играть, а после игр оставлял некоторых из них и ночевать с собою. Такая очередь остаться дошла, наконец, до одной девушки, по имени *Анны*, которая наотрез отказалась от этой чести. Попов подверг ее заключению, морил голодом. Отец девушки приходил упрашивать барина за дочь и говорил ему: «Оставь это, вспомни своего деда» (дед Попова был убит крестьянами). Действительно, Попов раскаялся, как видно: он променял девушку помещику *Данилову* на часы — так, по крайней мере, оказалось по следствию. Данилов, перевозя девушку в свою деревню, также подвергал ее истязаниям, чтобы принудить жить с ним: бил ее, запирали в чулан, морил голодом и, наконец, заставил девушку покориться — она стала жить с новым своим господином. У нее родилась дочь, которую отдали

на воспитание какой-то старухе. Оправившись от родов, девушка объявила священнику, что не хочет продолжать греха, убежала в свою родную деревню и подала просьбу исправнику Корбутовскому, жалуясь на побои, насилие и отнятие у нее дочери. *Корбутовский* — родственник Данилову и Попову; просьба девушки осталась без всякого действия. Тогда она подала просьбу уездному предводителю дворянства *Скибиневскому*, он также оставил просьбу без внимания. Наконец, девушка подала просьбу саратовскому губернатору *Игнатьеву*; Игнатьев поручил произвести следствие исправнику Корбутовскому.

Во время производства дела Попов ссылает на поселение отца девушки за то, что он показывал согласно с ее жалобой, что она подвергалась истязаниям; а самую девушку, как только подала она просьбу Игнатьеву, посадили в острог как бунтовщицу. Акта, по которому бы она была передана или продана Поповым Данилову, не существовало; но Попов показал, что отпускал ее к Данилову только на заработки, и представил переписку свою с Даниловым об этом. Но переписка эта явно фальшивая, составленная уже после начатия следствия (и притом Попов обязан бы был дать ей паспорт, потому что деревня Данилова от ее законного места жительства отстоит более нежели на 30 верст). Девушка, видя, что Корбутовский ведет следствие пристрастно, бежала из острога, где продолжали держать ее, добралась до Москвы и оттуда написала помещику письмо, содержание которого таково:

«Прошедшего не воротить; я все тебе прощаю, если ты дашь свободу мне и моим родным (она еще не знала, что отец ее сослан на поселение). В противном случае я отправляюсь в Петербург и подам просьбу государыне императрице».

Попов представил это письмо к делу, объясняя, что девушка клеветает на него с единственною целью получить свободу себе и родным.

Девушка действительно умела пробраться до Петербурга и подала просьбу императрице. Императрица отправила ее в Саратов, к губернатору, дав ей в провозные жандарма; с нею послано было от статс-секретаря императрицы отношение, которым она, именем государыни, поручалась покровительству губернатора. Губернатор отправил девушку в Царицын, а в Царицыне посадили ее в острог. Это было в 1857 году. *С той поры до нынешнего времени она все сидит в остроге!*

Но кроме того, что посадил девушку в острог, губернатор велел начать новое следствие по ее делу. Следствие было поручено кандидату на полицейские места Андрееву, который обнаружил, что все жалобы девушки только *«извет»*, т. е. клевета, ябедничество. По произведении следствия он представил ее в царицынский уездный суд, который еще не решил дела.

Между тем, по самому следствию, все жалобы девушки подтверждаются несомненными фактами и показаниями.

Обнаруживается также, по самому следствию, что подобные истязания и растления происходили не над одною этою девушкою; все дворовые люди и крестьяне *Попова* показали, что помещик растлевал всех своих крепостных девушек. То же подтвердили и молодые крестьянки, вышедшие замуж года два или три тому назад: они, по собственному их признанию, были изнасилованы помещиком; детей, рождавшихся от этих растлений, обыкновенно отвозили, по приказанию помещика, в донские степи и там бросали.

МАДАМ ПОЛЯНСКАЯ — САРАТОВСКИЙ ОТЕЛЛО

В Саратовской губернии, Камышинского уезда, издавна проживает помещица Авдотья Григорьевна *Полянская*, известная всему околотку варварским обращением с своими крепостными людьми. Местное начальство давно знало о жестоком обращении г-жи Полянской, но по своей снисходительности к прекрасному полу смотрело на это сквозь пальцы.

Однажды Полянская отлучалась из своего хутора в город; по возвращении узнает она, что во время ее отсутствия ее муж, Петр Никаноров Полянский, ездил в село Рыбинку (что от хутора не более 2½ верст) к солдатке Лукерье Сумцовой для любовного свидания. Полянская, желая отомстить несчастной любовнице своего мужа, склоняет своих слуг, подкупом и вином, чтоб они обманом заманили Сумцову на хутор. Когда помещица узнала, что жертва в ее власти, она велела посадить ее в баню и сама туда отправилась *вместе с своим мужем*. Лишь только помещица увидала Сумцову, начала царапать ее лицо, рвать ноздри и, повалив ее на пол, растянув и обнажив, велела принести кнутов; люди тотчас явились и по приказанию госпожи, в присутствии ее супруга, начали ее жестоко наказывать; по показанию самих крестьян, дано ей до 300 ударов! Не довольствуясь этим истязанием, помещица приказала Сумцову положить на спину, с распяленными ногами на весу, и, взявши кнут, дала ей 10 ударов по *детородным* частям; потом, передавши кнут людям, велела продолжать наказание. Сделавши маленькую паузу, она стала требовать у Сумцовой сознания, и когда несчастная созналась, то помещица обратилась к супругу и начала его бить по щекам, а г. Полянский за обнаружение греха сам начал бить Сумцову пиньками. После всего этого госпожа снова хотела приступить к пытке, но тут уже собственный ее дворовый человек, Анфим Медведев, стал перед помещицей на колени, умоляя прекратить пытку, говоря, что солдатка может умереть. Полянская, опомнившись, велела обливать несчастную

холодной водой, чтобы привести ее в чувство, и потом обратно ночью приказала отвести ее в ее деревню и бросить на улице.

Сотский села Рыбинки тотчас донес об этом происшествии местному приставу 1 стана Соколовскому, который, прибыв на место, пригласил для медицинского осмотра уездного врача. Медицинское свидетельство сделано было совершенно добросовестно; я вам выпишываю из него одно только заключение: «1, что солдатка Лукерия Сумцова действительно претерпела жестокое телесное наказание с разными истязаниями и поруганием над ее телом; 2, что она от сего истязания находится в опасном положении; 3, верность ее выздоровления в настоящее время определить нельзя, а если, при условии крепкого телосложения и молодости лет, по счастью больная выздоровеет, то должна потерпеть ущерб в здоровье и даже сделаться не способною к деторождению.

В чем по сущей правде и согласно с врачебною наукою подписью моею с приложением печати утверждаю. Ноябрь 5 дня, камышинский уездный врач *Игнатович*».

Становой пристав, приступив к следствию, донес об этом деле в местный земский суд, прося по важности происшествия назначить временное отделение. Камышинский исправник Валерьян Попов (двоюродный брат тому самому казаку Попову, который уже несколько известен вам) отклонил от себя председательствовать в временном отделении и поручил это дело непременно заседателю Николеву, который только что накануне вступил в эту должность. К чести временного отделения надобно сказать, что оно на первых порах действовало довольно энергически и добросовестно, но потом переменились обстоятельства, начались разные спихождения, рассчитывая, наверно, что чем тише вести дело, тем *лучше*. Крестьяне сидят в остроге, а помещица даже и не арестована; говорят, что нет достаточных улик к ее обвинению, ибо *обвиняемые в деле не могут быть свидетелями — они крепостные*.

По окончании следствия дело должно перейти в местный уездный суд и пойдет, как должно, путем долгого русского суда.

Что за скоты, что за дикие звери живут в захолустьях святой Руси! Впрочем, что мы обижаем зверей? Таких зверей нет — такие есть только русские помещики, которым редакторы-освободители оставили черкасскую розгу в руках.

КОСМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО СВОДА

В конце прошлого года, и именно 27 ноября, Г. Н. Делимарков послал из Ясс прошение к государю на незаконное определение русского сената по исковому делу его с умершей бесса-

рабской помещицей Марией Потлоговой. Прощение это, не достигая до высочайшего воззрения, осталось опять (как и два предыдущие) в комиссии принятия прошений, которая отказала просителю не на основании какого-либо закона, а только по собственному произволу, и именно, что будто бы решение сената по сему делу найдено ею правильным, причем упущено было из виду даже и то, что проситель не русский, а молдавский подданный. Комиссия предписала чрез азиатский департамент русскому в Яссах консулу *обязать* г. Делимаркова *подпискою в том, что он по сему делу больше жаловаться не будет под опасением поступления с ним по силе 323 ст. тома 15, издания 1857 года.* Итак, свод распространяет ныне свои милые распоряжения не только на русских, но и на людей всего земного шара. А между тем проситель только на основании того же *вселенского свода* и просил государя обратить внимание на то, что решение сорокско-яского окружного суда от 3-го декабря 1843 года по иску просителя к Потлоговой поступило в законную силу, а что по силе 634 статьи свода законов, тома 10-го, части 2-й, издания 1857 года подобные тяжбы, по коим окончательное решение вступило в законную силу, вновь вчиняемы и перевершаемы быть не могут ни в существе их, ниже в последствиях, на сем решении основанных.

Кто же это в Петербурге положил такое решение,— уж не Панин ли?

ПОПРАВКИ, ВОЗРАЖЕНИЯ, ОПРАВДАНИЯ

(Катакази, Местмахер, Казакевич, Машевский, Старицкий и пр.)

У нас набралось несколько писем с разными поправками и возражениями. Мы будем мало-помалу помещать их сущность. Нам нет ни малейшего интереса поддерживать несправедливые обвинения. Возражения столько же служат гласности, как обвинения. По если мы готовы помещать ответы, то просим дозволения напомнить о некоторых пределах и условиях.

Мы не считаем полезным печатать возражения не *фактами*, а *красноречием*. Приятный, но вместе с тем редко воздержный дар витийства ставит *прозу* дела на второй план и теряет ее за цветами риторики — в том роде, как *fond* в дамских платьях пропадает за кружевами.

Далее, мы считаем положительно неприличным передавать ругательные выражения оправдывающихся — не против нас (мы обдержались), а против *подозреваемых ими* корреспондентов. Равным образом мы отказываемся от помещения обвинений и фактов против корреспондентов, не идущих к оправданию и

явным образом писанных под влиянием личного негодования¹. Мы не понимаем пользы этих обратных обвинений. А несправедливо обвиняет В. в том, что он зверски сечет крестьян, что же за оправдание для В., если он докажет, что А. дурно живет с своей женой? Это нисколько не мешает А. не сечь крестьян, а В. сечь их и очень зверски. Получая письмо от неизвестного, мы можем думать, что он пишет, желая обличить какое-нибудь преступление, покойно цветущее под сенью нелепых законов и немой гласности. Но когда человек пишет оправдание и ругает своего *противника*, то явным образом его цель — насолить ему; мы не можем ссужать «Колокол» для этого рода *солений*. Ведь «Колокол» не амфитеатр за Рогожской заставой, где то медведя без погтей травят старыми собаками, то старых собак беззубыми медведями для потехи купцов средней руки, мещан, занимающихся хмелем, и вольноотпущенных дворовых людей, еще не нашедших места.

Вот содержание некоторых писем и отрывки из других.

1. *Г-н Катакази* (дело Кандыбы — 45 № «Колокола» *). Корреспондент наш, говоря об ежедневном истязании Кандыбою своих людей, упоминает, что в это время в одном доме с Кандыбой жил г. Катакази, юрисконсульт при графе Строгонове. В Одессе, говорит его противник, юрисконсультов нет, а состоящий при графе чиновником особых поручений Катакази в описываемое время не мог жить в одном доме с Кандыбою по весьма естественной причине, именно потому, что он тогда еще не жил в Одессе; а переехавши на жительство в Одессу, уже после происшествия с Кандыбою и даже произведенного о том следствия, поселился в доме г. Илькевича и только во время выезда Кандыбы, в октябре 1855 г., в Москву занял в доме его квартиру.

Также совершенно ложно показание, — продолжает антикорреспондент, — что дворовая прислуга гг. Ипсиланти и Катакази была заменяема прислугою г. Кандыбы, у княгини Ипсиланти вольная прислуга, как мы лично знаем, живет без перемены многие годы, а г. Катакази, как мы выше сказали, вовсе не жил в это время в Одессе и в имении Кандыбы никогда до покупки не был.

На г. Катакази взводится обвинение, что он, способствуя освобождению Кандыбы от ответственности за жестокое его обращение с людьми, купил у него имение за бесценок. На это ответим: следствие над Кандыбою производилось не г. Катакази, который, повторяем, еще и не жил тогда в Одессе, а губернским предводителем совместно с жандармским полковником, следовательно, трудно и понять, в чем мог быть полезен Кандыбе г. Катакази, приехавший в Одессу уже по окон-

---

¹ В длинной защите г. Старицкого, например, горячий адвокат его напомнил нам личностями просьбу Ивана Ивановича на злокачественного дворянина Ивана Никифоровича Довгочхуна *.

чании следствия, бывшего потом в рассмотрении министерства внутренних дел.

Кандыба, имея право на продажу, два раза запродал свое имение еще до покупки его г. Катакази, который купил его не за бесценок, а за 100 000 р. с.

Помнится, многие находили, что цена эта превышала настоящую стоимость имения, в особенности по тогдашним ценам, но г. Катакази нужно было купить имение, так как по формальному договору он обязан был купить на приданое жены имение; и, наконец, 3-е, последнее обвинение. Г-н Катакази, уже и по смерти Кандыбы, не ослабевает в своем преследовании виновников происшествия, под его влиянием уездный суд приискивает для них высшую меру наказания. Дело перенесется в окончательную для него инстанцию — уголовную палату, и тогда что... каторга, плети! Дело о нанесении побоев крестьянами г. Кандыбе, своему владельцу, еще задолго до получения здесь № 45 «Колокола» решено палатою, и виновные крестьяне приговорены без лишения прав, за самовольную расправу и нанесенные побои, к наказанию розгами и потом должны быть водворены на прежнем месте жительства.

И «Колокол» спешит передавать во всеуслышание клевету, переданную ему, по собственному его выражению, *неизвестным* корреспондентом?

Спешит, как видите, передать и ответ антикорреспондента.

2. *Г-н Местмахер* (Одесский градоначальник). Письмо, написанное против жизнеописания Местмахера, которого *часть* мы поместили *, оправдывает г. Местмахера тем, что не он делает злоупотребления, а чиновники, его окружающие. Этого мы не можем принять — довольно того, что Александру II до сих пор все спускали, говоря, что оп-то хорош, но шайка людоедов, воров и невежд, его окружающих, никуда не годится. Такие высочайшие привилегии нельзя *распространять на всякого городничего*.

3. *Губернатор Казакевич*. Письмо, пришедшее к нам через Панаму, доказывает, и, нам кажется, довольно убедительно, что г. Казакевич дельный и благородный человек, очень полезный краю, вверенному ему (Приморская область Восточной Сибири). Мы не имеем причины не верить корреспонденту, нам кажется, что он даже слишком защищает г. Казакевича. В письме из Иркутска было только воззвание к нему, вроде «проснись, Брут!» *. В самом этом воззвании видно, что писавший только жалеет, что г. Казакевич не настолько деятелен, насколько может быть. Как счастливы были бы девять десятых всех губернаторов, если б их *только в этом* обвиняли!

4. *Г-н Машевский*. Помещик *Адам Солтан* пишет нам, что обвинение его соседа Машевского в 6¼ листе «Колокола» * в злоупотреблении власти над крестьянами князя Льва Радзи-

вилла, находящимися у него в аренде, несправедливо и что дело в Греспу, описанное в Познанской газете, *увеличено*. Исполняя желание г. Солтана, мы печатаем содержание письма и его имя. Справедливость обязывает нас сказать, что и обвинение, и оправдание не основаны на ясных фактах. Что же касается до негодования г. Солтана за то, что первое письмо не имеет подписи, мы просим его вспомнить, что ответственность за всякого рода сношение с нами, кроме оправдания (и то до некоторой степени), подвергло бы писавшего таким диким преследованиям варшавской и петербургской полиции, которые вовсе не послужили бы к оправданию обвиненного. Наша готовность помещать ответы — единственное средство, которое мы имеем.

5. *Г-н Старицкий* (лист 56) *. Защитник г. Старицкого, после изложения разных выгод и невыгод гласности и печати за границей, приступает к делу так:

... Я столь же хорошо знаю этого человека, как и *его дело*, в вашей газете напечатанное, и считаю долгом разъяснить вам истину для избличения клеветника, который сообщил вам, что «Старицкий, неизвестно как разбогатевший, купил сначала значительное имение в Полтавской губернии, потом другое в Херсонском уезде и в пять лет разорил богатое херсонское имение вконец; злоупотребления его власти доходили до сведения начальства; но начальство, как разумеется, ничего не делало, и Старицкий неистовствовал больше и больше; наконец, вследствие доноса какого-то филантропа, губернатор Панкратьев поручил предводителю дворянства Вергельяку с жандармским полковником Рындиным произвести следствие», по которому открылись поименованные в 10-ти пунктах корреспондентом вашим чудовищные злоупотребления помещичьей власти Старицкого. Далее корреспондент говорит, что «по окончании следствия, обнаружившего преступления Старицкого и его приказчиков, действовавших, как они объявили следователям, но его секретным словесным приказанием, Старицкий, задобривший губернские власти, приобрел благорасположение правителя канцелярии Гирса и начальника отделения Котовича, вследствие чего граф Строгонов взял его сторону и таким образом довел чрез херсонского гражданского губернатора Канатова дело до III отделения; из донесения же Канатова в это отделение, между прочим, значится, что к обвинению Старицкого в жестоком обращении с крестьянами и вообще в злоупотреблении помещичьей власти не имеется никаких доказательств,— напротив, из собственных писем его к приказчику, имеющихся при деле, видна его заботливость, чтобы с крестьянами его экономя обходилась коротко и действовать бы более *увещанием, чем строгостию*».

Прописав от слова до слова вышеозначенное донесение, корреспондент ваш поместил два примечания, из которых в 1-м сказано, что «письменные приказания противуречили словесным и хранились, как говорил Старицкий крестьянину своему приказчику Григорию Шклярову,

на случай, если привяжется *беззаконник* предводитель, который и своих крестьян избаловал до такой степени, что они похожи более на мещан». В другом примечании значится, что «главный приказчик Дудчинской экономии Григорий Шкляров, исполнявший все приказания Старицкого, был собственный крестьянин его. Кто же поверит, чтобы Шкляров без настоятельных приказаний барина истязал крестьян, между которыми очень многие были с ним в родстве» (!).

В дополнение корреспондент ваш пишет, что «Старицкий нанял себе управляющего некоего Легензевича, изгнанного Вертедьяком за жестокое обращение с крестьянами другого помещика. Легензевич же, чтобы оправдать доверие своего патрона, возводит на крестьян небывалые воровства, неповиновения, буйства, приготовление к бунту, некоторых сажал в острог при помощи заседателя Затурского, других же наказывал розгами, даже в первый день Светлого праздника».

Наконец, корреспондент ваш заключил свою статью следующими словами: «Что-то сделает новый губернатор Башмаков, о котором мы слышали как о честном и благородном человеке. Дело в уездном суде».

Чтобы в самом начале этого ответа обнажить недобросовестность сочинителя сказанной статьи, достаточно указать на то, что он отзываясь о Старицком как о человеке, неизвестно как разбогатевшем; значит, очевидно набрасывает тень подозрения, что приобретение его подлежит осуждению, между тем как в Полтавской губернии всем и каждому известно, что Старицкий принадлежит к древней дворянской фамилии, что в 1819 году, вступив в управление доставшимся ему родовым имением, в котором считались до *ста ревизских* мужеского пола душ, он постоянным трудом достиг того, что на имение его указывали как на одно из благоустроенных, и этим-то путем он получил возможность, по прошествии однако же 23-х лет, и именно в 1842 году, приобрести имение, находящееся вблизи Полтавы, купленное с публичного торга в с.-петербургском опекунском совете, 415 *мужеского* пола душ и более 3000 десятин земли, за 38 000 рублей; а спустя 11 лет, т. е. в 1853 году, Старицкий приобрел и деревню Дудчино, то богатое имение, по словам вашего корреспондента, в котором 173 души и которое он в пять лет разорил вконец. Таким образом, очевидно, что для сочинителя присланной вам статьи о Старицком и подобного рода приобретение может казаться предосудительным. После этого перейду к возражению и на все прочие обвинения, которое для большей ясности изложу по пунктам:

1) Старицкий с покупкою д. Дудчины приобрел и соседа Вертедьяка, того самого, о котором упоминается в статье вашей газеты и которого Старицкий именовал незаконным предводителем как бы в предвидении, что на него будет сделан от *неизвестного лица донос о злоупотреблениях помещичьей власти*, что Вертедьяку поручат производство следствия и что он раскроет эти злоупотребления.

2) Мне предлагает отдать на суд общий, можно ли допустить хотя тень сомнения в том, что бы Старицкий был способен неистовствовать и разорять, по словам вашего корреспондента, своих крестьян в херсон-

ском имении, если он, владея населенными имениями в Полтавской губернии 40 лет, не подав никогда и никакого повода к принесению на него от кого-либо из крестьян не только письменных, но даже и словесных жалоб (!), напротив того, по общему отзыву в Полтавской губернии, имения Старицкого признаются благоустроенными во всех отношениях. Следовательно, нельзя отвергать, да и самые факты, ниже сего приведенные, ясно подтвердят, что если Старицкий всегда был владельцем добросовестным в полтавском имении, то не мог быть иным в херсонском. Старицкого можно упрекнуть разве за одну непредусмотрительность, состоящую в том, что он отправил из своего полтавского имения в Дудчино такого приказчика, который не сообразил, что в Херсоне существует предводитель Вертельяк. Вертельяк, присвоив себе власть распоряжаться назначением в владельческих имениях воинских постоев и взиманием подвод во время бывшей Крымской войны, до такой степени обременял этими повинностями имение Старицкого, находящееся на почтовой дороге и вблизи г. Береслава, где сосредоточивались все передвижения, что ни экономия, ни даже крестьяне не имели времени сделать ни малейшего посева хлеба, а все избы их были заняты солдатами по 30 человек и более в каждой; кроме того, по его же назначению, были назначены ночлеги и дневки для транспортов с больными и ранеными, вследствие чего обнаружилась между крестьянами тифозная горячка, от которой в продолжение пяти месяцев умерло 114 душ. После чего Старицкий был вынужден на эти злоупотребления Вертельяка обратиться с жалобами сперва к начальнику губернии Панкратьеву, а затем к министру и главнокомандующему; но война кончилась, и по жалобам Старицкого ограничили одним истребованным от Вертельяка объяснением, в котором он, само собою разумеется, оправдывался тем, что и все прочие имения одипаково пострадали. Легко однако же понять, сколь были огромны потери Старицкого, причиненные Вертельяком; но этого было бы для него мало, и он решился во что бы ни стало *известить* на Старицкого злоупотребление помещичьей власти и взять имение в опеку. Он воспользовался для сего донесением приходского священника о том, что в имении Старицкого крестьяне *подвергаются стеснению* и работают барщину в воскресные и праздничные дни. Старицкий, живши за 400 верст, конечно, не мог знать об этом доносе, который Вертельяк лично вручил покойному Панкратьеву, и настаивал о немедленном поручении ему произвести следствие; но у Панкратьева еще в свежей памяти были жалобы Старицкого, и потому все настояния Вертельяка остались тщетными. Панкратьев поручил это дело одесскому предводителю Свечину, который внезапно прибыл в имение Старицкого, собрал крестьян, взял от них показания, осмотрел домашнее их хозяйство и донес губернатору, что нашел всех без исключения крестьян Старицкого весьма зажиточными, которые отзывались притом, что во время войны владелец их выдавал им безвозвратно хлеб и заплатил за весь год казенные подати. В марте 1858 г. представил Панкратьеву доклад, полученный будто бы от неизвестного, подписавшегося филантро-

цом, и содержащий в себе те злоупотребления Старицкого помещичьей власти, которые вами названы «чудовищными». Панкратьев первоначально не согласился даже принять доноса, как доноса безымянного, притом же Панкратьев *знал лично* Старицкого и не считал его способным на подобные поступки; но, по самостоятельному характеру, Панкратьев *имел неосторожность* согласиться на повторенные убеждения Вертельяка и поручить ему произвести *одно лишь дознание* и в таком только случае приступить к формальному следствию совместно с жапдармским штаб-офицером, когда злоупотребления Старицкого окажутся несомненными. Этого распоряжения Вертельяк только и добивался. Кончив дознание в Херсоне, он, пригласив с собою полковника Рындина, отправился в имение Старицкого, где пробыл две недели.

3) Донос сделан, как объяснено выше, на Старицкого, значит он и есть главное обвиняемое лицо, над которым Вертельяку предлежало произвести следствие; в законе же, статья 144-я тома 15-го, сказано так: что «обвиняемый во все время производства следствия имеет неотъемлемое право представлять все, что может служить к его оправданию». Но Старицкий от начала следствия до окончания его не был даже извещен об этом следствии; когда же он, находясь тогда в Петербурге, узнал из письма своего поверенного, что дудчинский приказчик Шклярков посажен в острог и что *в имении водворился хаос*, происшедший от распоряжений Вертельяка, расстроивших совершенно все части хозяйства, тогда Старицкий прямо из Петербурга приехал в Херсон и, не зная ровно ничего — ни о том, с какого повода возникло следствие, ни того, что по нем обнаружено, — просил официально губернатора Панкратьева уведомить его, не подлежит ли и он, Старицкий, в чем-либо обвинению, вызвавшему вмешательство предводителя Вертельяка в управление его имением. По этой просьбе Панкратьев потребовал от следственной комиссии сведений и по доставлении их полковником Рындиным, в руках которого находилось дело, Старицкому дано знать от 3-го мая 1858 года за № 4739-м, что «по рассмотрении обстоятельств произведенного следственною комиссиею (т. е. Вертельяком при бытности Рындина) дела о беспорядках в имении его д. Дудчине он лично не обвиняется в злоупотреблениях по управлению этим имением». После этого:

4) Если сама комиссия более чем за год до того, как дело рассмотрено было графом Строгоновым, уведомила начальника губернии, что Старицкий по следствию не обвиняется, и если корреспондент ваш написал вам, что Старицкий оправдан графом Строгоновым потому только, что задобрил губернские начальства и приобрел благорасположение правителя канцелярии Гирса и начальника отделения Котовича, в таком случае кому же, как не вам, следует выставить корреспондента вашего у позорного столба. Все же имеет свой предел, неужели же клевета не должна иметь границ и неужели можно по произволу безнаказанно позорить всякого, *даже и таких людей*, как Гирс, которого и пренебрегая, и еще более настоящая служба вполне указывает, что для него чуждо лицемерие, и который достойно пользуется общим уважением.

5) Для вящего доказательства нельзя не упомянуть и о том, что, по его словам, прѣступления Старицкого совершались чрез приказчиков, действовавших, как опи сами объявили следователям, по его словесным секретным приказаниям,— между тем, что же на самом деле оказывается? Приказчик Шкляр, на которого как на главного исполнителя приказаний Старицкого указывает корреспондент ваш и который, по словам его, имеет родственников в д. Дудчине,— этот Шкляр не только не объявлял следователям о мнимых секретных, словесных приказаниях Старицкого, противуречивших письменным, но в посланной графу Строгонову жалобе, объясняя все пристрастные действия Вертельяка, поименовал даже тех людей, которые были свидетелями разного рода истязаний, употребленных Вертельяком для того, чтобы вынудить у должностных лиц экономии обвинительные против Старицкого показания; Шкляр, кроме того, просил спросить оковых жителей и вольных мастеровых, постоянно находящихся в Дудчине, которые весьма хорошо знают, что крестьяне со стороны экономии не подвергались никаким притеснениям, а и того более жестоким наказаниям; к этому необходимо добавить, что Шкляр уроженец Полтавской губернии и что у него столько же родственников в Дудчине, как и у самого корреспондента вашего.

6) Прошу вас в особенности обратить внимание на те именно слова корреспондента вашего, что Старицкий в пять лет разорил имение вконец, что злоупотребления его доходили до сведения начальства, которое ничего не делало, и что Старицкий неистовствовал больше и больше: но имение Старицкого находится, так сказать, пред глазами предводителя Вертельяка, а вам известно содержание высочайшего рескрипта, в июне 1826 года на имя министра внутренних дел последовавшего, по точным словам которого возложено на непосредственную обязанность предводителей блюсти за обращением владельцев с их крестьянами. Следовательно, если бы сотая доля действительно совершилась тех злодеяний, которые помещены в статье вашего корреспондента, то первый должен идти на казнь Вергольяк и за ним уже Старицкий. (Да и все остальные предводители с ним!!).

7) У нас вообще принято подразделять ложь на невинную и злую; но корреспондент ваш дозволил себе ложь преступную, сообщив вам, что Старицкий нанял себе управляющим некого Легензевича, изгнанного Вертельяком за жестокое обращение с крестьянами другого помещика, и что тот же Легензевич, желая оправдать доверие своего патрона, возводит небывалые прѣступления на крестьян, сажает их в острог и пр., тогда как, *во-первых*: из дел полтавской гражданской палаты можно удостовериться, что Старицкий дал доверенность Легензевичу на ходатайство по делам его, но не на управление имением, и что со дня приобретения Старицким д. Дудчины всего только один крестьянин, а именно Александр Торчанский отправлен был в острог, как изблченный произведенным становым приставом следствием в воровстве сена и других прѣступлениях, и то по объявлению не Легензевича, а управляющего имением майора Вирского; но чрез несколько дней Вертельяк приказал

исправнику освободить Торчанского, и приказание исполнено. И, *во-вторых*: в херсонском губернском правлении всякий желающий может прочесть дело, возбужденное Вертельяком, о том, что Легензевич тиранил крестьян Дорожинского, наказывая их по 1500 розог; по этому представлению Вертельяка поручено было следствие чиновнику особых поручений Головченко при бытности однако же самого Вертельяка; но когда следователи прибыли в имение и когда собранные крестьяне *узнали в чем дело, то все без изъятия стали на колени и просили Вертельяка оставить Легензевича при управлении ими, называя его своим отцом и благодетелем*. Вертельяк, никогда не ожидавший от крестьян такой смелости, сперва разразился бранью и приказывал им идти вон, однако же, видевши, что крестьяне продолжают твердить одно и то же, Вертельяк своею предводительскою рукою начал колотить их по зубам; эта мера возымела свое действие, и крестьяне разошлись по домам, но все-таки ни один из них не подтвердил доноса Вертельяка. Дело это рассмотрено в губернском правлении и по определению его Легензевич оправдан совершенно.

SOUVENIRS MODESTES¹ О МЕРТВОРОЖДЕННОЙ ЦЕНСУРЕ КОРФА

Она жила, как живут розы — одно утро!.*

В минувшем ноябре месяце император Александр, утомленный непрерывными ценсурными дрязгами, решил учредить одну цензуру, огражденную от вмешательства всяких сторонних властей. Для приведения в исполнение этой мысли государь избрал Корфа. В несколько дней был изготовлен устав, на основании которого учреждалось новое отдельное ведомство, не зависящее от министерства народного просвещения^{2*}, с своим главноначальствующим, для помещения которого приобретался немедленно великолепный дом, Hôtel de la Censure³. Неизвестно, как именно был сделан об этом доклад и в какой мере государь изъяснил согласие свое, но достоверно то, что Корф при-

¹ Скромные сувениры (франц.).— *Ред.*

² А, действительно, цензура, учреждение по превосходству невежественное, и министерство просвещения совершенно несовместны. Нам это напоминает, как А. Гумбольдт раз, обедая у прусского короля, сказал, что *министр просвещения* сделал то-то, король громко и без всякой нужды поправил его: «Вы ошибаетесь, это не министр просвещения, а *министр духовных дел*». Гумбольдт не хотел остаться в долгу и отвечал: «Что это со мной — не министр (просвещения), а министр *совершенно противоположного*, хотел я сказать».

(Из переписки с Варнгагеном)*.

³ дворец цензуры (франц.).— *Ред.*

искал себе но вкусу щегольский дом М. В. Шишмарева возле Аничкова моста и написал Шишмареву следующее письмо:

Михаил Васильевич,

по восподданнейшему моему докладу государю императору о вчерашнем нашем соглашении е. и. в. повелеть соизволил: 1) Дом ваш, состоящий на Фонтанке у Аничкова моста под № 48/2, купить в казну с находящеюся в нем движимостию за выпрошенную вами цену 200 000 р. 2) Сумму эту выдать вам ныне же золотою монетою по установленному курсу. 3) Издержки по совершению купчей принять на счет казны. 4) Затем, по неотложном совершении купчей, предоставить мне распорядиться о принятии этого дома в казенное ведомство, согласно вашему на то вызову, не позже 15-го числа настоящего декабря. О такой выс. воле, уже переданной мною к исполнению г. министру финансов, имею честь сообщить вам, м. г., в полной уверенности, что при *известных патриотических и отличающих вас благородных чувствах*, вы не оставите дом ваш со всем к нему принадлежащим очистить и сдать к определенному сроку в полной исправности и в соответствующем высочайшему ожиданию виде.

Примите свидетельство совершенного моего уважения и преданности.

Барон Модест Корф.

№ 694.

5 декабря 1859.

Его высокоблаг. М. В. Шишмареву.

В следующий понедельник в Государственном совете, по окончании заседания, князь Горчаков подошел к нашему цензору, но не Катону, и сказал ему: «*Vous faites à ce qu'on dit payer chèrement l'interdiction de la parole, deux cent mille roubles?*»¹. Завязался разговор, в который вступили Княжевич и Ковалевский, изъявивший удивление, что Корф не испросил согласия государя на его, Ковалевского, предложение поместить цензуру в той части университетского здания, где находился упраздненный педагогический институт. Из Совета Горчаков отправился с докладом к государю и, извиняясь в том, что замешкал несколько минут, сказал, что причиною этого был удивительный спор. Государь пожелал знать его, и Горчаков передал все, как было. Государь потребовал к себе Корфа, приказал ему немедленно осмотреть бывший педагогический институт, а покупку дома Шишмарева отменил. Само собою разумеется, что Корф нашел институтское здание для себя негодным. Доклад об этом он заключил просьбою об увольнении его от новой должности, к которой признает себя *неспособным*, потому что на первых порах имел несчастье навлечь на себя гнев мо-

¹ «Говорят, вы за опеку над словом заставляете дорого платить — двести тысяч рублей?» (франц.). — Ред.

нарха. Государь согласился. Цензура осталась по-прежнему при министерстве народного просвещения. Корф — в положении кн. Долгорукой, лишившейся Петра II накануне свадьбы *, не мог вынести своего *девичьего вдовства* и слег в постель. Государь узнал о несчастном его положении и 29-го декабря поехал с императрицею осматривать публичную библиотеку, которой директором Корф *, расцеловал его, а императрица благосклонно приняла поднесенный ей альбом. Французские короли лечили прежде прикосновением золотуху, русские цари поцелуями все прочие болезни. Корф расцвел. Пострадал в этом деле, и то временно, Шишмарев. В течение тех дней, в которые он думал, что дом его куплен по высочайшему повелению, он успел по указанию *будущей цензуры* сделать разные траты. Когда вслед за сим барон сообщил ему, что покупка более не состоится, тогда Шишмарев обратился к министру финансов, требуя исполнения высочайшего повеления или по крайней мере вознаграждения понесенных им убытков. Княжевич отвечал, что это дело Корфа; Корф не разделял этого мнения и отнесся к министру народного просвещения с просьбою заплатить из сумм министерства произведенные в доме Шишмарева работы. Деньги были выданы из остаточных денег департамента, раздающихся *в по-собие бедным чиновникам!*

Впрочем, быть цензором Корфу не в первый раз, он участвовал в знаменитой, в великой, в террористической цензуре, в комитете общественной гибели, учрежденном Николаем 2-го апреля 1848 года.

Читатели не забыли, вероятно, достославной истории ее. По предложению Д. П. Бутурлина была учреждена цензура над ценсурю; уставы, правила, законы — всё сколько-нибудь ограждавшее сочинителя, издателя и самого цензора — были уничтожены. Комитету было предоставлено придирааться ко всему, преследовать и карать всякого, в ком комитет признавал вредное направление. Давно забытые книги и журналы были перечитаны. Инквизиторами были: *А. Ф. Голицын*¹, *Модест Корф*, генерал-адъютант *Анненков*, известный только своей безграмотностью², ныне государственный контролер, и *В. А. Шереметьев*. Правителем был *Гвоздев*, могущественный директор департамента м. в. д. Помощники, или так называемые *чтецы*, были выбраны из разных ведомств. Трое из них: *Феофил Толстой (Ростислав)*, камергер *Михайлов* и камер-юнкер *Ростовский* — ничего не делали, но даже нередко выражали свое омерзение к действиям своих товарищей (*а зачем оставались?* —

¹ Наш друг и покровитель в 1834 г. См. «Тюрьма и ссылка».

² Нет, еще своим поступком с родственником, сосланным по 14 декабря, которому он *забыл* возвратить имение.

Ред.), которые взапуски старались отличиться. Более усердные все осыпаны впоследствии царскими милостями. Камергер и патриот *Горяилов*, изъявлявший недавно печатно сожаление, что с Шамилем обходятся слишком великодушно, получил станиславовскую звезду. *Федоров* (Борис) — Анну с короной. Камергер *Лярский*, находивший даже в полицейских ведомостях предосудительные статьи, — Владимира на шею, потом на грудь. Коллежский советник *Ленц* — чин и орден, а *юный Дегай*, удаленный ныне из министерства внут. дел за *излишний ценсурный яр*, доведен за отличие до статских советников и назначен кандидатом в губернаторы. Он был некоторое время правителем дел комитета. Анненков в особенности любил его за нежное чувство, с каким он открывал сокровенные мысли.

Нет, служба не пропадает за царем!

В ДОПОЛНЕНИЕ К БИОГРАФИИ г. ШЕВЧЕНКО, НАПЕЧАТАННОЙ ВО 2 КН. «НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ»

В прошлом году известный поэт Шевченко после многолетней ссылки на берегах Каспийского моря получил наконец позволение съездить на родину, о чем тогда дано было знать губернаторам малороссийских губерний *для сведения*.

Минуя города и села, Шевченко спешил в свою родную, давно не виденную Кирилловку. В м. Межиричи Черкасского уезда он натолкнулся на тамошнего исправника *Кабашникова*, который, как и другие его собратья, имел от Гессе предписание неукоснительно наблюдать за таким-то и за таким-то Шевченком. Встретившись с последним, Кабашникову прежде всего пришло на ум *содрать* с него, в силу чего он и потребовал от Шевченка снять с него портрет *во весь рост и безошибочно*. Тот отказался. Кабашников сейчас же арестовал его, донеся Гессе, что им задержан отставной рядовой Тарас Григорьев сын Шевченко, уличенный в кощунстве и богоотступничестве. Гессе приказал не медля препроводить Шевченка за конвоем в Киев. И если бы не добрые люди, меж которыми нельзя не назвать жандармского генерала *Куцинского*, то Шевченко долго бы прогостил в киевской полиции.

ВАРИАНТЫ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

В разделе «Варианты» и «Комментарии» приняты следующие условные сокращения:

1. Архивохранилища

ЛБ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Москва.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства. Москва.

2. Печатные источники

К — «Колокол», 1-е издание.

К₂ — «Колокол», 2-е издание.

Л (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. П., 1919—1925, т. I—XXII.

ЛН — сборники «Литературное наследство».

ОК — Сводное «Оглавление „Колокола“ за 1857, 1858, 1859» и росписи содержания каждого листа за последующие годы.

ПЗ — альманах «Полярная звезда».

Т — Сборник «„Колокол“». Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1869), Женева, 1887, подготовленный к печати Л. А. Тихомировым.

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1859—1860 ГОДОВ

1 8 5 9

РОССИЯ И ПОЛЬША

ВАРИАНТЫ К

Стр. 7

³⁻⁴ *Вместо:* Ответы ∞ Polskich // Ответ автору статьи о русской типографии в Лондоне.— и *сноска:* Aleksander Hercen i Wolna Rosyjska Drukarnia w Londynie.— Paris, 1858.

⁵⁻⁷ *Эпиграф:* «Если Польша ∞ 1 марта 1859 — отсутствует
После: Письмо первое — *сноска отсутствует*

Стр. 8

³⁵ *Вместо:* 1849, 1850, 1851 годов // 1849, 50, 51 года

Стр. 9

⁵ *Вместо:* сыновным // синоним

¹⁵ *Вместо:* окончивается // оканчивается

Стр. 12

¹²⁻¹³ *Вместо:* нетерпимостью // нетерпимостию

¹⁸⁻¹⁹ *Вместо:* ни ее 1612, ни ее 1812 годы // ни ее 1612, ни ее 1812 год

Стр. 14

²⁴ *Вместо:* достаточно было бы // достаточно бы было

Стр. 15

¹⁰ *Вместо:* звонить к всемирной республике и к солидарности народов // звонить всемирной республике и солидарности народов

³⁴⁻³⁵ *Вместо:* оставляя их самих в покое // оставляя их в покое

Стр. 16

¹³⁻¹⁴ *Вместо:* не губил русских университетов и русской литературы // не губил русские университеты и русскую литературу

Стр. 17

¹⁰ *После:* вопросу. // *подпись:* Искандер

¹¹ *Вместо:* Письмо второе. // Россия и Польша. Ответ автору статьи о русской типографии в Лондоне (письмо второе).

Стр. 18

²⁰ *Вместо:* в два разных времени // в два разные времени

Стр. 19

¹² *Вместо:* разные дороги // розные дороги

¹⁵⁻¹⁸ *Вместо:* не покоится на себе // не покоится на себя

Стр. 20

³⁰⁻³¹ *Вместо:* (и мы ∞ обозначении!) // если и мы с вами хлопочем еще об их обозначении

Стр. 23

¹¹ *Вместо:* знамения // знамени

³⁸ *Вместо:* не изменим ему // ему не изменим

- Стр. 24
¹²⁻¹³ *Вместо:* уговаривать людей не поднимать оружия // уговоривать людей не поднимать оружие
- 24-25 *Вместо:* не говорили еще этого // не говорили еще это
- Стр. 25
¹⁰ *Вместо:* Вы уже видели // Вы уж видели
³² *Вместо:* Письмо третье // Ответ на письмо из Польши
- Стр. 27
³⁷ *Вместо:* самовластию // самовластью
- Стр. 28
⁷ *Вместо:* совсем вооруженным // совсем вооруженный
- Стр. 29
¹⁸ *Вместо:* Общество не говорило прежде // Общество не говорило
²³⁻²⁴ *Вместо:* неудача всех революций в Европе произошла // *fiasco* всех революций в Европе произошло
- Стр. 30
³⁶ *Вместо:* в 1831 г. // в 1830 году
- Стр. 33
²⁵ *Вместо:* огивы // оживы
- Стр. 34
³⁵ *Вместо:* пока не выйдете // пока выйдете
- Стр. 35
²⁰ *Вместо:* Белозерского // Белоозерского
³⁷ *Вместо:* 10 февраля 1859 // Park House, Fulham, 10 февраля 1859
³⁷ *После:* 10 февраля 1859 // *подпись:* Искандер
- Стр. 36
¹ *Вместо заглавия:* Письмо четвертое и *подстрочной сноски:* Два последних письма $\approx$ 1860 // России и Польша. Письмо к автору статей «*Postępową myśl rosyjską wobec zadań polskich*» и *эпиграф:* «Если Польша хочет *другого* решения, да будет на то *воля ее* — но пусть она короче узнает Русь...»
«Колокол», 1 марта 1859.
К слову «статей» подстрочная сноска: Помещенных в декабрьской и январской книжках «*Przegląd Rzeczy Polskich*». Ответ мой может быть принят за *четвертое* — к трем письмам о России и Польше (в 32, 33 и 34 л. «Кол<окола>»).
- Стр. 37
⁷⁻⁸ *Вместо:* перехожу к главному вопросу // перехожу прямо к главному вопросу
¹⁵⁻¹⁶ *Вместо:* это шаг вперед // шаг вперед
²¹ *Вместо:* взять с боя // взять с бою
- Стр. 43
¹ *Вместо:* окончивал // оканчивал
⁶ *Вместо:* надежда на республику // надежда в республику
- Стр. 44
¹³ *Вместо:* «хлеба или свинец!» // «хлеб или свинец!»
²¹ *Вместо:* теперь // ныне
- Стр. 44—45
³⁶⁻¹ *Вместо:* послужили // послужила
- Стр. 46
¹⁻² *Вместо:* воспитательный приют // воспитательный дом
- Стр. 48
⁹⁻¹⁰ *Вместо:* сына,— из которого // сына, и из которого
³¹ *Вместо:* мы понимали // мы чувствовали
- Стр. 49
¹ *Вместо:* и — молчали // и мы молчали

- ³² После: письмо. // подпись: Искандер
 Стр. 50
¹ Вместо: Письмо пятое. // Россия и Польша. Второе письмо к автору статей «Postępową myśl rosyjską wobec zadań polskich» и эпиграф:
 «Если Польша хочет другого решения, да будет на то воля ее, но пусть она короче узнает Русь...»
 «Колокол», 1 марта 1859.
К слову «статей» подстрочная сноска: Напечатанных в декабрьской книжке за 1859 и январской за 1860 «Przegląd Rzeczy Polskich».
- ²³⁻²⁴ Вместо: при свежих силах воображения // при свежих силах соображения
 Стр. 52
²² Вместо: правительство в народе видело // правительство в нем видело
²⁶ Вместо: окончивалось // оканчивалось
²⁹⁻³⁰ Вместо: приписанные к фабрикам // приписанные к фабрике
 Стр. 54
²³ Вместо: ковал народы в цепи // ковал народ в цепи
 Стр. 56
⁴ Вместо: крестьянин дошел // и крестьянин дошел
³¹ Вместо: прибавить // прибавить к сказанному
 Стр. 59
¹⁴ Вместо: 25 марта 1860 // 10 марта 1860

ОТВЕТ РУССКОЙ ДАМЕ

ВАРИАНТЫ К

- Стр. 71
¹ Вместо: о России // об России
- Стр. 72
³⁵⁻³⁶ Вместо: чтобы глупое стадо не заплуталось // чтобы глупое стадо не заразились
- Стр. 73
³⁰ После: благодарю вас. // Искандер
³¹ Дата: 10 февраля 1859 — отсутствует

ВОЙНА И МИР

Война

ВАРИАНТЫ К и К₂

- Стр. 97
¹ Вместо: Война и мир. — в К и К₂: Война (статья первая)
- ¹⁰ К слову: accident — в К и К₂ сноска: ... «Меня возмущает опора, которую Германия дает этой постыдной, конкордированной Австрии, этой «Капе умов». Я проведу исключение всякой немецкой области из немецкой конфедерации, более тесное национальное соединение и предоставление Австрии своим судьбам, чтоб не только Италия, но и Венгрия и Славянские провинции могли освободиться. Любезный друг, вы справедливо сказали, что бонапартизм — смерть... но вспомните, что Австрия — вечная мука... и что, только уничтожая ее, вы отнимете у смерти ее ужас и сведете ее на степень простого случая».
- ¹² Вместо: (Письмо к издателю «Колокола») — в К: (Письмо к издателю «Колокола», 3 апреля 1859)

- ¹² *Вместо:* (Письмо к издателю «Колокола») — в *K*₂: (Письмо к издателям «Колокола», 3 апреля 1859 г.)
- Стр.* 98
- ¹ *Заголовок:* Война. — в *K* и *K*₂ см. выше
- ³ *Вместо:* не покоится на себе — в *K* и *K*₂: не покоится на себя
- ⁸⁻⁹ *Вместо:* отвращении их друг от друга — в *K*₂: отвращении друг от друга
- ²² *Вместо:* «Колокол», 15 января 1859 — в *K* и *K*₂: «Колокол», лист 34
- Стр.* 99
- ¹⁵ *Вместо:* Теперичная — в *K*₂: Теперешняя
- ²¹ *Вместо:* жечь — в *K*₂: сжечь
- ²⁴ *Вместо:* чтоб — в *K*₂: чтобы
- Стр.* 100
- ²⁷ *Вместо:* войной — в *K*₂: войною
- ³¹ *Вместо:* Уллоа — в *K*₂: Уллоя
- Стр.* 101
- ² *Вместо:* тсперичного — в *K*₂: теперешнего
- ³⁴ *Вместо:* насильственно — в *K*₂: насильно
- Стр.* 102
- ³⁴ *Вместо:* с их жизнью — в *K* и *K*₂: с этой жизнью
- Стр.* 104
- ²⁸⁻²⁹ *Вместо:* давним-давно — в *K*₂: давным-давно
- ³¹ *Вместо:* своей страны — в *K*: своей стороны
- Стр.* 107
- ³⁷ *После:* утреннего! — в *K* и *K*₂ подпись: Искандер
- ³⁸ *Дата:* 1 июля 1859 — в *K* и *K*₂ отсутствует

На углу

ВАРИАНТЫ К

- Стр.* 108
- ¹⁷ *Вместо:* Вы забыли математику // Вы забыли вашу математику
- Стр.* 110
- ²⁸ *После:* портной из Сити! // подпись: И-р

Мир

ВАРИАНТЫ К

- Стр.* 111
- ¹⁴ *Вместо:* Мишле // И. Мишле
- ³⁴ *Вместо:* у Провансальских братьев // у провансальских братьев
- Стр.* 112
- ³⁷ *После:* On Liberty J. S. Mill // (См. «Колокол», лист 40 и 41)
- Стр.* 114
- ²⁰ *Вместо:* лишь бы оно попало на дороге // лишь бы попасть на дороге
- Стр.* 114—115
- ³⁶⁻¹ *Вместо:* окончивал // оканчивал
- Стр.* 115
- ⁵ *Вместо:* Александр II // Александр
- ⁸ *После:* Россию! // подпись: И-р
- ⁹ *Дата:* 15 августа 1859 — отсутствует
- ¹⁰ *Вместо:* См. эпиграф статьи «Война», заглавие, 205 стр. // См. эпиграф статьи «Война» в 44 «Колокола»

VERY DANGEROUS!!!

ВАРИАНТ К₁

Стр. 116

²⁰ *Вместо:* пьедестал // пьедесталь

ПРОЩАЙТЕ, АРСЕНТИЙ АНДРЕЕВИЧ!

ВАРИАНТ К₂

Стр. 123

¹² *Вместо:* иной дорогой // другой дорогой

РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ

ВАРИАНТЫ К

Стр. 148

² *Вместо:* I // (Отрывок первый)

²⁶⁻²⁷ *Вместо:* лестнице // лествице

Стр. 151

⁹⁻¹⁰ *Перед:* какой-то угол отшибается // какой-то нерв портится

¹² *Вместо:* народную особенность // народную особность

¹⁹⁻²⁰ *Вместо:* православие проповедовалось // а православие пропове-
довалось

²⁶ *Вместо:* Петр Федорович // Петр Федорыч

³⁰ *Вместо:* который был идиот // а тот был идиот

Стр. 152

¹¹ *Вместо:* будочника // буточника

¹⁷ *Вместо:* непонятые факты // непонятные факты

Стр. 153

⁹ *Вместо:* за лист белой бумаги // за лист белый бумаги

¹⁸⁻¹⁹ *Вместо:* «Посмотрите,— говорит помещик, указывая на Гришку //
«Посмотрите,— говорит помещик,— на Гришку

³¹ *К слову:* владении. // *сноска:* Статья наша была набрана, когда мы получили прелюбопытное письмо о Дерпте*. Что это за ученое болото, что за лужа германизма, самого узкого, самого исключительного, самого теологического; мы давно знали студентскую историю, бывшую в ноябре 1857, не печатали мы ее из понятной пощады к провинциям все же покоренным. Но отрывки из письма непременно передадим нашим читателям... Что бы государю уговорить всех остзейских немцев переселиться mit Weib und Kind в gesamtes Vaterland, ну хоть в Пруссию, что ли?.. а финнов оставить свободными с землею.

³² *Вместо:* II. // Русские немцы и немецкие русские (отрывок второй)

Стр. 154

³⁷ *Вместо:* пуститься прямее // пуститься в объезд

Стр. 155

⁴ *Вместо:* притязание // притязания

¹⁵ *Вместо:* и будем его заставлять // и, основываясь на этом, будем его заставлять

- Стр. 156
³¹ Вместо: 8 сентября 1859 // 8 сентября
- Стр. 160
³¹ Вместо: Течением // течением
³⁴ Вместо: доказывают // шутя доказывают
- Стр. 161
¹⁻² Вместо: III. Si vieillesse pouvait, si jeunesse savait! // Русские немцы и немецкие русские. Отрывок третий (Вариации).
³⁴ Вместо: с властью // с властью
- Стр. 162
¹⁰ Вместо: о приложении // о продолжении, о приложении
³² Вместо: хоть // хотя
- Стр. 165
³⁶ Вместо: «цивилизация» // цивилизация
- Стр. 166
³³ Вместо: к какой же подаче всеобщих голосов // ну к какому же самоуправлению, к какой же подаче всеобщих голосов
- Стр. 167
²⁴ Вместо: все в свете // все на свете
- Стр. 168
³ Вместо: подозрительна // подозрительно
¹⁷ Перед: 3. // Русские немцы и немецкие русские. Отрывок четвертый (продолжение).
- Стр. 169
¹⁷ Вместо: легостию // легостью
- Стр. 170
¹ Вместо: была, например // была бы, например
²⁶⁻²⁷ Вместо: кое-как сколочены // как-то сколочены
- Стр. 172
³¹ Вместо: среднего сословия // среднего состояния
- Стр. 176
¹⁵ Перед: 5. // Русские немцы и немецкие русские. Отрывок пятый. (Окончание).
³²⁻³³ Вместо: что их легко обирать // что его легко обирать
- Стр. 177
³³ Вместо: разрыв этот // разрыв этот в нашей жизни
- Стр. 178
¹⁷ Вместо: за коренную службу // за коронную службу
²⁶ Вместо: весть о 14 декабря // весть о 14 декабря
³²⁻³³ Вместо: но и он с своей философией XVIII столетия не понял этого странного явления // но и он не понял этого странного явления с своей философией XVIII столетия
- Стр. 179
⁷ Вместо: которую надобно очеловечить // которую нам надобно очеловечить
- Стр. 181
² Вместо: органическим законом, на котором // законом, основой, на которой
⁴ Вместо: вешает Джона Броуна // вешает героев Герперс-Ферри
- Стр. 182
¹³ Вместо: Счастье // Счастье
³³ Вместо: Керрея // Каррея
- Стр. 183
¹⁵⁻¹⁶ Вместо: перешла сама собою // перешла само собою
¹⁷ Вместо: не выработавшееся ни в общинной жизни // не выработавшееся в общинной жизни
²² Вместо: шлю, плутая // шлю, плутаясь
²⁵ Вместо: и чтобы // чтобы

Стр. 186

²⁴ *Вместо:* магистерского // магистрского

²⁸ *Вместо:* умели останавливаться // умели бы останавливаться

Стр. 187

²⁴⁻²⁵ *Вместо:* как псковский городничий путешественнику, «Молчать!» только // как псковский городничий *молчать!* путешественнику только

Стр. 188

²¹ *Вместо:* месть божия // месть божья

Стр. 189

¹⁶ *Вместо:* Пора перестать // Пора же перестать

1 8 6 0

1860 год

ВАРИАНТЫ К

Стр. 214

² *Вместо:* 1860 год // 1860

К заголовку: «1860» в К примечание: «Мы хотели начать новый год прекрасной статьей об Украине*, но ее размер заставил нас оставить ее до следующего листа. И-р.

Стр. 218

² *Вместо:* Панина и // Панина,

Стр. 219

²⁵ *Вместо:* измельчала // измельчалась

ЗА ПЯТЬ ЛЕТ

ВАРИАНТЫ СБ. «ЗА ПЯТЬ ЛЕТ»

Стр. 274

¹ *Заголовок «За пять лет» и примечание — отсутствуют*

Стр. 277

³²⁻³³ *Вместо:* и ненавидел // ненавидел

КОММЕНТАРИИ

В четырнадцатый том Собрания сочинений А. И. Герцена вошли произведения 1859 и 1860 годов. Основное место среди них принадлежит статьям и заметкам, публиковавшимся на страницах «Колокола». Политическая и литературная позиция Герцена этой поры с наибольшей четкостью отразилась в таких статьях, как «Россия и Польша», «Война и мир», «Very dangerous!», «Русские немцы и немецкие русские», «1860 год», «От редакции» (предисловие к письму «Русского человека»), «„Библиотека“ — дочь Сенковского», «За пять лет», «Лишние люди и желчевики» (см. комментарий к ним).

Из произведений Герцена, не входивших до сих пор в собрания его сочинений, в основном разделе настоящего тома впервые публикуются статьи и заметки: «Мы всегда думали...», «Еще о Гуттейте», «Un austriaco principe Troubetzko», «По части цензуры творческой», «Гонение умерших», «Модест Корф приставлен (говорит «Норд»)...», «Блистательная победа, одержанная в Ковенской губернии гусарским е. и. в. полком», «Отзыв на письмо о контрабанде» и открытое письмо Герцена и Огарева к издателю газеты «Daily News» от 27 декабря 1860 г.

В основной раздел тома включены также следующие статьи и заметки 1859—1860 гг., отнесенные в издании под ред. М. К. Лемке к разряду «Dubia»: «Еще раз корнелевское „Qu'il mourût!“», «О биографии Панина», «Радзивилл и его поместья», «Смотр парохода „Колхида“», «Граф В. Н. Панин», «Строгонов и porto franco», «Прощайте, Арсентий Андреевич!», «Кончина Пушина», «Еще о „Колхиде“», «Еще о Радзивилле», «Панин сомел с ума», «Ссылка г. Рыбникова», «Тот же граф Строгонов, плачущий на гробе сеченного Кандыбы», «Ай да Корф!», «Вопрос и ответ», «В. Безобразов», «For Gentlemen only», «Ученые известия», «Агрономическая газета», «Опять розги», «Россия защищает линию Минчио!», «Чрезвычайное приключение», «Еще об ретроградном архимандрите и непрогрессивном Озере, посланнике афинском», «От издателей», «Почта в России», «Тайное явно», «Тайный советник в квадрате», «Муханов, что не на Висле», «От издателя», «Еще тайная полиция», «Князь А. Ф. Голицын», «Русские матросы в Виллафранке», «Правда ли, что доносчик Лужин отдан под суд...», «Победа, одержанная храбрым генералом Мухановым, что на Висле», «А. С. Хомяков и Австрия», «Офицерское ерничество на Тверском буль-

варе», «Рапиііана», «Генерал — кулачный боец и детский кисель», «Пальто Меншикова и рубаха Муравьева Вешателя», «Пугачев и Сухозанет», «Неприкосновенность великокняжеских камердинеров», «Шалун Муханов», «Просьба от издателей», «Тихоцкий», «Тиранство сибирского Муравьева», «Дом, примчавшийся к Мине Ивановне на почтовых», «Самодержавная демонстрация», «Русские генералы Герштенцвейг и Сиверс и русский помещик Гутцейт», «Почтовые, почтенные и иные шпионы», «Игнатьевские маски», «Террор в Польше» (см. комментарий к этим статьям).

Из анонимных публикаций в «Колоколе» 1859—1860 гг. не включены в настоящий том статьи и заметки, ошибочно приписанные Герцену в сборнике Л. А. Тихомирова и в издании М. К. Лемке ¹: 1. «Правила для студентов Московского университета» (*К*, л. 59 от 15 декабря 1859 г., стр. 488—490). Авторство Огарева в отношении заключительной части статьи (от слов «Кто из профессоров подписал эти правила?») доказывается автографом ЛБ (Записная книжка № 34, Г—О, VI, 23). Принадлежность Огареву всей публикации в целом устанавливается на основании его приписки в письме Герцена к сыну от 1 декабря 1859 г., где Огарев пишет: «... принимаюсь ругать Московск<ий> университет, который издал правила для студентов — позорные» («амстердамская коллекция», не опубликовано); 2. «Чрезвычайное прибавление к 61 листу „Колокола“. I» (*К*, л. 61 от 15 января 1860 г.); 3. «С величайшим удовольствием...» (*К*, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 530); принадлежность обеих статей Огареву устанавливается на основании их идейно-тематических и стилистических особенностей; 4. Вступительная, заключительная заметки и примечание к статье «Императорский кабинет и Муравьев-Амурский» (*К*, л. 87—88 от 15 декабря 1860 г., стр. 721—742; напечатано Л. А. Тихомировым, в издании М. К. Лемке отсутствует); против авторства Герцена свидетельствует его письмо к Д. К. Шедо-Ферроти от 22 августа 1861 г.: «... примечания были писаны не мною (что не мешает мне совершенно разделять мнение автора)».

Следующие заметки из «Колокола», введенные М. К. Лемке в основной текст, но не имеющие несомненных признаков авторства Герцена, печатаются нами в разделе «Dubia»: «Семь могил, злодей-помещик и губернатор-палач в Кременчугском уезде», «Из Москвы», «Переходное положение», «Начало новых гонений в России», «Переходное состояние», «Августейшая благодарность за государственный разбой», «Законоучитель Палисадов и его меры распространения „Колокола“, «Потоцкий, Закревский, Ильинский», «Паспорты», «Ковалевский призывал петербургских журналистов...» В настоящем томе раздел «Dubia» пополнен 30 анонимными статьями и заметками, отсутствующими в издании под редакцией М. К. Лемке. При включении их в Собрание сочинений Герцена редакция основывалась на тех же принципах, что и в отношении

¹ «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1869). Женева, 1887; Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена под редакцией М. К. Лемке, тт. IX—X.

статей этого раздела в предыдущем томе (см. т. XIII наст. изд., стр. 478—484, а также комментарий к отдельным статьям и заметкам в наст. томе).

В разделе «Редакционные заметки, примечания, объявления» публикуются материалы, характеризующие редакционную работу Герцена. Впервые в этом разделе печатаются нами заметки и примечания к 57 публикациям в «Колоколе» и в листах «Под суд!». В приложениях к XIV тому печатаются отсутствующие в издании М. К. Лемке 8 корреспонденций, обработанных в редакции «Колокола». Характер этой обработки не дает возможности отделить текст корреспонденций от редакционных вставок, пересказов и пр.

Для атрибуции статей и заметок 1859—1860 гг., опубликованных в «Колоколе» от имени редакции, важное значение имеет тот факт, что в эту пору, как и в период 1857—1858 гг., через руки Герцена и Огарева продолжает полностью проходить весь материал, требующий редакционной обработки¹. Поэтому значительно облегчается и аргументация принадлежности одному из них той или иной редакционной статьи «Колокола», — аргументация, основанная на самом тщательном изучении биографических, идейно-тематических и стилистических данных (автографы публикаций в разделе «Dubia» до нас не дошли).

В настоящий том ⁴е включены следующие статьи и примечания, написанные от имени редакции «Колокола», идейно-тематические и стилистические особенности которых позволяют приписать их Огареву: 1. «Поправка» (*К*, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 383, подпись: *Редакция*); 2. Заключительная заметка «От редакции» к статье «Дворовый человек»² (*К*, л. 49 от 1 августа 1859 г., стр. 404); 3. Примечания к статье «Очерк Тверского губернского комитета по освобождению крестьян» (*К*, л. 61 от 15 января 1860 г., стр. 503, подпись: *Ред.*); 4. Примечание к статье «Тверской комитет и Унковский» (*К*, л. 65—66 от 15 марта 1860 г., стр. 544, подпись: *Ред.*); 5. Примечание к статье «Тверской помещик Головачев» (*К*, л. 70 от 1 мая 1860 г., стр. 583, подпись: *Ред.*); 6. Примечание к статье «Велико княжеское освобождение» (*К*, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 601, подпись: *Ред.*); 7. Примечание от редакции и заключение к статье «Процесс Честнокова с Бутурлиным» («Под суд!», л. 9 от 15 сентября 1860 г., стр. 79—86).

---

¹ См. письмо Герцена к Прудону от 23 марта 1860 г.: «moi et mon ami Ogareff, nous sommes extrêmement occupés (nous avons „La Cloche“, „L'Etoile Polaire“ et „Les Voix de la Russie“... tout cela doit être corrigé par nous deux, et quant à „La Cloche“ et „L'Etoile“ les articles de fond sont écrits par nous)» («... я и мой друг Огарев очень заняты (у нас „Колокол“, „Полярная звезда“ и „Голоса из России“... все это мы одни должны править, а что касается „Колокола“ и „Звезды“, то основные статьи пишутся нами же)»).

² Принадлежность ее Огареву доказывается, кроме общих оснований, содержащимися в заметке ответными замечаниями автора статьи на полемику с Огаревым.

Материалами, помещенными в разделах «Редакционные заметки» и «Приложения», не исчерпываются все формы обработки документов и корреспонденций, поступавших в редакцию «Колокола». Очень распространенный в «Колоколе» способ заострения актуального материала — это заголовок то резко обличительного, то иронического характера, благодаря которому статья сразу приобретает нужную целенаправленность. Некоторые из этих заголовков несомненно принадлежат Герцену. Таковы заголовки, относящиеся к публикациям разоблачительных документов о цензуре в России: «Бешенство цензуры», «Еще нелепость цензуры» (*К*, л. 45 от 15 июня 1859 г., стр. 367—371 и 373), «К патологической истории русской цензуры» (*К*, л. 54 от 15 октября 1859 г., стр. 444) и «Еще к патологии ценсурного бешенства» (*К*, л. 55 от 1 ноября 1859 г., стр. 456). Во всех этих заголовках отчетливо сказывается перо автора «Доктора Крупова». Ряд других заголовков, хотя и не позволяют точно определить, кем они были написаны — Герценом или Огаревым — также резко отличаются по стилю от корреспонденций, которые они сопровождают, и свидетельствуют о принадлежности их редакции «Колокола»: «Даже у Павла I можно поучиться» (*К*, л. 36 от 15 февраля 1859 г., стр. 298), «Казанские розги» и «Побольше строгости, граф Строгонов!» (*К*, л. 39 от 1 апреля 1859 г., стр. 321), «Казанская полиция не отстает от московской» (*К*, л. 40—41 от 15 апреля 1859 г., стр. 338), «За царем служба не пропадает» (*К*, л. 42—43 от 1 и 15 мая 1859 г., стр. 357; здесь возможно редакционное вмешательство и в оформлении концовки), «Теория и поэзия розог и шпиритенов в приложении к защитникам отечества» (*К*, л. 48 от 15 июля 1859 г., стр. 398), «Федор Переверзев вития рабства» (*К*, л. 52 от 15 сентября 1859 г., стр. 428); «Министерство народного просвещения грабит нищего» (*К*, л. 55 от 1 ноября 1859 г., стр. 457), «Народное восстание, народное усмирение и розги» (*К*, л. 57—58 от 1 декабря 1859 г., стр. 479), «К физиологии и зоологии провинциальных помещиков» (*К*, л. 60 от 1 января 1860 г., стр. 497), «Бешенство православия» (*К*, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 525), «По части помещичьего псолюбия», «По части помещичьего благодушия» и «По части помещичьего благодушия и губернаторского бездушия» (*К*, л. 73—74 от 15 июня 1860 г., стр. 621), «Замечательная ошибка морского министерства» (*К*, л. 77—78 от 1 августа 1860 г., стр. 652), «Зажигательные спички и тушащие министры» (*К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 711), «Пути разобнения в Польше» и «Какова русская почта!» (*К*, л. 87—88 от 15 декабря 1860 г., стр. 743 и 744).

В том не включен также ряд заметок «Правда ли...», где редакционная обработка сказалась только в использовании формы вопроса «Правда ли?» и не коснулась стиля изложения. Таковы, например, заметка «Метлин и Волохов» (*К*, л. 42—43 от 1 и 15 мая 1859 г., стр. 358) — здесь нейтральный характер запроса подчеркнут указанием в скобках «(Сообщено)», заметки «Иноки Михайловского монастыря», «Мнение Буткова о Муравьевых» (*К*, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 390), «Помещичьи злодейства» (*К*, л. 73—74 от 15 июня 1860 г., стр. 622), «Граф Берг» и «Капитан-лейтенант Костенко» (*К*, л. 76 от 15 июля 1860 г., стр. 638) и др. Ряд таких заметок

снабжен редакционными примечаниями в скобках и под строкой, но этим только подчеркивается, что сама информация поступила в «Колокол» со стороны. Таковы, например, заметка «Полтавский губернатор Волков» (*К*, л. 50 от 15 августа 1859 г., стр. 414), где редакторское вмешательство выразилось в требовании назвать фамилию офицера, пострадавшего от притеснений губернатора, заметка «Об обкрадывании акционерных обществ» (*К*, л. 57—58 от 1 декабря 1859 г., стр. 481), где в подстрочном примечании редакция изъявляет готовность поместить материалы по затронутому корреспондентом вопросу. Аналогичным образом выразилось редакторское вмешательство в заметке «Дворян секут!» (*К*, л. 65—66 от 15 марта 1860 г., стр. 553), снабженной эниграфом «Vive l'égalité!» и иронической сентенцией в скобках: «Зачем такая чувствительность?»

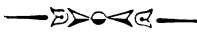
В настоящий том не включены вступительные заметки чисто сопроводительного характера, как, например: «Нам сообщают факт, с просьбой обличить его». Статья «Гвоздевская гласность» (*К*, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 606) начинается строками от редакции о том, что факты, изложенные в статье, сообщаются «в письме из Петербурга, которое мы видели в оригинале». Таковы же вводные строки в заметке «К 31 листу „Колокола“ об Урусовой и Черкасовой»: «Мы получили письмо, из которого считаем себя обязанными выписать следующее...» (*К*, л. 32—33 от 1 января 1859 г., стр. 271). Одной из обычных форм вмешательства редакции «Колокола» в текст печатаемого документа является требование гласности, общественного суда для определенных лиц, конкретных носителей зла. Так, в статье «Мухановские меры против просвещения в Польше» рассказ о беззакониях Муханова сопровождается подстрочным примечанием: «Почему не назван чиновник?» (*К*, л. 36 от 15 февраля 1859 г., стр. 298). Так, публикуя «Замечания по поводу представленного военным министерством в Комитет г. г. министров предположения об изменении некоторых правил свода военных постановлений...», редакция «Колокола» напоминала в подстрочном примечании: «Требуется имя этого почтенного начальника губернии, для которого закон не писан» (*К*, л. 77—78 от 1 августа 1860 г., стр. 650). Из примечаний подобного рода в настоящем томе печатаются только те, которые бесспорно принадлежат Герцену или непосредственно связаны с материалами, входившими в круг его ближайших интересов.

Тексты произведений 1859—1860 гг., публиковавшиеся в листах «Колокола», вышедших в первом издании, воспроизводятся в настоящем томе по первому изданию (мотивировку см. в т. XIII наст. изд., стр. 482); при этом учитываются, однако, исправления некоторых явных опечаток во втором издании «Колокола». Разночтения приводятся в разделе «Варианты».

В составлении комментариев к настоящему тому участвовали: текстологические комментарии — *Л. М. Долотова* (произведения 1859 г.) и *М. А. Соколова* (произведения 1860 г.); комментарии — *Г. Н. Антонова* («Лишние люди и желчэвики»); *И. М. Белянская* («Россия и Польша», «Террор в Польше», «И. Лелевель и казематы»); *И. А. Винникова* («Библиотека» — дочь Сенковского, «Светское и духовное образование»);

З. И. Власова («Из Москвы», «Эпоха прогресса и гласности в России», «Палач Барановский», «Тверской вице-губернатор Иванов», «С.Петербургские ведомости», «Омское красноречие», «Свистунов и Кашкин», «Сверхштатный член Шереметев», «Ковалевский призывал петербургских журналистов»); Л. М. Долотова («Из воспоминаний о Лунине»); Л. А. Иванова («Ссылка г. Рыбникова», «Победа, одержанная храбрым генералом Мухановым, что на Висле», «По Муханову и Цецурин», «Д. Н. Замятний», «И. И. Глушков», «Консул Попов и консул Черчилль в Яссах»); С. Г. Исаков («Das Lifländische Athen»); И. В. Порож («Кончина И. И. Пущина», «Переходное состояние»); В. М. Потявин («В дополнение к биографии Шевченко», «У парадного крыльца»); В. В. Пугачев («Война и мир», «Офицерское ерничество на Тверском бульваре», «1860 год», «За пять лет», «Es reiten drei Reiter», предисловие к «Письму из провинции»); Т. И. Усакина («Very dangerous!!!», «Еще о Радзивилле», «Русские немцы и немецкие русские», «Каченовский», «Crab and Lobster», Предисловие к «Похождениям Грибуля», «Войт», «Герштенцвейг»); реальные комментарии — А. М. Малахова и Г. И. Месяцева при участии И. М. Беллявской, Л. С. Мандельштам, Ю. В. Неводова, Е. Л. Рудницкой.

Редакционная коллегия издания приносит глубокую благодарность Институту литературных исследований Польской Академии наук и профессору Р. Герберу за содействие в ознакомлении с материалами польской эмигрантской печати, посвященными жизни и деятельности Герцена.

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1859—1860 ГОДОВ

1 8 5 9

РОССИЯ И ПОЛЬША

Впервые опубликовано в *К.* Первое письмо появилось в *К.*, л. 32—33 от 1 января 1859 г., стр. 257—260, под названием «Россия и Польша. Ответ автору статьи о русской типографии в Лондоне. (Письмо первое)», за подписью *Искандер*; написание этого письма относится, очевидно, ко второй половине декабря 1858 г., как о том свидетельствует заметка в *К.*, л. 30—31 от 15 декабря 1858 г., где Герцен сообщает о своем намерении ответить на статью, опубликованную в «Przegląd Rzeczy Polskich» (см. т. XIII наст. изд., стр. 434). Второе письмо было напечатано в *К.*, л. 34 от 15 января 1859 г., стр. 273—276, под названием «Россия и Польша. Ответ автору статьи о русской типографии в Лондоне. (Письмо второе)», за подписью *Искандер*, с датой: 12 января 1859. Третье письмо было опубликовано в *К.*, л. 37 от 1 марта 1859 г., стр. 299—302, под названием «Ответ на письмо из Польши», за подписью *Искандер*, с датой: Park House, Fulham, 10 февраля 1859. По-видимому, третье письмо было написано Герценом в очень короткий срок, так как 8 февраля 1859 г. он писал М. Мейзенбуг: «Ich habe aus Warschau einen enormen Brief bekommen gegen mich aber sehr chevaleresque (Я получил из Варшавы огромное письмо, направленное против меня, но очень рыцарское)»; эта оценка письма из Польши совпадает с той, которая дана ему в третьем письме (см. наст. том, стр. 26). Появлению четвертого письма предшествовала заметка «Przegląd Rzeczy Polskich» в *К.*, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 530 (см. наст. том, стр. 236); это письмо было опубликовано в *К.*, л. 65—66 от 15 марта 1860 г., стр. 539—544, под названием «Россия и Польша. Письмо к автору статей: Postępową myśl rosyjską wobec zadań polskich», за подписью *Искандер*, с датой: 10 марта 1860. Пятое письмо было напечатано в *К.*, л. 67 от 1 апреля 1860 г., стр. 555—558, под названием «Россия и Польша. Второе письмо к автору статей: Postępową myśl rosyjską wobec zadań polskich», за подписью *И* — *р.*, с датой: 10 марта 1860. Каждым из пяти писем открывался соответствующий лист «Колокола».

Все пять статей были объединены Герценом в один цикл в сборнике «За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая Искандера», Лондон, Вольная русская типография, 1860, стр. 109—192, где текст подвергся незначительным стилистическим исправлениям (см. «Варианты»).

О том, что Герцен отдавал предпочтение сборнику «За пять лет», как новой редакции текста по сравнению с текстом «Колокола», свидетельствует его письмо к Э. Рив от 18 апреля 1860 г.: «Дорогая m-elle Рив, сейчас готовится к печати том моих политических статей (1855—1860). Польский вопрос уже напечатан. Вместо „Колокола“ посылаю вам эти листы». Отсутствием у Герцена текста «Колокола» дело не могло объясняться, т. к. объявления в «Колоколе» свидетельствуют о наличии в это время в продаже его полных комплектов за 1857—1859 гг. Следовательно, сборник «За пять лет» является последним авторизованным изданием для цикла «Россия и Польша».

Французский перевод «России и Польши» был опубликован в бельгийском «La Cloche» за 1862 г., №№ 3, 5, 6 и 8. Перевод этот, как и другие переводы произведений Герцена 1859 года, опубликованные в «La Cloche», не был авторизованным, как можно судить по его качеству и по замечке в «Колоколе», л. 146 от 1 октября 1862 г., стр. 1212, где сказано: «Вышел первый лист „Колокола“ на французском языке. Издание это, совершенно независимое от русского, делается в Брюсселе».

Печатается по тексту сборника «За пять лет». Автограф неизвестен. В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 23, строка 26: под палкой полиции *вместо:* под палкой (по К)

Стр. 30, строка 33: в церемонии *вместо:* к церемонии (по К)

Стр. 47, строка 29: доля ее *вместо:* доля его

Стр. 50, строка 32: «дерзость замыслов, притязаний и надежд» *вместо:* «дерзость замыслов, и надежд» (протитировано выше, см. стр. 50, строка 16)

Письма Герцена о России и Польше являются ответом автору статьи «Aleksander Hercen i wolna rosyjska drukarnia w Londynie» («А. Герцен и вольная русская типография в Лондоне»), помещенной в ноябре 1858 г. в журнале польской эмиграции «Przegląd Rzeczy Polskich» и затем изданной в Париже отдельным огтиском. В этой статье журнал дал своим читателям не только представление о личности Герцена, характере его произведений и деятельности, но и о его взглядах по польскому вопросу. «Не может быть сомнения, — говорилось в статье, — что дело Герцена и дело демократической Польши — одно. Герцен — друг поляков, высоко ценит их дружбу и с восторгом вспоминает всякое их содействие своему делу. Его статьи и возвания, помещенные в «Demokrata Polski», не оставляют в этом никакого сомнения».

Письма Герцена о России и Польше — важный источник для изучения взглядов Герцена по национальному вопросу. В первом письме Герцен, указывая на оживление общественного движения в России после Крымской войны, справедливо требовал, чтобы русский народ не смешивали с официальной правительственной Россией. Вместе с тем в этом письме Герцен еще раз проявил свои либеральные иллюзии относительно Александра II. Так, отвечая на упрек автора статьи польского журнала о русской типографии в Лондоне, Герцен писал: «Как же я могу относиться к Александру II, который никого не казнил, никого не сылал в каторжную работу за мнения, не брал Варшавы, не мстил Польше десятки лет, не губил русских университетов и русской литературы, так, как относился к Николаю?» Это высказывание Герцена подверглось справедливой критике со стороны другого органа польских эмигрантов — «Demokrata Polski», который по этому поводу в январе 1859 г. писал: «Но что нам до того, что царь никого не сослал в каторжную работу, когда он запретил даже думать о Польше... Снисходительность к Александру II нас удивляет: мы не ожидали ее от „Колокола“».

Во втором письме Герцена излагалась его программа по польскому вопросу. Выдвигая на первый план принцип самоопределения народов, Герцен считал возможным и желательным объединение свободной России и свободной Польши на основе федерации. Вместе с тем Герцен подчеркивал полную добровольность федеративного объединения народов и заявлял, что если Польша не захочет такого союза, то об этом можно сожалеть, но не предоставить ей независимость невозможно. Призывая к союзу с революционной Россией, Герцен в этом письме отмечал, что если Россия останется под розгой помещика, под палкой полиции, без суда и прав, то Польша и Украина должны не только отделиться от нее, но и содействовать свержению ее самодержавно-крепостнического строя.

Письма Герцена о России и Польше получили очень широкий резонанс как в самой Польше, так и в кругах польской эмиграции. Далеко не все из этих откликов были благожелательны. 8 февраля 1859 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «Я получил из Варшавы огромное письмо, направленное против меня, но очень рыцарское». Отказавшись от помещения этого письма в «Колоколе» из-за исключительной его враждебности России и русским, Герцен в третьей статье протестовал против националистических выпадов своего корреспондента, решительно отстаивал демократические основы русско-польских отношений и указывал на бесцельность обращения к прошлому для взаимных упреков.

В четвертом из своих писем Герцен отвечал на статью, напечатанную в декабрьской книжке журнала «Przegląd Rzeczy Polskich» за 1859 г.— «Postępowa myśl rosyjska wobec zadań polskich» («Русская прогрессивная мысль и задача поляков»).

Неизвестный автор этой статьи прошел мимо главных положений статей Герцена и огонь своей критики сосредоточил на идее объединения свободной Польши со свободной Россией. «Герцен верит,— писал он,— в возможность решения всех вопросов славянского мира и вместе с ним России и Польши путем панславизма. Его социально-политическим идеалом является демократическая федерация». Хотя автор этой статьи и допускал теоретическую возможность федеративного объединения славянских народов, но относился к этому объединению отрицательно. С особой силой он выступал против какого бы то ни было объединения Польши с Россией и упрекал Герцена в том, что он сталкивает Польшу в бассейн Вислы, вместо того чтоб представлять ее «как политический организм с интегральными частями старой Речи Посполитой — Русью и Литвой», т. е. с Украиной, Белоруссией и Литвой. В связи с этим автор польской статьи заявлял: «Мы вольно или невольно даже прогрессивную русскую мысль вынуждены будем отнести в разряд наших врагов».

Герцен не мог, конечно, оставить эти откровенно националистические высказывания польского автора без ответа, полагая, что такая полемика поможет уяснению вопроса, что она «сблизит, а не разведет». Одновременно с этим Герцен отдавал себе отчет и в том, что выяснение недоразумений осложняется отсутствием у польского автора доверия к русским, в каждом из которых он видит «хоть немного Екатерины II и Николая I». Статья «Россия и Польша», посвященная выяснению спорных вопросов, в том числе и вопроса о федерации и условиях ее образования в будущем, являлась выражением революционно-демократической позиции Герцена в национальном вопросе. Слабой стороной статьи и в целом позиции Герцена было то, что создание федерации он связывал с той ролью, которую должна была играть, по его мысли, община в победе социализма в славянских странах.

Статья Герцена в основном была положительно воспринята редакцией журнала «Przegląd Rzeczy Polskich». Помещая в июньском номере журнала за 1860 г. изложение статьи Герцена, редакция отмечала, что хотя между ею и Герценом существуют спорные вопросы, но во многих

отношениях итеется и солидарность: «Герцен делает свое дело хорошо, и мы должны протянуть ему нашу братскую руку». В дальнейшем журнал еще не раз откликался с признательностью на статьи «Колокола» по польскому вопросу. Однако он так и не сумел до конца освободиться от националистических тенденций, а иногда допускал и выпады против русского освободительного движения. В октябре 1861 г. журнал заявлял: «Мы никогда не выступим как звенья федеративной цепи, состоящей из Польши, Литвы, Украины, Москвы, а выступим, как Польша 1772 г., и это является нашим ультиматумом, от которого ни один поляк не должен отступать».

Последнее письмо Герцена в цикле «Россия и Польша» является важным источником для изучения его взглядов на русский исторический процесс, его концепции о неизбежности победы общинного социализма в России и связанной с этой победой ведущей роли России в мировой истории. Обращаясь к своему польскому оппоненту, Герцен стремился убедить его в социалистическом будущем России, стремился показать ему, что в ней под солдатской шинелью и императорской мантией уже пробиваются всходы будущего социалистического развития.

Стр. 7. «Если Польша хочет ∞ «Колокол», 1 марта 1859.— Неточная автоцитата из второго письма статьи «Россия и Польша», повторенная также в третьем письме (см. стр. 25 и 27).

Стр. 8. ...демократический журнал, редактор его ∞ с большим талантом...— Редактором журнала «L'Номме» являлся Ш. Рибероль.

Стр. 9. ...через четыре месяца в Каваньяка...— В июне 1848 г. во время восстания парижских рабочих буржуазное национальное собрание Франции вручило военному министру генералу Кавеньяку диктаторскую власть.

... через девять в Наполеона.— 10 декабря 1848 г. Луи Наполеон Бонапарт был избран президентом Франции. Эти выборы явились предпосылкой восстановления монархического строя во Франции.

Стр. 12...разверните Штейна, Арндта...— К. фон Штейн, прусский министр, в 1807—1811 гг. проводил антинаполеоновскую политику, в результате чего вынужден был эмигрировать в Россию. В 1812 г. в Россию прибыл и Э. Арндт, немецкий публицист и ученый. Здесь он сблизился со Штейном; вместе с ним он возглавлял силы, борющиеся против Наполеона за национальное освобождение Германии. Арндт является автором многотомной работы «Geist der Zeit» («Дух времени»), первые три части которой были напечатаны в 1806—1813 гг. В этом произведении Арндт призывал немецкий народ на борьбу с Наполеоном. Аналогичные идеи он высказывал и в работе «Meine Wanderungen und Wandlungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich von Stein», Berlin, 1858. («Мои странствования и превращения, которые мы пережили вместе с бароном Г. К. Ф. фон Штейном»). Возможно, что, говоря о Штейне, Герцен имел в виду эту работу (ср. также вышедшие после смерти Штейна другие издания: P e r t z. Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein, Berlin, 1849—1855; его же: Briefe und Schriften...)

Стр. 13. ... «Свинец или хлеб! Смерть или работу!»— Лозунги, выдвигавшиеся во время восстания лионских рабочих в ноябре 1831 г.

Стр. 14. ...кроме Муравьева, который в е ш а е т, ест Муравьевы, которых в е ш а ю т.— В памфлетной биографии М. Н. Муравьева, напечатанной П. В. Долгоруковым в «Листке», № 15 от 24 ноября 1863 г., рассказывается о нем: «Только что приехав в Гродно (<в 1831 г.>), он узнал, что один из тамшних жителей спросил у одного из чиновников: „Наш новый губернатор родня ли моему бывшему знакомому, Сергию Муравьеву-Апостолу, который был повешен в 1826 году“. Муравьев вскипел гне-

вом <...> и воскликнул: „Скажите этому ляху, что я не из тех Муравьев, которые были повешены, а из тех, которые вешают!“.

В статье «Michel Bakouline» Герцен писал: «Михаил Муравьев, виленский генерал-губернатор, любил повторять: „Я не принадлежу к тем Муравьевым, которых вешают, а к тем, которые вешают“» (т. VII наст. изд., стр. 352).

Стр. 16. ... *история о том, как Панин, министр юстиции, хотел отжилить чужой дом...*— О неудавшейся тягбе В. Н. Панина с бывшим крепостным крестьянином Марининым по поводу купленных последним в Петербурге домов см. заметку «Несчастный опыт домокрадства» (т. XIII наст. изд.).

Стр. 17. ... *религия папа Фиалковского...*— А. Фиалковский, варшавский архиепископ, в 1861 г. поддерживал религиозно-патриотические выступления поляков против русского царизма.

... *религия «воссоединенного» Симаши.*— Выполняя директивы императора Николая I, униатский митрополит Иосиф Семашко провел на церковном соборе в Полодке в 1839 г. постановление о воссоединении униатской церкви с православной. Реализация этого решения потребовала применения очень жестоких полицейских мероприятий (см. об этом статьи Герцена «Секущее православие», «Гродненская история» и др. в т. XIII наст. изд.).

... *в первой книжке меня отделил какой-то господин ∞ другие грехи.*— Речь идет о «Письме к издателю», напечатанном в первой книжке «Голосов из России» (1856) под псевдонимом «Русский либерал», принадлежавшим К. Д. Кавелину и Б. Н. Чичерину.

Стр. 17—18. «*Кровь и слезы ∞ семейная вражда иссякает*» — Автоцитата из статьи Герцена «Поляки прощают нас» (см. т. XII наст. изд., стр. 87, 89).

Стр. 18. «*Чего хочет Польша ∞ раздельное Земское дело!*».— Автоцитата из прокламации Герцена «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше» (см. т. XII наст. изд., стр. 204—205).

Станислав Ворцель.— О нем Герцен подробно рассказал в «Былом и думах», гл. «Польские выходцы» (см. т. XI наст. изд.) и в некрологе «Смерть Станислава Ворцеля» (см. т. XII наст. изд.).

Стр. 21. ... *желать руманам в Молдо-Валахии.*— Летом 1858 г. в Париже состоялась конференция, обсуждавшая вопрос об объединении княжеств Молдавии и Валахии. Однако Англия, Австрия, Турция, участвовавшие в этой конференции, препятствовали созданию единого румынского государства. Княжества были признаны «соединенными», но каждое из них сохраняло свое особое управление.

Стр. 23. ... *in hoc signo vincetis!*— «Сим знаменем победите!» — слова, которые будто бы увидел на небе над огромным крестом римский император Константин, допустивший свободное исповедание христианской религии.

Стр. 25. «*Я представился ∞ кровь польских мучеников!*» — В несколько измененном виде Герцен приводит здесь слова из своей речи на митинге по случаю 23-й годовщины польского восстания 1830 г. (см. т. XII наст. изд., стр. 126—127).

Стр. 27. ... «*Умирающие проклинают тебя!*»...— Перефразировка традиционного приветствия римских гладиаторов императору: «Обреченные на смерть приветствуют тебя!»

Стр. 29. ... *против плоской выходки какого-то журналиста.*— В 1858 г. в журнале «Иллюстрация», издававшемся в Петербурге, был помещен ряд юдофобских статей и заметок, печатавшихся обычно без подписи (см. «Иллюстрация» от 26 июня, 4 сентября, 30 октября, 6 ноября 1858 г. и др.). Эти статьи вызвали протест русской передовой общественности и были сурово осуждены в печати («Русский инвалид», 1858,

№ 168; «Русский вестник», 1858, № 18; «Московские ведомости», 1858, № 138). В ноябре 1858 г. «С.-Петербургские ведомости» (№ 258) поместили протест против антисемитских выступлений в «Иллюстрации», подписанный Тургеневым, Кавелиным, Красевским, Спасовичем, Огрызко и др. Редактор «Иллюстрации» В. Р. Зотов выступил с письмом к редактору «Московских ведомостей» («Иллюстрация» от 27 ноября 1858 г., № 47) и с ответом на «литературный протест» («Иллюстрация» от 11 декабря 1858 г., № 49), в которых он полностью взял под защиту все антисемитские статьи своего журнала.

... как граф в «Пане Тадеуше»...— Один из персонажей поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш», граф из рода Горешков, вел борьбу с родом Соплицев, один из представителей которого во время восстания Костюшко убил владельца замка Горешков.

Стр. 30. *Нас воспитывали в том роде, как племянник Рамо, у Дидро, воспитывал своего сына...*— В «Племяннике Рамо» Д. Дидро герой произведения говорит своему сыну: «Золото — это все, а все прочее — без золота ничто...»

... во время сношений с Крижановским...— В 1824—1825 гг. в Киеве имели место переговоры между представителями Южного общества декабристов и Польского патриотического общества, одним из представителей которого в переговорах был С. Крыжановский.

... знаменитая Школа подхорунжих...— В конце 1828 г. в школе подхорунжих в Варшаве возникла тайная организация (т. н. «заговор подхорунжих»), имевшая своей целью восстановление независимости Польши. Первоначально восстание было намечено на время коронации Николая I в Варшаве в мае 1829 г. Восстание началось 29 ноября 1830 г. выступлением подхорунжих, напавших на резиденцию наместника Царства Польского и казармы русских войск.

... отпустил в 1831 г. цесаревича...— Польские повстанцы дали возможность великому князю Константину Павловичу беспрепятственно покинуть Варшаву.

Стр. 31. ... нет нравственного чутья.— Это мнение Мишле высказал в своем очерке «Pologne et Russie. Légende de Costiusco», Paris, 1852 г. («Польша и Россия. Легенда о Костюшко»). Герцен ответил Мишле статьей «Русский народ и социализм» (см. т. VII наст. изд.).

Стр. 32. ... дискуссию Кальвина о *servo et libero arbitrio*...— В своей книге «Institutio religionis christianae» (первое издание вышло в 1536 г.) Кальвин развивал спорный вопрос о «свободном и несвободном выборе», т. е. о предопределении, господстве воли божьей и полной пассивности человеческой воли.

... прение об *opus operatum* и *opus operans*.— Имеется в виду схоластический религиозный спор об активном или пассивном действии церковного причастия («действие совершенное и действие несовершенное»).

Стр. 33. ... *ваши огивы*...— Огива, чаще ожива, франц. *une ogive* — буквально: стрелка. В архитектуре обозначает готический свод.

Стр. 34. *Неужели Богемия соединенная с папизмом*...— После поражения гуситского движения (1419—1434) в Чехии было восстановлено господство католической церкви. Особенно усилилась католическая реакция в Чехии в XVI веке, когда она оказалась под властью Австрии.

Стр. 36. ... *видеть по письму из Украины («Кол», л. 61)*...— Герцен имеет в виду анонимное «Письмо к издателю „Колокола“», написанное Н. И. Костомаровым по поводу двух первых писем «России и Польши», в которых он поставил вопрос о «самобытности» Украины. Костомаров приветствовал позицию Герцена в отношении Украины.

Стр. 37. ... *владычество Каринианского дома*...— Герцен имеет в виду королей Пьемонта, проводивших политику объединения Италии сверху. Отец Виктора-Эммануила II, первого короля объединенной Ита-

лии, Карл-Альберт имел титул герцога Кариньянского (Кариньяно — владение графов савойских в Туринской провинции).

Стр. 38. ... *после тридцатилетнего самоубийства и вестфальских похорон...* — Речь идет о Тридцатилетней войне 1618—1648 гг., в результате которой Германия была разорена и опустошена. По Вестфальскому миру, завершившему эту войну, была закреплена политическая раздробленность Германии.

... *во время войны 1859.* — Война Франции и Пьемонта против Австрии.

Стр. 41. *Е. Жирарден недавно в своей брошюре предлагал союз целой Европы...* — Герцен имеет в виду брошюру Жирардена «La Paix» (Paris, 1855), в которой последний предлагал осуществить всеобщее разоружение и проведение нейтрализации всех морей и рек.

... *то в солферинской, то в севастопольской крови...* — Имеется в виду Крымская война 1854—1856 гг. и франко-итало-австрийская война 1859 г. 24 июня в сражении при Сольферино австрийские войска потерпели поражение (см. в наст. томе статью «Война и мир» и комментарий к ней).

Стр. 42. ... *«брось все и иди за мной!»* — Герцен приводит слова Христа, обращенные им к одному из апостолов. Присутствовавший при этом фарисей Никодим, член иудейского синедриона, не решился открыто выступить на стороне Христа.

Стр. 43. ... *хартия т е п е р ь* правда... — См. комментарий к стр. 165.

Стр. 44. *Данииловское слово...* — Согласно легенде, рассказанной библейским пророком Даниилом, во время пира последнего вавилонского царя Валтасара (VI век до н. э.) на стене появились огненные слова «тапе, лагес, тасел» — пророчество скорой гибели вавилонского царства. Напоминаая о «данииловском слове», Герцен подчеркивал неизбежность гибели старого мира и его замены социалистическим строем.

Стр. 48. ... *задушила измученного пытками сына ∞ был слаб и пошл...* — По приказанию Петра I царевич Алексей был убит в 1718 г. в Петропавловской крепости.

... *развратная жена отравила мужа...* — Петр III, содержавшийся после дворцового переворота 1762 г. под домашним арестом в Ропше, был убит караулившими его гвардейскими офицерами, во главе с А. Ф. Орловым, братом фаворита Екатерины II.

... *сын велел казнить бешеного отца...* — О готовящемся убийстве Павла I, совершившемся в 1801 г., было известно его сыну, будущему императору Александру I.

Стр. 49. ... *Гоголь.* — Герцен имеет в виду слова одного из персонажей повести Гоголя «Невский проспект» — петербургского «жестяных дел мастера» Шиллера: «Я швабский немец; у меня есть король в Германии».

Стр. 52. ... *ропот кн. Щербатова (который мы передали гласности)...* — Имеется в виду сочинение кн. М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», изданное в Лондоне в 1858 г. с предисловием Герцена (см. т. XIII наст. изд.).

Стр. 56. ... *я так недавно сделал опыт объяснить ∞ прибавить.* — См. в наст. томе статью «Русские немцы и немецкие русские».

Стр. 57. ... *à la Jean Sobieski Венский орды...* — В 1683 г. польский король Ян Собеский разбил турок, осаждавших Вену, и спас Австрию от турецкого завоевания.

Стр. 59. ... *сам Понятовский,* — *в песни Беранже...* — В стихотворении Беранже «Понятовский» рассказывается о гибели в водах Эльстера в 1813 г. польского полководца Понятовского, принимавшего участие в походе Наполеона на Россию. Призыв Понятовского: «Француз, дай руку — и я буду жив!» остался без ответа. По словам поэта, этот призыв

«сегодня целым повторен народом» (стихотворение написано в 1831 г., во время польского восстания). Стихотворение «Понятовский» вместе с песней «Спешите» и двумя другими стихотворениями Бранже — «14 июля 1829 г.» и «Друзьям» — были изданы в пользу Июльского комитета, созданного в Париже для оказания помощи полякам.

ЕЩЕ! РАЗ КОРНЕЛЕВСКОЕ «QU'IL MOURÛT!»

Печатается по тексту *К*, л. 32—33 от 1 января 1859 г., стр. 272, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании редакционного характера обработки материалов неизвестного корреспондента «Колокола» о беззакониях Новороссийского генерал-губернатора графа А. Г. Строгонова. Стиль Герцена, а не Огарева, сказывается в едко-иронической аттестации А. Г. Строгонова как «наследника римских доблестей и пермских рудников». Идейно-тематически и стилистически заметка связана с другими высказываниями Герцена о графе Строгонове на страницах «Колокола» (см. по указателю томов XIII, XIV и XV наст. изд.). О принадлежности заметки Герцену свидетельствует и ее заголовок. В первый раз эта сентенция из трагедии Корнеля «Гораций» («Qu'il mourût!») была использована в заметке Герцена «Сергий Михайлович Голицын» (см. т. XIII наст. изд.). О личном знакомстве Герцена с А. Г. Строгоновым, под начальством которого он служил в 1841 г., см. «Былое и думы» (т. IX наст. изд., стр. 47—90), а также письмо его к Строгонову от 14 июля 1841 г.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л IX, 495)

Стр. 60. ... *qu'il mourût!* — «Ему следовало бы умереть!» — слова Горация-отца из трагедии Корнеля «Гораций» (акт III, сцена 6).

... *наследник* ∞ *пермских рудников* — Строгоновы являлись владельцами крупнейших солепромышленных и металлургических заводов и рудников в Перми и на Урале.

< О БИОГРАФИИ ПАНИНА >

Печатается по тексту *К*, л. 32—33 от 1 января 1859 г., стр. 272, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематических и стилистических данных. Обличением руководителей государственного аппарата, в частности, министра юстиции В. Н. Панина, на страницах «Колокола» занимался Герцен, а не Огарев. Стилистически заметка обнаруживает несомненное родство со статьями Герцена, где высокий рост Панина постоянно служил материалом для его отрицательной иронической характеристики. Ср., например, в статье Герцена «Словобоязнь»: «...неужели Александр II и Горчаков II, III отделение и IV министра — эти quatre mendians немецких дворян — все это ополчилось за семейные добродетели Мины Ивановны, за ум Закревского, за целомудрие Марии Бредау, за... за рост Панина (других достоинств он еще не успел показать?» (см. т. XIII наст. изд., стр. 282). Ср. также в статье Герцена «1 июля 1858»: «Царь силится подать руку народу, народ силится взять ее и не может достать через Панина и компанию» (см. т. XIII наст. изд., стр. 295). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л IX, 496).

Стр. 60. Мы получили ∞ напечатает особо...—Статья-памфлет «Граф В. Н. Панин, министр юстиции» была опубликована в кн. VII «Голосов из России». Автором памфлета предположительно является К. П. Победоносцев (см. ЛН, т. 41—42, стр. 605).

ОПЯТЬ ОБЪЯСНЕНИЕ

Печатается по тексту К, л. 32—33 от 1 января 1859 г., стр. 272, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: П—р. Автограф неизвестен.

Стр. 61. ... в «Письме к редактору» в 25 листе «Колокола».—Анонимное «Письмо к редактору», помещенное в К, л. 25 от 1 октября 1858 г., было сопровождено примечаниями Герцена (см. т. XIII наст. изд.).

... фраза — «о топоре»...— Речь идет о следующих строках «Письма к редактору»: «Слышите ли, бедняки — нелепы ваши надежды на меня — говорит вам царь. На кого же надеяться теперь! На помещиков? Никак — они заодно с царем и царь явно держит их сторону. На себя только надейтесь, на крепость рук своих: заострите топоры, да за дело — отменяйте крепостное право, по словам царя, снизу! За дело, ребята, будет ждаться да мыкать горе; давно уже ждете, а чего дождались?» (К, л. 25, стр. 205).

... я Барнум II. — См. об этом американском антрепренере и авантюристе у Герцена в статье «Оба лучше» (т. XII наст. изд.).

... прочтите речи Брейта, когда он говорит о парлам. — Имеются в виду парламентские выступления Джона Брайта в 1858—1859 гг., который, в качестве депутата от Бирмингама, резко и остроумно нападая на своих противников — ториев, требовал расширения избирательных прав трудящихся слоев населения (см. J. Bright. Speeches on the parliamentary reform, London, 1867).

... Фамусов ∞ закричал бы: «Под суд! под суд!» — Герцен приводит слова Фамусова, адресованные Чацкому, в комедии Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явл. 3).

... Свобода книгопечатания ∞ величайшая хартия. — Законом 1791 г. о свободе книгопечатания (Fox libels bill) устанавливалось в Англии право печати критиковать политику правительства и общественную деятельность отдельных лиц.

<РАДЗИВИЛЛ И ЕГО ПОМЕСТЬЯ>

Печатается по тексту К, л. 34 от 15 января 1859 г., стр. 280, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена доказывается типичными для его публицистического стиля идейно-тематическими и фразеологическими признаками («исполнители царского коммунизма», весь первый абзац).

Заключительные строки заметки очень близки по своей структуре к следующему месту из статьи Герцена «1860 год»: «Кажется, все идет по-прежнему, те же мундиры, шитые золотом, начинка мундиров истлела, измелъчада, выжила из ума и из века, умерла...» (см. наст. том, стр. 219). В обоих случаях по аналогии с общеупотребительным выражением «выжить из ума» образованы новые фразеологические обороты: «выжить из сердца», «выжить из века». Ср. аналогичное использование Герценом оборота «свести с ума» в сентенции «Служба сводит у нас с ума и с сердца!» («Былое и думы», ч. V, т. X наст. изд., стр. 403).

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л IX, 498—499).

См. об этом же эпизоде заметку «Еще о Радзивилле» (наст. том, стр. 143).

Стр. 63. Известный князь Л. Радзивилл, женатый на княжне Урусовой...— Герцен имеет в виду особое положение Радзивилла при царском дворе как мужа княжны С. А. Урусовой — любовницы Николая I. О ней см. материалы статьи Н. О. Лернера «Княгиня С. А. Радзивилл» («Столица и усадьба», № 79 от 15 апреля 1917, стр. 13—14).

... склонить султана на выдачу польских изгнанников Николаю...— Многие польские революционеры, участвовавшие в венгерской революции 1849 г., после ее поражения бежали в Турцию. Николай I потребовал от султана Абдула Меджида их выдачи.

ГЕНЕРАЛЫ ОТ ЦЕНСУРЫ И ВИКТОР ГЮГО НА БАТАРЕЕ САЛЬВАНДИ

Печатается по тексту К, л. 35 от 1 февраля 1859 г., стр. 290, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: И—р. Автограф неизвестен.

Статья Герцена явилась откликом на фельетон Н. И. Греча «Газетные заметки», опубликованный в «Северной пчеле» от 27 октября 1858 г. Говоря о «ничтожности современной литературы» и протестуя против ее «отрицательного» направления, Н. И. Греч не упустил случая поделиться с читателями своими излюбленными мыслями о «благодетельной пользе цензуры». В этой связи он вспомнил, что «выдержал» в 1837 г. на одном из «понедельников» в салоне тогдашнего французского министра народного просвещения графа Сальванди «спор о нашей цензуре». Вслед за этим он почти слово в слово перепечатал из своей книги «Путевые письма из Англии, Германии и Франции», изданной в 1839 г., рассказ о встрече с В. Гюго и Сент-Бевом в салоне Сальванди. Этот либеральный салон Греч назвал «неприятельской батареей», так как ему пришлось защищать в доме Сальванди действия русской цензуры от нападок на нее французских литераторов. В ответ на замечание Сент-Бева о том, что «цензура, вероятно, стесняет движения и порывы молодых умов», Греч, как свидетельствовал его фельетон, «сказал напрямки, что литература, которая не распространяет здравых понятий и благородных правил, не старается искоренить порока и не уважает чести и добродетели, не есть еще литература, и что только тот писатель достоин уважения, который возвышает собою и своими творениями достоинство человека и гражданина. „Я совершенно с вами согласен“, — сказал на это человек, прислушавшийся к нашему разговору. Я поклонился ему за доброе его мнение. Г-н Сент-Бев сказал мне: „Это одобрение должно быть вам тем приятнее, что вы слышите его из уст г. Виктора Гюго“. — Признаться, я немножко смешался, что дерзнул возгласить такие правила в присутствии автора „Лукреции Борджиа“, „Le roi s’amuse“, но простодушие и истина, с какими отозвался Виктор Гюго, меня успокоили. Мы с ним разговорились, познакомились и, могу сказать, подружились».

Стр. 64. ... Голицын в «Печатной правде» дельно заметил «не одобровать бушке барану» — В брошюре «Печатная правда», изданной в 1858 г., кн. С. П. Голицын приводит строки из русской народной сказки: «Бушка баран, не ходи по горам; убьют тебя,

не пеняй на меня» (стр. 46). Этой сентенцией подкреплялся совет «доброего барина» крестьянам не прегендовагь на участие в государственных делах. О брошюре «Печатная правда» и об ее «лабазно-извозничьем языке» Герцен упоминал в статье 1858 г. «Фанатик паспортов» (см. т. XIII наст. изд.).

Стр. 65. ... союзником, ограбившим не только Керчь ∞ суд... — По окончании Крымской войны главный интendant русской армии генерал Ф. К. Затлер был отдан под суд и разжалован в солдаты с взысканием с него расхищенных казенных денег.

Стр. 66. ... барышни, проливавшие столько слез над его грамматикой... — «Начальные правила русской грамматики» Н. И. Греча в течение нескольких десятилетий являлись основным учебным пособием по русскому языку.

Н. Полевой ∞ греческой дружбы Ксенофонта с Булгариним... — Ксенофонт Алексеевич Полевой, младший брат Н. А. Полевого, в это время сотрудничал в «Северной пчеле» и был дружен с Булгариним.

ОТВЕТ РУССКОЙ ДАМЕ

Впервые опубликовано в *К*, л. 36 от 15 февраля 1859 г., стр. 291—293, за подписью: *Искандер*. Статьей открывался лист «Колокола».

Печатается по тексту сборника «За пять лет (1855—1860)», часть первая, Лондон, 1860, стр. 193—204, где было перепечатано с незначительными изменениями (см. «Варианты»). Автограф неизвестен.

Написание «Ответа русской даме» относится, вероятно, к первой половине февраля 1859 г., так как 31 января 1859 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «А Евдокия Глинка пишет мне письмо в 23 страницы, говорит, что пора в религию да и только, — так, говорит, богу приспичило». Полностью письмо А. П. Глинка опубликовано в сб. «Звенья», т. VIII, 1950, стр. 41—54.

Стр. 67. «Полярная звезда», III книжка, стр. 134—135. — Герцен не точно цитирует рассказ о своем венчании с Н. А. Захарьиной в гл. XXIII «Былого и дум» (см. т. VIII наст. изд., стр. 374). Этот эпизод был первоначально напечатан в *ПЗ* на 1857 г., кн. III, стр. 134—135.

Стр. 68. ...потир... — Церковная чаша для причастия.

... «С чего же начать, чтоб по верить, когда не веришь, как это сделать?» — Близкое по содержанию высказывание Байрона содержится в его дневниковой записи от 1824 г.: «Бесполезно убеждать меня не рассуждать, а верить. С таким же успехом можно было бы убеждать человека не бодрствовать, а спать». Впервые эта запись была опубликована Т. Муром в издании: «The works of Lord Byron with his letters and journals, and his life», London, 1832, v. III., p. 259.

Стр. 71. ... *Иакова Энтузиаста*. — Иаковом Энтузиастом Герцен стал называть Я. И. Ростовцева после выхода в свет в 1857 г. книги М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», в которой предательский донос Ростовцева на декабристов описывался как подвиг «благородного двадцатилетнего юноши, горевшего любовью к отечеству», «в порыве молодого, неопытного энтузиазма предположившего для себя трудную задачу: спасти вместе — хотя бы ценою собственной жизни — и Отечество и монарха...» («Восшествие на престол императора Николая I», СПб., 1857 г., стр. 97—98). См. т. XIII наст. изд. — «Разбор книги Корфа».

Стр. 73. ... с пчелами или орлами... — Двуглавый орел — русский императорский герб. Пчелы — эмблема французской империи.

〈СМОТР ПАРОХОДА «КОЛХИДА»〉

Печатается по тексту *К*, л. 37 от 1 марта 1859 г., стр. 306, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тесной связи с заметкой «Еще о „Колхиде“» (наст. том, стр. 142—143, см. также комментарий к ней, стр. 508). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* IX, 525).

Стр. 74. *Рассказывают о странном великокняжеском смотре в Тулоне парохода «Колхида»...*— О пребывании за границей русской эскадры под командованием вел. князя Константина Николаевича см. также в наст. томе заметку «Русские матросы в Виллафранке» и комментарий к ней.

ПОСТЕЛЬНАЯ БАРЩИНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Печатается по тексту *К*, л. 38 от 15 марта 1859 г., стр. 314, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании его письма к М. К. Рейхель от 27 марта 1859 г., где сказано: «А что статья Огар(ева) и мой детский роман „Постельная барщина“?» Включено М. К. Лемке (*Л* IX, 528—529).

Дело Гутцейта возникло в связи с донесением орловского губернатора 12 ноября 1857 г. министру внутренних дел о назначении формального следствия над членом орловской врачебной управы помещиком Гутцейтом, на которого дважды поступали жалобы пострадавших от его преследований крестьянок. Собрание депутатов дворянства Орловской губернии, рассмотрев дело Гутцейта, по словам донесения губернатора от 5 июня 1858 г., «не нашло побудительного повода даже к какому-либо замечанию, а тем более к учреждению над именем Гутцейта опеки» (см. изложение этого дела по документам архива министерства внутренних дел — *Л* XI, стр. 368—372; см. также в наст. томе заметку «Еще о Гутцейте» и «Помещичьи злодейства в Орловской губернии»); о типичности «дела Гутцейта», разоблаченного Герценом в «Колоколе», свидетельствует запись в дневнике В. Ф. Одоевского, относящаяся к ноябрю 1860 г.: «Московский генерал-губернатор Тучков мне сказывал, что никогда, как теперь, помещики не предаются насильному разврату со своими крепостными женками и девками. Кажется,— говорил Тучков,— что они спешат воспользоваться остатками своей крепостной власти. Мои им убеждения тщетны» (*ЛН*, т. 22—24, стр. 116).

〈ПРЕДИСЛОВИЕ К «ИСТОРИЧЕСКОМУ СБОРНИКУ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ЛОНДОНЕ»〉

Печатается по тексту сборника «Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. Книжка первая. С приложением портрета Павла I, опубликованного в Лондоне в 1799», London, 1859, стр. V—XVI, где опубликовано впервые, за подписью *Искандер*, с датой: 29 марта 1859. Лондон, Вольная русская типография. «Исторический сборник» вышел в свет, очевидно, месяцем позже, чем было написано предисловие. 19 апреля 1859 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «„Исторический сборник“ с портретом Павла готов через неделю». Ср. в письме Герцена к сыну от 19 мая 1859 г.: «Получил ли „Сборник“ и читал ли „Звезду“?» Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:
Стр. 77, строка 9: взять эту веру *вместо:* взять эту веры
Стр. 81, строка 29: по западному лжетолку — понимании *вместо:*
по западному лжетолку пониманий

Стр. 76. *Во льная русская типография в Лондоне будет время от времени издавать небольшими книжками «Исторический сборник»...*— Вторая и последняя книжка «Исторического сборника» была издана в 1861 г.

... *несмотря на улучшение цензуры понятыми от каждого министерства...*— Приказом министра народного просвещения по Главному управлению цензуры от 25 января 1858 г. был установлен новый порядок рассмотрения статей, касавшихся деятельности министерств. Статьи эти должны были представляться, помимо общей цензуры, еще и на рассмотрение специальных цензоров, выделенных министерствами и состоящих при цензурных комитетах. Их отзывы принимались «цензурой за главное к заключению своему основание при окончательном рассмотрении сочинений» («Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год», СПб, 1862, стр. 423—424).

... *ценсурными комитетами общественного спасения...*— Речь идет об организации негласного «Комитета по делам книгопечатания», призванного «направлять, по возможности, новые периодические литературные издания к общей государственной цели, поддерживая обсуждение общественных вопросов в видах правительственных» («Исторический обзор деятельности комитета министров», т. III, ч. 2, СПб., 1902, стр. 197).

... *коса самого цензора Елагина не нашла бы ни травинки.*— Петербургский цензор Н. В. Елагин отличался исключительной придирчивостью. А. В. Никитенко писал 27 ноября 1852 г. в своем «Дневнике», что узнал «дивные» вещи о цензоре Елагине, который, например, не пропускает в физике выражение «силы природы» (А. В. Никитенко, Дневник, т. I, 1955, стр. 354). Анекдоты о нем вошли в брошюру П. В. Долгорукова «Правда о России», Paris, 1861, стр. 159. См. о нем же в наст. томе, стр. 205 и 525.

... *рассказ о его смерти, написанный современником.*— Речь идет об анонимной статье «Смерть императора Павла I» (стр. 46—61). Статья эта основывалась на фактах, изложенных А. Ф. Ланжероном в его записках 1826 г. «О смерти Павла I» (впервые изданы в 1895 г. под заголовком «De la mort de Paul I»).

Стр. 77. ...*«которые он не хотел бы иметь лакеями», как он писал к графу Кочубею...*—Цитата из письма вел. князя Александра к гр. В. П. Кочубею от 10 мая 1796 г., написанного на французском языке и помещенного в книге М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», СПб., 1857, стр. 228.

См. письмо Штейнгеля к Николаю, справиться стр. 111.— Герцен имеет в виду первую книжку «Исторического сборника», где было опубликовано «Письмо барона Штейнгеля к императору Николаю» от 11 января 1826 г., написанное в Петропавловской крепости.

Стр. 78. *Когда он говорит: «Минута, в которую осмеливаюсь ее поверли».*— Здесь и далее Герцен не совсем точно цитирует «Письмо Н. С. Мордвинова к императору Александру I», помещенное в первой книжке «Исторического сборника», представляющее собою неполный и местами искаженный перевод документа, французский оригинал которого озаглавлен: «Projet de représentation à l'Empereur». Проект датирован 25 августа 1807 г. и полностью опубликован в «Архиве графов Мордвиновых» (т. 3, СПб., 1902 г., стр. 615—624). Принадлежность этого документа Мордвинову оспаривается.

Стр. 79. Стр. 70, 71.— Герцен дает отсылку на страницы первой книжки «Исторического сборника», где была помещена «Записка статс-секретаря Марчешко о событиях, совершившихся при восшествии на престол императора Николая I».

Поконец Николай Павлович, по словам Корфа, победителем взшел на лестницу Дворца, и императрица встретила его за нового чело-век а.— Герцен передает эпизод, рассказанный в книге М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», 1857, стр. 190. В первом издании книги М. А. Корфа (1848 г.) этот эпизод отсутствует.

Из этих-то казemat один из колодников пишет ему письмо.— О письме В. И. Штейнгеля см. выше.

Стр. 80. ... с речи самого Николая, произнесенной в Варшаве ∞ Начать с того, что людям, которые не могут отвечать, сказать, что они лгут, и кончить тем, что пригрозить уничтожением целого народа, если они начнут говорить...— В своем обращении к депутатам Варшавы при приеме их во дворце Лазенки 4(16) октября 1835 г. Николай I заявил: «...Вы хотели говорить речи? — Этого не нужно! Я желаю избавить вас от лжи! Да, господа, желаю избавить вас от лжи! (<...> Я воздвигнул Александровскую цигадель, и объявляю вам, что при малейшем волнении — разгромлю ваш город, уничтожу Варшаву, и уж, конечно, не я выстрою ее снова» («С.-Петербургские ведомости» от 6 октября 1835 г.).

... китайские прокламации во время последнего восстания.— Речь идет о так называемом Тайпинском восстании 1851 г. против колониального и феодального гнета.

После за щ и т ы Зимнего дворца, о которой он написал сам в своем формуляре...— Об этой записи в формуляре Николая I см. также в речи Герцена на XXIII годовщине польского восстания (т. XII наст. изд., стр. 130).

Холоп его Бибииков прощается речью с киевским дворянством...— «Речь Киевского военного, Подольского и Волынского генерал-губернатора, генерал-адъютанта Дмитрия Гавриловича Бибиикова к помещикам Киевской губернии 8 мая 1851 года» была произнесена в связи с вызовом его в Петербург и последующим назначением его (в 1852 г.) на пост министра внутренних дел.

Стр. 81. ... *остается Муравьев, заливающий à la Biron холодный водой мужиков вместе с недоимкой.*— См. комментарий к стр. 395 наст. тома.

Бибииков публично сказал студентам в Киевском университете: «У меня держите ухо востро ∞ прошу не пенять» — А. Романович-Славатинский, бывший студентом Киевского университета во времена губернагорства Д. Г. Бибиикова, рассказывает в своих воспоминаниях, что Бибииков, «посетив клиники, когорые были тогда в здании университета», держал перед студентами «речь такого содержания — вы-де, господа, пляшите, картежничайте, ухаживайте за чужими женами, посещайте б..., бейте б... (его слова), но политикой не занимайтесь, не то выгоно из университета» (А. Романович-Славатинский, *Моя жизнь и академическая деятельность 1832—1884 гг.*—«Вестник Европы», 1903, кн. 2, стр. 627). Проф. П. В. Павлов, вспоминая об этом случае, добавлял, что за занятия политикой Бибииков обещал не только выгнать из университета, но и грозил «солдатской фуражкой каждому, кто будет замечен в вольнодумстве» (Л. Ф. Пантелеев, *Из воспоминаний прошлого*, М.—Л., 1934, стр. 162).

Между ∞ бранью николаевского дворецкого мы поместили ∞ смиренный донос о с о с е д и н е н о г о, но неуспокоившегося Иосифа...— Перед публикацией речи Д. Г. Бибиикова (см. выше) в первой книжке «Исторического сборника» под заголовком «Семашко, Филарет и Николай» Герцен

поместил «секретно-конфиденциальное отношение» члена Синода Иосифа Семашко, митрополита Липовского и Виленского, к обер-прокурору Синода Н. А. Прогасову от 10 января 1855 г. И. Семашко доносил на «строптивых» священников и требовал решительных мер для искоренения «западной ереси» во всеренной ему епархии, чему якобы препятствовал виленский генерал-губернатор В. И. Назимов.

... *московский митрополит Филарет ∞ еще раз его донос!*— В первой книжке «Исторического сборника» было напечатано письмо митрополита Филарета от 15 декабря 1855 г., адресованное Виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову, в котором он, повторяя донос И. Семашко, высказывает предположение, что этот донос мог остаться неизвестным Александру II, так как Николай I получил его перед самой смертью.

Стр. 81—82. ... *Филарет ∞ был каким-то якобинцем в богословии, так что его катехизис был запрещен синодом...*— В 1823 году московский митрополит Филарет по поручению Синода составил катехизис с текстами на русском языке. В следующем, 1824, году его катехизис был запрещен в связи с гонениями Аракчеева на библейское общество и Филарета как его члена. В 1827 г. катехизис Филарета был вновь издан, но с славянскими текстами.

Стр. 82. ... *на Патриарших Прудах или в Вифании...*— Митрополит Филарет жил близ Патриарших прудов или в Спасо-Вифанском монастыре, близ Троице-Сергиевской лавры.

... *в а и я м и...*— Розгами (букв. ветвями — старослав.).

... *разбойник с левой стороны...*— По евангельской легенде — один из разбойников, распятых вместе с Христом, до конца не веривший в его божественное происхождение и не раскаявшийся в своих грехах (Евангелие от Луки, гл. XXIII).

... *мы поместили в конце статью — «Об отношениях России и Австрии».*— В «Историческом сборнике вольной русской типографии в Лондоне» 1859 г. была помещена анонимная статья «Священный союз и австрийская политика».

Больно нам было в этой статье видеть высокомерный отзыв о 14 декабря.— Имеется в виду следующее место из статьи «Священный союз и австрийская политика»: «В нас нет никаких революционных элементов, а между тем вся внутренняя политика основана была на страхе этих несуществующих элементов. Ничтожная, подражательная попытка 12 декабря, сама вызванная новой системой императора Александра, еще более закрыла глаза правительству» (стр. 158).

ЕЩЕ И ЕЩЕ ПИСЬМА ПРОТИВ «ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА», ПОМЕЩЕННОГО В 29 ЛИСТЕ «КОЛОКОЛА»

Печатается по тексту *Н*, л. 39 от 1 апреля 1859 г., стр. 315, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

По поводу этой публикации Герцен писал 27 марта 1859 г. М. К. Рейхель: «Отрывок из письма против Ч<ичерина> будет, но всего не хочу помещать, надоело».

Факт публикации письма, отрывок из которого приводится Герценом, чрезвычайно характерен для политической позиции «Колокола». Письмо дает уничтожающую оценку роли русского либерализма, совпадающую с оценкой, которую ему дал впоследствии Н. А. Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день» (1860 г.). Автор письма считает, что русские либералы далеко «не люди Декабря», что они «стали на сто-

рону <...> правительства, потому что эта позиция освобождает <...> от всякого дела» и только мешают работать тем, кто стремится к освобождению России от рабства, кто возвысил «звонкое свободное слово» против «крепостного состояния». О письме Б. Н. Чичерина издателю «Колокола», которое Герцен напечатал со своим предисловием под заголовком «Обвинительный акт» в *К*, л. 29 от 1 декабря 1858 г., см. в т. XIII.

Стр. 83. ... *проснувшись после тридцатилетнего рабства...*— Подразумеваются годы царствования Николая I (1825—1855 гг.).

ГРАФ В. Н. ПАНИН

Печатается по тексту *К*, л. 39 от 1 апреля 1859 г., стр. 322, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематического и стилистического родства этой заметки со всей серией его обличительных статей и высказываний по адресу В. Н. Панина, в частности, с его заметкой «О биографии Панина» (см. комментарий к ней, наст. том, стр. 474). Биография Панина, о которой идет речь, была опубликована в кн. VII «Голосов из России» с эпитафией «O Altitudol», использованной и в данной заметке. Эпитафия резко отличается от всей биографии по своему саркастическому тону и, с другой стороны, очень близок к обычным ироническим замечаниям Герцена о росте Панина; таким образом, есть основания предполагать, что эпитафия принадлежит не автору биографии, а Герцену. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* IX, 533).

И. ЛЕЛЕВЕЛЬ И КАЗЕМАТЫ

Печатается по тексту *К*, л. 40—41 от 15 апреля 1859 г., стр. 338, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематических и стилистических данных. Письма Герцена говорят о его постоянном интересе к делу о закрытии газеты «Слово», 19 апреля 1859 г. он сообщал М. К. Рейхель: «Знаете ли вы, что Ив. Тургенев писал к государю о заключении Огрызка в Петропавловскую крепость, и его государь, по письму Т(ургенева), велел выпустить?» О том же событии он писал М. К. Рейхель 20 мая 1859 г.: «Пришлите циркуляры: о пьянстве, попечителю о Пушки(не) и, если интересно, дело Огрызка (вы знаете, что его спас И. Тургенев из тюрьмы? Он писал к государю,— каков?)».

Высказывание о таланте как «помавании» перекликается со взглядом Герцена на отношение к человеческой личности в самодержавной России, высказанным в книге «С того берега» (т. VI наст. изд., стр. 15) и в статье «А. Иванов» (т. XIII наст. изд.). Для стиля Герцена очень характерно словообразование «двугорчаковский гнев». Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 141) и М. К. Лемке (*Л* IX, 544—545).

Стр. 85. *Г-н Огришко* поместил в своем журнале «Слово» «благородных слов об нем». — С начала 1859 г. в Петербурге начала издаваться на польском языке газета «*Slowo*», издателем которой был И. Огрызко, общественный деятель и литератор, хорошо известный в прогрессивных кругах Петербурга, близкий знакомый Н. Г. Чернышевского (впоследствии за участие в польском восстании 1863 г. Огрызко был сослан в Сибирь). В 15-м номере «*Slowo*» от 21 февраля (5 марта) 1859 г. были помещены отрывки из писем Лелевеля к Огрызко и профессору Петербург-

ского университета А. Чайковскому, являющемуся одним из редакторов «Slowo».

Этот поступок навлек на г. Огрызку двугорчаковский гнев.— Публикация Огрызко и упоминание в его статье имени Лелевеля вызвали недовольство министра иностранных дел А. М. Горчакова и заместителя Царства Польского М. Д. Горчакова. В докладе министра народного просвещения Е. П. Ковалевского Совету министров от 26 февраля 1859 г. Огрызко обвинялся в том, что он «решился писать и просить сотрудничества в своей газете человека, хотя и заслужившего славу ученого, но опозорившего себя преступными своими действиями против России и оставшегося вне отечества, в кругу польских эмигрантов». Об этом см. *Л IX*, стр. 549, а также: Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, т. 16, СПб., 1902, стр. 363—365; дневник В. Ф. Одоевского — *Л III*, т. 22—24, стр. 92 и 253.

Огрызко и цензор, пропустивший его статью, были заключены на месяц в Петропавловскую крепость, издание газеты «Slowo» было прекращено, номер газеты от 21 февраля 1859 г. изъят из продажи. Несмотря на воспрещение И. Огрызко объявлять в печати о закрытии газеты, 20 мая 1859 г. в «Московских ведомостях» было напечатано объявление редакции «Slowo» о прекращении издания газеты «по причинам от нее независящим».

... Долгоруков говорил ∞ Попечитель петербургского округа предлагал себя жертвой искупления...— Попечитель петербургского учебного округа и председатель цензурного комитета И. Д. Делянов в объяснительном письме от 23 февраля 1859 г. на имя шефа жандармов В. А. Долгорукова брал вину на себя за появление статьи Огрызко в газете «Slowo», так как сам дал указание цензору разрешить ее к печати. Он считал, что не было основания запретить простое упоминание о Лелевеле «вовсе не как о политическом в свое время деятеле, а единственно как о писателе, известном в ученом мире своими историческими, географическими и этнографическими изысканиями» (см. *Л IX*, стр. 545—550). В. А. Долгоруков в докладе Александру II счел это объяснение несостоятельным, после чего Делянову был объявлен выговор.

НОВАЯ МЕРЗОСТЬ В ПОЛЬШЕ

Печатается по тексту *К*, л. 40—41 от 15 апреля 1859 г., стр. 338, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании редакционного характера заметки, ее тематики, входящей в круг специальных интересов Герцена (польский вопрос, русские международные отношения), стилистических черт («палка из николаевского огорода — Муханов»). Характерна для статей Герцена 1858—1859 гг. и сентенция «*Pas de rêveries!*» при оценке политики Александра II в Польше (см., например, статью «*Pas de rêveries!*», ведущее к *faux pas!*»). Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 141) и М. К. Лемке (*Л IX*, 550).

В тексте *К* после слов «Ох вы мои...» идет «марашка», под которой можно разобрать: «*Piem, Piem?*»).

Стр. 85—86. *Pas de rêveries! Pas de rêveries!* — Слова, сказанные Александром II польской депутации в Варшаве в 1856 г. и определившие на несколько лет политику подавления национально-освободительного движения в Польше (см. т. XIII наст. изд., стр. 564).

Стр. 86. ... *отупевший Горчаков*...— Наместник Царства Польского кн. М. Д. Горчаков.

Конгрессы, видите! Италию освобождаем...— Герцен имеет в виду дипломатические переговоры о созыве конгресса европейских держав для обсуждения итальянского вопроса накануне войны Франции и Пьемонта против Австрии, начавшейся в 1859 г.

... *только Дубельт называется Тимашевым*.— Генерал-адъютант А. Е. Тимашев занимал с 1856 г. тот же пост управляющего III отделением и начальника штаба корпуса жандармов, который Л. В. Дубельт занимал в царствование Николая I.

⟨НА ЭТОТ РАЗ МЫ ОЧЕНЬ БОГАТЫ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯМИ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 42—43 от 1 и 15 мая 1859 г., стр. 3-9—341, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. В *ОК* озаглавлено: «О нападках на духовенство, Строгонов, Голицын, Адлерберг, Тимашев, Фролов, Урусов, Сухозанет, Ланской, Долгорукий, ценсурный триумвират. Выписка из ценсурного циркуляра. Приказ Ковалевского. Генерал Фролов». Статьей открывается лист «Колокола». О времени выхода в свет л. 42—43 «Колокола» см. в письме Герцена к М. К. Рейхель от 3 мая 1859 г.: «„Колокол“ опоздал, зато будет в два листа с половиной, но выйдет не раньше *субботы*» (суббота приходится на 7 мая 1859 г.). Автограф неизвестен.

Статья написана от имени редакции «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании многочисленных ссылок на другие его публикации в «Колоколе» и некоторых тематических и фразеологических совпадений с ними. Так, например, защита «вольной речи» перекликается с высказываниями Герцена о гласности в статьях «Что значит суд без гласности» и «Словобоязнь» (т. XIII наст. изд.), уничтожающая характеристика русского духовенства близка к следующим строкам из статьи «Секущее православие»: «Разумеется, раскольники правы, презирая полицейскую церковь, благословляющую розгами и поддерживаемую разбойниками с аксельбантами и сыщиками в камилавках» (т. XIII наст. изд.). Есть и текстуальные совпадения с другими статьями Герцена. Ср. в данной статье: «Одно из вновь полученных писем слова направлено против „обвинительного акта“, помещенного в 29 листе, письмо это в высшей степени благоприятно. По мы уже сказали, что не будем длить эту полемику в „Колоколе“» и в публикации «Еще и еще письма против „обвинительного акта“, помещенного в 29 листе „Колокола“»: «Вы подтвердили мое мнение, со всех сторон, больше, чем я мог надеяться. Не будем же длить эту полемику...» (см. наст. том, стр. 83).

Не менее важны для атрибуции статьи и содержащиеся в ней сведения (по существу ошибочные) опереиздании «Колокола» для Александра II: «Карцев писал к самому государю... но письма до него не доходят. Говорят, будто и „Колокол“ не доходит больше, а что для него *перепечатывают* в Петербурге, с должным очищением»; об этом Герцен ранее сообщал в письме к сыну от 10 апреля 1859 г.: «В России „Колокол“ перепечатывают с выписками и до государя наш не допускают». Включено М. К. Лемке (*Л* IX, 560—571).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 92, строка 3: цензурным постановлениям *вместо:* цензурным постановлением.

Стр. 87. *К этому листу мы прилагаем текст проекта освобождения крестьян, сделанный Ростовцевым, с нашими замечаниями.*— Проект председателя редакционной комиссии Главного комитета по крестьянскому делу Я. И. Ростовцева, напечатанные в Петербурге в ограниченном количестве экземпляров, были перепечатаны под заголовком «Крестьян-

ский вопрос и Ростовцев» с многочисленными критическими замечаниями и примечаниями Огарева в *К*, л. 42—43 от 1 мая 1859 г.

К следующему приложим продолжение заседаний Московского комитета...— Материалы заседаний Московского комитета «Об улучшении быта помещичьих крестьян» печатались в лл. 30—35 «Колокола». Продолжение было напечатано только в л. 47 от 1 июля 1859 г.

... *«обвинительного акта», помещенного в 29 листе...*— Под заголовком «Обвинительный акт» Герцен поместил в *К*, л. 29 от 1 декабря 1858 г. письмо к нему Б. Н. Чичрина со своей сопроводительной заметкой (см. т. XIII наст. изд.).

... *письмо о упрекает нас, что мы говорили о пошлых и несвоевременных вмешательствах петербургского митрополита — в женские шали...*— Петербургский и новгородский митрополит Григорий 15 мая 1858 г. обратил внимание генерал-губернатора Петербурга П. Н. Игнатьева на картинку мод — приложение к № 19 «Сына отчезова», где была изображена женщина в платье, отделанном крестами из лент. Митрополит просил генерал-губернатора запретить этот фасон. Эта курьезная переписка послужила темой для заметки Герцена «О усердному, о пастырю благоревностному!» (см. т. XIII наст. изд.).

... *и популярные лекции геологии.*— В заметке «Архипастырское рвение о мраке» (см. т. XIII наст. изд.) сообщалось, что петербургский митрополит Григорий обращал внимание обер-прокурора синода на то, что «некто иностранец Роде», выступая перед студентами высших учебных заведений Петербурга, «разными картинами, не упоминая ни слова о божьем создателе, показывает, что образование нашей земли со всеми ее растениями и животными, не исключая и людей, произошло только от действия естественных сил какой-то первобытной материи, в продолжение не простых шести дней, а шести более или менее длинных периодов...»

Стр. 88. ... *мы, осмеливающиеся порицать бессмысленные и разорительные повядки великокняжеские...*— В статьях «Августейшие путешественники» и «Высочайшие путешественники at home» (см. т. XIII наст. изд.).

... *мы, осмеливающиеся обличать подленькие циркуляры Ковалевского...*— В статье «Черный кабинет» (см. т. XIII наст. изд.).

... *бездельничество варшавского Муханова...*— О П. А. Муханове см. в наст. томе, стр. 561—562.

... *держимордство Закревского...*— В статье «Полицейский разбой в Москве» (см. т. XIII наст. изд.).

... *духовенство о вдруг заговорило против маленьких газет, против популяризации науки?*— См. статью «Распространение иезуитизма в России» (т. XIII наст. изд.).

Стр. 89. ... *одна статья Воейкова у нас есть...*— Имеется в виду статья Воейкова «Революция 1801 марта 12», напечатанная в «Историческом сборнике Вольной русской типографии в Лоддое» в 1861 г. (кн. 2, стр. 117—133) под заглавием «Из записок А. Ф. Воейкова». См. письмо Герцена к М. А. Маркович (Марко Вовчок) от 23 февраля 1860 г.

... *другая напечатана уже в одном из «Русских сборников».*— Вероятно, имеется в виду «Русский заграничный сборник». О какой статье идет речь, установить не удалось.

... *Муханова — обер-фор-шнейдера...*— См. комментарий к стр. 279.

Стр. 90. ... *Строгонова — великого вотчима...*— А. Г. Строгонов приходился свекром дочери Николая I вел. княгине Марии Николаевне, на которой был женат его сын Г. А. Строгонов.

«ПОПЫТКА ПРЕДАНИЯ АНАФЕМЕ»

Печатается по тексту *К*, л. 42—43 от 1 и 15 мая 1859 г., стр. 358, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия, за подписью: *И—р*. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В архиве Герцена сохранилась вырезка из газеты «Daily Telegraph» от 21 июня 1859 г., в которой отмечалось (цитируем перевод): «Нам передавали из России, что несколько недель тому назад петербургский митрополит на собрании святейшего синода Российской империи внес предложение об отлучении от церкви Александра Герцена, широко известного изгнанника, живущего теперь в Лондоне. Все епископы, за исключением московского митрополита, одобрили это предложение, направленное против талантливого человека, отважного основателя революционного движения в области политической литературы в России, однако император отказался утверждать это решение глав церкви и упрекнул церковных сановников в выражениях, которые никоим образом не содействовали укреплению достоинства их „сана“» (ЛН, т. 63, стр. 818).

В письме к сыну от 22 июня 1859 г. Герцен писал: «Посылаю тебе из «Daily Telegraph» статью о том, как Алекс(андр) II не велел меня проклинать. Это до того смешно, что, показавши своим, ты отошли Фогту».

Стр. 94. ... *дяденьки нашего magnanimous Ally.*— Наполеон I приходился дядей Наполеону III, которого Герцен иронически называет «великодушным союзником».

RUSSIA BY A RECENT TRAVELLER, LONDON, 1859

Печатается по тексту К, л. 42—43 от 1 и 15 мая 1859 г., стр. 358, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени редакции «Колокола». Авторство Герцена устанавливается, по свидетельству М. К. Лемке, на основании записки Огарева, хранившейся в архиве семьи Герцена (Л IX, 596). Принадлежность заметки Герцену подтверждается близостью ее тематики основным интересам Герцена, а также некоторыми особенностями ее языка и стиля («За что она сменила уркуардский гнев на гакстаузенскую милость?»; «блаженные времена Венского конгресса, Меттерниховых нот и Гейнцевых вариаций»). В пользу авторства Герцена говорит и то, что самый жанр обзора западноевропейских книг, в особенности трудов о России, на страницах «Колокола» был введен Герценом (см. его статью «Западные книги» в т. XIII наст. изд.).

Стр. 95. *Russia by a recent traveller, London, 1859.*— Полное заглавие книги, вышедшей анонимно: «Russia by a recent traveller a series of letters» («Россия глазами недавнего путешественника, серия писем»).

... *сменила уркуардский гнев на гакстаузенскую милость?* — Д. Уркхарт был известен своими руссофобскими настроениями и выступал за союз европейских государств против России (ср. характеристику Уркхарта, данную Герценом в «Былом и думах», гл. «Немцы в эмиграции», т. XI наст. изд.). Гакстаузен в 1843 г. путешествовал по России и затем описал свои наблюдения в трехтомном труде «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands», Hannover — Berlin, 1847—1852, в котором дал весьма сочувственную оценку общинным началам сельского быта России.

... «*Коста-Рику*» Вагнера...— Речь идет о книге М. Wagner. Die Republik Costa-Rica, Leipzig, 1854.

... Ю. Фребеля «*Америку и Европу*». — Речь идет о книге: J. Frebel. Aus Amerika. Erfahrungen, Reisen und Studien, Leipzig, 1857—1858.

...*Меттерниховых нот и Гейнцевых вариаций*... — Каламбур, объясняемый тем, что Фридрих фон Генц являлся агентом австрийского государственного канцлера Меттерниха.

〈СТРОГОНОВ И PORTO FRANCO〉

Печатается по тексту *К*, л. 42—43 от 1 и 15 мая 1859 г., стр. 358, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематических и стилистических особенностей заметки. Обличение беззаконности действий новороссийского и бессарабского генерал-губернатора А. Г. Строгонова было постоянной темой герценовских статей и заметок в «Колоколе». Герцен неустанно нападал при этом на грубость обращения Строгонова с подчиненными, просителями и пр.; упоминание о его родственных связях с Николаем I («великий свекор») также характерно для Герцена, объяснявшего таким образом царские милости к Строгонову (ср. в статье «На этот раз мы очень богаты корреспонденциями...» слова о «великом вотчине» и его грубости, а также в статье «Прощайте, Арсентий Андреевич!» и во вступительных строках к публикации «Граф Строгонов и Старицкий» о «грубостях с дамами великого свекра» — см. наст. том, стр. 89—90, 122 и 368). Показателен и совет «успокоиться», данный петербургскому митрополиту Григорию, о котором Герцен только что говорил выше, в этом же листе «Колокола», в статье «Попытка предания анафеме». Наконец, обыгрывание «porto franco» типично для каламбурной манеры Герцена. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л IX*, 573—574).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 96, строка 11: еще церковь не сгинала *вместо:* еще церковь не сгинала.

Стр. 96. ... *проконсул Строгонов* в... — Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор А. Г. Строгонов.

... *porto franco* значит, что свободно можно выбрасывать за дверь... — Игра слов: итал. *porto franco* — «свободный порт»; франц. *porte* — «дверь».

... *да ведь и porto franco уничтожено?* — Портофранко, право морской гавани на беспошлинный экспорт и импорт, в Одессе было установлено в 1817 г. и просуществовало с некоторыми перерывами до 19 апреля 1859 г.

... *по великий Свекор*... — См. комментарий к стр. 90.

... *Кормчую книгу* — Свод правил и узаконений, принятых русской православной церковью, составленных на основе византийского Номоканона; действовал до 1839 г., когда был заменен «Книгою правил»;

ВОЙНА И МИР

Впервые опубликовано в «Колоколе»: 1) «Война» — *К*, л. 44 от 1 июня 1859 г., стр. 359—362, за подписью: *Искандер*; 2) «На углу» — *К*, л. 45 от 15 июня 1859 г., отдел «Смесь», стр. 374, за подписью: *И—р*; 3) «Мир» — *К*, л. 50 от 15 августа 1859 г., стр. 407—408, с подзаголовком «(Вторая статья о войне)», за подписью: *И—р*. Статьями «Война» и «Мир» открывались соответствующие листы «Колокола».

Первая статья — «Война» — была перепечатана в *К*₂, л. 44 от 1 июня 1859 г., стр. 359—362, с незначительными изменениями (см. «Варианты»).

Все три статьи были перепечатаны под общим названием «Война и мир» в сборнике «За пять лет» (1855—1860), часть первая, Искандера, Лондон, 1860, стр. 205—233, с незначительными изменениями (см. «Варианты»). Дата статьи «Война» в сборнике — «1 июля 1859» — является, очевидно, опечаткой, так как статья появилась в *К*, л. 44 от 1 июня 1859 г. Из письма Герцена к сыну от 11 мая 1859 г. видно, что к этому времени для него были уже ясны контуры первой статьи о войне: «Я стаюволюсь со стороны войны. В будущем листе „Колокол(ола)“, 1 июня, будет длинная

статья обэтом; если хочешь, переведи ее на франц<узский> или немец<кий> и напечатай или покажи своим товарищам». 19 мая 1859 г. Герцен со-общал сыну: «Статья моя об войне уже набрана».

Печатается по тексту сборника «За пять лет». Автограф неизвестен.

В качестве перевода эпиграфа использован перевод Герцена, дан-ный им в подстрочной сноске в тексте «Колокола».

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 98, строка 16: Империя, необходимая для равновесия *вместо:* Империя необходимая *(по источнику цитаты, К, л. 34 от 15 января 1859).*

Стр. 109, строка 13: быть *против* Австрии значит быть *против* Ан-глии *вместо:* быть *против* Англии *(по К).*

Статьи «Война и мир» появились во время ожесточенных споров, шедших в европейской, особенно немецкой, прессе по вопросу о судьбах Австрийской империи. Герцен, давно определивший свою позицию (см. в наст. томе «Россия и Польша») в новой статье не только позитивно изло-жил собственные взгляды, но и вступил в полемику с большинством немецких публицистов, прежде всего с «Augsburger Allgemeine Zeitung», доказывавшей неотделимость интересов Австрии от интересов немецкого союза, пугавшей Германию призраком Ины, вторжением французов через Рейн, отстаивавшей лозунг защиты Рейна на По, требовавшей ока-зания помощи Австрии со стороны Пруссии и всего немецкого союза. Полемицировал Герцен и с суждениями руководителей «Augsburger All-gemeine Zeitung» о «всемирно-исторической миссии Австрии», якобы призванной цивилизовать славянские племена на юго-востоке Европы, создать и возглавить «великую Средне-Европейскую державу» из немец-ких государств, Бельгии, Голландии и «славяно-румынских народов» на Дунае.

Издатель «Колокола» спорил и с другими газетами и публицистами, придерживавшимися австрофильской точки зрения. К ним принадлежала берлинская «Nationalzeitung», утверждавшая, что «нейтралитет при совре-менных условиях может быть подходящим для Бельгии, Голландии или Швейцарии; для Пруссии нейтралитет — смерть». В том же духе писал прусский историк Ф. фон-Раумер, заявивший в брошюре «Der Stand-punkt Preussen» («Точка зрения Пруссии»): «Интересы всей Германии яв-ляются интересами Пруссии, а Австрия на протяжении веков была оплот-ном Германии против славян». По свидетельству К. Маркса, этот памфлет был в Германии «превознесен до небес» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр. 166). К. Блинд в анонимной заметке «Великий князь Константин — будущий король Венгрии», опубликованной 27 мая 1859 г. в «The Free press», указывал на опасность русско-французского военного союза и раздела Германии. Все публицисты великогерманского направления (Л. Бухер, Родбертус и др.) также требовали оказания по-мощи Австрии. В Англии ту же точку зрения защищал известный публи-цист Д. Уркхарт, давнишний недруг России.

О степени распространенности подобных настроений Герцен мог су-дить и по личным впечатлениям: почти все его знакомые из числа немцев разделяли такие взгляды. 29 апреля 1859 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «И ты, Брут... Вы также начинаете бояться, также не имеете мужества быть последовательной до конца...» Как может прийти в голову мысль, буд-то существует намерение завоевать Германию!» 3 мая он жаловался М. К. Рейхель: «А уж эти поганые немецкие патриоты — даже Мюл-лер-Стрюбинг туда же, хорохорится. И вы не припадаете ли на австрий-скую ножку?» 22 июня в письме к сыну говорилось: «...война показала, что это <немцы> за дикие бестии, даже Мюллер».

Особенно болезненно воспринял Герцен критику антиавстрийской брошюры К. Фогта «Studien zur gegenwärtigen Lage Europas» («Этюды о современном положении Европы», Женева, 1859). Там говорилось: «Австрия — опаснейший враг Германии, будущность которой может проявиться только при раздроблении первой... Каков бы ни был исход войны между Австрией и Францией, во всяком случае он будет выгоден для внутреннего развития и политической будущности Германии. Пусть соединятся немцы, тогда им нечего бояться, а пока они связаны с чехами, поляками, венграми, кроатами и итальянцами, до тех пор всегда будут побеждаемы». Брошюра оспаривала положение о цивилизаторской роли Австрии на Востоке. Автор высказывался за независимость Италии, но считал, что на первых порах там может быть создана лишь конфедерация конституционных монархических государств, и критиковал Мадзини за отказ от сотрудничества с федералистами-монархистами.

Книга Фогта вызвала возмущение немецких публицистов. 22 июня Герцен просил сына: «Скажи ему <Фогту>, что здесь, в Лондоне, немцы об нем иначе не говорят, как со скрежетом зубным». 9 мая во время митинга в лондонском Сити, устроенного Д. Уркхартом в связи с войной, К. Блинд заговорил с К. Марксом об интригах Фогта, уверяя, что последний получает деньги от бонапартистского правительства (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 337). Маркс рассказал об этом В. Либкнехту и фактическому редактору еженедельника «Das Volk» Бискампу, предупредив, что «южногерманцы любят сгущать краски». Во втором номере «Volk» (14 мая) появилась статья Бискампана «Der Reichsregent als Reichsverräter» («Имперский регент в качестве предателя»), где сообщалось о подкупе Фогта. 19 мая Герцен писал сыну: «Фогта в марксовом журнале обругали страшно; говорят, что он — агент Бонапарта». Маркс и впоследствии не раз отмечал подкуп Фогта (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, стр. 74).

Герцен не верил в подкуп Фогта, защищал его брошюру, многие положения которой были созвучны его собственным идеям. 11 мая он просил сына: «Фогту, если имеешь случай, сообщи, что я сильно муссировал его прекрасную брошюру». А в письме к сыну от 27 мая замечал: «Постарайся прочесть Кошута речь в Манчестере. Вот самый верный взгляд, да он же и Фогтов и мой: надобно пользоваться этой войной для разрушения Австрии, не делаясь бонапартистом» (см. также упоминание об этом эпизоде в «Былом и думах» — т. XI наст. изд., стр. 685—686).

Упорная защита Фогта объяснялась близостью многих идей его «Этюд» к давнишним мыслям самого Герцена о необходимости разгрома Австрии для освобождения славян и других народов, угнетенных империей Габсбургов. В статье «Россия и Польша» Герцен указывал на необходимость уничтожения австрийской империи для освобождения славян. Во время войны в ряде писем это положение получило свое дальнейшее развитие, окончательно оформившись в статье «Война». 29 апреля Герцен писал М. Мейзенбуг: «Война наступила... Австрия должна погибнуть. Франция должна в освободительной войне вновь познать свободу или же окончательно стать жертвою грубого деспотизма». Та же мысль развивалась и в письме к М. К. Рейхель от 3 мая: «Теперь все дело в том, чтоб уничтожить Австрию, а там после разберем, кто друг и кто враг». Более подробно об этом Герцен говорил в письме к сыну от 11 мая: «Войны я не желал, но война *есть*, и Австрия может от нее погибнуть и через то не только Италия освободится, но — Венгрия и славяне. Я становлюсь со стороны войны... Нам надобно проповедовать славянскую конфедерацию, независимую от русского правительства, но соединенную с ним как союзница; в эту конфедерацию, вероятно, взойдут и венгры <...> и молдоваляхи, и турецкая Сербия».

Эти мысли и послужили основой статьи «Война». Указывая в ней на

желательность разгрома Австрии, как на необходимое условие освобождения славян, Герцен в то же время ставил вопрос о желательности крутого изменения русской внешней политики. Россия должна стать «славянским государством» и «мирной главой нового союза», т. е. возглавить славянскую конфедерацию, о которой говорилось в письме к сыну от 11 мая, покончить с завоевательными тенденциями. И первым шагом на этом пути должно быть освобождение Польши.

В статье «Война» Герцен стремился опровергнуть доводы сторонников оказания помощи Австрии, полемизируя прежде всего с «Augsburger Allgemeine Zeitung». Избрав эпиграфом выдержку из письма Фогта, показывавшую необходимость уничтожения Австрии, Герцен публично заявил о своей солидарности с идеями его «Этюдюв». Правда, на самом деле их мысли совпадали не полностью: Герцен подчеркивал беспринципность внешней политики Наполеона III, ставил вопрос об освобождении Польши не только от австрийского владычества, но и от русского царизма. Об отрицательном отношении Герцена не только к Австрии, но и к бонапартистской Франции еще более четко было сказано в следующей статье цикла — «На углу».

Статья «Мир» явилась откликом Герцена на известие о предварительных условиях мирного договора между Францией и Австрией, установленных во время личного свидания Наполеона III с Францем Иосифом 11 июля 1859 г. в Виллафранке.

Накануне и во время войны Наполеон III не раз подчеркивал желание освободить Италию от австрийского ига. 21 июля 1856 г. в Пломбьере было заключено тайное соглашение между Наполеоном III и премьер-министром Пьемонта Кавуром; обе стороны договорились о необходимости изгнания австрийцев из Италии совместными силами, с тем чтобы за свою помощь Франция получила Ниццу и Савойю. Пломбьерское соглашение было, по существу, оглашено в инспирированной императором французом брошюре «Наполеон III и Италия», опубликованной в Париже в конце января 1859 г.

Когда война началась, Наполеон III 3 мая 1859 г. в специальной прокламации заявил о своем намерении освободить территорию Италии до Адриатического моря. На первых порах он поддерживал итальянское национально-освободительное движение и вошел в сношения с Кошутом с целью вызвать восстание в Венгрии. Однако Герцен, как свидетельствует первая часть статьи (см. стр. 100 наст. тома), не верил утверждениям французской прессы о стремлении Наполеона освободить Италию.

Война Франции и Пьемонта против Австрии продолжалась с 29 апреля по 8 июля 1859 г. Союзная армия нанесла противнику ряд серьезных поражений, наиболее внушительная победа была одержана французами и пьемонтцами 24 июня при Сольферино, австрийские войска были совершенно дезорганизованы. Неожиданно Наполеон III, не известив об этом своего итальянского союзника, предложил австрийцам перемирие, которое было подписано 8 июня 1859 г. 11 июля 1859 г., во время свидания Наполеона III с австрийским императором Францем Иосифом в Виллафранке, были установлены предварительные условия мирного договора, по которому Савойя и Ницца фактически оккупировались французскими войсками.

Поведение Наполеона III объясняется страхом перед ростом национально-освободительного движения в Италии, перспективой ее объединения революционным путем. Кроме того, французский император опасался вооруженного выступления Германского союза, начавшего мобилизацию; внушало беспокойство и поведение русского правительства, недовольного попытками Наполеона III поднять восстание в Венгрии. Пьемонт, поставленный перед совершившимся фактом, был вынужден прекратить военные действия. Итальянские патриоты расценивали пове-

дение Наполеона III как предательство, итальянская пресса негодовала, Каур 13 июля демонстративно ушел в отставку.

Оценивая итоги войны, Герцен пришел к выводу о верности своих прежних утверждений о том, что «Наполеон III — представитель смерти», что бонапартизм является одним из наиболее отвратительных показателей гниения западноевропейской культуры («Франция или Англия?» — см. т. XIII наст. изд.).

Стр. 98. «Колокол», 15 января 1859.— Герцен приводит автоцитату из второго письма статьи «Россия и Польша», напечатанного в *К*, л. 34 от 15 января 1859 г. (см. наст. том, стр. 19).

Стр. 102. *Но что же приняли, например, от австрийцев мадьяры — не мог никогда его сломить.*— В письме к Ференцу Пульскому от 12 (24) мая 1859 г. Герцен отмечал: «Я закончил свою довольно длинную статью о войне; уверен, что вы и Кошут будете очень довольны несколькими строками, касющимися Венгрии».

Стр. 107... *кровавое преступление двух немцев и одной немки...*— В 1795 г. соглашением между императором т. н. «Священной Римской империи» Францем II, прусским королем Фридрихом Вильгельмом II и русской императрицей Екатериной II был закреплен третий раздел Польши, покончивший с ее самостоятельностью.

Стр. 110. ... *Бернаров процесс — портной и в Сити!*— 15 февраля 1858 г. английские власти арестовали активного участника революции 1848 г. доктора Симона Бернара — французского политического эмигранта, обвинявшегося в соучастии в подготовке покушения Ф. Орсини на Наполеона III. Этим шагом правительство Пальмерстона (а затем и правительство Дерби) надеялось смягчить обострившиеся англо-французские противоречия. Арест Бернара вызвал бурю возмущения со стороны английских рабочих и средней буржуазии. 17 апреля 1858 г. верховный уголовный суд Англии по решению двенадцати присяжных заседателей призывал Бернара невиновным. Герцен откликнулся на событие заметкой «Ватерлоо 17 апреля 1858 г.», в которой подчеркивал, что «Двенадцать англичан из народа не решились (как того хотела аристократия и богатое мещанство) жизнью Бернара купить благорасположение императора от полиции» (см. том XIII наст. изд., стр. 266). В «Былом и думах» Герцен писал, что присяжные старшиной «избрали какого-то небогатого портного из Сити» — он и объявил оправдательный вердикт (т. XI наст. изд., стр. 117). Это же противопоставление английского трудового народа его верхам характерно и для очерка «На углу».

...«*Le Spectre rouge*» Ромье.— Речь идет о брошюре А. Romieu «Красный призрак» («*Le spectre rouge*», Paris, 1851), написанной в связи с подготовкой бонапартистов к президентским выборам 1852 г. Сторонники Луи Наполеона запугивали буржуазию и крестьянство «красным призраком» и указывали как на единственное спасение от него — бонапартистскую восстную диктатуру.

Ромье писал: «Нас ожидает уже не только гражданская война, но и жакерия... в то время как Париж, Лион, Страсбург и Лион, изобилуя войсками, могут рассчитывать на легкий успех в день битвы, остальная Франция находится на пороховой бочке, которая готова взорваться по первому сигналу. Ненависть к богатому — там, где есть богатые; ненависть к мелкому буржуа — там, где имеются лишь бедные; ненависть к фермеру — там, где имеются лишь батраки; повсеместная ненависть низкого к высокому — вот та Франция, которую нам создали, или, лучше сказать, которую мы создали... Везде уже дан пароль, нет ни одного дерева, ни одного куста, за которым не скрывался бы враг, приготовившийся к великой социальной битве.» Первый же удар набата будет повторен огромным эхо...»

Стр. 111. ... вместо Синайской горы и острова Патмоса, у Провансальских братьев и в гие Joubert. — По библейскому преданию, у горы Сипая Моисеем были даны законы, составившие пять книг Ветхого завета; на острове Патмосе апостол Иоанн написал свой Апокалипсис. «Провансальские братья» — парижский ресторан.

Стр. 112. *On Liberty* J. S. Mill — Разбор книги Милля «*On Liberty*» (Лондон, 1859) был напечатан в *К*, л: 40—41 от 15 апреля 1859 г., под заголовком «Джон Стюарт Милль и его книга „*On Liberty*“, а затем вошел в состав шестой части «Былого и дум» (см. т. XI наст. изд., стр. 75—77 и комментарий к главе).

В печальное время горячечной трусости Цезаря, после трагического героизма Орсини... — Имеется в виду покушение Орсини на Наполеона III 14 января 1858 г. Будучи арестован, Орсини послал письмо Наполеону III, умоляя его вернуть Италии свободу. Наполсон III, начинавший в прессе антиавстрийскую кампанию, разрешил защитнику Орсини Жюлю Фавру привести это письмо в защитительной речи и приказал напечатать его в «*Moniteur*».

Стр. 112—113. ...необузданное раболепие Франции английской свободь... — Во время следствия о покушении Орсини выяснилось, что итальянские патриоты подготовили заговор и запаслись метательными снарядами в Англии. Под нажимом правительства Наполеона III Пальмерстон внес в парламент законопроект, уничтожавший право политического убежища в Англии. Этот законопроект был провален 19 февраля 1858 г., и Пальмерстон ушел в отставку (см. «Былое и думы», гл. «*Not guilty*» и комментарий к ней — т. XI наст. изд.).

Стр. 113. «*Мир сделал еще шаг вперед к возмужалости*». — Здесь и далее Герцен приводит цитаты из своей статьи «Франция или Англия?» (см. т. XIII наст. изд.).

Partant pour la Syrie! — Отправляясь в Сирию... — первые строки стихотворения, написанного графом де Ламбордом и переложенного на музыку королевой Гортензией в 1810 г. Запрещенная в годы Реставрации, в период Второй империи песня в передланном виде стала «патриотическим» гимном французских солдат, прославлявшим Наполеона III и императрицу Евгению.

Стр. 114. ... все понизилось ∞ Наполеон, его противник, его сожаник, Клевер и Гарибальди, Кошут и Жеромов сын. — Герцен имеет в виду обмен Наполеоном III итальянских и венгерских патриотов.

Жеромов сын — принц Наполеон, сын Жерома Бонапарта.

На затворяющихся дверях Янусова храма... — В древнем Риме двери арки Януса в мирное время были закрыты, а во время войны открывались.

... папу — т и т у л я р н о г о президента Италии. — Герцен иронически называет почетное председательство папы в итальянской конфедерации титулярным президентством, так как папа имел только титул главы конфедерации, реальная же власть в Италии принадлежала французским войскам, занимавшим Рим.

VERY DANGEROUS!!!

Печатается по тексту *К*, л. 44 от 1 июня 1859 г., стр. 363—364, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. В *ОК* имеется подзаголовок: (О нападках на обличительную литературу). В *К*₂ было перепечатано с незначительными изменениями (см. «Варианты»). Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 117, строка 37: Это может относиться вместо: Это может относиться (по *К*₂)

Статья «Very dangerous!!!» — первое развернутое подемическое выступление Герцена против систематической дискредитации так называемого «обличительного направления» и переоценки исторической и литературно-общественной значимости «либных людей», проводившейся на страницах «Современника» и других русских журналов в 1857—1859 гг.

Начиная с 1857 г., «Современник» последовательно и неуклонно разблещал либеральные иллюзии как в области общественно-политических и экономических вопросов (см. далее комментарий к статье «Русские немцы и немецкие русские»), так и в литературной борьбе. Либеральное прекраснородушие расценивалось вождями революционной демократии как серьезное препятствие на пути к действительному освобождению народа. В своих литературно-критических статьях и в стихотворных фельетонах Добролюбов утверждал, что обличение частных злоупотреблений без критики всего социально-политического строя только отвлекает от борьбы с настоящим злом. В этом отношении особенно характерна программная статья «Литературные мелочи прошлого года», в которой Добролюбов порицал умест либеральной практики во всех ее проявлениях, начиная от защиты «постепенных экономических улучшений» и кончая обличительной беллетристикой, черпающей «силы для восстания против чиновников и взятки из правительственных распоряжений» («Современник», 1859, кн. 1 и 4). Апрельская книжка «Современника» с окончанием «Литературных мелочей», содержавшая наиболее острые выпады прогив либерального «пустозвонства», и второй номер «Свистка» с язвительными насмешками над либеральной гласностью явились непосредственным поводом для Герцена, решившего дать публичную отповедь прогивникам обличительства. Предположение некоторых исследователей, что в «Very dangerous!!!» Герцен полемизировал также со статьей Добролюбова «Что такое обломовщина?», опубликованной в майской книжке «Современника», лишено оснований: Герцен не мог знать об этой статье, так как пятый номер «Современника» подписан к печати 11 мая 1859 г., а статья «Very dangerous!!!» была кончена уже 8 мая по старому стилю (см. письмо Герцена к М. К. Рейхель от 20 мая 1859 г.). По свидетельству Чернышевского, Добролюбова и Антоновича «Very dangerous!!!» было вызвано прежде всего статьей «Литературные мелочи прошлого года» (см. «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», собранные в 1861—1862 гг., М., 1890, стр. 439; Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, М. 1935, стр. 140; «Шестидесять лет», М. А. Антонович, Воспоминания; Г. З. Елисеев, Воспоминания, Academia, 1933, стр. 148).

Полемические выпады Герцена прогив «чистых литераторов», которых стало оскорблять, что так много пишут о взятках и гласности и так мало «Обломовых» и антологических стихотворений, были вызваны общей литературно-политической линией «Библиотеки для чтения» и особенно выступлением А. В. Дружинина в его статье о Писемском прогив «небывалого безобразия» и «отъявленных нелепостей сентиментально-преувеличенного обличения» («Библиотека для чтения», 1859, кн. 2, Литературная летопись, стр. 7). Одновременно с Герценом прогив статей Дружинина резко протестовал и Огарев (см. «Памяти художника» — ПЗ на 1859 г., кн. V, стр. 248—249).

Отношение «Библиотеки» к обличительной беллетристике во многом разделяли «Отечественные записки», когда они противопоставляли «желчной сатире, взявшей на себя роль нравственного опекуна и гувернера», «бальзам чистой поэзии», отмечая, что в «нашей падшей литературе» на фоне «пошлости будничной жизни» сохранились такие светлые явления, как Гончаров и Аксаков («Отечественные записки», 1858, кн. 7, стр. 287—326).

{В отличие от «Библиотеки для чтения» «Отечественные записки» упресли обличительную литературу не только с позиций «свободного искусства», но предлагали «вспомнить, что есть у нас более животрепещущие современные общечеловеческие интересы», «убедиться, что мелкое лихоемство несчастных бедняков, не имющих насущного хлеба, не есть исключительный и главный корень всякого зла» («Отечественные записки», 1858, кн. 10, Русская литература, стр. 123—124). Эта непоследовательность «Отечественных записок» давала основания для сближения их точки зрения на обличительную беллетристику с позицией «Современника».

Однако, иронизируя над «чистыми литераторами», Герцен наносил основной удар «Современнику», намеренно смещивая последний с «Библиотекой для чтений», чтобы подчеркнуть, в каком неприятном соседстве оказался орган революционной демократии, «истоящая свой смех на обличительную литературу» (см. Б. П. К о з ь м и н, Выступление Герцена против «Современника» в 1859 году, К вопросу о борьбе Герцена и Огарева против сторонников чистого искусства — «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XI, вып. 4, 1952; т. IX, вып. 2, 1950; Е. Н. Д р ы ж а к о в а, Poleмика «Колокола» и «Современника» в 1859—1860 гг. — «Ученые записки Ленинградского гос. пед. института, фак-т яз. и литературы», вып. 5, т. XVIII, 1956 г.).

В письме к М. К. Рейхель от 20 мая 1859 г. Герцен прямо указывал, имея в виду «Very dangerous!!!», что в 44 листе «Колокола» она найдет «головомойку „Современнику“».

Различие политических программ «Колокола» и «Современника» (о задачах и внутренней его организации Герцен был хорошо осведомлен благодаря беседам с М. И. Михайловым, Н. В. Шелгуновым и А. Н. Пыпиным) привело к тому, что Герцен сурово осудил Чернышевского за отзывы о Поэрио (см. примечание к стр. 117), а скептическое отношение Добролюбова к либеральной гласности принял за отрицание принципа демократической гласности и обличения вообще. Напоминая по поводу фельетонов «Свистка» о «развязном смехе» Сенковского в «Библ. для чтения» николаевской поры, Герцен ставил вопрос о воздействии на русскую легальную печать «направительного и навидательного ценсурного триумвирата» (см. комментарий к стр. 116), не только не делая исключения при этом для «Современника», но прямо намекая на последний в заключительных строках своей статьи.

Не замечая опасности вырождения серьезного обличения в обывательское пустословие, Герцен защищал обличительную беллетристику от упреков в мелочности тематики и антихудожественности, указывая на «превосходные вещи» Щедрина и объясняя промахи и ошибки обличительной литературы неумелостью тех, кто впервые взялся за перо, чтобы передать «слезы крестьянина, неистовство помещика и воровство полиции».

Недовольство «Современником» было тем сильнее, что Герцена не удовлетворяла общая линия журнала и в вопросе об исторической и общественной роли дворянской интеллигенции. В передовой части ее Герцен продолжал видеть наследников Белинского и Грановского и борцов за освобождение народа, в то время как Чернышевский и Добролюбов уже поняли историческую обреченность либерального дворянства и, высмеивая бездельность и пустое фразерство лучших его представителей — «лишних людей», указывали на новую, революционную силу в лице разночинческой молодежи (см. комментарий к статье «Лишние люди и желчевики»).

Защищая «лишних людей» николаевской поры от нападок «литературных фланкеров последнего набора», Герцен, очевидно, имел в виду не только позицию «Современника», но и критику «лишних людей» на страницах «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок», тем более что полемическое сближение дворянской оппозиции сороковых годов с

дворянским либерализмом конца пятидесятих годов в статьях Добролюбова могло напомнить Герцену нашумевшее выступление С. С. Дудышкина, объединившего всех «лишних людей», от Онгина до Рудина, на том основании, что они «не гармонировали с обстановкой», т. е. не трудился (см. С. С. Дудышкин, «Повести и рассказы» И. С. Тургенева — «Отечественные записки», 1857, №№ 1 и 2). Против «слабости» и «унылого рефлектерства» «лишних людей», их «неспособности к практическому делу» и «нравственного неурядиства» неоднократно выступал и Дружинин, начиная, по его собственным словам, «твердый суд над лишними существами» (А. В. Дружинин, «Повести и рассказы» И. С. Тургенева — «Библиотека для чтения», 1857, №№ 2 и 3).

Революционно-демократическая часть русской общественности и прежде всего руководители «Современника» были удивлены и возмущены устаночными положениями статьи «Very dangerous!!!»

«Однако, хороши наши передовые люди! — писал Добролюбов в своем дневнике, услышав об обвинениях Герцена. — Успели уже пришибить в себе чутье, которым прежде чуяли призыв к революции (<...> Теперь уж у них на уме мирный прогресс при инициативе сверху, под покровом законности! Я лично не очень убит благоволением Герцена (<...>), но Некрасов обеспокоен, говоря, что это обстоятельство свяжет нам руки, так как значение Герцена для лучшей части нашего общества очень сильно. В особенности намеки на бюро оскорбляют его, так что он чуть не решается уехать в Лондон для объяснений, говоря, что этокое дело может кончиться дуэлью. Ничего этого я не понимаю и не одобряю, но необходимость объяснения сам чувствую и для этого готов был бы сам ехать. Действительно, если намек есть, то необходимо, чтобы Герцен печатно же от него отказался и взял назад свои слова» (Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. VI, 1939, стр. 487—488; см. также «Шестидесятые годы», М. А. Антонович, Воспоминания. Г. З. Елисеев, Воспоминания).

Для скорейшей ликвидации обозначившегося конфликта и взаимной информации редакция «Современника» направила в Лондон Н. Г. Чернышевского (об этом см. Б. П. Козьмин, Посадка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом — «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1953, вып. 2; возражения М. В. Нечкиной — там же, 1954, вып. 1, и ответ Б. П. Козьмина — там же, 1955, вып. 2).

Резюмируя свои впечатления от объяснений с Герценом, Чернышевский писал Добролюбову в июне 1859 г.: «Разумеется, я ездил не понапрасну (<...> но, боже мой, по делу надобно вести какие разговоры! (<...> Кавелин в квадрате — вот вам и всё» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 379).

По свидетельству С. Г. Стахевича, Чернышевский впоследствии рассказывал: «Я нападал на Герцена за чисто обличительный характер „Колокола“. Если бы, говорю ему, наше правительство было бы чутью поумнее, оно благодарило бы вас за ваши обличения; эти обличения дают ему возможность держать своих агентов в уезде в несколько приличном виде, оставляя в то же время государственный строй неприкосновенным, а суть-то дела именно в строе, а не в агентах. Вам следовало бы выставить определенную политическую программу, скажем — конституционную, или республиканскую, или социалистическую, и затем всякое обличение являлось бы подтверждением основных требований вашей программы...» (С. Г. Стахевич, Среди политических преступников — в Сборн. «Н. Г. Чернышевский», М., 1928, стр. 103).

Непосредственным результатом свидания Герцена с Чернышевским явилась краткая заметка в «Колоколе» от 1 августа 1859 г. «Объяснение статьи „Very dangerous!!!“». Этой информации предшествовало в июньском номере «Современника» за 1859 г. специальное разъяснение Добролюбова.

«Нас многие обвиняют,— писал Добролюбов, имея в виду Герцена,— что мы смеемся над обличительной литературой и над самой гласностью; но мы никому не уступим в горячей любви к обличению и гласности, и едва ли найдется кто-нибудь, кто желал бы придать им более широкие размеры, чем мы желаем. От того-то ведь и смех наш происходит: мы хотим более цельного и основательного образа действий, а нас потчуют какими-то ребяческими выходками...» (Н. А. Д о б р о л ю б о в, Полн. собр. соч., т. II, М., 1935, стр. 484). Через месяц Чернышевский, возвращаясь к герценовским упрекам в адрес «Современника», отмечал, что в «насмешке нашей слышатся стоны» (Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й, Полн. собр. соч., т. VI, М., 1949, стр. 281—282; см. также стр. 323—324).

В статье «Русская сатира в век Екатерины» («Современник», 1859, кн. X) Добролюбов, возражая автору «Very dangerous!!!», еще раз детально обосновал свою точку зрения на задачи сатиры в условиях борьбы с крепостническим строем. В 1862 г. Чернышевский в статье «Опыты открытий и изобретений» вновь вспомнил о статье «Very dangerous!!!», полемизируя с либеральной журналистикой и иронически связывая по этому случаю «пламенного г. Громеку» с «публицистом несравненно более знаменитым и гораздо более пылким, который так и крикнет «Very dangerous!» (Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й, Полн. собр. соч., т. X, М., 1951, стр. 71). В следственном показании, сознательно преувеличивая свою «неприятнь к Герцену», Чернышевский охарактеризовал свой выпад в адрес издателя «Колокола» как «поступок, порицаемый правилами литературной полемики», объясняя его чрезвычайно сильной привязанностью к Добролюбову: «дурных отзывов о нем Герцена, начинающихся с весны 1859 года, когда в № 45 или 47 „Колокола“ была напечатана обидная для Добролюбова (и для меня,— но о себе я не говорю) статья Герцена „Very dangerous!!!“ <...>, я не мог извинить Герцену никогда...» (Там же, т. XIV, М., 1949, стр. 734—735).

Упреки Герцена, адресованные «чистым литераторам», также не прошли бесследно: в ближайшей книжке «Библиотеки для чтения» Дружинин выступил с разъяснением причины своего пренебрежительного отношения к обличительной литературе, снова подчеркнув необходимость борьбы с нею во имя «высших интересов русского искусства» («Библиотека для чтения», 1859, кн. 8, Кригика, стр. 25—27).

«Отечественные записки» после статьи Герцена коренным образом изменили свой взгляд на обличительное направление и, присоединившись к мнению автора «Very dangerous!!!», открыли полемику с «Современником», заимствуя полемические выпады из комментируемой статьи: «Всё ему смешки, забава, // Всё ругает, всё бранит, // Словно вправду Станислава // Досвистаться норовит»,— писал М. Розенгейм, используя заключительные строки «Very dangerous!!!» («Отечественные записки», 1861, кн. 8, Заметки празднующающегося, стр. 92—93; см. также кн. 3, Политическое обозрение, стр. 25; кн. 5, Современная хроника России, стр. 20; кн. 6, стр. 71).

Влиятельнейшие органы консервативной печати («Московские ведомости», «Русский вестник»), опираясь на статью Герцена, обрушились на «Современник» десятками статей с полемическими аргументами, выписанными из «Very dangerous!!!»

Выпады Герцена против «Современника» и его руководителей, как якобы легкомысленных «свистунов», позднее были подхвачены и использованы И. С. Тургеневым в его «Литературных и житейских воспоминаниях» (1869). При этом последний целиком повторил полемические приемы автора «Very dangerous!!!», нарочито сблизив сатиру «Современника» и «Свистка» с «зубоскальством», с беспринципным смехом Сенковского и противопоставив этой сатире «сарказм» Белинского.

Между тем, сам Герцен уже в 1860 г. в статье «Лишние люди и желчевики» признал справедливость отрицательного отношения «Современника» к обличительной литературе. Несколько раньше, в статье «„Библиотека“ — дочь Сенковского», развивая основные тезисы «Very dangerous!!!» применительно к журналу Дружинина, Герцен намеренно подчеркнул, стремясь отмежеваться от противников «Современника», что и в 1859 г. речь шла прежде всего о «Библиотеке для чтения».

Стр. 116. ... *за наитие на правительственного и на видательного цензурного триумвирата.*— «Цензурным триумвиратом» Герцен называет правительственный комитет по делам книгопечатания (1859—1860), учрежденный для неофициального надзора над литературой с целью «правительственного» воздействия на журналистику и использования ее «в видах правительственных»; в состав его входили граф А. В. Адлерберг, А. Е. Тимашев и П. А. Муханов, многократно заклеянные на страницах «Колокола».

Намеки Герцена на возможный подкуп «Современника» обусловлены резко враждебным отношением издателей «Колокола» к Н. А. Некрасову в связи с якобы неблагоприятной ролью последнего в так называемом «огаревском деле» (см. письмо Герцена к М. К. Рейхель от 11 апреля 1856 г., а также: Б. П. Козьмин, Выступление Герцена против «Современника» в 1859 году — «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XI, вып. 4, 1952, стр. 382—383). Личная неприязнь к Некрасову получила отражение и в более поздних выступлениях Герцена («Лишние люди и желчевики», «Нашим врагам»). Н. Г. Чернышевский, вспоминая впоследствии об «огаревском деле» и тяжких обвинениях по адресу Некрасова, отзывался об этом как об «ошибках Герцена» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 734).

... *так мало «Обломовых» и антологических стихотворений.*— «Библиотека для чтения» из номера в номер нападала на сатирическое направление в литературе, противопоставляя «монотонности, лжи и кислоте» обличительной беллетристики «прелесть» антологической поэзии и романов Гончарова («Библиотека для чтения», 1859, № 1, Критика, стр. 24; № 2, Литературная летопись, стр. 5, 9).

Мы видели в Германии всяких Жан-Полей ∞ *фантастические повести.*— Отзыв Герцена о Жан-Поле Рихтере очень близок суждениям В. Г. Белинского, высказанным им в 1844 г. в статье «Антология из Жана Поля Рихтера». Сознательно смешивая Рихтера и группу иенских реакционных романтиков, проповедников искусства, «свободного» от действительности и «социальных утопий», Герцен метил в Дружинина; в лице «всяких Жан-Полей» он развенчивал «Библиотеку для чтения» с ее утверждениями, что «истинная поэзия» гибнет, если вздумает «искать себе вдохновения в мире временных и преходящих интересов общества» («Библиотека для чтения», 1859, № 1, Критика, стр. 20; см. также 1858, кн. 2, Критика, стр. 67; № 11, Летопись, стр. 37 и др.). Полемический смысл этих сближений Герцен вновь подтвердил в статье «„Библиотека“ — дочь Сенковского», открыто обвинив здесь Дружинина в дурных привычках «эстетического жеманства, старонемецкого бегства от общественных вопросов».

Журналы, сделавшие себе пьедестал из благородных негодований ∞ *над неудачными опытами гласности.*— Речь идет о «Современнике» и «Отечественных записках». Сближение «Современника» с «Отечественными записками» определено известной общностью их взглядов на обличительную литературу и тем обстоятельством, что издатели «Колокола» вплоть до 1862 г. видели в этих журналах представителей одного направления; в письме к Н. В. Альбертини Огарев даже предлагал

редакции «Отечественных записок» прекратить полемику с «Современником» и «протянуть руку на серьезное действие мнимому врагу, который в сущности единомышленник» (ЛН, т. 61, стр. 891).

... при большом театре ставят особые балаганчики...— Герцен имеет в виду «Свисток», сатирический отдел в «Современнике», созданный Добролюбовым. В момент написания «Very dangerous!!!» Герцен был знаком лишь с двумя первыми номерами «Свистка» («Современник», 1859, №№ 1, 4).

Стр. 117. Когда товарищи Поэрио ∞ и «Пунчи» ∞ не сделал карикатуры.— Выступление Герцена в защиту Поэрио, неаполитанского политического деятеля и эмигранта, поплатившегося за свои либеральные иллюзии десятилетним тюремным заключением, связано с политическим обозрением в мартовской книжке «Современника». В этом обозрении Чернышевский дал ироническую оценку деятельности неаполитанского изгнанника, высмеяв в его лице и итальянских и русских либералов с их склонностью к компромиссам и боязнь революцию («Современник», 1859, кн. 3, Политика, стр. 154). Эта оценка Чернышевского, подтвержденная им затем в политическом обозрении следующей, апрельской, книжки «Современника», вызвала взрыв негодования в кругах русской либеральной общечественности и глубоко задела Герцена. Poleмика вокруг Поэрио позднее была учтена Н. Я. Николадзе в его критике либеральных ошибок «Колокола» и, прежде всего, статьи Герцена «Письмо к императору Александру II» (см. ЛН, т. 62, стр. 410).

Всего гения Гейне ∞ две-три отвратительные шутки над умершим Бёрне, над Платеном и над одной живой дамой.— Герцен имеет в виду нашумевший в свое время памфлет Гейне «Людвиг Бёрне» и его «Путевые картины», в которых он зло парировал оскорбительные выпады против него со стороны Бёрне и поэта Августа Платена. Под «одной живой дамой» разумеется подруга Бёрне Жанетта Воль-Штраус — предмет иронических выпадов Гейне в памфлете «Людвиг Бёрне».

... болтовню о всех петербургских камелиях и аспавиях...— Герцен намекает на серию фельетонов И. И. Панаева «Петербургская жизнь». В этих фельетонах, публиковавшихся в течение ряда лет (вплоть до 1858 г.) на страницах «Современника», давались зарисовки быта и нравов столичного «полусвета». В качестве героев и героинь здесь выступали «камелии» и «аспавии», беснечные и ловкие прожигательницы жизни, тщеславные «литературные» дамы.

Стр. 118. ... как златокудрая дева ∞ не течет по его сердцу.— Строки о «златокудрой деве» и «чернооком юноше» пародируют штампы лирики Майкова и Фета и, прежде всего, их «этнологических» произведений. Суждение Герцена о поэтах «чистого искусства» перекликается с заключениями Добролюбова, автора рецензии на «Перепевы. Стихотворения обличительного поэта» («Современник», 1860, № 8).

Суровая картина какого-нибудь «Перевоза»... — Речь идет о рассказе И. В. Селиванова «Перевоз», напечатанном в «Современнике», 1857, № 3.

... длинная Одиссея какой-нибудь полуагаглей, ледящейся натурой... — Имеется в виду роман И. А. Гончарова «Обломов», который публиковался в первых четырех книжках «Отечественных записок» за 1859 г. Резкие оценки «Обломова» Герцен полемически заостряет как против Дружинина, назвавшего «Обломова» в ряду произведений, призванных «расчистить» «беллетристическую атмосферу» от «зловония обличительной литературы» («Библиотека для чтения», 1859, № 2, Литературная летопись, стр. 1, 5), так и против «Современника», где роман Гончарова расценивался Добролюбовым как «первоклассное произведение», замечательное по «развитию характеров» и «художественной отделке подробностей» («Современник», 1858, № 2, Русская литература, стр. 285). Уничтожающая критика «Обломова» во многом предопределена была и ироническим отно-

шением Герцена к Гончарову-цензору (см. фельетон Герцена «Необыкновенная история о цензоре Гон-ча-ро из Ши-пан-ху» — т. XIII наст. изд.).

Стр. 119. ... *один ученый публицист ∞ нет буржуазии!* — Герцен полемизирует с основными положениями статьи А. Поллунского «О злоупотреблениях и неспособности в администрации», формулирующей притязания буржуазии на исключительную роль в формировании общественного мнения и гласности (см. «Библиотека для чтения», 1859, № 3).

Гоголь умер от его приговора. — Имеется в виду политическая изоляция Гоголя после выхода в свет в 1847 г. его реакционной книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

... *сам Пушкин испытал, что значит взять аккорд в похвалу Николаю.* — В работе «О развитии революционных идей в России» Герцен писал: «От Пушкина — величайшей славы России — одно время отвернулись за приветствие, обращенное им к Николаю после прекращения холеры, и за два политических стихотворения» (т. VII наст. изд., стр. 220). Строки эти имели в виду стихотворение «Герой», посвященное приезду Николая I в Москву в 1830 г. в пору холерной эпидемии, «Бородинскую годовщину» и «Клеветникам России» (см. об этом в «Былом и думах», т. IX, стр. 22, 136 и т. XI, стр. 329, в статье «1831—1863» — т. XVII наст. изд.).

Стр. 120. ... *сделались иезуитскими попами.* — Ср. в статье «Россия и Польша» замечание Герцена о настроениях части дворянской интеллигенции: «... в этот двенадцатый час, середь тягости, дошедшей до последней степени тиранства, в то время когда Печерины, Гагарины, Голицыны бежали в католицизм, чтоб не задохнуться...» (см. стр. 49 наст. тома).

... *выморочным поколением ∞ которое воспел Лермонтов с такой страшной истиной!* — Герцен имеет в виду стихотворение Лермонтова «Дума».

ПРОЩАЙТЕ, АРСЕНТИЙ АНДРЕЕВИЧ!

Печатается по тексту *К*, л. 44 от 1 июня 1859 г., стр. 366, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики статьи, связанной с другими обличительными заметками Герцена о Закревском, Панине, А. Г. Строганове и других руководителях государственного аппарата этой поры. Герцен так упорно выступал с обвинениями по адресу Закревского, что один из его корреспондентов, А. А. Чумиков, даже объяснял отставку Закревского влиянием статей «Колокола». Герцен, однако, выдвинул в письме к А. А. Чумикову от 7 июля 1859 г. ту же причину отставки, что и в статье: «А прогроз, в падении Закревского никто не участвовал, кроме его дочери. Итак, в этом вопросе я с Вами не могу согласиться». Характеристика фамилии Строгановых совпадает с тем, что сказано о ней в статье Герцена «Граф Строганов, шпицрутены и штабс-капитанша Баранова» (см. наст. том). Положительная оценка деятельности С. Г. Строганова, данная в статье, очень близка к более ранним отзывам о нем в дневнике Герцена 40-х годов (см. т. II наст. изд., стр. 245 и 319). Очень характерны для публицистического стиля Герцена строки о Панине: «В заключение обращаемся снова к вам, продолжительный в пространстве и во времени министр юстиции!» Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 23—24).

А. А. Закревский был уволен в отставку 15 апреля 1859 г. Непосредственным поводом к этому послужило выданное им письменное разрешение на вторичное замужество его дочери гр. Л. А. Нессельроде, не разведенной с первым мужем. А. В. Никитенко в своем «Дневнике» писал, что

Закревский «сделал вещь невероятную по своей наглости и презрению всех законов. У него есть дочь, не хуже Мессалины известная своими похождениями. Она замужем за графом Нессельроде, с которым, разумеется, не жила. Закревский вздумал ее, не разведенную с первым мужем, вторично выдать замуж за князя Друцкого-Соколинского. Ни один священник не хотел их венчать. Наконец Закревский нашел одного, который, под угрозой ссылки в Сибирь, согласился, наконец, их перевенчать. Об этом Закревский имел дерзость сам известить государя. Вслед за тем и состоялось его увольнение» (А. В. Никитенко. Дневник, т. II, М.—Л., 1955, стр. 84; см. также П. А. Валуев. Дневник — «Русская старина», 1891, № 8, стр. 295 и запись в дневнике В. Ф. Одоевского — ЛН, т. 22-24, стр. 94). «Высочайшее» распоряжение об увольнении Закревского «от должности московского военного генерал-губернатора с оставлением в звании генерал-адъютанта» было опубликовано в «С.-Петербургских ведомостях» 22 апреля 1859 г.

Стр. 122. *«Die ganze Kraft dem Volke seiend...»*—Двустипшие «К портрету Меттерниха», написанное Ференцом Пульским; об этих стихах Герцен упоминал в письме к М. К. Рейхель от 6 октября 1855 г. Их перевод: «Отдавши всю силу народу, в конце концов бываешь выброшен вон!» (нем.).

...его попечительство до 1848 года не забудется в Московском университете.— С. Г. Строганов был попечителем Московского учебного округа с 1835 по 1847 г. Характеристика Строганова как попечителя дана Герценом в «Былом и думах», гл. XXXI (см. т. IX наст. изд.).

...пример М. С. Воронцова, даже князя Дм. Вл. Голицына...— М. С. Воронцов как новороссийский генерал-губернатор был известен своей широкой административно-хозяйственной деятельностью. Московского генерал-губернатора Д. В. Голицына Герцен охарактеризовал в гл. VI «Былого и дум» как «человека слабого, но благородного, образованного и очень уважаемого...» (см. т. VIII наст. изд., стр. 132).

...не своего новороссийского брата.— А. Г. Строганов как воинствующий крепостник подвергался неоднократным разоблачениям на страницах «Колокола».

Стр. 123. *У Строгоновых в доме некогда жил губернатором член Конвента Р о м...*— Ш. Ром был воспитателем П. А. Строганова, двоюродного дяди С. Г. Строганова.

Отец этих Строгоновых был ∞ дипломатов...— Г. С. Строганов был послом в Швеции, Испании и Турции.

<МЫ ВСЕГДА ДУМАЛИ...>

Печатается по тексту К, л. 44 от 1 июня 1859 г., стр. 366, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи, непосредственно вслед за статьей «Прощайте, Арсентий Андреевич!»; в ОК специального названия не имеет, тем не менее по содержанию эта заметка является вполне самостоятельной.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематической связи и текстуальных совпадений с его статьями. Герцен писал о С. П. Голицыне ранее, в статье «Фанатик паспортов»: «...его сиятельство князь Голицын, который каким-то лабазно-извозчицким языком с разными прибаутками хочет уверить крестьян, что земля не их» (см. т. XIII наст. изд., стр. 288); в данной заметке Герцен дает С. П. Голицыну краткую и выразительную характеристику, — «автор лабазно-плантаторской

книжонки», — вскрывая, таким образом, крепостническую сущность «Печальной правды» и иронически оцнивая ее язык — грубую подделку под народный. Следует отметить, что характеристика, данная Огаревым книжке С. П. Голицына, совершенно сходная по смыслу с герценовской, резко отличается от нее по стилю. Вместо образного эпитета — у Огарева логически расчлененное суждение и концовка, содержащая этическую оценку: «Автор пошло-грубой книжонки „Печатная правда“, подделки под народный язык, писанной против народной свободы. Двойное преступление!» (см. примечание к статье «Комиссии для составления положений о крестьянах», *К*, л. 62 от 1 февраля 1860 г., стр. 512).

Высказывание Герцена о кн. В. А. Черкасском переключается с отзывами о нем в статье «Письма из России» (см. наст. том).

Стр., 123. ...автора лабазно-плантаторской книжонки «Печатная правда» — Имеется в виду князь С. П. Голицын, который в 1859 г. как «опытный помещик» был введен Я. Н. Ростовцевым в члены Редакционных комиссий при главном комитете по крестьянскому вопросу в качестве консультанта.

Не посылал ли он в Москву за моделью детских розог, которыми другой князь хотел сечь взрослых женщин... — Намек на кн. В. А. Черкасского, который в своей статье «Некоторые общие черты будущего сельского управления» писал, что «домашнее исправительное наказание» крестьян помещиками «не должно превышать... 18 ударов розгами, а для малолетних, не достигших еще 14-ти лет от роду, и для женского пола — детскими розгами не более 15 ударов» («Сельское благоустройство», М., 1858, кн. 3, стр. 260).

ЕЩЕ О ГУТЦЕЙТЕ

Печатается по тексту *К*, л. 45 от 15 июня 1859 г., стр. 373, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена доказывается теснейшей тематической связью с его статьёй «Постельная барщина продолжается» (см. наст. том, стр. 74—75), вызванной первым письмом из Орла (данная заметка — отклик на второе письмо), а также со статьёй «Граф Строгонов, шпицрутены и штабс-капитанша Баранова», которая содержит выписку из дела о Барановой и в которой сказано: «Выписку эту нам прислали в ответ на наш запрос „Правда ли?“ об этом деле» (см. наст. том, стр. 204). Отметим также в данной статье характерное для Герцена и постоянно встречающееся у него определение русского феодализма как азиатского, «татарского».

Стр. 124. *Мы получили из Орла другое письмо...* — См. в наст. томе заметку «Постельная барщина продолжается» и комментарий к ней.

...о каком-то диком генерал-адъютанте Глинке... — Речь идет о генерал-адъютанте Б. Г. Глинке, известном своим самодурством.

Кстати, говорят о об этой милой соотечественнице. — См. в наст. томе статью «Граф Строгонов, шпицрутены и штабс-капитанша Баранова» (стр. 204).

«КОНЧИНА ПУЩИНА»

Печатается по тексту *К*, л. 46 от 22 июня 1859 г., стр. 375, где опубликовано впервые, в траурной рамке, без заглавия и подписи. Этой заметкой открывался лист «Колокола». Заглавие взято из *ОК* (с исправлением ошибочного «Пушкина» на «Пущина»). Автограф неизвестен.

Информация о кончине декабриста И. И. Пущина написана от имени издателей «Колокола». Концовка некролога текстуально близка к высказыванию Герцена о декабристах в его «Письмах к будущему другу» («И вся эта передовая фаланга» — см. т. XVIII наст. изд.) и в «Ответе русской даме» (см. наст. том). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 43).

И. И. Пущин скончался 3 (15) апреля 1859 г. в с. Марьино Бронницкого уезда Московской губернии.

«Для всех благомыслящих,— писал декабрист Н. Р. Цебриков 31 мая 1859 г. своему другу Е. П. Оболенскому,— потеря Ивана Ивановича Пущина тяжелым свинцом легла на сердце. Я его лично совершенно не знал, но всех отзвиз был один, что он был лучший патриот и лучший человек» («Воспоминания деятелей тайных обществ 1820 годов», т. I, под ред. Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова, М., 1931, стр. 270). 27 марта 1860 г. Н. Р. Цебриков, упоминая о нем же, писал Е. П. Оболенскому: «Иван Пущин, как говорят, сохранил свои верования, свои убеждения до последней минуты» (там же, стр. 273).

И. И. Пущин с большим вниманием и сочувствием следил за политической и литературной деятельностью Герцена, был аккуратным читателем «Колокола», разыскивал его номера, в письмах к друзьям рекомендовал прочитать в нем те или иные статьи (см. И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. Под ред. С. Я. Штрайха, М., 1956, стр. 345, 354; см. также комментарий к статье «Письмо к императору Александру II» — т. XIII наст. изд.).

Сообщение о кончине И. И. Пущина послано было Герцену, видимо, сыном декабриста Е. И. Якушкиным и декабристом Н. Р. Цебриковым. Оба они были связаны друг с другом, оба являлись горячими поклонниками редактора «Колокола» и при случае стремились оказать помощь различными сведениями из России (см. комментарий к заметке «Кончина И. Д. Якушкина», т. XIII наст. изд.; также в публикации М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники» — *ЛН*, т. 41-42, стр. 614).

Извещение о смерти И. И. Пущина в «Колоколе» было первым упоминанием русской вольной прессы об этом видном деятеле декабристского движения. Впоследствии Герцен неоднократно писал о Пущине. В письме к М. А. Маркович от 7 сентября 1859 г. он с восторгом отзывался о его «Записках о Пушкине», в статье «Лишние люди и желчвики» (см. стр. 320 наст. тома) подчеркивал его дружбу с великим русским поэтом, а в статье «Вольное русское книгопечатание за границей» (см. стр. 328—329 наст. тома) поставил Пущина в один ряд с Пестелем, Якушкиным, Фонвизиным, Муравьевым.

ЕЩЕ О ВОЗВЕДЕНИИ ПЬЯНСТВА В ПРАВОСЛАВНУЮ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ ОБЯЗАННОСТЬ

Печатается по тексту *K*, л. 46 от 22 июня 1859 г., стр. 382, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Статья написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании письма Герцена к М. К. Рейхель от 20 мая 1859 г., в котором речь идет об использованных в статье циркулярах: «Пришлите циркуляры: о пьянстве, попечителю о Пушк<ине>...» Типичным для Герцена является пародийное переосмысление церковного текста: «Забыл он, видно, псалтырь, в котором царь Давид благословляет мужа, не сидящего на совете Муравьевых и не ходящего по дороге Паниных!»). Столь же характерны для Герцена строки о «вешавшем» Муравьеве и каламбуры вроде: «Тема одна, только варьяции Ланского *мольные*,

а Муравьева *дурные*). Мансра Герцена обнаруживается и в способе цитирования самого документа, который прерывается ироническими комментариями в скобках: «При чем (*при сечении, вероятно?*) разъяснить крестьянам...» Включено Л. А. Тихомировым (Т, 158) и М. К. Лемке (Л X, 43—44).

Статья тематически связана с публикацией «Пьянство, возведенное в православную и государственную обязанность» (К, л. 44 от 1 июня 1859 г., стр. 364), в которой Герцену принадлежит, очевидно, только заголовок.

Стр. 126. ...*псалтырь, в котором царь Давид «благословляет мужа, не сидящего на совете Муравьевых и не ходящего по дороге Паниных!»*— Герцен перефразирует слова псалма царя Давида: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей» (Псалтырь, псалом I, 1).

...*не повешенным, но вешавшим Муравьевым.*— См. комментарий к стр. 14.

Стр. 126—127. ... *мешают им брать свои домашние меры надзора за исполнением обета не пить.*— В 1859—1860 гг. в связи с резким повышением цен на водку и пиво стали повсеместно организовываться общества трезвости, объявлявшие бойкот кабакам (см. комментарий к статье «Набег немецких татар в Тамбовскую губернию»— стр. 546—547 наст. тома). По ходатайству откупщиков общества трезвости были признаны незаконными. Циркуляром министра внутренних дел от 22 марта 1859 г. предписывалось губернаторам: «не препятствуя добровольно изъявленным желаниям частных лиц сохранять трезвость и воздержание, принять меры, чтобы ни с чьей стороны не было употребляемо побудительных к тому средств, как то: формальных приговоров сельских обществ о непитии, с штрафами и т. п.» («История Правительствующего сената за двести лет. 1711—1911 гг.», т. IV, СПб., 1911, стр. 305).

Стр. 127. ... *Je t'aimais inconstant — qu'aurai-je fait fidel?*— Слова Гермионы из трагедии Расина «Андромаха» (акт IV, сцена 5): «Я тебя любила непостоянного — как же буду любить тебя, верного мне?» (франц.).

⟨ПУТЕШЕСТВИЕ ТИМАШЕВА⟩

Печатается по тексту К, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 389, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОЖ. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании его письма к М. К. Рейхель от 29 июня 1859 г.: «В Париже гонение, и притом ожесточенное, на „Поляр(ную) звезду“ и „Кол(окол)“, и все это происками Тимашева, который в Париже и на днях будет здесь... Я ж его!» См. также в письме к сыну от 1 июля 1859 г.: «А в милой Франции такой деспотизм, что „Колокола“ ни sous bande, никак нельзя послать. Там теперь Тимашев, начальник тайной полиции в Петерб(урге), и он упросил взять эти меры». Включено М. К. Лемке (Л X, 49).

Стр. 128. *Тимашев, генерал от III отделения, посетил Париж...*— Управляющий III отделением А. Е. Тимашев прибыл в Париж в июне 1859 г. для принятия мер против проникновения изданий Герцена из Англии на континент и оттуда в Россию.

...*нашей статьи ∞ помещенной в 38 листе.*— «Материалы для понимания начальника III отделения» (см. наст. том, стр. 394).

Печатается по тексту *К*, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 390, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тесной связи ее с «Поправкой к заметке о кн. Трубецком...» (см. наст. том, стр. 190, а также см. в комментарии к этой последней заметке о принадлежности ее Герцену, стр. 521).

ПО ЧАСТИ ЦЕНСУРЫ ТВОРЧЕСКОЙ

Печатается по тексту *К*, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 390, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером вводных строк заметки, близостью ее тематики обычным интересам Герцена (разоблачение деятельности цензуры), а также такими типичными для его публицистического стиля ироническими эпитетами, как «юный Дегай», «незабвенный в истории русской литературы Борис Федоров», как концовка «*Sehr gut!*» Следует отметить также, что письмо корреспондента, цитируемое в заметке, является откликом на статью Герцена «*Appel à la pudeur*» (см. т. XIII наст. изд.).

Стр. 129. ...как юный Дегай...— Речь идет о чиновнике особых поручений при министре внутренних дел А. П. Дегае, сыне П. И. Дегае, члена секретного комитета, созданного для наблюдения за цензурой и печатую 2 апреля 1848 г. О нем см. также заметку «К адресобесию» (т. XVII наст. изд.).

...как незабвенный в истории русской литературы Борис Федоров.— Реакционный журналист и автор книг для детского чтения Б. М. Федоров выпустил в свет в 1858 г. памфлетную басню «Ороскоп kota», направленную против Герцена (см. комментарий к статье «Басня. Ороскоп kota»— т. XIII наст. изд.).

В одном из №№ «Колокола» обвиняют журналистов в употреблении ливрейного языка.— В статье «*Appel à la pudeur*» Герцен говорил об «особой, изысканной невоздержности в подобострастных выражениях, с которой пишут у нас новости, касающиеся до государя или царской фамилии. Как встарь у нас развился церковный язык, так в прошлом столетии расцвел и при Николае достиг высокой степени совершенства язык ливрейный» (см. т. XIII наст. изд., стр. 409).

1 8 1 4—1 8 5 9

ВТОРОЕ ЗАНЯТИЕ ПАРИЖА РУССКИМИ

Печатается по тексту *К*, л. 48 от 15 июля 1859 г., стр. 395, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании цитированного выше письма Герцена к М. К. Рейхель от 29 июня 1859 г. (стр. 503), в котором он говорит о своем намерении дать бой Тимашеву. О принадлежности заметки Герцену свидетельствует также ссылка на данную статью в «Объяснении статьи „*Very dangerous!!!*“», где Герцен пишет: «Нельзя же *maipère de dire*, образ выражений, особенно иронических, брать в прямом смысле. В прошедшем „Колоколе“ мы говорили о том, что *тайный* член ценсурского триумвирата

Тимашев заступил место Сакена, бывшего парижским генерал-губернатором, — разве кто-нибудь будет доказывать, что это не так?» (см. наст. том, стр. 138). Включено М. К. Лемке (*Л X*, 55—56).

Стр. 130. *Пока Наполеон добивает не сокрушимые войска габсбургской империи...* — В ходе австро-франко-итальянской войны 1859 г. австрийская армия в сражениях при Мадженте (4 июня) и Сольферино (24 июня) была разбита французскими и пьемонтскими войсками.

...незавенным Леонтьем Васильевичем... — См. комментарий к стр. 86.

Нужно, в самом деле, было нам помещать в «Колоколе» с б е в в е м л и. — Имеется в виду заметка «Материалы для понимания начальника III отделения», напечатанная в *К*, л. 38 от 15 марта 1859 г. (см. стр. 394—395 наст. тома).

ВЫГОВОР ПО СЛУЖБЕ

Печатается по тексту *К*, л. 48 от 15 июля 1859 г., стр. 395—397, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Статья написана Герценом в ответ на письмо к нему А. А. Чумикова от 28 июня 1859 г. из Любека. Ранее, в 1851 г., Чумиков в письмах к Герцену весьма сочувственно обсуждал вопрос об организации за границей типографии для распространения в России произведений Герцена и установления связей с прогрессивными кругами (см. *ЛН*, т. 62, стр. 710—725). В письме от 28 июня 1859 г. Чумиков, критикуя постановку издательского дела Трюбнером и организацию продажи и распространения изданий Герцена, обнаружил непонимание задач революционной пропаганды и подошел к «Колоколу» с требованиями, предъявляемыми к обычной газете: исчерпывающая информация о текущих событиях, публикация правительственных постановлений, распоряжений и пр. (полный текст письма Чумикова см. в «Голосе минувшего», 1913, № 5, стр. 230 и след.). Герцена возмущил развязный тон его письма, и он ответил на него Чумикову письмом от 7 июля 1859 г., а также со страниц «Колокола» комментируемой статьей.

Стр. 132. *...в те патриархальные времена, когда «еще нам новы были»...* — Герцен перефразирует начальные строки стихотворения А. С. Пушкина «Демон»:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия...

...дикастерию... — Герцен использует название суда присяжных в древних Афинах для иронического наименования русского судебного учреждения.

Презус... — Герцен иронически именует начальника-канцеляриста, используя официальное звание председателя военно-судной комиссии, удержавшееся до военно-судебной реформы 1867—1868 гг.

Стр. 134. *Когда Норов вымолил у Мантейфеля и у Бейста запрещение «Колокола»...* — Министр народного просвещения А. С. Норов, находясь в Берлине в 1857 г., добился у министра-президента Пруссии Мантейфеля и министра внутренних дел Саксонии Бейста запрещения ввоза в Пруссию и Саксонию герценовских изданий, печатавшихся в Лондоне (см. статьи Герцена «Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова», «Лакеи и немцы не допускают», «Письмо к саксонскому министру внутренних дел» и «Словобоязнь» — в т. XIII наст. изд.).

Месяц тому назад Тимашев исходатайствовал новое гонение в Париже...— См. статью Герцена «1814—1859. Второе занятие Парижа русскими» (стр. 130 наст. тома).

Стр. 135. *Открывая русскую типографию в 1853 году, мы говорили вам: «Дверь открыта, хотите вы ей воспользоваться или нет — останется на вашей совести»*— Герцен приводит цитату из листовки «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси» (см. т. XII наст. изд., стр. 63).

ГОНЕНИЕ УМЕРШИХ

Печатается по тексту *К*, л. 49 от 1 августа 1859 г., стр. 404—405, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании редакционного характера статьи и ее переклички с «Доктором Круповым», теорию которого Герцен подкрепляет новыми аргументами: «Спешим поделиться с читателями этими новыми доказательствами, что доктор Крупов был совершенно прав, принимая всех людей за сумасшедших». Характерно для Герцена и использование в статье документа не только с ироническими комментариями, но и с выделением курсивом особенно нелепых мест, которые говорят сами за себя.

Ср. также характеристику языка указа с точки зрения «нравов и понятий тогдашнего времени» со статьей Герцена «Appel à la pudeur» (т. XIII наст. изд., стр. 410).

Стр. 136. *В 47 листе «Колокола» мы поместили несколько слов...*— Речь идет о заметке «Церковно-самодержавные шалости» (см. стр. 401—402 наст. тома).

...оскорбительным обычаем нашей смиренной церкви ∞ царской фамилии.— Указом Синода от 11 июня 1724 г. запрещалось совершение похорон и панихид во все царские и высокаторжественные дни. Частичное изменение этого указа произошло лишь в 1862 г.

〈ОБЪЯСНЕНИЕ СТАТЬИ «VERY DANGEROUS!»〉

Печатается по тексту *К*, л. 49 от 1 августа 1859 г., стр. 406, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заголовка, за подписью: *И—р*. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

О статье «Very dangerous!!!» см. выше, стр. 493—499.

Стр. 138. *В прошедшем «Колоколе» мы говорили о том, что та й н ы й член ∞ генерал-губернатором...*— См. выше заметку «1814—1859. Второе занятие Парижа русскими» (стр. 130).

〈МОДЕСТ КОРФ ПРИСТАВЛЕН (ГОВОРIT «НОРД»)...〉

Печатается по тексту *К*, л. 49 от 1 августа 1859 г., стр. 406, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тесной тематической связи заметки с его статьями «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)» и «Западные книги» (см. т. XIII наст. изд.).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 138, строка 26: математики и закона божия вместо: математики и закона божию.

Стр. 138. *Модест Корф* приставлен к наследнику российского престола в учителя законоведения.— М. А. Корф, начиная с 1847 г., был учителем правождения у всех великих князей. В 1859 г. он был приглашен читать этот курс вел. князю Николаю Александровичу.

ПОД СУД!

Печатается по тексту *К*, л. 49 от 1 августа 1859 г., стр. 406, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписями: *Искандер, Н. Огарев*. Автограф неизвестен.

В информационной заметке редакции «Колокола» кратко сформулированы задачи нового издания — «лобного места для частных лиц и частных дел». В тринадцати номерах «Под суд!» (последний номер вышел 22 апреля 1862 г.) был опубликован ряд разоблачительных материалов с более широким, чем в «Колоколе», привлечением документальных данных. Возникновение этого приложения к «Колоколу» находится в несомненной связи со взглядом Герцена на задачи обличительства, высказанным в статье «Very dangerous!!!» (см. комментарий к ней в наст. томе).

ВО ХРИСТЕ САПЕР ИГНАТИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 50 от 15 августа 1859 г., стр. 409—410, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании текстуального совпадения строки о «понтификсе» с посвящением к книге «С того берега», где образ «понтификса» использован Герценом тоже в переносном значении, в применении к современной общественной жизни: «Современный человек, печальный pontifex maximus (здесь: великий строитель мостов), ставит только мост — иной, неизвестный, будущий пройдет по нем. Ты, может, увидишь его... Не останься на старом берегу... Лучше с ним погибнуть, нежели спастись в богадельне реакции» (т. VI наст. изд., стр. 7). Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 162—163) и М. К. Лемке (*ЛХ*, 69—70).

Стр. 140. *Во Христе сапер Игнатий*. — Епископ Игнатий (Д. А. Брянчанинов) до пострижения в монахи служил в динабургской инженерной команде и в 1827 г. был уволен со службы с чином поручика.

...п о н т и ф е к с ы... — Игра слов: pontifex (лат.) — одновременно верховный жрец и строитель моста.

...бывший архимандрит Сергиевской лавры... — До назначения в 1857 г. епископом кавказским Брянчанинов в течение 24 лет был настоятелем Сергиевской пустыни (под Петербургом).

...написал возмутительный памфлет к архимандриту к Иоанна, поместившего «Слово об освобождении крестьян» (в янв. книжке «Православного собеседника»)... — «Слово» было помещено в мартовской книжке «Православного собеседника» за 1859 г. без подписи; приписывалось А. П. Шапову и вошло в его Собр. соч., т. I, 1906 г., стр. 1—16. Весной 1859 г. Игнатий разослал послание к духовенству своей епархии, в котором отвергал эту статью и предостерегал от «якобинской» пропаганды. В послании Игнатия, как сообщают его биографы, «излагался евангелический взгляд на дело и предлагалось духовенству руководствоваться этим взглядом в случае сношения с прихожанами, когда эти будут обращаться за советом или вразумлением касательно крестьянского вопроса» («Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками», СПб., 1887, стр. 99). В ответ на статью Герцена Игнатий написал «Замечания на отзыв журнала „Колокол“ к кавказскому епископу Игнатию», впервые опубликованные в «Богословском вестнике». 1913, т. I, № 2, стр. 195—200.

ЗЛОДЕЙСТВА ПОМЕЩИКОВ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Печатается по тексту *К*, л. 50 от 15 августа 1859 г., стр. 414, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тесной связи заметки с его статьей «Постельная барщина продолжается» (см. наст. том). Чрезвычайно типична для Герцена концовка, содержащая оценку русского дворянства; ср., например, в статье «А. Дюма»: «Наши аристократы действительно составляют дворню и оттого у них немного больше такта, как вообще в передних» (т. XIII наст. изд., стр. 348). Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 163—164) и М. К. Лемке (*Л X*, 78).

Стр. 142. *Сапер Игнатий!*— См. предыдущую статью «Во Христе сапер Игнатий» и комментарий к ней.

...орловского помещика Г у т ц е й т а...— См. выше статью «Постельная барщина продолжается» и комментарий к ней.

<ЕЩЕ О «КОЛХИДЕ»>

Печатается по тексту *К*, л. 50 от 15 августа 1859 г., стр. 414, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематической связи заметки со статьями Герцена. Заключительная фраза ее совпадает с характеристикой Петра III как «русского немца» в статье «Русские немцы и немецкие русские» (см. наст. том, стр. 151 и 155). По поводу общей для всей императорской фамилии «слабой струны» имеются аналогичные строки в статье «„Pas de rêveries!“, ведущее к faux pas!»: «Эк эта фельдфебельская немочь как взошла в кровь нашей царской фамилии; болезнь эта не русская, а пришла к нам, как красные тараканы, из Пруссии», и далее в этой же статье прямо говорится о «немецкой болезни» великих князей: «Нельзя ли им как-нибудь маленьким прививать пуговку или выпушку, чтоб припадки были слабее у взрослых» (см. наст. том, стр. 201). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 79). Об этом же факте см. выше заметку «Смотр парохода „Колхида“» (стр. 74).

Стр. 142. В 37 листе «Колокола» мы упомянули о слухе, что капитан-лейтенант парохода «Колхида» получил выговор от великого князя за какие-то воротники, выпушки— См. заметку «Смотр парохода „Колхида“».

<ЕЩЕ О РАДЗИВИЛЛЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 50 от 15 августа 1859 г., стр. 414, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематических и стилистических параллелей с другими статьями Герцена, прежде всего со статьей «Радзивилл и его поместья» (см. наст. том, стр. 63). Смысл иронического совета кредиторам обратиться в «агентство Адлерберга sen., jun. et Cie» (министр императорского двора гр. А. В. Адлерберг—senior, его сын—junior и фаворитка министра М. И. Буркова) раскрывается лишь в связи

с отзывом Герцена об Адлерберге в статье «1860 год»: «известный в литературе только как плодовитый писатель векселей» (см. наст. том, стр. 221). Типичной для Герцена является также игра слов с «николаевской наводкой»; см. в «Былом и думах» каламбур относительно «истории, вперед закупленной аракеевской на-водкой» (т. IX наст. изд., стр. 86). Включено М. К. Лемке в Dubia (Л X, 79).

С т р. 143. ...незаконной отдачи Николаем ∞ имения.— См. заметку «Радзивилл и его поместья» в наст. томе.

...крепко закусил николаевскую п а - в о д к у. — Игра слов связана с женитьбой кн. Радзивилла в 1833 г. на фрейлине кн. М. А. Урусовой, любовнице Николая I.

⟨ПАНИН СОШЕЛ С УМА⟩

Печатается по тексту К, л. 51 от 1 сентября 1859 г., стр. 422, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тесной идейно-тематической связи ее с другими статьями и высказываниями Герцена о В. Н. Панине. Составление «умалишенного» Чаадаева с «умным» Паниным сходно по форме с парадоксами доктора Крупова. В гл. XXX «Былого и дум», в характеристике Чаадаева содержится ряд высказываний, близких и текстуально к данной заметке: «Чаадаева Николай приказал объявить сумасшедшим и обязать подпиской ничего не писать. Всякую субботу приезжал к нему доктор и полицеймейстер, они свидетельствовали его и делали донесение, т. е. выдавали за своей подписью пятьдесят два фальшивых свидетельства по высочайшему повелению — умно и нравственно. Наказанные, разумеется, были они; Чаадаев с глубоким презрением смотрел на эти шалости в самом деле поврежденного свосволья власти» (т. IX наст. изд., стр. 141). Ср. также в статье «Лишние люди и желчевики» слова о том, как «Чаадаева высочайшей ложью объявили сумасшедшим» (наст. том, стр. 325), и в «Письмах к будущему другу» — о Чаадаеве, «высочайше утвержденном сумасшедшим» (т. XVIII наст. изд.). Включено М. К. Лемке в Dubia (Л X, 85).

⟨ССЫЛКА г. РЫБНИКОВА⟩

Печатается по тексту К, л. 51 от 1 сентября 1859 г., стр. 422, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании совпадения строк о Бироне и Николае с характеристикой их как «русских немцев» в статье Герцена «Русские немцы и немецкие русские». Ср., например, о Николае: «Толкуя о народности, он даже не мог через русскую бороду перешагнуть, помня, что скипетр ему был вручен на том условии, чтоб он „брил бороду и ходил по-немецки“» (см. наст. том, стр. 151). Включено М. К. Лемке в Dubia (Л X, 85).

Эпиграф П. Н. Рыбников был в начале 1859 г. арестован, и затем сослан в Петрозаводск за участие в студенческом революционном движении. Он был фактическим руководителем студенческого революционного кружка «Вертеп». Участники этого кружка придавали большое значение изучению народной жизни и просветительской пропаганде среди

крестьян. В одну из своих поездок в Черниговскую губернию Рыбников был арестован. Причиной его ссылки, как гласило официальное обвинение, «послужили разезды по слободам Черниговской губернии, населенным преимущественно раскольниками, и неуместные рассуждения в обществе сих последних, также и бывшее поведение в Москве, где он, быв студентом, имел у себя частые собрания, навлекавшие подозрения по тем разговорам, которые вели посетители оных» (Н. Н. В и н о г р а д о в. Материалы для биографии П. Н. Рыбникова — «Советский фольклор», 1935, № 2-3, стр. 317—324).

В письме к Н. П. Огареву от 4 января 1865 г. из Женевы Герцен, рассказывая о своем визите к П. Д. Голохвастову, отмечал: «Я у него видел томов десять книг, о которых мы едва слышали, напр., сборники Рыбникова». Речь шла о «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым», ч. I—III, 1861—1864.

О каких-то связях Герцена с Рыбниковым свидетельствует выпуск в свет в Лондоне книги «Сущность христианства. Сочинение Людвиг Фейербаха. Перевод, сделанный со второго исправленного издания Филадельфом Феомыховым. London. Trübner et Co, 60, Paternoster row. 1861». Об этом издании Я. Н. Ханыков писал Герцену 31 октября 1861 г. из Гейдельберга: «Перевод „Сущности христианства“, как я слышал, сделан Рыбниковым. Его имя ручается за достоинство перевода. Я лично знаю Рыбникова еще по университету» (*ЛН*, т. 62, 1955, стр. 706).

СМЕРТЬ ИЛИ КОСУШКУ!

Печатается по тексту *К*, л. 52 от 15 сентября 1859 г., стр. 430, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тематической связи заметки с его статьей «Еще о возведении пьянства в православную и государственную обязанность» (см. наст. том). Строки о Марии Бреду перекликаются со статьями Герцена «Набег немецких татар» (см. т. XIII наст. изд.), «Еще и еще раз» (там же) и с предисловием к «Историческому сборнику Вольной русской типографии в Лондоне» (см. наст. том, стр. 81). Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 164) и М. К. Лемке (*Л X*, 86—87).

Стр. 145. *Правда ли, что преступление т р е в о с т и дошло до того в Тамбовской губернии, что губернатор Д а н з а с выслал военную команду для усмирения н е п ь ю щ и х?* — Подробный отчет о событиях в Спасском уезде Тамбовской губернии в 1859 г. был помещен без подписи в «Под суд!», л. 5 от 1 апреля 1860 г.; см. об этом в наст. томе статью Герцена «Набег немецких татар в Тамбовскую губернию».

...генерал *Е ф и м о в и ч* в Пензе и Саратове усмирлял штыками т р е в о с т ь. — «Дело о беспорядках в Пензенской, Саратовской, Московской и Тамбовской губерниях», связанных с резким увеличением откупщиками цен на водку и ухудшением ее качества, разбиралось в 1859 г. в комитете министров. «Для укрощения буйства» по высочайшему повелению в Пензенскую губернию были посланы сенатор С. В. Сафонов и генерал-адъютант М. М. Яфимович. 39 зачинщиков крестьянских волнений были преданы военному суду. Сафонову и Яфимовичу была объявлена высочайшая благодарность «за благоразумные и решительные действия» (см. «Исторический обзор деятельности комитета министров», т. III, ч. II, СПб., 1902, стр. 119; о крестьянских волнениях

1859 г. см. также отчет III отделения в сб. «Крестьянское движение 1827—1869 годов», вып. 1, М., 1931, стр. 135).

...*Марию Бредау и ее дом вольного обращения*...— Имя Марии Бредау, содержательницы публичного дома в Москве, неоднократно упоминалось на страницах «Колокола» (см. статью «Под суд!»— *К*, л. 5 от 1 ноября 1857 г.).

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА, ОДЕРЖАННАЯ В КОВЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ГУСАРСКИМ Е. И. В. ПОЛКОМ

Печатается по тексту *К*, л. 52 от 15 сентября 1859 г., стр. 430, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании характерных для него тематических и стилистических особенностей заметки. Типичны для Герцена как редактора приемы использования курсива, придающие горько-иронический смысл словам о крестьянине — неприятеле солдат, и употребление излюбленного им выражения *troppo tardi*. Высказывание о В. Н. Панине перекликается с целой серией обличительных заметок Герцена, направленных против него (см. по именному указателю к тт. XIII и XIV). Типичным для стиля Герцена является обыгрывание слов «гипербола—парабола». И несомненной чертой языка Герцена является создание им новых фразеологических оборотов («сойти с министерства») по аналогии с существующими («сойти с ума»); языковые параллели см. в комментарии к статье «Радзивилл и его поместья» (наст. том).

Стр. 146. *Ввод этого полка занял в Ковенском уезде деревню Воеводзишки*...— Накануне реформы многие помещики принуждали крестьян выкупаться на волю без земли и затем выселяли их (см. в наст. томе заметку «Материалы для понимания начальника III отделения» и комментарий к ней). В Ковенской губернии число таких крестьян, по данным III отделения, было довольно велико. Помещик Хлевинский из одной только деревни хотел выселить около 120 семей «вольных» людей, которых он принудил к выкупу и перечислил в мещан. Возмущение крестьян было подавлено вооруженной силой (см. «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. I, М., 1931, стр. 131—135).

Стр. 147. *Военный министр*...— Генерал-адъютант Н. О. Сухозанет.

ОТЗЫВ НА ПИСЬМО О КОНТРАБАНДЕ

Печатается по тексту *К*, л. 52 от 15 сентября 1859 г., стр. 430, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании ответственного редакционного характера заметки и типичной для его публицистического стиля формулировки: «...мы не учим, как крепче запирать тюрьмы и как прочнее клепать цепи».

РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ

Впервые опубликовано в *К*. Статья I — в *К*, л. 53 от 1 октября 1859 г., стр. 431—433, с подзаголовком «(отрывок первый)», за подписью: *И—р*. Статья II.— в *К*, л. 54 от 15 октября 1859 г., стр. 439—441, с подзаголов-

ком («отрывок второй»), за подписью: *И—р*. Статья III (первый и второй разделы) — в *К*, л. 56 от 15 ноября 1859 г., стр. 459—461, под названием «Отрывок третий (вариации)», за подписью: *И—р*; третий и четвертый разделы этой статьи — в *К*, л. 57-58 от 1 декабря 1859 г., стр. 467—470, под названием «Отрывок четвертый (продолжение)», за подписью: *И—р*; пятый и шестой разделы — в *К*, л. 59 от 15 декабря 1859 г., стр. 483—487, под названием «Отрывок пятый (окончание)», за подписью: *И—р*. Каждой статьей открывался соответствующий номер «Колокола».

Печатается по тексту сборника «За пять лет (1855—1860)», часть первая, Лондон, 1860, стр. 235—300, где было перепечатано с мелкими стилистическими изменениями (см. «Варианты»). Автограф неизvestен.

Французский перевод был опубликован в «La Cloche», 1862, №№ 3—5 и 7. О характере публикации в «La Cloche» см. комментарий к циклу «Россия и Польша» (паст. том, стр. 468).

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 166, строка 36: одна из главных побед *вместо:* одно из главных побед (*по К*)

Стр. 168, строка 15: в маскарадном платье *вместо:* в маскарадном плате (*по К*)

В памфлете «Русские немцы и немецкие русские» Герцен использовал традиционное для политической фразеологии первой половины XIX века понятие «русский немец», вложив в него тот особый пренебрежительный смысл, о котором свидетельствуют, например, агитационная песня Рылеева и Бестужева «Царь наш — немец русский», напечатанная в «Полярной звезде» на 1859 г. (кн. V), характеристика Николая в книге «La Russie en 1839. Par le marquis de Custine». Paris, 1843 (ср. М а р к и з д е - К ю с т и н. Николаевская Россия, М., 1930, гл. VII, раздел «Русский немец на престоле»), критика умственного убожества «русских немцев» в памфлетном анонимном письме Добролюбова к Гречу (см. *ЛН*, т. 57, стр. 10). Помимо этого, именуя русские порядки «немецкими», а русских правителей — «немцами», Герцен несомненно опирался и на широкое, народное понимание «немецкого» как всякого иностранного (нерусского), враждебного народной жизни.

На «немецкую природу» русского общественного и государственного строя после Петра неоднократно указывали славянофилы, «немецкую политику» Николая критиковал П. И. Сазонов (см. *ЛН*, т. 41-42, стр. 236—237), «латино-германскую форму» русской правительственной системы отмечал Н. П. Огарев (*ЛН*, т. 39-40, стр. 293).

После опубликования царских манифестов 1857 г., когда от пропаганды освобождения крестьян надо было переходить к его осуществлению, вокруг крестьянского вопроса развернулась ожесточенная борьба.

Требования либерального дворянства западнического толка получили отражение на страницах «Русского вестника» (статья Б. Н. Чичерина, М. Н. Каткова, Ф. А. Баталлина, Д. Д. Неелова, А. И. Бутовского и др.), «Атеней» (выступления Б. Н. Чичерина, И. К. Бабста, Е. Ф. Корша и Н. Х. Кетчера), «Экономического указателя» (статья И. В. Вернадского, Д. М. Струкова), «Отечественных записок» (статья Ф. Г. Тернера, Я. А. Соловьева, Колмогорова). Идеологи западников, уловив связь апологетов общинного землевладения с социализмом, противопоставляли общинному владению частную земельную собственность как более прогрессивную форму собственности. В соответствии с этой теорией «постепенного прогресса» находились апологетические высказывания западников о прусских общественно-экономических и правовых преобразованиях.

Проектируя формы будущего государственного устройства России, одни из сторонников «прогресса» проповедовали преимущества английской системы местного самоуправления (позиция М. Н. Каткова и

П. М. Леонтьева в «Русском вестнике»), другие — французской централизации (точка зрения Чичерина, Корша, Кетчера и др. в «Атенее»).

В противовес западникам, славянофилы, отвергая европейские образцы, отстаивали общинное землевладение, видя в нем основу самобытной народной жизни, залог устойчивости русского государства, способ твердого и правильного устройства русского земледельческого сословия и средство устранения «язвы пролетариатства» (см. статьи А. И. Ковалева и И. Д. Беляева, Ю. Ф. Самарина, К. С. Аксакова, А. С. Хомякова и др. в «Молве» и «Русской беседе» 1857—1858 гг.).

Н. Г. Чернышевский, поддержав «Русскую беседу» и «Молву» в вопросе о сохранении общины, выступил в защиту общинной собственности, в которой ошибочно видел прообраз собственности социалистической и потенциальную возможность перехода к обработке земли на коммунистических началах. Одновременно Чернышевский резко критиковал либеральных западников, приверженцев «умеренного прогресса» как в области политической экономии («Studien... von August Freiherrn von Haxthausen»), «О поземельной собственности», «Критика философских предубеждений против общинного землевладения»), так и в сфере общественно-исторических наук («Чичерин как публицист»). Революционно-демократическую критику либерального западничества горячо поддержал Добролюбов («Современник», 1859, № 11), высмеяв прусские симпатии Бабста в рецензии на его книгу «Из Москвы до Лейпцига».

Таким образом, выступление Герцена в «Русских немцах и немецких русских» против «доктринерствующих немцев», «ученых друзей наших» (Чичерина, Корша, Кетчера, Бабста и др.) шло в едином русле с программными статьями вдохновителей «Современника».

Конкретным поводом, заставившим Герцена возобновить полемику с «западными доктринерами», о прекращении которой Герцен дважды уведомил читателей «Колокола» за несколько месяцев до этого (см. в наст. томе «Еще и еще письма против обвинительного акта»), «О нападениях на духовенство»), явились письма Кетчера и Бабста, в которых они, приняв сторону Чичерина (см. «Нас упрекают», «Обвинительный акт»), «ругали наповал бедный „Колокол“» (см. письмо Герцена к М. К. Рейхель от 4 августа 1859 г.).

Противопоставляя либеральным западникам пятидесятилетие годов Белинского и Грановского, «последних благородных представителей западной идеи», Герцен упрекал «русских немцев», продолжавших отстаивать европейские гражданские формы, в антиисторизме и абстрактности этих идеалов в новых условиях. Европа, отмечал Герцен, окончательно «пала перед социальным вопросом»: европейские революции продемонстрировали невозможность величайшей утопии, а современные западные либералы, разорвавшие с народом, как и русские «доктринерствующие немцы», разгромили социализм, не противопоставив последнему ничего, кроме защиты буржуазной цивилизации, выдавая ее за последнее слово общечеловеческого прогресса.

Не уяснив исторической роли пролетариата, Герцен порою не проводил различия между либеральствующими защитниками капиталистического прогресса и «марксидами», верящими в будущую Европу, преобразованную пролетарской революцией. Его критика европейской общественно-политической мысли была тем острее и язвительней, что в западной печати 1858—1859 гг. участились самые резкие нападки на теорию «русского» социализма. К. Маркс и некоторые другие деятели немецкой эмиграции, сблизив внешнеполитическую программу «Колокола» с панславистскими притязаниями «агента бонапартизма» К. Фогта, выступили против Герцена в «Аугсбургской газете» и журнале «Негманн» (см. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XXII, стр. 401; ср. также комментарий к гл. «Немцы в эмиграции» в «Былом и думах» (т. XI наст. изд.).

Полемизируя с «правверными западниками», Герцен продолжает развивать свою теорию «русского» социализма, разработанную в таких его произведениях, как «Россия», «Письмо русского к Маццини», «О развитии революционных идей в России», «Письмо к гражданину-редактору „Л. Пошше“», «Старый мир и Россия» и др. Только в России, подчеркивал Герцен, отказываясь от прежних надежд на Америку (ср. «Франция или Англия?», «Америка и Сибирь»), существуют условия для реализации социалистического идеала.

Герцен надеялся в 1859 г., что Александр II сумеет осуществить программу общинного самоуправления, если его не собьют с правильного пути «стрельцы западной цивилизации». Либерализм «русских немцев» с их религиозной частной собственности и привязанностью к буржуазному прогрессу, по глубокому убеждению Герцена, был самым серьезным препятствием в деле освобождения крестьян «сверху». Публикуя статью «Русские немцы и немецкие русские», Герцен окончательно разрывал с либерально-западнической «ученой Москвой»: «Не поддавайтесь европолюбам,— писал Герцен М. К. Рейхель 27 ноября 1859 г. по поводу комментируемой статьи.— Я не их и не славянофил.,— те и другие идолопоклонники: одни верят в Парижскую, другие в Иверскую; я — ни в ту, ни в другую». Однако Герцен был готов координироваться со славянофилами для борьбы с буржуазным западничеством: «Если теперь славяне не видят,— писал он И. С. Аксакову 31 января 1860 г. в связи с „Русскими немцами...“,— что мы представляем разное, но родственное с ними направление, а с западниками — разное и враждебное,— не наша вина <...> Нам очень бы надобно было повидаться для того, чтобы взять общие меры, настоящую линию действий».

«Западные доктринеры», как это и предвидел Герцен (см. его письма к М. А. Маркович от 5 ноября 1859 г., А. А. Герцену от 15 ноября 1859 г., М. К. Рейхель от 27 ноября 1859 г.), были глубоко возмущены статьей «Русские немцы и немецкие русские»: «Александр Иванович,— писал Н. А. Мельгунов Чичерину 3/15 января 1860 г.,— открыто переходит на сторону славянофилов. Читали ли вы пять последних номеров за прошлый год? Там его большая статья. Я счел нужным по старой дружбе отписать мотивированный протест. Они оба <т. е. Герцен и Н. П. Огарев> отвечают мне, что вы — Гизо, я — Кузень, мы с вами — опасные доктринеры, и потому они моего протеста не напечатают. Я извинился в ошибке, считая „Колокол“ вечевым, а не церковным, теперь же вижу, что он созывает не на совещание, а на проповедь» (*ЛН*, т. 62, стр. 321). С. С. Громека, отстаивая принципы буржуазной свободы личности и в связи с этим упрекая Герцена за суровую критику западной цивилизации, писал последнему 11 декабря 1859 г.: «Начинаю понимать ваших немцев, но, признаюсь, все еще думаю, что вы опрокинулись на всю западную науку за западную жизнь; вне социальной науки вы не видите другой; правда, что толку в науке, которая обезобразила общественные отношения? Но давно ли стала Европа заниматься социальными вопросами? <...> А ведь без ответа на вопрос личный не было бы вопроса общественного!» (*ЛН*, т. 62, стр. 110).

Руководители «Современника» не разделяли герценовской «веры в добрые намерения царей», отразившейся и на страницах «Русских немцев» (см. в наст. томе «От редакции»). Но несмотря на расхождение в тактических вопросах (см. примечание к статье «Very dangerous!!!») и определенное различие в оттенках понимания социализма, отмеченное позднее Герценом в статье «Порядок торжествует!» (1866), Чернышевский и Герцен солидаризировались в 1859 г. в требовании освобождения крестьян с землей, в убеждении, что Россия, избегнув повторения европейской истории, придет к социализму через общину, в оценке либерального западничества, с которым Герцен не прекращал борьбы и после «Русских немцев...»,

продолжая линию, определившуюся в этом памфлете (см. «Великорус в ученой Москве», «Ученая Москва», «Москва нам не сочувствует», «Сенаторам и тайным советникам журнализма» и др.— тт. XV—XVI наст. изд.).

Стр. 149. *...этих гор и орлов...*— Герцен иронически использует буквальный перевод фамилии Адлерберг: Adler — орел, Berg — гора.

...Шереметев «иарядно повоевал Лифляндию»..— В 1701—1702 г. во время Северной войны конница Шереметева дважды разбила шведского генерала Шлиппенбаха в Прибалтике.

Стр. 150. *...без усталы употребляли ремни вроде Ушаковых, Бестужевых...*— Речь идет о ставленниках Бирона А. П. Бестужеве-Рюмине и А. И. Ушакове; последний был начальником Тайной канцелярии и прославился крайней жестокостью.

Стр. 151. *Толкуя о народности, он даже не мог через русскую бороду перешагнуть...*— Имеется в виду циркулярное запрещение (1 апреля 1849 г.) дворянам носить бороды и русский костюм (см. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X, М., 1896, стр. 250—252; «Воспоминания Б. Н. Черина. Москва 40-х годов», М., 1929, стр. 240).

...Петр Федорович изменил России в пользу прусского короля, потому что Фридрих был гений...— Петр III, преклоняясь перед Фридрихом II, по вступлении на престол прекратил войну с Пруссией, в ходе которой русская армия нанесла поражение Пруссии и заняла в 1760 г. Берлин. Вернув Фридриху II занятые территории, Петр III, вопреки интересам России, вступил с Пруссией в союз против Дании с целью отвоевать Шлезвиг для Гольштейна, герцога которого он являлся.

...Николай изменил всему славянскому миру в пользу австрийского императора, который был идиот.— Герцен имеет в виду подавление Николаем I в 1849 г. революции в Венгрии, начавшейся во время царствования слабоумного австрийского императора Фердинанда I и сопровождавшейся подъемом национально-освободительной борьбы славян в Чехии, Галиции, Буковине, Хорватии, Словакии и других частях Австрийской империи.

Стр. 152 *...так, как Кортес завоевывал Америку испанскому королю...*— Конкистадоры Кортеса при завоевании Мексики в 1519—1521 гг. беспощадно грабили и истребляли коренное население страны.

Стр. 153 *...гольштинского источника, предание которого хранилось свято и исправно в Гатчине.*— Намек на пристрастие к прусским военным порядкам, пафочной муштре и шагистике, насаждавшимся в свое время Петром III, сыном гольштейн-готторпского принца, а затем Павлом I, резиденцией которого в бытность его наследником престола являлся дворец в Гатчине.

Стр. 156. *Немка ∞ была офранцузжена.*— Речь идет о Екатерине II.

С глубокой горестью читали мы ∞ именно Гессенский принц.— 8 сентября 1859 г. на торжествах по случаю совершеннолетия наследника престола Николая Александровича присутствовал брат императрицы Марии Александровны, гессенский принц Александр, австрийский фельдмаршал, участвовавший в итальянской войне 1859 г. и получивший крест за битву при Сольферино (24 июня 1859 г.), в которой австрийцы потерпели поражение.

Стр. 158. *Из них-то составились наши доктринеры — бюрократы и западные доктринеры...*— Речь идет прежде всего о виднейших представителях либерально-западнического направления конца пятидесятых годов — Чичерине, Корше, Кетчере,

Бабсте и др. Чичерин, начиная с работы «Областные учреждения в России в XVII веке» (М., 1856), неоднократно выступал с пропагандой принципа централизации и бюрократии на страницах «Отечественных записок», «Атеней», в «Очерках Англии и Франции» (М., 1858) и др. Приверженность Чичерина к французской бюрократии и централизации явилась причиной разрыва его в 1858 г. с англоманствующим «Русским вестником».

...как Мария Магдалина искала Иисуса в гробе, в котором его не было.— Согласно евангельскому преданию, Мария Магдалина, идя поклониться гробу распятого иудеями Иисуса Христа, не нашла в нем покойника, который через три дня после погребения воскрес.

Стр. 159. ...грянула февральская гроза и переметила все карты в Европе.— Имеется в виду февральская революция 1848 г. во Франции.

...явились трогательные, печальные личности...— Герцен имеет в виду деятелей революции 1848 г.—Маццини, Ледрю-Роллена, Джемса Фази, Струве, Гейнца, Мишле, Э. Кине и др. (см. о них в «Былом и думах», чч. V—VI, т. X—XI наст. изд.).

...как храм Соломонов...— Речь идет о знаменитом храме Соломона, разрушенном во время нашествия Навуходоносора (586 г. до н. э.) и вновь воздвигнутом по повелению персидского царя Дария.

...французская централизация, на основаниях немецкой *Schulwissenschaft*...— Герцен имеет в виду Б. Н. Чичерина, который подкреплял свои выводы о французской централизации ссылками на ученые труды Моля («Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften»), Штейна («System der Staatswissenschaften»), Игеринга («Geist des Römischen Rechts»), утверждая, что «немцы отыскали гражданское общество как действительное жизненное явление» («Русский вестник», 1857, № 10, стр. 746).

Стр. 160. ...спор, длившийся в русских журналах о народности в науке.— Полемика о народности в науке была начата «Русской беседой», выдвинувшей тезис о необходимости «развития русского воззрения на науку и искусство» вне зависимости от «безусловного авторитета Западной Европы» (см. «Русская беседа», 1856 г., кн. 1, 2; 1857, кн. 5, 7, 8). Против «самостоятельности воззрения русского народа» и православно-христианских основ этого воззрения выступили «Московские ведомости» (1856, №№ 27, 29, 53), «Северная пчела» (1857, № 239), «Отечественные записки» (1856, № 9), «Русский вестник» (1856, № 5; 1857, № 10, 11), которые, упрекая славянофилов в «мистицизме» и «стремлении свести науку на субъективное чувство», отстаивали западное просвещение, именуя его «общечеловеческим воззрением». Крайним выражением западнической точки зрения явилась позиция Чичерина, полностью отрицавшего возможность проявления в науке самостоятельной «творческой силы» русского народа. «Современник», приветствуя самую постановку вопроса о народности в науке как выражение интереса к разработке проблем русской истории и русского быта, как отрицание слепого преклонения перед Западом, в то же время подверг решительной критике фантастический характер славянофильских «гипотез» («Современник», 1856, №№ 6, 12; 1857, № 3).

...Симеона Столпника, стоявшего бесполезно и упорно шесть, десять лет на одном и том же месте...—Симеон Столпник известен в христианской литературе как аскет, основатель одного из видов подвижничества — столпничества. По житийному преданию, просидел на столбе около сорока лет. Возможно, что в текст сборника «За пять лет» (в «Жулоколе» так же) в данном случае вкралась опечатка.

...Течением времени...— Слова из оды Державина «Бог».

Стр. 161. ...преображенный на горе Фаворе...— Имеется в виду евангельское предание о явлении Иисуса Христа «в образе божьем» перед своими учениками на горе Фаворе.

Стр. 162. «Да он властей не признает!»— Слова Фамусова из комедии Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явл. 2).

Стр. 164. ...поднялся голос протеста...— Герцен имеет в виду Гракха Бабефа, выступившего с критикой результатов революции 1789—1794 гг., которая, несмотря на изменения в политическом строе, не улучшила экономического положения трудящихся. Бабеф явился организатором движения «равных» (1795), стремившихся к осуществлению коммунизма путем насильственного свержения существующего общественного порядка. После раскрытия заговора Бабеф был гильотинирован 27 мая 1797 г.

...голос остался ∞ сел смысленный хозяин Людовик-Филипп.— Герцен имеет в виду Сен-Симона, Фурье, Оуэна, которые выступили вслед за Бабефом в период Консульства и Империи с критикой общественных и политических учреждений, установленных французской революцией. Во время реставрации Бурбонов (1815—1830) и Июльской монархии Луи Филиппа (1830—1848) учение Сен-Симона и Фурье получило широкое распространение; пронагапдистами утопического социализма во Франции в 30-х гг. явились Базар, Анфантен, Консидеран, Кабе и др.

В процессе улицы Мёнильмонтан...— 27 августа 1832 г. правительством Луи Филиппа были привлечены к судебной ответственности сорок сен-симонистов, организовавших во главе с Анфантенем в Меньильмонтане (предместье Парижа) трудовую и религиозную общину, так называемое «Меньильмонтанское семейство». Обвиненные в оскорблении нравственности и проповеди опасных идей, сен-симонисты были присуждены к году тюремного заключения и денежному штрафу.

Стр. 165. ...короля-гражданина и хартии, «сделавшейся правдой».— «Король-гражданин»— распространенное в период Июльской монархии льстивое прозвище Луи Филиппа, который в первое время после революции 1830 г. любил рядиться под «демократа». Конституция, данная Луи Филиппом при вступлении на престол 9 августа 1830 г., представляла собой слегка измененную хартию 1814 г., укреплявшую политическое и экономическое господство буржуазии. Конституция расширяла права палаты депутатов, отменяла наследственность пэров, понижала имущественный ценз избирателей, восстанавливала национальную гвардию, вводила местное и областное самоуправление, ограничивала права католического духовенства.

Но после пятнадцатилетнего застоя дела пошли быстро ∞ и невозможный *suffrage universel*.— Герцен имеет в виду французскую революцию 1848 г., которая, свергнув короля Луи Филиппа, правившего в течение восемнадцати лет, провозгласила республику (25 февраля 1848 г.). В образовавшемся Временном правительстве руководящая роль принадлежала буржуазии, предательская политика которой открыла путь к монархической реставрации. Принятый 4 марта 1848 г. декрет о введении всеобщего избирательного права был, по словам Герцена, «такой же оптический обман, как равенство, которое проповедовало христианство» (см. «Письма из Франции и Италии» — т. V наст. изд., стр. 161—162).

Спор перешел ∞ на площадь. «Варвары» были побеждены, «цивилизация» была спасена...— Имеется в виду подавление июньского восстания парижских рабочих в 1848 г., сопровождавшееся разгулом террора, организованного генералом Кавеньяком.

Стр. 166. ...нелепость республики обличилась ∞ которые думали, что выбрасывают Шангарнье и квесторов.— В ночь на 2 декабря 1851 г. Луи Бонапарт совершил государственный переворот, объявив о роспуске Законодательного собрания и Государственного совета. Руководящие деятели Собрания — легитимисты, орлеанисты, буржуазные республиканцы, в том числе командующий войсками парижской национальной гвардии генерал Шангарнье, Кавеньяк, Тьер, квесторы Ламорисьер, Баз и др. были арестованы и увезены в тюрьму. Квесторы — уполномоченные Законодательного собрания по его финансам, хозяйству, охране безопасности.

Одичалые правительствa ∞ начались ненужные войны.— Герцен имеет в виду ряд реакционных мер, предпринятых правительствами Австрии, Пруссии, Венгрии, Франции, Италии, Испании и других стран после подавления революций 1848—1849 гг., ликвидацию демократических конституций, расправу с участниками революций, заключение в 1851 г. конкордата испанской королевой Изабеллой II с папой Пием IX, колониальные войны Англии с Китаем (1856), Персией, Индией (1856, 1857), Франции — с Китаем (1858), Индо-Китаем (1856) и т. д.

И в третий раз ∞ о парламентской трибуне, о свободном книгопечатании.— Герцен имеет в виду провал Conspiracy Bill Пальмерстона и посягательство на свободу печати в Англии в 1858 г. (см. «Былое и думы», ч. VI, гл. «Not guilty»— т. XI наст. изд.), выступление Монталамбера, протестовавшего против ограничения прав Законодательного корпуса во Франции и т. д.

Стр. 167. *Из европейцев старого толка Гакстгаузен понял русскую сельскую общину ∞ возможностью self-government, допускающего николаевский деспотизм.*— Более полную характеристику Герценом Гакстгаузена см. в статье «Россия» (т. VI наст. изд.). Противопоставляя общественно-экономическому устройству Англии и Франции общинный порядок России, Гакстгаузен утверждал, что последний «основывается на началах совершенно национальных и согласных с основаниями монархии» («Studien über die inneren Zustände...», т. I, стр. 124 и сл.). Критика реакционных социально-политических воззрений Гакстгаузена и весьма сочувственная оценка его экономических взглядов содержится в статье Чернышевского «Studien... von August Freiherrn von Haxthausen» («Современник», 1857, № 7), с которой перекликается отзыв Герцена о Гакстгаузене в комментируемой статье.

...как французы говорят, à nos moutons.— Французская поговорка: Révenons à nos moutons — вернемся к нашим баранам, т. е. к предмету нашего разговора.

Стр. 168. *...Чаадаев в своем знаменитом письме...*— О «Философическом письме» Чаадаева см. комментарий к стр. 325.

Стр. 169. *Петровская метода избавовала нас ∞ Так думают девять десятых из наших просветителей in spe.*— Герцен имеет в виду многочисленные проекты либеральных западников 1857—1859 гг., рекомендовавших реформировать Россию по образцу того или иного передового западноевропейского государства.

Посмотрите, что в приложении к индийским земледельцам ∞ ненависть к Англии, которую мы видели год тому назад.— Герцен имеет в виду разрушение сельской общины в Индии как следствие английской хищнической колониальной политики, которая привела к «полному обнищанию и деградации» народных масс (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI ч. I, стр. 332) и вызвала в 1857 г. национально-освободительное восстание против господства английских колонизаторов.

Князь Козловский ∞ достоинства в других.— Герцен передает эпизод, рассказанный маркизом де Кюстином в книге «La Russie en 1839», Paris, 1843, о встрече и разговоре с П. Б. Козловским на пароходе «Николай I» по пути из Любека в Россию (см. Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия, М., 1930, стр. 38—39).

Стр. 170. *...приходивших к Дюмон Дюрвилю на корабль ∞ без шансов.*— Герцен не совсем точно передает факты, рассказанные известным французским мореплавателем Дюмон-Дюрвилем о его пребывании на Маркизовых островах (см. «Всеобщее путешествие вокруг света (...)> составленное Дюмон-Дюрвилем», ч. V, М., 1836, стр. 288 и далее).

Стр. 172. *Эта педагогия напоминает мне Гейне ∞ сущий вздор.*— В «Путевых картинах», в разделе «Идеи — Книга „Le Grand“», гл. VII, Гейне, иронизируя над методом преподавания истории в немецкой школе,

замечает: «Ведь если бы я не знал наизусть имен римских царей, то потом мне было бы совершенно безразлично, доказал ли Нибур или не доказал, что они в действительности никогда не существовали». Известный немецкий историк Нибур доказывал, что в книге Тита Ливия о римских императорах много выдуманно.

Вслушиваясь в толки наших «ученых друзей»...— Герцен имеет в виду Корша, Кетчера, Чичерина, Бабста, связанных с ним личными отношениями. Сочетание бюрократической централизации с муниципальными формами местного управления как идеальную норму гражданского устройства превозносили Чичерин («Очерки Англии и Франции», М., 1858, статья в «Атенее») и Корш («Парламентские реформы в Англии»— «Атеней», 1858, № 9 и др.). Сравнивая русскую общину XVII в. с европейской феодальной общиной, Чичерин отдавал предпочтение последней, давая восторженную характеристику средневековым городам с их «прочным союзным духом» (см. Б. Н. Чичерин. Областные учреждения России в XVII веке, М., 1856, стр. 25—36). Чичерин же придавал исключительное значение западному «среднему сословию» как «организатору общественного мнения» (см. «Промышленность и государство в Англии»— «Атеней», 1858, № 12). К этой точке зрения присоединился Бабст в своей книге «От Москвы до Лейпцига».

Стр. 176. ...*спят крепче двенадцати спящих дев*...— Герцен имеет в виду фавулу баллады В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев».

Стр. 177. ...*совмещены простота Геснеровых патриархов, нравы деаульеровских пастушек*...— Имеются в виду герои «Идиллий» и «Стихотворений» швейцарского поэта Геснера, который, по словам К. Маркса, «исторической скверне» противопоставлял «не знающее развития состояние идиллии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 204), и персонажи сентиментальных пасторалей французской придворной поэты XVII в. Дезульера.

Стр. 178. *У нас все делается наизнанку ∞ тут смысла нет!*— Впервые шутка Ростопчина, увековеченная в «Русских женщинах» Некрасова, закреплена была в письме А. Я. Булгакова 1826 г. («Русский архив», 1901, кн. 2, стр. 342; Н. Лернер. «Ростопчинская шутка» о декабристах — «Бунт декабристов». Сборник под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л., 1926, стр. 398—399).

Стр. 179. *Vivre en travaillant ou mourir en combattant!*— *кричат работники* — Лозунг парижских рабочих во время восстания 1848 г., который был также девизом вооруженного выступления лионских ткачей 21 ноября 1831 г.: «Жить работая или умереть сражаясь!»

Qui a du plomb a du pain! — *отвечает им Бланки*.— «У кого меч, у того и хлеб!»— Герцен передает лозунг, выдвинутый Огюстом Бланки в его обращении к народу, написанном 10 февраля 1851 г. в Бель-Ильской тюрьме по просьбе лондонских политических эмигрантов в связи с третьей годовщиной революции 1848 г.

Социальное меньшинство требовало у Законодательного собрания признания права на работу.— По требованию рабочих Временное правительство приняло 25 февраля 1848 г. декрет о праве на труд. Для разрешения рабочего вопроса была создана под председательством Луи Блана и Альбера правительственная (так называемая Люксембургская) комиссия, которая предложила организовать «Министерство труда», «с специальной миссией подготовить социальную революцию, и осуществить постепенно, мирным образом и без потрясений, уничтожение класса пролетариата» (Луи Блан. История французской революции 1848 г., СПб., 1907, стр. 183). Утопическая сущность этой меры, осуществление которой Луи Блан и его единомышленники ждали от государственной власти, заключалась в непонимании классовой сущности революции 1848 г., закрепившей господство буржуазии. 10 мая 1848 г.

Учредительное собрание отвергло проект создания «Министерства труда и прогресса».

Стр. 180. *Едиственная органическая попытка и была сделана работничими артелями и товариществами.*— В 1848—1849 гг. было создано несколько сот производственных товариществ и потребительских обществ: ассоциации портных, седельщиков, прядильщиков в Париже, столяров, камнетесов в Лионе, булочников в Нанте и т. д. Большинство объединений вследствие конкуренции и преследования полицией, подозревавшей в них замаскированные политические общества, просуществовало недолго. Последние из них были закрыты властями после бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г.

Либералы старого толка ∞ знаменитому laissez faire...— *Laissez faire, laissez passer* («предать самотеку») — выражение французского экономиста конца XVIII в. Гурне, ставшее лозунгом Сэя, Бастиа, Кэри и других представителей вульгарной политической экономии. В России этот принцип невмешательства государства в экономическую деятельность предпринимателей прокламировался в статьях защитников «умеренного прогресса», восстающих против общинного землевладения во имя «более прогрессивного личного землепользования» (см. статьи Д. М. Струкова и И. В. Вернадского в «Экономическом указателе» 1857—1858 гг.). С критикой принципа «laissez faire, laissez passer» и его приверженцев выступили Чернышевский («Современник», 1857, № 3, 5; 1859, № 2) и М. Юрьин («Отечественные записки», 1859, № 5).

...последний остаток их ∞ в его замыслах свободной торговли.— Герцен имеет в виду протест либеральной французской оппозиции 1856—1857 гг. против политики свободной торговли, проводившейся Наполеоном III и закрепленной впоследствии торговым договором с Англией (13 января 1860 г.), который предусматривал значительное снижение таможенных пошлин на французские товары в Англии и английские товары во Франции.

Стр. 181. *...вешает Джона Брауна.*— Герцен имеет в виду восстание Джона Брауна в 1859 г. против рабства в Соединенных Штатах, казненного в Герперс-Ферри после подавления движения.

Стр. 182. *...он и Зиновьева отблагодарил табатеркой во время совершеннолетия наследника...*— Речь идет о воспитателе цесаревича Николая Александровича генерал-майоре П. В. Зиновьеве.

Мирское управление ццелело ∞ городские права под владычеством османлисов.— На о. Морся (средневековое славянское название о. Пелопоннеса) вплоть до XV в. существовала свободная община, некоторые права которой сохранились и после завоевания Византии турками-османами.

...известного экономиста Керрея...— Личному знакомству Герцена с Генри Чарльзом Кэри предшествовал обмен письмами и статьями (см. ЛН, т. 61, стр. 242—247). Имя Кэри было упомянуто Герценом еще раз также в связи с проблемой самоуправления русской общины (см. «Prolegomena» — т. XX наст. изд.).

Стр. 183—184. *...Яков Ростовцев спрашивал ∞ об освобождении крестьян.*— Одним из основных обвинений, предъявляемых петрашевцам следственной комиссией, в состав которой входил Я. И. Ростовцев, было обсуждение участниками кружка вопроса об освобождении крепостных крестьян.

Стр. 186. *...отрешаясь от магистерского диплома ∞ что они хорошо учились...*— Герцен иронизирует над Чичериным, получившим ученое звание магистра в начале 1857 г. и прославившимся своей эрудированностью еще в годы учения в университете (см. «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва 40-х годов», М., 1929, стр. 25, 271).

Стр. 187. *...кричит раздавленным голосом, как псковский городни-*

чий ∞ в крестьянском армяке.— См. комментарий к стр. 319 наст. тома.

Доктринер скандализован тем ∞ к коммунизму в лаптях.— Герцен далее пародирует высказывания противников общинного землевладения, которые, ссылаясь на мальтузианские теории, доказывали несостоятельность общинного принципа с точки зрения «прогресса собственности» и невыгодность его в экономическом и аграрном отношениях.

В соответствии с такой точкой зрения, логически вытекающей из трудов Чичерина, статей Корша и т. п., большинство авторов «Русского вестника», «Атеней», «Экономического указателя», «Земледельческой газеты», «Отчужденных записок» стояли за постепенное преобразование России в духе либерального реформаторства Штейна, Гарденберга, Роберта Пиля, Вильямса Госкиссона и др.

Стр. 189. *Лет тридцать тому назад Н. А. Полевой ∞ которая так ясно представлена Авеуст. Тьери в письме его о Французской истории.*— Герцен имеет в виду «Историю русского народа» Н. Полевого (1829—1833), в которой отразилось влияние концепции О. Тьери, рассматривавшего историю Франции в своих «Lettres sur l'histoire de France» (1827) как историю борьбы завоевателей и завоеванных, перешедшую затем в классовый антагонизм дворян и третьего сословия.

ПОПРАВКА К ЗАМЕТКЕ О КН. ТРУБЕЦКОМ в «КОЛОКОЛЕ», л. 47)

Печатается по тексту *К*, л. 53 от 1 октября 1859 г., стр. 438, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании его открытого письма к Гарибальди от 19 апреля 1861 г., в подстрочном примечании к которому сказано: «Мы надеемся, что к(н). Трубецкой из Блевю, отвечающий в „Le Nord“ на письмо Гарибальди ко мне, не будет сетовать на меня, что я сам отвечаю на него,— тем больше, что его верноподданнические мнения не ближе ко мне мнения „Journal de St. Pétersbourg“, который в польских делах дошел до того цинизма, что обвиняет женщин в том что их убивали. К(н.) Трубецкой из Блевю, вероятно, тот самый, который некогда учился военному ремеслу под руководством Радецкого и потом (как было сказано в „Колоколе“, л. 54, окт. 1859) уговаривал архиепископа в Комо идти на встречу Урбана, как нам подтвердил подеста и сардинский комиссар Веноста» (*К*, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 814). Включено М. К. Лемке (*Л X*, стр. 126—127).

Стр. 190. *В 47 листе «Колокола» был помещен вопрос ∞ войску?*— См. выше заметку «Un austriaco principe Troubetzkov».

...у подесты...— Выборный глава городского самоуправления в Италии.

...уговаривал ∞ (1 июня 1859) и д т и на в ст р е ч у У р б а н у.— В начале июня 1859 г. австрийским войскам удалось окружить близ Комо отряды гарибальдийцев. Кн. Трубецкой уговаривал подесту помочь разгрому освободительной армии Гарибальди. 24 июня 1859 г. австрийская отдельная дивизия под командованием ген. Урбана была солову разбита соединенными франко-итальянскими войсками при Соальфино.

СИНХЕДРИОН МОСКОВСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ФАРИСЕЕВ

Печатается по тексту *К*, л. 55 от 1 ноября 1859 г., стр. 452—454, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. Появлению статьи предшествовала следующая заметка: «В 55 листе „Колокола“ мы поместим

несколько подробностей о *Синхедрионе* московских университетских фари-сеев по поводу прошлогодней истории пр(оф.) Варнека» (*Ж*, л. 54 от 15 октября 1859 г., стр. 446). Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 195, строка 23: относятся *вместо*: относится

Стр. 195, строка 43: для ответов; <2-е, студентов> первой категории
вместо: для ответов первой категории

В сентябре — декабре 1858 г. студентами 1 курса медицинского факультета Московского университета были устроены обструкции профессору сравнительной анатомии и физиологии Н. А. Варнеку. В «деле» III отделения за 1859 г. «Относительно открытия в Москве частной типографии иждивением студентов» есть донесение из Москвы о студенте И. И. Кушакевиче, который был одним из зачинщиков этой «истории» и посылал статьи в редакцию «Колокола», в том числе свою статью «Факты по поводу дела проф. Варнека со студентами». По всей видимости, статья «Синхедрион московских университетских фарисеев» написана Герценом на основании материалов, присланных в редакцию «Колокола» Кушакевичем (см. *ЛН*, т. 41-42, стр. 596—597).

Стр. 191. *«Encore une étoile que file.. file... file»* — Припев песни Беранже «Les étoiles qui filent».

ОПЯТЬ И ОПЯТЬ PAS DE RÊVERIES!

Печатается по тексту *Ж*, л. 55 от 1 ноября 1859 г., стр. 458, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки, непосредственно связанной с основными интересами Герцена — редактора «Колокола» (русская политика в Польше, деятельность А. Г. Строганова в Одессе, злоупотребления Муханова), а также некоторых стилистических особенностей, характерных для публицистики Герцена (часто повторяемая формула «pas de rêveries!» для определения политики Александра II — см., например, статью «Pas de rêveries!», ведущее к faux pas!), характеристика «нелепого Строганова» и «его подмастерья Местмахера» и пр.). Включено М. К. Лемке (*ЛХ*, 142—143).

Стр. 198. *Зачем государь был в Варшаве...* — Осенью 1859 г. Александр II предпринял поездку в Польшу, проводя во время нее смотры и учения войскам. С 5 по 10 октября он находился в Варшаве, где при его участии состоялось совещание русских послов в Англии, Франции, Пруссии и Австрии. На этом совещании обсуждались вопросы внешней политики России и наметилось ее сближение с Пруссией. По окончании совещания в Варшаве Александр II в сопровождении Бисмарка, являвшегося послом Пруссии в России, направился в Бреславль, где состоялось его свидание с прусским кронпринцем Вильгельмом.

...путешествие в Одессу ознаменовано дарованием каких-то сатрапских прав нелепому Строганову и чина действительного статского советника его подмастерью Местмахеру... — Во время посещения Александром II Одессы в конце сентября 1859 г. бессарабскому и новороссийскому генерал-губернатору А. Г. Строганову была объявлена «высочайшая благодарность» за попечение о вверенном ему крае (см. «С.-Петербургские ведомости» от 1 октября 1859 г.), а одесский градоначальник П. Ф. Мест-

махер через месяц был произведен «за отличие по службе» в действительные статские советники (см. «С.-Петербургские ведомости» от 30 октября 1859 г.).

...мы поместим в следующем листе биографию сего нового превосходительства.— Имеется в виду статья «Черты из жизнеописания одесского градоначальника барона Местмахера», которая была напечатана в *К*, л. 56 от 15 ноября 1859 г. (см. также стр. 369 наст. тома).

ТОТ ЖЕ ГРАФ СТРОГОНОВ, ПЛАЧУЩИЙ НА ГРОБЕ СЕЧЕННОГО КАНДЫБЫ

Печатается по тексту *К*, л. 56 от 15 ноября 1859 г., стр. 466, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тесной идейно-тематической связи заметки с его статьей «Граф Строгонов, шпицрутены и штабс-капитанша Баранова» (наст. том, см. комментарий к ней). Замечание относительно «опасных для общественного спокойствия воротничков» совпадает с тем, что сказано Герценом по поводу пристрастия Александра II к соблюдению формы в статье «„Pas de rêveries!“, ведущее к „!aux pas!“» (см. наст. том). Стилистически заметка перекликается со статьей Герцена «Генералы от цензуры и Виктор Гюго на батарее Сальванди» (ср. заглавие данной заметки с началом последней статьи, наст. том, стр. 64); отметим также как характерный для герценовского стиля эпитет «плетолюбивый граф». Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, стр. 150).

«PAS DE RÊVERIES!», ВЕДУЩЕЕ К FAUX PAS!

Печатается по тексту *К*, л. 57-58 от 1 декабря 1859 г., стр. 478—479, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

В этой статье при характеристике «Харьковской истории» были использованы сведения, полученные от Н. Н. Мазуренко, которому Герцен писал 17 ноября 1859 г.: «С величайшей благодарностью получили мы ваши статьи; они по содержанию не столько идут в „Колокол“, как в „Русские голоса“, за исключением последней — из нее отрывок мы помещаем в „Колоколе“». См. первые выступления Герцена по поводу волнений студентов Харьковского университета в статьях «Харьковская история» и «Безобразное окончание харьковской студентской истории» (см. т. XIII наст. изд., а также информацию «О харьковских злоупотреблениях Зиновьева» в наст. томе).

〈ЭКЗАМЕНЫ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 57-58 от 1 декабря 1859 г., стр. 480, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании следующих данных. Заметка написана от имени издателей «Колокола» (см. примечание, в котором говорится о новых сведениях, полученных редакцией «Колокола», очевидно, уже во время набора листа). Следовательно, она могла быть написана или Герценом, или Огаревым. Вопрос об авторстве Огарева отпадает: во второй половине ноября его не было в Лондоне. Из письма Герцена к М. А. Маркович от 24 ноября 1859 г. известно, что

«Огарев написал прекрасное и предельное письмо об общинном владении в „Кол(о)кол“ и потом уехал в Дувр писать стихи. Завтра воротится; если бы он написал до отъезда в Дувр еще и данную заметку — тогда Герцен не сообщал бы Огареву в письме от 22 ноября 1859 г. об экзаменах в Петербургском университете в числе других новостей: «В Петербургский университет принято из 300 ст(удентов) — 75». Огарев должен был возвратиться, как это видно из цитированного выше письма Герцена к М. А. Маркович, 25 ноября 1859 г., в то же время из письма Герцена к М. К. Рейхель известно, что 27 ноября 1859 г. л. 57-58 «Колокола» уже печатался: «Еще раз прочтите статью, которая теперь печатается, и напишите тогда» (речь идет о статье четвертой из цикла «Русские немцы и немецкие русские»).

О принадлежности статьи Герцену свидетельствует и текстуальное совпадение с отзывом о Липранди в заметке Герцена «Что значит суд без гласности» — «... в деле Липранди, предлагавшего академию шпионства...» (см. т. XIII наст. изд., стр. 182). Очень характерна для Герцена, который клеймил на страницах «Колокола» главных реакционных деятелей царской России, и последняя фраза заметки «Не приняться ли и за него?» Включено М. К. Лемке (Л X, 164).

Стр. 203. ...*тупой, но откровенной николаевской войне против университетов?* — О ряде репрессивных мер против университетов при Николае I Герцен рассказывает в «Былом и думах», гл. VI и VII (см. т. VIII наст. изд.) и в работе «О развитии революционных идей в России» (см. т. VII наст. изд.).

...*Ирод, выдумавший лицемерную методику — иабиеение отроков?* — По свангельскому преданию, царь Ирод, узнав о рождении Христа в Вифлееме, приказал убить в этом городе всех мальчиков до двух лет (Евангелие от Матфея, гл. II).

...*Липранди, подавший проект об учреждении академии шпионства.* — См. об этом заметку «Что значит суд без гласности», напечатанную в *К*, л. 7 от 1 января 1858 г. (см. т. XIII наст. изд.). И. П. Липранди направил Герцену письмо, в котором возражал против этого обвинения «Колокола» (см. Л IX, стр. 605).

ГРАФ СТРОГОНОВ, ШПИЦРУТЕНЫ И ШТАБС-КАПИТАНША БАРАНОВА

Печатается по тексту *К*, л. 57-58 от 1 декабря 1859 г., стр. 482, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании его письма к М. А. Маркович от 24 ноября 1859 г.: «Строгонов просил государя драть крестьян шпицрутенами. Ну, уж я отодрал его сиятельство за это! Прочтите в следующем „Колоколе“». Включено М. К. Лемке (Л X, 169—170).

Стр. 203. ...*в пополнение помещенного нами в прошлом листе «Колокола» ∞ о Кандыбе.* — См. в наст. томе заметку «Тот же граф Строгонов, плачущий на гробе сеченого Кандыбы».

Стр. 204. ...*о бесчеловечном поступке ∞ Барановой...* — История, рассказанная в заметке, получила широкую огласку. О ней упоминается и в отчете III отделения за 1859 г. «В С.-Петербурге, — говорится там, — жена инженер-штабс-капитана Баранова, имея в услужении крепостных людей своего отца, помещика Новгородской губернии Азарьева, подозревала девушку Андрееву в краже и, вынуждая ее в том сознаться, посадила ее на горячую плиту. За это Баранова предана суду, а люди

отправлены в имение владельца» («Крестыанское движение 1827—1869 годов», вып. I, М., 1931, стр. 126). Ср. дневник В. Ф. Одоевского за январь 1859 г. (*ЛН*, т. 22-24, 1935, стр. 92).

ОТ ИСКАНДЕРА

Печатается по тексту *К*, л. 57-58 от 1 декабря 1859 г., стр. 482, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Стр. 205. *Какой-то Н. Елагин сам-т ретей издал в Берлине против меня тупую и грубую книгу под заглавием «Искандер-Герцен».*— Книга чиновника особых поручений при Главном управлении цензуры Н. В. Елагина «Искандер-Герцен» была издана им в конце 1859 г. в Берлине, но к распространению в России не разрешена. Этот запрет был снят лишь через три года, после того как министр народного просвещения А. В. Головин в своей докладной записке Александру II от 26 апреля 1862 г. горячо рекомендовал памфлет Елагина к распространению как «систематическое опровержение всей системы ложных идей, распространяемых Герценом». Министр указал и «благочестивых» соавторов Елагина — московского митрополита Филарета и пермского помещика П. Д. Дягилева (*ЛН*, т. 63, 1956, стр. 683—684); об этой же книге см. *Л* XXII, стр. 122—124.

РАЗГОВОРЫ С ДЕТЬМИ

Печатается по тексту *ПЗ* на 1859 г., кн. V, стр. 252—260, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. В оглавлении *ПЗ* названо: «Разговор с детьми». Автограф неизвестен.

Статья была написана Герценом, очевидно, задолго до ее опубликования, как о том свидетельствует его письмо к П. В. Анненкову от 1 июля 1858 г.: «Статью свою я кончил — она может быть интересна детям или людям, начинающим заниматься естественными науками, и то печати не стоит; а тебе я желал бы показать ее».

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 206, строка 15: почему он бегаёт и от чего он может бегать *вместо:* почему он бегаёт и от чего он может бегать.

Стр. 209, строка 9: освободить *вместо:* освободиться

Стр. 209, строка 32: перержавевшие доспехи *вместо:* перержавшие доспехи.

Статья является новой попыткой Герцена дать естественнонаучное объяснение явлений природы в педагогических целях. О поисках Герцена в этой области говорит непосредственно предшествующий данной статье «Опыт бесед с молодыми людьми» (см. т. XIII наст. изд.). «Разговоры с детьми» были задуманы Герценом, очевидно, как начало цикла; об этом свидетельствует название и цифра «I», которой сопровождается данная статья. Однако дальнейшего продолжения не последовало.

Стр. 208. *...над их морским богом, развезжающим в раковине на четверке дельфинов, с трезубцем в руке...*— Изображение Посейдона в западноевропейской живописи XV—XVIII вв. (в древнегреческом искусстве и мифологии Посейдон обычно изображался едущим по морю в колеснице, запряженной конями или быками, окруженный дельфинами).

Стр. 211. *...маленькие кудрявые головки ∞ с двумя-четырьмя*

крылышками, прикрепленными к задней стороне нижней челюсти или к первому шейному позвонку...— Изображение св. духа на иконах.

...все наливчатые животные...— Устаревшее название инфузорий (наливочные животные).

1 8 6 0

1860 ГОД

Впервые опубликовано в *К*, л. 60 от 1 января 1860 г., стр. 491—495, под заголовком: «1860» и за подписью: *И—р.* Этой статьей открывается лист «Колокола». Печатается по сборнику «За пять лет» (1855—1860), часть первая, Искандера, Лондон, 1860 г., стр. 303—320, где перепечатано с небольшими стилистическими изменениями (см. «Варианты»). Объявление о выходе сборника было помещено в 71 листе «Колокола» от 15 мая. Автограф неизвестен.

В письме к М. К. Рейхель от 20 января 1860 г. Герцен пишет: «Что же вы не пишете, как вам понравился мой новый год: „1860“ в 1 „Колоколе“? Я очень доволен этой статьей».

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 215, строка 13: праздников праздник *вместо:* праздником праздник (*по К*).

Стр. 216, строка 29: Так побежденными *вместо:* Так побежденными (*по К*).

Стр. 222, строка 26: имеют ли право *вместо:* имеет ли право (*по К*).

В статье «1860 год» особенно четко проявились колебания Герцена в вопросе о путях и формах освобождения помещичьих крестьян, его надежды на возможность уничтожения крепостничества «сверху».

В начале ноября 1859 г. Герцен с большим оптимизмом относился к перспективам подготовки реформы. 4 ноября он писал Ж. Мишле: «...у нас, в России, дело продолжает идти на лад. Вопрос об освобождении крестьян от крепостного права все более и более превращается в признание государством *права* каждого работника *на землю*». Аналогичное высказывание содержалось в письме к М. А. Маркович от 5 ноября: «Там <на Руси> интереснее; ростовцевская комиссия, особенно по хозяйственному отделению, идет богато». К этому времени в распоряжении Герцена были журналы пятидесяти заседаний Редакционной комиссии Главного комитета по крестьянскому делу, отвергшей безземельное освобождение крестьян. Все большее влияние в комиссии приобрел Н. А. Милютин, сторонник освобождения с землей. Все это и учитывалось Герценом.

Слухи о болезни Ростовцева и о новом возможном председателе Редакционных комиссий Главного комитета из крепостников быстро дошли до Герцена, заставив изменить его мнение о перспективах освобождения «сверху». В письме к Н. П. Огареву от 28 ноября 1859 г. он говорил: «Ростовцев сошел с ума и удален из Комиссии, и магнаты требуют ревизии всего сделанного в его Ком<иссии>». 24 ноября Герцен писал М. А. Маркович: «Из России — сумбур <...> Ростов<цев>, говорят, сошел с ума».

Осенью 1859 г. в России оживилась консервативная дворянская оппозиция. По рукам ходили записки, враждебные положениям Редакционных комиссий. Одна из них, принадлежавшая перу М. А. Безобразова, — проект адреса к царю — предлагала создать при императоре аристократический совещательный собор, особое дворянское собрание, которое пересмотрело бы положения, выработанные Редакционными

комиссиями. Другой «олигархический» проект был выдвинут депутатом симбирского комитета Шидловским. Так называемые «депутаты второго призыва», вызванные в Комиссию после 16 сентября 1859 г. и состоявшие в основном из помещиков черноземных и западных губерний, стояли за безземельное освобождение и присоединились к атакам на Редакционные комиссии.

В статье давалась беспощадно-резкая характеристика крепостников, «магнатов», из-под влияния которых Герцен пытался вырвать Александра II. Он еще надеялся, что самодержавие сможет осуществить его программу-минимум, прокламированную ранее в «Письме к императору Александру», в статье «Вперед! Вперед!» (см. т. XII наст. изд.) и в предисловии к первому листу «Колокола» (см. т. XIII наст. изд.). К выдвинутым лозунгам уничтожения крепостного права, отмены телесных наказаний, введения свободы слова Герцен прибавляет теперь требование гласности судопроизводства.

Программа-минимум, провозглашенная Герценом, носила, как он и сам подчеркивал, весьма умеренный характер и призвана была, по его мысли, лишь сплотить все антикрепостнические силы (см. статью «К нашим» — т. XII наст. изд.).

В предисловии «За пять лет» (см. стр. 276 наст. тома) Герцен отмечал, что статья «1860 год» была «последним усилием, которым мы с е б е еще доказывали возможность» освобождения императора «от грубой и невежественной дворни». Именно такая постановка вопроса вызвала резкие возражения «Русского человека», который в своем «Письме» полемизировал со статьей Герцена (см. комментарий к «Письму из провинции» в наст. томе).

Стр. 214. *Еще шеврон!*...— Шевроном, нашивкой на левом рукаве мундира углом книзу, отмечался у нижних чинов каждый год службы сверх срока.

Эпилог 1849 году. «С того берега».— Герцен ссылается на свою книгу «С того берега», гл. «Эпилог 1849» (см. т. VI наст. изд.).

Стр. 215. *...сфинкс с узенькими глазками, ухарски зачесанными висками и усам, свернутыми в фидибусы.*— Луи Наполеон Бонапарт, впоследствии Наполеон III. Фидибус — бумажка для закуривания (лат. *fidibus*).

Пять лет продолжалось это, и все было хуже и хуже.— Герцен имеет в виду пятилетие от революции 1848 г. до захвата власти Луи Наполеоном в 1851 г. и провозглашения империи во Франции в 1852 г.

Наполеон III въезжал в ворота Темпль-Бара; из гостей Виндзора в достоинство свободного народа...— 14 апреля 1855 г. Наполеон III в сопровождении императрицы Евгении и многочисленной свиты прибыл в Лондон с официальным визитом. Он был принят с необычными почестями и вниманием, что объяснялось стремлением английского правительства не допустить сближения Франции (союзницы Англии в Крымской войне) с Россией. В Виндзорском дворце 16 апреля 1855 г. Наполеон III был принят королевой Викторией. 19 апреля в Меншен-Гаузе, официальной резиденции лорд-мэра Лондона, Наполеону III был дан завтрак и поднесен адрес от буржуазии Сити.

В Виндзоре надпись «Ватерлооская зала» была стерта...— Перед приездом Наполеона III в Англию по приказу королевы Викторией парадная зала в Виндзорском дворце — «Waterloo Chamber», в которой были собраны портреты победителей в битве под Ватерлоо в 1814 г., была преобразована в «Картинную галерею» («Picture Gallery»).

...Англей, певшей с благоговением и английским проианожением «Partant pour la Syrie»...— В отчетах официальной прессы о пребывании

Наполеона III в Англии отмечалось, что при появлении французских гостей в большом зале Виндзорского дворца, «хор военной музыки» исполнил песню «Partant pour la Syrie». См. также комментарий к стр. 113.

...*другие певчие пели «Со святыми упокой!» у гроба в Зимнем дворце.*— Намек на похороны Николая I, умершего 18 февраля 1855 г.

Стр. 216. *Мысль наша, речь наша не шли дальше ∞ о с в о б о ж д е н и я с п и н ы о т п а л к и и п л е т и.*— Программа-минимум, о которой говорит здесь Герцен, была изложена им впервые в «Письме к императору Александру II», напечатанном в ПЗ на 1855 г., кн. I (см. т. XII наст. изд.), а также в предисловии, открывавшем первый лист «Колокола» (см. т. XIII наст. изд.).

...*вышел знаменитый рескрипт к дворянству трех польских губерний.*— 18 августа 1857 г. на имя Александра II поступило ходатайство дворянства трех литовских губерний об освобождении крестьян, но с сохранением за помещиками права на землю. 20 ноября 1857 г. был опубликован рескрипт Виленскому, Гродненскому и Ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову с предложением приступить к организации губернских дворянских комитетов для разработки проектов реформы крепостных отношений.

...*а тут облегчение цензуры, уничтожение позорного стеснения путешествовать, уничтожение кантонистов, военных поселений, проекты о гласности судов.*— В 1855 г. был упразднен секретный комитет (так наз. «батурлиньский»), осуществлявший со 2 апреля 1848 г. высший надзор над журналистикой и цензурными учреждениями. Указом от 26 августа 1856 г. были отменены особые положения о выдаче русским подданным заграничных паспортов. Отклик Герцена на ограничения, введенные в 1844 г. при выдаче заграничных паспортов, см. в его дневниковой записи от 30 марта 1844 г. (т. II наст. изд., стр. 347). С 1721 г. практиковалось, а в 1758 г. было закреплено указом зачисление детей нижних воинских чинов со дня рождения в военную службу. С 1805 г. они назывались кантонистами. Манифестом от 26 августа 1856 г. солдатские дети были освобождены от принадлежности военному ведомству, а школы кантонистов преобразованы в обычные военные училища. В 1857 г. были уничтожены военные поселения и переданы в управление министерства государственных имуществ.

...*нам легко было сказать: «Ты победил, Галилейнин!»* («Колокол», лист 9) — По преданию, с такими словами умер римский император Юлиан Отступник, боровшийся против христианства. Этой фразой Герцен начал и закончил свою статью «Через три года», напечатанную в К, л. 9 от 15 февраля 1858 г. (см. т. XIII наст. изд.).

...*мы были правы, говоря Александру II при его восшествии на престол: «Вы необыкновенно счастливы!»*— В «Письме к императору Александру II», напечатанном в ПЗ на 1855 г., кн. I (см. т. XII наст. изд.).

Стр. 217. *Каким Янусом ни будь, нельзя разом идти в две противоположные стороны.*— В римской живописи и скульптуре двуликий бог Янус изображался обращенным юношеским лицом вперед, в будущее, а старческим — назад, в прошедшее.

Нельзя стать со стороны народа — и называться «первым дворянином»— Герцен, вероятно, имеет в виду речь Александра II от 4 сентября 1859 г., в которой он сказал, обращаясь к депутатам губернских комитетов: «Я считал себя первым дворянином, когда был еще наследником, я гордился этим, горжусь этим и теперь и не перестаю считать себя в вашем сословии» (С. С. Т. а т и щ е в. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903, стр. 359—360).

Стр. 218. *Нельзя прогнать Клейнмихеля и Бибикова.*— В 1855—1856 г. Александр II уволил министра внутренних дел Д. Г. Бибикова и главного начальника путей сообщения и публичных зданий генерал-адъютанта П. А. Клейнмихеля.

С этими ядрами на ногах даже знаменитый скороход в «не люблю — не слушаю» не ушел бы далеко. — В «Приключениях Мюнхаузена» Э. Распэ (часть вторая) рассказывается об одном из слуг барона Мюнхаузена, который подвешивал гири к ногам для того, чтобы не бежать слишком быстро. «Не люблю не слушаю» — раздел небылиц в сборнике «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева, вышедшем в 1855 г.

...проповедовать министерством внутренних дел трезвую жизнь и спаивать отравленной водкой. — См. комментарии к заметкам «Еще о возведении пьянства в православленную и государственную обязанность» и «Набег немецких татар в Тамбовскую губернию» (наст. том).

А ведь не читайся и пассаж à la Georges Sand... — См. комментарий на стр. 499—500 наст. тома.

Стр. 219. ...сын воронежского прасола... — А. В. Кольцов.

...так, как граф Гонфалоньеры и не знали ничего и о революции 1830, сохранив в Шпильберге. — Федерико Гонфалоньеры — один из вождей национально-освободительного движения в Италии — в 1823 г. был приговорен австрийским судом к смертной казни, замененной пожизненным заключением, в 1836 г. был освобожден. Шпильберг — тюрьма для политических заключенных близ Брюнна (ныне Врно).

Стр. 220. ...упадут с своего прекрасного высоко... — Герцен перефразирует слова Гоголя во II главе «Мертвых душ»: «Русь! Русь! вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека...»

...сделаются «Comme tout le monde», по выражению Сусанны Фигаро. — Имеются в виду следующие слова Сюзанны из драмы Бомарше «La mère coupable» (действие I, явление 2): «Nous avons l'air de tout le monde» («Мы — как все»).

...Кочубевы, которые в мирное время стреляют по австрийцам... — Князь Л. В. Кочубей в 1853 г. стрелял в управляющего своим имением австрийского подданного И. Зальцмана и ранил его, однако остался безнаказанным. См. в XIII томе наст. изд. заметку Герцена «Что значит суд без гласности», в которой подробно изложено дело Кочубея.

Иван Онуфриевич — Сухозанет, военный министр.

...Панина, который хотел стянуть дом... — История присвоения В. Н. Паниным дома, купленного крестьянином Мариным, рассказана в заметке «Несчастный опыт домокрадства» (см. XIII том наст. изд.).

...Гутцейта, насильствующего детей... — См. комментарий к статье «Постельная барщина продолжается».

...Кандыбы, оплакиваемого Строгоновым... — О зверских расправах генерала Кандыбы со своими дворовыми людьми и о том, как они отомстили ему, рассказано в корреспонденции «Дело о высеченном генерале Кандыбе и его жене», напечатанной в К, л. 45 от 15 июня 1859 г.

...вроде Барановой, сажавшей на плиту живую девушку... — См. комментарий к стр. 204.

Стр. 221. ...цензура, в которой председатель должен быть три ч е л о в е к а и Адлерберг... — См. комментарий к стр. 116.

...государь и придумал одного главного цензора и вверил это место Модесту Корфу... — 12 ноября 1859 г. Главное управление цензуры было отделено от министерства народного просвещения. Барону М. А. Корфу было поручено представить проект нового учреждения, названного «Главным управлением книгопечатания». Однако представленный им проект царем утвержден не был, и 12 декабря 1859 г. Корф был освобожден от возложенных на него обязанностей. О назначении Корфа главой русской цензуры Герцен узнал из письма С. С. Громеки от 11 декабря 1859 г., который писал из Одессы: «Вот, говорят, Модест Андреевич делается с нового года министром цензуры — какой огромный шаг вперед».

...скромности и Модесту Корфу, историографу 14 декабря. — Модест в буквальном переводе означает скромный (франц. *modeste*). Ироническое использование имени Корфа см. также в заметке «Souvenirs

modestes o мертворожденной цензуре Корфа» в наст. томе. О М. Корфе, авторе книги «Восшествие на престол императора Николая I», см. комментарий к стр. 226.

Стр. 221—222. ...история «Паруса», история с Огрызкой, нелепые циркуляры Норова, Вяземского, Ковалевского...— О запрещении 6 января 1859 г. газеты «Парус», издававшейся И. С. Аксаковым, см. в наст. томе комментарий к статье «Вешенство цензуры». Об «истории с Огрызкой» см. комментарий к стр. 85 наст. тома. О циркулярах по Главному управлению цензуры, входившему до 1865 г. в министерство народного просвещения, см. в статье «На этот раз мы очень богаты корреспонденциями...».

Стр. 223. В московской истории ни Беринг, ни Закревский ∞ виновата была полиция.— В заметке «Полицейский разбой в Москве», напечатанной в К, л. 5 от 1 ноября 1857 года (см. том XIII наст. изд.), Герцен приводит два анонимных письма, в которых рассказывается о преследовании Закревским и Берингом московских студентов.

В харьковской — студенты не только были правы ∞ университетских властей.— См. комментарий к статье „Pas de rêveries!“, ведущее к faux pas!» в наст. томе.

В Казани — студенты аплодировали Буличу.— В статье «Гонение гласности и студентов», напечатанной в К, л. 60 от 1 января 1860 г., анонимный автор рассказывает: «В университетах наших высочайшим повелением запрещено студентам выражать свое сочувствие или несочувствие к прочитанной лекции и к профессору. За нарушение этого высочайшего повеления студентами Казанского университета, по прочтении лекции профессором Буличем, за которую они ему аплодировали, многие из них (говорят до двадцати) были исключены и разосланы по месту жительства их родителей. <...> Слух об этом разнесся по Петербургу и дошел до университета. Все студенты желали знать подробности дела, известные только еще немногим, для чего и собрались в XI аудиторию. (Эта аудитория больше всех других и общие сходки студентов бывают всегда в ней.) Тут было прочитано г. Сунгуровым, одним из вольнослушающих Петербургского университета, письмо из Казани, объясняющее подробности и ход дела <...>» (стр. 495). На следующий день исполняющий должность попечителя вызвал представителей от всех факультетов Петербургского университета и потребовал, чтобы они сказали фамилию студента, читавшего на сходке письмо из Казани. Когда студенты отказались выдать своего товарища, начались поиски с помощью университетской полиции и шпионов. Сунгуров, желая прекратить эти поиски, сам назвал себя, за что был передан в руки петербургского обер-полицмейстера П. А. Шувалова.

Как иначе Пушкин разумел царское достоинство ∞ великое несчастье!— Герцен имеет в виду строки трагедии Пушкина «Борис Годунов»:

Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться попустому.
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.

АЙ ДА КОРФ!

Печатается по тексту К, л. 60 от 1 января 1860 г., стр. 498, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тесной тематической и стилистической связи заметки с другими статьями Герцена, разоблачающими царскую цензуру и Модеста Корфа: «Словобоязнь», «Письмо к императору Александру II», «Черный кабинет» (см. т. XIII наст. изд.), «Генералы от цензуры и Виктор Гюго на батарее Сальванди» (наст. том)

и др. Характерны для Герцена-публициста и те художественные средства, при помощи которых он рисует ярко сатирический образ барона Корфа: иронический заголовок, такие метафорические сравнения, как «*клясть* мысль человеческую — по Оригену — на Прокрустову постель» и пр. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 195).

Сведения о назначении М. А. Корфа на пост министра цензуры, которые использовал Герцен в данной заметке и в статье «1860 год», были сообщены ему С. С. Громекой в письме от 11 декабря 1859 г.: «Вот, говорят, Модест Андреевич делается с нового года министром цензуры — какой огромный шаг вперед» (ЛН, т. 62, стр. 109).

Стр. 226. ...*больше, чем Совет*... — М. А. Корф с 1843 г. был членом Государственного совета и государственным секретарем.

...*изгнал цензора Палаузова за со статью о корпусе жандармов, состоявшем при Иване Васильевиче!* — Цензор С. Н. Палаузов был уволен за то, что допустил напечатание в «Русском слове» за 1859 г., № 11, драмы И. И. Лажечникова «Опричник».

...*писавший по э м у в прозе о воцарении Николая, сидевший с Бутурлиным в осадной цензуре*... — Имеется в виду книга: «Восшествие на престол императора Николая I». СПб., 1857. Герцен в «Письме к императору Александру II» (см. т. XII наст. изд.) и Н. П. Огарев в рецензии «Разбор книги барона Корфа» оценили эту книгу как грубо фальсификаторскую. С 1848 по 1855 г. М. А. Корф был членом «Комитета высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений». Генерал-адъютант Д. П. Бутурлин — первый председатель этого комитета.

DAS LIEFLÄNDISCHE ATHEN

Печатается по тексту *K*, л. 61 от 15 января 1860 г., стр. 504—505, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Стр. 227. *Das Liefländische Athen*. — «Лифляндскими Афинами» воспитанники Дерптского университета называли Дерпт, старый эстонский город (пыне Тарту), являвшийся центром немецкой культуры в прибалтийских губерниях.

Несколько раз получали мы письма о дерптском университете... — О получении письма из Дерпта Герцен впервые сообщал в статье «Русские пемцы и немецкие русские» (см. наст. том).

...*об университетской истории 22 ноября 1857 г.*... — Русские студенты в Дерпте создали в 1857 г. свою общественную организацию, независимую от корпорационных студенческих законов и от высшего органа корпораций — собрания уполномоченных (Chargirten Convent). Это собрание, претендуя на роль руководящего органа дерптского студенчества, запретило объединение русских студентов. И, в ответ на отказ подчиниться этому решению, постановило применить к русским одну из высших мер, предусмотренных корпорационными правилами — так называемый *Vergüf*, т. е. прекращение на неопределенное время всяких сношений с «виновными». Это привело к резкому обострению отношений между русским и немецким студенчеством, особенно после того, как один немец-корпорант оскорбил на улице русского студента Алексея Зарина и, ссылаясь на *Vergüf*, отказался принять его вызов на дуэль. Тогда А. Зарин ударил обидчика, что вызвало большое возмущение среди корпорантов. 22 ноября 1857 г. они устроили осаду дома, где жили русские студенты, в том числе Зарин, и жестоко избили направлявшегося к нему студента Аристарха Юферова. Университетское и местное полицейское начальство стали на сторону немцев-корпорантов. А. Зарин был арестован, посажен

в тюрьму и распоряжением попечителя Дерптского учебного округа от 26 ноября исключен из университета с запрещением в течение 6 лет проживать в Дерпте («Dörptsche Zeitung», 1857, № 139). Начальство не только не наказало виновников избиения А. Юферова, но, наоборот, предложило пострадавшему покинуть университет, что тот и сделал 21 декабря 1857 г. (см. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, №№ 21370 и 11203). Эта история подробно описана П. Д. Боборыкиным в романе «В путь-дорогу». См. о ней также: Ю. Ю. К а х к. «Колокол» Герцена и крестьянское движение в Эстонии накануне и во время революционной ситуации 1859—1861 годов» («Известия Академии наук Эстонской ССР», 1953, вып. 3, стр. 460). О дальнейшей судьбе А. Зарина, перешедшего в Московский университет и высланного из Москвы за участие в студенческих волнениях 1861 г., см. в «Материалах для истории гонения студентов при Александре II» (раздел XIII), напечатанных в К, л. 137 от 22 июня 1862 г.

...от юнкертума...— Характерные черты прусских дворян-помещиков с их кастовыми предрассудками, заносчивостью и ограниченностью духовных интересов.

...до мецанской буршиковности...— Характерные черты быта, поведения, образа мыслей немецких студентов-корпорантов (буршей).

Не имея никакого самобытного политического значения, остаецы тем ревнивей держатся за бессмысленные формы.— Немногочисленное прибалтийское дворянство, почти сплошь немецкого происхождения, упорно стремилось сохранить свои средневековые привилегии; основанные еще на правах Ордена рыцарей-крестоносцев, покорившего в XIII в. коренное население Прибалтики—эстонцев, латышей и литовцев. Благодаря поддержке царского правительства в прибалтийских губерниях сохранял свою силу так называемый «особый остзейский порядок», оставивший всю власть «на местах» в руках баронов-помещиков. Таким образом, Прибалтика была своего рода государством в государстве, в то же время здесь, как нигде в России, очень сильны были пережитки феодального средневековья.

...в день Corpus Christi...— В пятницу на страстной неделе совершался обряд вынесения плащаницы с изображением «тела господня» (лат. corpus christi).

Стр. 228. ...немецкая мусса— Имеется в виду обществнная организация, созданная при Дерптском университете еще в 1814 г. под названием «Академическая мусса». Общество это объединяло широкие круги местной интеллигенции и носило культурно-просветительский характер.

...профессора печатно, в 1857 году, спорят о том, могут ли ангелы плодиться или нет?— В брошюре профессора кафедры исторического богословия Иоганна Гейнриха Куртца «Die Ehen der Söhne Gottes mit den Töchtern der Menschen. Eine theologische Untersuchung über Gen. 6, 1—4» («Браки сыновей бога с дочерьми людей. Богословское исследование о Кн. бытия 6, 1—4»), вышедшей в Берлине в 1857 г. Автор, полемизируя с другими богословами, доказывал, что ангелы могут слетать с неба на землю и предаваться земной любви. Полемика с другими богословами по этому поводу продолжалась и в новой брошюре Куртца «Die Söhne Gottes und die Sündigen Engel» («Сыновья бога и согрешившие ангелы». Митав, 1858).

...пишут диссертации о том, не следует ли дьяволу в и н д и ц и р о в а т ь качество церковного лица?— Много места вопросу о дьяволе и его участии в человеческих судьбах было уделено в защищенной в 1858 г. магистерской диссертации И. М. Люткенса, позже преподавателя университета, «Luthers Prädestinationslehre im Zusammenhange mit seiner Lehre vom freien Willen» («Учение Лютера о предопределении в связи с его учением о свободной воле»). Виндигировать — присвоить (от лат. vindicare).

...кандидату философии Сонцеву не разрешил ∞ не совсем благоприятно отзываясь о протестантизме.— Алексей Солнцев (а не Сонцев) в 1837—41 гг. учился на философском факультете Дерптского университета, а в 1852 г. получил степень кандидата филологии за исследование, посвященное процессу образования народных песен вообще и русских в особенности. К 1859 г. закончил работу над магистерской диссертацией «О византийском влиянии на развитие русской литературы». Несмотря на ряд положительных отзывов об этом труде, Совет историко-филологического факультета своим решением от 4 мая 1859 г. отклонил диссертацию А. Солнцева. Трудно сказать, в какой степени причиной этого в действительности был неодобрительный отзыв Солнцева о протестантизме, так как в официальных документах об этом ничего не говорилось (ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, № 23595—23596).

ВОПРОС И ОТВЕТ

Печатается по тексту *К*, л. 61 от 15 января 1860 г., стр. 505, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тематики, близкой к основному кругу вопросов, которыми занимался в «Колоколе» Герцен (русские славянофилы), и стилистических особенностей заметки. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 198).

Стр. 228. *Когда вы сделаете ∞ хоть за 1859 год...*— Герцен имеет в виду статьи «Россия и Польша», «Война и мир», «Русские немцы и немецкие русские», напечатанные в «Колоколе» 1859 г. (см. выше в наст. томе).

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ К 61 л. «КОЛОКОЛА»

Печатается по тексту прибавления к *К*, л. 61 от 15 января 1860 г., где опубликовано впервые, без подписи, как заметка вторая (II). Автограф неизвестен.

Прибавление написано от имени издателей «Колокола» и состоит из двух заметок, первая из которых, судя по ее содержанию, принадлежит не Герцену, а Огареву. Заметка эта следующая:

«Государь приказал через министра внутренних дел запретить дворянам на выборах рассуждать о крестьянском вопросе.

Новгородское дворянство по прочтении циркуляра разъехалось, не делая выборов.

Тверское (лучшее во всей империи относительно крестьянского дела), основываясь на ст. 112 и 113 Свода законов, IX тома,— протестовало. Вслед за тем в явное нарушение ст. 133 «Собрание дворянства ни по какому делу не может быть потребовано к суду. Оно защищается поверенным из среды себя избранным» и ст. 134 «Собрание дворянства ни в коем случае не подлежит страже».— Губернский предводитель *Унковский* был арестован жандармами, повезен в Петербург и теперь содержится в тюрьме III отделения».

Включено Л. А. Тихомировым (Т, 221—222) и М. К. Лемке (Л X, 199)—перепечатаны обе заметки.

Обращение Тверского дворянского собрания к Александру II «о дозволении иметь суждение о своих нуждах и пользах, не стесняясь возможною соприкосновенностью их с крестьянским вопросом», было подписано

154 дворянами с А. М. Унковским во главе. 19 декабря 1859 г. по распоряжению министра внутренних дел Унковский был отстранен от должности губернского предводителя дворянства. 15 февраля 1860 г. он был сослан в Вятку. Сведения о судьбе Унковского были уточнены в заметке «От редакции» в К, л. 62.

Стр. 229. ...*между покорением Шамиля и пол-Кавказа*... — За успешное ведение Кавказской войны, закончившейся сдачей в плен Шамиля 25 августа 1859 г., главнокомандующий кавказской армией и кавказский наместник А. И. Барятинский получил звание фельдмаршала.

...*покорением почтового ведомства и треть его отделения*... — имеется в виду деятельность В. Ф. Адлерберга как главноуправляющего почт и А. Ф. Орлова как шефа жандармов и главного начальника III отделения.

ИЗОБЛИЧИТЕЛЬ

Печатается по тексту К, л. 62 от 1 февраля 1860 г., стр. 512, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании непосредственной связи заметки со статьями «Синхедрион московских университетских фарисеев» (см. наст. том). Герцен использовал для обеих статей материал, присланный из России и рассказывающий о нравах в Московском университете: об истории с профессором Варнеком, Баршевым и пр. (см. реальный комментарий). Включено М. К. Лемке (Л X, 203—205), который отмечал: «принадлежность ясна из указания на Пермь и Вятку» (стр. 488).

Рукописный журнал «Изобличитель» начал выходить в Московском университете с конца марта 1859 г. (с конца 1858 г. в Московском университете выходило семь рукописных журналов). Как и другие подобные издания, этот журнал был недолговечен: он прекратил свое существование на шестом номере.

Издавали журнал «Изобличитель» студенты, примыкавшие к кружку будущего фольклориста П. Н. Рыбникова. Из кружка Рыбникова в 1858 г. выделилась группа студентов, организовавшая свой кружок, в котором обсуждалось прочитанное или прослушанное на «рыбниковских вторниках». По свидетельству активного участника этого кружка И. П. Дергачева, «собирались в этом новом кружке как студенты — крымчане, так и молодые люди из разных мест России. Тут собирались большей частью вновь познакомившиеся между собой в аудиториях Московского университета. Знакомство завязывалось на почве освободительных идей и общей готовности послужить делу народного образования. Готовясь сделаться народными учителями, мы стали строго следить за собственными поступками, а также и за поступками своих товарищей по университету. Таким образом, вот как зародилось увлечение самобичеванием и изобличением. Отсюда и вытекло стремление к осуществлению рукописного журнала, который и стал выходить позднее под названием „Изобличитель“» («Литературные салоны и кружки», Академия, 1930, стр. 433). Подробнее о журнале «Изобличитель» см. в статье А. Малеина «„Изобличитель“ — рукописный журнал студентов Московского университета» («Звенья», т. III—IV, 1934, стр. 471—483).

В настоящей статье Герцен использует факты, описанные в № 1 и № 3 «Изобличителя». Видимо, именно об этих «двух тетрадках» журнала и идет речь в самом начале заметки.

Стр. 231. ...*роль Пилада, державшего жертву своего Ореста*. — Орест, сын царя Агамемнона и его жены Клитемнестры, мстя матери за убийство отца, убивает ее, в чем ему помогает его ближайший друг Пилад.

...мы бы не были с ним ∞ годом, двумя раньше в Вятке или Перми.— В этих городах Герцен отбывал ссылку в 1835—1837 гг.

Стр. 232. ...*О р н а т с к и м*, «толкующим об особенных притечениях святого духа на главу помазанника божия...»— Цитата взята из № 1 «Изобличителя».

...*aula*...— Аудитория, зала (лат.).

Зачем М а й к о в у ∞ кафедры сохранена после его истории, а он сам живет в отпуску?— В «Изобличителе» рассказывалось, что А. А. Майков в звании доцента в 1858 г. стал читать курс истории русской литературы на словесном факультете Московского университета. Утвержденный в своем звании министром просвещения А. С. Норовым, вопреки желанию большинства профессоров, Майков после седьмой лекции был оставлен. Часть студентов, выражая протест против того, что Майков вместо своего предмета читал, и довольно плохо, русскую историю, покинула аудиторию. В перерыв между занятиями для переговоров с Майковым в профессорскую были посланы два студента—П. Н. Рыбников и В. И. Герье, которым Майков ответил: «Я приду читать, да еще и не один, а с полицией». Эта история дошла до университетского начальства, которое потребовало, чтобы студенты извинились перед Майковым. После некоторого сопротивления студенты согласились извиниться в письменной форме. Начальство этим было удовлетворено, а Майков подал в отставку. Некоторые дополнительные данные об этой истории см. в книге: Б. Н. Ч и ч е р и н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929, стр. 15—16.

Зачем Овидий, воспевший любовь пауков,— В а р н е к...— Профессор Московского университета по кафедре сравнительной анатомии и физиологии Н. А. Варнек являлся автором докторской диссертации «О зародыше вообще и о зародыше брюхоногих слизняков» и большой работы «Über die Bildung und Entwicklung des Embryos bei Gasteropoden» («Течение формирования и развития зародыша у слизняков»). О «варнековской истории» см. в статье «Синхедрион московских университетских фарисеев» в наст. томе.

«УБИТЫЙ ПОМЕЩИК»

Печатается по тексту *К*, л. 62 от 1 февраля 1860 г., стр. 517, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тесной идейно-тематической связи заметки с другими его статьями, разоблачающими произвол помещиков, в частности, зверства помещика Гутцейта (см., например, выше статью «Постельная барщина продолжается» и др.) и характерных для Герцена стилистических особенностей заметки (например, типично для Герцена последнее восклицание). Извлечение материала из газеты «*Le Nord*» обычно делал для «Колокола» Герцен. Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 222) и М. К. Лемке (*ЛХ*, 205).

В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» цитирует эту заметку: «Когда получилось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за похищение на честь невесты, Герцен добавлял в „Колоколе“: „и превосходно сделал!“» (В. И. Л е н и н, Соч., т. 18, стр. 14).

Стр. 233. «*Le Nord*» рассказывает...— Подразумевается напечатанная в газете «*Le Nord*» от 17 января 1860 г. заметка, начинавшаяся словами «*Une drame horrible...*».

...*слабостью бабушки к внучатам*— в отношении к Затлеру.— В *К*, л. 4 от 1 октября 1857 г. в статье «По военному ведомству» было помещено письмо Г. И. Миклашевского (Юрия Приваловского) о злоупотреб-

лениях по должности главного начальника провиантской комиссии во время Крымской войны генерал-лейтенанта Затлера (см. т. XIII наст. изд.). Затлер был отдан под суд, дело закончилось взысканием с него недостаточных сумм и разжалованием в солдаты.

...что сделали с орловским помещиком Гутцейто м...— См. статью «Постельная барщина продолжается» и комментарий к ней (наст. том).

⟨В. БЕЗОБРАЗОВ⟩

Печатается по тексту К, л. 62 от 1 февраля 1860 г., стр. 517, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании следующих данных. Вопросы цензуры и печати освещались в «Колоколе» обычно самим Герценом. Мысль о том, что в царской России запрещено не только писать, но и думать, неоднократно повторялась Герценом в его заметках и аналогична, например, такому его высказыванию из статьи «1860 год»: «...у нас в известной высоте над уровнем житейского моря слово *человеческое* считается дерзостью и мысль сама по себе подозрительна. Думать и говорить (т. е. приказывать) должно правительству, для подданного это роскошь...» и т. д. Характерны для Герцена и некоторые фразеологические особенности этой заметки, напр., такой своеобразный оборот, как: «отгадайте... раз, два... десять...». Включено М. К. Лемке в Dubia (Л X, 206—207).

Статья экономиста В. П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства. Мысли и замечания по поводу крестьянского вопроса», опубликованная в «Русском вестнике» за 1859 г. (№№ 1, 11, 17, 24), рассматривала вопрос об уничтожении крепостного права в России на широком историческом материале о развитии поземельных отношений в Западной Европе. Решение крестьянского вопроса в России Безобразов видел в сочетании частной собственности на землю крупных землевладельцев с сохранением общинного землепользования крестьян посредством выкупа через земельные банки. Статья обратила на себя внимание Александра II, который нашел ее «несоответствующей общим правилам цензурного устава и несообразной с духом наших государственных учреждений». Вследствие сего было повелено: «1) Статей, касающихся прав дворянства на совещания по общественным и государственным делам в дворянских собраниях,— впредь не допускать к печати в повременных изданиях, 2) подтвердить цензорам, все вообще статьи, представляющие какое-либо сомнение, или по направлению, или по содержанию сочинения, отнюдь не разрешать к печати собственною властью, а непременно вносить на рассмотрение комитета...» («Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год», СПб., 1862, стр. 449—450).

FOR GENTLEMEN ONLY

Печатается по тексту К, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 530, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематических признаков (заметка примыкает к ряду статей Герцена, разоблачающих «ретроградные страсти» православного духовенства: например, «О усердию, о пастырю благоревностному», т. XIII наст. изд.) и некоторых характерных для Герцена стилистических особенностей: например, типичное для него ироническое противопоставление имен: «Озерова (пе трагика)». Включено М. К. Лемке в Dubia (Л X, 214).

Стр. № 235. ...*Нам писали об этом четыре раза*...— Письма с разоблачением русского архимандрита в Афинах Антонина присылались в «Колокол» иеродиаконном русской посольской церкви в Афинах Агапием (Андреем) Гончаренко.

...*Озерова (не трагика)*...— Герцен имеет в виду А. П. Озерова, русского посланника в Афинах.

...*теснит диакона*...— О преследованиях Гончаренко за его корреспонденции в «Колокол» см. также в заметках «Еще о ретроградном архимандрите и не прогрессивном Озерове, посланнике афинском» и «Афинский архимандрит, Ромбоги и иеродиакон» (в наст. томе).

УЧЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 530, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании непосредственной близости заметки к другим статьям Герцена, разоблачающим лакейство русской официальной журналистики (в частности, подобострастный, «ливрейный» язык ее), например, «*Appel à la pudeur*» или «Лобное место» (т. XIII наст. изд.). Характерны для Герцена и некоторые стилистические особенности заметки (от первого лица писал в «Колоколе» обычно Герцен, а не Огарев; типичны для статей Герцена вопросы, прерывающие строй речи: например, «Еще что?»; пародийное перечисление высоких титулов и пр.). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 211—212).

Стр. 235. *Петербургские газеты ∞ науки*.— Известие о присвоении вел. кн. Николаю Александровичу звания почетного академика было напечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 31 декабря 1859 г.

...*отца нашего Василия Борисовича Бажанова*.— Протоиерей В. Б. Бажанов был духовником царского семейства.

АГРОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Печатается по тексту *К*, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 530, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (вопросы, связанные с царской цензурой, а также материалы газеты «*Le Nord*» освещались в «Колоколе» обычно Герценом) и некоторых характерных особенностей ее стиля (например, «мертворожденная цензура Модеста Корфа», «татарско-немецкой цензуре нашей предстояла честь позволять журналы не для чтения»). Характерна для Герцена и каламбурная концовка заметки. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 212).

Стр. 235. ...*читаем мы в «Gazette du Nord» ∞ л а в к а х*.— «*La Gazette du Nord*», № 4 от 28 января 1860 г., стр. 7.

...*Это сильно смахивает на мертворожденную цензуру Модеста Корфа*.— Имеется в виду представленный Корфом Александру II проект нового цензурного учреждения — Главного управления книгопечатания. Корф был поставлен во главе этого учреждения в ноябре 1859 г., а в декабре того же года уже был освобожден от возложенных на него обязанностей, так как царь не утвердил проекта.

...*он первый начал в России печатать «в виде манускрипта»*— Речь идет о книге Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», первое издание которой в 1849 г. напечатано было в количестве 25 экземпляров только для членов царского семейства.

«PRZEGLĄD RZECZY POLSKICH»

Печатается по тексту *К*, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 530, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия, за подписью: *И—р*. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В ответ на письма Герцена «Россия и Польша» (см. наст. том) «Przeгляд Rzeczy Polskich» откликнулся большой статьей, озаглавленной «Postępową myśl rosyjską wobec zadań polskich» («Русская прогрессивная мысль и задачи поляков»), помещенной в декабрьской книжке журнала за 1859 г. и январской за 1860 г. По поводу этой статьи Герцен в письме к М. А. Маркович 23 февраля писал: «В польском Revue (выходящем в Париже) <...> две длинные и очень умные статьи против меня <...> попробую старческие мускулы и проберу его».

Стр. 236. В одном из следующих листов «Колокола» мы скажем наше мнение о спорных предметах.— Ответом Герцена на статью «Przeгляд» явилось четвертое письмо из цикла «Россия и Польша» (см. наст. том), опубликованное в л. 65-66 «Колокола».

РОСТОВЦЕВ И СТРОГОНОВ

Печатается по тексту *К*, л. 64 от 1 марта 1860 г., стр. 531, где опубликовано впервые, за подписью: *Искандер*. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Стр. 237. *Я. И. Ростовцев умер. Граф С. Г. Строгонов назначен на его место.*— После смерти Я. И. Ростовцева председателем Редакционных комиссий Главного комитета по крестьянскому делу стал не С. Г. Строганов, а В. Н. Панин.

Мы не забыли того времени, когда мы вас лично знали.— С. Г. Строганов с 1835 по 1847 г. был попечителем Московского учебного округа; см. отзывы Герцена о Строганове в его дневнике (т. II наст. изд.) и в «Былом и думах», ч. IV (т. IX наст. изд.).

ОТ РЕДАКЦИИ

«ПРЕДИСЛОВИЕ К ПИСЬМУ ИЗ ПРОВИНЦИИ»

Печатается по тексту *К*, л. 64 от 1 марта 1860 г., стр. 531, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

После предисловия «От редакции» в *К* публикуется следующее письмо:

«Милостивый государь,
на чужой стороне, в далекой Англии вы, по собственным словам вашим, возвысили голос за русский народ, угнетаемый царской властью, вы показали России, что такое свободное слово... и за то, вы это уже знаете, все, что есть живого и честного в России, с радостью, с восторгом встретило начало вашего предприятия, и все ждали, что вы станете обличителем царского гнета, что вы раскроете перед Россией источник ее вековых бедствий — это несчастное идолопоклонство перед царским ликом, обнаружите всю гнусность верноподданнического раболепия; и что же? Вместо грозных обличений неправды с берегов Темзы несутся к нам гимны Александру II, его супруге (столь пекущейся о любезном вам православии с отцом Бажановым). Вы взяли на себя великую роль, и потому каждое ваше слово должно быть глубоко взвешено и рассчитано, каждая строка в вашей газете должна быть делом расчета, а не увлечения. Увлечение в деле политики бывает иногда хуже преступления... Помните ли, когда-то вы сказали, что России при ее пробуждении может предстать опасность,

если либералы и народ не поймут друг друга, разойдутся, и что из этого может выйти страшное бедствие — новое торжество царской власти. Может быть, это пробуждение недалеко, царские шпицрутены, щедро раздаваемые верноподданым за разбитие царских кабаков, разбудят Россию скорее, чем шепот нашей литературы о народных бедствиях, скорее мерных ударов вашего *Колокола*... Но чем ближе пробуждение, тем сильнее грозит опасность, о которой вы говорили... и об отвращении которой вы не думаете... По всему видно, что о России настоящей вы имеете ложное понятие, помещики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убакюкивают вас надеждами на прогрессивные стремления нашего правительства. Но не все же в России обманываются призраками... Дело вот в чем: к концу царствования Николая все люди, искренно и глубоко любящие Россию, пришли к убеждению, что только силою можно вырвать у царской власти человеческие права для народа, что только те права прочны, которые завоеваны, и что то, что дается, то легко и отнимается. Николай умер, все обрадовались, и энергические мысли заменились сладостными надеждами, и поэтому теперь становится жаль Николая. Да, я всегда думал, что он скорее довел бы дело до конца, машина давно бы лопнула. Но Николай сам это понимал и при помощи Мандта предупредил неизбежную и грозную катастрофу. Война шла дурно, удар за ударом, поражение за поражением — глухой ропот поднимался из-под земли! Вы писали в первой „Полярной звезде“, что народ в эту войну шел вместе с царем и потому царь будет зависеть от народа. Из этих слов видно только, что вы в вашем *прекрасном далеко* забыли, что такое русские газеты, и на слово поверили их возгласам о народном одушевлении за отечество. Правда, иногда случалось, что крепостные охотно шли в ополчение, но только потому, что они надеялись за это получить свободу. Но чтоб русский народ в эту войну заодно шел с царем, — нет. Я жил во время войны в глухой провинции, жил и таскался среди народа и смело скажу вам вот что: когда англо-французы высадились в Крым, то народ ждал от них освобождения — крепостные от помещичьей неволи, раскольники ждали от них свободы вероисповедания. Подумайте об этом расположении умов народа в конце царствования Николая, а вместе с тем о раздражении людей образованных, нагло на каждом шагу оскорбляемых николаевским деспотизмом, и мысль, что незабвенный мог бы не так спокойно кончить жизнь, не покажется вам мечтою. Да, как говорит какой-то поэт, «счастье было так близко, так возможно». Тогда люди прогресса из так называемых образованных сословий не разошлись бы с народом; а теперь это возможно и вот почему: с начала царствования Александра II немного распустили ошейник, туго натянутый Николаем, и мы чуть-чуть не подумали, что мы уже свободны, а после издания рескриптов все очутились в чаду — как будто дело было кончено, крестьяне свободны и с землей; все заговорили об умеренности, обширном прогрессе, забывши, что дело крестьян вручено помещикам, которые охулки не положат на руку свою. Поднялся такой чад от либеральных курений Александру II, что ничего нельзя было разглядеть, но, опустившись к земле (что делают крестьяне во время топки в курных избах), можно еще было не отчаиваться. Вслушиваясь в крестьянские толки, можно было с радостью видеть, что народ не увлечет 12 лет рабства под гнетом переходного состояния и что мысль, наделаят ли крестьян землею, у народа была на первом плане. А либералы? Профессора, литераторы пустили тотчас же в ход эстляндские, прусские и всякие положения, которые отнимали у крестьян землю. Догадливы наши либералы! Да и теперь большая часть из них еще не разрешила себе вопроса насчет крестьянской земли. А в правительстве в каком положении в настоящее время крестьянский вопрос? В большей части губернских комитетов положили страшные цены за земли, центральный комитет делает черт знает что, сегодня решает отпустить с землею, завтра

без земли, даже, кажется, не совсем брошена мысль о переходном состоянии. Среди этих бесполезных толков желания крестьян растут, — при появлении рескриптов можно было еще спокойно взять за землю дорогую цену, крестьяне охотно бы заплатили, лишь бы избавиться от переходного состояния, теперь они спохватились уже, что нечего платить за вещь 50 целковых, которая стоит 7. Вместе с этим растут и заблуждения либералов, они все еще надеются мирного и безобидного для крестьян решения вопроса, одним словом, крестьяне и либералы идут в разные стороны. Крестьяне, которых помещики тиранят, теперь с каким-то особенным жесточением готовы с отчаяния взяться за топоры, а либералы проповедуют в эту пору умеренность, исторический постепенный прогресс и кто их знает что еще. Что из этого выйдет? Выйдет ли из этого, в случае если народ без руководителей возьмется за топор, путаница, в которой царь, как в мутной воде, половит рыбки, или выйдет что-нибудь и хорошее, но вместе с Собакевичами, Ноздревыми погибнет и наше всякое либеральное поколение, не сумевши пристать к народному движению и руководить им? Если выйдет первое, то ужасно, если второе, то, разумеется, жалеть нечего. Что жалеть об этих франтах в желтых перчатках, толкующих о *демокрасии* в Америке и не знающих, что делать дома, — об этих франтах, проникнутых презрением к народу, уверенных, что из русского народа ничего не выйдет, хотя, в сущности, не выйдет из них-то ничего... Но об этих господах толковать нечего, есть другого сорта люди, которые желают действительно народу добра, но не видят перед собою пропасти и с пылкими надеждами, увлеченные в общий водоворот умеренности, ждут всего от правительства и дождутся, когда их Александр засадит в крепость за пылкие надежды, если они будут жаловаться, что последние не исполнились, или народ подведет под один уровень с своими притеснителями. Что же сделано вами для отвращения этой грядущей беды? Вы, смущенные голосами либералов-бар, вы после первых номеров «Колокола» переменили тон. Вы заговорили благосклонно об августейшей фамилии; об августейших путешественниках говорили уже иначе, чем об августейшей путешественнице. Зато с особенною яростию напали на Орловых, Паниных, Закревских. В них беда, они мешают Александру III Бедный Александр II! Мне жаль его, видите, его принуждают так окружать себя — бедное дитя, мне жаль его! Он желает России добра, но злодеи окружающие мешают ему! И вот вы, — вы, автор «С того берега» и «Писем из Италии», поете ту же песню, которая сотни лет губит Россию. Вы не должны ни минуты забывать, что он самодержавный царь, что от его воли зависит прогнать всех этих господ, как он прогнал Клейнмихеля. Но Клейнмихеля нужно было ему прогнать — по известному правилу Макиавелли, в новое царствование жертвовать народной ненависти любимым министром прежнего царствования, и вот Клейнмихель очутился козлом очищения за царствование Николая. Согласитесь, ведь жертва ничтожна? Но как бы то ни было, либералы восторгались и этим фактом, забыв, что Николай так же прогнал Аракчеева; что же из этого? Неужели на эту удочку всегда будут поддаваться? Или, может быть, вы серьезно убеждены, что Александр слушается вашего «Колокола»? Полноте... Сколько раз вы кричали «долгой Закревского», «долгой старого холопа», а старый холоп все правил Москвой, пока собственная дочь не ухидила его. Да разве Москва за свою глупую любовь к царям стоит лучшего губернатора? Будет с ней и такого... Говорят даже, Александр II нарочно его держал губернатором, чтобы не показать, что он слушает «Колокола». Это может быть. И это нисколько не противоречит слуху, что вы переписываетесь с императрицей¹. Что же, она может вас уверять, что муж ее

¹ Неужели речь идет о моем письме к императрице Марии Александровне о воспитании наследника? (Примечание Герцена).

желает России счастья и даже свободы, но что теперь рано. Так обольстил, по рассказу Мицкевича, Николай I Пушкина. Помните ли этот рассказ, когда Николай призвал к себе Пушкина и сказал ему: „Ты меня ненавидишь за то, что я раздавил ту партию, к которой ты принадлежал, но, верь мне, я также люблю Россию, я не враг русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно сперва укрепиться“. И 30 лет укреплял он русский народ. Может быть, этот анекдот и выдумка, но он в царском духе, т. е. брать обольщением, обманом там, где неловко употребить силу. Но как бы то ни было, сближение с двором погубило Пушкина... Как пи чисты ваши побуждения, но я уверен — придет время, вы пожалеете о своем снисхождении к августейшему дому. Посмотрите, Александр II скоро покажет николаевские зубы. Не увлекайтесь толками о нашем прогрессе, мы всё еще стоим на одном месте; во время великого крестьянского вопроса нам дали на потеху, для развлеченя нашего внимания безымянную гласность; но чуть дело коснется дела, тут и прихлопнут. Так и теперь господин Галилеянин запретил писать о духовенстве и об откупках. Нет, не обманывайтесь и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы. Надежда в деле политики — золотая цепь, которую легко обратит в кандалы подающий ее. В то время, как вы так снисходительны стали к августейшему дому, само православие в лице умнейших своих представителей желало бы отделаться от союза с ним. Да, в духовенстве являются люди, которые прямо говорят, что правительство своею опекою убьет православие, но, к счастью, ни Григорий, ни Филарет не понимают этого! Так пусть они вместе гибнут, но вам какое дело до этих догнивающих трупов? Притом Галилеянин продолжает так ревновать о вере, что раскольники толпами бегут в Австрию и Турцию, даже вешают у себя на стенах портреты Франца-Иосифа вместо Александра II. Вот подарок славянофилам! Что, если Франц-Иосиф вздумает дать австрийским славянам свободную конституцию — ведь роли между Голштинцами и Габсбургами переменился? Вот была бы потеха! Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может пас забыть, и ничто, кроме топора, не поможет! Эту мысль уже вам, кажется, высказывали, и оно удивительно верно, другого спасения нет. Вы всё сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей, не вам ее поддерживать.

*С глубоким к вам уважением
Русский человек.*

Я просил бы напечатать вас это письмо, и если вы печатаете письма врагов ваших, то отчего же бы не напечатать письмо одного из друзей ваших?»

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 243, строка 2: разветвление вместо: разсветление

Стр. 243, строка 29: а что будем делать вместо: а что будет делать

Предисловие Герцена к публикации «Письма из провинции» является в то же время его ответом анонимному автору. До сих пор не удалось установить, чье имя скрывалось за подписью «Русский человек». Гипотеза М. К. Лемке о том, что за этим псевдонимом укрылся Чернышевский, впервые сформулирована им в «Полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова», т. IV, 1912, стр. 35—36, а затем в течение многих лет оставалась господствующей. Однако Б. П. Козьмин в результате тщательного анализа документальных и мемуарных материалов пришел к заключению, что автор «Письма» не мог быть Чернышевский, хотя автор и разделял политические взгляды Чернышевского и Добролюбова (см. Б. П. Козьмин). Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» Гер-

пену — ЛН, т. 25-26, стр. 576—585). М. В. Нечкина высказала мнение, что «Письмо из провинции» принадлежало Добролюбову и явилось ответом на «Very dangerous!!!» — см. М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации (К анализу источников темы) — Исторические записки, 1941, № 10, стр. 28 и след. Гипотезу М. В. Нечкиной поддержал Е. А. Бушканец (см. Е. А. Бушканец. Н. А. Добролюбов и письмо «Русского человека» в «Колоколе» — Доклады и сообщения филологического факультета Ленинградского госуд. университета, 1951, № 3; К вопросу об авторстве письма «Русского человека» в «Колоколе» А. И. Герцену — Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, 1951, № 2). С критикой точки зрения М. В. Нечкиной и Е. А. Бушканца выступил С. А. Рейсер (см. С. А. Рейсер. Был ли Добролюбов автором письма «Русского человека» к Герцену — Вопросы истории, 1955, № 7). Одновременно высказаны были некоторые соображения в пользу возвращения к гипотезе М. К. Лемке (см. В. А. Лексеев. К вопросу об авторе письма «Русского человека» к Герцену — Ученые записки Ленинградского госуд. университета, серия филологическая, вып. 25, № 200, 1955). Без сколько-нибудь убедительных оснований автором «Письма» назывался и Т. Шевченко (см. Г. Хинкулов. Т. Г. Шевченко в годы революционной ситуации — Советская Украина, 1956, № 3).

Кто бы ни был автор «Письма из провинции», ясно одно, что он являлся единомышленником Чернышевского и Добролюбова и что он, полемизируя с платформой «Колокола» и прежде всего с программной статьей Герцена «1860 год», пытался добиться изменения политического направления «Колокола». Подобное намерение не было новым: уже давно различные политические группировки пытались воздействовать на русский вольный орган, превратить его в рупор своих идей (см. «Опоздавшие письма из Петербурга», «Нас упрекают», «Обвинительный акт», «Very dangerous!!!», «1860 год» и комментарии к этим произведениям — в т. XIII наст. изд. и наст. томе).

«Русский человек» советовал Герцену порвать с либералами, отбросить монархические иллюзии, пропагандировать идею крестьянской революции. Ни по одному из этих пунктов Герцен не согласился со своим оппонентом. Прежде всего он отверг идею разрыва с либералами, показывая необходимость на данном этапе единства антикрепостнического лагеря. Выдвигая лозунг единства, Герцен подчеркнул свое желание сохранить союз не только с К. Д. Кавелиным и И. С. Тургеневым, но и с такими людьми, как «Русский человек», которого он относил к «нашим друзьям», к своему лагерю, несмотря на все тактические разногласия. Герцен сомневался в целесообразности опубликования письма именно потому, что не хотел вызвать «междоусобного спора». Герцен отмечал, что расходится с «Русским человеком» не в программе, а лишь в «образе действия», в отношении к способу освобождения крестьян, или, точнее, к крестьянскому восстанию. Немедленный призыв к нему Герцен отвергал; он, как и в свое время декабристы, опасался возможного размаха крестьянского восстания и допускал его лишь как крайнее средство, когда все другие возможности будут исчерпаны и уже будет создана организация, способная направить выступления масс в нужное русло. К марту же 1860 г., по мнению Герцена, еще оставалась возможность мирным путем добиться освобождения крестьян. Неверно истолковав уроки революции 1848 г., Герцен весьма скептически относился к восстаниям и насильственным действиям вообще. Трех французским революциям он противопоставлял «мирные» социально-политические сдвиги в Англии и Пьемонте. Герцен полагал, что в России возможность мирного переворота особенно велика. Этот вывод вытекал из положения Герцена о своеобразии русского исторического процесса, высказанного в статьях «Россия» (см. т. VI наст. изд.), «Революция в России» (см. т. XIII наст. изд.) и многих других.

Таким образом, Герцен отверг предложение коренным образом изменить политическую направленность «Колокола». В ответе Герцена «Русскому человеку» особенно ярко проявились отмеченные В. И. Лениным колебания Герцена «между демократизмом и либерализмом» (В. И. Ленин и н. Соч., т. 18, стр. 12).

Стр. 238. *Мне раз случилось поместить враждебную статью...*— Речь идет о письме Б. Н. Чичерина к Герцену, опубликованном в *К*, л. 29 от 1 декабря 1858 г. (см. «Обвинительный акт»— т. XIII наст. изд.).

Стр. 239. *...в 57 листе. «Колокола» было помещено подобное письмо и наш ответ на него.*— В *К*, л. 57-58 от 1 декабря 1859 г., были напечатаны «Письмо и ответ». Последний принадлежал перу Н. П. Огарева (перепечатан под названием «Ответ на письмо малороссийского помещика» во второй части сборника «За пять лет»). Оппонент «Колокола» подверг критике тезисы Герцена и Огарева об общине, подчеркивая ее выгодность помещикам и разрушение общины под влиянием строительства фабрик, железных дорог и т. д. Там же доказывалась невыгодность выкупа земли для крестьян. Огарев охарактеризовал это «Письмо» как выражение интересов помещиков.

Стр. 242. *...осуждения Вашро за его книгу о демократии.*— В 1859 г. Этьен Вашро (Vacherot) опубликовал книгу «La démocratie», за которую был приговорен к году тюремного заключения; лишь с большим трудом ему удалось добиться замены этого приговора трехмесячным арестом.

...Partageux.— Ироническое название сторонников коммунизма (от франц. partager — делить).

...сенатора в гоголевском «Разъезде», который говорит: «Во всякой образованной стране автора отдали бы в солдаты!»— Герцен очень неточно передает реплику «третьего господина» в сценах Гоголя «Театральный разъезд после представления новой комедии».

ОПЯТЬ РОЗГИ

Печатается по тексту *К*, л. 64 от 1 марта 1860, стр. 537, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тесной идейно-тематической связи заметки с другими его статьями, разоблачающими помещичью зверства (см. «Розги и розги», т. XIII наст. изд., «Розги долой», наст. том), и типичной для Герцена фразеологии, например: «Так вот они, спасители отечества! Россия опять вгоняется в татарско-немецкую, помещичью-бюрократическую колесу». Извлечение материала из газеты «Le Nord» обычно делал для «Колокола» Герцен. Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 224) и М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 229).

РОССИЯ ЗАЩИЩАЕТ ЛИНИЮ МИНЧИО!

Печатается по тексту *К*, л. 64 от 1 марта 1860 г., стр. 538, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Союз с Австрией». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематической близости заметки (проблема русско-австрийских отношений) со статьями Герцена «Война и мир». Имеется и ряд текстуальных совпадений со статьёй Герцена «Последний удар», где повторяются те же мысли о преступности союза с Австрией, о том, что Горчаков не должен его допускать и т. д., например: «Неужели это правда, что кейзер петербургский сближается

с кайзером австрийским?...? Неужели мы доживаем с нашими пятилетними надеждами до этого предела и до этой бесконечности позора?... и т. д. (см. наст. том, стр. 307). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 229—230).

Стр. 245. «Россия защищает линию Минчио!»— По линии р. Минчио в Ломбардии была расположена система крепостей, за которую соединенные франко-пьемонтские силы отбросили в июне 1859 г. австрийские войска (битва при Сольферино).

Английские газеты говорят с реитором.— Некоторое сближение России с Австрией, определившееся в это время, не привело к их союзу. Принц гессенский Александр, участвовавший со своей дивизией в сражении при Сольферино как представитель входившего в состав Германской империи великого герцогства Гессен-Дармштадт, находился в родственных отношениях с царствующими домами России и Англии.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ

Печатается по тексту К, л. 64 от 1 марта 1860 г., стр. 538, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематической и стилистической близости заметки к другим высказываниям Герцена о министре юстиции В. Н. Панине (см. в «Былом и думах», ч. VII, строки о «жирафе в андреевской ленте»). Ироническое определение Панина «длинный и сумасшедший» перекликается с подобной же характеристикой его в статьях «1860 год», «Слово графа Виктора Панина к депутатам» и др. Характерна для Герцена и фразеология заметки («перевел на штатский язык мертвящий деспотизм Николая»), такие эмоциональные реплики, как «Ха! ха! ха!». Выборку материала из газеты «Le Nord» обычно делал для «Колокола» сам Герцен. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 230).

Сообщение о назначении Панина было напечатано в «Dresdner Journal» 26 февраля 1860 г., № 48, в разделе телеграфических известий.

<НЕВЕРОЯТНАЯ НОВЬСТЬ О НАЗНАЧЕНИИ ПАНИНА...>

Печатается по тексту К, л. 65-66 от 15 марта 1860 г., стр. 539, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Этой заметкой, обведенной траурной рамкой, открывается лист «Колокола». Заглавие взято из ОЖ. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании следующих данных. Заметка написана от имени издателей «Колокола», по стилю и содержанию примыкает к статьям Герцена, разоблачающим министра юстиции Панина (ср., наприм-р, определение графа Панина как «шеста со шляпой», данное в этой заметке, с характеристикой его в статье «1860 год», где Герцен говорит, что Панин «не в самом деле министр юстиции, а марионетка и очень плохо сделанная из шестов...»). Авторство Герцена подтверждается и прямой ссылкой на эту статью: «Мы недавно советовали государю сорвать маски с своих приближенных». Эта мысль о том, что «нужно показать государю всю подноготную, а Долгоруковы и Тимашевы, его уши по ремеслу... скрывают всё, кроме вредных сплетен», подробно доказывается Герценом в статье «1860 год»: «Шапка Мономаха не только тяжела, но и велика, на глаза падает... Если б можно было на один миг приподнять ее и показать государю не верноподданнически, а просто по-человечески все живое и мертвое в России...» и т. д. (см. наст. том, стр. 218). Включено Л. А. Тихомировым (Т, 224—225) и М. К. Лемке (Л X, 236).

Стр. 247. ...черты Николая Второго.— Факт назначения реакционера Панина председателем Редакционных комиссий Герцен расценивал как саморазоблачение Александра II, по существу оставшегося верным реакционному политическому курсу Николая I.

ТОПИЛЬСКИЙ В НЕНУЖНОМ МЕСТЕ

Печатается по тексту *К*, л. 65-66 от 15 марта 1860 г., стр. 554, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Топильский». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематической и стилистической близости заметки к другим высказываниям Герцена о Панине, Топильском, Кочубее, Гутцейте, Вреде, Свирской и др. Характерны для стиля Герцена иронический заголовок, начало и концовка заметки, каламбур: «домокрады à la Panine», «удобуправляемый Топильский», восклицание: «Ха! ха! ха!» Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 225) и М. К. Лемке (*Л X*, 262).

Стр. 248. ... все понеслось за Паниным...— В марте 1860 г. министр юстиции В. Н. Панин был назначен на место умершего Ростовцева председателем Редакционных комиссий.

...Михайло Иванович, поздравляем вас в редакционном месте— Директор департамента министерства юстиции М. И. Топильский — ближайшая креатура Панина, рабски преданный ему человек. В *К*, л. 77-78 от 1 августа 1860 г. была помещена памфлетная характеристика Топильского в стихах — «Гибкий человек (Посв. Михайле Ивановичу)».

«Прошка, Прошка, — сказал бы Суворов ∞ мест!» — Речь идет о камердинере Суворова Прохоре Дубасове.

...Гутцейта, помещицу Свирскую, казака Попова, Жадовского, немца Вреде, стрелка Кочубея...— Герцен называет имена лиц, о преступлениях которых сообщалось на страницах «Колокола». О Гутцейте см. в наст. томе заметку «Постельная барщина продолжается». О преступлениях, совершенных над крестьянами помещицей Сумского уезда Свирской и помещиком Саратовской губ. Царицынского уезда казацким есаулом Поповым см. в статье «Помещица — ненавидящая и помещик — любящий своих рабов» (наст. том). В «Под суд!», л. 4 от 15 января 1860 г. было помещено «Дело плантатора Жадовского в Оренбургской губернии». О зверском обращении кн. Вреде с крепостными сообщалось в статье «Под спудом» (см. т. XIII наст. изд.). О деле Кочубея см. в наст. томе заметку «Дело Кочубея и Зальдмана» и комментарий к ней.

ЕЩЕ ОБ РЕТРОГРАДНОМ АРХИМАНДРИТЕ И НЕПРОГРЕССИВНОМ ОЗЕРОВЕ, ПОСЛАННИКЕ АФИНСКОМ

Печатается по тексту *К*, л. 65-66 от 15 марта 1860, стр. 554, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Античный архимандрит». Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (сатирическое разоблачение «ретроградных нежностей пастырей») и некоторых характерных для него особенностей стиля (например, такие каламбурные эпитеты, как «православные грешники»). Статья непосредственно примыкает к заметке «For Gentlemen only» (см. наст. том). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 262).

Стр. 248. *Какой-то господин...* — Редакции «Колокола» было еще неизвестно, что все письма о русском архимандрите в Афинах Антонине принадлежали Агапию (Андрею) Гончаренко (см. комментарий к стр. 235 наст. тома).

...был помещен в 63 листе... — Имеется в виду заметка «For Gentlemen only».

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Печатается по тексту *К*, л. 65-66 от 15 марта 1860 г., стр. 554, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Доля участия Герцена в ее написании не поддается учету. Однако ответственный редакционный характер заметки, ее тематика (например, очередное упоминание дела русского дьякона в Афинах — см. предыдущую заметку и статью «For Gentlemen only»), а также некоторые ее фразеологические особенности («скрепил свое письмо кой-какими крепкими замечаниями», «заподозрил в неуважении к содомии и в корреспонденции с „Колоколом“» и др.) говорят об авторстве Герцена. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 263—264).

Стр. 249. *...по поводу помещенного нами (1 января) возражения г. Анастасьева...* — В *К*, л. 60 от 1 января 1860 г. было помещено письмо в редакцию В. Анастасьева «По поводу генерал-майора Анастасьева». В этом письме В. Анастасьев выступает в защиту своего отца, о котором говорилось в «Деле о сообщничестве Волохова с Метлиным» («Под суд!», л. 2 от 15 ноября 1859 г., стр. 23—24).

Стр. 250. *...мы поневоле компрометировали какого-то русского дьякона в Афинах...* — См. выше, стр. 235.

НАБЕГ НЕМЕЦКИХ ТАТАР В ТАМБОВСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Печатается по тексту *К*, л. 67 от 1 апреля 1860 г., стр. 566, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тесной связи заметки с другими его статьями, разоблачающими зверства «русских немцев» (например, «Русские немцы и немецкие русские», см. наст. том). Неоднократно повторяется в статьях Герцена и мысль о том, что если при Николае народ истязали молча, то теперь секут «со спичами». В письме же к Прудону от 23 марта 1860 г. Герцен почти дословно повторяет сентенцию настоящей заметки о том, что помещики «представляют себя татарами, пожалованными в немцы за завоевание России»: «Наша аристократия — это татары, произведенные в немцы». Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 225—226) и М. К. Лемке (*Л* X, 270—272).

Стр. 251. *Пятый лист «Под суд!» напечатан. В нем рассказана возмутительная история с и палачами военного.* — В «Под суд!», л. 5 от 1 апреля 1860 г. была напечатана статья под заголовком: «Правительствующий откуп и при нем состоящая императорская власть. Беззаконные действия генерала Толстого, губернатора Данзаса и его сообщников по делу разбития питейных домов в г. Спасске и его уезде (Тамбовской губернии)».

...беззаконной откупной системы... — По положению 1847 г. об акцизно-откупном комиссионерстве право на торговлю вином приобреталось на государственных торгах. Ввиду того, что цены откупов на торгах с 1854 по 1859 г. поднялись вдвое, откупщики резко повысили цену на водку и пиво и ухудшили их качество. Рассмотрению экономиче-

ской основы откупной системы была посвящена статья Н. П. Огарева «Кое-что об откупах» (*К*, л. 10 от 1 марта 1858 г.).

Стр. 252. ...*правительство* *с* *шепчет* *министром* *финансов*, *что оно разрешило грабить народ.*— Вероятно, Герцен имеет в виду письмо министра финансов А. М. Княжевича к виленскому гражданскому губернатору от начала 1859 г., в котором указывалось на необходимость запрещения обществ трезвости в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях (ср. заметку «Пьянство, возведенное в православную и государственную обязанность» — *К*, л. 44 от 1 июня 1859 г.). В статье «Народное дело» (напечатана под заголовком «О распространении трезвости в России» в «Современнике», 1859 г., № 9) Н. А. Добролюбов рассматривает борьбу народа с откупом как факт, ярко характеризующий «жизненность народных масс в России».

〈КАЧЕНОВСКИЙ〉

Печатается по тексту *К*, л. 67 от 1 апреля 1860 г., стр. 566, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи и заглавия. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (произвол царской полиции, очередное разоблачение Тимашева, Лужина) и некоторых особенностей ее стиля, характерных для Герцена-публициста (концовка заметки, каламбур «мягкодушное прекраснодушие» и пр.). Обзор материалов газеты «Times» делал для «Колокола» обычно сам Герц. н. Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 227) и М. К. Лемке (*Л* X, 272).

На информацию в «Times» об аресте проф. Д. И. Каченовского Герцен откликнулся и в «Письмах из России» — см. *К*, л. 68-69 от 15 апреля 1860 г., стр. 568 (наст. том).

Д. И. Каченовский принадлежал к числу личных знакомых Герцена и пользовался его большим расположением. 8 апреля 1858 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Каченовским я бесконечно доволен; он очень умный и дельный человек». См. также письма Герцена к сыну от 31 августа 1858 г. и к М. К. Рейхель от 20 мая 1859 г. Как полагает М. К. Лемке, статья «Харьковская история» была написана Герценом «со слов Д. И. Каченовского» (*Л* IX, стр. 590).

Об отношениях Герцена с Д. И. Каченовским см. «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Путешествие за границу», М., 1932, стр. 53—54.

СЛОВО ГРАФА ВИКТОРА ПАНИНА К ДЕПУТАТАМ

Печатается по тексту *К*, л. 68-69 от 15 апреля 1860 г., стр. 567, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Статья представляет собою очередное выступление против Панина, написанное в характерном для Герцена сатирическом стиле (ставшее обычным для его статей о Панине упоминание «длинной фигуры большого», обращение к доктору Крупову — персонажу повести «Доктор Крупов» и т. д.). Авторство Герцена подтверждается и его письмом к М. К. Рейхель от 16 апреля 1860 г., где он пишет: «„Колокол“ посылаю сегодня: утешьтесь моими ругательствами Панина». Возможно, что данную статью имеет в виду Герцен и в письме к Т. П. Пассек от 12 мая 1860 г.: «Александр разгорячился моей статьей о Панине...». Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 227—228) и М. К. Лемке (*Л* X, 288—289).

Стр. 254. ...*вабыл, даже Альфреда де Мюссе; иначе бы он знал, что «дверь должна быть заперта или открыта!»*— Вероятно, имеются в виду слова Филиппо Стродци из драмы Мюссе «Лоренцаччо»: «Когда двери и окна моего дома будут заколочены, о Стродци перестанут думать. Если они останутся открытыми, я буду свидетелем того, как вы все падете один за другим» (Действие 3, сцена 7).

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

Печатается по тексту *К*, л. 68-69 от 15 апреля 1860 г., стр. 567—569, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется содержанием статьи, ее тематической близостью со статьей «1860 год» и предшествующими высказываниями о Панине, Топильском, о либеральных защитниках розог, о полицейском произволе в России, о доктринерах и т. д. Для сатирического стиля Герцена характерны такие сравнения, параллели, каламбуры, как: «люди умственной выправки и доктринерной шагистики», как «между Адлербергом старым да Адлербергом молодым, Паниным долгим да Долгоруким недалёким», как «Гамлетовский вопрос, переложенный на русские нравы — *бить или не бить, и если бить, то сколькими ударами?*...»; определение графа Панина как «головы на шесте»; пародийное употребление возвышенного слога: «...жал сделалось велеречивому председателю секолюбивого князя, и он склонился на сторону розог; они-то послужат торжественными вайями, которыми члены умилюстивят у врат града Иакова, когда из Кафернауа юстиции будет въезжать в них Панин, сидя на скромном Топильском...» Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 228—231) и М. К. Лемке (*Л X*, 289—293).

В настоящей статье намечены положения, развитые затем во введении к первой части сборника «За пять лет» (см. наст. том, стр. 274—278 и 555—556).

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 256, строки 12—13: станем добрее *вместо:* станем добре

Стр. 259, строки 6—7: не имеющим быть обсуживаемыми *вместо:* не имеющими быть обсуживаемы

Стр. 256. «...*после пятилетнего царствования ∞ не повторились будущим Карамзиным.*— Желая подчеркнуть свое разочарование политикой Александра II, Герцен приводит слова Тацита о первых годах царствования Нерона (см. С. T a c i t. Annales, XIII, 40).

...*до преступного назначения Панина ∞ профессора Каченовского...*— См. комментарий к стр. 247 и заметку «Каченовский» на стр. 252—253 наст. тома.

Стр. 258. ...*неужели он хотел заключить свою карьеру как начал...*— См. комментарий к стр. 71.

ПОЧТА В РОССИИ

Печатается по тексту *К*, л. 68-69 от 15 апреля 1860 г. стр. 581—582, где опубликовано впервые, в отделе «Смеесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Почта». Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тематических и стилистических признаков, характерных для публицистики Герцена, например, концовка заметки, такие каламбуры, как «прянишниковские почтальоны или тимашевские слушальоны», иностранные слова и выражения, органически вплетенные в русский текст, и пр. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 293—294).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:
Стр. 261, строка 4: плотится вместо: плотит

Стр. 261. ...*знает свой habeas corpus...* — «Habeas corpus Act» — английский закон о неприкосновенности личности.

...*прянишниковские почтальоны или тимашевские слушальоны?* — Ф. И. Прянишников являлся главноуправляющим почтами, а А. Е. Тимашев — управляющим III отделением, главой политического шпионажа в России.

Стр. 262. ...*Рюрик пришел с своими сотрудниками из Жмуди.* — Намек на теорию Н. И. Костомарова о жмудском (литовском) происхождении варягов, которую он защищал на диспуте с М. П. Погодиным (см. комментарий к стр. 265).

LA VÉRITÉ SUR LA RUSSIE (par le prince Pierre Dolgoroukoff, Paris, 1860)

Печатается по тексту *К*, л. 70 от 1 мая 1860 г., стр. 590, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Заметка посвящена выходу в свет книги П. В. Долгорукова, изданной в трех частях в Париже в апреле 1860 г. Под заголовком «Правда о России» книга вышла в русском переводе, там же, в 1861 г., в одном томе.

Стр. 264. ...*являться, как Минерва, с копьем в руке, в латах и шлеме.* — Герцен имеет в виду легенду о богине мудрости Минерве, вышедшей из головы Юпитера уже готовой к бою, в латах, шлеме, с мечом в руке.

...*из карбункула Ростовцева развила Панина?* — См. в наст. томе заметку «Невероятная новость о назначении Панина...».

Давно ли было дело Огрызки... — См. заметку «И. Лелевель и казематы» в наст. томе и комментарий к ней.

«Но счастливые дни в Аранхуэце прошли!» — Цитата из драмы Шиллера «Дон Карлос инфант испанский», действие 1, явление 1.

...*государь ∞ ссылает без суда Унковского и Европеуса...* — См. комментарий на стр. 533—534 наст. тома.

...*и судит несудебным местом Головачева.* — В письме к князю П. В. Долгорукову от 12 апреля 1860 г. Герцен писал: «Известна ли вам безобразная история с Головачевым (корчевским помещиком), которого посадили на три месяца на гауптвахту за грубое письмо к губ(ернскому) предводителю <Клокачеву>... который хотел уничтожить университетские стипендии...» Ср. «Тверской помещик Головачев (Письмо к редактору)» в *К*, л. 70 от 1 мая 1860 г., стр. 583—585.

...*становится, как Шервуд, Лужин Верный.* — Харьковский губернатор И. Д. Лужин, донося в III отделение о студенческих волнениях в Харьковском университете весной 1858 г., представлял их делом тайной революционной организации. Роль Лужина Герцен иронически уподобляет предательской роли унтер-офицера И. В. Шервуда, который в свое время донес о существовании Южного общества декабристов, за что указом царя получил в 1826 г. право именоваться Шервудом Верным.

В заключение попросили бы мы почтенного автора сообщить ∞ (ст. 336—337)... — Имеется в виду следующее место из книги Долгорукова «La vérité sur la Russie»: «Русская бюрократия и придворная камарилья были бы счастливы, если бы могли добиться любой ценой благосклонности г. Герцена и еще более, — прекращения его публикаций».

ТАЙНОЕ ЯВНО

Печатается по тексту *К*, л. 70 от 1 мая 1860 г., стр. 590, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (очередное разоблачение деятельности III отделения во главе с Тимашевым), а также некоторых особенностей ее стиля, характерных для Герцена-публициста (каламбурный заголовок, сатирическая острота последней фразы). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 301).

Заметка примыкает к таким статьям, как «Тайный советник в квадрате», «Еще тайная полиция» и др. (см. наст. том).

Стр. 265. *На диспуте Погодина и Костомарова...*— Речь идет об известном диспуте М. П. Погодина с Н. И. Костомаровым о происхождении Руси. Погодин защищал «норманскую» версию о происхождении Руси и выступал против теории Костомарова о жмудском (литовском) происхождении варягов. Диспут происходил в Петербургском университете и вызвал в обществе оживленные толки. Подробный отчет о нем дан был в третьей книге журнала «Современник» за 1860 г. под заглавием: «Публичный диспут 19 марта 1860 г. о начале Руси между Погодиным и Костомаровым». О других откликах на этот диспут см. в книге: Н. П. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVII, СПб., 1903, стр. 272—323, а также дневниковые записи А. В. Никитенко (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. 2, М.—Л., 1955, стр. 113), Е. А. Штакеншнейдер (Е. А. Ш т а к е н ш н е й д е р. Дневник и записки, 1934, стр. 248—249) и В. Ф. Одоевского (*ЛН*, т. 22-24, стр. 106).

«БИБЛИОТЕКА»— ДОЧЬ СЕНКОВСКОГО

Печатается по тексту *К*, л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 593—594, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Непосредственным поводом для написания этой статьи явилась полемическая заметка К. Н. Леонтьева «За Марко Вовчка („Библиотека для чтения*)», напечатанная анонимно в «Отчетственных записках» (1859, № 12, стр. 112—120). Заметка Леонтьева являлась ответом на рецензию А. В. Дружинина («Библиотека для чтения», 1859, № 11, стр. 1—14) и содержала обширные цитаты из нее.

Разбирая только что вышедшие в свет «Украинские народные рассказы Марко Вовчка (псевдоним М. А. Маркович) в переводе И. С. Тургенева (С.-Петербург, 1859), Дружинин резко ополчался против обличительной литературы, называя ее «грязью и мерзостью», не видя в ней ничего, кроме «сброда анекдотов, весьма скверных и часто неправдоподобных». «Бесплодная возня с исключительными явлениями помимо настоящей сущности дела»,— так определял Дружинин большую часть произведений, посвященных предреформенной деревне. Рассказы М. Вовчка представлялись ему в этом отношении весьма показательными. Он находил в них нарушение «непреложных законов» искусства, «сентиментальное преувеличение» в изображении отношений между помещиками и крестьянами.

Герцен, разумеется, не мог пройти мимо обвинений Дружинина как в адрес Марко Вовчка, так и обличительной литературы вообще. Писателю этого направления он считал своими ближайшими союзниками в борьбе против крепостного права и поэтому немедленно откликнулся на очередное нападение на них из лагеря сторонников «чистого искус-

ства». В этом отношении комментируемая статья непосредственно связана со статьей «Very dangerous!!!» (см. наст. том). Утверждая жизненную правдивость рассказов Марко Вовчка, Герцен ссылается на многочисленные факты бесчеловечного обращения помещиков со своими крепостными, о которых постоянно сообщалось на страницах «Колокола».

М. А. Маркович, примыкавшая в период расцвета своей литературной деятельности к революционно-демократическому лагерю, в 1859 г. находилась за границей и познакомилась с Герценом, который с большим сочувствием следил за ее литературными успехами. Ей же им была послана тотчас после опубликования статья «Библиотека» — дочь Сенковского (см. письмо Герцена к М. А. Маркович от 7 июля 1860 г.).

Статья Герцена по своему звучанию близка к предшествовавшему выступлению «Отечественных записок», хотя там защита обличительной литературы проводилась менее энергично. Несколько иной точки зрения придерживалась редакция «Современника», в котором с небольшим предисловием Н. А. Добролюбова была помещена рецензия Н. И. Костомарова («Современник», 1859, № 5, стр. 103—113).

Существенное различие оценок Герцена и «Современника» объясняется их взглядами на обличительную литературу и ее задачи. Герцен приветствовал изображение в литературе отдельных эпизодов из крепостной практики, аналогии для которых он находил в действительности. «Современнику» это представлялось недостаточным. В статье Костомарова утверждалось, что передовая литература должна показывать «неприложимость самого принципа (т. е. крепостного права) к потребностям настоящего времени и несовместимость его как с пользою владельцев, так и с благодеянием земледельческого класса» (стр. 112).

Выступая против позиции «Библиотеки для чтения» в предреформенные годы, Герцен в статье высказывает попутно свое отношение к этому журналу в целом и дает оценку деятельности О. И. Сенковского.

Журнал «Библиотека для чтения», издававшийся в Петербурге с 1834 г. А. Ф. Смирдиным и редактировавшийся до 1849 г. О. И. Сенковским, стоял на официально-охранительных позициях, борясь с передовыми течениями русской литературы, в том числе с Гоголем и писателями натуральной школы.

В своей работе «О развитии революционных идей в России» (см. т. VII наст. изд.) Герцен подчеркнул некоторое положительное значение «Библиотеки для чтения». Позднее Герцен характеризует «Библиотеку» как типичное порождение николаевской эпохи, а в положении Сенковского отмечает черты вынужденного подчинения обстоятельствам. В «Very dangerous!!!» Герцен прямо говорит, что равнодушие и скептицизм Сенковского порождены «свинцовой эпохой, в которой он жил». Герцен оценивает «Библиотеку для чтения» тридцатых и сороковых годов значительно выше, чем ее продолжение под редакцией Дружинина (с 1856 г.), когда журнал этот стал оплотом «чистого искусства».

В своих основных чертах герценовская оценка деятельности Сенковского не противоречила той его характеристике, которую дал Н. Г. Чернышевский в статье второй «Очерков гоголевского периода русской литературы» («Современник», 1856, № 1).

Несколько иным было отношение к Сенковскому со стороны В. Г. Белинского. Памфлетная характеристика Сенковского как беспринципного журнального дельца, ориентирующегося на «посредственность», потакающего низменным вкусам широкой мещанской аудитории, «толпы», была дана им в 1840 г. в статье «Менцель — критик Гёте».

Стр. 266. ...Клейнмихель, исправлявший высочайшие пути со-
общения и я... — В этом каламбуре учитывается, с одной стороны, служеб-
ное положение П. А. Клейнмихеля как главноуправляющего путями

сообщения, а с другой — услуги, оказываемые им царю в любовных похождениях последнего: «Известно возвышение Клейнмихеля сначала за сестру, а потом за воспитание незаконных детей Николая Павлыча» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, стр. 451 и 545). О графе П. А. Клейнмихеле см. по указателю к т. XIII наст. изд.

...неприхотливая «Пчела»...— «Северная пчела» под редакцией Булгарина и Греча находилась под непосредственным контролем и покровительством III отделения.

... камелеопардал без задних ног — Панин.— Намек на высокий рост В. Н. Панина; *cameleopardales* (лат.)— жираф.

... Муравьев, что о веши а ет, Муханов, что о на Висле.— О М. Н. Муравьеве см. комментарий к стр. 14. О П. А. Муханове, стоявшем во главе гражданского управления в Варшаве, которого Герцен называет «Мухановым на Висле» в отличие от товарища министра просвещения Н. А. Муханова, см. комментарий к стр. 290.

... программа ∞ взята из разговора Мефистофеля с студентом...— В «Фаусте» Гёте Мефистофель рекомендует студенту беспринципный практицизм как норму жизненного поведения и лучший путь к преуспеванию и богатству («Фауст», действие I, сцена 4).

... о мефистофелидах...— Герцен имеет в виду наследников и эпигонов Сенковского, т. е. прежде всего А. В. Дружинина как редактора «Библиотеки для чтения».

Стр. 267. Сын Кромвеля...— Ричард Кромвель унаследовал после смерти Оливера Кромвеля пост лорда-протектора, но, не сумев предотвратить реставрацию королевской династии Стюартов, в 1660 г. покинул Англию и в дальнейшем не принимал никакого участия в политической жизни.

... сын Богдана Хмельницкого...— Юрий Хмельницкий, избранный гетманом Украины после смерти отца в 1659 г., не противодействовал политике про шляхетских кругов, стремившихся оторвать Украину от России. Оказавшись недалеко и деспотичным правителем, он был смещен в 1663 г.

... компании *du roulage Adlerberg — Prjanischnikoff*...— Герцен иронически называет Главное почтовое управление транспортной конторой Адлерберга и Прянишниковца.

Стр. 268. ... они дают обеды со спичками какому-нибудь «знаменитому иностранцу»...— 10 февраля 1860 г. в Петербурге был дан обед в честь приезжавшего в Россию бельгийского экономиста Густава де Молилари. На этом обеде присутствовали В. П. Безобразов, Н. Х. Бунге, К. С. Веселовский, И. Я. Горлов и др. (см. Ф е р н е р. Описание обеда, данного в честь г. де-Молилари в Петербурге 10 февраля 1860 г., — «Русский вестник», 1860, № 2, «Современная летопись», стр. 304—311). Н. Г. Чернышевский откликнулся на этот эпизод в рецензии на «Курс политической экономии» Молилари («Современник», 1860, № 9). Намек на обед в честь Молилари содержится и в статье Н. А. Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья» («Современник», 1860, № 9).

«умы уже развиваться начинают»— Цитата из «Графа Нулина» А. С. Пушкина.

... и один, как Утешительный, говорит, что человек весь принадлежит обществу, а другой, как практический Швохнев, уверяет, что человек принадлежит обществу — но не весь.— Герцен использует строки комедии Гоголя «Игроки» (явл. III), где подобный разговор происходит между Утешительным и Кругелем (а не Швохневым).

Стр. 269. ...мясник Рубенс, и этот палач Рембрандт чему обрадовались, представляя всяких смердящих Лазарей да корячащихся в агонии разбойников на кресте...— Вероятно, имеются в виду картины «Прободенные ребра Спасителя» Рубенса и «Воскрешение Лазаря» Рембрандта, хра-

нящиеся в Амстердамском национальном музее. Можно предположить, что Герцен их видел на Манчестерской выставке в 1857 г. (см. письмо к М. Мейзенбуг от 12 сентября 1857 г.).

... все части Гиббоновой книги о падении Рима...— Герцен имеет в виду многотомный труд Э. Гиббона «History of the decline and fall of the Roman empire», впервые изданный в 1776—1787 гг.

... можно указать на Гуда, подслушавшего ∞ страшное рыдание бедной needle woman...— Стихи Гуда были проникнуты глубоким сочувствием к обездоленным. Ф. Энгельс писал в своей работе «Положение рабочего класса в Англии», что Томас Гуд— «...самый талантливый из всех современных английских юмористов и, подобно всем юмористам, с очень чуткой душой, но без всякой энергии, обнаружил в начале 1844 г., когда описание несчастного положения швей заполняло все газеты, прекрасное стихотворение „The Song of the Shirt“ (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 2, М., 1955, стр. 435). Герцен говорит именно об этом стихотворении («Песня о рубашке»), которое написано от лица бедной швей (англ. needle woman).

... героями, сорвавшимися с виселицы, о которых он рассказывает подробно shocking...— Имеются в виду Сайкс, Феджин, Тоби Крекит и другие члены воровской шайки, в которую попадает маленький Оливер Твист, герой одноименного романа Ч. Диккенса.

... стоит «усилить» полицию, а главное веревки и палачей...— Герцен имеет в виду утверждения Дружинина о возможности ликвидировать помещичью эксплуатацию полицейскими мерами (см. А. В. Д р у ж и н и н. Собр. соч., т. VII, СПб., 1865, стр. 575).

... Гутцейта, насилующего детей...— См. в наст. томе заметку «Постельная барщина продолжается» и комментарий к ней.

... усмирения вроде Эльстона-Сумарокова.— В заметке Герцена «Сечь или не сечь мужика?» сообщалось о жестоком усмирении крестьян помещика Рахманова в Нижегородской губернии, которое проводилось под командованием флигель-адъютанта Эльстона-Сумарокова (см. т. XIII наст. изд.).

Генерал Кандыба...— О генерале Кандыбе, высеченном его собственными дворовыми, см. «Дело о высеченном генерале Кандыбе и его жене» (К, л. 45 от 15 июня 1859, а также в наст. томе) и заметку «Тот же граф Строгонов, плачущий на гробе сеченного Кандыбы» в наст. томе.

... штабс-капитанша Баранова...— О ней см. в наст. томе заметку «Граф Строгонов, шпирутены и штабс-капитанша Баранова».

... помещица Клопотовская...— О ее жестоком обращении с крепостным мальчиком и смерти последнего от побоев говорилось в К, л. 22 от 1 сентября 1858 г.

... папа украл мальчика Мортару?— Герцен имеет в виду насильственное крещение еврейского мальчика Мортары в Риме в 1858 г. История эта привлекла внимание передовой печати всего мира.

... мерзостно-отвратительными картинками...— Герцен цитирует строки из статьи Дружинина о Марко Вовчке: «...преодолейте чувство отвращения при виде всей этой грязи и мерзостно-отвратительных эпизодов».

С т р. 270. «Мне тебя-то, матушка, стало жаль ∞ колотивши отца»— Герцен неточно приводит слова Митрофана из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (действие 1, явл. 4).

Из-за этого если б освободить крестьян, и игра не стоила бы свеч.— Герцен имеет в виду строки Дружинина: «Если б крепостное право уничтожилось нашим благим правительством только потому, что при нем возможны паны вроде Одаркина — игра не стоила бы свеч...»

Прочитавши, мы поняли, почему ∞ И. Тургенев перевел их.— Герцен имеет в виду книгу: «Украинские народные рассказы Марко Вовчка».

Перевод И. С. Тургенева. С.-Петербург. Издание книгопродавца Д. Е. Кожанчикова». 1859; см. об этом издании в Собр. соч. И. С. Тургенева, т. XI, 1956, стр. 525—526.

НОВОСТИ ИЗ РОССИИ

Печатается по тексту *К*, л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 597—598, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Авторство Герцена устанавливается на основании следующих данных. Материалы для статьи прислал Герцену С. С. Громека, который писал ему 11 декабря 1859 г.: «Посылаю вам историю убийства царевича Алексея Петровича, вероятно, вы еще не имеете этой книги; документы необыкновенно интересные...» (*ЛН*, т. 62, стр. 110). В своем предисловии к «Запискам» И. В. Лопухина (*К*, л. 79) Герцен дает характеристику книги Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», т. VI, «Цесаревич Алексей Петрович», СПб., 1859, почти текстуально совпадающую со строками о ней в данной заметке: «... VI том его истории испугал и был поводом к одному из замечательно нелепых циркуляров. Ценсорам не велели ничего пропускать *непохвального* о лицах, родственниках к императорской фамилии и умерших после кончины Петра I». Авторство Герцена подтверждается и такими характерными для него сентенциями статьи, как «занимавшийся отрезыванием и урезыванием языка», «втеснявший католика православие», сатирическим обыгрыванием звучания необычных фамилий и пр. Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 232) и М. К. Лемке (*Л* X, 313—314).

Стр. 272. *Устрялов напугал царевичем Алексеем.* — Имеется в виду том VI «Истории царствования Петра Великого» («Царевич Алексей Петрович») Н. Г. Устрялова, изданный в 1859 году. В письме от 11 декабря 1859 г. С. С. Громека сообщал Герцену об этой книге: «Посылаю вам историю убийства Алексея Петровича, вероятно, вы еще не имеете этой книги; документы необыкновенно интересные и потому спешу послать вам эту книгу...» В *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г. в заметке «Обер-фор-шнейдер» был напечатан текст распоряжения по Главному управлению цензуры от 10 марта 1860 г., подписанный Н. А. Мухановым, в котором между прочим, говорилось: «А как в цензурном уставе нет особенной статьи, которая бы положительно воспрещала распространение известий неосновательных и по существу своему неприличных к разглашению о жизни и правительственных действиях августейших особ царствующего дома, уже скончавшихся и принадлежащих истории, то, с одной стороны, чтобы подобные известия не могли принести вреда, а с другой, дабы не стеснять отечественную историю в ее развитии, — периодом, до которого не должны доходить подобные известия, принять конец царствования Петра Великого. После сего времени воспрещать оглашение сведений, могущих быть поводом к распространению неблагоприятных мнений о скончавшихся августейших лицах царствующего дома, как в журнальных статьях, так в отдельных мемуарах и книгах».

Стр. 273. ... *Щербинин* ∞ *втеснявший католика православие*, «*Кол.*», л. 63... — В *К*, л. 63 от 15 февраля 1860 г., была перепечатана из № 50 «Wiadomości Polskie» статья «Бешенство православия». В ней рассказывалось о выступлении крестьян села Дзерновичи Витебской губернии против насильного обращения католиков в православие. Для подавления этого волнения был послан председатель Московского цензурного комитета М. П. Щербинин.

В Москве Щербинин ∞ и не только с Прибылью, но с Росковшенком и Бессомыкиным... — Герцен имеет в виду председателя и членов Москов-

ского цензурного комитета, о которых см. в воспоминаниях А. Е. Егорова. Как свидетельствует этот мемуарист, «Прибыль был родственником сенатора Щербиница» (А. Е. Егоров в Страницы из прошлого. Одесса, 1913, стр. 118—119).

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК В КВАДРАТЕ

Печатается по тексту *К*, л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 598, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики (произвол царской полиции, очередное разоблачение Тимашева) и стилистических особенностей заметки, построенной на каламбурном обыгрывании слова «тайный». Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 315).

Заметка примыкает к таким статьям, как «Тайное явно», «Еще тайная полиция» и др. (см. наст. том).

Стр. 273. ... известный читателям «Колокола» как ученый путешественник Гедерштерн... — О нем и его «путешествиях» см. заметку Герцена «Предостережения» (т. XIII наст. изд.), а также в письме В. П. Буткова к шефу жандармов от 26 августа 1861 г. (*ЛН* т. 63, стр. 310).

ЗА ПЯТЬ ЛЕТ

Впервые опубликовано в сборнике «За пять лет», часть первая Искандера, Лондон, 1860 г., стр. III—XI, за подписью: *И—р*, под названием «Введение». Объявление о выходе сборника было помещено в л. 71 от 15 мая. Печатается по тексту *К*, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 599—600, где опубликовано за подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

«Введение» к первой части сборника «За пять лет» свидетельствовало о значительных сдвигах в политических позициях Герцена и о решительном преодолении им монархических иллюзий.

Включенные в сборник статьи («Письмо к императору Александру II», «Революция в России», «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)»; «Через три года», «1 июля 1858 г.», «Письмо к императрице Марии Александровне», «Америка и Сибирь», «Россия и Польша», «Ответ русской даме», «Война и мир», «Русские немцы и немецкие русские», «1860 год») говорили о том, что до марта 1860 г. у Герцена еще сохранялись надежды на возможность освобождения крестьян с землей по инициативе царя (см. «Революция в России», «Опять надежды» — т. XIII наст. изд., «Россия и Польша», «1860 год», «Письмо из провинции» — в наст. томе). Но политика Александра II наносила по этим иллюзиям удар за ударом (см. «1 июля 1858 г.» — т. XIII наст. изд.), и с начала 1860 г. Герцен все чаще и определеннее высказывал свое возмущение деятельностью государственного аппарата (см. письмо Герцена к М. А. Маркович от 26 января и письмо к И. С. Аксакову от 31 января 1860 г.). В сильной степени вера Герцена в освобождение «сверху» была подорвана назначением 11 февраля 1860 г. известного крепостника гр. В. Н. Панина на пост председателя Редакционных комиссий (вместо умершего 6 февраля Я. И. Ростовцева). По-видимому, во второй половине февраля Герцен получил неверное известие о назначении С. Г. Строгонова на место Ростовцева и в заметке «Ростовцев и Строгонов» (см. стр. 237 наст. тома) призывал нового председателя всемерно содействовать освобождению крестьян. Однако, узнав о назначении Панина, Герцен печатно заявил о своем отказе

от прежней тактики (см. «Чрезвычайное прибавление», «В. Панин»). Свою новую позицию Герцен обосновал отчасти в «Письмах из России» (см. наст. том), но более подробно и четко в предисловии к сборнику «За пять лет». Не веря больше царю, Герцен обращал надежды на передовую интеллигенцию, рассчитывая, что «меньшинство» дворянства сможет все же реализовать его программу-минимум. Таким образом, и в сборнике «За пять лет» Герцен не порвал до конца с либеральными иллюзиями.

Стр. 274. «Колокол», 15 апреля 1860.— Герцен дает ссылку на «Письма из России» (см. наст. том).

... по угрюмым событиям, при которых является наш сборник.— Имеется в виду назначение В. Н. Панина председателем Редакционных комиссий, административная ссылка М. А. Унковского в Вятку, А. И. Европеуса в Пермь, привлечение к суду А. А. Головачева, неточные сообщения «Таймс» 9 апреля 1860 г. об обысках и арестах среди студентов и профессорска Петербургского университета.

... после семи страшных годов...— Подразумевается период реакции, наступивший после поражения революции 1848 г. и продолжавшийся до смерти Николая I в 1855 г.

Стр. 275. ... как Фортинбрас после повести Горацио... — В заключительной сцене трагедии Шекспира «Гамлет» Горацио рассказывает принцу Фортинбрасу трагическую историю Гамлета. См. об этом же образе в «Концах и началах» (т. XVI наст. изд.). Упоминание персонажей трагедии Шекспира «Гамлет» (последняя сцена), видимо, было связано с публикацией в январской книжке «Современника» за 1860 г. статьи И. С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» (см. комментарий к ней Ю. Г. Оксмана — И. С. Тургенев, Собр. соч., т. 11, М., 1956, стр. 490—494).

«Time is money», — говорят англичане... — «Время — деньги» — афоризм из сочинения Вениамина Франклина «Совет молодому купцу».

«Колокол», лист 68-69.— Герцен приводит слова Татьяны из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. восьмая, строфа XLVII) и дает ссылку на статью «Письма из России» в начале которой также была приведена эта цитата (см. стр. 256 наст. тома).

Стр. 276. Самодержавие ∞ астенчиво остановилось, произнеся слово «освобождение с землей» ∞ оно совавало каких-то нотаблей и велело им м о л ч а т ь свой совет.— Редакционные комиссии отвергли проекты безземельного освобождения крестьян. Были приняты значительно более высокие нормы наделов, чем предполагалось большинством губернских комитетов. Это нашло выражение в проекте «Положений о крестьянах», выработанном комиссиями к августу 1859 г. Вызванные в Петербург депутаты губернских комитетов (их, по-видимому, Герцен и называет «нотаблями») могли подавать письменные отзывы на проект, председатель комиссии мог приглашать отдельных депутатов на заседания. Многие из депутатов первой группы (от 21 губернии), прибывших в Петербург в сентябре 1858 года («депутаты 1-го приглашения»), выступили с резкой критикой проекта, за что получили замечания и выговоры через губернаторов. Вероятно, это и подразумевалось в словах: «и велело им молчать свой совет».

Стр. 278. ... нашествия иноплеменного врага... — Речь идет о высадке французских войск в Крым в 1854 г.

... депеша из Евпатории вывалилась из рук, и он умер.— 5 февраля 1855 г. русские войска потерпели поражение под Евпаторией. 14 февраля об этой неудаче стало известно Николаю. С начала февраля он болел, однако болезнь не была опасной. Совершенно неожиданно 17 февраля положение больного резко ухудшилось, и 18 февраля Николай умер. В России и за границей распространился слух о его самоубийстве.

Печатается по тексту *К*, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 602, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки: вопросы цензуры и деятельности товарища министра народного просвещения Н. А. Муханова постоянно разоблачались Герценом в «Колоколе». Например, в «Записках И. В. Лопухина» он писал: «...обер-фор-шнейдер Муханов ловко внушил своим нидер-нах-шнейдерам, как исполнять кастрирование книг...» Характерны для Герцена и некоторые стилистические особенности заметки, например, такое построение фразы, как «давай Драшусова, уничтожить Драшусова, стереть с лица земли Драшусова...» Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 330).

Сравнение Муханова с Фальстафом, «нарезчиком дичи», встречается и в других статьях, непосредственно примыкающих к данной заметке: «Шалун Муханов» (см. наст. том), «Человек, рожденный быть товарищем» (т. XV наст. изд.).

Стр. 279. *Невский Фалстаф не только режет фазанов, а и защищает Альфонского.* — Имясутся в виду слова принца Генриха из первой части драматической хроники Шекспира «Король Генрих IV», сказанные им по адресу Фальстафа: «В чем он аккуратен и опрятен? Только в разрезывании и еде каплунов» (действие II, явл. 4). Характеризуя Н. А. Муханова как «невского Фалстафа», автор статьи имеет в виду и его придворное звание — «обер-фор-шнейдера». Кн. П. В. Долгоруков в своей памфлетной биографии Н. А. Муханова замечал: «В день коронации царствующего государя Муханову было в качестве камергера поручено, говорят, резать мясо во время парадного обеда, и сей, будто бы, справился с этой ответственной обязанностью с исключительной ловкостью и искусством. Общественное мнение провозгласило его наиболее способным резать окорок и куропаток; князь Горчаков, министр иностранных дел, личный друг Н. А. Муханова, в восторге, что открыл в своем друге хоть один талант, воспользовался этим случаем, чтобы поднять его на иерархической лестнице придворных чинов, создав для него специальную должность обер-фор-шнейдера, до сих пор неизвестную в России» («*Le Véridique*», 1862, № 3, стр. 401—402. Перепечатано в кн.: П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта, М., 1934, стр. 390).

В журнале «Развлечение» помещена была статья под заглавием «Галопов»... — В № 11 «Развлечения» был напечатан очерк «Галопов», в котором весьма прозрачно был выведен В. Хлопов.

Муханов за родню горой... — Ректор Московского университета А. А. Альфонский был женат на сестре Н. А. Муханова — Е. А. Мухановой.

... причины для отставки Драшусова так ничтожны и мизерны... — В дневниковой записи от 24 марта 1860 г. А. В. Никитенко, описывая заседание в Главном управлении цензуры, по-иному объяснял отставку А. Н. Драшусова: «Управление сегодня было решительно в свирепом расположении духа: оно присудило цензора Драшусова к увольнению от должности (...). Первый подвергся остракизму по докладу члена Тройничного, который открыл многие его промахи в „Московском вестнике“ и в „Развлечении“. Граф Адлерберг, Тимашев и Пржецлавский, особенно последний, требовали, чтобы бедный Драшусов был формально отрешен. Но я. Муханов и министр воспротивились этому, и по нашему настоянию решено было по крайней мере отнестись к председателю Московского цензурного комитета, чтобы он посоветовал Драшусову подать просьбу об отставке» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, 1955, стр. 112).

Печатается по тексту *К*, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 606, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании следующих данных. Заметка идейно-тематически и стилистически примыкает к ряду статей Герцена, разоблачающих управляющего III отделением и начальника штаба корпуса жандармов А. Е. Тимашева («Путешествие Тимашева», «Второе занятие Парижа русскими», «Русская музыка в Лондоне» и др., см. наст. том). Характерны для публицистического стиля Герцена такие каламбуры, как «Светлейший Леонтий Васильевич, князь Дубельт-Бенкендорфский! Нет, не Бенкендорфский, а князь Дубельт-Филантропский».

И. С. Тургенев, откликаясь на эту статью в письме к Герцену от 2/14 июля 1860 г., отмечал: «Приобрел покупкой 72 № „Колокола“. Очень хорошо предисловие. Сердцу моему приятны твои заботы о Тимашеве». Включено М. К. Лемке (*Л* X, 330).

С т р. 280. ... открывая лужинские заговоры... — См. комментарий к стр. 264.

... Дубельт ∞ императрицу тронул своим попекательством ∞ (ври «Моск. ведом.») — Императрица Мария Александровна объявила «живейшую ее величества признательность» попечителю «Демидовского дома трудящихся» Л. В. Дубельту «за усердные действия к пользе заведения и облегчению бедных жителей здешней столицы». Об этом сообщалось в «С.-Петербургских ведомостях» от 21 апреля 1860 г.

РЕЛИГИОЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ «СПБ. ВЕДОМОСТЕЙ»

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 614, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

В письме к И. С. Тургеневу от 23 июня 1860 г. Герцен пишет: «„Колокол“ получил? Ну, вот как я Краевского — дворник, мол, с метлой».

С т р. 281. ... в блаженные времена ∞ Николая Ивановича и Фаддея Венедиктовича — «Сверная пчела» с 1825 до 1860 г. издавалась и редактировалась Ф. В. Булгариним совместно с Н. И. Гречем.

... «СПб. ведомости» поместили похвальное слово Ламорисьеру... — В «С.-Петербургских ведомостях» от 15 апреля 1860 г. на первой полосе была помещена редакционная апологетическая статья «Генерал Ламорисьер».

Но Гладстон — «бесспорно первый оратор нашего века»... — Герцен здесь и ниже не совсем точно цитирует статью «Англия», напечатанную за подписью Г. К. в «С.-Петербургских ведомостях» от 28 апреля 1860 г. В статье передавалось содержание речи Гладстона, произнесенной им перед студентами Эдинбургского университета.

С т р. 282. ... диссиденты или низкие, высокие, широкие церковники (*low, high, churchmen*)... — Герцен имеет в виду различные направления в англиканской церкви: евангелическое, консервативное и сторонников веротерпимости — *Low church, High church и Broad church* (буквально: низкая, высокая и широкая церковь).

Взяв книгу какого-то поврежденного француза... — В статье «Англия» автор использует два отрывка из книг Э. Ренана «Histoire générale et système comparé des langues sémitiques» и «Nouvelles considérations sur le caractère général des peuples sémitiques et en particulier sur leur tendance au monothéisme».

... разумом до понятия о боге не дойдешь...— Э. Ренан утверждал, что почитание бога есть результат «религиозного инстинкта», а не человеческого разума.

«Минуй нас плуце всех печалей...»— Цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова (действие I, явление 2):

«Подобно всем с восторженными видениями»— Цитата из Э. Ренана, использованная в статье «Англия».

Стр. 283. «Мы с уверены, что большая часть читателей «СПб. ведомостей» не поверит, что во всех отраслях знания в Англии преобладает изуверство...— В конце статьи «Англия» отмечалось: «Мы могли бы привести целые томы подобных отрывков из сочинений английских ученых по всем отраслям знания, доказывающие современное преобладание христианского направления»;

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

⟨ЗАКЛЮЧЕНИЕ К СТАТЬЕ «Г-н ИЗВОЛЬСКИЙ—
УПРАВЛЯЮЩИЙ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИЕЙ⟩

Печатается по тексту К, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 620, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен. Авторство определяется заголовком заметки.

Статье предпосланы следующие строки от издателей «Колокола»: «Мы получили письмо, в котором опровергается истина сказанного корреспондентом о г. Извольском. Вот главные доказательства. Мы их выписываем из письма — оставляя в стороне брань, относящуюся не к нам...»

«От издателя» помещено после статьи «Г-н Извольский—управляющий Иркутской губернией», автор которой опровергает факты, изложенные в «Под суд», № 2, в статье «Убийство Неклюдова в Иркутске», защищает Извольского и резко нападает на Герцена, который якобы «без разбора печатает» непроверенные факты.

ЕЩЕ ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ

Печатается по тексту К, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 620, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематических и стилистических признаков, характерных для публицистики Герцена: обычные для него иронические противопоставления и каламбуры: «струятся на Федерштерна (не надобно смешивать его с *Нордштремом*, это другой)...»; «письма, еще не дошедшие по адресу», как источник изучения «новейшей истории»; пародийное употребление церковного языка: «Да помянет их государь император в Царском Селе своим и ныне, и присно, и в будущее трехлетие! Аминь!»

Строки о советнике Ф. Ю. Ульрихсе и о его отце, профессоре Московского университета, лекции которого Герцен слушал в начале 30-х годов, полностью совпадают с характеристикой их, данной Герценом в его статье «Провинциальные университеты»: «Тень... Ульрихса (отца, сын тоже немец, но служит по тайной истории, а не по всеобщей, и читает не лекции по Шреку, а чужие письма по *Шпекину*)...» (К, л. 91). † Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 343).

Стр. 285. ...*адъютантов ès lettres decachetées* — Герцен использует в сатирической функции устойчивый оборот с *ès*, употребляемый во французском языке для обозначения степени, учебного звания и т. п. (ср., например: *bachelier ès sciences* — бакалавр наук).

КНЯЗЬ А. Ф. ГОЛИЦЫН

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860, стр. 621, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Строки: «следственная комиссия, судившая нас в 1834 г.» автобиографичны. Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (об «инквизиторе» А. Ф. Голицыне — «junior» — и его деятельности Герцен подробно писал в «Былом и думах» — т. VIII наст. изд., стр. 203—207; ссылка на «инквизитора Салвотти» встречается и в других статьях Герцена, например «М. Бакунин», т. VII наст. изд., стр. 361) и некоторых фразеологических особенностей, характерных для его публицистики — например, определение «политические хирурги». Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 343—344).

Стр. 285. ... *наш Голицын junior* ∞ *судившей нас в 1834...* — Об А. Ф. Голицыне, который в 1834 г. был членом следственной комиссии по делу Герцена, Огарева и других, Герцен рассказывает в «Былом и думах», гл. XII — см. т. VIII наст. изд.

...*Голицын junior* ∞ *сделан председателем следственной комиссии* ∞ *через 26 лет!*.. — См. комментарий на стр. 623.

... *у Шиллера в «Дон Карлосе» инквизитор представлен столетним старцем — слепым и седым.* — В авторской ремарке в драме «Дон Карлос, инфант испанский» говорится: «Входит кардинал, великий инквизитор, девяностолетний старец. Он слеп и опирается на палку...» (действие V, явл. 10).

«РУССКИЕ МАТРОСЫ В ВИЛЛАФРАНКЕ»

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 622, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи и заглавия. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (тяжелое положение матросов во флоте и деятельность кн. Константина Николаевича постоянно разоблачались Герценом в «Колоколе»), а также некоторых стилистических ее особенностей; характерна концовка заметки, определение «русский немец» и пр. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 344).

В ответ на запрос об обращении с матросами русской эскадры, стоявшей в Виллафранке, в *К*, л. 77-78 от 1 авг. 1860 г., в отделе «Смесь» появилась заметка «Музыка Олафа». В этой корреспонденции сообщалось о тяжелом положении матросов на военном пароходе «Олаф», не получавших второй год «ни жалованья, ни сапог, ни прочих следующих им вещей».

Заметка является звеном единой цепи разоблачений в «Колоколе» зверств во флоте и деятельности Константина Николаевича — см. заметки: «Константин Николаевич за линьки» и комментарий к ней (наст. том), «Фрегат „Генерал-адмирал“ и швабра», «Олег и Андреев» (т. XV наст. изд.) и др.

Стр. 286. ... *русских матросов в Виллафранке истязают самым бесчеловечным образом...* — Более подробно об этом рассказывалось позже в заметке «Крузенштерн, Нолькин, плюхи, линьки, обезьяна и Анкудинов» анонимного автора, напечатанной в *К*, л. 86 от 1 декабря 1860 г.

... *не стыдясь даже близости сардинских и французских офицеров?* — Вопреки условиям союза между Сардинским королевством и Францией (Пломбьерское соглашение 1858 г.), предусматривавшего освобождение

Италии от австрийской оккупации, Наполеон III тайно от своего союзника заключил 11 июля 1859 г. в Виллафранке мир с Австрией, по которому только Ломбардия освобождалась от австрийского владычества. Соседнее с Ломбардией Венецианское королевство, в состав которого входил и г. Виллафранк, оставалось за Австрией. Русский военно-морской флот помогал в этой войне Австрии.

... *один русский и немец*... — О бесчеловечном обращении с матросами капитана К. Крузенштерна, служившего на корабле «Гангут», см. в статье «Фрегат „Генерал-адмирал“ и швабра» (т. XV наст. изд.).

⟨ПРАВДА ЛИ, ЧТО ДОНОСЧИК ЛУЖИН ОТДАН ПОД СУД...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 622, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематической и стилистической близости заметки к другим статьям Герцена о Лужине и Панине в «Колоколе» (см. наст. том и т. XIII). Включено М. К. Лемке (*Л* X, 344).

С т р. 286. ...*доносчик Лужин*... — См. комментарий к стр. 264.

РОЗГИ ДОЛОЙ!

Печатается по тексту *К*, л. 75 от 1 июля 1860 г., стр. 623, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

С т р. 287. ... *французское дворянство 4 августа бросило в огонь свои феодальные грамоты*... — Герцен имеет в виду отказ представителей французского дворянства от некоторых феодальных прав и преимуществ, провозглашенный на заседании Учредительного собрания 4 августа 1789 г.

С т р. 288. ... *в виду черкасской партии, в виду Самарина и Милютина, воссоединенных с Черкасским*... — См. в наст. томе статью «Письма из России».

ПОБЕДА, ОДЕРЖАННАЯ ХРАБРЫМ ГЕНЕРАЛОМ МУХАНОВЫМ, ЧТО НА ВИСЛЕ

Печатается по тексту *К*, л. 75 от 1 июля 1860 г., стр. 630, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (русская политика в Польше входила в круг ближайших интересов Герцена — редактора «Колокола»), а также идейно-тематической и стилистической близости ее к другим статьям Герцена, разоблачающим «будущего графа» Тимашева (см. «Русская музыка в Лондоне», наст. том), «помещанного дядьку» Панина (см. «Слово графа Виктора Панина к депутатам», наст. том), «сумасшедшего Горчакова-Таврического», Лужина (см. «La Vérité sur la Russie», наст. том), Муханова «не обер-фор-шнейдера» и др. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л*, X, 357).

Заметка непосредственно примыкает к статье «Опять и опять pas de rêveries!» (см. наст. том).

С т р. 290. *Муханов (не обер-фор-шнейдер)*... — В «Колоколе» Герцен разоблачал реакционную деятельность двух Мухановых — П. А. Муханова, главного директора Комиссии внутренних и духовных дел в Царстве

Польском, которого он именвал «Мухановым, что на Висле», и Н. А. Муханова, товарища министра народного просвещения и члена Главного управления цензуры, которого называл он «Мухановым, что не на Висле», или «обер-фор-шнейдером» (такова была его придворная должность — см. об этом комментарий к стр. 279).

Основные факты политической биографии П. А. Муханова были даны в статье «Мухановские меры против просвещения в Польше (Перевод с польского)», напечатанной в *К*, л. 36 от 15 февраля 1859 г. Как свидетельствует неизвестный автор этой биографии, П. А. Муханов впервые появился в Польше в 1831 г. в чине полковника гвардии и в должности председателя Варшавской квартирной комиссии. В 1840 г. он был назначен помощником попечителя Варшавского учебного округа, а в 1850 г. стал попечителем. «Все время при Паскевиче Муханов держал себя очень скромно: время его настало только при Горчакове, личном его друге, делами которого занимался он во все продолжение Крымской войны. Вследствие этого в 1856 г. он назначен министром (или, как теперь называют, *директором*) внутренних и духовных дел и тайным советником, с оставлением при должности попечителя. Вот официальный титул этого alter ego Горчакова, управляющего несчастною Польшею». Статья заканчивалась строками: «У нас говорят, что солнце Муханова до тех пор не закатится, пока жив Горчаков; Горчакова же следует держать... потому что, что же с ним делать? Грустно однако ж подумать о том, что ради приличия удерживают в Польше целую систему управления николаевскую и жертвуют для этой цели спокойствием и будущностью пяти миллионов!» (стр. 294—298). См. выше заметки «По Муханову и Цепурий», «Муханов, что не на Висле», а также «Муханов с Вислы уехал» (т. XV наст. изд.).

... *Польское земледельческое общество в акрываето!* — Земледельческое общество объединяло передовых польских помещиков и ученых, имея своей целью обсуждение и пропаганду мер по улучшению сельского хозяйства. Разрешение на его создание было дано Александром II в конце 1857 г. Слухи о его закрытии были преждевременны: Земледельческое общество было закрыто в начале апреля 1861 г. (ср. заметку «В защиту г. Карницкого» — т. XV наст. изд.).

... *pas de rêveries, a pas d'agriculture!* — «Pas de rêveries!» («Никаких мечтаний!») — слова Александра II (см. комментарий к стр. 85—86); pas d'agriculture — оставьте земледелие (франц.).

... *не верят в чудеса Александра Невского.* — На страницах польских эмигрантских журналов «Przegląd Rzeczy Polskich» в ноябре 1858 г. и «Demokrata Polski» в январе 1859 г. была подвергнута резкой критике «снисходительность» Герцена в его отзывах об Александре II (см. в наст. томе статью «Россия и Польша» и комментарий к ней), для которого, как писали эти журналы, освобождение крестьян является лишь «военной хитростью» и от которого «ожидать нечего».

РУССКАЯ МУЗЫКА В ЛОНДОНЕ

Печатается по тексту *К*, л. 76 от 15 июля 1860 г., стр. 637—638, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Стр. 291. ... *со второго концерта обширная зала St. James's Hall была полна.* — В письме к И. С. Тургеневу от 23 июня 1860 г. Герцен пишет: «Первый концерт Голицына принес убыток, но зато наделал шуму: все журналы превознесли, особенно „Times“ и „Morning Star“». О концертах Ю. Н. Голицына в Лондоне Герцен рассказал в «Былом и думах», гл. «Апогей и перигей» (т. XI наст. изд.). Характеристику этих же концертов

см. в «Воспоминаниях Б. Н. Чичерина. [Путешествие за границу], М., 1932, стр. 107.

Концерты кн. Голицына чисто русские... — Ю. Н. Голицын с 1842 г. стал известен в Москве своим хором, состоявшим из крепостных крестьян его тамбовского имения. В основном в репертуар хора входили произведения русских композиторов и русские народные песни.

Стр. 292. *Правда, Тимашев прежде хорошо рисовал карикатуры...* — А. Е. Тимашев начал свою карьеру рисованием карикатур, которые понравились императрице Александре Федоровне.

А. С. ХОМЯКОВ И АВСТРИЯ

Печатается по тексту К, л. 76 от 15 июля 1860 г., стр. 638, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Гердена устанавливается на основании близости заметки основным интересам Гердена (русские славянофилы — см., например, статью «Константин Сергеевич Аксаков», т. XV наст. изд., — Австрия и русско-славянские отношения). Характерна для Гердена ироническая характеристика автора «Дмитрия Самозванца» и «Ермака», а также концовка заметки: «С нами бог! Бог-то с нами — да языцы-то не разумеют по-русски!» Под впечатлением этой заметки И. С. Аксаков в письме от 25/13 сентября 1860 г. возмущенно писал: «Просто стыдно вам, любезнейший Александр Иванович, что вы позволили себе такую выходку, и я слишком люблю вас, чтобы молчать или скрыть от вас свою досаду» («Мурановский сборник», Мураново, 1928, вып. 1, стр. 87). 5 октября 1860 г. Герден ответил Аксакову: «Письмо ваше я получил, больно мне было читать его, такой нетерпимости я не ждал от вас — не привыкли мы к свободной речи, ни даже к шутке, и чтение письма Хлестакова будет часто повторяться». Включено М. К. Лемке в Dubia (Л X, 366—367).

Стр. 292. *Московское и м п е р а т о р с к о е общество ∞ войну Селиванова и Лонгинова.* — В начале 1860 г. писатель И. В. Селиванов предложил Московскому обществу любителей российской словесности устроить литературные чтения для сбора средств в пользу только что основанного в Петербурге Литературного фонда. Общество любителей российской словесности отвергло это предложение, в связи с чем между Селивановым и секретарем общества М. Н. Лонгиновым завязалась довольно резкая полемика на страницах «Московских ведомостей» 1860 г. (см. №№ 32, 34, 60, 65, 66, 69, 80). В результате этой полемики Селиванов, в знак протеста, вышел из Общества!

Оно послало одному ученому чеху диплом на звание члена. — Общество любителей российской словесности после возобновления своих заседаний в 1858 г. избрало своими почетными членами ряд славянских ученых, в том числе чешского филолога Вацлава Ганку. За разрешением принять это звание последний обратился к австрийским властям, которые после долгих проволочек ответили ему грубым отказом (см. об этом сообщение в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 28 мая 1860 г. и в «Московских ведомостях» от 1 июня 1860 г.).

... творца «Дмитрия Самозванца» и «Ермака»... — А. С. Хомяков, автор названных трагедий «Дмитрий Самозванец» и «Ермак», являлся председателем Общества любителей российской словесности.

Лонгинов напечатал об этом в «Московских ведомостях» — 1 июня 1860 г. в «Московских ведомостях» было напечатано «Письмо к редактору» секретаря Общества любителей российской словесности М. Н. Лонгинова по поводу запрещения австрийским правительством Вацлаву Ганке принять звание почетного члена Общества.

БЕРГ, МАГИСТРЫ И ТЕЛЕГРАФ

Печатается по тексту *К*, л. 77-78 от 1 августа 1860 г., стр. 652, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОЖ* озаглавлено: «Берг и телеграфы». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (на протяжении нескольких лет Герцен постоянно разоблачал деятельность графа Берга— см., например, его статью «Чего они так испугались», т. XVII наст. изд. и др.), а также некоторых стилистических особенностей: не раз каламбурно обыгрывал Герцен фамилию Берга; последняя фраза, например, дословно повторена в заметке «Александр Николаевич шел в горы»— (см. т. XVII наст. изд.).

Стр. 293. *Берг, которого там не любят...*— Генерал-адъютант Ф. Ф. Берг был финляндским генерал-губернатором с 1853 по 1856 г.

Государь оставил друзей и маронитов...— В мае 1860 г. в Сирии, находившейся под турецким владычеством, мусульмане-друзы, подстрекаемые англиканскими миссионерами, начали резню христиан, которых поддерживали католические миссионеры, агенты Франции. Под предлогом помощи маронитам Франция обратилась к Англии с предложением немедленно созвать комиссию из представителей великих держав и послать вооруженный отряд для прекращения резни. Англия, боясь, что Франции удастся захватить Сирию, медлила с ответом. Тогда Франция, договорившись с русским правительством, объявила, что она выступит совместно с Россией, причем Александр II предлагал выступить в защиту всех христиан, находящихся под турецким игом. На конференции держав русское предложение было отклонено. Поддержанная Англией, Франция добилась права на оккупацию Сирии.

So stehen wir, wie die Ochsen am Berge.— «Стоим мы, упершись, как быки в гору»— Герцен употребляет эту немецкую поговорку в дословном переводе, используя игру слов с фамилией Берг.

ПИСЬМО К ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ ЗИНОВЬЕВУ

Печатается по *К*, л. 77-78 от 1 августа 1860 г., стр. 654, где опубликовано впервые, за подписью: *Издатели «Колокола»*. Доля участия Герцена в этом «письме» не поддается учету. Судя по тому, что делом «Зиновьевских крестьян» ближайшим образом занимался в «Колоколе» Огарев; инициатива написания «Письма к генерал-адъютанту Зиновьеву» принадлежит ему. Включено М. К. Лемке (*Л X*, 373).

Стр. 293. *В следующем листе «Колокола» мы поместим все подробности дела.*— В *К*, л. 79 от 15 августа 1860 г. была помещена анонимная статья «Дело Зиновьевских крестьян».

... дайте дурной урок наследнику.— Н. В. Зиновьев был воспитателем царских детей.

ОФИЦЕРСКОЕ ЁРНИЧЕСТВО НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ

Печатается по тексту *К*, л. 77-78 от 1 августа 1860 г., стр. 654, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тематических и стилистических признаков, характерных для публицистики Герцена (см., например, последний абзац). Строки о том, что нависла «туча над головой, духота»— повторялись

Герценом в статье «1860 год». «Мрачная туча, которую мы предчувствовали<...> заволокивала больше и больше...» и т. д. (см. стр. 214 наст. тома). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 374—375).

Материалом для заметки Герцена послужил фельетон «Московская хроника», напечатанный в газете «Русский инвалид» от 15 июня 1860 года.

Стр. 294. *Прежде чем христиан от друзей защищать...*— См. выше примечание к заметке «Берг, магистры и телеграф».

Стр. 295. ... *полицейстер Огарев сек купца за то, что он написал любовную цидулку танцовщице, за которой ухаживал.*— О том, как Н. И. Огарев высек купца за записку, написанную им актрисе Медведевой, подробно рассказано в заметке «По делу московского полицейстера Огарева» (см. том XIII наст. изд.).

... *продолжающие традицию безумного цесаревича ∞ у б и в ш и м ее.*— Герцен имеет в виду цесаревича Константина Павловича. Как передает Н. И. Греч, «в Петербурге жила молодая вдова португальского консула Араужо и жила немощно блудно. Однажды поехала она в гости к придворной повивальной бабushке, Моренгейм, жившей в Мраморном дворце, принадлежавшем великому князю Константину Павловичу, осталась там необыкновенно долго и, воротясь домой в самом расстроенном положении, вскоре умерла. Разнеслись слухи,[§] что она как-то ошибкою попала на половину великого князя и что он с помощью приятелей своих адъютантов и офицеров изнасиловал ее. Слух этот был так громок и повсеместен, что правительство публичным объявлением приглашало всякого, кто имеет точные сведения об образе смерти вдовы Араужо, довести о том до сведения правительства. Разумеется, никто не явился» (Н. И. Греч. Записки о моей жизни, М.—Л., 1930, стр. 207—208). За два дня до восстания 14 декабря, на обеде в Российско-американской компании, как свидетельствуют «Воспоминания» В. И. Штейнгеля, когда кто-то сказал, что вел. князь Константин Павлович может прибыть в Петербург для принятия престола, «Булгарин вскричал: „Как ему явиться, — тень мадам Араужо остановит его на заставе“» («Общественное движение в России в первую половину XIX века», т. I, СПб., 1905, стр. 439). В *K*, л. 140 от 1 августа 1862 г., в заметке «Шестьдесят лет тому назад» было перепечатано объявление петербургской полиции, датированное 30 марта 1802 г., по делу госпожи Араужо, в котором подробно рассказана история ее убийства.

«ЗАПИСКИ» И. В. ЛОПУХИНА

Впервые опубликовано в книге «Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим». Лондон, 1860 г., под заглавием: «Предисловие Искандера». за подписью: *И—р* и датой: «Лондон, 22 июля 1860».

Объявление о выходе книги И. В. Лопухина помещено в *K*, л. 78 от 1 авг. 1860 г.; «Записки И. В. Лопухина» вышли. В следующем листе «Колокола» мы поместим «Введение» к ним».

Перепечатано без изменений в *K*, л. 79 от 15 августа 1860 г., стр. 655—656, за подписью: *И—р*. Эту статью открывается лист «Колокола». Печатается по тексту этого издания. Автограф неизвестен.

Стр. 297. *Устрялов, писавший свою историю России ∞ по мотивам Николая Павловича ∞ историю Петра по источникам.*— В 1837—1841 гг в виде пособия к своим лекциям в Петербургском университете

Н. Г. Устрялов издал пятитомную «Русскую историю», дополнением к которой в 1847 г. явилось «Историческое обозрение царствования императора Николая I». Николай I сделал значительные исправления в рукописи Устрялова. В 1842 г. Устрялов получил доступ в государственный архив для работы над своей «Историей царствования Петра I» (тт. I—IV вышли в 1858—1859 гг.).

VI том его истории испугал и был поводом к одному из замечательно нелепых циркуляров.— См. комментарий к стр. 272.

Мы имеем перед собой выпущенные места из записок Енгельгардта...— Отрывки из «Записок» Л. Н. Энгельгардта, изъятые цензурой при их публикации Н. В. Пугачой в «Русском вестнике» (1859 г., №№ 1 и 2), были напечатаны Герценом в «Историческом сборнике Вольной русской типографии в Лондоне» (книжка вторая, London, 1861).

... иностранная цензура запретила «Записки» Сиверса...— Биография Я. Е. Сиверса, составленная профессором Дерптского университета К. Блюмом, была издана на немецком языке в 4-х томах в Лейпциге в 1857—1858 гг.: K. Blum. Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sivers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Rußlands.

... та же участь постигла «Записки» Толя.— Речь идет о записках К. Ф. Толя, изданных Бернгарди: Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. russ. Generals von der Infanterie C. Fr. Grafen von Toll, I—IV, Leipzig, 1856—1858 (об этой книге см. статью Герцена «Западные книги» в т. XIII наст. изд.).

... мы снова должны приняться за печатание в Лондоне «Исторического сборника».— Вторая книжка «Исторического сборника» вышла в 1861 г. (См. комментарий на стр. 587).

... Екатерине, которая велит сослать его покаявшегося товарища, а его не велит...— Князь А. А. Прозоровский, который вел следствие по делу московских масонов в 1792 г., писал Екатерине II, что «князь Трубецкой сильно раскаивается и заслуживает помилования», а И. В. Лопухин «все скрывает, упорно стоит в своих мнениях, и проч.» Императрица, как свидетельствует в своих записках Лопухин, прочитав показания его и Трубецкого, предложила «о князе Трубецком исполнить точно по данному прежде об нас указу, должность же его поручить старшему под ним, а меня оставить в Москве».

Стр. 298. *... Александру, благодарившему его за превосходную записку о духоборцах...*— «Допсепие» И. В. Лопухина по делу духоборцев (от 3 декабря 1801 г.) было напечатано в июльской книжке «Сионского вестника» за 1806 г. под заглавием «Глас искренности». О благодарности, выраженной ему Александром I, в письме от 27 ноября 1801 г., рассказывается и в «Записках» Лопухина (стр. 126—132).

... склоняет сурового генерал-губернатора...— О разговоре с Брюсом см. в «Записках» Лопухина (стр. 13—14).

... оправдание мертвого Каласа...— Жан Калас несправедливо был обвинен в убийстве сына и казнен. Вольтер встал на его защиту и доказал в своей книге «Sur la tolérance», что Калас — жертва религиозного фанатизма. После пересмотра дела в 1765 г. парижский парламент установил невиновность Каласа.

Стр. 298—299. *«Кстати о милостыне ∞ радостью».*— Цитата из «Записок» Лопухина (стр. 44—45).

Стр. 299. *«ведь не будет ∞ и режут?»*— Цитата из «Записок» Лопухина (стр. 166).

Он пишет, например, к императору ∞ ограничение помещичьей власти.— В приводимом в «Записках» Лопухина его донесении царю от 4 января 1807 г. говорилось: «В России ослабление связей подчиненности крестьян помещикам опаснее самого нашествия неприятельского... Я могу

о сем говорить беспристрастно, никогда истинно не дорожив правами господства, стыдясь даже выговаривать слово: холоп» (стр. 171).

Как в нем боролся с камердинера...— Этот эпизод рассказан Лопухиным во второй книге «Записок», стр. 40—41.

PANINIANA

Печатается по тексту *К*, л. 79 от 15 августа 1860 г., стр. 662, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тесной тематической связи заметки с другими высказываниями Герцена в «Колоколе» о Панине и Топильском (см. статьи «В. Панин», «Слово графа Виктора Панина к депутатам» и др.), а также некоторыми ее композиционно-стилистическими особенностями (иронический заголовок, очердное упоминание роста Панина и пр.). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 386).

ГЕНЕРАЛ-КУЛАЧНЫЙ БОЕЦ И ДЕТСКИЙ КИСЕЛЬ

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 671, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Композиционно связана со следующей заметкой (см. комментарий к ней). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 388).

С т р. 302. ... фамилии кулачного бойца и генерала в письме нет...— Фамилия его была названа далее, в заметке «Тихоцкий» (см. наст. том).

С т р. 303. ... пока ярыги будут останавливать женщин на Тверском бульваре...— Об этом см. выше в заметке «Офицерское ёрничество на Тверском бульваре».

ПАЛЬТО МЕНЩИКОВА И РУБАХА МУРАВЬЕВА ВЕШАТЕЛЯ

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 671, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка (как и предыдущая) написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (очередное разоблачение чиновничьего произвола в России и деятельности Муравьева Вешателя), а также некоторых характерных для публицистики Герцена стилистических особенностей: ирония последнего абзаца, эмоциональное восклицание: «Ха, ха, ха!», часто повторяющееся в его статьях (см., например, «Последний удар» в наст. томе). Слова немца из повести Гоголя: «у нас в Швабии свой король есть» использует Герцен в статье «Россия и Польша» (наст. том, стр. 49). О пальто Менщикова см. в статье Герцена «Жаль» (т. XIX наст. изд.). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 388—389). Эта и предыдущая заметка непосредственно связаны со статьей «Офицерское ёрничество на Тверском бульваре» (см. наст. том).

С т р. 303. *Месяц тому назад мы говорили об офицерском ёрничестве на Тверском бульваре...*— См. выше в заметке «Офицерское ёрничество на Тверском бульваре».

Менщиков под солнцем Византии прет в пальто, чтоб показать форс.— Речь идет о кн. А. С. Меншикове и его чрезвычайной миссии в Константинополе в 1853 г., предпринятой для предъявления ультиматума Николаю I турецкому султану.

... *«у вас в Швабии свой король есть!»* — Герцен использует слова петербургского немца-ремесленника Шиллера, одного из персонажей повести Гоголя «Невский проспект».

ПУГАЧЕВ И СУХОЗАНЕТ

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 671, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки, входящей в круг основных интересов Герцена (очередное разоблачение Тимашева, Сухозанета, Панина, Адлерберга) и некоторых характерных стилистических особенностей: каламбурное наименование III отделения «Тимашевкой», определение Сухозанета как «старца, ветхого деньми и слабого достоинствами» и пр. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 389).

С т р. 304. ... *новые подробности об обеде, на котором Булгаков предложил тост Пугачева*...— В заметке, напечатанной в *К*, л. 76 от 15 июля 1860 г. под заголовком «Тост Пугачеву и последняя кампания (будущего графа) Тимашева» (см. далее в наст. томе), было помещено описание обеда у херсонского губернского предводителя дворянства Е. А. Касинова, данном 14 мая 1860 г. депутатами дворянских комитетов членам Редакционных комиссий. Когда А. В. Оболенский предложил тост в честь деятелей предстоящей реформы, в том числе А. М. Унковского и К. Д. Кавелина, исполнивший должность председателя Редакционных комиссий П. А. Булгаков, выражая свое недовольство, заметил: «Почему же после этого не предложить тост за здоровье Пугачева?». Подробнее об этом обеде см. в книге «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России 1855—1861», т. II, стр. 453.

... *Булгаков (которого голос арифметически упрочил рогу)*...— См. в наст. томе статью «Письма из России» (стр. 259).

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ КАМЕРДИНЕРОВ

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 671—672, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Великокняжеский камердинер». Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тематических и стилистических признаков, характерных для публицистики Герцена (разоблачение произвола в России, царящего с ведома «августейшей фамилии»). Обычно для Герцена и наименование в. кн. Николая Николаевича птицеловом: «Nicolas l'Oiseleur». Так, в статье: «Исполин просыпается» Герцен пишет: «Николай Николаевич, вставший с первыми петухами, по общей любви к курам...» (см. т. XV наст. изд.). Ср. также заголовок статьи «Николай l'Oiseleur, ловец душ крестьянских» (т. XV наст. изд.) и др. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 389—390).

ШАЛУН МУХАНОВ

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 672, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематических и стилистических признаков, характерных для публицистики Герцена: вопросы цензуры и печати в России, деятельность «Муханова, что не на Висле» и Горчакова постоянно были в центре внимания Герцена.

Об образе «шалуна», широко использованном в политической публицистике Герцена, см. строки «Былого и дум», в которых с именем П. Я.

Чаадаева связывается реплика о «шалостях поврежденного своеволия власти» в административной практике николаевской поры: «Какие они все шалуны!» (том IX наст. изд., стр. 147 и 217). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 390).

О других откликах Герцена в «Колоколе» на деятельность товарища министра народного просвещения Н. А. Муханова см. в заметках «Муханов, что не на Висле» (наст. том.), «Человек, рожденный быть товарищем» (XV том) и др.

Стр. 305. *Едва Ковалевский из Петербурга...*— Во время отсутствия Е. П. Ковалевского обязанности министра народного просвещения и начальника Главного Управления цензуры исполнял Н. А. Муханов.

... *Муханов, что не на Висле, запрещает писать против Главного общества железных дорог.*— «Главное общество российских железных дорог», основанное в 1857 г., имело своим назначением постройку в течение 10 лет и потом содержание в течение восьмидесяти пяти лет сети железных дорог протяжением около четырех тысяч верст. В «Под суд», л. 2 от 15 ноября 1859 г., был помещен «Отчет о последствиях ревизии, произведенной по постановлению общего собрания акционеров общества Царскосельской ж. д., состоявшегося 15 марта 1859 г.» (см. далее в наст. томе), из которого было видно, что «в воровство» замешаны важные савонники. «О «парезчике дичи» Н. А. Муханове см. комментарий к стр. 279 наст. тома.

ЛУЖИН ВЕРНЫЙ <ЛУЖИН СОШЕЛ С УМА>

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 672, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании близости заметки к другим статьям Герцена, разблачающим деятельность «Лужина верного» («Харьковская история», «Полицейский разбой в Москве»— т. XIII наст. изд., «La Vérité sur la Russie», наст. том и др.), а также некоторых характерных для Герцена-публициста особенностей ее стиля и композиции (см., например, концовку заметки; ср. также каламбур «сделался Майборода и Шервуда вместе» с аналогичным в статье «Ввоз нечистот в Лондон»— т. XVII наст. изд.).

Заметка непосредственно примыкает к статьям: «Правда ли, что доносчик Лужин...», «Лужин верный» и др. (см. наст. том).

Стр. 305. ... *ему так понравилась с несчастным Завадским...*— Об истязании Лужиным студента Завадского рассказывалось в заметке «Грязь и Лужин», напечатанной в *К*, л. 77—78 от 1 августа 1860 г. (см. далее в наст. томе редакционное вступление к этой заметке).

... *сделался Майборода и Шервуда вместе.*— Доносы харьковского губернатора генерал-лейтенанта И. Д. Лужина Герцен сравнивает с шпионской деятельностью И. В. Шервуда и Майбороды, доносчиков по делу декабристов (см. комментарий к стр. 264).

ПРОСЬБА ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 672, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Доля участия Герцена в ее написании не поддается учету, однако тематика заметки (очередное разоблачение Гутцейта, насилловавшего детей) и некоторые стилисти-

ческие ее особенности (например, определение «шалун князь Кейкаутов» — см. выше примеч. к заметке «Шалун Муханов») говорят об авторстве Герцена. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 390).

Стр. 306... *г. Г у т ц е й т* (тоже орловский помещик, насильовавший детей)... — О нем см. в наст. томе статью Герцена «Постельная барщина продолжается».

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Печатается по тексту *К*, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 681, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. Автограф неизвестен. Этой статьей открывается лист «Колокола».

Стр. 307. *Неужели это правда, что кейзер петербургский сближается с кейзером австрийским?* — Об этом см. выше статью «Война и мир» и комментарий к ней.

...великий герцог гессенский... — Имеется в виду Людвиг III.

... в пай неаполитанского короля ∞ в Гаету. — Речь идет о Франциске II.

БОГОМОКРИЦЫ И БОГОСАРАНЧА

Печатается по тексту *К*, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 681—684, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. В *ОК* озаглавлено: «Башуцкий, Бурачек и Аскоченский». Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 311, строка 7: отказавших вместо: отказавшего

Стр. 311, строка 21: моли бога вместо: моли богу

Стр. 310. ...*крустацеи*... — То есть мокрицы (от франц. crustacés — ракообразные).

... об отце я всегда готов был слушать анекдоты... — Речь идет о коменданте Петербурга П. Я. Башуцком, произведенном в генерал-адъютанты за «полное усердие и преданность», проявленные им в день подавления восстания декабристов 14 декабря 1825 г.

... о морском, православном, маячном Бурачке... — С. А. Бурачек в 1840 г. совместно с П. А. Корсаковым начал издавать журнал «Маяк». В 1842 г. издание перешло в руки одного С. А. Бурачка.

... издатель «Шашки»... — С 1841 г. Башуцкий издавал литературно-художественный альманах «Наши, списанные с натуры русскими».

... пекшийся о детских приютах, как о сво и х... — А. П. Башуцкий, служа в Государственном совете, присвоил деньги и бриллианты, пожертвованные с благотворительной целью. Эту кражу имел в виду В. Ф. Одоевский в своей статье «Из Шашкина переулка в Лойлову улицу» («Искра», 1860, № 33).

... желавший поступить в ангельский чин, но принятый там за чужого... — В конце 1849 г. А. П. Башуцкий поступил в послушники Троицко-Сергиевской пустыни, близ Стрельни, потом перешел в Черменецкий монастырь, откуда, не поладив с монастырским начальством, отправился в Киев.

... «по прозванью Бурачок»... — Строка из эпиграммы С. А. Соболевского:

Просвещения «Маяк»
Издает большой дурак,
По прозванию Корсак;
Помогает дурачок,
По прозванью Бурачок.

... *выращенный при Киевской духовной академии и расцветший стараниями благочестивого Дмитрия Гавриловича Бибикова.*— В. И. Асоченский окончил Киевскую духовную академию в 1839 г. со степенью магистра. Оставив по собственному желанию профессию в духовной академии, он в 1846 г. получил место советника вольной губернской правления и жил в доме генерал-губернатора Юго-Западного края Д. Г. Бибикова в качестве воспитателя одного из его родственников.

Стр. 311. ... *с толпой киевских иноков, убивших в вертограде плотских сестер некоего любострастного мытаря.*— Имеется в виду заметка, напечатанная в К, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 390, — «Правда ли, что в Киеве было ночное сражение между монахами Михайловского монастыря и чиновниками из-за прекрасного пола, причем убит один послушник?»

... *отказавших в неводе для спасения тонувшего офицера.*— В К, лл. 57-58 от 1 декабря 1859 г., стр. 480, была помещена заметка «Киево-печерские подвизники», в которой говорится: «Ныншним летом, 14 июля, прапорщики 4-го саперного батальона, стоящего в Киеве, Нелидов и Соллогуб, купаясь в Днепре (недалеко от Печерска, близ барачков, т. е. саперного лагеря), стали тонуть. Пока находившиеся на берегу безуспешно старались подать им помощь, поручик Ноздреев побегал к монахам находившегося вблизи монастырского сада и стал просить у них невода, надеясь еще спасти утонувших. Монахи, видя, что дело к спеху, потребовали за невод сто руб. сер, а так как денег у г. Ноздреева не было, то несмотря на все просьбы, угрозы и обещания, они невода и не дали. Товарищи утонувших жаловались духовному начальству, но оно оставило жалобу без всяких последствий. Потом они хотели поместить маленькую, скромную статейку по этому поводу в „Киевском телеграфе“, в надежде путем даже нашей безгласной гласности достигнуть того, чего не могли достигнуть путем законным, но редактор решительно отказался печатать подобные вещи. Тем дело и кончилось. Преподобные ангели и архангели, молитве бога о нас!»

CRAB AND LOBSTER

Печатается по тексту К, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 688, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (дела морского министерства, деятельность князя Константина Николаевича были постоянным объектом разоблачений Герцена), а также некоторых стилистических особенностей, характерных для его публицистики — например, каламбурное обыгрывание имени Н. К. Краббе, на котором построена вся заметка. Включено М. К. Лемке в Dubia (Л X 400).

Характеризуя Н. К. Краббе, генерал-адъютанта, управляющего морским министерством с 1860 г., кн. П. В. Долгоруков на страницах своего журнала писал о нем как о «хорошем администраторе» и «человеке честном»: «Его политические убеждения (если они у него есть) неизвестны, но надо полагать, что обязанный карьерой и министерским портфелем великому князю Константину пойдет по политической стезе, проложенной его высочеством» («La Véridique», 1862, стр. 82).

Стр. 315. ... *грешный старичок Меншиков* — Герцен имеет в виду, с одной стороны, его «грехи» перед родиной (срыв крестьянской реформы в 40-х годах, ответственность за неудачи в Крымской войне в 1853—55 гг.), а с другой — его противоестественные наклонности, обусловившие в свое время карьеру Н. К. Краббе.

〈ТИХОЦКИЙ〉

Печатается по тексту *К*, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 688, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании непосредственной связи с заметкой «Генерал-кулачный боец и детский кисель» (см. наст. том), а также некоторых стилистических особенностей, характерных для публицистики Герцена — например, каламбурное обыгрывание фамилии Тихоцкого. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 401).

Стр. 315. *Имя кулачного бойца и генерала...*— См. выше заметку «Генерал-кулачный боец и детский кисель».

ТИРАНСТВО СИБИРСКОГО МУРАВЬЕВА

Печатается по тексту *К*, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 688, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Петрашевский». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании переписки Бакунина с Герценом по поводу дела Беклемишева и Неклюдова (см. «Письма Бакунина к Герцену и Огареву», Женева, 1896). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 401).

Стр. 315. *Дело Беклемишева и Неклюдова...*— История дуэли Беклемишева и Неклюдова и разгоревшаяся вокруг нее ожесточенная борьба, связанная с общей оценкой деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева, получила широкое отражение в изданиях Герцена (см. в наст. томе «Мы получили письмо», «Убийство Неклюдова в Иркутске», «По делу иркутской дуэли», «Письмо в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым», «Дуэль Беклемишева с Неклюдовым» и комментарий).

... *Петрашевский был схвачен и сослан на поселение в от Минусинска?*...— М. В. Буташевич-Петрашевский, живший в это время на поселении в Иркутске, на похоронах Неклюдова произнес речь, в которой назвал дуэль Беклемишева с Неклюдовым «изменническим убийством». В результате этого выступления Петрашевский 27 февраля 1860 г. был арестован и выслан в село Шушенское Минусинского округа.

ЛИШНИЕ ЛЮДИ И ЖЕЛЧЕВИКИ

Печатается по тексту *К*, л. 83 от 15 октября 1860 г., стр. 689—692, где опубликовано впервые, за подписью: *И — р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Перепечатано без изменений в сборнике статей Искандера «Еще раз», Женева, 1866, стр. 198—214 (об истории подготовки и выхода в свет этого сборника см. в комментарии к «Концам и началам» — т. XVI наст. изд.). Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 322, строка 14: *наводящие уныние вместо: наводящие уныния*

В статье «Лишние люди и желчевики» Герцен продолжает полемiku с редакцией «Современника», начатую в «Very dangerous!!!» и посвященную вопросу о «лишних людях».

Определение «лишний человек» впервые ввел в литературу Тургенев, автор «Дневника лишнего человека» («Отечественные записки», 1850, № 4). После опубликования повести Тургенева термин «лишний человек» стал

широко употребляются в критике пятидесятих-шестидесятих годов для обозначения особого социально-психологического типа, возникшего в среде русской передовой дворянской интеллигенции после ухода с исторической сцены декабристов. Характеризуя людей, не находящихся для себя места в жизни в условиях николаевской реакции, трагически сознающих бесплодность своего существования, но и не способных на настоящую борьбу, этот же термин закрепляет и Герцен в 1851 г. в своей работе «О развитии революционных идей в России» (т. VII наст. изд.). Различными вариантами типа «лишнего человека» явились образы Онегина, Печорина, Бельтова, Рудина и притыкающих к ним героев тургеневских произведений.

Формулировка «желчевики», использованная Герценом в борьбе с критиками-демократами, сложилась в середине пятидесятих годов в кругу Тургенева, Григоровича, Боткина, Дружинина, иронически-близорукую объяснявших линию литературно-политического поведения Чернышевского «расстройством печени» или «разлитием желчи» (см. об этом в письме И. С. Тургенева к А. В. Дружинину от 11 ноября 1856 г.— «Письма к А. В. Дружинину», Гослитмузей, Летописи, 1948, кн. 9, стр. 321; Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 60, М., 1949, стр. 75; Тургенев и круг «Современника», Academia, М.—Л., стр. 422).

В 1859—60-х гг. пропаганда «идеи крестьянской революции, идеи борьбы масс за свержение всех старых властей» (В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97) являлась для Чернышевского и Добролюбова уже основной и непосредственной практической задачей. Оценивая сложившиеся силы русского общества с точки зрения предстоящей революции, вожди «Современника» энергично боролись с либерально-дворянской интеллигенцией, которая претендовала на руководящую роль в политической и культурной жизни страны. «Кровоно связанный с тем, на что должен восставать», подчеркивал Добролюбов, русский либеральный «герой» выступает в роли «смешного Дон Кихота», не понимающего «ни того, за что он борется, ни того, что выйдет из его усилий» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, 1937, стр. 229).

Борьба с либералами, объявлявшими себя наследниками деятелей тридцатых-сороковых годов, обусловила переоценку Чернышевским и Добролюбовым значения идей предшествующего периода для данного этапа общественной жизни. Разделяя убеждения Белинского, революционеры-демократы выдвигают на первый план тезис о недостаточности идейных достижений и требований прогрессивной интеллигенции 40-х годов, представителями которых в 50-е годы были Анненков, Боткин, Кетчер, Корш и др.

К Чернышевскому и Добролюбову, выступившим с критикой «лишних людей», примкнул Щедрин своими очерками «Талантливые натуры» («Губернские очерки», 1856—1857) и отрывком из «Неизданной переписки» из «Книги об умирающих» («Русский вестник», 1858, № 3), в котором вынес суровый приговор дворянской интеллигенции прошлого за ее идеалистическую отвлеченность, пассивность, вызванную желанием устраниваться от «черной работы», к которой она «всегда имела инстинктивное отвращение» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. IV, 1935, стр. 179).

Следствием той политической тактики, которую проводили критики-демократы, явилось враждебное столкновение и окончательный разрыв Тургенева с «Современником» и Некрасовым в марте 1860 г. из-за статьи Добролюбова о романе «Накануне».

После конфликта с Тургеневым критика либеральных тенденций в философских и политических взглядах писателя, начатая разбором «Накануне», приобрела еще более резкий характер. В июньском номере «Современника» за 1860 г., в рецензии на книгу Готторна «Собрания чудес, повести, заимствованные из мифологии» Чернышевский осудил Тургенева за колебания и нерешительность, обнаруженные им в работе над образом

Рудина. В следующем томе журнала, в статье «Благонамеренность и деятельность» Добролюбов выступил с протестом против тургеневского фатализма и неизбежно вытекающего из него вывода о невозможности появления в условиях России «твердого, деятельного характера». Комментируя эти и другие выступления Чернышевского и Добролюбова, Тургенев сообщил Герцену в начале 1861 г.: «С „Современником“ и Некрасовым я преградили всякие сношения, что между прочим явствует из ругательства à mon adresse почти в каждой книжке» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, стр. 134).

Во время пребывания Анненкова и Тургенева в Лондоне в августе-сентябре 1860 г. при встречах их с Герценом разговор, естественно, не мог обойти и отношений Тургенева с журналом Некрасова, тем более что имя последнего в эту пору особенно привлекало внимание в связи с процессом о деньгах Огарева, расстраченных А. Я. Панаевой. В этом процессе живо заинтересован был Герцен, а Анненков принимал непосредственное участие по поручению своих друзей.

Вспоминая об этих летних беседах, Герцен 8(20) ноября 1860 г. писал Анненкову: «Читал ли ты „Лишних людей“ в „Колоколе“? Я после разговоров с тобой и небольшой статьи этих господ — вдруг вздумал анонимный портрет демократа-поэта поместить под „Колокол“. Что это произвело за эффект?» Под «небольшой статьей этих господ» Герцен подразумевал упомянутую выше статью Добролюбова «Благонамеренность и деятельность» в седьмой книжке «Современника» за 1860 г. Именно эта статья Добролюбова и явилась ближайшим поводом к написанию «Лишних людей и желчевиков». Направленная против ряда выступлений «Современника» о лишних людях, статья Герцена была, в частности, развернутым ответом на аргументацию Добролюбова в «Благонамеренности и деятельности». Е. Н. Дрыжакова в статье «Полемика „Колокола“ и „Современника“ в 1859—1860 гг.» историю этой полемики осложняет соображениями о том, что спор Герцена с разночинцами-демократами был вызван лишь его ошибочным пониманием литературно-политических позиций Добролюбова. Между тем в этом споре сказались либеральные колебания Герцена, а не его якобы плохая информация об установках Добролюбова (см. «Ученые записки Ленинградского Гос. пединститута, факультет языка и литературы», вып. V, том XVIII, 1956, стр. 66). Подробнее см. об этом в статье Н. А. Золиной «О статье Герцена „Лишние люди и желчевики“» («Ученые записки Ленинградского Гос. университета», № 229, 1957, стр. 260—262).

Герцен решительно настаивает на необходимости строгого исторического разграничения тех, кто стал лишним в условиях николаевского режима, и современных бездеятельных героев, «вольнопределяющихся в лишние люди». Соглашаясь с отрицательной оценкой последних, Герцен сосредоточивает внимание на защите «почетных», «николаевских» лишних людей.

В отличие от Чернышевского и Добролюбова, подчеркивавших, что «лишние люди» возникли на почве крепостничества, обеспечивающего возможность праздной жизни, Герцен объяснял появление этих «героев» реакцией 30—40-х гг., парализовавшей все попытки полезной деятельности. Эта точка зрения, неоднократно высказывавшаяся Герценом ранее (см., например, «О развитии революционных идей в России», «О романе из народной жизни в России», «Very dangerous!!!» и другие статьи), получила отражение и в его художественной практике — в романе «Кто виноват?» (см. т. IV наст. изд., стр. 322—325). Характерно, что именно в период острой полемики вокруг «лишних людей» в русской печати конца пятидесятых годов Герцен переиздает в июне 1859 г. в Лондоне «Кто виноват?» как важный аргумент для подтверждения своих теоретических деклараций. Учитывая в известной степени влияние крепостного права на форми-

рование личности Бельтова, Герцен все же не считал этот фактор решающим. В недооценке этого обстоятельства упрекнул Герцена еще Белинский, писавший в 1847 г. о романе: «Мы думаем, что автор... мог бы еще указать слегка и на натуру своего героя, несколько не практическую и, кроме воспитания, порядочно испорченную еще и богатством» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Защищая «лишних людей» от нападок «Современника», Герцен отстаивал историческую прогрессивность и общественную значимость всего передового идейного движения 40-х гг. Отождествляя с «лишними людьми» не только своих «бывших товарищей», но и самого себя, Герцен упрекал разночинцев-демократов в недооценке ими своих непосредственных предшественников. В том же листе «Колокола», где была напечатана статья «Лишние люди и желчевики», Герцен поместил сочувственную заметку о декабристе Н. И. Тургеневе, заключительные слова которой звучали явно полемически: «Нам не трудно уважать наших предшественников. Нам — легко это высказывать».

В 1860 г., убежденный всем ходом подготовки реформы, что «от правительства ждать нечего», Герцен возлагает надежды на так называемое «меньшинство совершеннолетних», которое, независимо от царя, должно взять на себя дело крестьянского освобождения. Эта мысль, заявленная в статье «Письма из России», получила наиболее отчетливое выражение в предисловии Герцена к сборнику «За пять лет» (см. наст. том). В дальнейшем тезис Герцена был конкретизирован Н. П. Огаревым в «Письмах к соотечественнику» (Ж, л. 77-78 от 1 августа 1860 г.).

Под «образованным меньшинством» Герцен и Огарев подразумевали прежде всего передовое дворянство и отчасти новую, демократическую интеллигенцию, формирующуюся из разночинской среды. Эту антикрепостническую общественность Герцен и называл тем «кряжем свежим», который, унаследовав передовые традиции 40-х гг., явился и в 60-х гг. носителем «мысли, науки, человеческих убеждений».

— Позиция Герцена, сформулированная им в ряде названных статей, поддерживалась и Тургеневым, который, горячо одоблив введение к сборнику «За пять лет», писал Герцену: «Приобрел покупкой 72 номер „Колокола“. Очень хорошо предисловие» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, стр. 122).

В противовес «Современнику», сурово критиковавшему либерально-дворянские элементы в творчестве Тургенева, Герцен видел в нем, как и в Белинском, как и в Лермонтове, одного из лучших представителей литературно-общественного движения сороковых годов.

Характерно, что Тургенев первым откликнулся на статью «Лишние люди и желчевики», полностью одоблив ее основные положения и резкие строки Герцена о Н. А. Некрасове: «Я понял конец „Желчевиков“ и сугубо тебе благодарен (...) И за нас, лишних, заступился. Спасибо» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», стр. 97).

Лагерь разночинцев-демократов, последователей Чернышевского и Добролюбова, принял статью Герцена как несправедливый, враждебный выпад, продолжаящий, хотя и в более смягченных тонах, линию статьи «Very dangerous!!!»

А. Серно-Соловьевич в брошюре «Наши домашние дела» (1867) будет приводить статью «Лишние люди и желчевики» как один из наиболее ярких примеров недоброжелательного отношения Герцена к Чернышевскому и Добролюбову: «А ваша статья о желчевиках в кого метила?» — возмущенно спрашивал Серно-Соловьевич Герцена, имея в виду нападки последнего на «Современник».

Революционные эмигранты во главе с М. К. Элпидиным в предисловии к издаваемым ими за границей экономическим трудам Чернышевского,

вспомнив о прежних разногласиях Герцена с «Современником», упрекнул в 1870 г. издателей «Колокола» за их выступление против «так называемых ими желчевиков или свистунов» (Н. Г. Чернышевский. Очерки из политической экономии (по Миллю), изд. М. Эллидина и К^о, Женева, 1870, стр. III).

Сотрудник «Современника» М. А. Антонович в воспоминаниях «Поездка П. Г. Чернышевского в Лондон к А. И. Герцену» писал по поводу комментируемой статьи: «Герцен не только не отказался от порицаний и несправедливых обвинений, которыми наполнена его статья „Very dangerous!!!“, но и подтвердил их в другой статье, напечатанной им через год после первой под заголовком „Лишние люди и желчевики“. Это те же свистуны и паяцы, о которых в первой статье было сказано, что они *точат желчь* на все отрадное в русской литературе. Но наученный уроком, данным ему результатом первой его статьи, он сбавил и смягчил тон по отношению к желчевикам, но зато разразился страшными обвинениями против Некрасова» («Шестидесятые годы». М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания, М.—Л., 1933, стр. 89).

На полемику Герцена с «Современником» впоследствии откликнулся К. Маркс. В споре редактора «Колокола» с «революционными Данилами», Маркс решительно встал на сторону «Чернышевского и его друзей», резко осудив направленные против них статьи Герцена (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 2, 1940, стр. 643).

В 60-х гг. Герцен неоднократно возвращается к вопросу о «лишних людях» (см. «Новая фаза в русской литературе», страницы о Н. И. Сазонове в «Былом и думах», «Письма к будущему другу», «Еще раз Базаров» и др. статьи).

Стр. 317. «Колокол», 1859, л. 44.— Герцен приводит автоцитату из статьи «Very dangerous!!!».

... с катоновским пристрастием к делу побежденных ...— Катон Младший, горячий приверженец идеалов республиканского Рима, узнав об окончательной победе Цезаря в 46 г. до п. э. и поняв бесполезность дальнейшей борьбы и неизбежность установления диктаторской власти, покочил самоубийством. Ср. в «Письмах об изучении природы» Герцена: «...сознать себя прошедшим — самоотвержение, почти невозможное живому: это — самоубийство Катона» (т. III наст. изд., стр. 207).

Ничего нет плачевнее ∞ которые они никогда ясно не могли поставить. — Эти строки явно перекликаются с высказыванием Добролюбова о современных бездельных «благородных юношах» в статье «Благонамеренность и деятельность»: «...дают ли они <эти герои> себе ясное понятие о том, что нужно для осуществления их желаний? Нет, они постоянно отличаются самым ребячским, самым полным отсутствием сознания того, к чему идут и как следует идти. Все, что в них есть хорошего — это желание, чтобы кто-нибудь пришел, вытащил их из болота, в котором они вязнут, взвалил себе на плечи и потащил в место чистое и светлое» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, 1937, стр. 244).

... *les vieux de la vieille* — солдаты гвардии Наполеона I.

Стр. 318. ... в одном из лучших русских обзоров...— Герцен имеет в виду журнал «Современник», который статьями Чернышевского и Добролюбова последовательно пропагандировал мысль о необходимости обличения основ самодержавно-крепостнического строя, а не тех или иных частных злоупотреблений.

Стр. 319. ...сажать человека в тюрьму, потому что он, будучи литератором, о дева ет с я по-русски...— Герцен намекает на инцидент с литератором П. И. Якушкиным, который осенью 1859 г. был арестован в Пскове, возбудив подозрение полиции своим крестьянским

костюмом. Упоминание об этом эпизоде содержалось в рецензии на «Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний» Якушкина, помещенной в той же книжке «Современника», где была напечатана статья Добролюбова «Благонамеренность и деятельность» (1860, № 7). Герцен откликнулся на арест Якушкина еще в 1859 г. в статье «Русские немцы и немецкие русские» (см. стр. 187 наст. тома).

Каань на Кронвержской куртине 13 июля 1826 года...— В ночь с 12 на 13 июля 1826 г. на валу кронверка Петропавловской крепости были повешены П. И. Пестель, К. Ф. Рылев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский.

Стр. 320. «она взоюдет — заря пленительной счастья»...— Цитата из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву».

Стр. 322. ... наводящие уныние лица певских Данилов ∞ о всех несчастных мира сего.— Герцен иронически сравнивает резкие выступления Чернышевского и Добролюбова против «лишних людей» с грозными обличениями язычников библейским пророком Даниилом. Герцен имеет в виду, очевидно, упрёк Добролюбова, брошенный им в адрес «лишних людей» в статье «Что такое обломовщина?»: «... можно было заняться кутежом, интрижками, каламбурами, театральством — и уверять, что это мы пустились, мол, оттого, что нет простора для более широкой деятельности» (ср. отношение Герцена к эпикуреизму московского кружка 40-х гг. в «Былом и думах», гл. ХХІХ — т. ІХ наст. изд.).

М. Лемке (Л Х, 418) и В. Евгеньев-Максимов («Современник» при Чернышевском и Добролюбова, 1936, стр. 415) ошибочно связывали образ Даниила в статье Герцена с Даниилом Заточником, автором «Моления», памятника древнерусской литературы XIII века. В произведениях Герцена образ Даниила всегда имеет значение библейского пророка, гневного обличителя всякого зла (см., например, в «Былом и думах» — глава «Venezia la bella», а также произведения «Легенда», «Пророк-издатель», «Mortuos plango», «Клоповник...» и др.).

... мы уже видим, как из дальних университетов, из здоровой Украины, с здорового северо-востока являются совсем иные люди...— Герцен полагал, что в провинции находятся передовые общественные силы, которые могут взять на себя дело крестьянского освобождения. Об этом он писал в статье «Провинциальные университеты» (см. т. XV наст. изд.).

Тип желчных людей мы изучили ∞ иногда и за Рейн с 1850 г.— О новом поколении, пришедшем на смену «лишним людям», Герцен, находясь в эмиграции с 1847 г., мог судить по приезжавшим в 50—60-х годах за границу таким его представителям, как В. А. Энгельсон, Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, М. И. Михайлов, Н. В. Шелгунов, А. А. Слепцов, Н. Г. Чернышевский и др. Характеристика «типа желчных людей», не соответствующая действительному облику лучших представителей разночинцев-демократов, во многом близка портрету В. А. Энгельсона в «Былом и думах», в гл. «Энгельсоны», написанной в 1859 г. (т. X наст. изд.), незадолго до появления «Лишних людей и желчевиков» (см. также главу «В. И. Кельсиев» (т. XI наст. изд.).

Стр. 323. .. до инструкции преподавателям военно-учебных заведений...— Имеется в виду «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений» Я. И. Ростовцева (1849).

... до бутурлинского проекта закрыть университеты...— В начале 1849 г., в период разгула правительственной реакции, Д. П. Бутурлин, председатель «Комитета 2 апреля», предложил закрыть университеты (см. Мих. Лемке, Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия, СПб., 1904, стр. 225—234; А. В. Никитенко, Дневник, т. I, М., 1955, стр. 320, 331).

Стр. 324. «Das was innen — das ist draußen!»...— Немецкая поговорка: «Что на уме — то и на языке!»

... «бутылками, и преболшими» ∞ «тет-с, бочками сороковыми!» — Нечотная цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова (действие III, явл. 21).

... говорил нам недавно один желчевик (*sehr ausgezeichnet in seinem Fache*... — В специальной литературе выдвигались предположения, что под «желчевиком», «весьма сведущим в своей области», Герцен имел в виду или Чернышевского, или Благоветлова, или Слепцова, или Добролюбова. Достоверно лишь, что в разговоре с «желчевиком» или «Даниилом» Герцен полемизирует с основными положениями Чернышевского и Добролюбова в их печатных выступлениях против «лишних людей». В частности, Герцен явно учитывает в своей полемике ряд высказываний Добролюбова в статье «Благонамеренность и деятельность».

С т р. 325. ... Чаадаев ∞ умел написать статью... — «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева было напечатано в «Телескопе», 1836, № 15. Оценку Герценом П. Я. Чаадаева и его «Философического письма» см. в «О развитии революционных идей в России» (т. VII наст. изд., стр. 221—223) и в «Былом и думах» (т. IX, стр. 138—140).

Немец Вигель обиделся за Россию... — Имется в виду послание Ф. Ф. Вигеля, занимавшего в 1829—1840 гг. должность управляющего департаментом духовных дел иностранных исповеданий, митрополиту Серафиму, написанное по поводу публикации «Философического письма» Чаадаева. Это послание носило характер политического доноса.

Иван Киреевский ∞ издал две книжки — запретили журнал. — В 1832 г. И. В. Киреевский издавал еженесячный журнал «Европеец». После выхода двух номеров журнал был запрещен в феврале 1832 г. по распоряжению Николая I за напечатание в первой книге статей Киреевского «Девятнадцатый век» и «„Горе от ума“ — на Московском театре». Оданный под надзор полиции, Киреевский до 1845 г. почти не печатался (см. А. В. Никитенко, Дневник, т. I, 1955, стр. 89; Мих. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826—1855 годов, изд. 2, СПб., 1909, стр. 50, 270—272).

... крылья «Телеграфа» подвязали... — 3 апреля 1834 года «Московский телеграф» был запрещен «по высочайшему повелению» за помещенный в третьей книжке журнала отрицательный отзыв Н. И. Полевого о верно-подданической драме Н. В. Кукольника «Рука всвышнего отечество спасла». Общую оценку деятельности Н. И. Полевого Герценом см. в «О развитии революционных идей в России» (т. VII наст. изд., стр. 215—219).

... когда я читал, как Полевой говорил Панаеву о том, что он, женатый человек, обремененный семьей, боится квартального... — Герцен имеет в виду рассказ И. И. Панаева о Полевом в «Воспоминании о Белинском», напечатанном в «Современнике», 1860, № 1, стр. 353 (ср. И. И. Панаев, Литературные воспоминания, 1950, стр. 294).

... Зачем же они в самом деле не пошли в сапожники, в дровосеки, все лучше бы? — Эти суждения «Даниила» являются перефразировкой слов Добролюбова, который говорит о «лишних людях» в «Благонамеренности и деятельности»: «Хоть бы веслами работать умели — на Неву или Волгу перевозчиками бы нанялись или, если бы расторопность была, — поступили бы в дворники, а то мостовую мостить, с шарманкой ходить, раек показывать пошли бы, когда уж больно тошно приходится им в своей-то среде... Так ведь ничего не умеют, никуда сунуть носа не могут. Мечтатели они все, а не деятели и даже не прожекторы» (Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, 1937, стр. 245).

С т р. 326. ... в неопытном положениии церкариев... — Церкария — организм на личиночной стадии развития.

Заслуживают ли они симпатии ∞ возбуждает наше сочувствие... — Эти слова Герцена являются прямым ответом на высказывание Добролюбова в «Благонамеренности и деятельности»: «За что же будем мы им <„лишним людям“> сочувствовать? Зачем же писать симпатические

рассказы об их мечтах и внутренних страданиях, не приводящих ни к чему путному?» (И. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, 1937, стр. 245).

... *Термопилы с Голгофой*...— Имеется в виду трагическая гибель в 480 г. до нашей эры небольшого отряда спартанцев во главе с царем Леонидом, героически защищавших от персов Фермопилы — горный проход, открывающий путь в Среднюю Грецию. На Голгофе (холм в окрестностях Иерусалима) был распят Христос.

Стр. 327. ... *хоть бы литературного ruffiano* ... — Герцен имеет в виду Некрасова, исключительно резкая и несправедливая характеристика которого была вызвана не только личной неприязнью (Герцен необоснованно обвинял Некрасова в присвоении денег Огарева, доверенных А. Я. Панаевой), но главным образом обострением идейных разногласий «Колокола» с «Современником» в 1859 г. До полемики с Чернышевским и Добролюбовым Герцен, несмотря на враждебное отношение к личности Некрасова, неизменно одобрительно подчеркивал и талант поэта, и антикрепостническую направленность всего его творчества.

ВОЛЬНОЕ РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Печатается по тексту *К*, л. 83 от 15 октября 1860 г., стр. 696, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании его письма к И. С. Тургеневу от 29 октября 1860 г., где он пишет о Николае Ивановиче Тургеневе, что он «ему ввернул похвалу и даже о его каменной болзни упомянул» (т. е. твердости убеждений). Включено М. К. Лемке (*ЛХ*, 428—429).

Статья кончается словами: «А вот кстати...» и переходит в заметку «Еще цепь и еще стеснение слова»: «Главное управление цензуры, имея в виду высочайшие повеления, коими запрещены, на каком бы языке ни было, критики, как бы благонамеренны они ни были, на книги и сочинения запрещенные, и потому не должные быть известными, 9 сего июля определило: пояснить Московскому ценсурному комитету, что, руководствуясь теми высочайшими повелениями, статьи, разбирающие вновь вышедшие за границею сочинения, книги и брошюры, могут быть допускаемы к печати не прежде, как по удостоверению, что эти книги и брошюры дозволены для публички комитетом цензуры иностранной!»

Стр. 328. *Теперь их существует три, четыре, даже одна в Наумбурге*.— В 1856 г. в Берлине начала работать русская типография К. Шульце, а в 1857 г.— типография Тровича и сына. В Лейпциге в это время русские издания печатались в типографиях Ф. А. Брокгауза и Г. Бера, а в Наумбурге с 1858 г.— в типографии Г. Пеца (Петца).

... *выходит новый русский журнал «Будущность» о котором будем говорить, когда выйдет несколько листов*.— Журнал «Будущность» был основан П. В. Долгоруковым совместно с владельцем немецкой издательской фирмы А. Франк, Фивегом. Первый номер журнала был отпечатан в Лейпциге и 15 сентября 1860 г. вышел в Париже. Этот номер журнала вместе с письмом был послан Долгоруковым Герцену. В ответном письме от 8 октября 1860 г. Герцен писал: «О журнале еще не могу ничего сказать: его „будущность“ еще впереди; ждем № два-три». Разбор журнала «Будущность» так и не появился на страницах «Колокола», хотя некоторые материалы из него использовались Герценом в его статьях. В *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г. было напечатано «Объявление» П. В. Долгорукова, датированное 15 января 1862 г., в котором говорилось: «... ныне книжный магазин А. Франка поступил во владение г. Герольда, который объявил мне, что не может издавать журнала, неприят-

ного русскому правительству. Не разделяя нимало верноподданических чувств швейцарского гражданина Герольда к Голштейн-Готторпской фамилии, я отвечал ему, что он может искать себе другого редактора (...). Тенерь, с изданием 25 № „Будущности“, прекращая свое участие в ее издании... Густав Бер, став компаньоном А. Франка по изданию, с № 3 (6 декабря 1860 г.) стал ответственным редактором «Будущности».

АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ НАПОЛЕОНУ ТРЕТЬЕМУ — ЧЕТЫРЕ ЛОШАДИ!

Печатается по тексту *К*, л. 83 от 15 октября 1860 г., стр. 696, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Автограф Герцена устанавливается на основании письма Огарева к Герцену: «Чернецкий выбросил было твою статью о лошадях для того, чтоб поместить статью о цензуре...» (*ЛН*, т. 39-40, стр. 386). Включено М. К. Лемке (*Л Х*, 429).

Стр. 329. ... *в двух я Шуваловыми*.— Подразумеваются братья Петр и Павел Андреевичи Шуваловы.

... *тот гравный, тот мощный аристократ ∞ они избалуются?*— Речь идет о петербургском губернском предводителе П. П. Шувалове; см. заметку «Слово графа Виктора Панина к депутатам» в наст. томе.

СЕРБЫ И ЧЕРНОГОРЦЫ

Печатается по тексту *К*, л. 84 от 1 ноября 1860 г., стр. 679—698, где опубликовано впервые, за подписью: *Искандер*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен. Одновременно вышел отдельным листком как приложение к «Колоколу» французский перевод статьи: «La Presse russe à Londres aux serbes et monténégrins» (см. «Другие редакции»).

Стр. 330. *Старый Милош со своими старыми понятиями сошел в могилу*.— В ноябре 1817 г. Милош I Обренович был провозглашен первым князем Сербии с наследственной властью. В нарушение гагтшерифа 1830 г., по которому он должен был управлять страной, совещаясь со старейшинами народа — скупщиной, Милош установил самодержавный режим. Недовольство его правлением привело в 1835 г. к заговору, руководители которого принудили Милоша согласиться на ограничивавший его власть «Сретенский устав», который Милош, однако, бесцеремонно нарушил.

Стр. 330—331. *Его преемник ∞ не обещал продолжать царствования независимого отца и благодетеля, он обещал ∞ царствовать, «покоряясь законам» свободного представительства народа*.— После смерти Милоша I в сентябре 1860 г. на сербский престол вступил его младший сын Михаил III Обренович. «Северная пчела» от 26 сентября 1860 г. в корреспонденции из Сербии сообщала, что при вступлении на престол князь Михаил обещал создавать в назначенное время скупщину, заявив, что «одни законы, должным образом улучшенные, будут царствовать впредь и исправлять ошибки прошлого». Прорусские круги в Сербии связывали с приходом к власти Михаила свои надежды на сближение Сербии с Россией и отход от прежней проавстрийской ориентации.

Стр. 331. *В Черногории преемником несчастного князя Даниила является юноша*.— В 1860 г. князь Данило Петрович Негош, ориентировавшийся в своей политике на Россию, был убит черногорцем Кадичем. Этот террористический акт был организован, видимо, агентами Австрии.

После смерти Данилы ему наследовал его племянник Николай Петрович Негош.

Если молодой князь будет поменьше благодарен за свое воспитание... — Николай Негош получил воспитание в Цетинье, Триесте и Париже.

Стр. 332. *Как барабан 21 января 1793 года мешал слышать слова короля...* — Имеется в виду казнь Людовика XVI.

... политика, по которой православный Александр I не хотел помочь грекам... — Весной 1821 г. в Греции вспыхнуло восстание против турецкого ига. Во главе восстания стал А. Ипсиланти, офицер русской армии. Александр I, испуганный революционным характером греческого восстания, расценив его как выступление «бунтовщиков» против «законного монарха» — турецкого султана, отклонил просьбу Ипсиланти о покровительстве и объявил об исключении его из рядов русской армии.

... Николай I сделал первую венгерскую кампанию... — Революция в Венгрии обусловила обращение Австрии за помощью к Николаю I. Восстание было подавлено царскими войсками в августе 1849 г.

... когда она четвертовала Польшу с совами немцами? — В 1795 г. произошел последний раздел Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией. Польша была ликвидирована как самостоятельное государство.

... Николай бросил на водку Австрии одну из древнейших столиц Польши — Краков... — По решению Венского конгресса 1814—1815 гг. Краков с прилегающим к нему округом был превращен в Краковскую республику. Поражение краковского восстания 1846 г. повлекло за собой ликвидацию республики и присоединение Кракова к Австрии.

... три орла, три урда — с пятью клювами — В государственном гербе России и Австрии изображен двуглавый орел, в гербе Пруссии — одноглавый.

Стр. 333. *... раболепный старик, уложивший тысячи русских под Черной...* — Наместник Царства Польского кн. М. Д. Горчаков был в 1855 г. главнокомандующим русскими войсками во время Крымской кампании; в сражении на реке Черной русская армия потерпела поражение.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ МАСКАРАДЫ ИГНАТЬЕВА

Печатается по тексту К, л. 84 от 1 ноября 1860 г., стр. 704, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Письма Огарева к Герцену свидетельствуют, что заметку эту они готовили совместно, несколько раз перерабатывая ее. В одном из октябрьских писем 1860 г. Огарев писал Герцену: «Посылаю курьезный приказ Игнатъева, который я приготовил к будущему „Колоколу“. Если что придумаешь лучше — то обделай. Надо эдак обухом тресануть» (ЛН, т. 39-40, стр. 388). В письме от 14 октября он же, упоминая о материалах, присланных для «Колокола» Благовестловым, отмечал в числе прочего и «записку генерала Павловского — прелесь!» (там же, стр. 389). Ответ Герцена до нас не дошел, но в своем отклике на него Огарев недоумевал: «Зачем ты мне прислал Игнатъева? Я и своим и твоим недоволен; я затем и послал, чтоб ты, подержавши, придумал что-нибудь хорошее. Твоим я недоволен, потому что не знаю, зачем вдвигать Австрию? Об Австрии придется говорить серьезно или оставить ее в стороне» (там же, стр. 392). Статья была опубликована, видимо, с новой правкой Огарева. Включено Л. А. Тихомировым (Т, 260) и М. К. Лемке (ЛХ, 339—340).

Стр. 335. *... водимые мужчины...* — Речь идет об арестантах, о проекте введения масок для которых сообщалось в К, л. 90 от 15 января 1861 г.

Стр. 336. ... заставила нас вспомнить одно место из второй части «Мертвых душ»... — Герцен имеет в виду отрывок из разговора Чичикова с генералом Бетрищевым («Мертвые души», том второй, глава 2).

ДОМ, ПРИМЧАВШИЙСЯ К МИНЕ ИВАНОВНЕ НА ПОЧТОВЫХ

Печатается по тексту *К*, л. 84 от 1 ноября 1860 г., стр. 704, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки (Герцен неоднократно упоминает о Минне Ивановне Бурковой, см., например, «Под спудом», «Москва» и другие статьи в т. XIII наст. изд.) и некоторых особенностей ее стиля (характерные для Герцена каламбуры в заголовке, в строке: «Не верим, чтоб так явно можно было награждать за тайные услуги»). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 440—441).

Стр. 337. Знаменитая *Мина Ивановна*... — М. И. Буркова, фаворитка гр. В. Ф. Адлерберга, министра императорского двора и главного начальника почтового управления. См. о ней по указателю в т. XV наст. изд.

САМОДЕРЖАВНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 84 от 1 ноября 1860 г., стр. 704, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Выезд татаро-австрийского посольства из Турина». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании письма Огарева от середины октября к Герцену: «... русские газеты бранят Австрию, а „Норд“ опровергает даже известие об отозвании Штакельберга из Турина, на том основании, что его в Турине давно нет и потому нельзя было его отозвать. Если же в виду какой-нибудь сент-альянец, то надо тебе приготовить не мимоходную заметку, а еще статью» (*ЛН*, т. 39-40, стр. 392). Как известно, вопрос о русско-австрийских отношениях входил в круг ближайших интересов Герцена. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 441).

Стр. 337. *Певско-австрийский посол упрекнул Кавура*... — Русский посол при Сардинском дворе гр. Э. Г. Стакельберг заявил протест в связи с намерением Виктора-Эммануила присоединить Неаполь к Сардинскому королевству.

А. С. ХОМЯКОВ

Печатается по тексту *К*, л. 84 от 1 ноября 1860 г., стр. 704, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Кончина А. С. Хомякова».

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Так как русско-славянские отношения освещались в «Колоколе» Герценом и ему же принадлежат портреты-характеристики русских славянофилов на страницах «Колокола» (см., например, его статью «Константин Сергеевич Аксаков» — т. XV наст. изд.) и в «Былом и думах» (см. гл. ХХХ вт. IX наст. изд.), то есть все основания считать Герцена автором и настоящей заметки. Включено М. К. Лемке (*Л* X, 441).

ES REITEN DREI REITER

Печатается по тексту *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 705—706, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Польский перевод статьи был напечатан в «Przegląd Rzeczy Polskich» от 15 декабря 1860 г. Автограф неизвестен.

В письме от 20 ноября 1860 г. И. С. Тургенев писал Герцену: «„Drei Reiter“ — очень хороши; есть несколько удачнейших загвоздок, но вообще статья мне показалась напряженной...» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, стр. 132).

Статья посвящена итогам Варшавского свидания Александра II, австрийского императора Франца-Иосифа и регента Пруссии (будущего германского императора Вильгельма I). Свидание это происходило с 10/22 по 14/26 октября 1860 г. и было создано по инициативе министра иностранных дел А. М. Горчакова в связи с опасностью австро-итальянской войны.

В деле итальянского освобождения русское правительство занимало двойственную позицию. В 1859 г. оно позволило Франции и Сардинии разгромить Австрию и тем самым способствовало в какой-то мере объединению Италии. Но когда вслед за эгим на Апеннинском полуострове усилилось революционное движение, Александр II стал демонстрировать враждебность делу объединения Италии. После присоединения Неаполитанского королевства к Пьемонту русский посол был отозван из Турина. Австрийское правительство, весьма ободренное этим, во второй половине 1859 г. продвинуло свои войска к Ломбардо-Венецианской границе, объявило досрочный 100-тысячный набор в армию. Опасность итапо-австрийского вооруженного столкновения стала весьма реальной. Русские правящие круги опасались, что этот конфликт может перерасти в войну с Францией, поддержавшей Пьемонт, и вызвать восстание в Венгрии, которое могло бы перекинуться в Польшу. Варшавское свидание трех монархов организовано было с целью предотвращения военных действий в Италии, а не для сговора об интервенции.

Герцен всего этого не знал. Он судил о Варшавском свидании на основе газетных сообщений, далеко не всегда точных, противоречивых, подчас тенденциозно инспирированных. Многие газеты писали о возможности русско-австрийского военного соглашения прогив Италии и восстановления Священного союза. Другие, хотя и не допускали мысли о ресаврации Священного союза, тем не менее признавали реальность вмешательства России и Австрии в дело итальянского освобождения. 6/18 сентября 1860 г. в «Times» была напечатана депеша из Вены, в которой сообщалось: «Россия желает искреннего примирения с Австрией... Принимаются уже меры для свидания между императорами. Оно прекратит нынешнее положение дел». 11 сентября в той же газете была помещена другая депеша из Вены: «Союз между Австрией и Россией заставляет предполагать, что он заключен на случай восстания в Венгрии». И далее газета предупреждала Россию о нежелательности для Англии восстановления Священного союза и каких бы то ни было коалиций, которые «поставили бы Францию во главе либерализма прогив абсолютизма». 16 сентября берлинская «National Zeitung» писала: «Известие, сообщенное „Times“ о восстановлении Священного союза, возбудило живейшие опасения. Приписывают этот политический переворот последним действиям Сардинского правительства, заставившим сблизиться три северные кабинета. Говорят, что подобно решению, принятому на Лайбахском конгрессе, Австрия уполномочена будет на защиту законности». 13 сентября «Kölnische Zeitung» сообщала: «В Вене стараются распространить известие о восстановлении доброго согласия между Австрией и Россией и восстановлении Священного союза в Варшаве». 22 сентября в той же газете писалось: «Предстоящее свидание монархов сильно волнует общественное мнение. Опасение о восстановлении Священного союза, конечно, несомнительно. О совокупном вмешательстве во внутренние дела других держав теперь уже не может быть речи, но мы полагаем, что дела Италии будут обсуждаться на этом свидании». Венская «Ostdeutsche Post» писала в номере от 5 октября: «Мы желаем

только возможного соглашения с нею <с Россией> насчет общих действий в случае каких-либо европейских переворотов, надеясь, что нам будут содействовать Пруссия и Англия». Разговоры о Священном союзе шли и в русской печати. «Русский инвалид» 3/15 сентября утверждал, что причиной всех революций после 1815 г., в том числе и итальянской, является отказ от принципов Священного Союза.

Все эти сообщения не могли не встревожить Герцена, выступление которого по поводу Варшавского свидания трех монархов имело в виду прежде всего разоблачение козней реакционной дипломатии, враждебных будущему Италии, Венгрии и Польши.

Стр. 339. *Es reiten drei Reiter.*— «Die drei Reiter» — название немецкой народной песни. Первая ее строфа — «Es reiten drei Reiter zum Thore hinaus, ade!» Подражанием этой песне является юношеское стихотворение Лермонтова «Баллада» («Из ворот выезжают три витязя в ряд»), впервые опубликованное в 1891 г.

Unter den Linden — Одна из главных улиц Берлина. Буквально: Под липами (нем.).

«*Die Manefren auf dem Poronskischen Felde ∞ Magniperbel!*» — Прусский офицер говорит на берлинском диалекте, употребляя искаженные французские слова: «Маневры на Повонском поле — достойно всякого уважения, принц прусский чрезвычайно доволен, русский царь — также, — колоссально, брат, колоссально!» (Во время Варшавского свидания три монарха увлекались маневрами, парадами и смотрами, о чем сообщалось в русской и европейской прессе).

Стр. 340. *Александр II обидел Россию возможностью австрийского союза...* — В дневниковой записи В. Ф. Одоевского от 16 октября 1860 г. сказано об этом: «Сильные толки о варшавском свидании. Боятся, чтобы не попасть в лапки австрийских иезуитов. Народное мнение так сильно, что в газетах не печатают даже ничего о приезде императора австрийского, а только о принце регенте» (ЛН, т. 22-24, стр. 114).

... мы пять лет прожили в ссылке за намерение составить общество с безнравственной целью. — См. об этом в «Былом и думах», часть II, гл. XII (т. VIII наст. изд.).

... спасла его от ножа Лебени... — Венгр Ласло Либени 18 февраля 1853 г. совершил в Виспе покушение на Франца Иосифа.

Стр. 341. ... как сон Сквозника-Дмухановского, что ревизор скоро будет? — Использую слова городничего о «вещем сне» в комедии Гоголя «Ревизор» (действие первое, явл. 1), Герцен высказывает мнение, что Варшавское свидание вызовет осуждение реакционной политики трех монархов со стороны общественного мнения Европы и прежде всего — России и Польши.

Стр. 342. ... когда конгрессы п л я с а л и. — Намек на Венский конгресс 1815 г., про который принц де Линь сказал, что он танцует, но не движется.

РУССКИЕ ГЕНЕРАЛЫ ГЕРШТЕНЦВЕЙГ И СИВЕРС И РУССКИЙ ПОМЕЩИК ГУТЦЕЙТ

Печатается по тексту К, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 712, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Герштенцвейг, Сиверс и Гутцейт».

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки, которая непосредственно примыкает к другим статьям Герцена, разоблачающим Сиверса, Герштенцвейга, Гутцейта (например, «Постельная барщина продолжается», см.

наст. том), а также и стиля (характерны, например, для Герцена такие иронические определения, как «мужественный Закревский», «добрые немцы»). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 457).

Стр. 344. *Добрые немцы эти попадают очень часто в «Колокол».*— О Герштенцвейге и Сиверсе см. в статье «Теория и поэзия розог и шпиритенов в применении к защитникам отечества», напечатанной в *К*, л. 48 от 15 июля 1859 г., а также в наст. томе, стр. 411—412.

... *орловский Гутцетт.*— См. в наст. томе статью «Постельная барщина продолжается» и комментарий к ней.

ПОЧТОВЫЕ, ПОЧТЕННЫЕ И ИНЫЕ ШПИОНЫ

Печатается по тексту *К*, л. 86 от 1 декабря 1860 г., стр. 720, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Police galoppante». Автограф неизвестен.

Заметка непосредственно продолжает разоблачение действий тайной полиции, данное Герценом в статье «Еще тайная полиция» (см. в наст. томе). Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематических и стилистических признаков, характерных для публицистики Герцена: заголовок заметки, такие определения, как «будущий граф Тимашев»; «кандидат в Федерштерны»; строки о тайной полиции, «... задуманной Николаем, исполненной Бенкендорфом, упроченной Орловым, подержанной в цветущей акустике Долгоруким и будущим графом Тимашевым...» и т. д. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 474).

Стр. 345. *Статейка об Ульрихе в 74 листе «Колокола».*— Имеется в виду заметка «Еще тайная полиция», напечатанная в *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г. (см. также стр. 284—285 наст. тома).

... *тайная полиция так же разделяется, как Национальная гвардия в 1848 г., на постоянную и блуждающую.*— Имеется в виду французская привилегированная мобильная (подвижная) гвардия, созданная буржуазным Временным правительством 25 февраля 1848 г. для борьбы с революционными силами Парижа.

... *Вот мчится тройка удалая...*— Первое четверостишие из стихотворения Ф. Н. Глинки «Тройка».

ИГНАТЬЕВСКИЕ МАСКИ

Печатается по тексту *К*, л. 86 от 1 декабря 1860 г., стр. 720, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании ее непосредственной связи с заметкой «Полицейские маскарады Игнатьева». Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 474).

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЗА ЛИНЬКИ

Печатается по тексту *К*, л. 87-88 от 15 декабря 1860 г., стр. 743, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании тематики заметки: разоблачение зверского

обращения с матросами во флоте и деятельности Константина Николаевича. Включено М. К. Лемке (Л X, 474—475).

Выступления Гердена на эту тему вызвали беспокойство в либеральных кругах, близких к Константину Николаевичу, со стороны которых была предпринята попытка предотвратить последующие обличения Константина Николаевича в «Колокола». И. С. Тургуев в письме от 1 января 1861 г. просил Гердена «сходить вел. князя» (см. комментарий к статье «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“, т. XV наст. изд.).

Публикуемая заметка непосредственно связана с корреспонденцией из л. 86 «Колокола», озаглавленной «Крузенштерн, Нолькин, плюхи, льиньки, обезьяна и Анкудинов», где рассказывалось о бароне Крузенштерне и капитан-лейтенанте Анкудинове, которые собственноручно секли льиньками матросов. Корреспонденция заканчивалась вопросом издателей «Колокола»:

« — ¿ Правда-ли это, Константин Николаевич?

— ¿ Правда ли это, господин Краббе?

— ¿ И, наконец, г. Головнин, правда ли это?»

С т р. 347. ... о пристрастии которого к истязаниям матросов мы говорили три раза... — В заметке «Русские матросы в Виллафранке» (см. стр. 286 наст. тома), в заметке «Крузенштерн, Нолькин, плюхи, льиньки, обезьяна и Анкудинов» (Ж, л. 86 от 1 декабря 1860 г.).

... советуем ему отслужить панихиду о капитане «Пластуна» — 18 августа 1860 г. клипер «Пластун», возвращавшийся из Копенгагена в Кронштадт, затонул от взрыва порохового погреба. Командир клипера лейтенант барон Дистерло и большая часть экипажа корабля при этом погибли.

Историю этого взрыва мы надеемся в скором времени передать нашим читателям. — В Ж, л. 90 от 15 января 1861 г., в заметке «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“» (см. т. XV наст. изд.) были опубликованы официальные данные об этом, извлеченные из статьи «Гибель клипера „Пластун“» в «Морском сборнике», 1860, № 13. О капитане Шестакове говорилось в заметках «Еще о Шестакове и кротости его» (т. XV наст. изд.) и «Еще о „Генерал-адмирале“» (т. XVI наст. изд.). О наказаниях на фрегате «Генерал-адмирал» см. заметку «Фрегат „Генерал-адмирал“ и швабра» (т. XV наст. изд.).

ТЕРРОР В ПОЛЬШЕ

Печатается по тексту Ж, л. 87-88 от 15 декабря 1860 г., стр. 744, где опубликовано впервые, в разделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Гердена устанавливается на основании идейно-тематических и стилистических особенностей заметки. Проблема русско-польских и русско-австрийских отношений всегда была в центре внимания Гердена. «Союзу с Австрией» и «свиданию в Варшаве» Александра II, австрийского императора и регента Пруссии посвящены специальные статьи Гердена: «Es reiten drei Reiter», «Последний удар» и др. (см. наст. том). Обзор материалов газеты «Таймс» делал в «Колоколе» также Герден. Включено М. К. Лемке в Dubia (Л X, 475).

С т р. 347. ... за нелепым свиданием в Варшаве. — 22—26 октября 1860 г. в Варшаве состоялось свидание Александра II с австрийским императором и прусским регентом (см. выше статью «Война и мир» и комментарий к ней). Встреча в Варшаве монархов трех стран, разделявших Польшу, вызвала патриотические демонстрации протеста, распространение воззваний, призывавших население «не принимать участия в увеселениях по случаю съезда монархов» (ЦГИАМ, ф. 109, I эксп. 1860—61,

д. 239, л. 30). Царские власти в Варшаве ответили на эти выступления поляков усилёнными арестами польской молодежи, заподозренной в антиправительственной деятельности.

⟨ПРЕДИСЛОВИЕ К «ИСТОРИЧЕСКОМУ СБОРНИКУ ВОЛЬНОЙ
РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ЛОНДОНЕ», 1861 г., КН. II⟩

Печатается по «Историческому сборнику Вольной русской типографии в Лондоне», кн. II, 1861 г., стр. V—XIII, где опубликовано впервые, за подписью: *И—р* и с заголовком: «Предисловие Искандера». Автограф неизвестен. Объявление о выходе «Исторического сборника» помещено в *К*, л. 90 от 15 января 1861 г.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 351, строка 10: верховного сената *вместо:* верховного совета (по источнику цитаты).

Стр. 349. *Сам Устрялов наложил тяжелую руку на некогда боготворимого преобразователя...* — Герцен имеет в виду официальную «Историю царствования Петра I» Н. Г. Устрялова, первые три тома которой вышли в свет в 1858 г., т. IV — в 1859 г. (т. VI — в 1864 г.).

Пошлая газетная ложь ∞ апоплексического удара Павла I... — В официальных сообщениях, опубликованных в «С.-Петербургских ведомостях», утверждалось, что Петр III скончался от «геморроидического припадка» и «колик» (№ 55 от 9 июля 1762 г.), а Павел I — от «апоплексического удара» (№ 24 от 15 марта 1801 г.). Н. Г. Устрялов в своей «Русской истории» повторял официальную версию о естественных причинах их смерти (т. III, СПб., 1839, стр. 288 и т. IV, СПб., 1840, стр. 228). В двух вышедших книгах «Исторического сборника» был помещен ряд статей, в которых раскрывались действительные обстоятельства убийства обоих императоров.

... до изумительных побед Паскевича... — Имеются в виду успехи русских войск во время русско-персидской войны 1825—1828 гг. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг., которые в «Историческом обозрении царствования Николая I» Н. Г. Устрялова, погорявшего официальную версию, приписывались личным заслугам И. Ф. Паскевича, «гром пушек» которого «оглушил врагов и заставил султана трепетать в самом Константинополе» (Н. Г. Устрялов, Историческое обозрение царствования Николая I, СПб., 1847, стр. 57). Во втором выпуске «Исторического сборника» было помещено письмо бывшего главнокомандующего во время русско-персидской войны А. П. Ермолова к Устрялову от 1847 г., в котором он протестовал против приписанных ему «недостатков способностей» и против неумеренных восхвалений Паскевича. В том же сборнике была напечатана статья «А. П. Ермолов», в которой Паскевич квалифицировался как «самый подлейший раб Николая» («Исторический сборник», кн. 2, стр. 244).

... статья о финском происхождении Павла I... — В статье «О происхождении императора Павла» передавалась широко распространенная легенда о том, что сын Екатерины II, родившийся мертвым, был заменен тогда же младенцем, взятым от неизвестных родителей-чухонцев. Автором этой статьи являлся декабрист А. Ф. фон-дер Бригген, написавший ее в сибирской ссылке. Список, опубликованный Герценом, несколько отличается от списка П. В. Анненкова, напечатанного Б. Л. Модзалевским в журнале «Былое», 1925 г., № 6.

Стр. 350. *Поневоле вспоминаются стихи Байрона* — Герцен цитирует строфу 93 из песни шестой «Дон Жуана» Байрона:

«Но ты, великий внук, законный Александр!
Последнее тебя да не обидит слово!

. . . . . Ты сын отца, и мне
Такой гарантии достаточно вполне»
(Пер. Г. Шенгели.)

Цитируемым строкам у Байрона предшествуют:

Екатерины блеск, той самой, что царицей
Была великою и заодно — бл...удницей.

. . . кто была мать Бобринского, никто не сомневается.—А. Г. Бобринский был сыном Екатерины II от Г. Г. Орлова, что не составляло никакой тайны при дворе и подтверждалось самой императрицей в ее письме к А. Г. Бобринскому от 2 апреля 1781 г.

Николай, этот человек, которого рука не дрогнула, подписывая приговоры с при «чтении письма В. Белинского к Гоголю...» — Во второй книжке «Исторического сборника» был полностью напечатан «Высочайше подтвержденный 19 декабря 1849 г. доклад генерал-аудитора о титулярном советнике Буташевиче-Петрашевском и других лицах».

... поручал особому секретному комитету составлять какое-то новое уложение в 1829 году. — Речь идет о «Секретном комитете 6 декабря 1826 года», учрежденном для подготовки крестьянской реформы и нового «закона о состояниях». Членом этого комитета был М. М. Сперанский. Деятельность комитета была свернута в связи с революционными событиями 1830 г. в Европе и началом польского восстания 1831 г.

С т р. 351. *Вот что мы читаем в записках одного из героев 14 декабря.* — Герцен далее цитирует «Записки» декабриста М. А. Фонвизина. В 1859 г. в Лейпциге были изданы «Записки Фон-Визина, очевидца <...> смутных времен царствований: Павла I, Александра I и Николая I», однако приводимый Герценом текст по композиции и изложению несколько отличается от текста этого издания. По-видимому, в руках Герцена находился другой список «Записок» Фонвизина. †

... проект был написан Д. И. Фонвизиним под руководством графа Панина. — Речь идет о написанном Д. И. Фонвизиним в 1782—1783 гг. «Рассуждении о непременных государственных законах». Во второй книжке «Исторического сборника» оно было напечатано под заглавием «О праве государственном, Фонвизина».

К ИЗДАТЕЛЮ «DAILY NEWS»

Печатается по тексту газеты «Daily News» от 28 декабря 1860 г., где опубликовано впервые в качестве открытого письма к издателю. Текст письма был помещен под рубрикой «Russia and her exiles» («Россия и ее изгнанники»).

Вырезка с текстом письма сохранилась среди печатных материалов «пражской коллекции» Герцена — Огарева (ЦГАЛИ) (см. ЛН, т. 61, стр. 259—260).

Поводом для обращения Герцена и Н. П. Огарева в редакцию «Daily News» послужила заграничная поездка начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением А. Е. Тимашева. О задачах этой поездки Герцен говорил в письме к П. В. Долгорукову от 8 декабря 1860 г. 24 декабря 1860 г. Герцен заключил упоминанием о поездке Тимашева предисловие ко второй книге «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне» (см. стр. 353 наст. тома). К этой же теме Герцен вернулся в заметке «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау» в К, л. 89 от 1 января 1861 г. (см. т. XV наст. изд.).

Стр. 355. ... изучение свойств полиции в большой и свободной стране... — Герцен неоднократно противопоставлял относительную прогрессивность буржуазного строя Англии реакционным режимам царского самодержавия и полицейского государства Наполеона III. При этом Герцен ссылался на устройство английской полиции, которая, в отличие от царской и наполеоновской полиции, не имела в то время политических функций.

⟨ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Ж. САНД «ПОХОЖДЕНИЯ ГРИБУЛЯ⟩

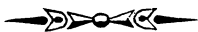
Печатается по книге Ж. Санд «Похождения Грибуля», Лондон, 1860 г., стр. V—XI, где опубликовано впервые, за подписью: *Искандер*. Автограф неизвестен.

Фантастическая повесть «История простодушного Грибуля» была написана Ж. Санд в 1850 г. и в том же году издана в Париже: «Histoire du véritable Gribouille...», Paris. 1850. Повесть эта пользовалась неизменными симпатиями Герцена [за удачное художественное решение сложной морально-философской темы — без проповеди спекулятивной морали и назойливой дидактики, характерных для тогдашней французской беллетристики] «В романах и повестях, — писал Герцен в 1855 г., — точно в уголовной палате — виновного наказывают, правый торжествует, иначе роман оскорбляет моральное чувство. Ж. Санд недавно отбросила эту ложную прозаическую привычку примирять судейски. Ее превосходная сказка „Грибуль“ оканчивается тем, что Грибуль гибнет в огне и никто его не спасает для того, чтобы ему дать медаль „за преданность“» («Renaissance» par J. Michelet) — см. т. XII наст. изд., стр. 279—280). Упоминания о Грибуле см. в письмах Герцена к М. К. Рейхель от 26 марта 1855 г. и к Н. А. Тучковой-Огаревой от 26 июня 1862 г., а также в надписи на этой книге Жорж Санд от 20 августа 1852 г. — т. XII наст. изд., стр. 459). В комментируемом предисловии Герцен развил оценку повести, данную в 1855 г., сопроводив ее общими соображениями о назначении и состоянии детской литературы, очень близкими высказываниям Белинского о детских книгах как самом заброшенном участке литературы, где все «убито натянутой, пошлой и не вовсе нравственной моралью».

Лондонское издание 1860 г., к которому написано предисловие Герцена, было первым изданием повести Ж. Санд на русском языке. Спустя год повесть появилась в России (Ж. С а н д, Похождения Грибуля, Пер. с французского, М., Тип. Бахметева, 1861) в том же переводе (В. Т. Кельсиевой), но без предисловия Герцена, которое было перепечатано (с подписью: *А. И.*) лишь в издании А. С. Суворина, СПб., 1899 г.

Стр. 356. ... у самого Грибуля... — Gribouille (в пер. с франц. — простофиля) — персонаж французской народной сказки. О работе Жорж Санд над «Историей простодушного Грибуля» см. W. K a r é n i n e, George Sand. Sa vie et ses œuvres, т. IV, Paris, 1926, стр. 532.

Стр. 357. Я слышал, что вы что-то писали о моем «Тряпичнике» — сказал мне раз Ф. Пиа. — О драме Феликса Пиа «Парижский ветошник» («Chifonnier de Paris»), впервые поставленной в Париже в 1847 г., и разговоре с ее автором по поводу мелодраматической развязки пьесы Герцен писал в «Письмах из Франции и Италии», письмо третье (см. т. V наст. изд., стр. 42—49); см. также «Былое и думы», глава «Эмиграция в Лондоне» (т. XI наст. изд., стр. 42—49).

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

1 8 5 9

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «КОЛОКОЛА»

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатается по тексту *K*, л. 32-33 от 1 января 1859 г., стр. 260, где опубликовано впервые, за подписью *И—р*, под строкой. Автограф неизвестен.

Автором «Письма к издателю „Колокола“» является В. А. Панаев, в «Воспоминаниях» которого говорится о том, что он «написал возражение (на „обвинительный акт“) и послал для печати в Лондон» («Русская старина», 1902, кн. V, стр. 322). Там же прямо сказано о принадлежности ему «Ответа на статью, напечатанную в № 28, 30-31 „Колокола“ „Реформа сверху или реформа снизу“». В то же время из текста «Письма к издателю „Колокола“» явствует, что автором его было также написано письмо, опубликованное ранее в «Колоколе» (л. 30-31 от 15 декабря 1858 г., стр. 253—254). Автор этого первого письма говорит о том, что посылает «первое письмо к автору статьи „Реформа сверху или реформа снизу“» и далее называет это письмо своей статьей. Таким образом, можно считать установленным авторство В. А. Панаева и в отношении «Письма к издателю „Колокола“».

ПИСЬМО В ЗАЩИТУ г. Ч.

⟨ПРИМЕЧАНИЯ⟩

Печатается по тексту¹ *K*, л. 32-33 от 1 января 1859 г., стр. 264—265, где опубликовано впервые, за подписью *И—р*, под строкой. Автограф неизвестен.

О письме Б. Н. Чичерина к издателю «Колокола», которое Герцен напечатал со своим предисловием в *K*, л. 29 от 1 декабря 1858 г. под заголовком «Обвинительный акт», см. в т. XIII наст. изд.

Стр. 362 ... *всякий, кто не смотрит на Россию ∞ pereat patria — восклицаете вы...* — Автор «Письма в защиту г. Ч(ичерина)» клеветнически искажает слова Герцена из его «Объявления» о «Полярной звезде» на 1855 г., кн. I: «Все в движении, все потрясено, натянуто... и чтоб страна, так круто разбуженная, снова заснула непробудным сном? Лучше пусть погибнет Россия! Но этого не будет. Нам здесь вдали слышна другая жизнь, из России потянуло весенним воздухом» (см. т. XII наст. изд., стр. 269).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛУНИНЕ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *K*, л. 36 от 15 февраля 1859 г., стр. 293, где опубликовано впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

Помимо публикуемого примечания можно предполагать редакторское участие Герцена и во втором подстроичном примечании, где после анекдота о медвежатах Лунина добавлено: «Прибавим еще анекдот того же времени. У Лунина были черные усы; в одно время было запрещено офицерам фабриться. Цесаревич, заметив черные усы Лунина, заподозрил их и послал адъютанта с замечанием. Адъютант наивно спросил его: „Великий князь желает знать, читали ли вы приназ и отчего у вас черные усы?“ — „Приказ я читал, — отвечал Лунин, — а отчего у меня усы черные, я могу только тогда объяснить, когда е. в. объяснит, отчего у него носу нет!“. Вероятно, именно этот анекдот Герцен имел в виду, когда писал Н. А. Мельгунову 22 февраля 1859 г.: «Прочти анекдот об нем <о Луине> в „Колокол“ (надюсь, ты получишь послед<ний> № с письмом к божией Глинке)», — иначе нужно предположить, что Герцен назвал «анекдотом» всю статью, что противоречит ее содержанию.

Заключительная сентенция заметки — «Да, славен и велик был наш авангард! Такие личности не выработываются у народов даром...» — перекликается с обобщающими высказываниями Герцена о декабристах. В письме к Н. А. Мельгунову от 22 февраля 1859 г. Лунин был охарактеризован Герценом как «один из тончайших умов и деликатнейших».

Автор «Воспоминаний о Луине» не установлен. Предположение С. Я. Штрайха о принадлежности этих воспоминаний декабристу Д. И. Завалишину (см. М. С. Лунин, Соч. и письма, Пг., 1923, стр. 120) представляется неубедительным. Д. И. Завалишин в статье «Декабрист М. С. Лунин» («Исторический вестник», 1880, № 1, стр. 139—149) отрицает самый факт публикации в России и за границей каких-либо материалов о Луине, а в «Записках декабриста» прямо пишет о своем отказе посылать статьи для опубликования за границу, а именно — в «Колокол». Независимо от этих свидетельств детальное сравнение текста «Из воспоминаний о Луине» с текстом публикации в «Историческом вестнике» вскрывает резкое различие в освещении отдельных периодов жизни Лунина, в мотивировках, — различие, которое не может быть объяснено только лишь разными условиями работы в подцензурном журнале и в свободной зарубежной прессе.

С т р. 362 ... брошюры, напечатанной в Англии или в Америке, о которой он говорит... — Речь, по-видимому, идет о работе М. С. Лунина «Du mouvement social en Russie, sous le règne actuel. 1840». («Общественное движение в России в нынешнее царствование. 1840»). О ее публикации в Англии или Америке сведений не имеется. В России эта работа Лунина впервые увидела свет в 1923 г. в переводе с французского подлинника (см. М. С. Лу н и н, Соч. и письма, Пг., 1923).

<ПРОСЬБА О ПРИСЫЛКЕ ПОРТРЕТА А. РАДИЩЕВА И СТИХОТВОРЕНИЙ В. ПЕЧЕРИНА>

Печатается по тексту *K*, л. 36 от 15 февраля 1859 г., стр. 298, где опубликовано впервые, без подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В пользу принадлежности Герцену этой редакционной заметки свидетельствует связь с главой «Pater V. Petcherine» в «Былом и думах» (т. XI наст. изд., стр. 395—396).

О ПОЛОЖЕНИИ ЕВРЕЕВ В РОССИИ 〈ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 37 от 1 марта 1859 г., стр. 304, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

О принадлежности Гердену заключительного редакционного абзаца свидетельствует его письмо к Н. А. Мельгунову от 22 февраля 1859 г., где сказано по поводу перевода статьи: «Евреев получил». Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* IX, 525).

В анонимной статье «О положении евреев в России» законодательство о евреях, действовавшее в Царстве Польском, характеризовалось, как «сбор старых, средневековых предрассудков и фискальных постановлений Австрии и Пруссии 1798 г.» В связи с неоднократными жалобами еврейских общин на их тяжелое положение, в канцелярии П. А. Муханова (см. о нем выше, стр. 562), была составлена записка о положении евреев в Царстве Польском, в которой, как отмечалось в «Колоколе», «самые постыдные из прежних постановлений» были «представлены в выгодном свете». Направляя эту записку наместнику, П. А. Муханов, как сообщается в статье, писал: «все в совершенном порядке... При нашем мудром управлении евреи не имеют никакого права жаловаться».

ПО ДЕЛУ КРИВОНОВОГА И ДОКТОРА ШТЕЙНА 〈ВСТУПЛЕНИЕ И ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 37 от 1 марта 1859 г., стр. 304, где опубликовано впервые, без подписи, примечание — под строкой. Автограф неизвестен.

Стр. 363. ... статьи, помещенной в 29 листе «Колокола», о купце *Кривоногове*... — Речь идет о заметке «Молодой купец Кривоногов», напечатанной в *К*, л. 29 от 1 декабря 1858 г., в которой сообщалось, что доктор Штейн, подкупленный племянником купца Кривоногова, объявил опекуна-дядю сумасшедшим (см. т. XIII наст. изд.).

КЛЕВЕТА ВАРШАВСКОЙ ГАЗЕТЫ НА ЕВРЕЕВ 〈ПОСТСКРИПТУМ〉

Печатается по тексту *К*, л. 39 от 1 апреля 1859 г., стр. 322, где опубликовано впервые, без подписи. Статья сопровождается пометкой «(Сообщено)», после чего уже следует постскриптум. Автограф неизвестен.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 533).

Стр. 363. ... превосходную статью об этом деле в 86 № «Норда». — 27 марта 1859 г. в газете «Le Nord», № 86, была помещена заметка «собственного корреспондента» из Варшавы от 20 марта. Корреспондент рассказывал об антиеврейских выступлениях в Царстве Польском и о «Варшавской газете», разжигавшей антисемитские настроения.

ИЗ ВТОРОГО ПИСЬМА 〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 40-41 от 15 апреля 1859 г., стр. 327, где опубликовано впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

Примечание является отсылкой к заметке «Еще и еще письма против „обвинительного акта“, помещенного в 29 листе „Колокола“, которая была опубликована за подписью: *И—р* (см. наст. том).

Полный текст письма неизвестного корреспондента и разночтения между его автографом и текстом («Колокола»), явившиеся результатом редакторского вмешательства Герцена, см. в *ЛIII*, т. 63, стр. 209—219.

О «ПРОЕКТЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН В РОССИИ»

Печатается по тексту *К*, л. 44 от 1 июня 1859 г., стр. 366, где опубликовано впервые, за подписью *И—р*. Автограф неизвестен.

Заметка, отражая отношение редакции «Колокола» к проекту В. А. Панаева, текстуально одинаково близка высказываниям об этом проекте и Герцена и Огарева. Первый из них в письме к сыну от 12 июня 1859 г. писал: «Статью об войне ты, вероятно, читал теперь, а также и приложенный проект освобождения; он не мой и не Огар(ева), но яснее и короче вопроса нельзя поставить»: ср. в статье Огарева «О проекте освобождения крестьян»: «Мы не можем не сказать несколько слов о проекте освобождения крестьян, приложенном к последнему листу „Колокола“ (л. 44). Его краткость, ясность и полнота делают его доступным всем читателям, и мы глубоко надеемся, что он пройдет не бесплодно» (*К*, л. 45 от 15 июня 1859 г., стр. 372).

Проект освобождения помещичьих крестьян в России, отпечатанный отдельным листком в качестве приложения к «Колоколу», принадлежал В. А. Панаеву и представлял собой подготовленный самим автором сокращенный вариант его же проекта, опубликованного в пятой книге «Голосов из России» (октябрь 1858 г.). В основу проекта был положен принцип правительственного выкупа крестьян с землей без переходного состояния при сохранении общинного землепользования. Это была именно та идея, которая развивалась редакцией «Колокола» в период подготовки реформы, как компромиссное решение вопроса.

В статье «О проекте освобождения крестьян» Н. П. Огарев, подчеркивая «истинность и важность целого проекта», вносил несколько отдельных замечаний. Главные из них сводились к требованию, чтобы «тотчас по установке системы выкупа, не только помещичьи, но и государственные крестьяне должны быть освобождены от министерства государственных имуществ на основании землевладеющих общин», к требованию публичности и гласности работы оценочных комитетов и участия в них крестьянских поверенных.

В своих «Воспоминаниях» Панаев писал о том, что, находясь в Париже в 1859 г., он свой проект, написанный уже, в сокращенном виде, задумал «издать (...) в такой форме, чтобы коренные основы, изложенные по пунктам, выделялись крупным шрифтом, а пояснения к каждому пункту были бы напечатаны мелким шрифтом, так, чтобы весь проект мог поместиться на четырех страницах — in quarto. Герцен сейчас же напечатал его и издал отдельным листком. Этот проект я позволил себе послать на имя государя, при моем письме, под которым, однако, не выставил своего имени» («Русская старина», 1802, № 5, стр. 324). Александр II, полагая, что автором проекта являлся сам Герцен, отослал его на рассмотрение Редакционных комиссий. В журнале заседаний от 17 июня 1859 г. было записано: «Государь, — говорил Ростовцев, — изволил мне вручить с собственною надписью письмо неизвестного, с приложенным к нему печатным проектом освобождения крестьян». Проект был передан Ростовцевым на рассмотрение и для сведения Арапетову (см. Н. П. Семенов). Освобождение крестьян в царствование имп. Александра II, т. I, стр. 280).

БЕШЕНСТВО ЦЕНСУРЫ

«РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ВСТАВКИ И ПРИМЕЧАНИЯ»

Печатается по тексту *К*, л. 45 от 15 июня 1859 г., стр. 367—371, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В пользу того, что редакционная обработка этих материалов была сделана Герценом, а не Огаревым, свидетельствует специальный интерес Герцена к вопросу о запрещении «Паруса». 17 июня 1859 г. он писал И. С. Аксакову: «„Паруса“ в глаза не видел; с кем вы посылали и когда?»; очевидно, И. С. Аксаков должен был выслать Герцену номер запрещенной газеты. Характерны для Герцена и стилистические детали: каламбуры вроде «Гибель парохода без паруса», словообразования типа «цензурократы» (ср., например, в статье «О романе из народной жизни»: «die deutsche Kasernokratie» — «немецкая казармократия»).

Стр. 364. *На это письмо он получил следующий исполненный достоинства ответ от М. П. Погодина.* — Получив письмо И. С. Аксакова от 5 февраля 1859 г. (см. ниже), М. П. Погодин 8 февраля 1859 г. отправил министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому по поводу своей статьи в «Парусе» объяснительное письмо, в котором защищал право на «сердечное участие граждан в общественных делах» и сетовал на «выскакательные действия» цензуры. Письмо получило широкое распространение в рукописных копиях. Впервые опубликовано оно было в *К*, л. 45 от 15 июня 1859 г.

Запретивши «Парус»... Еженедельная газета славянофильского направления «Парус» начала выходить 3 января 1859 г. Второй и последний ее номер появился 10 января 1859 г. «Парус» был запрещен за помещение «неблагоденных статей» редактора газеты И. С. Аксакова, Ф. Стратилатова, Н. А. Елагина. Ближайшим поводом к запрещению газеты явилась статья М. П. Погодина «Прошедший год в русской истории», опубликованная во втором ее номере (см. И. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 16, СПб., 1902, стр. 315). И. С. Аксаков в письме к М. П. Погодину от 5 февраля 1859 г. приводит собственноручную копию письма министра народного просвещения Е. П. Ковалевского к управляющему Московским учебным округом от 31 января 1859 г., в котором говорилось о причинах запрещения «Паруса».

... вываивает в Петербург одного почтенного литератора ∞ «Пароход». — О попытке возобновить «Парус» под другим названием рассказывает П. А. Илетьев в письме к П. А. Вяземскому от 13 февраля 1859 г.: «„Парус“ Аксаковых после появления двух №№ подвергли запрещению. Между тем дошла до высшей инстанции пущенная в ход идея, что западные славяне примут это запрещение как соучастие нашего правительства в преследовании славянской национальности правительством австрийским. И это обратило мысли на воскрешение славянофильского журнала. Он будет вновь выходить, но под редакцией Фед. Чижова и под названием „Пароход“» (П. А. Илетьев, в Соч. и письма, т. III, СПб., 1865, стр. 473). Ф. В. Чижев соглашался быть редактором «Парохода» только в случае, если новая газета будет «спасенным „Парусом“» и в письме к директору Азиатского департамента Е. П. Ковалевскому изложил программу «Парохода», повторяющую программу «Паруса» (см. И. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 16, СПб., 1902, стр. 426—421).

... после такой бумаги ∞ *мысль о возобновлении «Паруса» была брошена.* — Наместник Царства Польского М. Д. Горчаков, ознакомившись с программой «Паруса», написал записку о желательном направлении будущей газеты. По распоряжению Александра II эта записка была прочитана на заседании совета министров, и о принятых решениях доведено было до сведения Ф. В. Чижова в письме Московского цензурного ко-

метета от 19 февраля 1859 г. Новая газета должна была иметь «чисто учено-литературный характер» и устраниваться от всякого вмешательства «в современную политику». 27 марта 1859 г. Московский цензурный комитет известил министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, что Чижев на предложенных ему условиях издавать газету не соглашается. Письмо Московского цензурного комитета Ф. В. Чижеву от 19 февраля 1859 г. было опубликовано Гершеном вместе с другими материалами о цензурном запрете «Паруса» в *К*, л. 45 от 15 июня 1858 г.

ДЕЛО О ВЫСЕЧЕННОМ ГЕНЕРАЛЕ КАНДЫБЕ И ЕГО ЖЕНЕ <ПРИМЕЧАНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 45 от 15 июня 1859 г., стр. 372, где было опубликовано впервые, примечания — в тексте, заключение — за подписью: *От ред.* Автограф неизвестен.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л. X, 39).

Стр. 365. ... читатели «Колокола» знают уже этого молодца.— Речь идет о чиновнике особых поручений при херсонском губернаторе — Е. С. Криштофовиче; см. о нем в *К*, л. 22 от 1 сентября 1858 г., стр. 180, и в *К*, л. 39 от 1 апреля 1859 г., стр. 322 (в обоих случаях — Христофович).

ЭМАНЦИПАТОР КНЯЗЬ Ю. Н. ГОЛИЦЫН <ВСТУПЛЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 389, где было опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

См. об этом также у Герцена в «Былом и думах» (т. XI наст. изд., стр. 318).

<PROGRAMME DE LA SAINTE ALLIANCE DES PEUPLES>

Печатается по тексту *К*, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 390, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Автором брошюры («Программа Священного союза народов») является В. А. Панаев, как о том пишет он сам в своих «Воспоминаниях» («Русская старина», 1902, № 5, стр. 324). Обещание редакции «Колокола» дать более развернутый отзыв об этой брошюре не было выполнено.

<ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ «КОЛОКОЛА» О ПРИСЫЛКЕ ИМ СТАТЕЙ>

Печатается по тексту *К*, л. 49 от 1 августа 1859 г., стр. 406, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

<ЗАМЕТКА О ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА К АЛЕКСАНДРУ II В ПРИЛОЖЕНИИ К «КОЛОКОЛУ»>

Печатается по тексту *К*, л. 49 от 1 августа 1859 г., стр. 406, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

К листу 49 «Колокола» от 1 августа 1859 г. было выпущено отдельное приложение под заголовком: «Письмо русского верноподданного к рус-

скому императору, писанное в России и посланное из-за границы, как единственно верным путем для сношения русского царя с русским народом». Автор письма, выступая с умеренно либеральных позиций, предлагал Александру II программу частичных реформ. В *К*, л. 51 от 1 сентября 1859 г., было напечатано письмо «К издателю „Колокола“», в котором резко критиковалась ограниченность программы автора «Письма русского верноподданного...».

〈ПОПРАВКА К ЗАМЕТКЕ О г. МИКЛАШЕВСКОМ В «КОЛОКОЛЕ», л. 47〉

Печатается по тексту *К*, л. 52 от 15 сентября 1859 г., стр. 430, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Стр. 367. ... в статье о торговле женщ и на м и... — Речь идет о заметке «Одесская полиция», помещенной в *К*, л. 47 от 1 июля 1859 г., в которой чиновник особых поручений при одесском градоначальнике В. Миклашевский обвинялся в потворстве торговцам живым товаром.

〈НОВЫЕ КНИГИ〉

Печатается по тексту *К*, л. 54 от 15 октября 1859 г., стр. 446, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

О принадлежности этой заметки Герцену говорит прежде всего тот факт, что именно Герцен занимался обзором иностранной литературы в «Колоколе». Книгу Жуванселя «*La vie*» он специально рекомендовал вниманию Н. А. и Н. П. Огаревых в письме к ним от 3 октября 1859 г.: «Я привезу „*La vie*“, это вторая часть Жуванселя; что я читал — хорошо». О первой части книги Жуванселя он еще ранее, 9 июня 1859 г., писал Е. Я. Колбасину: «Можно бы издать на русском, например, „*Les commencements du monde*“ par P. Jouvencel, 1858, Paris, Garnier, — для юношества здоровая и полезная книга». Включено М. К. Лемке (*ЛХ*, 133).

Стр. 367. ... вторую часть его сочинения «*Les commencements du monde*» — Книга была издана в Брюсселе в 1858 г., ее вторая часть — «*La vie*» — вышла в свет в 1859 г., третьей частью трилогии явилась книга: «*Le déluge*», вышедшая в 1861 г. в Париже.

〈ЗАМЕТКА О ВЫХОДЕ I-го ЛИСТА «ПОД СУД!»〉

Печатается по тексту *К*, л. 54 от 15 октября 1859 г., стр. 446, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Этой заметке предшествовало краткое сообщение о том, что первый лист «Под суд!» уже отпечатан (см. *К*, л. 53 от 1 октября 1859 г., стр. 438).

Стр. 367. ... помещено дело ∞ Орлова... — Речь идет о статье «Дело о преступном сообщничестве полицейского майора Попова, генерал-губернатора Игнатьева и министра Панина против свободы и чести купца Малкова» и заметке «Четвертый сообщник г. г. Попова, Игнатьева и Панина», помещенных в «Под суд!», л. 1 от 1 октября 1859 г. Материалы по делу о купце Малкове, по всей вероятности были доставлены Герцену Д. П. Жруцовым (*ЛН*, т. 41-42, стр. 605).

ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ 〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 55 от 1 ноября 1859 г., стр. 455, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Приводим текст циркуляра, опубликованный в *К*:

(Циркулярно - секретно)

Милостивый государь,

В последнее время по случаю возбужденного вопроса об улучшении быта крестьян нижние чины гвардейского корпуса сообщают родственникам и знакомым своим, на родине живущим, в письмах совершенно ложные сведения по упомянутому вопросу, означая иногда и самый день, когда будто бы предлагается объявить свободу крестьянам.

Подобного рода письма, хотя по большей части и пишутся по глупости, но тем не менее могут иметь весьма дурные последствия, ибо нередко читаются крестьянами на сходке с особенным вниманием и как написанные из Петербурга, солдатами императорской гвардии, имеют большой авторитет.

Вследствие сего его высокопревосходительство Николай Федорович поручил мне просить употребить все зависящие меры, дабы гг. командиры имели неослабный надзор за перепискою нижних чинов с родственниками и знакомыми, и предупредить гг. ротных командиров, что вся ответственность за последствия, могущие быть от писем нижних чинов с ложными и совершенно неправдоподобными слухами, падет на них, как на ближайших начальников. Нижних же чинов, замеченных в сообщении неосновательных сведений по крестьянскому вопросу, подвергать строгому взысканию.

Граф Баранов.

С.-Петербург — сентября 1859 года.

ВАРШАВСКИЕ НОВОСТИ 〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 55 от 1 ноября 1859 г., стр. 457, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

〈ЗАМЕТКА ИЗ ОДЕССЫ〉

Печатается по тексту *К*, л. 55 от 1 ноября 1859 г., стр. 458, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 142).

Стр. 368. ... статья, напечатанная нами в защиту адмирала *Метлина*. — Речь идет о письме, напечатанном в *К*, л. 50 от 15 августа под заголовком «Адмирал Метлин». См. об этом же эпизоде комментарий на стр. 601 наст. тома.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ 〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 56 от 15 ноября 1859 г., стр. 461, где опубликовано впервые, за подписью: *Иад.*, под строкой. Автограф неизвестен.

ГРАФ СТРОГОНОВ И СТАРИЦКИЙ 〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 56 от 15 ноября 1859 г., стр. 463, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.
Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 149).

Стр. 368. ... *о грубостях с дамами великого свекра*... — См. комментарий к стр. 90 наст. тома.

... *но когда она защищает чудовищные злоупотребления помещицей масти*... — В приведенном далее письме рассказано о зверствах помещика Старицкого, который в результате заступничества генерал-губернатора А. Г. Строгонова был фактически оправдан. В статье «Поправки. возражения, оправдания» было помещено полученное из России обильное письмо, в котором полностью отвергались все обвинения в отношении Старицкого (см. далее в наст. томе). Однако в архиве III отделения сохранились документы, полностью подтверждающие обвинения, выдвинутые против Старицкого в «Колоколе» (см. «Отчет III отделения за 1858 г.» в сб. «Материалы по истории крестьянского движения», т. II, М., 1931, стр. 119).

ЧЕРТЫ ИЗ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ОДЕССКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА БАРОНА МЕСТМАХЕРА

〈ВСТУПЛЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 56 от 15 ноября 1859 г., стр. 464—466, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.
Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 149—150).

Стр. 369. ... *барон Местмахер пожалован в действительные статские советники*... — См. в наст. томе заметку «Опять и опять „*ras de gèneries*“!» и комментарий к ней.

〈О ПОЛУЧЕНИИ СОРОКА ФРАНКОВ В ФОНД ГАРИБАЛЬДИ〉

Печатается по тексту *К*, л. 56 от 15 ноября 1859 г., стр. 466, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 151).

〈ШПИОНСТВО ВАСИЛЬЧИКОВА В ПАРИЖЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 56 от 15 ноября 1859 г., стр. 466, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

На основании письма Герцена к художнику академику Г. Я. Будковскому от 23 декабря 1859 г. (*ЛН*, т. 61, стр. 255—256) можно судить о том, что данная публикация в «Колоколе» была подготовлена Герценом.

Приводим текст письма художников к графу П. Д. Киселеву:

«Ваше сиятельство,
заходясь здесь под высоким покровительством вашего сиятельства, как достойного представителя августейшего нашего монарха, мы долгом представляем почтительнейше довести до сведения вашего, что господин Ва-

сильчиков самовольно, без позволения нашего и даже в отсутствие некоторых из нас, посещал наши квартиры, осматривал наши произведения и осведомлялся об образе жизни и средствах наших у привратников.

Находя подобный поступок в высшей степени оскорбительным и неприличным, как в отношении к нам, так и в отношении к самому художеству, мы обращаемся к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою оградить нас впредь от подобной дерзости. При сем мы принимаем в соображение, что если бы г. Васильчикову поручено было что-либо августейшим нашим президентом, то он конечно предъявил бы такое повеление ее высочества или оно было бы объявлено нам вашим сиятельством, под единственным покровительством которого мы здесь находимся. При чем смеем заверить, что каждый из нас поспешил бы исполнить всякое требование.

Простите, ваше сиятельство, что мы осмеливаемся в этом случае утруждать вас настоящим ходатайством, чего мы конечно не сделали бы, если бы г. Васильчиков не был русским.

С глубочайшим почтением и пр.

Академик Алексей Боголюбов, академик Штром, академик Будковский, классные художники — Чернышев, Бейдеман, Щедрин, Кольман, Брюлов, Бучеров, Васильев, барон Клодт, Лагорио.

Париж, 2 ноября 1859».

УБИЙСТВО НЕКЛЮДОВА В ИРКУТСКЕ 〈ВСТУПЛЕНИЕ И РЕДАКЦИОННАЯ ВСТАВКА〉

Печатается по тексту «Под суд!», л. 2 от 15 ноября 1859 г., стр. 13—18, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

О принадлежности предисловия и пояснений к письмам Герццу свидетельствует сибирская тематика последних, входившая в круг ближайших интересов Герцена, как редактора «Колокола», и воспоминания Н. А. Белоголова: «Узнав подробно из писем всю историю дуэли и ее последствия и будучи хорошо знаком со всеми местными причинами, я решил дать ей полную огласку и, изложив ее в статье, послал в Лондон к Герццу при письме с просьбою напечатать в „Колоколе“ или в только что начавшем выходить прибавлении к нему „Под суд!“». Через две недели статья появилась во втором номере „Под суд!“» (Н. А. Белоголов, Воспоминания и другие статьи, Изд. 4-е. СПб., 1901, стр. 533).

См. комментарий к заметке «Дуэль Неклюдова с Беклемишевым» в наст. томе.

ОТЧЕТ О ПОСЛЕДСТВИЯХ РЕВИЗИИ... 〈ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Печатается по тексту «Под суд!», л. 2 от 15 ноября 1859 г., стр. 22, где опубликовано впервые, без подписи.

Полное название публикации: «Отчет о последствиях ревизии, произведенной по постановлению общего собрания акционеров общества царскосельской железной дороги, состоявшемуся 15 марта 1859 года». Автограф неизвестен.

ДЕЛО О СООБЩНИЧЕСТВЕ ВОЛОХОВА С МЕТЛИНЫМ 〈ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Печатается по тексту «Под суд!», л. 2 от 15 ноября 1859 г., стр. 24, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Первая информация о том, что морской министр адмирал Метлин «старается всеми неправдами потушить дело подрядчика Волохова», строившего в Севастополе новое адмиралтейство, появилась в *К*, л. 42-43 от 15 мая 1859 г., стр. 358. В ответ на эту заметку в редакцию «Колокола» прислан был протест, опубликованный в форме «письма в редакцию», с заголовком «Адмирал Метлин». В этом письме Метлин был охарактеризован как «человек прямой и права крутого, враг системы шпионства и темных доносов», «известный своим бескорыстием» и который поэтому «конечно не по нутру николаевским чиновникам» (*К*, л. 50 от 15 августа 1859 г., стр. 408—409).

О ПОЛКОВНИКЕ ТАУБЕ

Печатается по тексту «Под суд!», л. 3 от 15 декабря 1859 г., стр. 31, где опубликовано впервые, за подписью *И—р*. Автограф неизвестен.

Стр. 371. ... помещенного во 2 листе «Под суд!»...— Речь идет об «Отчете о последствиях ревизии, произведенной по постановлению общего собрания акционеров Общества царскосельской железной дороги, состоявшемуся 15 марта 1859 года» («Под суд!», л. 2 от 15 ноября 1859 г., стр. 18—22).

◁ ПРИМЕЧАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ» НА 1859 ГОД ▷

Печатаются по тексту *ПЗ* на 1859 г., кн V, стр. 1, 30, 53, 231 и 299, где опубликованы впервые, без подписи, первые четыре — под строкой. Автограф неизвестен.

Стр. 371. Другими эта превосходная статья приписывается Лунину.— Автором «Разбора...», написанного на английском языке, действительно является М. С. Лунин. Краткие примечания Лунина к «Разбору...» были при переводе с английского оригинала расширены Н. М. Муравьевым и в таком виде воспроизведены в «Полярной звезде» (см. М. С. Луни н, Соч. и письма, П., 1923 г.).

Стр. 372. Стихотворение «Блажен, кто мог на ложе ночи» ∞ у нас нет.— Имеется в виду стихотворение П. М. Языкова «Элгия», впервые напечатанное в «Одесском альманахе» на 1831 год. Затем оно несколько раз перепечатывалось в собраниях стихотворений Языкова. Под новым изданием Герцен разумеет «Стихотворения Языкова», изданные в Петербурге П. Перевлесским в 1858 году.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ◁ ПРИМЕЧАНИЯ ▷

Печатаются по тексту книги «Записки императрицы Екатерины II. Издание Искандера. Перевод с французского», London, 1859, стр. V, 267, 268 и 277, где опубликованы впервые, без подписи, второе — под строкой. Автограф неизвестен.

В текст второго примечания к письму Екатерины II к Понятовскому в настоящем издании внесено следующее исправление:

Стр. 372, строка 37: Что за зрелище для народа словами (по источнику цитаты; см. депешу Беранже от 23 июля 1862 г. в указанной ниже книге А. И. Тургенева).

Стр. 372. ... книги ∞ («La Cour de la Russie il y a cent ans»).— Имеется в виду анонимно вышедшая книга А. И. Тургенева— «La Cour de Russie il y a cent ans 1725—1783», 2-me éd., Berlin — Leipzig, 1858.

... внук Петра I был свергнут с престола и потом убит... Петр III, сын Анны Петровны, дочери Петра I, был свергнут с престола во время дворцового переворота 1762 г., приведшего на трон Екатерину II, и вскоре убит. О Петре III и обстоятельствах его убийства Герцен рассказывает в статье «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» (см. т. XII наст. изд., стр. 378—393).

Стр. 373. ... внук царя Иоанна овладевает в кокохах... — Правнук Иоанна Алексеевича Иван VI Антонович с 1744 г. жил под арестом в Холмогорах, с 1756 г. — в Шлиссельбургской крепости, где был убит в 1764 г. при попытке поручика В. Я. Мировича освободить его.

... Ангальтская принцесса овладевает наследственной их короной, начиная царевубийством... — Екатерина II, по матери Ангальт-Цербстская принцесса, вступила на престол 28 июля 1762 г., свергнув Петра III, который был убит при ее молчаливом согласии (см. выше).

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ ⟨ПРЕДИСЛОВИЕ «ОТ ИЗДАТЕЛЯ»⟩

Печатается по тексту книги «Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Перевод с английского языка», London, Trübner, 1859, стр. VI, где опубликовано впервые. Автограф неизвестен. Отзыву Герцена о «Записках» предшествует следующая фраза: «Приступая к изданию „Записок к(н). Дашковой“, мы сочли нужным спросить мнения г. Герцена, издателя „Колокола“ и „Полярной звезды“ — он пишет в своем ответе...». Публикуемое предисловие неоднократно перепечатывалось в 1859 г. в виде объявления в *К.* Обширная цитата из публикации в *ПЗ* на 1857 г., кн. III, опущена редакцией (см. т. XIII наст. изд., стр. 361—368).

1 8 6 0

У ПАРАДНОГО КРЫЛЬЦА ⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатается по тексту *К.*, л. 61 от 15 января 1860 г., стр. 505, где опубликовано впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

Под неточным названием «У парадного крыльца», без указания имени автора, в «Колоколе» впервые опубликовано было стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда». Стихотворение это, написанное в 1858 г., в русской легальной печати появилось лишь пять лет спустя, в сборнике: Н. А. Некрасов, Стихотворения, СПб., 1863, ч. II, стр. 187—191. Публикация «Колокола» представляла собою одну из ранних редакций стихотворения, широко распространенного в списках. См. письмо А. Н. Плещеева к Н. А. Добролюбову от 30 сентября 1859 г. («Русская мысль», 1913, № 1, стр. 136).

⟨ПО ПОСЛЕДУЮЩИМ ИЗВЕСТИЯМ ИЗ РОССИИ...⟩

Печатается по тексту *К.*, л. 62 от 1 февраля 1860 г., стр. 517, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

О ссылке тверского губернского предводителя дворянства А. М. Унковского в Вятку см. далее «Эпизод Тверскому комитету» и «Унковский и Европеус» (паст. том).

ОТ РЕДАКЦИИ
〈НАС СПРАШИВАЮТ, ПОЛУЧИЛИ ЛИ МЫ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 62 от 1 февраля 1860 г., стр. 517, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен. Поскольку о материалах Ростовцевской комиссии писал обычно Огарев, можно предположить, что второй пункт написан им.

Включено М. К. Лемке (*Л X*, 207).

Стр. 373. ... получили ли мы «Записки» кн. Ив. Вл. Лопухина — не получали. — Объявление о выходе «Записок из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленное им самим» было напечатано в *К*, л. 78 от 1 августа 1860 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ
〈С ИСКРЕННЕЙШЕЙ БЛАГОДАРНОСТЬЮ ИЗВЕЩАЕМ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 62 от 1 февраля 1860 г., стр. 518, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА
〈ПРИМЕЧАНИЯ〉

Печатается по тексту *К*, л. 64 от 1 марта 1860 г., стр. 535—536, где опубликовано впервые. Первые два примечания без подписи, третье за подписью: *Ред.*, под строкой. Автограф неизвестен.

О махинациях генерал-губернатора П. Н. Игнатьева писал Герцену С. С. Громека 11 декабря 1859 г. (см. *ЛН*, т. 62, стр. 114).

КОМИССАРИАТ В РОССИИ
〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 65-66 от 15 марта 1860 г., стр. 551, где опубликовано впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

В *К*, л. 68-69 от 15 апреля 1860 г., было опубликовано продолжение статьи; в конце ее автор указывал на две ошибки, вкравшиеся в текст той части статьи, которая опубликована в л. 65-66. К этому месту в «Колоколе» сделано примечание, подписанное *Ред.*: «Ошибок этих не было бы, если б рукописи писались четко».

ЭПИЛОГ ТВЕРСКОМУ КОМИТЕТУ

Печатается по тексту *К*, л. 65-66 от 15 марта 1860 г., стр. 554, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Унковский и Европеус». Автограф неизвестен.

Об этом же эпизоде см. в наст. томе заметку «Унковский и Европеус».

ПОПРАВКА

Печатается по тексту *К*, л. 65-66 от 15 марта 1860 г., стр. 554, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Майков». Автограф неизвестен.

Стр. 375. В одном из прошлых листов «Колокола»...— В статье «Изобличитель», напечатанной в 62 листе «Колокола» от 1 февраля 1860 г. (см. стр. 232 наст. тома).

АФИНСКИЙ АРХИМАНДРИТ 〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 68-69 от 15 апреля 1860 г., стр. 582, где опубликовано впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

В л. 67 «Колокола» сообщалось: «Письмо афинского профессора Ромботи будет напечатано в следующем листе». В данном листе «Колокола» помещается письмо проф. Ромботи, защищающего афинского архимандрита и выступающего против статьи «For Gentlemen only» из л. 63 (см. наст. том).

К письму сделано примечание, содержание которого (ответ на возражение, касающееся статьи Герцена «For Gentlemen only», очередное разоблачение духовенства, связь со статьей «Еще об ретроградном архимандрите и непрогрессивном Озере, посланнике афинском», л. 65-66), дает основание считать автором примечания Герцена.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 294).

〈О ГОЛОВАЧЕВЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 68-69 от 15 апреля 1860 г., стр. 582, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Об аресте А. А. Головачева Герцен писал 9 апреля М. К. Рейхель; 12 апреля он сообщал о том же П. В. Долгорукову: «Известна ли вам безобразная история с Головачевым (корчевским помещиком), которого посадили на три месяца на гауптвахту за грубое письмо к губ. предводителю, замнившему Унковского, который хотел уничтожить университетские стипендии, вотированные дворянством?.. И это делают лучшие люди в министерстве — „Нестор“ Ланской и „либерал“ Милютин!». В *К*, л. 70 от 1 мая 1860 г. под заголовком «Тверской помещик Головачев» было помещено «Письмо к редактору», где приводилось письмо Головачева к губернскому предводителю Клокачеву, а также рассказывалось о преследовании А. М. Унковского и А. И. Европеуса. Об этом же см. далее в наст. томе заметку «Унковский и Европеус».

ВОЗРАЖЕНИЕ НА 63 № «КОЛОКОЛА»

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 70 от 1 мая 1860 г., стр. 588, где опубликовано впервые, за подписью: *Ред.*, под строкой. Автограф неизвестен.

Стр. 375. Помещая это письмо с искренним уважением к автору...— Анонимным автором «Возражения на 63 № „Колокола“» был, видимо, декабрист Николай Иванович Тургенев. Статья, против одного из положений которой он протестовал, принадлежала Н. П. Огареву, утверждавшему, что «русская жизнь» должна строиться после ликвидации крепостных отношений «на народных основаниях»: «Мы не хотим ни английской, ни французской болезни, ни даже прусской гегеймрат-казарменной» (*К*, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 519).

⟨ПИСЬМО К ГОСУДАРЮ, ПРИСЛАННОЕ НАМ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 70 от 1 мая 1860 г., стр. 590, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 302).

ПРОВИНЦИЯ И РЕЗИДЕНЦИЯ ⟨ПРИМЕЧАНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 591—592, где опубликовано впервые, без подписи, примечания — под строкой. В *ОК* озаглавлено: «Владимирский и петербургский адресы». Автограф неизвестен.

28 апреля 1860 г. Герцен писал И. С. Аксакову, приславшему ему адрес владимирского дворянства: «Бумаги, вами посланные, я получил. Боюсь по почте посылать назад... Адрес влад(имирского) дв(орянства) очень хорош, и, что всего забавнее, мы его напечатаем с гнусным петербургским. Срам и запустение, но ведь этот срам в правительстве и его аколитах. Я в литературе вижу то же движение; всроятно, оно и в обществе продолжается. Надобно дать правительству и высшему слою выгнать».

БРИЛЕВИЧ И РАЗРУБЛЕННЫЙ ЕВРЕЙ ⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 595—596, где опубликовано впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:
Стр. 377, строка 14: собственностью вместо: собственности.

⟨ТВЕРСКОЙ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР⟩

Печатается по тексту *К*, л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 598, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

При переводе в Рязань тверской вице-губернатор П. Е. Иванов был награжден орденом св. Анны второй степени (см. «Тверские губернские ведомости» от 30 января 1860 г.). Об Иванове в связи с предполагавшимся его перемещением в другую губернию см. письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к В. П. Безобразову от 29 декабря 1859 г. (Н. Щ е д р и н, Полн. собр. соч., т. XVIII, стр. 149—150).

28 апреля 1860 г. Герцен писал И. С. Аксакову: «А ргоро, вице-губ(ернатор) тверской переведен с разными нахлобучками за ложные доносы на Унковского, а Унковский в ссылке».

⟨REVUE ПРУДОНА⟩

Печатается по тексту *К*, л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 598, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В письме к П. Ж. Прудону от 23 марта 1860 г. Герцен писал: «Я говорю о вашем издании в „Колоколе“».

Включено М. К. Лемке (*Л* X, 316).

Стр. 377. Прудон издаст вновь свою книгу «О справедливости в революции и церкви» *либрезнами*.— Впервые книга П. Ж. Прудона «De la justice dans la révolution et dans l'église» вышла в 1858 г., но вскоре была конфискована, а автор приговорен к трехлетнему заключению и денежному штрафу. О втором издании этой книги Прудон писал Герцену 15 марта 1860 г.: «Я только что сдал в печать мою последнюю большую книгу „О справедливости“. Она будет выходить отдельными выпусками, от 150 до 200 страниц; в каждом будет: 1) этюд из прежнего издания, 2) примечание, пояснения и оценки современных фактов. Первый выпуск содержит, кроме того, Программу популярной философии. Все это тщательно пересмотрено, исправлено и дополнено. Я просил издателя послать вам один экземпляр первого выпуска и обещаю сделать то же самое относительно остальных» (Л X, 268).

РОЗГИ И ШПИЦРУТЕНЫ 〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 603, где опубликовано впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИБИРИ 〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 604, где опубликовано впервые, за подписью: *Ред.*, под строкой. Автограф неизвестен.

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ П. В. ДОЛГОРУКОВА С РУССКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ 〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 612, где опубликовано впервые, за подписью: *Изд.*, под строкой. Автограф неизвестен.

ПО ДЕЛУ ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ 〈ПРИМЕЧАНИЯ〉

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 614—617, где опубликовано впервые, первые два примечания за подписью: *Пр. ред.*, третье за подписью: *Изд.*, под строкой. Автограф неизвестен.

См. комментарий к заметке «Дуэль Неклюдова с Беклемишевым» в наст. томе.

ОБЕР-ФОР-ШНЕЙДЕР 〈ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ〉

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 617, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В статье печатается циркулярное предложение главного управления цензуры от 10 марта 1860 г., подписанное Н. А. Мухаповым, о недопущении по высочайшему повелению в печать сочинений, «в которых возбуждается неприязнь и ненависть» одного сословия в государстве к другому; в которых заключаются оскорбительные насмешки над целыми сословиями и должностями гражданской и военной службы, над военным мун-

диром и занятиями по фронтовой части в мирное время; в которых «оглашаются обстоятельства, относящиеся до нравственности и частной жизни разного звания лиц», и т. д.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 339).

Стр. 379. *Обер-фор-шнейдер* — См. комментарий к стр. 279 наст. тома.

... мы упоминали в прошлом листе.— В статье «Новости из России» (см. стр. 272—273 наст. тома), которая была напечатана не в л. 72 К, как указывает Герцен, а в л. 71.

ЕЩЕ РАЗ О СТАРИЦКОМ

Печатается по тексту К, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 621, где опубликовано впервые, без подписи, в разделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Старицкий». Автограф неизвестен.

〈ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ〉

〈ИЗДАТЕЛИ ОБЪЯВЛЯЮТ, ЧТО ПОЛУЧЕННЫЕ ИМИ...〉

Печатается по тексту К, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 622, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено М. К. Лемке (Л X, 344).

ЕЩЕ О СТРЕЛКЕ КОЧУБЕЕ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту «Под суд!», л. 6 от 1 июля 1860 г., стр. 59, где опубликовано впервые, за подписью: *Ред.*, под строкой. Автограф неизвестен.

Обращаясь к графу Папину, автор статьи пишет: «...для возбуждения в вас стыда мы попросим редакцию „Колокола“ напечатать эту статью в передаче на французский язык. Авьсь покраснеете!» К этому месту сделано публикуемое примечание.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 360).

См. выше заметку «Дело Кочубея и Зальцмана» и комментарий к ней.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ПО ПОВОДУ ДУЭЛИ БЕКЛЕМИШЕВА С НЕКЛЮДОВЫМ

〈ПРИМЕЧАНИЯ И РЕДАКТОРСКИЕ ВСТАВКИ〉

Печатается по тексту «Под суд!», л. 6 от 1 июля 1860 г., стр. 60—64 и л. 7 от 15 июля 1860 г., стр. 68—71, где опубликовано впервые. Примечание первое, десятое и двенадцатое без подписи, четвертое за подписью: *И—р*, остальные и редакционная вставка—за подписью: *Ред.*; примечание под строкой, вставки — в тексте. Автограф неизвестен.

По свидетельству Н. А. Белоголового (Воспоминания и другие статьи, М., 1898) автором письма был М. Бакунин (что подтверждается и его перепиской с Герценом). Публикация письма в л. 7 начинается следующими словами от редакции: «Пропускаем для краткости рас-

суждение о том, что дурно врываться в чужой дом, драться и проч., тем более что автор продолжает так... *Ред.*

Включено М. К. Лемке (*Л X*, 358).

См. комментарий к заметке «Дуэль Пеклюдова с Беклемишевым» в наст. томе.

Стр. 382. ... *поэт, которому добрый пастырь Сикст V отрубил обе руки и вырвал язык за пасквили против него*...— Имеется в виду герой повести Ж. К. Сентина «Изувеченный». В главе XX «Былого и дум» Герцен писал о нем: «„Изувеченный“— это тот поэт, который написал пасквиль на Сикста V и выдал себя, когда папа дал слово не казнить виновного смертью. Сикст V велел ему отрубить руки и язык». См. также письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 16 сентября 1837 года.

ТОСТ ПУГАЧЕВУ И ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ (БУДУЩЕГО ГРАФА)

ТИМАШЕВА

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 76 от 15 июля 1860 г., стр. 636, где опубликовано впервые, за подписью: *Ред.*, под строкой Автограф неизвестен. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 364—365).

Новые подробности «об обеде, на котором Булгаков предложил тост Пугачеву», см. в заметке «Пугачев и Сухозанет» и комментарии к ней в наст. томе.

ПОПРАВКА ПО ДЕЛУ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ДАРАГАНА

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 76 от 15 июля 1860 г., стр. 638, где опубликовано впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

В статье отмечалось, что Сухозанет, Герштенвейг и Лихачев напili генералу Дарагану в военном министерстве sinecуру в виде должности члена квалификационной комиссии. К перечню имен покровителей Дарагана сделано публикуемое примечание.

Стр. 382 ... *как Муханов к Горчакову, по определению 60 № «Колокола»*.— Герцен имеет в виду статью «1860 год», в которой говорится: «... Горчакова совсем нет, а есть мундир с дырой сзади, в которую фигуляр Муханов запустил пальцы и представляет, будто покойник жив, на оскорбление польского народа». Об отношении Горчакова к Н. А. Муханову см. комментарий к стр. 279.

⟨УВЕДОМЛЕНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 76 от 15 июля 1860 г., стр. 638, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено М. К. Лемке (*Л X*, 367).

**ЗАМЕЧАНИЯ <ПО ПОВОДУ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА О НИЖНИХ ЧИНАХ,
НАХОДЯЩИХСЯ В ОТПУСКУ>**

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 77-78 от 1 августа 1860 г., стр. 650, где опубликовано впервые, за подписью: *Прим. ред.*, под строкой. Автограф неизвестен.

ГРЯЗЬ И ЛУЖИН

<ВСТУПЛЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 77-78 от 1 августа 1860 г., стр. 650, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

После публикуемых вводных строк в статье передавалась история учиненного Лужиным дознания по делу студента Завадского и преследований им же студентов и профессоров Харьковского университета.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 372).

Стр. 383. *Перед нами лежат подробности гнусного харьковского дела.*— См. комментарий к заметке «Лужин дерется» (стр. 624 наст. тома).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

<ГОСПОД, ПРИСЛАВШИХ НАМ ПИСЬМО...>

Печатается по тексту *К*, л. 77-78 от 1 августа 1860 г., стр. 654, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено М. К. Лемке (*Л* X, 375—376).

Стр. 383. ... *что делал оптом Лидерс ∞ Александр Николаевич...*— Об этом см. в статье «По военному ведомству» (т. XIII наст. изд.).

ПО ПОВОДУ «РОЗГИ ДОЛОЙ»

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 79 от 15 августа 1860 г., стр. 659, где опубликовано впервые, за подписью: *Ред.*, под строкой. Автограф неизвестен.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 385).

СТАНОВОЙ ПРИСТАВ ОРЛОВСКИЙ И ЕФРЕЙТОР ДОБРОПАС

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 79 от 15 августа 1860 г., стр. 662, где опубликовано впервые, за подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

В статье рассказывается о том, как ефрейтор полтавской инвалидной команды Добропас за то, что по-человечески отнесся к конвоируемым им солдатам, был приговорен по доносу станового пристава к телесному наказанию, и о том, как офицеры Полтавского гарнизонного батальона отказались принять участие в истязании Добропаса.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 385).

ЕЩЕ РАЗ О ВИТВИЦКОМ

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 671, где опубликовано впервые, за подписью: *Ред.*, внутри текста, в скобках. В *ОК* заметка озаглавлена: «Витвицкий». Автограф неизвестен.

И. И. ГЛУШКОВ

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 672, где опубликовано впервые, без подписи, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

Генерал-майор И. И. Глушков, вице-директор Комиссариатского департамента военного министерства, а затем генерал-кригскомиссар, пользовавшийся особым покровительством военного министра Сухозапета, обвинялся в злоупотреблениях по должности и в лихоимстве в анонимной статье «Комиссариат в России» (*К*, л. 65-66 от 15 марта 1860 г. и л. 68-69 от 15 апреля 1860 г.). См. о нем же в наст. томе, а также заметку «Еще о Глушкове» (т. XV наст. изд.).

ОТ РЕДАКЦИИ

⟨ГОСПОДИНА, ПРИСЛАВШЕГО НАМ ФИЛИППИКУ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 672, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

ОТЧЕТ

⟨ИЗДАТЕЛИ «КОЛОКОЛА» ИЗВЕЩАЮТ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 672, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. Включено М. К. Лемке (*Л X*, 390).

В заметке речь идет о польском революционном эмигранте М. Домгалском (см. *ЛН*, т. 64, стр. 448).

«DIE EDLEN RITTER VON LIEFLAND!»

⟨ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 81 от 15 сентября 1860 г., стр. 679, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В статье была опубликована копия с прошения коллежского секретаря Соколовского к министру юстиции о возвращении его на службу, с которой он был уволен за то, что осмелился в театре сесть рядом с председателем гофгерихта (гофгерихт — высшая судебная инстанция). Далее отмечались статьи закона, которые разрешают подобного рода увольнения со службы.

ОТВЕТ ⟨У НАС ЕСТЬ «ЗАПИСКИ» ТОЛЯ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 81 от 15 сентября 1860 г., стр. 680, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 391).

Стр. 385. ... «Записки» Толя, изданные на немецком языке... — См. комментарий к стр. 297 наст. тома.

ОТ РЕДАКЦИИ

«ПРЕДИСЛОВИЕ К IX КНИГЕ «ГОЛОСОВ ИЗ РОССИИ»

Печатается по IX книге «Голосов из России», 1860 г., Лондон, где опубликовано впервые, за подписью: *А. Герцен, Н. Огарев*. Автограф неизвестен.

В письме, датированном октябрём 1860 года, Огарев писал Герцену: «Завтра тебе пошлетсЯ IX кни(ига) „Голосов“. Я требую, чтоб ты как можно скорее и как можно с большим вниманием прочел её и решил бы — с именем Унковск(ого) или без имени печатать обертку. Не глупо ли без имени, потому что слишком очевидно его; не опасно ли с именем? Но, очевидно, статью прислали в 2 экземпл(ярах) не для секрета же. Подумай хорошенько, а я завтра же пришлю несколько слов от редакции вместо предисловия, которые ты переправь как хочешь, сообщаясь с вопросом: с именем или без имени?» (*ЛН*, т. 39-40, стр. 389).

В августе 1859 г. в Петербурге начался съезд депутатов дворянства от 21 губернского комитета для ознакомления с первоначальным проектом «Положений о крестьянах», подготовленным Редакционными комиссиями. Депутатом от Тверской губернии был председатель Тверского губернского комитета А. М. Унковский. На съезде представителям губернских комитетов было предложено представить письменные отзывы на проект Редакционных комиссий. Ознакомившись с проектом «Положений о крестьянах», Унковский написал «Соображения по докладам Редакционных комиссий», в которых заявил, что для окончательного завершения крестьянского вопроса необходимо провести ряд реформ в области печати, суда и администрации. «Соображения» Унковского в сотнях рукописных копий ходили по рукам.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ПО ПОВОДУ «РОЗГИ ДОЛОЙ!»

«ПРИМЕЧАНИЯ»

Печатается по тексту *К*, л. 84 от 1 ноября 1860 г., стр. 699 и 700, где опубликовано впервые, за подписью: *Ред.*, под строкой. Автограф неизвестен.

ЛУЖИН ВЕРНЫЙ

«РЕДАКЦИОННАЯ ВСТАВКА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ»

Печатается по тексту *К*, л. 84 от 1 ноября 1860 г., стр. 701—704, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен. Под общим заголовком «Лужин верный» в этом листе *К* печатаются: 1. Отрывок из письма корреспондента, рассказывающего, как Лужин, вопреки законам, был «сам высшим судьей» в своем собственном уголовном процессе; 2. Публикуемая заметка «Опять Лужин и все Лужин»; 3. Заметка под рубрикой «Правда ли?».

Последняя заметка включена М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 438). В пользу принадлежности публикации Герцену говорит ее тематика: очередное разоблачение Лужина, Башуцкого, Бурачка (последним посвящена статья Герцена «Богомокрицы и богосаранча»).

КИЕВСКИЙ ГУБЕРНАТОР ГЕССЕ И МНИМО ОТРАВЛЕННЫЙ ИМ

«ПРИМЕЧАНИЯ»

Печатается по тексту *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 711, где опубликовано впервые, за подписью: *Ред.*, под строкой, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

УНКОВСКИЙ И ЕВРОПЕУС

Печатается по тексту *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 712, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. О высылке и возвращении А. М. Унковского и А. И. Европеуса см. выше, стр. 375, 377 и 604.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УПРАЗДНЕНИЯ КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН В РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМП. АЛЕКСАНДРА II. BERLIN, F. SCHNEIDER

Печатается по тексту *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 712, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. Составителем книги «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян...» являлся сенатор Д. П. Хрущов.

〈ПРОСЬБА «КОЛОКОЛА»〉

Печатается по тексту *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 712, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

ПОМЕЩИЧЬИ ЗЛОДЕЙСТВА В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 86 от 1 декабря 1860 г., стр. 713—714, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

После редакционного вступления в заметке публикуются присланные корреспондентом материалы о зверствах орловских помещиков.

СВЕТСКОЕ И ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ 〈РЕДАКЦИОННАЯ ВСТАВКА〉

Печатается по тексту *К*, л. 86 от 1 декабря 1860 г., стр. 715, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Статья «Светское и духовное образование» состоит из двух глав: «Сиротские институты» и «Духовная академия». В первой главе помещаются материалы, которые раскрывают произвол, царящий в сиротских институтах. Публикуемая в настоящем томе редакционная вставка идет после рассказа неизвестного нам корреспондента «Колокола» о возмутительном поведении Леонтьевой, начальницы Смольного монастыря, «которая пользуется на счет заведения», о Безобразовой, начальнице Патриотического института, «которая, лежа в постеле, управляет институтом», о Родзянко, начальнице Екатерининского института, которая «занята управлением своих огромных поместьев, ставит гнилой холст на институт и прочие продукты своих деревень того же достоинства», от которых несколько воспитанниц уже «отправились на тот свет», и о других начальницах институтов, где воспитываются дети «простого звания».

Вслед за публикуемой в настоящем томе редакционной вставкой идет следующее изложение присланного из Москвы материала, заканчивающее собой главу «Сиротские институты»:

«Из Москвы пишут точно то же о патриархально-помещичьем управлении Воспитательного дома. Он находится в общинном владении не-

скольких немецких семей (в этом случае они ничего не имеют против коммуны). Сиротский институт обрабатывается теперь на основании барщины семейством *Мецов*. Воспитанницы входят в институт, выходят из института, исчезают, и никто не знает, кто и куда — бог дал, бог взял — о чем тут толковать. В недавнее время вдруг недостало *трех девиц* по спискам. Спрашивают у г-жи *Полевой* (урож. Мец), она говорит, что до этого никому дела нет и что она сама переговорит с кем надобно.

Пышный год Полевой (урож. Мец) не посчастливилось, она как-то неосторожно подралась с кандидаткой *Кантемировой*, об этом дошло до Петербурга, да и история Вульфа не кончена. Кончина Александры Федоровны не предсказывает ничего хорошего Елисавете Федоровне: да и Гофмана-то как не бывало!

Во второй главе—«Духовная академия»—помещаются материалы, раскрывающие порядки в духовно-учебных заведениях. К строкам, говорящим о том, что студенты Киевской духовной академии подали жалобу на инспектора и ректора, следует примечание редакции «Колокола»: «Мы поместим ее в следующем листе.— *Ред.*»

Стр. 388 ... *за что хотели прогнать товарища министра юстиции Замятнина из института («Кол.», л. 82).*— Об этом см. ниже, стр. 629.

... *говорится тоже о ее услугах государю императору...*— Письмо с разоблачениями деятельности Е. С. Замятниной, начальницы Николаевского сиротского женского института, имело, видимо, непосредственное отношение к тем ее проделкам, которые разоблачались, без упоминания ее фамилии, в фельетоне «Петербургская летопись» в «С.-Петербургских ведомостях», № 242 от 6 ноября 1860 г. Об обращении Д. Н. Замятнина в связи с этим фельетоном к шефу жандармов и начальнику главного управления цензуры см. в дневниках В. Ф. Одоевского (*ЛН*, т. 22-24, стр. 116 и 265) и А. В. Никитепко (*Дневник*, т. 2, 1955, стр. 163). Об этом же см. далее заметку Герцена «Допос (разумеется Тимашеву)».

Довольно грязи в этом листе...— Герцен имеет в виду обзорную статью «Помещичьи злодейства в Орловской губернии», опубликованную в этом же номере «Колокола» (стр. 713—714).

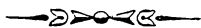
!<Г-н ГЛУШКОВ>

Печатается по тексту *К*, л. 87-88 от 15 декабря 1860 г., стр. 744, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

О генерал-майоре И. И. Глушкове см. выше, стр. 609. О нем же в «Колоколе», л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 759, см. заметку «Еще о г. Глушкове», в которой опубликованы были выдержки из письма г. Левестаме, не оставлявшего сомнений в злоупотреблениях Глушкова по должности.

ВЫСОЧАЙШЕ КОНФИРМОВАННЫЙ 19 ДЕКАБРЯ 1849 г. ДОКЛАД ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРИАТА О ТИТ<УЛЯРНОМ> СОВ<ЕТНИКЕ> БУТАШЕВИЧЕ-ПЕТРАШЕВСКОМ И ДРУГИХ ЛИЦАХ <ПРИМЕЧАНИЯ>

Печатается по тексту «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне», кн. II, 1861, стр. 321—322, где опубликовано впервые, без подписи, под строкой. «Исторический сборник» вышел в свет в первых числах января 1861 г. (см. объявление в *К*, л. 89 от 1 января 1861 г., стр. 752). Автограф неизвестен

DUBIA

1 8 5 9

⟨ДЕЛО КОЧУБЕЯ И ЗАЛЬЦМАНА⟩

Печатается по тексту *К*, л. 32-33 от 1 января 1859 г., стр. 272, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Заметка непосредственно связана со статьей Герцена «Что значит суд без гласности» (см. т. XIII наст. изд.). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* IX, 496).

Стр. 393. ... *мы явили забытое дело о ее муже на свет. Желательно было бы знать, чем оно кончится.*— В *К*, л. 7 от 1 января 1858 г. была напечатана заметка «Что значит суд без гласности» (см. т. XIII наст. изд.), в которой подробно излагались факты этого дела, сообщенные Герцену И. С. Тургеневым в письме от 22 декабря 1857 г. О дальнейшей судьбе дела Кочубея и Зальцмана говорится в заметках «Через два года. Продолжение дела о покушении князя Льва Кочубея убить венгерца Зальцмана» (см. наст. том), «Еще о стрелке Кочубее» (см. «Под суд!», л. 6 от 1 июля 1860 г. и наст. том), «Бруты и Кассии III отделения» (см. т. XV наст. изд.).

... *а о Кочубее ни полслова.*— Герцен использует известные строки Д. Давыдова из «Песни старого гусара»:

Жомини, да Жомини!
А об водке — ни полслова!

⟨ПОХИЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 36 от 15 февраля 1859 г., стр. 298, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ НАЧАЛЬНИКА III ОТДЕЛЕНИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 38 от 15 марта 1859 г., стр. 314, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В статье Герцена «Путешествие Тимашева» имеется прямая ссылка на данную заметку: «Все это усердие— от нашей статьи о том, как братья Тимашевы освобождали своих крестьян без земли, помещенной в 38 листе»

(см. наст. том, стр. 128). Это, однако, не исключает возможности, что слова «нашей статьи» употреблены в смысле: статьи, напечатанной в «Колоколе».

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 394, строка 24: причислении их к посаду *вместо:* причислении их на посаду.

Стр. 394. *Как люди, посвященные в тайны тайной полиции...*— А. Е. Тимашев с 1856 г. был начальником штаба корпуса жандармов и управляющим III отделением.

С этой целью они ~ отпустить без земли...— Комитет министров в 1859 г. вынужден был специально заниматься этим вопросом и обсуждал меры пресечения подобных операций, указывая, что последние служат к возбуждению справедливого недовольства среди крестьян. По данным III отделения за 1859 г., более 10% крестьянских волнений было вызвано распоряжениями о выселении крестьян с незаконно захваченных у них земель (см. «Крестьянские волнения 1827—1869 годов», М., 1931, вып. II).

ПО ДЕЛУ О ХАРЬКОВСКИХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯХ ЗИНОВЬЕВА И ПОТВОРСТВЕ КОВАЛЕВСКОГО

Печатается по тексту *К*, л. 40-41 от 15 апреля 1859 г., стр. 337, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». См. об этом же эпизоде выше в статье «*Pas de réveries!*», ведущее к *faux pas!*» (наст. том).

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л IX*, 543).

В настоящем издании в заголовок заметки внесено следующее исправление:

Стр. 395, строка 5: потворстве Ковалевского *вместо:* потворству Ковалевского.

Стр. 395. ... *о прошлогодней харьковской истории...*— В 1858 г. в Харьковском университете произошли студенческие волнения, окончившиеся исключением 13 студентов. Об этом см. заметки Герцена «Харьковская история» и «Безобразное окончание харьковской истории» (т. XIII наст. изд.).

... *мы ее напечатать в «Русских голосах».*— В вышедших после этого книжках VII, VIII и IX «Гологов из России» «Записки» помещена не была и осталась в рукописи. Далее Герцен излагает ее содержание (рукопись «Записки» см. в *ЛБ*, «софийская коллекция»).

<МЫ ПОЛУЧИЛИ ПИСЬМО...>

Печатается по тексту *К*, л. 40-41 от 15 апреля 1859 г., стр. 337, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л IX*, 544).

Стр. 395. ... *на угнетение племен, отданных в управление Российско-Американской компании...*— Российско-Американской компании (1799—1868 гг.) было предоставлено право разрабатывать все полезные ископаемые, осваивать все земли и промыслы в русских владениях в Северной Америке, на Алеутских, Курильских и других островах, Сахалине и Аляске. Местные племена жестоко эксплуатировались администрацией компании.

〈ПРАВДА ЛИ, ЧТО СТРАШНЫЕ СЦЕНЫ БИРОНОВСКИХ ВРЕМЕН...〉

Печатается по тексту *К*, л. 42-43 от 1 и 15 мая 1859 г., стр. 357, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Заметка перекикивается с тем, что сказано в статье «Русские немцы и немецкие русские» о «неумолимом» и «систематическом» характере злодейств русских Биронов (см. наст. том, стр. 149).

Стр. 396. ... *страшные сцены бироновских времен* ∞ *обливали на морозе холодной водой с ведома Муравьева?*—Циркулярами от 11 и 13 февраля 1859 г. резко увеличивались подати с государственных крестьян. М. Н. Муравьев, будучи тогда министром государственных имуществ, настаивал на самом строгом взыскании недоимок с государственных крестьян. В романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» рассказывается о людях Бирона, которые на морозе облили водой «непокорного» украинца и превратили его таким образом в ледяную статую.

СЕМЬ МОГИЛ, ЗЛОДЕЙ-ПОМЕЩИК И ГУБЕРНАТОР-ПАЛАЧ В КРЕМЕНЧУГСКОМ УЕЗДЕ (ПОМЕЩИК КЛЕВЕЗЕЛЬ)

Печатается по тексту *К*, л. 44 от 1 июня 1859 г., стр. 365, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *К*₂ перепечатано с опечаткой и с мелкой стилистической поправкой. Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 157—158) и М. К. Лемке (*Л* X, 23).

Заметка связана со статьями Герцена «Под спудом» (т. XIII наст. изд.) и «Постельная барщина продолжается» (наст. том).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 398, строка 30: зачинщики восстания вместо: защитники восстания (по К₂).

Стр. 396. ... *Вреде* ∞ («Колокол», лист 6)...—Статья «Под спудом» была помещена в *К*, л. 5 от 1 ноября 1857 г. (см. т. XIII наст. изд.).

... *Гутцейт* («Колокол», лист 38) ∞ *детей*...—Имеется в виду статья «Постельная барщина продолжается» (см. наст. том).

〈ИМЕНА ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ Г-ЖИ СОФИИ ИОГИХЕС〉

Печатается по *К*, л. 44 от 1 июня 1859 г., стр. 366, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОЖ*.

Стр. 397. ... *знают из русских журналов дикую историю*...—В «Одесском вестнике» от 14 февраля 1859 г. было помещено сообщение о том, что решением дирекции Благородного собрания в г. Николаеве Софья Иогихес впредь «не имеет права участвовать на балах и танцевальных вечерах Собрания. Вследствие чего и принято, чтобы на будущее время, во избежание всяких неприятностей, она не посещала означенных балов и вечеров». Члены дирекции Батьянов и Кригер выступили против этого решения. 14 марта 1859 г. в «Одесском вестнике» было сообщено, что николаевское общество «нисколько не разделяло убеждений дирекции Благородного собрания».

ПЕЧЕНЕГИ ИЛИ НЕ ПЕЧЕНЕГИ?

Печатается по тексту *К*, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 387—388, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 48).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 401, строка 3: состоялось высочайшее повеление *вместо:* состоялось высочайше повеление.

Стр. 398. ... *поместили цицероновское оправдание Сечинского, доктора Штейна*...— Заметка «Польза от гласности» была помещена в *К*, л. 12 от 1 апреля 1858 г. (см. т. XIII наст. изд.). Статья «По делу Кривоногова и доктора Штейна» напечатана с примечаниями Гердена в *К*, л. 37 от 1 марта 1859 г.

... «*Печенежского набега*» (10 лист «*Колокола*»).— Речь идет о заметке «Разграбление монастыря и поход черниговского губернатора против монахинь», напечатанной в *К*, л. 10 от 1 марта 1858 г. (см. т. XIII наст. изд.).

ЦЕРКОВНО-САМОДЕРЖАВНЫЕ ШАЛОСТИ

Печатается по тексту *К*, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 389—390, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Стр. 401—402. *Во все царские дни* ∞ *запрещены похороны частных лиц и попы не смеют даже служить панихид и заупокойных обеден!*— См. в наст. томе заметку «Гонение умерших».

〈ТОПИЛЬСКИЙ, МУРАВЬЕВ И ПАНИН〉

Печатается по тексту *К*, л. 47 от 1 июля 1859 г., стр. 390, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Сдача в аренду казенных земельных угодий на более длительные сроки (до 70 лет), чем обычный (12 лет), и притом по заниженным расценкам, производилась на основании списков, представляемых министром государственных имуществ через кабинет министров на высочайшее утверждение. В 1859 г. министром государственных имуществ был М. Н. Муравьев. В памфлетной биографии Муравьева, напечатанной первоначально в журнале П. В. Долгорукова «Будущность», № 5 от 25 декабря 1860 г., приводится следующий рассказ об обстоятельствах, при которых М. И. Топильский получил аренду от Муравьева: «... Граф Панин выпросил у государя аренду своему чернорабочему холопу, известному по всей России тайному советнику Михаилу Ивановичу Топильскому. Этот последний явился к Муравьеву с письмом от Панина насчет назначения аренды. Муравьев изъявил сожаление, что вакантных аренд нет и вместе с тем спросил у Топильского: „Когда же вы дадите сыну моему Леониду место в консультации?“— „Ваше высокопревосходительство,— отвечал Топильский, изгибаясь в три погребели по своей привычке,— его сиятельство граф Виктор Никитич изволит собираться на-днях определить Леонида Михайловича в консультацию“. Через несколько дней Топильский явился к Муравьеву объявить, что сын его Леонид определен членом консульта-

ции, а как по необыкновенно счастливому стечению обстоятельств накануне открылась вакансия на аренду, то Муравьев объявил Топильскому эту приятную новость, и оба почтенные мужа расстались с сияющими лицами» (П. В. Долгоруков, Петербургские очерки, М., 1934, стр. 302).

ПО МУХАНОВУ И ЦЕЦУРИН

(Новые злодейства русских чиновников в Варшаве)

Печатается по тексту *К*, л. 48 от 15 июля 1859 г., стр. 397, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В *К*, л. 77-78 от 1 августа 1860 г., стр. 651—652, помещена была анонимная статья «Президент Варшавской академии Цыцури», автор которой внес ряд существенных уточнений и поправок в первую информацию о докторе медицины Ф. С. Цыцурине и его роли в событиях, связанных с массовым уходом студентов из Варшавской медицинской академии.

Стр. 402. *Не сосланный в каторжную работу убийца Муханов*...— Об этом см. эпизод из жизни П. А. Муханова, рассказанный в статье «Мухановские меры против просвещения в Польше»: «Муханов вспыльчив, груб и дерзок. Бсей Варшаве известно, что он палкой убил человека, сторожа Казимирского дворца. Возвращался он поздно домой, сторож не скоро отворил ему ворота; Муханов ударил его палкой по голове и на другой день сторож не был в живых» (*К*, л. 36 от 15 февраля 1859 г., стр. 297).

〈ДУЭЛЬ НЕКЛЮДОВА С БЕКЛЕМИШЕВЫМ〉

Печатается по тексту *К*, л. 49 от 1 августа 1859 г., стр. 405, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОР*.

16 апреля 1859 г. в Иркутске произошла дуэль между М. С. Неклюдовым и Ф. А. Беклемишвым, в результате которой Неклюдов был убит. Обстоятельства, при которых произошла дуэль, привлекли к ней пристальное внимание широкой общественности. Чиновник канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Неклюдов подвергался систематической травле со стороны приближенных Н. Н. Муравьева-Амурского, в особенности Ф. А. Беклемишева. Согласие Неклюдова на дуэль было вынужденным. Попустительство властей, знавших о предстоящей дуэли и ничего не делавших, чтобы помешать ей, вызвало резкий протест демократических кругов Иркутска. Похороны Неклюдова превратились во внушительную демонстрацию, в которой участвовало до 10 тысяч человек. Активное участие в организации общественного протеста приняли М. В. Буташевич-Петрашевский, Ф. Н. Львов и декабрист В. Ф. Раевский. Петрашевский выступил на могиле Неклюдова с речью, в которой резко обличал злоупотребления сибирской администрации и Н. Н. Муравьева, покровительствовавшего убийце Неклюдова.

О подробностях дуэли сообщалось в письмах из Сибири (одно из них принадлежало Н. А. Белоголовому), напечатанных в «Под суд!», л. 2 от 15 ноября 1859 г. под заголовком «Убийство Неклюдова в Иркутске». В письмах указывалось на ряд злоупотреблений со стороны Муравьева-Амурского, в частности, на то, что он покрови-

тельствует убийце Неклюдова — Беклемишеву и препятствует расследованию дела об этой дуэли. Приближенные Муравьева выступили с протестом против обвинительных писем и через посредство М. А. Бакунина, находившегося тогда в ссылке в Сибири, направили Герцену свои опровержения. О получении последних редакция «Колокола» сообщила в заметке «Дуэль в Иркутске» (см. наст. том). Письма в защиту Беклемишева и оправдание Муравьева с примечаниями редакции были напечатаны в *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г. («По поводу иркутской дуэли» — см. наст. том) и в «Под суд!», л. 6 от 1 июля и л. 7 от 15 июля 1860 г. (см. «Письмо в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым» в наст. томе). Бакунин послал Герцену несколько писем по поводу иркутской дуэли, в которых всячески защищал Муравьева и просил не нападать на него (см. письма от 7—15 ноября и от 8 декабря 1860 г. — М. А. Бакунин, Собр. соч. и писем, т. IV, М., 1935, стр. 303—347, 353—369).

О притеснениях Петрашевского и других лиц, выступивших с разоблачениями «генерал-губернаторского деспотизма» в связи с делом о дуэли, сообщалось в напечатанной в *К*, л. 92 от 15 февраля и л. 93 от 1 марта 1861 г., «Просьбе М. В. Петрашевского е. в. господину министру внутренних дел» и в письме из Сибири, опубликованном в *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г. под заголовком «Опять об иркутской дуэли» (см. т. XV). Летом 1861 г. при личном свидании с Герценом Белоголовый сумел доказать, что правда не на стороне Муравьева, но Герцен, вместе с тем, отказался напечатать новую статью Белоголового, не желая выступать против Бакунина, который был лишен возможности открыто ответить в печати (см. Н. А. Белоголовый, Воспоминания и другие статьи, М., 1898, стр. 533—538). Однако в статье «Граф Муравьев-Амурский и его поклонники» (*К*, л. 109 от 15 октября 1861 г. — см. т. XV наст. изд.), подводя итог освещению на страницах «Колокола» иркутской дуэли, Герцен признал, что Муравьев «пристрастно смотрел на дело Беклемишевской дуэли», указав одновременно на недостатки его управления и склонность к «безграничной самонадеянности».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЕДЫ В МОСКВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 49 от 1 августа 1859 г., стр. 405—406, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Стр. 403. ... *Закревскому давали 24 апреля 1859 обед...* — Прощальный обед А. А. Закревскому был дан 17 апреля 1859 г. В «Старой записной книжке» П. А. Вяземского есть запись, объясняющая причину такой торжественности проводов Закревского: «В Москве приписывают падение Закревского не противозаконным действиям его в браке замужней дочери, а тому, что он отстаивал дворянские и помещичьи права. Вследствие того сделали сильную демонстрацию: тысячи москвичей и иногородних дворян явились к нему в первые два дня отрешения его от должности, с изъявлениями преданности, признательности и сожаления» (П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., СПб., 1866, т. X, стр. 194). С. П. Шевырев в письме к М. П. Погодину от 19 апреля 1859 г. рассказывал, что Казначеев, организатор обеда в честь Закревского, «сочинил речь», в которой деятельность последнего в Москве характеризовалась как «подвиг истинного сына отечества» (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 16, СПб., 1902).

Стр. 406. ... *выражением удовольствия московского народонаселения, что Закревский наконец сменен.* — Передовая дворянская и буржуазная

общественность восторженно приняла известие об увольнении Закревского. А. В. Никитенко в своем «Дневнике» писал: «Многие обнимались и целовались, поздравляя друг друга с этим событием, и благодарили государя» (А. В. Н и к и т е н к о, Дневник, т. II, М., 1955, стр. 87).

⟨ЗАМЕТКА О ГУБЕРНАТОРЕ СИНЕЛЬНИКОВЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 52 от 15 сентября 1859 г., стр. 430, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

⟨ПРЕДСЕДАТЕЛЬ УГОЛОВНОЙ ПАЛАТЫ В МОГИЛЕВЕ Г. СТАХОВСКИЙ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 52 от 15 сентября 1859 г., стр. 430, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

КОНСУЛ ПОПОВ И КОНСУЛ ЧЕРЧИЛЛЬ В ЯССАХ

Печатается по тексту «Под суд!», л. 1 от 1 октября 1859 г., стр. 12, где опубликовано впервые.

В этом же номере «Под суд!» (стр. 1—10) опубликованы были материалы о начальных этапах биографии консула Попова — см. «Дело о преступном сообщничестве полицейского майора Попова, генерал-губернатора Игнатьева и министра Панина против свободы и чести купца Малкова». См. также статью «Наши консулы» в *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 912—913 (т. XV наст. изд.).

Стр. 406. *Videant consules!*.—Начало формулы: *Videant consules, ne quid res publica detrimenti capiat* (Пусть консулы смотрят за тем, чтобы государство не потерпело какого-либо ущерба). Со времени Гракхов, при особенно критических положениях государства, римские консулы получали от сената этой формулой полномочия, дававшие им почти диктаторские права.

⟨ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ВИЛЬНЕ ГИМНАЗИСТОВ БАРОНОМ ВРАНГЕЛЕМ, КНЯЗЕМ ШИРИНСКИМ-ШИХМАТОВЫМ И ФОН-ФРЕЙМАНОМ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 56 от 15 ноября 1859 г., стр. 466, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

1 8 6 0

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА

Печатается по тексту *К*, л. 60 от 1 января 1860 г., стр. 496—497, где опубликовано впервые. В *ОК* озаглавлено: «Зальцман и Кочубей». Автограф неизвестен.

Стр. 407. *Читатели наши, вероятно, не забыли эту курьезную историю, рассказанную в 7 л. «Колокола».*— Герцен имеет в виду заметку

«Что значит суд без гласности» (см. т. XIII наст. изд.), к которой была приложена выписка из дела о ранении кн. Л. В. Кочубеем управляющего его имением австрийского подданного И. Зальцмана; см. также в наст. томе заметку «Дело Кочубея и Зальцмана» и комментарий к ней.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ В ОСАДНОМ И ИКОНОПИСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Печатается по тексту К, л. 60 от 1 января 1860 г., стр. 498, где опубликовано впервые, в разделе «Смесь».

В К, л. 56 было опубликовано письмо художников, живших в Париже, к русскому послу во Франции П. Д. Киселеву, которое содержало протест против шпионства Васильчикова. Публикация письма предвзялась следующими словами: «Мы читали в одной парижской газете, что граф Киселев получил следующее письмо...». Ссылка на «парижскую газету», не отвечая действительности, снимала ответственность с авторов письма за их обращение в «Колокол». Из письма Герцена к академику художнику Г. Я. Будковскому от 23 декабря 1859 г. (ЛН, т. 61, стр. 255—256) можно предположить, что разоблачением порядков, парящих в российской академии, занимался сам Герцен. (О бездульном отношении к художникам в Академии писал Герцен и в некрологе А. А. Иванова — см. т. XIII наст. изд.). Однако в письме к сыну от 25 февраля 1860 г., говоря о шпионе Васильчикове, Герцен пишет несколько неопределенно: «О чем было в „Колоколе“».

Л. Хинкулов в статье «Шевченко и его современники» («Советская Украина», 1955 г., № 8, стр. 176—177) высказывает предположение, что автором этой статьи мог быть Шевченко.

Включено М. К. Лемке в Dubia (Л X, 195—196).

Стр. 408. *Русская Академия художеств, год тому назад украшенная картиной Иванова...*— 9 июня 1858 г. картина А. А. Иванова «Явление мессии народу» для общего обозрения была перенесена вместе с эскизами и этюдами к ней из Белого зала Зимнего дворца (где она экспонировалась для парской фамилии) в здание Академии художеств.

На место графа Толстого, сибирь князь Гагарин.— В мае 1859 г. престарелый граф Ф. П. Толстой был назначен товарищем президента Академии художеств, а вице-президентом назначен князь Г. Г. Гагарин.

На переделку укрепления отпущено ему 5000 р. с. из сумм вовсе не богатой Академии.— По данным отчета императорской академии художеств за 1859—1860 гг., на годовые ремонтные починки и поправки ей было отпущено 6000 рублей сер. Из этой суммы было использовано около 5000 руб.

...велел их допускать в мастерские только в известные часы дня...— В отчете императорской академии художеств за 1859—1860 гг. отмечалось, что художественные классы открыты были для учеников академии с 10 утра до часу дня и с 5 до 7 вечера.

Стр. 408—409. *...Академия художеств займется исключительно византийской школой живописи и постарается довести до божественной лепоты сивадальскую иконопись...*— Реалистическому направлению в живописи, отражающему могучий поток освободительного движения 60-х годов, академические власти противопоставляли иконопись в византийском стиле. Проводником этих «новшеств» в академии был Г. Г. Гагарин, изучавший церковные древности на Кавказе. По его распоряжению при академии был открыт специальный иконописный класс, профессором

которого был назначен Карл фон Нефф. В статье «А. Иванов» Герцен вспоминал о той грусти, с которой этот большой художник смотрел «на растление вкуса иконописью — этим лицемерием в живописи, этой ложью в искусстве» (т. XIII наст. изд., стр. 324).

Стр. 409. «Занятой мало ли у ней?» — Не совсем точная цитата из поэмы Пушкина «Граф Нулин».

Она посылает Васильчикова подсматривать за художниками... — См. комментарий к заметке «Шпионство Васильчикова в Париже» (наст. том, стр. 599—600).

«Хозяйки взор повсюду нужен...» — Строка из поэмы Пушкина «Граф Нулин».

СЛАБОСТЬ К ВОРАМ

Печатается по тексту *К*, л. 61 от 15 января 1860 г., стр. 505, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Стр. 409. *Зачем сообщники Затлера в воровстве больше наказаны, чем Затлер?* — См. комментарий к стр. 65 наст. тома.

...*Это похоже на то, как Кочубей, стрелявший в Зальцмана, один и не попал под суд.* — См. выше заметку «Через два года» и комментарий к ней.

ЗАСЕЧЕННЫЙ МАТРОС

«ВСТУПЛЕНИЕ»

Печатается по тексту *К*, л. 62 от 1 февраля 1860 г., стр. 512—513, где опубликовано впервые. После публикуемого вступления помещаются документы, свидетельствующие о зверствах во флоте: «Прошение вдовы умершего от наказания 32-го флотского экипажа матроса 1 статьи Семена Белоенки, Авдотьи, Степановой дочери», на имя контр-адмирала Бутакова об исследовании поступков лейтенанта Фельдгаузена, который засек матроса насмерть; ее же прошение в аудиторию штаба Бутакова с просьбой о смягчении наказания для писаря Иванова, который был лишен унтер-офицерского звания и арестован за то, что без дозволения начальства написал вдове Белоенковой прошение и подписал его за неграмотную женщину; доклад аудитора штаба о расследовании дела Иванова, о пересмотре его и о постановлении комиссии военного суда о разжаловании Иванова в рядовые и оставлении на службе (с резолюцией Бутакова, говорящей о том, чтоб «служащие не смели заниматься сочинением и перепискою» «кляузных прошений»); показания свидетелей, видевших засеченного матроса Белоенкова и акт старшего флотского врача и лекаря о том, что Иванов болен катаром легких, и может ли «перенести по спине присужденное военным судом наказание без опасности жизни», «положительно сказать не можем». Вследствие этого акта Иванов не был прогнан сквозь строй, а отправлен в арстантскую роту.

ИЗ МОСКВЫ

Печатается по тексту *К*, л. 62 от 1 февраля 1860 г., стр. 517, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Московский университет».

Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 222—223) и М. К. Лемке (*Л* X, 206).

Стр. 410. Г-н Леонтьев, неужели это правда?— П. М. Леонтьев, профессор Московского университета по кафедре римской словесности, в эту пору был известен Герцену как автор весьма прогрессивной по своим общественно-политическим установкам статьи о Т. Н. Грановском в сб. «Прописки», 1855 г. Политическая беспринципность Леонтьева как ученого и журналиста в 1859 г. еще не определилась, чем и объясняется вопрос редакции «Колокола». О позднейшем резко отрицательном отношении его к Леонтьеву см. по имениному указателю в тт. XVII и XVIII наст. изд.

ЭПОХА ПРОГРЕССА И ГЛАСНОСТИ В РОССИИ

Печатается по тексту К, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 529, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Заметка является откликом на правительственное постановление «О порядке отправления учеными обществами лиц для собирания нужных им сведений» (см. «Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе», том XX XV, отд. 1. 1860). В основу этого указа было положено предложение гр. В. Н. Панина, указавшего на необходимость правительственного вмешательства в фольклорно-этнографические разыскания в связи с собирательской деятельностью П. И. Якушкина (см. М. Лемке, Эпоха цензурных реформ 1859—1865, СПб., 1904, стр. 29—30; В. Г. Базанов, П. И. Якушкин, Орел, 1950, стр. 10—12 и 64—65).

〈АКАДЕМИК БАССИН〉

Печатается по тексту К, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 530, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Включено М. К. Лемке в Dubia (Л X, 212).

〈ПЕРЕХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ〉

Печатается по тексту К, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 530, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Включено Л. А. Тихомировым (Т, 223) и М. К. Лемке (Л X, 212—213).

В. И. Ленин, цитируя в статье «Памяти Герцена» строки из этой статьи, отмечал: «Когда сообщали, что вводятся военные начальники для „спокойного“ „освобождения“, Герцен писал: „Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам, вместо того чтобы душить их, сядет на трон Романовых“» (В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14).

〈ГЕРШТЕНЦВЕЙГ〉

Печатается по тексту К, л. 64 от 1 марта 1860 г., стр. 538, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Генерал-адъютант А. Д. Герштенцвейг неоднократно привлекал к себе внимание «Колокола». В «Поправке по делу генерал-майора Даргана» отмечалось, что Герштенцвейг находится в таких же отношениях к военному министру Сухозанету, как Муханов к Горчакову. В этой:

же заметке Герштенцвейг характеризовался как один из тех военных администраторов, которые с наибольшим упорством отстаивают в русской армии «помещичий способ управления» («Колокол», л. 76 от 15 июля 1860 г., стр. 638). См. о нем же статью: «Русские генералы Герштенцвейг и Сиверс и русский помещик Гутцейт» в наст. томе и др.

ШПИЦРУТЕНЫ И СИВЕРС

Печатается по тексту *К*, л. 64 от 1 марта 1860 г., стр. 538, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Заметка тематически связана с предшествующей, равно как и с другими выступлениями «Колокола» против апологетов «розог и шпицрутенов» в военном министерстве.

Стр. 412. *Когда в Петербурге был получен № 48 «Колокола»...*— В этом номере была опубликована под заголовком «Теория и поэзия розог и шпицрутенов в приложении к защитникам отечества» официальная переписка военного министра с командующим отдельным корпусом внутренней стражи (*К*, л. 48 от 15 июля 1859 г., стр. 398).

ПАЛАЧ БАРАНОВСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 65-66 от 15 марта 1860 г., стр. 553, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Барановский».

Стр. 412. ... *дело, напечатанное в «Северной пчеле», о помещике Барановском...*— Имеется в виду статья «Случай в Остерском уезде», напечатанная в «Северной пчеле», 1860, № 14 от 18 января.

...*Гутцейта ∞ насильовшего малолетних...*— О Гутцейте см. в наст. томе статью «Постельная барщина продолжается» и «Еще о Гутцейте».

〈ЛУЖИН ДЕРЕТСЯ〉

Печатается по тексту *К*, л. 65-66 от 15 марта 1860 г., стр. 553, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

В пользу принадлежности заметки Герцену говорит ее тематика: очередное разоблачение деятельности Лужина (см. заметку «Лужин верный» и др. в наст. томе).

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 261).

Об аресте студента Харьковского университета П. В. Завадского, обыск у которого 25 января 1860 г. привел к обнаружению материалов о существовании в 1856—1858 гг. тайного студенческого общества, организованного Я. Н. Бекманом, М. Д. Муравским, П. В. Завадским, П. С. Ефименко и В. В. Ефименко, рассказывается в корреспонденции «Грязь и Лужин» (*К*, л. 77-78 от 1 августа 1860 г.). 1 февраля 1860 г. большинство участников этого общества были арестованы. Для разбора «дела» харьковского тайного общества была создана специальная следственная комиссия под председательством А. Ф. Голицына. В материалах этой комиссии есть указание, что члены тайного общества установили связь с Герценом при посредстве некоего Богомолова, ездившего за границу. Ими же, вероятно, были посланы в «Колокол» сообщения о студенческих волнениях в Харьковском университете 1858 года. Подробнее о деятельности общества см. в книге Б. П. Козьмина «Харьковские заговорщики»

1856—1858 годов», Харьков, 1930 г., и в статьях А. З. Барабоя «Харьковско-Киевское революционное общество 1856—1860 гг.» («Исторические записки», т. 52, 1955, стр. 240—252) и Л. Ф. Филимоновой «История душевной трагедии В. М. Гаршина» («Звенья», т. IX, М., 1951, стр. 581—593).

НАЧАЛО НОВЫХ ГОНЕНИЙ В РОССИИ

Печатается по тексту *К*, л. 67 от 1 апреля 1860 г., стр. 566, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Гонения». Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 227) и М. К. Лемке (*Л* X, 272).

О студенческих волнениях в Харьковском университете в 1858 г. см. также заметки «Харьковская история» и «Безобразное окончание харьковской студентской истории» (т. XIII наст. изд.).

⟨ДУЭЛЬ В ИРКУТСКЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 67 от 1 апреля 1860 г., стр. 566, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Дуэль в Иркутске (секундант Молчанов)».

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 272—273).

Заметка непосредственно примыкает к статьям «Тиранство Сибирского Муравьева» (*К*, л. 82), «Убийство Неклюдова в Иркутске», к «Письму в редакцию по поводу дуэли Беклемишева и Неклюдова» («Под суд!», л. 2 и л. 6) и другим.

См. комментарий к заметке «Убийство Неклюдова в Иркутске» в наст. томе.

⟨СВИСТУНОВ И КАШКИН⟩

Печатается по тексту *К*, л. 70 от 1 мая 1860 г., стр. 590, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

П. Н. Свиштунов — член петербургской ячейки Южного общества, организованной Пестелем в 1824 г. Отнесенный верховным уголовным судом ко второму разряду государственных преступников, отбывал каторгу и ссылку в Сибири. После амнистии проживал с 1857 г. в Калуге, где принимал деятельное участие в общественной жизни. С 1859 г. был членом Калужского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян («Восстание декабристов», т. VIII, 1925, стр. 393—394).

Н. С. Кашкин — чиновник азиатского департамента министерства иностранных дел, организатор с 1848 г. кружка «чистых фурьеристов», связанного с петрашевцами. Осужден в 1849 г., отбывал наказание рядовым в войсках Кавказской линии. Амнистирован в 1857 г. С 1859 г. член Калужского губернского комитета по подготовке крестьянской реформы. О близости Кашкина с Н. А. Серно-Соловьевичем свидетельствуют письма последнего к нему, опубликованные в сб. «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932, стр. 103—126.

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ

Печатается по тексту *К*, л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 598, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено Л. И. Тихомировым (*Т*, 232) и М. К. Лемке (*Л* X, 314—315).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 413, строка 21: свое. Русское помещательство на сию минуту
вместо: свое, Русское помещательство. На сию минуту

Заметка «Переходное состояние» тесно связана с «Письмами из России» (см. наст. том). Правда, и до этого Герцен неоднократно выступал против требований помещного дворянства продлить на возможно более долгий срок процесс предстоящего освобождения крепостных крестьян (см. статью «Переходное положение»). Выразителями этих требований были кн. П. П. Гагарин (см. «Вестник Европы», 1911, № 2, стр. 58—59), М. П. Позен (см. его «Бумаги по крестьянскому делу», Дрезден, 1864, стр. 35—41), лидер славянофилов Ю. Ф. Самарин («Соч. Ю. Ф. Самарина», т. III, 1885, стр. 40—41 и 360—361), его друг и единомышленник кн. В. А. Черкасский (см. его «Некоторые общие черты будущего сельского управления» — «Сельское благоустройство», 1858, № 9, стр. 225—270) и ряд других.

Под нажимом консервативно-дворянской общественности Александр II 21 апреля 1862 г. дал указание разослать начальникам губерний «Программу занятий губернских дворянских комитетов об улучшении быта помещичьих крестьян», согласно которой отмене крепостного права должен был предшествовать период «срочно-обязанного» состояния («Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян», т. I, изд. 2-е, СПб., 1862, стр. 137—149).

Во времени появления в «Колоколе» заметки «Переходное состояние» подготовка проекта освобождения крестьян проходила второй этап обсуждения в Редакционных комиссиях при участии 45 представителей губернских комитетов так называемого «второго приглашения» (36 членов губернских комитетов «первого приглашения» обсуждали проект с августа по октябрь 1859 г.). Представители губернских комитетов в своих выступлениях требовали сокращения крестьянских наделов и сохранения вотчинной власти помещиков на переходный период (А. С. Кр е б и ц к и й, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. I, Бонн на Рейне, 1862, стр. 641—643).

Герцен, опираясь на письма хорошо осведомленных в делах Редакционных комиссий корреспондентов «Колокола» (см. «Письма из России») и на печатное сообщение газеты «Le Nord» (см. наст. том), использовал данные относительно обсуждения вопроса о телесных наказаниях крестьян, поднятого кн. В. А. Черкасским (см. статью «Розги долой!»), для решительного осуждения самого принципа «переходного состояния».

АФИНСКИЙ АРХИМАНДРИТ, РОМБОТИ И ИЕРОДИАКОН

Печатается по тексту *К*, л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 598, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Афинский иеродиакон».

В пользу авторства Герцена свидетельствует близость заметки к статье: «For Gentleman only» (см. наст. том).

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 315).

Стр. 413. ...*Мы получили возражение на письмо г. Ромботи с мы уже упоминали.*— Письмо П. Ромботи было напечатано под заголовком «Афинский архимандрит (письмо из Афин)» в *К*, л. 68-69 от 15 апреля 1860 (см. наст. том); ср. также заметки «For Gentleman only» и «Еще об ретроградном архимандрите...» (наст. том).

...«*вреден семер для него.*...— Герцен использует строку из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. первая, строфа II).

...вдрано и невередимо доставил в Лондон...— Агапий Гончаренко эмигрировал в 1860 г. в Лондон и стал сотрудником Вольной русской типографии (см. о нем в обзоре М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники» — ЛН, т. 41-42, стр. 587—588).

⟨С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 606, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 330).

Краткий перечень «дозволенных правительством» в 1860 г. народных гуляний приводится в настоящей заметке по статье «Петербургская летопись», напечатанной в «СПб. ведомостях», 1860, № 100 от 8 мая.

ОМСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Печатается по тексту *К*, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 606, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Заметка непосредственно примыкает к статье Герцена «Appel à la pudeur» (см. т. XIII наст. изд.), разоблачающей официозную фразеологию русских журналов.

В заметке цитируется статья «Россия», напечатанная в «СПб. ведомостях», 1860, № 78 от 12 апреля.

ПО ЧАСТИ «МЕРЗОСТНО-ОТВРАТИТЕЛЬНЫХ КАРТИН» «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

Печатается по тексту *К*, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 606, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОЖ* озаглавлено: «Помещик Абутков».

В заголовке заметки Герцен подразумевает высказанный А. В. Дружининым на страницах «Библиотеки для чтения» протест против якобы преувеличения ужасов крепостнической действительности в русской художественной прозе конца пятидесятых годов; см. об этом выше статью «„Библиотека“ — дочь Сенковского» и комментарий к ней.

АВГУСТЕЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАЗБОЙ

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 607, где опубликовано впервые.

Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 236—238) и М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 338).

В письме к П. В. Долгорукову от 28 мая 1860 г. Герцен пишет: «Мы не могли найти у нас того № «Петербург. ведомост.» (кажется, 23 апреля), в котором благодарность за излишнюю подать; позвольте попросить Вас прислать нам его для перепечатания». Однако, просьба эта исходит от лица редакции и не указывает на автора заметки. К этой заметке непосредственно примыкает и статья «Покорнейше благодарим», л. 79, стр. 662, однако по стилю ее с большим основанием можно приписать Огареву (заметка подробно высчитывает сумму податей и т. п. Финансовыми вопросами, как известно, занимался в «Колоколе» Огарев).

ЕВРЕЙСКИЕ ВЫБОРЫ В ВИЛЬНЕ

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 618, где опубликовано впервые.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 340).

ТЕОРИЯ СЕЧЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОЛИЦИИ

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 622, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В пользу принадлежности заметки Герцену говорит ее тематика и некоторые особенности стиля (например, концовка и заголовок).

〈СВЕРХШТАТНЫЙ ЧЛЕН ШЕРЕМЕТЕВ〉

Печатается по тексту *К*, л. 73-74 от 15 июня 1860 г., стр. 622, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

В пользу авторства Герцена говорят некоторые стилистические особенности заметки: например, ее концовка.

В памфлетном биографическом очерке «Михаил Николаевич Муравьев», опубликованном кн. П. В. Долгоруковым в брюссельской газете «Листок» от 24 ноября 1863 г., № 15, появились строки, проливающие свет на причины запроса о Шереметеве в «Колоколе»: «Дочь свою, Софью Михайловну, Муравьев выдал за родственника жены своей, Сергея Сергеевича Шереметева, коему промыслил звание церемониймейстера при дворе и место сверхштатного члена строительной конторы министерства императорского двора». Должность эта была очень доходной и являлась чистой синекурой (П. В. Долгоруков, *Петербургские очерки*. Памфлеты эмигранта, М., 1934, стр. 302).

САМОДЕРЖАВНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Печатается по тексту *К*, л. 76 от 15 июля 1860 г., стр. 638, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В пользу авторства Герцена говорит тематика заметки и некоторые особенности ее стиля, например, вопросы, прерывающие строй речи. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 366).

Стр. 418. *...покойный король неаполитанский...*— Имеется в виду Фердинанд II.

Говорят, Княжевич...— Речь идет о министре финансов А. М. Княжевиче.

ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ ПАЛИСАДОВ И ЕГО МЕРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «КОЛОКОЛА»

Печатается по тексту *К*, л. 77-78 от 1 августа 1860 г., стр. 652, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено Л. А. Тихомировым (*Т*, 241—242) и М. К. Лемке (Л X, 372).

О Палисадове см. далее, в заметке «Распространение антропофагии в России».

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АНТРОПОФАГИИ В РОССИИ

Печатается по тексту *К*, л. 79 от 15 августа 1860 г., стр. 662, где опубликовано впервые.

Стр. 419. ...*бого-витийствующий законоучитель Палисадов* о «хищных волках». — См. выше заметку «Законоучитель Палисадов и его меры распространения „Колокола“».

ЗАПРОС

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 672, где опубликовано впервые. Заметка написана от имени издателей «Колокола».

ГРАФ ЗАКРЕВСКИЙ И ГЕРЦОГ САКСЕН-ВЕЙМАРСКИЙ 〈ВСТУПЛЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Печатается по тексту «Под суд!», л. 8 от 1 сентября 1860 г., стр. 76—78, где опубликовано впервые.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 391).

Стр. 420. *Говорят, что граф Закревский лишился места генерал-губернатора...* — Об отставке А. А. Закревского и ее причинах см. выше, стр. 122—123.

ЕЙ ТЫ, ФЕЛЬЕТОНИСТ!

Печатается по тексту *К*, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 688, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л X, 400—401).

Настоящая заметка явилась откликом на статью «Хроника московских воскресных школ», напечатанную в «Московских ведомостях» 17 августа 1860 г. в разделе «Москва». В этой статье анонимный автор выступил в защиту воскресных школ против нападок на них в реакционной прессе. В организации и работе воскресных школ, количество которых стало особенно быстро расти с 1859 г., близкое участие принимала революционно настроенная молодежь, работавшая безвозмездно. Культурно-просветительный и демократический характер воскресных школ и их быстрый рост вызвали беспокойство со стороны реакционно-крепостнических кругов. В фельетоне, напечатанном 2 августа 1860 г. в «Северной пчеле» под заголовком «Из Москвы», автор, скрывший свою фамилию под псевдонимом — «цкий», высмеивал преподавателей воскресных школ, которые во имя «сближения с русским народом» говорят своим ученикам «вы». Этот-то фельетон и вызвал справедливую отповедь у автора статьи «Хроника московских воскресных школ». В ней говорилось: «...в фельетонах двух газет упрекали нас за употребление „вы“ в обращении с учениками воскресных школ. Мы не считаем уместным опровергать подобные упреки. Нормальные отношения преподавателей и учащихся не могут же основываться на подавлении 〈...〉 личности последних; дело свободного преподавания должно избавляться от потворства грубым привычкам невежества и тщеславия. Отсутствие наказаний и вежливое обращение, правда, удивляло сначала учеников воскресных школ, но не в ущерб успеху последних. Недоверчиво и робко шли они в училище: с этим названием уже соединялось у них представление о брани, розгах и побоях;

но, не встретивши ожидаемых спутников грамоты, они скоро освободились от своего страха и стали откровенно беседовать со своими наставниками. Слово «вы», вопреки ожиданиям некоторых гг. педагогов, не кажется им странным; опыт не заставил нас раскаться в принятом нами способе обращения с учащимися, и притом не потому, смеем думать, чтобы этот опыт был слишком кратковременным». Этому же вопросу была посвящена статья Н. Воскобойникова «„Вы“ и „ты“», напечатанная в «СПб. ведомостях» от 9 августа 1860 г.

<ВОЙТ>

Печатается по тексту *К*, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 688, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

В памфлетной статье кп. П. В. Долгорукова, опубликованной в № 17, брусельской газеты «Листок» от 28 января 1864 г., под названием «Законодатель Войт, с прибавлением рассказа о появлении и преуспевании семейства Войтов под сенью полуавгустейших семейств Адлербергов и Барановых»,— очень подробно освещалась карьера Н. К. Войта, домашнего деревенского врача помещицы Д. А. Полтавцевой (урожд. Пашковой). Этот Войт, благодаря связям Пашковых при дворе, очень быстро разбогател, ведя земельные тяжбы, получил чин действительного статского советника, вошел в узкий круг петербургских дельцов, группировавшихся вокруг управляющего III отделением Дубельта и директора императорских театров А. М. Гедеонова, и, наконец, с помощью последнего «определен был на службу в театральное ведомство» (П. В. Д о л г о р у к о в, Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта, М., 1934, стр. 342).

<Д. Н. ЗАМЯТНИН>

Печатается по тексту *К*, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 688, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л X*, 401).

Как свидетельствует ответ на этот запрос «Колокола», частично опубликованный в статье «Светское и духовное образование» (см. выше в наст. томе), неизвестный нам инцидент в Николаевском сиротском институте связан был не с Д. Н. Замятниным, а с его женою, Е. С. Замятницей, начальницей этого учебного заведения (с 1856 по 1864 г.). О ней же как о «государственном сановнике женского рода» см. в заметке Герцена «Донос (разумеется Тимашеву)» в *К*, л. 91 от 1 февраля 1861 г., стр. 768 (т. XV наст. изд.).

Стр. 420. ...выслать *З а м я т н и н а* из какого-то женского института...—Д. Н. Замятнин, занявший в 1858 г. пост товарища министра юстиции (при министре Панине), был членом Советов Елизаветинского училища и Патриотического женского института. Откликаясь на слухи о предстоящем назначении Замятнина министром, «Колокол» иронически назвал его «человеком вполне удоборуководимым» (*К*, л. 28 от 15 ноября 1858, «Удоборуководимый Панин, Топильский и Замятнин»— см. т. XIII наст. изд.). О «замятнинском законе о наказании государственных преступников против других государств» см. в заметке Герцена «Розги и плети, употребляемые международно» (*К*, л. 95 от 1 апреля 1861 г.— см. т. XV наст. изд.).

ЕЩЕ ГЛУПЕЕ!

Печатается по тексту *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 711, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В пользу авторства Герцена говорит каламбурное обыгрывание фамилии Языкова.

В *К*, л. 93 от 1 марта 1861 г. была помещена заметка «Языков, директор правовередения» (см. т. XV наст. изд.), в которой редакция «Колокола» сообщала о получении письма, «опровергающего ответ Языкова правовередам, желавшим принять участие в воскресных школах».

ПОТОЦКИЙ, ЗАКРЕВСКИЙ, ИЛЬИНСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 711, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено М. К. Лемке (*Л* X, 456).

ПОЛТАВА И СТОКГОЛЬМ

Печатается по тексту *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 711, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 456).

<РАД СТАРАТЬСЯ>

Печатается по тексту *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 711, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Включено М. К. Лемке в *Dubia* (*Л* X, 456—457).

<ПАСПОРТЫ>

Печатается по тексту *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г., стр. 712, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Включено М. К. Лемке (*Л* X, 457).

Стр. 422. ...*снова обложить заграничные паспорта*.— Указом от 26 августа 1856 г. пошлины на заграничные паспорта были отменены.

<ПОМЕЩИК г. ХАРЧЕНКО>

Печатается по тексту *К*, л. 87-88 от 15 декабря 1860 г., стр. 744, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

<КОВАЛЕВСКИЙ ПРИЗЫВАЛ ПЕТЕРБУРГСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ...>

Печатается по тексту *К*, л. 87-88 от 15 декабря 1860 г., стр. 744, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. В *ОК* озаглавлено: «Ковалевский».

Включено М. К. Лемке (*Л* X, 475—476).

Общая характеристика Ковалевского и его роли в государственном аппарате дана была в *К*, л. 20 от 1 августа 1858 г., в статье «Черный кабинет»: «Ковалевский — не сам, он — телеграф, через который черный кабинет (Орлов, Панин, Ростовцев, Муравьев, Долгоруков) передает цензурные циркуляры и противодействует *путями просвещения* всему образованному. Ковалевский в роли понытчика скрепляет своей слабостью акты своих начальников, добросовестно заменяя свою совесть их волей» (см. т. XIII наст. изд.).

Стр. 422. ...плакать о покойной императрице Александре Федоровне.— 19 октября 1860 г. в Царском Селе скончалась вдова Николая I, мать царствовавшего императора.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

LA PRESSE RUSSE A LONDRES AUX SERBES ET MONTENEGRINS

Впервые опубликовано отдельным листком как приложение к *К*, л. 84 от 1 ноября 1860 г., и представляет собой французский перевод статьи из этого листа «Сербы и черногорцы».

И. С. Тургенев писал Герцену 4 ноября 1860 г.: «Перевод твоего послания к сербам написан несколько *aventuré* французским языком, а впрочем, для сербов ничего». («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, стр. 135).

Французский текст имеет ряд смысловых разночтений с русским оригиналом; приводим из них наиболее значительные:

Стр. 330

¹ *Вместо:* Сербы и черногорцы // Русская печать в Лондоне сербам и черногорцам

² *Вместо:* западных славян // славян Юга

⁵ *Перед:* читателям // русским

⁶⁻¹⁷ *Текст:* Революционная ∞ мы не хотели — *отсутствует*.

¹⁹ *Вместо:* смердящего в гробе // проклятого

²⁰ *Вместо:* источника смерти // отравленного источника

²³ *Вместо:* не должны // не можем

²⁴ *После:* фазу // развития

²⁵ *Перед:* Милош // князь

²⁵ *Вместо:* понятиями // предрассудками

Стр. 331

⁷ *Вместо:* ластится к медведю // снова вступает в свои отвратительные сношения с медведем

⁹ *Вместо:* дутьцинсю // красавицу

⁹ *Перед:* Если // Мы убеждены, что

¹⁴ *Вместо:* сербов и черногорцев // сербских и черногорских братьев

¹⁹⁻²⁰ *Вместо:* турецкой вражды и австрийского коварства // константинопольской злобы и венского коварства

²¹ *Вместо:* западным братьям нашим // всем славянам окончательно

³⁰⁻³¹ *Вместо:* В ней ∞ традиции // В этой нездоровой почве находятся зловещие трупы, которые разлагаются; там сохраняются воспоминания, от которых дыбом становятся волосы

³⁶ *Вместо:* где же у него сила // где возьмет он силу

Стр. 332

³ *Слова:* он в них вырос, в них воспитан — *отсутствуют*.

³ *После:* мешал // народу

⁵ *Вместо:* слова // жалобы

⁹ *Вместо:* свободно // отступив от традиции Зимнего дворца

12-13 *Вместо:* итальянским освобождением // итальянской независи-
мостью

15-17 *Вместо:* с худшим ∞ самовластия // с врагом более чем видимым,
презираемым и им и его народом, и только для того, чтоб оста-
новить нацию, которая рвет свои цепи, и поддержать священные
принципы самодержавия

30 *Слова:* с своей широкой совестью — *отсутствуют.*

35 *Вместо:* прикованную // распятую

38 *Слова:* три уroda // — *отсутствуют.*

Стр. 333

5 *Вместо:* тысячи // миллионы <!>

7-8 *Слова:* и до того ∞ своих // — *отсутствуют.*

8-9 *Вместо:* Новый ∞ не хотел // Он даже не хотел

Стр. 334

1-2 *Вместо:* приветствует ∞ руку // хотела бы протянуть вам брат-
скую руку, но

7 *Вместо:* пишущих ∞ Петербург // переписывающихся с петер-
бургскими канцеляриями

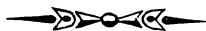
11-12 *Вместо:* вольный ∞ Россией // наш орган extra muros и совершен-
но свободный

14 *Вместо:* два брата // братья

После: Искандер // Издатель «Колокола»

16 *Перед:* 20 октября // Лондон

После даты ниже, мелким шрифтом: Сообщения должны адресо-
ваться в русскую типографию — 5, Thornhill Place, Caledonian
Road, Лондон, С.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА»

1860

ОТРАВИТЕЛИ В КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Печатается по тексту *К*, л. 60 от 1 января 1860 г., стр. 497, где опубликовано впервые, без подписи, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

Статья представляет собою обзор фактов, сообщенных корреспондентом «Колокола», что видно из редакторских замечаний в скобках и редакторского постскриптума. О редакторской обработке этих материалов свидетельствуют и строки: «Нельзя ли взять на откуп право отравлять, с заведением контор (при губернаторских канцеляриях) для продажи очищенного стрихнина, подслащенной синильной кислоты и пр.?».

Стр. 432... *полицейстер Плеханов по делу с французенкой оправдан.*— Об ограблении французской подданной г. Масс киевским старшим полицейстером К. И. Плехановым рассказывается в корреспонденции «Из Кисва», напечатанной в *К*, л. 48 от 15 июля 1859 г.

В ЗАЩИТУ Н. ЖУРАВЛЕВА

Печатается по тексту *К*, л. 62 от 1 февраля 1860 г., стр. 517, где опубликовано впервые, без подписи, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «По делу Журавлева». Автограф неизвестен.

Заметка представляет собой обработку корреспонденции в форме обычных для раздела «Смесь» статей — «Правда ли?».

ПОМЕЩИЦА — НЕНАВИДЯЩАЯ И ПОМЕЩИК—ЛЮБЯЩИЙ СВОИХ РАБОВ

Печатается по тексту *К*, л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 528—529, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка представляет собою обработанную корреспонденцию. О злоупотреблениях помещика Гутцейта см. в наст. томе статьи

Герцена «Постельная барщина продолжается», «Еще о Гутцейте» и др.

Стр. 432. ...*Вреде, о котором мы писали (в 5 л. «Колокола») — В К, л. 5 от 1 ноября 1857 г., в статье «Под спудом»* рассказывается о зверском обращении князя Вреде со своими крепостными крестьянами (см. т. XIII наст. изд.).

Стр. 432—433. ...*Клоповтовскую (лист 22)...* — О помещице Херсонской губернии Тираспольского уезда (деревня Курпино) Аделии Клоповтовской рассказывалось в *К, л. 22 от 1 сентября 1858 г., в открытом письме К. О. к графу Строганову, генерал-губернатору Новороссийского края. К публикации этого письма есть примечание Герцена: «Искренно благодарим К. О. за присылку письма и за те прекрасные строки, при которых он его прислал».*

...*манифест 27 марта 1855.* — Имеется в виду манифест, изданный Александром II через 10 дней после восшествия его на престол. VI пункт этого манифеста говорит об освобождении всех находящихся под судом и следствием.

МАДАМ ПОЛЯНСКАЯ — САРАТОВСКИЙ ОТЕЛЛО

Печатается по тексту *К, л. 68-69 от 15 апреля 1860 г., стр. 581, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОЖ озаглавлено: «Мадам Полянская». Автограф неизвестен.*

Статья представляет собой изложение материалов, присланных в «Колокол» неизвестным его корреспондентом. Судя по содержанию и стилю, последний абзац был написан в редакции «Колокола».

КОСМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО СВОДА

Печатается по тексту *К, л. 68-69 от 15 апреля 1860 г., стр. 582, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОЖ озаглавлено: «Русский свод в Яссах». Автограф неизвестен.*

О редакторской обработке материала, присланного в «Колокол», свидетельствуют концовка статьи и ее заголовок.

ПОПРАВКИ, ВОЗРАЖЕНИЯ, ОПРАВДАНИЯ (КАТАКАЗИ, МЕСТМАХЕР, КАЗАКЕВИЧ, МАШЕВСКИЙ, СТАРИЦКИЙ И ПР.)

Печатается по тексту *К, л. 70 от 1 мая 1860 г., стр. 586—588, и л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 596—597, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.*

Редакционный характер статьи определяется самим ее содержанием, а некоторые характерные особенности ее языка и стиля (напр., строки о «прозе дела», теряющейся за «цветами риторики», «в том роде, как loud в дамских платьях пропадает за кружевами» или «„Колокол“ не амфитеатр за Рогожской заставой», или «Такие высочайшие привилегии нельзя распространять на всякого городничего») свидетельствуют о ближайшем участии Герцена в ее написании.

Включено М. К. Лемке (*Л X, 298—299*).

Стр. 438. ...*дело Кандыбы — 45 № «Колокола»...* — «Дело о высеченном генерале Кандыбе и его жене» было напечатано в *К, л. 45 от 15 июня 1859 г. (см. также стр. 265 наст. тома).*

...просьбу Ивана Ивановича на злокачественного дворянина Ивана Никифоровича Довгочуна. — В прошении, поданном в суд Иваном Ивановичем Перерепенко, назывался в качестве ответчика «известный всему свету своими богопротивными, в омерзение приводящими и всякую меру превышающими законопреступными поступками, дворянин Иван Никифорович, сын Довгочун» (Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, гл. IV).

Стр. 439. Письмо, написанное против жизнеописания Местмахера, которого часть мы поместили... — Имеется в виду заметка «Черты из жизнеописания одесского градоначальника барона Местмахера», напечатанная в К, л. 56 от 15 ноября 1859 г.

В письме из Иркутска было только воззвание к нему, вроде «проспись, Брут!» — Об этом сообщалось в заметке «Мы получили письмо...», помещенной в К, л. 40-41 от 15 апреля 1859 г.

...обвинение его соседа Машевского в 64 листе «Колокола»... — Об управляющем имениями кн. П. Радзивилла Машевском и его «подвигах обогащения за счет мужиков» сообщалось в заметке «Управляющий Машевский», напечатанной в К, л. 64 от 1 марта 1860 г.

Стр. 440. Г-н Старицкий (лист 56). — О злодеяниях В. П. Старицкого в его имении говорилось в статье «Граф Строгонов и Старицкий», напечатанной в К, л. 56 от 15 ноября 1859 г.

SOUVENIRS MODESTES O МЕРТВОРОЖДЕННОЙ ЦЕНСУРЕ КОРФА

Печатается по тексту К, л. 72 от 1 июня 1860 г., стр. 602—603 где опубликовано впервые, без подписи. В ОК озаглавлено: «Souvenirs modestes». Автограф неизвестен.

Статья представляет собой обработанную корреспонденцию (что видно, например, по редакторским замечаниям в скобках). По содержанию (вопросы цензуры, разоблачение Корфа, ссылка на «Тюрьму и ссылку», носящая авторский характер, близость к заметке «По части цензуры творческой» — см. наст. том) и по стилю (заголовок, эпиграф, своеобразный юмор и т. п.) можно предположить, что корреспонденцию обработал Герцен.

Стр. 445. «Она жила, как живут розы — одно утро!» — Строки из стансов Малерба «Consolation à M-me du Perrier»:

Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin».

...устав ∞ не зависящее от министерства народного просвещения... — См. комментарии к стр. 221.

Нам это напоминает, как А. Гумбольдт раз, обедая у прусского короля ∞ Из переписки с Варнгагеном. — Эта история рассказана в комментарии К. А. Варнгагена фон Энзе к письму А. Гумбольдта (см. в книге «Briefe von Alexander von Humboldt an Varnhagen von Ense aus den Jahren 1827 bis 1858», Leipzig, Brockhaus, 1860, стр. 170).

Стр. 447. ...в положении кн. Долгорукой, лишившейся Петра II накануне свадьбы... — 19 ноября 1729 г. княжна Е. А. Долгорукова была объявлена невестой Петра II, а 30 ноября состоялось ее торжественное обручение, причем ей был дан титул «ее высочества государыни-невесты». После смерти Петра II в январе 1730 г. княжна Екатерина была сослана в Березов.

...29-го декабря поехал ∞ осматривать публичную библиотеку, которой директором Корф... — В «Северной пчеле» от 1 января 1860 г была помещена корреспонденция «Посещение публичной библиотеки государем

императором и государынею императрицею», в которой говорилось, что «государь император... оставляя библиотеку, в милостивых выражениях благодарил директора за все виденное, а государыня императрица удостоила принять поднесенный ее величеству альбом, составленный из снимков с разных особенно примечательных редкостей, хранящихся в библиотеке».

Французские короли лечили прежде прикосновением золотуху...— Французским и английским королям в средние века приписывалась чудесная сила исцеления больных прикосновением рук. Обряд возложения рук короля на больных входил в ритуал коронации; во Франции в последний раз он имел место при коронации Карла X, в 1824 году.

...он участвовал в комитете общественной гибели, учрежденном Николаем 2 апреля 1848 года.— См. комментарий к стр. 216.

В ДОПОЛНЕНИЕ К БИОГРАФИИ г. ШЕВЧЕНКО, НАПЕЧАТАННОЙ ВО 2 кн. «НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ»

Печатается по тексту *К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 672, где опубликовано впервые, без подписи, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Дополнение биографии г. Шевченко». Автограф неизвестен.

Имя Шевченко впервые появилось на страницах «Колокола» 15 января 1860 г. в анонимной статье Н. И. Костомарова «Украйна» (*К*, л. 61, стр. 499—503). Характеризуя Шевченко как «народного поэта, которого превосходные стихотворения знают наизусть не только почти все читающие малоруссы, но и многие великороссияне и славяне», Костомаров передавал попутно и основные факты его биографии. В апреле 1860 г. Шевченко, восторженно следивший еще с 1857 г., как свидетельствуют его дневники, за всеми изданиями Вольной русской типографии, в письме к Н. Я. Макарову, уезжавшему за границу, писал: «Посылаю вам экземпляр „Кобзаря“, на всякий случай без подписи. Передайте его А<лександр>ру > И<вановичу> с моим благоговейным поклоном». Об отклике Герцена на смерть Шевченко, а также о его позднейших высказываниях о великом украинском поэте см. заметку «Т. Шевченко» и комментарий к ней (т. XV част. изд.).

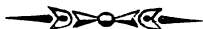
ВАРИАНТЫ

РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ

Стр. 456. ...*прелюбопытное письмо о Дерпте.*— См. в наст. томе заметку «Das Liefländische Athen».

1860 ГОД

Стр. 458. ...*прекрасной статьей об Украине.*— Речь идет о статье-письме Н. И. Костомарова «Украина», напечатанном в *К*, л. 61 от 15 января 1860 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдель-Кадер (1808—1883), арабский шах-эмир, боровшийся против завоевания Алжира французами — 308
- Абрамович Игнатий Акимович (ум. 1867), генерал-лейтенант, и. о. генерал-полицейстера действующей армии в 1854—1856 гг.; главнозаведующий дворцами и председатель дирекции театров Царства Польского—28, 290, 333, 427
- Абутков, помещик Хвалынского у., Саратовской губ.— 415, 626
- Август Гай Октавиан (63 до н. э.—14 н. э.), первый римский император (с 27 г. до н. э.) — 37
- Авель (библ.) — 28
- Авилов Владимир Васильевич, инспектор студентов Московского университета, директор 2-й Московской гимназии с 1856 до 1865 г.— 410
- Авраам (библ.) — 282, 283, 398
- Агапий, до пострижения — Андрей Гончаренко (1832—1916), иеродиакон русской посольской церкви в Афилах, в 1860—1861 гг. наборщик Вольной русской типографии в Лондоне — 235, 249, 250, 413, 414, 537, 546, 625, 626
- «Агрономическая газета» — см. «Земледельческая газета»
- Адлерберг (младший, junior) Александр Владимирович, граф (1819—1889), генерал-адъютант, член Комитета по делам книгопечатания в 1859—1860 гг., член Главного управления цензуры в 1860—1861 гг., министр императорского двора и уделов в 1870 — 1881 гг., сын В. Ф. Адлерберга — 88, 89, 116, 117, 120, 121, 128, 138, 143, 149, 156, 221, 258, 301, 304, 307, 364, 484, 494, 497, 504, 508, 509, 548, 557, 629
- Адлерберг (старший, senior) Владимир Федорович, граф (1790—1884), генерал-адъютант, начальник департамента почт в 1842—1856 гг., министр императорского двора в 1852—1870 гг., член Секретного (позже— Главного) комитета по крестьянскому делу с 1857 г.— 88, 129, 143, 149, 156, 229, 258, 267, 301, 304, 307, 508, 534, 548, 552, 563, 582, 629
- Адлерберги, русский дворянский род, выходцы из Швеции; в 1847г. получили графский титул— 88, 149, 515
- Азарьев, помещик Новгородской губ.— 204, 205, 524
- Акатов, помещик Орловской губ.— 388
- Акрупирий — 88
- Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), поэт и публицист славянофильского лагеря, редактор газет «Парус» (1859), «День» (1861—1865), впоследствии председатель Московского славянского комитета (1875 — 1878) — 364, 514, 530, 555, 594, 604
- Александр Людвиг Георг Фридрих (1823—1888), принц гессенский, австр. фельдмаршал, брат имп. Марии Александровны, жены Александра II — 245, 515
- Александр I Павлович (1777—1825), император — 12, 48, 77—81, 94, 141, 157, 240, 297—299, 319,

- 332, 333, 350, 352, 427, 473, 479, 566, 581, 588
- Александр II Николаевич (1818—1881), император — 16, 23, 54, 55, 63, 75, 81, 82, 85, 89, 90, 92, 93, 106, 107, 115, 120, 145, 179, 182, 184, 197—201, 216—221, 223, 225, 229, 234, 235, 240, 242, 244, 246, 247, 252, 254, 256, 257, 263, 264, 266, 272, 274, 276, 277, 285, 290, 293, 304, 305, 307, 313, 329, 331, 332, 336, 339—344, 347, 354, 363, 365—370, 376, 382, 383, 387, 388, 393, 394, 401, 404, 407—409, 414—416, 418, 422, 426—428, 433, 436, 437, 439, 445—447, 455, 456, 468, 474, 475, 481—484, 500, 504, 506, 514, 522—527, 528, 532, 533, 536—541, 543—545, 548, 555, 562, 564, 580, 583, 584, 586, 593—596, 604, 611, 619, 625, 631, 634, 635
- Александра Иосифовна, вел. княгиня (1830—1911), жена вел. князя Константина Николаевича — 272
- Александра Петровна, вел. княгиня (1838—1900), жена вел. князя Николая Николаевича старшего — 272, 304
- Александра Федоровна (1798—1860) императрица, жена Николая I — 422, 434, 563, 612, 631
- Алексеев, владелец суконной фабрики — 385
- Алексей Александрович, вел. князь (1850—1908), сын Александра II — 272
- Алексей Михайлович (1629—1676), царь с 1645 г. — 21
- Алексей Петрович (1690—1718), царевич, сын Петра I от брака с Евдокией Лопухиной — 48, 52, 272, 473, 554
- Алексий, до пострижения — Ржаницын (1812—1877), тульский епископ с 1857 до 1860 г. — 94
- Алкивиад (ок. 451—404 до н. э.), афинский политический деятель и полководец — 249, 295
- Алопеус Давид Максимович, граф (1769—1831), дипломат, русский посол в Швеции (1803—1808), в Вюртемберге (1811—1812), в Пруссии (1813—1831) — 333, 428
- Альфопский Аркадий Алексеевич (1796—1869), профессор (с 1829) и ректор Московского университета в 1842—1848 и 1850—1863 гг., хирург, главный врач Воспитательного дома с 1830 по 1850 г. — 192, 232, 279, 557
- Амбург ван, голландский укротитель диких зверей — 178
- Анастасьев Виктор Константинович, автор письма в редакцию «Колокола» «По поводу генерал-майора Анастасьева» — 249, 250, 546
- Анастасьев Константин Николаевич, генерал-майор, командир Южного округа корпуса инженеров морской строительной части — 250, 546
- Ангальт-Цербсты, династия немецких владетельных князей; к этому роду принадлежала Екатерина II — 350
- Андреев Василий Семенович, неприменный член приказа общественного призрения Саратовской губ. в 1858—1859 гг. — 434
- Андреева Елизавета, крепостная помещика Азарьева — 204, 205, 220, 524
- Анке Николай Богданович (1803—1872), профессор фармакологии и общей терапии Московского университета с 1838 г., декан медицинского факультета с 1850 г. — 192
- Анна, крепостная помещика Попова — 433—435
- Анна Иоанновна (1693—1740), императрица — 136, 137, 333, 349, 427
- Анна Павловна (1795—1865), королева нидерландская с 1840 г., дочь имп. Павла I — 401
- Анненков Николай Николаевич (1799—1865), генерал-адъютант, в 1849—1853 г. председатель «Комитета 2 апреля» (для надзора за печатью, т. н. «бутурлинского»), в 1853—1855 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1855—1862 гг. государственный контролер, с 1862 г. генерал-губернатор Юго-Западного края — 447, 448
- Ансильон (Ansilion) Иоганн Петр Фридрих (1767—1837), историк и богослов, прусский министр

- иностранных дел в 1832—1837 гг. — 259
- Антиной (ум. в 130 г.), фаворит римского императора Адриана — 235
- Антонин, до пострижения — Андрей Иванович Капустин (1817—1894), архимандрит, настоятель русской посольской церкви в Афинах (с 1850 до 1860), затем в Константинополе (до 1865) — 235, 248, 249, 375, 413, 414, 461, 537, 545, 546, 603, 625
- Антонов Константин Дмитриевич, управляющий палатой государственных имуществ Пермской губ. с 1859 г. — 416
- Антонский, чиновник почтового ведомства в Петербурге — 337
- Аполлон Бельведерский, скульптура Леохара — 273
- Аполлонова Татьяна, горничная помещицы Барановой — 205
- Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769—1834), временщик при Павле I и Александре I, военный министр в 1808—1810 гг., организатор и главный начальник военных поселений — 77, 79, 150, 153, 157, 204, 225, 331, 426, 481, 509, 540
- Арапетов Иван Павлович (1811—1887), директор канцелярии министерства уделов с 1856 г., член Редакционных комиссий по крестьянскому делу с 1859 г. — 260, 593
- Аристофан (ок. 446—385 до н. э.) — 342
- Армфельд Александр Осипович (1806—1868), профессор судебной медицины Московского университета с 1837 по 1863 г. — 192
- Арендт (в тексте — Арендт) Эрнст Мориц (1769—1860), нем. поэт и историк — 12, 95, 470
- Аскоценский Виктор Ипатьевич (1813—1879), реакционный журналист и писатель, редактор-издатель «Домашней беседы для народного чтения» с 1858 до 1877 г. — 309—311, 570, 571
- «Аугсбургская газета» — см. «Allgemeine Zeitung»
- Афанасьев Евгений Иванович, исправник Кременчугского у. Полтавской губ. с 1857 до 1862 г. — 397
- Ахилл (миф.) — 160, 276, 277
- Бабёф Гракх (1760—1797), франц. коммунист-утопист, организатор «заговора равных» в период термидорианской диктатуры, казнен — 164, 517
- Бажатов Василий Борисович (1800—1883), протопресвитер, с 1835 г. преподаватель закона божьего в семье Николая I; впоследствии духовник царской семьи и главный священник двора — 235, 537, 538
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — 68, 350, 477, 587, 588 — «Дон Жуан» — 350, 587
- Бакунин Михаил Александрович (1814—1876), деятель революционного движения; в 1857—1861 гг. находился на поселении в Сибири — 380—382, 471, 561, 572, 606, 618
- «Письмо в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым» — 379—382
- Бакунин Петр Васильевич (1732—1786), член коллегии иностранных дел с 1752 г. — 352
- Балабян Виктор Петрович (1811—1864), русский посланник в Вене с 1858 г. — 245
- Баллейдые (Баладые, Balleydier) Альфонс (1820—1859), франц. литератор и историк консервативного лагеря — 138
- Бальзам Спиридон Дмитриевич, капитан-лейтенант, чиновник интендантского ведомства морского министерства, член дирекции Николаевского благородного собрания — 398
- Баранова, урожденная Азарьева, помещица, жена штабс-капитана — 125, 203—205, 220, 269, 499, 501, 523, 524, 553
- Барановский, помещик Остерского у. Черниговской губ. — 412, 466, 623
- Баратынский Иракий Абрамович (1802—1859), генерал-лейтенант, ярославский губернатор в 1842—1846 гг., казанский губернатор в 1846—1857 гг., сенатор с 1858 г. — 407
- Барбес Арман (1809—1870), франц. революционер, вместе с О. Блан-

- ки создавал тайные революционные общества, возглавил парижское восстание 1839 г., участвовал в революции 1848 г.— 171
- Барков Иван Семенович (1732—1768), поэт и переводчик, автор порнографических стихотворений — 222]
- Барнум Финеас Тейлор (1810—1891), американский антрепренер-авантюрист — 61, 475
- Баршев Сергей Иванович (1808—1882), профессор уголовного права (1834—1876) и ректор (1863—1870) Московского университета — 192—194, 197
- Барятинский Александр Иванович, князь (1814—1879), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Кавказским корпусом и кавказский наместник в 1856—1862 гг.— 229, 534
- Басин (в тексте — Бассин) Петр Васильевич (1793—1877), живописец, академик и с 1836 г. профессор религиозной, исторической и портретной живописи петербургской Академии художеств — 411, 622
- Басов Василий Александрович (1812—1879), профессор теоретической хирургии Московского университета с 1848 г.; с 1859 г. директор хирургической клиники университета — 410
- Батый, монгольский хан первой половины XIII в.— 80
- Батьянов Иван Васильевич, чиновник канцелярии командующего Черноморским флотом, член дирекции Николаевского благородного собрания — 398, 615
- Бахметев Алексей Николаевич (1801—1861), попечитель Московского учебного округа в 1858—1859 гг.— 192, 193, 196, 197
- Башмаков Александр Дмитриевич, херсонский гражданский губернатор с 1859 г.— 368, 441
- Башуцкий Александр Павлович (1803—1876), журналист и крупный чиновник, в 1841 г. издавал литературный альманах «Наши», списанные с натуры русскими; уволенный со службы за растрату (1849), пошел в монахи — 309, 310, 386, 570, 610
- Башуцкий Павел Яковлевич (1771—1836), генерал-адъютант, комендант Петербурга в 1803—1813 и 1814—1833 гг.— 310, 570
- Баяр (Баярд) Пьер дю Терайль (1476—1524), франц. рыцарь; прославился необычайным героизмом и высоким пониманием правил рыцарской чести — 281
- Безобразов Владимир Павлович (1828—1889), экономист, публицист, академик — 233, 234, 461, 536, 552, 604
- «Аристократия и интересы дворянства» — 233, 536
- Безобразова, орловская помещица — 388
- Бейст (Beust) Фридрих Фердинанд фон, граф (1809—1886), министр внутренних дел Саксонии в 1853—1866 гг.; впоследствии (1866—1871) австрийский министр иностранных дел, министр-президент и канцлер — 134, 505, 588
- Бекетов Платон Петрович (1761—1836), издатель, иконограф, владелец типографии в Москве — 352
- Беклемишев Федор Андреевич, чиновник канцелярии Иркутского генерал-губернатора; с 1860 г. член совета Главного управления Восточной Сибири — 315, 378—381, 403, 413, 572, 599, 605—607, 617, 618
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 28, 119, 120, 157, 158, 325, 350, 494, 496, 497, 513, 551, 573, 575, 589
- «Письмо к Гоголю» — 350
- Белицкий Михаил Васильевич, штаб-лекарь, уездный врач Сумского у. Харьковской губ.— 433
- Белоголовый Николай Андреевич (1834—1895), врач, публицист, мемуарист
- «Убийство Неклюдова в Иркутске» — 369, 370, 378, 380, 617
- Белоенко Авдотья Степановна, вдова матроса С. Белоенко—410, 621
- Белоенко Семен, матрос 32 флотского экипажа — 409, 410, 621
- Бенардаки (в тексте — Бенардаки) Дмитрий Егорович (ум. 1870), петербургский винный откупщик — 311
- Бенишия-Бой — 302

- Бенкендорф Александр Христофорович, граф (1783—1844), с 1826 г. шеф жандармов, командующий императорской главной квартирой и начальник III отделения — 148, 156, 280, 296, 307, 324, 325, 345, 558, 585
- Бер (Bär) Густав, издатель и владелец типографии в Лейпциге — 328, 579, 580
- Беранже, франц. посол в Петербурге во время переворота 1762 г. — 373, 600
- Беранже Пьер Жан (1780—1857), франц. поэт — 43, 59, 473, 474, 522
- «Падающие звезды» («Les étoiles qui filent») — 191, 522
- «Понятовский» («Poniatovski») — 59, 473
- Берг Федор Федорович, граф (1793—1874), генерал-фельдмаршал, в 1853—1863 гг. генерал-губернатор Финляндии; в 1863—1866 гг. наместник Царства Польского — 293, 464, 564, 565
- Беринг — см. Тимашев-Беринг А. А.
- Бернар (Bernard) Симон Франсуа (1817—1862), участник революции 1848 г. во Франции и покушения Орсини на Наполеона III в 1858 г. — 110, 491
- Бернардаки — см. Бенардаки Д. Е.
- Бернгарди Теодор фон (1802—1887), нем. историк и дипломат — 297, 566
- «Записки» («Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Grafen von Toll») — 297, 385, 566, 609
- Бертани Агостино (1812—1886), деятель итальянского национально-освободительного движения, соратник и друг Д. Гарибальди, участник похода 1859 г. — 383
- Бессомыкин Иван Иванович, член Московского цензурного комитета с 1855 по 1871 г. — 273, 554, 555
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, граф (1693—1768), государственный деятель, ставленник Бирона, в 1744—1758 гг. государственный канцлер — 150, 515
- Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1803—1826), подпоручик Полтавского полка, декабрист, член Южного общества с 1823 г., казнен — 48, 577
- Бетлиг Павел Логинович, управляющий палатой государственных имуществ Нижегородской губ. в 1858—1859 гг. — 416
- Бёрне Людвиг (1786—1837), нем. публицист и критик — 117, 320, 498
- Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870), генерал-адъютант, в 1838—1848 гг. киевский губернатор, подольский волынский генерал-губернатор; в 1852—1855 гг. министр внутренних дел — 27, 80—82, 218, 224, 310, 480, 528, 571
- «Библиотека для чтения», ежемесячный журнал, издавался в Петербурге (1834—1865); редактировался в 1834—1836 гг. О. Сенковским и Н. И. Гречем, затем (1836—1848) одним Сенковским, в 1856—1861 гг. А. В. Дружининым — 119, 266—270, 415, 461, 493, 494, 496—499, 550—552, 626
- Бирон Эрнст Иоганн, герцог (1690—1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, регент империи в 1740 г. — 81, 144, 149, 150, 152, 153, 179, 219, 349, 376, 396, 426, 509, 515, 615
- Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1805—1881), франц. революционер, социалист-утопист — 179, 519
- Блудов Дмитрий Николаевич, граф (1785—1864), государственный деятель, министр юстиции в 1830—1831 и в 1837—1839 гг., министр внутренних дел в 1832—1837 гг., член Главного управления цензуры в 1857—1859 гг., с 1855 г. президент Академии наук, с 1862 г. председатель Государственного совета и Комитета министров — 345, 407
- Блом Карл Людвиг (1796—1869), нем. поэт и историк — 297, 566
- «Записки» («Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sivers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands») — 297, 566
- Бо Генрих Андреевич, полковник армейской кавалерии, состоявший для особых поручений при виленском военном, гродненском и ковенском генерал-губернаторе — 146

- Бобринский Алексей Григорьевич, граф (1762—1813), генерал-майор — 350, 588
- Бобчипский, действ. лицо в «Ревизоре» Н. В. Гоголя (см.)
- «Бова королевич», русская волшебная сказка — 177
- Богдан Хмельницкий — см. Хмельницкий
- Боговяленский, поверенный князя Л. В. Кочубея — 407
- Болдырев Алексей Васильевич, (1780—1842), ориенталист, профессор (с 1815) и ректор (1832—1837) Моск. университета — 325
- Большев Михаил Михайлович, вице-губернатор Екатеринославской губ. в 1857—1861 гг. — 422
- Бомарше (Beaumarchais) Пьер Огюст Карон де (1732—1799), франц. драматург
— «Преступная мать» («La mère coupable»): Сюзанна — 220, 529; Фигаро — 220
- Бонапарт — см. Наполеон III
- Бонапарт Жером (1784—1860), брат Наполеона I, король Вестфалии в 1807—1813 гг., маршал Франции с 1850 г., наследник престола с 1852 г., отец Жозефа Наполеона — 114
- Бонапарты, старинный итальянский дворянский род, представители которого в начале XIX в. занимали престолы различных государств Европы — 97, 108, 113
- Бонарроти — см. Микелапджело Буонарроти
- Борель, владелец ресторана в Петербурге — 295
- Борзенков Яков Андреевич (ум. 1883), с 1857 г. преподаватель сравнительной анатомии и физиологии, с 1870 г. профессор Московского университета — 232
- Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825), композитор и музыкальный теоретик — 291
- Брайт (Брейт, Bright) Джон (1811—1889), английский политический деятель, один из вождей либералов — 61, 475
- Браун (Брун, Brown) Джон (1800—1859), борец за освобождение негров в США; казнен за попытку поднять восстание против рабовладельцев — 181, 457, 520
- Бредау Мария, содержательница публичного дома в Москве — 81, 88, 145, 474, 510, 511
- Брейт — см. Брайт Джон
- Бригген Александр Федорович фон дер (1792—1859), отставной полковник, декабрист, член Союза благоденствия (1818), осужден по делу декабристов на каторжные работы и поселение, в 1856 г. амнистирован — 76
— «О происхождении императора Павла» — 76, 349, 353, 587
- Брилевич Александр Васильевич, начальник Верхболовского таможенного округа в 1859—1862 гг. — 377, 383, 604, 605
- Бродский, распространитель фальшивых ассигнаций — 431
- Броун — см. Браун Джон
- Бруннов Филипп Иванович, барон (1797—1875), дипломат, представитель России на Парижской конференции 1856 г., посол в Лондоне в 1840—1854 и 1858—1874 гг. — 198
- Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), политический деятель древнего Рима, республиканец, глава заговора против Цезаря — 439, 488, 613
- Брюс Яков Александрович, граф (1742—1791), генерал, в 1781—1786 гг. главнокомандующий в Москве — 297, 298, 566
- «Будущность», русский политический журнал, основанный П. В. Долгоруковым в Лейпциге в 1860 г., выходил нерегулярно до 1862 г., всего вышло 25 номеров; начиная с № 3 редактировался Густавом Бером — 328, 579, 580, 616
- Булгаков Петр Алексеевич (ум. 1883), статс-секретарь, с 1859 г. член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу — 259, 260, 304, 568, 607
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), реакционный журналист, критик и беллетрист, редактор-издатель газеты «Северная пчела» — 66, 121, 281, 371, 477, 552, 558, 565
- Булич Николай Никитич (1824—1895), профессор истории русской литературы (с 1854), впо-

- следствии ректор Казанского университета — 223, 530
- Булыгин Василий Иванович (1808—1871), член Московского губернского комитета по крестьянскому делу; с 1859 г. член Редакционных комиссий — 260
- Бунге Николай Христианович (1823—1895), профессор Киевского университета по кафедре политической экономии (1852—1869), с 1859 г. член финансовой комиссии по подготовке крестьянской реформы — 260, 552
- Бунзен (Бунпен, Bunsen) Христиан Карл Йозиас фон (1791—1860), прусский дипломат, публицист и историк — 282
- Буньяп (Bunyan) Джон (1628—1688), англ. писатель-мистик — 310
— «Путь пилигрима» — 310
- Бурачек Степан Анисимович (1800—1876), реакционный критик, журналист, издатель и редактор журнала «Маяк» — 309—311, 386, 570, 610
- Бурбаки (Bourbaki) Шарль Деппи (1816—1897), франц. генерал, участник Крымской и Франко-прусской войны — 100
- Бурбоны, королевские династии, занимавшие престолы Франции, Испании, Неаполитанского королевства, и династия герцогов Пармы — 47, 164, 349, 350, 517
- Буркова Мина Ивановна, фаворитка графа В. Ф. Адлерберга — 337, 462, 474, 508, 582
- Бутаков Григорий Иванович (1820—1882), контр-адмирал, участник Крымской войны; в 1856 г. назначен военным губернатором Николаева и Севастополя — 368, 410, 621
- Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич (1821—1866), социалист-утопист, организатор «пятниц», на которых в 1845—1849 гг. собирались представители передового Петербурга, один из составителей «Карманного словаря иностранных слов»; в 1849 г. арестован и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой — 184, 315, 316, 350, 389, 413, 572, 588, 612, 617, 618, 624
- Бутков Владимир Петрович (1820—1881), государственный секретарь в 1853—1865 гг. — 85, 220, 258, 464, 555
- Бутурлин Алексей Петрович (1802—1863), генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания 1830 г., в 1846—1861 гг. ярославский военный и гражданский губернатор — 92, 93, 432, 463
- Бутурлин Дмитрий Петрович (1790—1849), военный историк, с 1842 г. директор петербургской публичной библиотеки, с 1848 г. председатель «Комитета 2-го апреля» (для надзора за печатью, т.н. «бутурлинского») — [226, 323, 447, 531, 577
- Буюко (Bugeaud) Тома Робер (1784—1849), франц. маршал, руководил подавлением парижского восстания 1834 г. — 112
- Вагнер Мориз (1813—1887), нем. путешественник, географ и естествоиспытатель — 95, 486, 487
— «Республика Коста-Рика» («Die Republik Costa-Rica») — 95, 486, 487
- Валленштейн (Wallenstein или Waldstein) Альбрехт, герцог (1583—1634), австр. полководец, в 1618—1620 гг. участвовал в подавлении освободительного движения в Богемии и Моравии; имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне — 102
- Вальдегамас Хуан Франциско Донозо Кортес, маркиз (1803—1853), испанский реакционный политический деятель и публицист — 111
- Варавва (библ.) — 82
- Варнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense) Карл Август (1785—1858), нем. писатель и литературный критик — 445, 635
- Варнек Николай Александрович (1823—1876), профессор сравнительной анатомии и физиологии Московского университета в 1852—1860 гг. — 191—193, 196, 232, 522, 534, 535
- «Варшавская газета» — см. «Gazeta Warszawska»

- Васильев, частный врач в Петербурге, давший ложные показания по делу И. Зальцмана — 407
- Васильев Петр Сергеевич, полковник, полицмейстер г. Вильпо до 1863 г. — 347, 417
- Васильчиков Александр Алексеевич (1832—1890), автор работ по русской иконографии, с 1856 по 1864 г. служил при русской миссии в Риме, впоследствии (1879—1889) директор Эрмитажа — 409, 598, 599, 620, 621
- Васильчиков Илларион Васильевич, князь (1777—1847), генерал, с 1838 г. председатель Государственного совета и Комитета министров — 383
- Васильчиков Илларион Илларионович, князь (ум. 1863), генерал-лейтенант, киевский военный, подольский и волынский генерал-губернатор — 421
- Вахро (Vacherot) Этьен (1809—1897), франц. философ-сенсуалист, демократ и антиклерикал — 242, 543
- «Демократия» («La démocratie») — 242, 543
- «Ведомости Санктпетербургской городской полиции», газета, изд. с 1839 по 1883 г.; в 1855—1862 гг. редактировалась Е. К. Огородниковым — 336, 448
- Вейраух Иван Федорович, действительный статский советник, старший цензор Петербургского почтамта до 1864 г. — 285
- Веллингтон Артур Уэлсли, герцог (1769—1852), англ. полководец и государственный деятель; в 1815 г. вместе с прусским генералом Блюхером командовал союзными войсками в битве при Ватерлоо — 53
- Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827), поэт и критик — 320
- Веноста, комиссар гарибальдийцев в Сардинии — 190, 521
- Вера Константиновна, вел. княжна (1854—1912), дочь вел. князя Константина Николаевича — 272
- Вертеляк Николай Павлович, херсонский уездный предводитель дворянства в 1854—1859 гг. — 440—445
- Вигель Филипп Филиппович (1786—1856), директор департамента иностранных исповеданий до 1850 г., мемуарист — 325, 578
- Виктор Эммануил II (1820—1878), король Сардинии в 1849—1861 гг. и объединенной Италии с 1861 г. — 337, 472, 582
- Виктория (1819—1901), королева Великобритании и Ирландии с 1837 г. — 215, 303, 527
- Вильгельм I Фридрих Людвиг (1797—1888), регент прусского королевства с 1858 г., король прусский и император германский с 1861 г. — 339, 342, 343, 522, 583, 584, 586
- Вирский, майор, управляющий имением помещика Старицкого — 444
- Витвицкий, управляющий имением кн. Л. Кочубея — 384, 609
- Витгенштейн Петр Христианович, граф (1768—1842), фельдмаршал, в 1813 г. главнокомандующий русскими и прусскими войсками, в 1828—1829 гг. командовал русскими войсками в Турции — 80
- Витте Петр Христианович, цензор Петербургского почтамта — 285
- Вишневский, привлекался к суду в 1859—1860 г. за хранение запрещенных стихотворений — 347
- Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский с 1113 г. — 218, 544
- Власова, помещица Тираспольского у. Херсонской губ. — 142
- Власовский, исправник в Сумском уезде Харьковской губ. — 433
- Воейков Александр Федорович (1778—1839), поэт, переводчик, журналист; в 1815—1820 гг. профессор русской словесности Дерптского университета; в 1821—1836 гг. издавал и редактировал ряд журналов — 89, 485
- «Из записок А. Ф. Воейкова» — 89, 485
- Воейков Петр Петрович, московский губернский предводитель дворянства в 1856—1861 гг., пред-

- седатель Московского комитета по крестьянскому делу — 405
- Войт Николай Константинович, член комитета при дирекции императорских театров — 420, 466
- Волков Александр Павлович, полтавский губернатор с 1853 г.— 302, 385, 397, 443, 462, 465, 615
- Волков, капитан, ротный командир гусарского полка, стоявшего в Ковенской губ.— 146
- Воллович (Волович, Wołowicz) Михал, участник польского восстания 1830—1831 гг., в эмиграции член Демократического товарищества, в 1833 г. нелегально вернулся в Россию, возглавил отряд крестьян и действовал с ним в Гродненской губ.; в том же году отряд был разгромлен, а сам он схвачен и повешен в Гродно — 120
- Воль-Штраус Жанетта, подруга Л. Бёрне — 117, 498
- Волохов Данила, подрядчик, получивший в 1853 г. заказ па строительство нового здания адмиралтейства в Севастополе — 370, 371, 464, 546, 599—601
- Волинский Артемий Петрович (1689—1740), государственный деятель и дипломат, возглавивший суд над «верховниками» (1736); казнен по обвинению в подготовке государственного переворота — 349
- Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари (1694—1778) — 15, 47, 117, 298, 566
- Воронин Николай Тарасович, полтавский полицмейстер с 1858 г. — 302
- Воронцов Михаил Семенович, князь (1782—1856), генерал-фельдмаршал, новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области в 1823—1844 гг., главнокомандующий русскими войсками на Кавказе и наместник кавказский в 1844—1853 гг. — 122, 500
- Воронцов-Вельяминов Николай Павлович, управляющий палатой государственных имуществ Тульской губ. в 1858—1861 гг. — 416
- Ворцель (Worccl) Станислав, граф (1799—1857), польский революционер; активный участник восстания 1830 г., руководитель демократической части польской эмиграции — 18, 33, 471
- Воскобойников Николай Николаевич (1838—1882), в конце 50-х годов студент Института инженеров путей сообщения, позже публицист, сотрудник «Московских ведомостей» — 305, 629
- Врангель Егор Петрович, барон, генерал-лейтенант, попечитель виленского учебного округа в 1856—1861 гг.— 407, 619
- Вреде, князь, волоколамский помещик — 248, 396, 432, 545, 634
- Вронченко Федор Павлович, граф (1780—1852), министр финансов в 1844—1852 гг.— 421
- «Всеобщая газета» — см. «Allgemeine Zeitung»
- Вульпиус (Vulpus) Христиан Август (1762—1827), нем. романист — «Ринальдо-Рипальдини, атаман разбойников» («Rinaldo Rinaldini der Räuber Hauptmann»): Ринальдо-Рипальдини — 31
- Вяземский Петр Андреевич, князь (1792—1878), поэт и критик; в 1855—1858 гг. товарищ министра народного просвещения и член Главного управления цензуры — 222
- «Булгарин — вот поляк примерный!..» — 371
- Габсбурги, нем. династия, правившая в т. п. «Священной римской империи германской нации», Австрийской империи, Австро-Венгрии и Испании — 47, 103, 489, 541
- Гавриил, до пострижения — Петров (1730—1801), митрополит С.-Петербургский и Новгородский (1783—1800) — 352
- Гагарин Григорий Григорьевич, князь (1810—1893), генерал-майор, художник; с 1855 г. состоял при вел. княгине Марии Николаевне, президенте Академии художеств, в 1859—1872 г. вице-президент Академии — 408, 620
- Гагарин Иван Сергеевич, князь (1814—1882), эмигрант, с 1843 г.

- в Париже, член ордена иезуитов, автор ряда работ о католицизме в России — 49, 328, 499
- Гакстгаузен (Haxthausen) Август, барон (1792—1866), нем. исследователь аграрного строя Пруссии и России; в 1843—1844 гг. путешествовал по России и первым подробно описал русскую поземельную общину — 95, 167, 182, 486, 513, 518
- Галаган Григорий Павлович, общественный деятель, предводитель дворянства Борзенского у. Черниговской губ., член Черниговского губернского комитета по крестьянскому делу — 260
- Галецкий, житель Одессы, высланный А. Г. Строгановым — 96
- Галлер Петр Владимирович фон, полковник русской армии, помощник инспектора классов Константиновского военного училища в 1859—1860 гг.; участвовал в подавлении польского освободительного движения — 347
- Гамбс (1765—1831), петербургский мебельный мастер — 271
- Гамлет, герой трагедии В. Шекспира (см.)
- Ганка Вацлав (1791—1861), чешский филолог и поэт, профессор чешского языка и литературы Пражского университета — 292, 563
- Гарибальди Джузеппе (1807—1882), вождь итальянского национально-освободительного движения — 100, 114, 128, 340, 341, 369, 379, 383, 385, 521
- Гартиг Николай Мартынович, управляющий палатой государственных имуществ Вятской губ. в 1858—1860 гг. — 416
- Гаскиссон (Гускисон, Huskisson) Вильям (1770—1830), англ. государственный деятель, член консервативной партии, министр торговли в 1823—1827 гг., сторонник фритредерской политики — 187, 521
- Гасфорд (Гасфорд) Густав Христианович (1790—1874), генерал-инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири в 1851—1861 гг. — 415
- Гвоздев Александр Александрович, директор департамента общих дел при министерстве внутренних дел в 1850—1860 гг. — 379, 447, 465
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 43, 171, 259, 281
- Гедеев Александр Михайлович (1790—1867), директор петербургских и московских (с 1847 г.) театров в 1833—1858 гг. — 280, 629
- Гедерштерн (иногда — Гедерштрем) Александр Карлович фон, старший чиновник III отделения с 1851 до 1860 г. — 273, 284, 307, 345, 559, 585
- Гейне Генрих (1797—1856) — 117, 172, 279, 320, 498, 518
- «Людвиг Бёрне» — 117, 498
- «Путевые картины» — 172, 498, 518
- Гейнц, см. Генц Фридрих фон
- Гемпель Валериан Эдуардович, ротмистр, псковский полицмейстер с 1858 г. — 187, 458
- Генрих IV (1553—1610), франц. король с 1594 г. — 221
- Генц (Гейнц, Gentz) Фридрих фон (1764—1832), нем. реакционный публицист, с 1802 г. на австрийской службе, проводник политики Меттерниха — 95, 486
- Геракл (Геркулес) (миф.) — 277, 323, 350
- Герстенцвейг — см. Герштенцвейг А. Д.
- Герцен Александр Иванович (1812—1870)
- «Братьям на Руси» — 135
- «Былое и думы» — 67, 474, 475, 477, 486, 491, 492, 499, 500, 509, 513, 516, 518, 524, 538, 544, 560, 562, 568, 576, 577, 582, 584, 589, 592, 595, 607
- «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше» — 18, 23, 24, 471
- «Доктор Крупов» — 464, 506, 547; Крупов — 49, 136, 255, 506, 509, 547
- «О развитии революционных идей в России» («Du développement des idées révolutionnaires en Russie») — 46, 499, 514, 524, 551, 573, 574, 578

- «Письма из Франции и Италии» — 357, 540
- «Под спудом» — 396, 432, 545, 616, 634
- «Полезьа от гласности» — 398, 617
- «Поляки прощают нас!» — 17, 18, 472
- «Разграбление монастыря и поход черниговского губернатора против монахинь» (Dubia) — 398, 401, 616
- «Русский народ и социализм» («Le peuple russe et le socialisme») — 31, 472
- «Вольная русская община в Лондоне. Русскомо воинству в Польше» — 18, 471
- «С того берега» — 214, 507, 527, 540
- «Тюрьма и ссылка» — 447, 635
- «Франция или Англия?» — 113
- «Через три года» — 216, 528, 555
- «Что значит суд без гласности» — 393, 407, 484, 524, 529, 613, 620
- «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне» — 25, 471, 480
- «Appel à la pudeur (Издателю русских газет)» — 129, 504, 506, 537, 626
- Герштенцвейг (Герстенцвейг) Александр Данилович (1818—1861), генерал-лейтенант, участник обороны Севастополя в 1854—1855 гг., с 1856 г. дежурный генерал Главного штаба, впоследствии (с 1861) варшавский военный генерал-губернатор — 307, 344, 382, 411, 462, 466, 584, 585, 607, 622, 623
- Геснер (Gessner) Соломон (1730—1787), нем. поэт-идиллик — 177, 519
- Гессе Павел Иванович (1801—1880), генерал-лейтенант, киевский гражданский губернатор в 1855—1864 гг. — 387, 431, 448, 610
- Гёргей (Görgei) Артур (1818—1916), полководец венгерской революционной армии в 1848—1849 гг., осенью 1849 г. капитулировал перед русской армией — 103
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 43, 267, 551, 552
- «Фауст»: Мефистофель — 266, 267, 552; Студент — 266, 552; Фауст — 186, 217
- Гиббон Эдуард (1737—1794), англ. историк — 269, 553
- «История упадка и разрушения Римской империи» — 269, 553
- Гирс Александр Карлович (1815—1880), сенатор, член Редакционных комиссий при Главном комитете по крестьянскому делу — 260
- Гирс Федор Карлович (1824—1891), правитель канцелярии новороссийского генерал-губернатора в 1857—1863 гг. — 440, 443
- Гладстон Вильям Юарт (1809—1898), англ. политический деятель, первоначально консерватор, в 1859 г. министр финансов в либеральном кабинете Пальмерстона; впоследствии стал одним из лидеров либеральной партии — 281, 282, 558
- Глинка Авдотья Павловна (1795—1863), поэтесса, переводчица — 67—73, 477, 591
- Глинка Борис Григорьевич, генерал-лейтенант, генерал-адъютант с 1856 г., начальник штаба инспектора стрелковых батальонов с 1857 г. — 124, 125, 501
- Глинка Михаил Иванович (1804—1857), композитор — 291
- Глинка Сергей Николаевич (1776—1847), писатель и журналист, в 1827—1830 гг. цензор Московского цензурного комитета — 325
- Глинка Федор Николаевич (1786—1880), поэт
- «Тройка» — 345, 585
- Глушановский Антон Андреевич, управляющий палатой государственных имуществ Виленской губ. в 1857—1861 гг. — 416
- Глушков Иван Иванович, генерал-майор, вице-директор в 1853—1856 и директор в 1857—1859 гг. комиссариатского департамента военного министерства, с 1860 г. член генерал-аудиториата — 384, 385, 389, 466, 609, 612
- Гогенштауфены, династия германских императоров, занимавшая престол в 1138—1254 гг. — 103

- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 14, 49, 119, 157, 242, 350, 416, 473, 499, 529, 543, 551, 552, 567, 584, 635
- «Игроки» — 416, 552; Утешительный — 268, 416, 552; Кругель (в тексте ошибочно — Швонев) — 268, 552
- «Мертвые души» — 119, 336, 529, 582; Бетрищев — 336, 582; Поздрав — 170, 540; Собакевич — 169, 540; Чичиков — 336, 582
- «Невский проспект»: Шиллер — 49, 303, 473, 567
- «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: Иван Иванович Перерепенко — 438, 635; Иван Никифорович Довгочун — 438, 635
- «Ревизор» — 119, 584; Бобчинский — 220; Добчинский — 220; Сквозник-Дмухановский — 341, 584; Хлестаков — 341, 563
- «Театральный разъезд после представления новой комедии» — 242, 543; третий господин (в тексте — сенатор) — 242, 543
- Голицын Августин Петрович (1824—1878), писатель, автор работ по истории России и русской церкви, католик, эмигрант, жил в Париже — 49, 499
- Голицын («junior») Александр Федорович, князь (1796—1864), в 1834—1835 гг. член следственной комиссии по делу Герцена, Огарева и др., член «бутурлинского комитета», с 1858 г. председатель комиссии прошений, подаваемых на высочайшее имя, в 1860 г. председатель следственной комиссии по делу харьковских студентов — 285, 408, 461, 561, 623
- Голицын Дмитрий Владимирович, князь (1771—1844), московский генерал-губернатор в 1820—1843 гг. — 122, 500
- Голицын («senior») Сергей Михайлович, князь (1774—1859), попечитель московского учебного округа в 1830—1835 гг. — 184
- Голицын Сергей Павлович, князь (1815—1888), генерал-лейтенант, член Редакционных комиссий с 1859 г.; впоследствии (1861—1870) черниговский губернатор — 64, 123, 260, 476, 500, 501
- «Печатная правда» — 64, 123, 476, 500, 501
- Голицын Юрий Николаевич, князь (1823—1872), композитор, виолончелист, руководитель народного хора, дававшего концерты в России и за границей — 89, 291, 366, 484, 562, 563, 595
- Головачев Алексей Адрианович (1819—1903), общественный деятель, член тверского комитета по освобождению крестьян, публицист — 264, 375, 463, 549, 556, 603
- Головченко Петр Петрович, секретарь хорольской городской думы (Полтавская губ.) — 445
- «Голоса из России» («Голоса», «Русские голоса»), сборники произведений русских авторов; печатались в Лондоне в 1856—1860 гг. в Вольной русской типографии и типографии Зенона Свентославского; всего вышло 9 книг — 17, 87, 301, 386, 395, 463, 471, 475, 482, 523, 593, 610, 614
- Гольмблат Франц Иванович, цензор петербургского почтамта с 1856 г., занимавшийся перлюстрацией — 285
- Гольштейн-Готторпы, династия герцогов Шлезвиг-Гольштейна с 1580 г. и шведских королей с 1751 г.; вышедший из этого рода герцог Карл Петр Ульрих был возведен в 1761 г. на русский престол под именем императора Петра III — 350, 541, 580
- Гонфалониери — см. Конфалоньери Ф.
- Гончаров Иван Александрович (1812—1891) — 118, 493, 497—499
- «Обломов» — 116, 118, 493, 498, 499; Обломов — 119, 317, 324
- Горацио, действ. лицо в трагедии «Гамлет» В. Шекспира (см.)
- Горголи Иван Саввич (1767—1862), петербургский обер-полицейстер в 1811—1821 гг., сенатор с 1826 г. — 407
- Горчаков Александр Михайлович,

- князь (1798—1883), дипломат, член Государственного совета, министр иностранных дел в 1856—1882 гг.— 85, 234, 245, 249, 273, 305, 307, 337, 406, 446, 474, 482, 483, 543, 557, 568, 583
- Горчаков Михаил Дмитриевич, князь (1793—1861), генерал-адъютант, член Государственного совета; в 1855 г. руководил обороной Севастополя, наместник Царства Польского с 1856 по 1861 г.— 63, 85, 198, 201, 218, 290, 333, 340, 352, 382, 409, 427, 482, 484, 561, 562, 581, 594, 607, 622
- Горчаков Петр Дмитриевич, князь (1789—1868), генерал-от-инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири в 1836—1850 гг.— 378
- Горяинов Алексей Алексеевич, чиновник особых поручений при министре народного просвещения до 1861 г.— 448
- Готовцев Дмитрий Валерианович, управляющий палатой государственных имуществ Минской губ. с 1858 г.— 416
- Гофман Андрей Логинович, статс-секретарь, до 1857 г. управляющий делами собственной канцелярии имп. Александры Федоровны — 434
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — 28, 74, 119, 120, 157, 158, 191, 325, 494, 513, 622
- Грановский Николай, орловский помещик, отец Т. Н. Грановского — 74
- Греч Николай Иванович (1787—1867), реакционный журналист и писатель, составитель учебников русского языка и литературы — 64—66, 121, 281, 476, 477, 512, 552, 558, 565
- «Газетные заметки» — 65, 476
- «Начальные правила русской грамматики» — 66, 477
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829)
- «Горе от ума»: Лиза — 282; Фамусов — 61, 162, 475, 516; Репетилов — 324, 578
- Григорий, до пострижения — Георгий Петрович Постников (1784—1860), митрополит петербургский и новгородский с 1856 г. — 87, 88, 94, 96, 312, 485—487, 541
- Гров (Grove) Вильям Роберт (1811—1896), англ. физик — 283
- «О соотношении физических сил» — 283
- Гродзянко, член Редакционных комиссий — 260
- Гроций (de Groot) Гуго (1583—1645), голландский юрист, философ и государственный деятель, основоположник буржуазной философии права — 99
- Гуд (Hood) Томас (1799—1845), англ. поэт — 269, 553
- «Песня о рубашке» — 269, 553
- Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм, барон (1769—1859), нем. естествоиспытатель и путешественник — 71, 123, 445, 635
- Гускисон — см. Гаскиссон Вильям
- Гус (Гусс) Ян (1369—1415), вожь национально-освободительного и антикатолического движения в Чехии начала XV в.— 40
- Гутцейт Анна Павловна, жена помещика Гутцейта — 75, 535
- Гутцейт Леонард Константинович фон, помещик Орловской губ., член губернской врачебной управы с 1857 до 1865 г., затем инспектор врачебного отделения губернского правления — 74, 75, 124, 125, 142, 220, 233, 248, 269, 306, 344, 388, 396, 412, 433, 461, 462, 478, 545, 569, 570, 584, 623, 633
- Гуфеланд Христофор Вильгельм (1762—1836), нем. врач, профессор Иенского (1793—1800) и Берлинского (с 1810) университетов — 127
- Гучков Ефим Федорович, московский городской голова с 1858 до 1860 г.— 405
- Гюббенет Христиан Яковлевич фон (1822—1873), доктор медицины, с 1851 г. профессор теоретической хирургии Киевского университета — 431
- Гюго (в тексте иногда Юго) Виктор Мари (1802—1885) — 8, 64—66, 476

- Давид (библ.) — 126, 502, 503
 Даву (Davoust) Луи Никола (1770—1823), маршал Франции, один из ближайших сподвижников Наполеона I — 66
 Давыдов Денис Васильевич (1784—1839)
 — «Песня старого гусара» — 393, 613, 614
 Данзас Карл Карлович, тамбовский губернатор с 1854 г. — 145, 251, 252, 546
 Даниил (библ.) — 44, 322, 324, 326, 327, 473, 576—578
 Данило I Петрович Негош (1826—1860), первый князь Черногории с 1852 г. — 331, 425, 580, 581
 Данилов, помещик Саратовской губ. — 433, 434
 Данте Алигьери (1265—1321) — 13, 37
 Дантон Жорж Жак (1759—1794), деятель Великой французской революции — 70, 201
 Дараган Дмитрий Иванович (1813—1892), генерал-майор (с 1864 г. генерал-лейтенант), участник Крымской войны, с 1860 г. член военно-кодификационной комиссии — 382, 607
 Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882) — 283
 — «Происхождение видов путем естественного отбора» («On the Origin of Species by means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life») — 283
 Дашкова Екатерина Романовна, княгиня (1744—1810), участница дворцового переворота 1762 г., президент Петербургской академии наук и Российской академии (1783—1796), писательница — 352, 353, 373, 601
 — «Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой» — 373, 601
 Дегай Александр Павлович (1822—1886), чиновник особых поручений при министре внутренних дел в 1856—1861 гг.; в 1859—1860 гг. занимался цензурным рассмотрением статей, присылавшихся на заключение министерства; впоследствии (1861—1868) астраханский граж-
- данский губернатор — 129, 448, 504
 Дезульер (Deshoulières) Антуанетта (1638—1694), франц. придворная поэтесса, автор слащавых идиллий и пасторалей — 177, 519
 Делимарков Г. Н., житель г. Яссы — 436, 437
 Делянов Иван Давыдович, граф (1818—1897), в 1858—1860 гг. попечитель петербургского учебного округа, с 1860 г. член главного цензурного управления — 85, 483
 Де-Милорди — см. Милларде
 Демулен (Desmoulines) Камилль (1760—1794), деятель Великой французской революции, член Конвента — 70
 «Денница», литературный альманах, издавался М. А. Максимовичем в Москве в 1830—1834 гг., всего вышло 3 книги — 325
 Деноткин, владелец типографии в Петербурге, печатавшей труды Редакционных комиссий — 301
 Дерби Эдуард Джеффри Смит (лорд Стэнли), граф (1799—1869), англ. государственный деятель, лидер консервативной партии, премьер-министр в 1852, 1858—1859, 1866—1868 гг. — 110, 184, 491
 Дерби Эдуард Генри Смит (лорд Стэнли), граф (1826—1893), англ. государственный деятель, консерватор, сын Эдуарда Джеффри Смита Дерби — 184
 Державин Гаврила Романович (1743—1816)
 — «Бог» — 160, 516
 Дефо Даниель (1660—1731)
 — «Робинзон Крузо» («The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe of York, Mariner») — 356
 Джантемир-Мурза, крымский житель, о котором рассказывает в своих «Записках» И. В. Лопухин — 298
 Дибич Иван Иванович, граф (1785—1831), фельдмаршал, участник Отечественной войны, с 1829 г. главнокомандующий русской армией в турецкой войне, в 1830—1861 гг. руководил

- подавлением польского восстания — 80, 297
- Дидро Дени (1713—1784) — 30, 472
— «Племянник Рамо» — 30, 472
- Дизраэли Бенджамен, граф Биконсфилд (1804—1881), англ. государственный деятель, лидер консервативной партии — 110
- Диккенс Чарлз (1812—1870) — 269, 553
— «Оливер Твист» — 269, 553
- Диоген из Синопа (ок. 414—323 до н. э.), греческий философ — 258
- Дистерло, барон (ум. 1860), лейтенант, командир клипера «Плассун» — 347, 586
- Дмитрий Самозванец, см. Лжедмитрий I
- Добровольский, капитан-лейтенант, старейшина Благородного собрания г. Николаева — 398
- Добропас Василий, ефрейтор полтавской конвойной инвалидной команды — 384, 608
- Добчинский, действ. лицо в «Ревизоре» Н. В. Гоголя (см.)
- Довгирд Иосиф Станиславович, ковенский губернский предводитель дворянства в 1858—1862 гг.—146
- Долгоруков, князь, армейский офицер — 295
- Долгоруков (Долгорукий) Василий Андреевич, князь (1804—1868), военный министр в 1853—1856 гг., шеф жандармов и начальник III отделения в 1856—1866 гг.— 30, 85, 89, 130, 218, 258, 292, 305, 345, 405, 421, 442, 483, 484, 544, 548, 585, 631
- Долгоруков Петр Владимирович, князь (1816—1868), историк и публицист, в 1859 г. эмигрировал, в 1860—1864 гг. издавал журналы и газеты в Лейпциге, Париже, Брюсселе, Лондоне, сотрудничал в «Колоколе» — 263, 264, 350, 378, 379, 470, 479, 549, 557, 571, 579, 580, 588, 603, 605, 616, 617, 626, 627, 629
- «Переписка кн. П. В. Долгорукова с русским правительством» — 378, 606
- «La vérité sur la Russie» («Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым») — 263, 264, 479, 549, 561, 569
- Долгорукова (Долгорукая) Екатерина Алексеевна, княжна (1712—1745), невеста императора Петра II; после его смерти в 1730 г. сослана в Березов, в 1739 г. заключена в монастырь, в 1741 г. была освобождена и сделана фрейлиной — 447, 635
- Домбровский Александр Мартынович, в 1854—1862 гг. цензор, а затем старший цензор петербургского почтамта — 285, 345
- Домонтович (Домантович, Доментович) Константин Иванович (1820—1889), с 1859 г. член Редакционных комиссий, впоследствии (с 1865) директор департамента министерства финансов — 260, 301,
- Дон Жуан — 75, 76, 295
- Донозо Кортес — см. Вальдегамас Х.
- Дорожинский, помещик Полтавского у. Херсонской губ.— 445
- Драпусов Александр Николаевич (1816—1890), адъюнкт-профессор астрономии Московского университета с 1840 г., цензор Московского цензурного комитета в 1855—1860 гг.— 279, 280, 557
- «Дрезденская газета» — см. «Dresdener Journal»
- Дружинин Александр Васильевич (1824—1864), писатель, журналист, литературный критик, до 1856 г. сотрудник «Современника», в 1856—1861 гг. редактор «Библиотеки для чтения», защитник теории «чистого искусства»
- Рецензия на книгу М. Вовчок «Украинские народные рассказы» — 267—270, 553
- Дубисов Прохор, камердинер А. В. Суворова — 248, 545
- Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), генерал-лейтенант, начальник штаба корпуса жандармов с 1835 г., в 1839—1856 гг. управляющий III отделением, в 1848 г. член «бутурлинского комитета» — 71, 86, 130, 266, 280, 284, 306, 484, 558, 629

- Дюмон-Дюрвиль (Dumont d'Urville) Жюль Себастьян Сезар (1790—1842), франц. мореплаватель и натуралист, в 1822—1825 и 1826—1829 гг. совершил кругосветные путешествия — 170, 518
- Евангелие — 140, 141, 481, 524
- Евдокия — см. Лопухина Е. А.
- «Европеец», научный и литературный журнал, издававшийся в Москве в 1832 г. И. В. Киреевским; вышло 2 номера, на третьем журнал был запрещен — 325, 578
- Европеус Александр Иванович (1826—1885), петрашевец, в 1849 г. приговорен к расстрелу, замененному отдачей в солдаты, в 1857—1860 гг. вместе с А. М. Унковским стоял во главе либеральной оппозиции тверского дворянства, в 1860 г. сослан в Пермь — 256, 264, 375, 387, 389, 556, 601—603, 611
- Екатерина II (1729—1796), императрица — 34, 36, 46, 48, 50, 52, 76 — 78, 107, 156, 219, 240, 273, 296, 297, 308, 332, 333, 350, 352, 372, 373, 427, 4^с9, 491, 515, 566, 587, 588, 600, 601 — «Записки императрицы Екатерины II» — 372, 373, 600
- Елагин Николай Васильевич (1817—1891), петербургский цензор с 1848 по 1857 г., впоследствии чиновник особых поручений при Главном управлении цензуры — 76, 205, 323, 479, 525, 594
- «Искандер-Герцен» — 205, 525
- Елизавета Петровна (1709—1761), императрица — 136, 137, 349
- Енох — см. Энох Ю. Я.
- Ермак Тимофеевич (ум. 1584), казачий атаман, в 1581—1584 гг. со своим отрядом совершил поход, закончившийся присоединением Сибири к Московскому государству — 292, 563
- Ермолов Александр Петрович (1754—1836), генерал-поручик, фаворит Екатерины II в 1786 г. — 353, 587
- «Еруслан Лазаревич», русская повесть и сказка XVII—XVIII вв. — 177
- Ефимович — см. Яфимович М. М.
- Жадовская Наталия Ивановна, помещица Любимского у. Ярославской губ. — 388
- Жадовский Всеволод Никандрович (1793—1864), член совета при главноначальствующем над почтовым департаментом с 1855 г., помещик Оренбургской губ. — 248, 545
- Жан Поль — см. Рихтер
- Жданов Семен Романович (1803—1865), сенатор, директор департамента полиции министерства внутренних дел в 1855—1861 гг. — 379
- Железнов Николай Иванович (1816—1876), ботаник и агроном, с 1847 г. профессор сельского хозяйства Московского университета, в 1859—1861 гг. член Редакционных комиссий, в 1861—1869 гг. директор Петровской земледельческой академии — 260
- Жеребцов Дмитрий Сергеевич (1777—1845), новгородский губернатор в 1818—1825 гг. — 79
- Жирарден (Girardin) Эмиль де (1806—1881), франц. буржуазный публицист, журналист и политический деятель, издавал и редактировал газету «La Presse» (1834—1866) — 41, 473
- «La Paix» («Мир») — 41, 473
- Жорж Санд (George Sand), псевдоним Авроры Дюдеван (1803—1876) — 218, 356, 357, 589
- «История простодушного Грибуля» («Histoire du véritable Griboiule») — 356—358, 466, 589; Грибуль — 356—358; Шмель — 357
- Жохов Александр Федорович (1840—1872), студент Московского университета, впоследствии публицист — 191, 192
- Жувансель (Jouvencel) Ипполит Фелисьен Поль (1817—1897), франц. публицист и политический деятель; в 1852—1859 гг. в эмиграции, в 1869 г. избран в законодательный корпус — 367, 596
- «Les commencements du monde» («Начала мира») — 367, 596
- «La Vie» («Жизнь») — 367, 596

- Жуков, студент Московского университета — 232
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852)
— «Двенадцать спящих дев» — 176, 519
- Журавлев Н., рыбинский купец — 432, 633
- Заблоцкий-Десятковский (Заблоцкий) Андрей Парфенович (1807—1881), экономист и публицист, автор записки «О крепостном состоянии в России», в 1853—1859 гг. редактор «Земледельческой газеты», с 1859 г. статс-секретарь департамента законов Государственного совета, деятель крестьянской реформы 1861 г. — 260
- Завадский Петр Васильевич, студент Харьковского университета, член тайного студенческого общества, арестован в 1860 г. — 305, 412, 569, 608, 623
- Закревский Арсений Андреевич, граф (1786—1865), генерал-офицантерии, финляндский генерал-губернатор в 1823—1831 гг., министр внутренних дел в 1828—1831 гг., московский генерал-губернатор в 1848—1859 гг. — 23, 72, 88, 122, 123, 218, 223, 344, 396, 403 — 405, 419—421, 461, 462, 474, 499, 500, 530, 540, 585, 618, 619, 628, 630
- Залесский, член Редакционных комиссий — 260
- Зальцман (Залцман) Игнатий, австр. подданный, управляющий имением князя Л. В. Кочубея — 220, 393, 407—409, 529, 545, 606, 613, 619, 620
- Зальцман (Залцман), жена Зальцмана И. — 393
- Замятнин Дмитрий Николаевич (1805—1881), товарищ министра юстиции с 1858 г. — 388, 420, 466, 612, 629
- Замятнина Екатерина Сергеевна, начальница Николаевского сиротского института и Александровского сиротского дома в Петербурге с 1856 до 1862 г., жена Д. Н. Замятнина — 388, 613, 629
- «За пять лет», сб. статей А. И. Герцена, часть первая; вышел в Лондоне в 1860 г. — 274, 458, 466—468, 477, 512, 526, 543, 555, 556, 575
- Зарин Алексей, кандидат Петербургского университета, участник студенческих волнений 1861 г. — 228, 531, 532
- Затлер Федор Карлович, барон (1805—1876), генерал-майор, главный интендант русской армии во время войны 1853—1856 гг.; в 1858 г. осужден главным военным судом и разжалован в рядовые — 65, 233, 383, 409, 477 536
- Затурский Аркадий Михайлович, непреременный заседатель Херсонского земского суда в 1858—1860 гг. — 441
- Зевс (миф.) — 208
- Зеленой Семен Ильич (1810—1892), адмирал, астроном, математик и гидрограф, в 1855—1859 гг. вице-директор, а затем директор гидрографического департамента морского министерства — 310, 386, 387
- «Земледельческая газета» (в тексте — «Агрономическая газета»), официальный орган департамента земледелия министерства государственных имуществ; издавалась с 1834 г. в Петербурге, редактировалась с 1853 до 1859 г. А. П. Заблоцким-Десятковским — 236, 461, 521, 537
- Зиновьев Николай Васильевич (1801—1882), генерал-адъютант, воспитатель великих князей Николая, Александра и Владимира Александровичей в 1849—1860 гг. — 182, 293, 416, 520, 564
- Зиновьев Павел Васильевич, печатиль Харьковского учебного округа в 1857—1860 гг., брат Зиновьева Н. В. — 201, 395, 412, 416, 523, 614
- Зиновьев Петр Васильевич, управляющий палатой государственных имуществ Курской губ. в 1859—1861 гг., брат Зиновьева Н. В. — 416
- Зотов Рафаил Михайлович (1795—1871), романист и драматург, автор псевдоисторических романов — 138, 222
- Зубов Платон Александрович,

- князь (1767—1822), генерал-фельд-цехмейстер, новороссийский генерал-губернатор, последний фаворит Екатерины II—30
- Зубов, следователь по делу Л. К. Гутцейта — 75
- Иаков, Иаков Энтузиаст, см. Ростовцев Я. И.
- Иаред (Аред, библ.) — 71
- Иафет (библ.) — 188
- Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), царь — 226, 373
- Иван V Алексеевич (1666—1696), царь—373, 601
- Иван VI Антонович (1740—1764), император в 1740—1741 гг. при регентстве Бирона, затем Анны Леопольдовны — 373, 601
- Иваненко, поручик гусарского полка, стоявшего в Ковенской губ. в 1859 г.— 146
- Иванов Александр Андреевич (1806—1858), русский художник — 408, 620, 621
- Иванов Александр Федорович, изюмский окружной начальник палаты государственных имуществ Харьковской губ. в 1859—1860 гг.— 305, 386, 387
- Иванов Павел Егорович, тверской вице-губернатор в 1856—1860 гг.— 377, 466, 604
- Игнатий, до пострижения — Дмитрий Александрович Брянчанинов (1807—1867), военный инженер до 1827 г., архимандрит Сергиевой лавры с 1834 г.; епископ кавказский и черноморский с 1857 до 1861 г.— 140—142, 507, 508
- Игнатович, уездный врач Камышинского у. Саратовской губ.— 436
- Игнатьев Алексей Дмитриевич, саратовский губернатор в 1855—1861 гг.— 415, 434
- Игнатьев Павел Николаевич, граф (1797—1879), генерал, генерал-губернатор Витебской, Могилевской и Смоленской губ. в 1853—1854 гг., петербургский военный генерал-губернатор в 1854—1861 гг.— 335, 336, 346, 367, 374, 462, 485, 581, 585, 596, 602, 619
- Иегова — см. Яхве
- Иероним Пражский, друг и единомышленник Яна Гуса, сожжен на костре в 1416 г.—40
- Изабелла II Мария Луиза (1830—1904), испанская королева с 1833 по 1870 г.— 308, 518
- Извольский Петр Александрович, председатель иркутского губ. правления в 1859 г., курский губернатор в 1864 г.— 284, 559
- Илгунаш Матеуш, крестьянин Ковенской губ.— 146
- Ильинский Дмитрий Васильевич, полицейский инспектор клиники медицинского факультета Московского университета в 1857—1860 гг.— 192, 194
- Ильинский, граф; был выслан из Москвы в 1856 г.— 421, 462, 630
- Илькевич, одесский домовладелец — 438
- Иноземцев Федор Иванович (1802—1869), врач, профессор оперативной хирургии Московского университета в 1835—1859 гг., в 1858—1862 гг. издавал и редактировал «Московскую медицинскую газету» — 410
- Иоанн, до пострижения — Владимир Сергеевич Соколов (1818—1869), архимандрит, ректор и профессор Казанской духовной академии в 1857—1864 гг.— 140 — «Слово об освобождении крестьян» — 140, 507
- Иогихес Софья Павловна, жительница г. Николаева — 397, 398, 615
- Иосиф — см. Семашко И.
- Иосиф II (1741—1790), соправитель Марии Терезии в 1765—1780 гг., единоподержавный император т. н. «Священной Римской империи германской нации» с 1780 г.— 103, 308
- Ипсиланти, княгиня, жительница г. Одессы — 438
- Ирод (библ.) — 203, 524
- Исаак (библ.) — 398
- Исайя (библ.) — 111, 310
- Исаков Николай Васильевич, генерал-майор свиты, попечитель Московского учебного округа с 1859 по 1863 г.— 364, 594
- «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне»,

- сборник статей, издававшийся Герценом и Огаревым в Лондоне; вышло 2 книги: первая в 1859 г. и вторая в 1861 г.— 76, 80, 82, 89, 297, 349, 385, 478—481, 485, 510, 566, 587, 588, 612
- Кабашников — см. Табачников В. А.
- Кавеньяк (Каваньяк, Cavaignac) Луи Годфруа (1801—1845), франц. политический деятель, республиканец, участник революции 1830 г., брат Эжена Кавеньяка— 171, 320
- Кавеньяк (Каваньяк, Cavaignac) Луи Эжен (1802—1857), франц. генерал, военный диктатор и душитель Июньского восстания (1848), глава правительства в июне — декабре 1848 г.— 9, 112, 166, 470, 517
- Кавур Камилло Бензо, граф (1810—1861), государственный деятель Пьемонта (Сардинского королевства), дипломат, с 1852 г. глава кабинета — 114, 337, 490, 491
- Казакевич — см. Козакевич П. В.
- Казначеев Алексей Гаврилович, управляющий палатой государственных имуществ Псковской губ. в 1857—1862 гг.—416
- Кайн (библ.) — 28
- Калас Жан (1698—1762), франц. торговец, протестант, стал жертвой католического фанатизма, казнен; в 1765 г. при содействии Вольтера посмертно реабилитирован — 298, 566
- Калачев Владимир Васильевич, управляющий палатой государственных имуществ Владимирской губ. в 1858—1861 гг.—416
- Калачов Николай Васильевич (1819—1885), историк-юрист, сенатор, профессор истории русского законодательства Московского университета в 1848—1852 гг., член Редакционных комиссий — 260
- Калиновский Яков Николаевич (1814—1903), профессор сельского хозяйства и лесоводства Московского университета с 1853 г.— 196
- Кальвин Жан (1509—1564), деятель Реформации — 32, 167, 186, 282, 472
- «Institutio religionis christianaе» («Наставление в христианской вере»)—32, 472
- Кампенгаузен Балтазар Балтазарович фон, барон (1772—1823), государственный казначей в 1810—1811 гг., государственный контролер с 1811 г., министр внутренних дел в 1823 г.— 156
- Канатов Иван Михайлович, херсонский вице-губернатор в 1854—1861 гг.— 440
- Канивальский Михаил Дмитриевич, херсонский губернский предводитель дворянства до 1857 г.— 438
- Кандыба Тимофей Данилович, генерал-майор в отставке, житель Одессы — 199, 203, 204, 220, 269, 365, 438, 439, 461, 523, 524, 529, 553, 595, 634
- Канкрип Егор Францевич, граф (1774—1845), министр финансов в 1823—1844 гг.— 156
- Кант Иммануил (1724—1804) — 216
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826)— 123, 256, 259
- «История государства Российского»— 123
- Кариньянские графы, титул итальянских королей, начиная с Карла-Альберта (1798—1849), короля сардинского — 37, 472
- Карл Александр, великий герцог Саксен-веймар-эйзенахский с 1853 г.— 419, 628
- Карл V (1500—1558), император «Священной Римской империи» в 1515—1556 гг. и король Испании в 1517—1555 гг.— 103, 152
- Карл XII (1682—1718), шведский король с 1697 г.— 421
- Карпов П., капитан I ранга, член дирекции Николаевского благородного собрания — 398
- Карцев, офицер ополчения—89, 484
- Касинов Егор Александрович, херсонский губ. предводитель дворянства в 1856—1859 гг. и с 1860 г. председатель губ.

- комиссии по крестьянскому делу — 91, 92, 382, 568
- Кассий Лонгин Гай (I в. до н. э.), политический деятель древнего Рима, республиканец, участник заговора против Юлия Цезаря — 395, 613
- Катакази Михаил Константинович, чиновник особых поручений при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе в 1855—1862 гг. — 365, 437—439, 634
- Катков Михаил Никифорович (1818—1887), реакционный журналист и публицист, редактор-издатель «Русского вестника» (1856—1887) и «Московских ведомостей» (1850—1855, 1863—1887) — 365, 512
- Катон Младший Марк Порций Утический (95—46 гг. до н. э.), государственный деятель древнего Рима, народный трибун, претор, вождь республиканской партии — 317, 446, 576
- Каховский Петр Григорьевич (1797—1826), декабрист, член Северного общества с 1824 г., казнен — 48, 577
- Каченовский Дмитрий Иванович (1827—1872), профессор по кафедре международного права Харьковского университета с 1849 г. — 252, 256, 466, 547
- Кашеренипов (в тексте — Капирининов) Иван Данилович, судья верхнеднепровского уездного суда Екатеринославской губ. до 1860 г. — 422
- Кашин, иркутский врач — 381
- Капирининов — см. Кашеренинов И. Д.
- Кашкин Николай Сергеевич (1829—1914), петрашевец, в 1849 г. осужден и отдан в солдаты, в 1856 г. амнистирован, в 1858 г. вышел в отставку; принял активное участие в подготовке реформы 1861 г. в качестве члена Калужского губернского комитета по крестьянскому делу — 413, 466, 624
- Кейкуатов, князь, орловский помещик — 306, 570
- Келли (Kelly) Фицрой (1796—1888), англ. королевский прокурор — 110
- Кельчевский (в тексте — Килсевский) Феликс Феликсович, страпчий московской части петербургской полиции до 1861 г. — 407
- Кемпбелл (Кембель, Campbell) Джон, лорд (1779—1861), англ. государственный деятель, главный судья в 1850—1859 гг., лорд-канцлер с 1859 г. — 110
- Керрей — см. Кэри Генри Чарлз
- Кидошенков Николай Васильевич, советник хозяйственного отделения Тамбовской палаты государственных имуществ — 252
- Килсевский — см. Кельчевский Ф. Ф.
- Киревский Иван Васильевич (1806—1856), публицист и литературный критик, один из основоположников славянофильства; в 1832 г. издавал журнал «Европеец» — 325, 578
- «Обозрение русской словесности за 1829 г.» — 325
- Кирилл (827—869), христианский просветитель, создатель (вместе с братом Мефодием) одной из первых славянских азбук (кириллицы) — 273
- Киселев Николай Дмитриевич (1800—1869), дипломат, с 1856 до 1864 г. посол при дворе папы римского — 340
- Киселев Павел Дмитриевич, граф (1788—1872), министр государственных имуществ в 1838—1856 гг., русский посол в Париже в 1856—1862 гг. — 130, 198, 258, 340, 369, 598, 599, 620
- Кислинский Андрей Федорович, помещик Корчевского у. Тверской губ., в 1862 г. мировой посредник — 388
- Китер Константин Александрович фон, управляющий Прибалтийской палатой государственных имуществ с 1859 г. — 416
- Киттары Модест Яковлевич (1825—1880), профессор технологии Казанского (1853—1857) и Московского (1857—1879) университетов — 196

- Кларендон Джордж Вильям, граф (1800—1870), англ. государственный деятель, либерал, с 1852 г. министр иностранных дел — 110
- Клевезаль, помещик Кременчугского у. Полтавской губ.— 396, 397, 462, 615
- Клейнмихель Петр Андреевич, граф (1793—1869), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями в 1842—1855 гг.— 79, 80, 119, 148, 218, 224, 266, 321, 333, 428, 528, 540, 551, 552
- Клоповская Аделия, помещица Херсонской губ. — 269, 432, 553, 633, 634
- Ключарев Николай Владимирович, управляющий палатой государственных имуществ Подольской губ. с 1859 г.— 416
- Кляуз, студент Московского университета, исключенный за участие в протесте против проф. Варнека — 193, 194
- Княжевич Александр Максимович (1792—1870), министр финансов в 1858—1862 гг.— 252, 415, 418, 422, 446, 447, 547, 627
- Кобден Ричард (1804—1865), англ. общественный и политический деятель, лидер фритредеров, член парламента с 1841 г., публицист — 289
- Ковалевский Евграф Петрович (1790—1867), попечитель Московского учебного округа в 1856—1858 гг., министр народного просвещения в 1858—1861 гг. — 88, 90—92, 192, 194, 203, 222, 305, 364, 365, 395, 422, 446, 447, 462, 466, 483, 484, 557, 569, 594, 595, 614, 630, 631
- Козакевич (Козакевич) Петр Васильевич (1814—1887), военный губернатор Приморской области в 1856—1865 гг.— 395, 437, 439, 634
- Козловский Петр Борисович, князь (1783—1840), русский посол в Сардинии в 1812—1814 гг., в Вюртемберге и Бадене в 1818—1821 гг.— 169
- Козлянинов Николай, подполковник в Ярославской губ.— 388
- «Колокол» («The Bell»), газета, издававшаяся Герценом и Огаревым с июля 1857 до апреля 1865 г. в Лондоне и с мая 1865 до июля 1867 г. в Женеве — 7, 8, 15, 26, 27, 36, 61, 66, 81, 83, 85, 87—89, 94, 97, 98, 124, 128—131, 133—136, 138, 139, 142, 143, 190, 199, 203, 216, 220, 228, 229, 236, 239, 248—250, 255, 264, 267, 269, 273—275, 293, 306, 311, 315, 317, 328, 344—346, 354, 355, 361, 363—369, 374, 376, 378, 379, 381, 382, 384—389, 396, 398, 399, 401, 407, 412, 414, 417, 418, 422, 428, 431—433, 438—440, 453, 454, 461—465, 467, 468, 470, 474—478, 481, 483—488, 492, 494—497, 499, 501—511, 513, 514, 516, 522—528, 530, 532, 533—551, 554, 555, 557—561, 563—565, 567—572, 574—576, 579—582, 584—586, 590—636
- Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), поэт — 219
- Кольцов Василий Петрович, воронежский прассл, отец А. В. Кольцова — 219
- Конарский Шимон (1807—1839), польский революционер, участник восстания 1830—1831 гг.; возглавлял нелегальную организацию «Содружество польской нации», вел революционную пропаганду, создал подпольную типографию для печатания прокламаций; в 1838 г. арестован в Вильно и расстрелян — 120
- Констан Бенжамен (1767—1830), франц. либеральный политический деятель, экономист и беллетрист — 320
- Константин Константинович, великий князь (1858—1915), поэт, президент Академии наук с 1889 г. — 272
- Константин Николаевич, великий князь (1827—1892), брат Александра II, генерал-адмирал, в 1860 г. председатель Главного комитета по крестьянскому делу,

- в 1862—1863 гг. наместник Царства Польского — 142, 272, 286, 315, 347, 409, 410, 478, 560, 571, 585, 586
- Константин Павлович, великий князь (1779—1831), старший брат Николая I, с 1815 г. главнокомандующий польской армией, с 1826 г. фактический наместник Царства Польского, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг.— 30, 76, 295, 297, 472, 565
- Конфалоньери (Gonfalonieri) Федерико, граф (1785—1846), один из руководителей итальянского нац.-освободительного движения; поддерживал связь с пьемонтскими карбонариями; в 1821 г. арестован и приговорен австрийским судом к пожизненной каторге, в 1836 г. освобожден — 219, 285, 529
- Копейчиков (в тексте — Копьеченко) Василий Демьянович, квартальный надзиратель васьлевской части петербургской полиции, в 1857—1858 гг.— 407
- Коран (Алкоран)— 10
- Корбутовский Михаил Николаевич, исправник Царицынского у. Саратовской губ. до 1859 г.— 434
- Кормчая книга — 96
- Корнель (Corneylle) Пьер (1606—1684) — 60, 474
— «Гораций» — 60, 474
- Корнилов Федор Петрович (1809—1895), управляющий канцелярией московского генерал-губернатора до 1859 г., с 1860 г. управляющий делами Комитета министров — 403
- Коробин Владимир Григорьевич, управляющий палатой государственных имуществ Тверской губ. с 1857 г.— 416
- Корсаков Василий Николаевич, занимал должность секретаря рыбнынского уездного магистрата до 1862 г.— 432
- Кортес Фернандо, маркиз дель Валье де Оахака (1458—1547), испанский конкистадор; в 1519—1521 гг. завоевал Мексику — 152, 515
- Корф Модест Андреевич, граф (1800—1872), государственный секретарь, с 1848 г. член, а с 1853 г. председатель негласного комитета для надзора за книгопечатанием, в 1849—1861 гг. директор С.-Петербургской публичной библиотеки — 79, 138, 221, 226, 236, 445—447, 461, 477, 479, 480, 506, 507, 529—531, 537, 555
— «Восшествие па престол Николая I» — 79, 226, 236, 477, 479, 480, 530, 531, 537
- Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк и писатель, профессор русской истории Киевского (1846—1847) и Петербургского (1859—1862) университетов — 265, 472, 549—551, 636
— «Украина (Письмо к издателю „Колокола“» — 36, 458, 472, 636
- Костюшко (Kościuszko) Тадеуш (1746—1817), руководитель польского нац.-освободительного восстания 1794 г.— 64, 472
- Косьма Бессребреник (библ.) — 35, 185
- Котельников Григорий Васильевич, преподаватель Полтавского кадетского корпуса до 1862 г.— 302
- Котович Виталий Антонович, начальник судебного отделения канцелярии Поворосийского генерал-губернатора в 1858—1860 гг.— 440, 443
- Кочубей Виктор Павлович, князь (1768—1834), министр внутренних дел в 1802—1807 и 1819—1823 гг., председатель Государственного совета и Комитета министров с 1826 г. — 77, 479
- Кочубей Лев Викторович, князь, предводитель дворянства Полтавской губ. в 1854 — 1857 гг.— 220, 248, 379, 393, 407—409, 529, 545, 606, 613, 619, 620
- Кочубей Сергей Викторович, князь, помещик Саратовской губернии, брат Л. В. Кочубея — 408

- Кошут (Kossuth) Лайош (1802—1894), руководитель венгерского нац. - освободительного движения, вождь венгерской революции 1848—1849 гг. — 114, 489—491
- Краббе Николай Карлович (1814—1876), адмирал, в 1838 г. адъютант начальника Главного морского штаба кн. Меншикова, с 1860 г. морской министр — 315, 571, 586
- Кранц Фердинанд Фердинадович, старший чиновник III отделения с 1853 г. — 345
- Крапоткин Алексей Иванович, князь, московский обер-полицейстер с 1858 по 1860 г. — 294
- Красинский Зигмунд, граф (1812—1859), польский поэт, романтик — 85
- Красовский Антон Федорович, полковник, ярославский полицмейстер до 1861 г. — 93
- Кривоногов Константин Евграфович (род. 1826), петербургский купец — 363, 592
- Кригер Григорий Александрович, капитан I ранга, с 1873 г. вице-адмирал, начальник гидрографического депо Черного моря с 1851 г., член дирекции Николаевского благородного собрания — 398, 615
- Кржижановский (Крыжановский, Krzyżanowsky (Северин (1787—1839), подполковник, деятель польского освободительного движения; в 1822 г. воссоздал тайное «Национально-патриотическое общество», установившее связь с декабристами — 30, 472
- Криштофович Емельян Семенович, чиновник особых поручений при херсонском губернаторе с 1856 г. — 365, 595
- Кромвель Оливер (1599—1658), вождь английской буржуазной революции XVII в., организатор и руководитель революционной армии, глава партии индепендентов — 52, 266, 552
- Кромвель Ричард (1626—1712), лорд-протектор Англии в 1658—1659 гг., сын Оливера Кромвеля — 266, 552
- Крузенштерн 3 Федор Карлович, капитан-лейтенант, старший офицер корвета «Гангут» — 286, 347, 560, 586
- Крылов Пикита Иванович (1807—1879), профессор римского права Московского университета в 1835—1872 гг. — 192, 197
- Кузнецов Семён Ильич, ярославский городской голова с 1856 г. — 92
- Кузнецов, капитан I ранга, чиновник управления Черноморского флота, член дирекции Николаевского благородного собрания — 398
- Кульчин, член Редакционных комиссий — 260
- Кумани Николай Михайлович, генерал-лейтенант корпуса штурманов Черноморского флота с 1856 г., член дирекции Николаевского благородного собрания — 398
- Куцынский Андрей Александрович, генерал-лейтенант, начальник вилеского жандармского округа с 1858 по 1861 г. — 448
- Кэри (Керрей, Carey) Генри Чарлз (1793—1879), американский экономист — 182, 457, 520
- Кюстин (Custine) Адольф де, маркиз (1790—1857), франц. литератор и путешественник — 66, 169, 296, 512, 518
- Лажечников Ивап Иванович (1792—1869), романист — «Опричник» — 226, 531
- Лазарь (библ.) — 164
- Ламартин Альфонс Мари Луи (1790—1869), франц. поэт и историк, министр иностранных дел после революции 1848 г. — 395
- Ламорисьер (Lamoriciere) Луи Кристоф Леон де (1806—1865), франц. генерал и политический деятель, участник подавления июньского восстания 1848 г., военный министр в правительстве Кавеньяка — 281, 517, 558
- Ланской Сергей Степанович (1787—1862), министр внутренних дел в 1855—1861 гг. — 75,

- 89, 126, 204, 376, 399, 401, 405, 478, 484, 502—504, 533, 534, 603
- Лапунов, поручик гусарского полка — 146
- Ласкав (Лас Каз, Las-Cases) Эммануэль Огюст Дьедонне де, маркиз (1766—1842), франц. историк, камергер Наполеона I в период «ста дней»; последовал за ним на о. Святой Елены — 113
- Лауниц Федор Федорович фон дер (1811—1886), генерал-майор, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг.; до 1862 г. командовал корпусом внутренней стражи в Ковно—227, 344
- Лафайет (Lafayette) Мари Жан Поль де, маркиз (1757—1834), франц. политический деятель, участник Великой французской революции и революции 1830 г.—30, 220, 243, 320
- Лебрен (Лебрюн, Lebrun) Шарль Франсуа (1739—1824), депутат Генеральных штатов в 1789 г., после переворота 18 брюмера назначен третьим консулом Французской республики — 90
- Левенвольде (Левенвольден) Карл Густав, граф (ум. 1735), дипломат, фаворит Анны Иоанновны — 150
- Левиафан (библ.) — 14, 15
- Легензевич, доверенное лицо помещика В. П. Старицкого — 441, 444, 445
- Лелевель (Lelevel) Иоахим (1786—1861), польский историк, политический деятель, руководитель революционного крыла во время восстания 1830 г.; играл видную роль в польской демократической эмиграции — 13, 34, 85, 482, 483, 549
- «Histoire de la Pologne» — 13, 34
- Ленц Василий Васильевич, чиновник «бутурлинского комитета» в 1848 г., с 1856 г. столоначальник обер-прокурора Сената — 448
- Леонтий, до пострижения — Иван Алексеевич Лебединский (1822—1893), архимандрит, ректор С.-Петербургской духовной семинарии в 1859—1860 гг.—272
- Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891), реакционный писатель и публицист — «За Марко Вовчка» — 267
- Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874), реакционный публицист, профессор римской словесности и древностей Московского университета с 1847 г.; с 1856 г. ближайший сотрудник М. Н. Каткова, впоследствии (с 1865 г.) редактор «Московских ведомостей» — 410, 513, 622
- Леопольд II (1797—1870), великий герцог Тосканский с 1824 г.; бежал в Австрию в апреле 1859 г., когда началось восстание, вызванное его отказом от участия в войне за освобождение Италии — 100
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841)—14, 120, 157, 575, 584
- «Герой нашего времени»: Печорин — 118, 119, 317, 573
- Леруа (Leroу) Шарль (1726—1779), франц. врач, профессор медицинского факультета в Монпелье, автор работы «De purgantibus» («О слабительных») — 341
- Леснёвский — см. Лешновский А.
- Летунов Николай Иванович (1822—1864), прозектор по кафедре патологической анатомии Московского университета в 1846—1864 гг.—232
- Лешков Василий Николаевич (1810—1881), юрист, профессор полицейского права Московского университета с 1842 г.—192
- Лешновский (Леснёвский, Lesznowski) Антоний (ум. в 1859) владелец и редактор (с 1841 г.) «Варшавской газеты» — 363
- Лжедмитрий I, или Дмитрий Самозванец (1582?—1606), занимал Московский престол в 1605—1606 гг.—94, 563
- Либени (Либени) Ласло, венгр, рабочий, покушавшийся в 1853 г. на Франца Иосифа I — 340, 584
- Лидерс Александр Николаевич, граф (1790—1874), генерал-адъютант, участник подавления

- польского восстания 1830—1831 гг. и венгерской революции 1848 г., главнокомандующий крымской армией в 1855—1856 гг.; исполнял обязанности наместника в Царстве Польском в 1861—1862 гг.— 65, 409
- Линк, глазной врач в Одессе — 91
- Липранди Иван Петрович (1790—1880), генерал-майор, историк, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, руководивший секретной агентурой по наблюдению за М. В. Петрашевским и его кружком — 203, 524
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович, князь (1824—1896), русский посланник в Константинополе в 1859—1863 гг.— 406, 414
- Лойола Игнатий (1491—1556), основатель ордена иезуитов — 311
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — 219
- Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875), историк литературы, секретарь Общества любителей российской словесности в 1859—1864 гг., впоследствии (1871—1875) начальник Главного управления по делам печати — 292, 563
- Лонгинов Николай Михайлович (1775—1858), статс-секретарь для принятия прошений и заведующий благотворительными и учебными заведениями императрицы Марии Федоровны, член Государственного совета с 1840 г.— 55
- Лопухин Иван Владимирович (1756—1816), один из руководящих деятелей русского масонства, статс-секретарь в 1796—1797 гг., сенатор с 1797 г.— 296—300, 373, 554, 557, 565—567, 602
- «Глас искренности (записка о духоборцах)» — 298, 566
- «Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим» — 296—299, 373, 554, 557, 565—567, 602
- Лопухина Евдокия Федоровна (1669 — 1731), первая жена Петра I, в 1698 г. отправлена в суздальский Покровский монастырь и там пострижена в монахини — 52
- Лужин Иван Дмитриевич, генерал-лейтенант, московский обер-полицеймейстер, затем курский (1855—1857) и харьковский (1857—1861) военный и гражданский губернатор — 253, 256, 264, 280, 286, 290, 305, 306, 311, 326, 383, 386, 387, 395, 412, 433, 461, 547, 549, 560, 561, 569, 608, 610, 623
- Луи Филипп (в тексте иногда — Людвик-Филипп) (1773—1850), франц. король в 1830—1848 гг.— 43, 47, 66, 112, 164 — 166, 171, 420, 517
- Луис—см. Льюис Д. Г.
- Лукьянова Авдотья, крестьянка помещицы Н. И. Жадовской (см.) — 388
- Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845), декабрист — 320, 362, 371, 372, 466
- «Aperçu sur la société occulté en Russie, 1816—1821» («Взгляд на тайное общество в России, 1816—1821») — 362, 371, 372, 591, 600
- «Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 году» — 371, 372, 600
- «Coup d'œil sur les affaires de Pologne, 1840» («Взгляд на положение Польши») — 362
- «Du mouvement social en Russie, sous le règne actuel, 1840» («Общественное движение в России в нынешнее царствование, 1840») — 362
- Льюис (Луис, Lewes) Джордж Генри (1817—1878), англ. философ-позитивист и физиолог—367
- «The Physiology of Common Life» («Физиология обыденной жизни») — 367
- Любошинский Марк Николаевич (1816—1889), обер-прокурор сената с 1857 г., член Редакционных комиссий с 1859 г. — 260
- Людвиг III (1806—1877), великий герцог гессенский с 1848 г.— 307, 570

- Людовик (Людвик) Наполеон — см. Наполеон III
 Людовик (Людвиг) Филипп — см. Луи Филипп
 Людовик XIV (1638—1715), франц. король с 1643 г. — 239
 Людовик XVI (1754 — 1793), франц. король с 1774 г. — 220, 325, 332, 426, 581
 Лютер Мартин (1483—1546)— 167, 186, 222, 532
 Лярский, чиновник «бутурлинского комитета» — 448
- Магдалина (библ.) — 140, 141, 158, 516
 Мазепа Иван Степанович (1644—1709), гетман Малороссии с 1687 г. — 94, 421
 Мазнер Павел, чиновник петербургского почтамта, занимавшийся перлюстрацией — 285
 Майборода Аркадий Иванович, капитан Вятского пехотного полка, член Южного общества декабристов, ставший предателем в 1825 г. — 305, 569
 Майков Аполлон Александрович (1826—1902), славист, публицист, профессор Московского университета, мировой посредник Судогодского у. Владимирской губ. — 232, 375, 535, 602
 Мак-Магон Мари Эдм Патрис (1808—1893), маршал Франции, политический деятель, бонапартист, впоследствии (1873—1879) президент Французской республики — 100
 Макиавелли (Махиавелли) Никколо ди Бернардо (1469—1527), итал. политический деятель и публицист — 37, 540
 Макридий — 88
 Малерб (Malherbe) Франсуа (1555 — 1628), франц. поэт и литературный критик — «Consolation à M-me du Perrier» — 445, 451, 635
 Мальтус Томас Роберт (1766 — 1834), англ. экономист — 258
 Мантейфель (Manteuffel) Отто Теодор (1805—1882), прусский политический деятель, председатель совета министров и министр иностранных дел в 1850 — 1858 гг. — 134, 505
- Мария Александровна (1824—1880), императрица, жена Александра II — 129, 258, 272, 280, 310, 311, 313, 314, 420, 447, 515, 538, 540, 555, 558, 635, 636
 Мария Александровна, великая княжна (1853—1920), дочь Александра II — 272
 Мария Николаевна, вел. княгиня (1819—1876), дочь Николая I, президент Академии художеств с 1852 г. — 409, 485
 Мария Федоровна (1759—1828), императрица, жена Павла I — 76, 79
- Марко Вовчок, псевдоним писательницы Марии Александровны Вилинской-Маркович (1834 — 1907) — 267, 271, 485, 502, 523, 524, 538, 550, 551, 553, 555 — «Украинские народные рассказы» — 268, 270, 271, 550, 551, 553
 Марс (миф.) — 92
 Мартен дю Нор (Мартин дю-Нор, Martin du Nord) Никола (1790—1847), франц. министр юстиции при Луи Филиппе — 420
 Мартынов Александр Евстафьевич (1816—1860), артист Александринского театра — 336
 Мартынов Михаил Алексеевич, управляющий палатой государственных имуществ Харьковской губ. с 1859 г. — 416
 Марченко Василий Романович (1782—1841), чиновник воснопоходной канцелярии гр. Аракчеева в 1810—1811 гг., статс-секретарь и правитель дел Комитета министров с 1815 г. — 79, 480
 — «Записка статс-секретаря, тайного советника Марченко о событиях, свершившихся при восшествии на престол императора Николая I» — 79, 480
 Масс, французенка, приезжавшая в Киев в 1859 г. для заключения контракта с модным магазином — 432, 633
 Массена Андре, герцог Риволи (1756—1817), маршал Франции, сподвижник Наполеона I; в 1798г. обвинялся в пособничестве комиссариатским чиновникам — 250

- Матюшенков Иван Петрович (1813—1879), профессор хирургии Московского университета с 1850 г.— 410
- Мацнев Владимир Николасвич, помещик Малоархангельского у. Орловской губ.— 388
- Мацнев Иван Михайлович, орловский помещик — 388
- Мацнев Михаил Михайлович, орловский помещик — 388
- Маццини Джузеппе (1805—1872), вождь итальянского национально-освободительного движения — 33, 340, 418, 489, 516
- Машевский, управляющий имениями кн. Л. Радзивилла — 437, 439, 634, 635
- «Маяк», ежемесячный литературно-художественный журнал, выходил в 1840—1845 гг. в Петербурге под редакцией П. А. Корсакова и С. А. Бурачка до 1841 г., затем одного Бурачка; орган крайней реакции, проводник клерикально-монархических идей — 281, 570
- Медведев Апфим, дворовый помещицы А. Г. Полянской — 435
- Медици Лоренцо (1449—1492), правитель Флоренции с 1469 г., поэт — 37
- Медуза (миф.) — 44, 176
- Мейендорф Петр Казимирович, барон (1796—1863), русский посланник в Берлине, член Государственного совета — 333, 428
- Меллиот, госпитальный врач в Киеве — 431
- Менгден Карл Людвиг, барон (1706—1760), президент камери и коммерц-коллегии при Анне Леопольдовне — 150
- Менцель (Menzel) Вольфганг (1798—1873), нем. писатель, литературный критик и историк, противник «Молодой Германии» — 95, 551
- Меншиков (Меншиков) Александр Данилович, князь (1673—1729), фельдмаршал, государственный и военный деятель, сподвижник Петра I — 30, 251
- Меншиков (Меншиков) Александр Сергеевич, князь (1787—1869), генерал-адъютант, управляющий морским министерством, чрезвычайный посланник в Константинополе в 1853 г., главнокомандующий русской армией в Крыму в 1853—1855 гг., лидер крестовнической верхушки помещичьего дворянства и придворной аристократии — 303, 315, 462, 567, 571
- Меншиковы (Меньшиковы), русский княжеский род, ведет начало от А. Д. Меншикова — 30
- Меровинги, королевская династия, стоявшая во главе франкского государства с конца V до середины VIII в.— 331, 426
- «Мертвые души», поэма Н. В. Гоголя (см.)
- Местмахер (в тексте иногда — Мастмахер) Павел Федорович, барон, одесский градоначальник в 1858—1861 гг.— 198, 369, 437, 439, 522, 523, 634, 635
- Метлин Николай Федорович (1804—1884), адмирал, морской министр в 1857—1860 гг.— 315, 368, 370, 371, 464, 546, 597, 599, 600
- Меттерних Клеменс Венцель Лотарь, князь (1773—1859), австр. министр иностранных дел и фактический руководитель правительства до 1848 г., один из организаторов Священного союза, глава европейской реакции — 95, 102, 202, 257, 486
- Мефистофель, действ. лицо в «Фаусте» Гёте (см.)
- Мефистофель, образ нем. народной легенды XVI в., олицетворяющий абсолютный скептицизм и отрицание — 266, 267
- Мефодий, славянский просветитель IX в., проповедник христианства в Моравии и Паннопии, старший брат Кирилла — 273
- Микеланджело Буонарроти (в тексте — Бопарроти) (1475—1564) — 37
- Миклашевский Владимир Васильевич, чиновник особых поручений при одесском градоначальнике в 1855—1859 гг.— 367, 596
- Милларде (в тексте — Де-Милорди), орловский городской врач в 1859—1861 гг.— 75

- Миллер Федор Богданович (1818—1881), поэт-переводчик и журналист, издатель-редактор журнала «Развлечение» с 1859 по 1881 г.— 280
- Милль Джон Стюарт (1806—1873), англ. буржуазный философ и экономист — 112, 259, 283, 492 — «О свободе» («On Liberty») — 112, 283, 492
- Милорадович Михаил Андреевич, граф (1771—1825), генерал-от-кавалерии, участник войны 1812—1814 гг., петербургский генерал-губернатор с 1818 г., смертельно ранен на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.— 79
- Милош I Обренович (1780—1860), сербский князь, занимавший престол в 1817—1839 и 1858—1860 гг. — 330, 425, 580, 631
- Милуков, помещик Мценского у. Орловской губ.— 124
- Милютин Николай Алексеевич (1818—1872), государственный деятель, председатель хозяйственного отделения Редакционных комиссий, в 1859—1861 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1863—1866 гг. статс-секретарь по делам Польши — 234, 260, 288, 526, 603
- Минерва (миф.) — 90, 92, 162, 236, 264, 549
- Миних Бурхардт Кристоф (Христофор Антонович) фон (1683—1767), генерал-фельдмаршал, русский государственный и военный деятель, первый министр в 1740—1741 гг.— 333, 427
- Минкович-Петровский, командир Казанского пехотного полка—252
- Мирабо (Mirabeau) Оноре Габриель (1749—1791) — 220, 242
- Митрофан, действ. лицо в «Недоросле» Д. И. Фонвизина (см.)
- Михаил Николаевич, вел. князь (1832—1909), генерал-фельдцейхмейстер, главный начальник военно-учебных заведений в 1860—1863 гг., сын Николая I — 415
- Михаил Павлович, вел. князь (1798—1849), генерал-фельдцейхмейстер, командир гвардейского корпуса в турецкой войне 1826—1828 гг., участник подавления польского восстания в 1830—1831 гг.—80, 201
- Михаил III Обренович (1823—1868), сербский князь, занимавший престол в 1840—1842 гг. и с 1860 г., сын князя Милоша I — 330, 331, 580
- Михайлов, бурмистр в тверском именовании генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева — 293
- Михайлов, чиновник «бутурлинского комитета»— 447
- Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790—1848), генерал-лейтенант, военный историк — 386
- Михалков, помещик, освободивший крестьян без земли в 1860 г.— 432
- Михаловский Генрик, приказчик книжного магазина Трюбнера в Лондоне, разоблаченный в 1857 г. как шпион — 128
- Мицкевич, полицейский пристав в Ковенском у. Ковенской губ.— 146
- Мицкевич Адам (1798—1855), великий польский поэт — 85, 472, 541
- «Пан Тадеуш» — 29, 472; Граф — 29, 472
- Мишле (Michelet) Жюль (1798—1874), франц. историк — 31, 111, 455, 472, 516, 526
- «Pologne et Russie. Legende de Costiusco» («Польша и Россия. Легенда о Костюшко») — 31, 472
- Моисеев Сергей Петрович, управляющий палатой государственных имуществ Орловской губ. до 1859 г.— 416
- Моисей (библ.) — 27, 492
- Молешотт Якоб (1822—1893), нем. физиолог, зульгарный материаллист — 127
- Моллер, фельдфебель, воспитанник кадетского корпуса — 386
- Молчанов Мефодий Миронович, товарищ председателя иркутского губернского суда в 1859—1861 гг.— 381, 413
- Мономах—см. Владимир Мономах
- Моор Карл, действ. лицо в «Разбойниках» Ф. Шиллера (см.)

- Мордвинов Николай Семенович, граф (1754—1845), адмирал, сенатор, член Государственного совета с 1810 г., член Комитета министров с 1820 г., председатель Вольного экономического общества в 1823—1840 гг.— 71, 77—79, 479
- «*Projet de représentation à l'Empereur*» («Проект письма императору») — 78, 479, 480
- Мортара Эдгар, еврейский мальчик, насильственно крещенный в Риме в 1858 г.—269, 553
- «Московские ведомости», газета, выходившая в 1756—1917 гг. (с 1859 г. ежедневная) — 280, 292, 389, 420, 472, 483, 486, 516, 563, 628
- «Московский вестник», литературно-художественный и историко-философский журнал, выходил в Москве в 1827—1830 гг. два раза в месяц; издателем-редактором был М. П. Погодин — 279, 557
- «Московский телеграф» («Телеграф»), двухнедельный литературный и научный журнал, издавался Н. А. Полевым в Москве в 1825—1834 гг.— 325, 578
- Муравьев («Вешатель») Михаил Николаевич, граф (1796—1866), член Государственного совета, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., в 1857—1862 гг. министр государственных имуществ, с 1863 по 1865 г. генерал-губернатор Северо-Западного края, жестоко подавивший польское восстание 1863 г., с апреля 1866 г. председатель верховной комиссии по делу Д. В. Каракова — 14, 23, 28, 64, 99, 106, 126, 127, 218, 235, 257, 266, 267, 402, 418, 462, 470, 471, 502, 503, 552, 567, 615, 616, 631
- Муравьев Никита Михайлович (1796—1843), декабрист, один из руководителей Северного общества, приговорен к смертной казни, замененной каторгой — 120, 157, 329, 352, 371, 372, 502, 600
- Муравьев-Амурский Николай Николаевич, граф (1809—1881), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847—1861 гг.— 81, 315, 316, 378, 380, 395, 396, 462, 572, 617, 618
- Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826), подполковник, член Союза спасения (1816—1818) и Союза благоденствия (1818—1821), глава Васильковской управы Южного общества, руководитель восстания Черниговского пехотного полка (1825), казнен — 14, 48, 126, 329, 470, 577
- Муханов Николай Алексеевич (1802—1871), обер-форшнейдер, товарищ министра народного просвещения в 1858—1861 гг., в 1859 г. член Комитета по делам книгопечатания, с 1860 г. член Главного управления цензуры — 89, 116, 117, 120, 121, 128, 138, 221, 279, 280, 297, 305, 364, 379, 461, 462, 484, 494, 497, 504, 552, 554, 557, 562, 568—570, 605
- Муханов Павел Александрович (1798—1871), член Совета управления Царства Польского, попечитель Варшавского учебного округа, главный директор правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского, с 1861 г. член Государственного совета — 27, 63, 85, 88, 198, 201, 218, 224, 266, 290, 308, 326, 333, 363, 387, 402, 427, 461, 465, 466, 483, 485, 522, 552, 561, 562, 590, 607, 617, 622
- Мюссе Альфред де (1810—1857), франц. поэт — 255, 548
- «Лорепщаччо»: Филиппо Строцци — 255, 548
- Набоков Иван Иванович, виленский вице-губернатор с 1858 до 1863 г.— 417
- Надеждин Николай Иванович (1804—1856), критик и журналист, профессор Московского университета, редактор-издатель «Телескопа» в 1832—1836 гг.; впоследствии чиновник министерства внутренних дел — 325
- Назимов Владимир Иванович

- (1802—1874), попечитель Московского учебного округа в 1849—1855 гг., виленский военный губернатор и гродненский, минский и ковенский генерал-губернатор в 1855—1863 гг.— 146, 147, 192, 481, 528
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — 33, 53, 66, 90, 94, 103, 113, 114, 470, 473, 486, 576
— «Кодекс Наполеона» — 33
- Наполеон III (Луи Бонапарт) (1808—1873), франц. император с 1852 по 1870 г.— 9, 22, 44, 94, 99, 108, 110, 112—115, 130, 166, 180, 215, 242, 273, 329, 470, 486, 489—492, 517, 520, 527, 528, 560, 580, 588
- Наполеон Жозеф Шарль Поль (1822—1894), принц, сын Жерома Бонапарта, брата Наполеона I — 114, 492
- «Народное чтение», литературно-художественный журнал, посвященный изображению быта крестьян и городских низов, издавался в Петербурге в 1859—1862 гг., выходил 6 раз в год (в 1862 г. вышел 3 раза), редакторы А. Оболенский и Г. Щербачев — 448, 636
- Наталья Алексеевна, великая княгиня (1755—1776), принцесса гессен-дармштадтская, первая жена имп. Павла I — 352
- «Наши, списанные с натуры русскими» («Паши»), литературно-художественный альманах, издававшийся А. П. Башуцким с 1841 г.—310, 570
- Недоросль — см. Д. И. Фонвизин, «Недоросль»
- Ней (Neu) Мишель (1769—1815), маршал Франции, сподвижник Наполеона I — 66
- Неклюдов Михаил Сергеевич, чиновник особых поручений канцелярии Главного управления Восточной Сибири в 1858—1859 гг.— 315, 369, 378, 379, 381, 382, 403, 413, 572, 599, 605—607, 617, 618
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — 327, 495, 497, 519, 575, 576, 579, 601
— «У парадного подъезда» (в тексте — «У парадного крыльца») — 373, 466, 573, 574, 601
- Нелидов, прапорщик 4-го саперного батальона — 311, 571
- Немврод (в тексте — Нимврод) (библ.) — 53, 98
- Немезида (миф.) — 342
- Немцевич Юлиан Урсын (1757—1841), польский поэт и публицист, участник восстания Костюшко — 30
- Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37—68), римский император с 54 г.— 256, 548
- Нессельроде Карл Васильевич, граф (1780—1862), государственный деятель, с 1801 г. занимал дипломатические должности при русских посольствах в Берлине, Штутгарте, Гааге, Париже; министр иностранных дел в 1816—1856 гг., с 1845 г. государственный канцлер — 148, 156, 331, 333, 426, 428, 500
- Нестор, русский летописец середины XI—начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря — 345, 603
- Нибур (Niebuhr) Бартольд Георг (1776—1831), нем. историк античности; читал лекции в Берлинском (1810—1813) и Боннском (с 1825) университетах — 172, 519
- Никодим (библ.) — 42, 473
- Николаев (в тексте — Николов) Николай Иванович, непремный заседатель земского Камышинского суда Саратовской губ. с 1858 г.— 436
- Николай Александрович, вел. князь (1843—1865), наследник-цесаревич, старший сын Александра II — 138, 182, 201, 235, 293, 313, 507, 515, 520, 537, 540
- Николай Константинович, вел. князь (1850—1918), внук Николая I — 272
- Николай Николаевич, старший (Nicolas l'Oiseleur), вел. князь (1831—1891), генерал-инспектор по инженерной части в 1856—1864 гг., сын Николая I — 304, 305, 568
- Николай Николаевич младший, вел. князь (1856—1929), внук Николая I — 272

- Николай I Павлович (1796—1855), император с 1825 г.— 10, 14, 16, 17, 22, 26, 30, 33, 34, 36, 40, 45, 48, 63—65, 71, 76, 77, 79, 80—82, 84, 85, 99, 102, 103, 118—120, 130, 143, 144, 151, 157, 167, 171, 172, 192, 201, 203, 215, 222, 223, 225—227, 234, 240, 246, 247, 252, 256, 258, 263, 266, 273, 277, 278, 281, 292, 295, 297, 309, 316—321, 324, 328, 331—333, 340, 345, 347, 349, 350, 375, 383, 389, 393, 397, 399, 403, 421, 426—428, 468, 469, 471, 472, 476, 477, 479—485, 487, 494, 499, 509, 512, 515, 524, 528, 537, 539—541, 544—546, 549, 551, 552, 556, 562, 566, 567, 569, 574, 578, 581, 585, 587, 588, 600, 631
- Николай I Петрович Негош (1841—1921), в 1860—1910 гг. князь и в 1910—1918 гг. король Черногории, племянник князя Даниила Негоша — 331, 581
- Николев — см. Николаев Н. И.
- Нимврод — см. Немврод
- Ноайли де (Ноальи, Noailles), франц. дворянский род, в XVII в. получил герцогский титул — 170
- Новиков Николай Иванович (1744—1818), писатель, журналист и издатель, масон — 300, 351
- Новосильцев (Новосильцов) Николай Николаевич, граф (1761—1836), государственный деятель, участвовал в подавлении восстания Костюшко в 1794 г., попечитель С.-Петербургского учебного округа в 1803—1804 гг., с 1813 г. вице-президент Временного совета по управлению Варшавским герцогством, с 1821 г. состоял при вел. князе Константине Павловиче, с 1831 г. председатель Государственного совета и Комитета министров — 27, 28, 197
- Ноздрев, действ. лицо в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (см.)
- «Норд» — см. «Le Nord»
- Нордштрем Иван Андреевич, старший чиновник III отделения с 1856 г.— 284, 559
- Норов Авраам Сергеевич (1795—1869), министр народного просвещения в 1854—1858 гг.— 90, 134, 222, 479, 505, 535
- Ньюман, кучер консула Черчилля — 406
- О., директор акционерного общества водопроводов в Петербурге— 374
- О. Р., автор письма о докторе Линке, помещенного в «Одесском вестнике» — 91
- «Обломов», роман И. А. Гончарова (см.)
- Овидий Публий Назон (43 до н. э.— 17 н. э.) — 232
- Огарев Николай Ильич (ум. 1890), генерал-майор, московский полцимейстер в 1856—1890 гг.— 295, 565
- Огарев Николай Платонович (1813—1877) — 293, 346, 354, 355, 366, 383, 385, 386, 455, 461—464, 467, 474, 475, 478, 485, 486, 493, 494, 497, 501, 502, 504, 507—510, 512, 514, 523, 524, 526, 531, 533, 534, 537, 543, 545—547, 560, 561, 564, 567—569, 574—576, 579—582, 585, 586, 588, 593, 594, 602, 603, 609, 610, 626, 628
- «Ответ на письмо малороссийского помещика» («Ответ» на «письмо», помещенное в 57 листе «Колокола») — 239, 543
- Огрызко (Огришко, Ohryzko) Иосафат Петрович (1826—1890), польский общественный деятель, журналист; издавал в Петербурге газету «Słowo» в 1859 г.; в 1864 г. был арестован по обвинению в связях с польскими повстанцами и приговорен к смертной казни, замененной каторгой—85, 222, 264, 472, 482, 483, 530
- «Одесский вестник», газета, выходявшая с 1827 по 1893 г.; до 1857 г. и с 1859 г. находилась в распоряжении новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, редактировалась в 1857—1871 гг. Н. П. Сокальским — 90—92, 397, 615
- Озеров Александр Петрович, русский посланник в Афинах с 1858 до 1861 г.— 235, 248—250, 375, 413, 414, 461, 536, 537, 545, 603

- Окsepшерна (Оксенштирн, Oхepstjerna) Аксель, граф (1583—1654), шведский государственный деятель, канцлер с 1612 г., в 1632—1644 гг. регент, фактический глава государства — 257
- Ольга Константиновна, вел. княгиня (1851—1926), дочь вел. князя Константина Николаевича — 272
- Онегин — см. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина
- «Опричник», драма И. И. Лажечникова (см.)
- Орест (миф.) — 231, 534
- Ориген Александрийский (ок. 185—254), христианский богослов, стремившийся сочетать христианство с античной философией — 226
- Орлов Алексей Федорович, князь (1787—1862), генерал-адъютант, участвовал в подавлении восстания декабристов (1825) и польского восстания (1831), шеф жандармов и начальник III отделения с 1844 по 1856 г., глава русской делегации на Парижском конгрессе (1856), председатель Государственного совета и Комитета министров с 1856 г., председатель Главного комитета по крестьянскому делу с 1858 г. — 23, 81, 88, 99, 218, 229, 304, 345, 367, 534, 540, 585, 631
- Орлов Григорий Григорьевич, граф (1734—1783), генерал-аншеф, один из руководителей дворцового переворота 1762 г., фаворит Екатерины II — 30, 352, 473, 588
- Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич, граф (1737—1808), генерал-аншеф, государственный деятель, активный участник дворцового переворота 1762 г. — 50, 473
- Орлова-Чесменская Анна Алексеевна, графиня (1785—1848), камер-фрейлина, дочь А. Г. Орлова-Чесменского, после смерти отца поселилась при Юрьевском монастыре, жертвовала большие средства на церкви и монастыри — 50
- Орловский, становой пристав в Полтавской губ. — 384
- Орловы, графы, дворянский род, возвысился при Екатерине II;
- братья Алексей, Григорий и Федор возглавили дворцовый переворот 1762 г., за что всему роду был присвоен графский титул — 30
- Орнатский Сергей Николаевич (1806—1884), юрист, профессор гражданских законов в Киевском (1835 — 1843), общенародного права в Харьковском (1846—1848), энциклопедии законоведения и русских государственных законов в Московском (1848 — 1859) университетах — 232
- Орсини Феличе, граф (1819—1858), итальянский революционер, участник борьбы за национальное освобождение и объединение Италии, казнен за покушение на Наполеона III — 112, 418, 491, 492
- Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович фон-дер, князь (1752—1837), генерал-фельдмаршал, участник войны 1812—1814 гг., генерал-губернатор Парижа в 1814 г. — 130, 138, 156
- Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн), граф (1686—1747), государственный деятель, выходец из Вестфалии, на русской службе с 1704 г., вице-канцлер в 1725—1740 гг., член Верховного тайного совета в 1726—1730 гг. — 150, 219, 331, 426
- Остроградский Александр Александрович, предводитель дворянства Кременчугского у. Полтавской губ. в 1856—1858 гг. — 397
- Отелло, герой одноименной трагедии В. Шекспира (см.)
- «Отечественные записки», ежемесячный литературно-политический журнал умеренно-либерального направления, издавался в Петербурге с 1818 г. П. П. Свинным, с 1839 г. А. А. Краевским; впоследствии, перейдя к М. Е. Салтыкову-Щедрину и Н. А. Некрасову (1868), стал органом революционной демократии; в 1884 г. закрыт — 267, 493, — 498, 512, 516, 520, 521, 550, 572

- Оуэн Роберт (1771—1858), англ. социалист-утопист — 10, 71, 517
- «Официальная газета Царства Польского», ежедневная газета, выходившая в Варшаве с 1831 по 1861 г.— 367
- Очкин Амплий Николаевич (1791—1865), журналист, редактор «С.-Петербургских ведомостей» с 1836 до 1862 г.—283
- Павел, апостол (библ.)— 107, 140, 141, 319
- Павел I (1754—1801), император — 48, 76, 77, 153, 178, 240, 273, 296, 297, 349—353, 464, 473, 478, 479, 515, 587, 588
- Павлов Николай Филиппович (1805—1864), писатель, критик и журналист, с 1860 г. издавал газету «Наше время» — 328, 329 — «Статский — армейцу» — 328, 329
- Павлов Платон Васильевич (1823—1895), историк, общественный деятель, адъюнкт-профессор русской истории Киевского университета в 1847—1849 гг., профессор Московского университета в 1849—1859 гг.— 256, 480
- Павловский Дмитрий Михайлович (1817—1875), генерал-майор (до 1864 г.), с 1838 г. инспектор классов Дворянского полка, с 1858 г. директор Полоцкого кадетского корпуса — 336
- Палаузов Спиридон Николаевич (1818—1872), историк, чиновник особых поручений при министре народного просвещения в 1856—1858 гг., цензор Петербургского цензурного комитета в 1858—1860 гг.— 226, 531
- Палисадов — см. Полисадов
- Паллас Петр Симон (1741—1811), естествоиспытатель, член Петербургской Академии наук с 1767 г., открыл и описал много новых видов животных — 232
- Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784—1865), англ. государственный деятель, в 1855—1858 и 1859—1865 гг. премьер-министр, лидер либеральной партии — 110, 113, 491, 492, 518
- «Пан Тадеуш», поэма А. Мицкевича (см.)
- Панаев Валериан Александрович (1824—1899), инженер путей сообщения, автор ряда брошюр на политические и экономические темы — 366, 590, 593, 595 — «Письмо к издателю „Колокола“» — 361, 590 — «Об освобождении крестьян в России» (в тексте — «Проект освобождения»; «Проект освобождения помещичьих крестьян в России») — 17, 363, 364, 593 — «Programme de la Saint-Alliance des Peuples» — 366, 595
- Панасев Иван Иванович (1812—1862), писатель и журналист — 325, 498, 578 — «Петербургская жизнь» — 325, 498
- Панин Виктор Никитич, граф (1801—1874), министр юстиции в 1841—1861 гг., член Секретного (1857) и Главного (с 1858) комитета по крестьянскому делу, с февраля 1860 г. председатель Редакционных комиссий — 16, 23, 60, 72, 75, 85, 88, 99, 106, 119, 123, 126, 138, 144, 147, 199, 217, 218, 220, 246—248, 254—259, 264, 266, 267, 276, 286, 290, 301, 304, 307, 329, 332, 344, 367, 396, 402, 407, 420, 426, 433, 437, 458, 461, 471, 474, 475, 482, 499, 502, 509, 511, 529, 538, 540, 544, 545, 547, 548, 555, 556, 561, 567, 568, 596, 606, 616, 619, 622, 629, 631
- Панин Никита Иванович, граф (1718—1783), государственный деятель, дипломат, участник дворцового переворота 1762 г., с 1763 г. возглавлял иностранную коллегию, автор проекта учреждения «Постоянного императорского совета», призванного ограничить самодержавие — 351, 352
- Панин Петр Иванович, граф (1721—1789), генерал-аншеф, государственный и военный деятель, участвовал в войнах с Турцией и Швецией и в Семилетней войне (1756—1763), руководил подавлением пугачевского восстания — 352, 353
- Панкратьев Георгий Теофил Петрович

- (1796—1859), херсонский гражданский губернатор в 1855—1859 гг. — 440, 442, 443
- Папенгут, офицер, арестованный в 1859 г. в Одессе — 199
- «Парус», славянофильская еженедельная газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в 1859 г. в Москве — 221, 364, 530, 594, 595
- Паскевич-Эриванский Иван Федорович, князь (1782—1856), генерал-фельдмаршал, командующий отдельным Кавказским корпусом и управляющий Кавказским краем в 1827—1831 гг., командовал русской армией, подавившей польское восстание в 1831 г., с того же года наместник Царства Польского; в 1849 г. командовал русскими войсками, задушившими венгерскую революцию — 340, 349, 393, 562, 587
- Пастухов Александр Матвеевич, ярославский купец — 92, 93
- Пеликан Венцеслав Венцеславович (1790—1873), профессор хирургии и анатомии Виленского университета в 1817—1824 гг., член комиссии для определения виновности участников польского восстания в 1831 г., президент Медико-хирургической академии в 1851—1856 гг., в 1854—1861 гг. председатель Военно-медицинского учебного комитета — 197, 224, 285
- Пеллико Сильвио (1789—1854), итал. писатель, связанный с движением карбонариев; вместе с А. Манцони и гр. Конфалоньери основал в Милане и редактировал журнал «*Conciliatore*» (1819—1820), пропагандировавший идею объединения Италии; в 1820 г. арестован и приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением — 285
- Перикл (ок. 490—429 до н. э.), афинский государственный деятель — 249
- Перье Казимир Пьер (1777—1832), франц. политический деятель, банкир; во время июльской революции 1830 г. член Временного правительства, с 1831 г. — премьер-министр и министр внутренних дел — 58, 66
- Пестель Павел Иванович (1793—1826), декабрист — 30, 48, 120, 157, 320, 329, 502, 577, 624
- «Петербургские ведомости» — см. «Санкт-Петербургские ведомости»
- Петр, апостол (библ.) — 185
- Петр I Алексеевич (1672—1725), император — 23, 31, 46, 48, 50—54, 57, 58, 76, 105, 107, 133, 150, 152, 153, 155, 157, 158, 169, 171, 179, 183, 186, 219, 239, 251, 273, 297, 318, 319, 331, 349, 350, 373, 421, 426, 473, 512, 554, 587, 601
- Петр II Алексеевич (1715—1730), император с 1727 г. — 447, 635—
- Петр III Федорович (1728—1762), император — 48, 50, 143, 151, 155, 240, 273, 296, 349, 372, 373, 456, 473, 508, 515, 587, 601
- Петрашевский — см. Буташевич-Петрашевский М. В.
- Петц, владелец русской типографии в г. Наумбурге — 328, 579
- «Печатная правда», брошюра С. П. Голицына (см.)
- Печерин Владимир Сергеевич (род. 1808), профессор греческой словесности Московского университета с 1836 г., в эмиграции принял монашество; в молодости — писатель и переводчик — 49, 362, 363, 499, 591
- «Годовщина» — 362, 363
- «Поликрам Самосский» — 362, 363
- «Торжество смерти» — 362, 363
- Печорин, действ. лицо в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова (см.)
- Пиа (Пья, Руат) Феликс (1810—1899), франц. политический деятель, писатель и публицист, участник революции 1848 г., в 1849—1869 гг. эмигрант — 357, 589
- «Парижский ветошник» («Тряпичник», «*Le Chifonnier de Paris*») — 357, 589
- Пий IX (1792—1878), римский папа с 1846 г. — 40, 114, 269, 308, 518
- Пилад (миф.) — 231, 534

- Пиль (Peel) Роберт (1788—1850), англ. государственный деятель, член партии консерваторов, премьер-министр в 1834—1835 и 1841—1846 гг., один из основоположников английской фритредерской политики; провел закон об отмене хлебных пошлин в 1846 г.— 58, 187, 521
- Пинети, итальянский фокусник — 34
- «Письмо из провинции» (письмо, опубликованное в «Колоколе» за подписью: Русский человек)— 238, 239, 241, 243, 244, 466, 527, 538—542
- Платен Август фон (1796—1835), нем. поэт — 117, 498
- Плеханов Константин Иванович, старший полицмейстер Киева в 1858—1859 гг.— 432, 633
- Плиний Старший Гай Секунд (23—79), римский ученый и писатель— 164
- Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк и журналист, профессор Московского университета по кафедре всеобщей (позднее—русской) истории с 1826 по 1844 г.— 364, 483, 515, 549, 550, 594, 618
- «Под суд!», приложение к «Колоколу», содержащее материалы судебных процессов, разоблачения отдельных фактов произвола и злоупотреблений; издавалось в 1859—1862 гг., всего вышло 13 номеров— 139, 251, 367, 370, 371, 378, 380, 413, 463, 507, 510, 511, 545, 546, 559, 569, 596, 599, 600, 606, 613, 617—619, 628
- Поэрио (Поэрио) Карло (1803—1867), итал. политический деятель, участник нац.-освободительного движения, в 1848—1849 гг. министр просвещения и префект полиции в Неаполе, в 1849—1859 гг. на каторге, с 1861 г. вице-президент итальянского парламента — 117, 494, 498
- Поэа де, маркиз, действ. лицо в драме «Дон Карлос, инфант испанский» Ф. Шиллера (см.)
- Позен, владелец сахарного завода в Полтавской губ.— 397
- Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801—1867), журналист и литературный критик — 66, 477
- Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, критик, историк и журналист, издатель «Московского телеграфа» — 66, 189, 325, 521, 578
— «История русского парода» — 189, 477, 521
- Полежаев Александр Иванович (1804—1838), поэт — 320
- Полисадов (Палисадов) Василий Петрович (1815—1878), профессор богословия Петербургского университета с 1858 г., духовный писатель и проповедник — 419, 462, 627, 628
- «Полицейские ведомости» — см. «Ведомости С.-Петербургской городской полиции»
- Поллунский Л., публицист — 119, 499
— «О злоупотреблениях и беспособности в администрации» — 119, 499
- Поль Петр Иванович (1795—1870), петербургский полицмейстер до 1854 г., а затем председатель второго департамента управы благочиния — 407
- Полянская Авдотья Григорьевна, помещица Камышинского у. Саратовской губ. — 435, 634
- Полянский Петр Николаевич, помещик Камышинского у. Саратовской губ., муж А. Г. Полянской — 435
- «Полярная звезда», литературные и общественно-политические сборники, издававшиеся Герценом (с 1856 г. — совместно с Н. П. Огаревым) ежегодно в Лондоне в 1855—1859, 1861—1862 гг. (в 1862 г. вышло 2 кн.) и в Женеве в 1869 г.— 67, 130, 131, 133—135, 274, 363, 371—373, 463, 477, 478, 503, 512, 525, 528, 539, 590, 600, 601
- Понятовский Станислав-Август (1732—1798), польский магнат, фаворит Екатерины II, избранный при ее поддержке в 1764 г. королем Польши; в 1795 г. отречся от престола — 372, 600
- Понятовский Юзеф, князь (1762—

- 1813), польский политический и военный деятель, участник восстания Костюшко (1794); с 1809 г. командовал польскими войсками, сражавшимися на стороне Франции против Австрии, и с 1812 г. — против России, получил звание маршала Франции — 59
- Попов Валериян Егорович, исправник Камышинского у. Саратовской губ. в 1858—1862 гг. — 436, 545
- Попов Прокофий Алексеевич, подполковник (до 1859 г. майор), пристав следственных и исполнительных дел петербургской городской полиции — 367, 596
- Попов Сергей Иванович, русский консул в Яссах (Турция) в 1856—1862 гг. — 406, 437, 466, 619
- Попов, член дирекции Николаевского благородного собрания — 398
- Попов, помещик Царицынского у. Саратовской губ., отставной есаул — 248, 433—436
- Порай-Лонтковский (Порай-Лентковский) Семен Онуфриевич, ковенский вице-губернатор в 1855—1858 гг. — 146
- Посейдон (миф.) — 208, 525
- Потапов Александр Львович (1818—1886), генерал-от-кавалерии (1874), генерал-адъютант, петербургский обер-полицейстер в июне — ноябре 1860 г., исполняющий обязанности начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением с 1861 по 1864 г. — 335
- Потемкин Григорий Александрович, князь Таврический (1739—1791), генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II — 30, 264, 333, 427
- Потлогова Мария, бессарабская помещица — 437
- Потоцкий Михаил, граф — 421, 462, 630
- «Православный собеседник», ежемесячный (с 1858 г.) журнал, издававшийся с 1855 до 1916 г. Казанской духовной академией, редактировал его в 1857—1864 гг. ректор академии, архимандрит Иоанн — 140, 507
- «Пресса» — см. «Die Presse»
- Прибыль Яков Иванович (ум. 1892), цензор Московского цензурного комитета с 1859 г. — 273, 555
- «Проект освобождения» — см. В. А. Панаев, «Об освобождении крестьян в России»
- Прозоровский Александр Александрович, князь (1732—1809), генерал-фельдмаршал, орловский и курский генерал-губернатор в 1781—1783 гг., московский главнокомандующий в 1790—1795 гг. — 298, 351, 566
- Прокофьев Иван, чиновник почтового ведомства, занимавшийся перлюстрацией — 285
- Прокруст (миф.) — 226, 531
- Прометей (миф.) — 332, 427
- Простакова, действ. лицо в «Недоросле» Д. И. Фонвизина (см.)
- «Противоречия», «Система экономических противоречий или Философия нищеты», сочинение П. Ж. Прудона (см.)
- Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865), франц. социолог и экономист — 49, 259, 377, 463, 546, 604, 605
- «Опыты популярной философии» («Essais d'une Philosophie populaire») — 377, 605
- «О справедливости в революции и церкви» («De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise») — 377, 605
- «Система экономических противоречий или Философия нищеты» («Противоречия», «Système des contradictions économiques ou Philosophie de la Misère») — 49
- Прянишников Федор Иванович (1793—1870), директор, впоследствии главноуправляющий Почтового департамента с 1841 по 1863 г., член Государственного совета с 1854 г. — 261, 267, 337, 548, 549, 552
- Псалтырь (библ.) — 126, 502, 503
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) — 94, 304, 382, 462, 568, 607
- Пульский (Pulszky) Ференц Аврелий (1814—1897), венгерский

- писатель и политический деятель
— «К портрету Меттерниха» — 122, 500
- «Пуни» — см. «Punch»
- Путилов, симбирский помещик — 75
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 14, 119, 157, 223, 320, 365, 371, 372, 482, 499, 502, 505, 530, 541, 552, 556, 577, 621, 625
- «Борис Годунов»: Годунов — 223; Царевич Федор — 223
- «Герой» — 119, 499
- «Граф Нулин»: Нулин — 268, 409
- «Демон» — 132, 505
- «Евгений Онегин» — 414, 556, 625; Ленский — 319, Онегин — 118, 119, 256, 317, 319, 495, 573, Татьяна — 256, 556
- «К Чаадаеву» — 320, 577
- Пушкин Иван Иванович (1798—1859), декабрист, участник восстания 14 декабря, друг А. С. Пушкина, автор «Записок» — 126, 320, 329, 461, 466, 501, 502
- «Пчела» — см. «Северная пчела»
- Пья Ф. — см. Пиа Ф.
- Р., петербургский житель — 374
- Радецкий Иозеф Венцель, граф (1766—1858), австр. фельдмаршал, с 1831 г. главнокомандующий австрийской армией в Италии, возглавил подавление итальянской революции 1848—1849 гг. — 128, 521
- Радзивилл Лев Людвигович, князь (1808—1884), генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг. и венгерской революции 1848—1849 гг. — 63, 143, 439, 440, 461, 466, 475, 476, 508, 509, 635
- Радзивилл Софья Александровна (урожденная княжна Урусова) (1804—1889), жена генерал-лейтенанта Л. Л. Радзивилла — 63, 143, 465, 476, 509
- Радзивиллы, старинный литовский княжеский род — 63
- Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — 362, 591
- Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872), декабрист; поэт, член Союза благоденствия, арестованный в 1822 г. за революционную пропаганду в войсках, был сослан в Иркутскую губ. — 381, 382, 617
- «Развлечение», еженедельный юмористический журнал, выходил в Москве в 1859—1905 и 1906—1916 гг., основан и издавался до 1881 г. Ф. Б. Миллером — 279, 280, 557
- Разин Степан Тимофеевич (казнен в 1671 г.) — 31, 94, 311
- Разцветов (в тексте — Разсветов) Александр Павлович, доктор медицины, профессор Московского университета — 410
- Расин Жан (1639—1699)
- «Андромаха»: Гермиона — 127, 503
- Распе Рудольф Эрих (1737—1794), нем. писатель
- «Приключения барона Мюнхазена» — 218, 529
- «Рассказы охотника» — см. И. С. Тургенев, «Записки охотника»
- Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (1700—1771), русский архитектор — 240
- Рашет Евгений Карлович, директор канцелярии председателя комиссии прошений, подаваемых на высочайшее имя, с 1858 до 1862 г. — 408
- Рашет Иван Карлович, член комиссии прошений, подаваемых на высочайшее имя, до 1864 г. — 408
- Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669) — 269, 552
- Ренан Эрнест Жозеф (1823—1892), франц. историк христианства — 282, 558, 559
- «Histoire générale et système comparé des langues sémitiques» («Общая история и сравнительная система семитских языков») — 282, 558
- «Nouvelles considérations sur le caractère général des peuples sémitiques et en particulier sur leur tendance au monothéisme» («Новые соображения об общем характере семитских народов и в частности об их тенденции к монотеизму») — 282, 558

- Репнин Николай Васильевич, князь (1734—1801), генерал-фельдмаршал, дипломат и военный деятель — 352, 353
- Репницкий Иван, владелец конного завода в Бессарабии — 406
- Ржевуский Адам Адамович, граф (1801—1888), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг. — 64, 65, 140
- Рибейроль (Ribeyrolles) Шарль де (1812—1861), франц. журналист, редактор газеты «La Réforme» в 1848 г.; после переворота 1852 г. редактировал газету «L'Homme», орган французских эмигрантов в Англии — 8, 470
- Ризниченко, офицер Одесского гарнизона — 199, 201
- Ринальдо Ринальдини, герой одноименного романа Х. А. Вульпиуса (см.)
- Рихтер Иоганн Пауль Фридрих (псевдоним — Жан Поль) (1763—1825), нем. писатель — 116, 497
- Робеспьер Максимильтен Мари Изидор (1758—1794), франц. революционер, глава якобинской диктатуры в 1793—1794 гг. — 16, 185, 201, 242
- «Робинзон» — см. Д. Дефо, «Робинзон Крузо»
- Роганы (Rohan), древний французский княжеский род — 170
- Рогнеда (ум. в 1000 г.), дочь полоцкого князя, пасивно взятая в жены вел. князем киевским Владимиром Святославичем после пленения и убийства ее отца — 64
- Рожнецкий, русский чиновник в Польше — 28
- Розен, командир гусарского полка русских войск, расположенного в Ковенской губ. — 146
- Ройе-Коллар (Royer-Collard) Пьер Поль (1763—1845), франц. политический деятель и публицист — 320
- Ром (Romme) Шарль Жильбер (1750—1795), франц. политический деятель, в молодости жил в России (до 1785 г.), в эпоху Великой французской революции депутат Конвента, монтаньяр; арестованный после термидо-рианского переворота, покончил с собой — 123, 500
- Романовы, династия русских царей, занимавшая престол с 1613 по 1917 г. — 136, 272, 273, 331, 350, 411, 426, 622
- Ромботи П. Х., профессор Афинского университета — 413
- «Афинский архимандрит» — 375, 413, 537, 603, 625
- Ромье (Romieu) Огюст (1800—1855), франц. писатель, публицист, выступивший накануне президентских выборов 1852 г. с цезаристскими памфлетами — 110—112, 114, 491
- «Красный призрак» («Le Spectre Rouge») — 110—112, 491
- «L'Ere des Césars» («Эра цезарей») — 111
- Росковшенко Иван Васильевич (1809—1889), цензор Московского цензурного комитета в 1859—1864 гг. — 273, 554, 555
- «Российский двор сто лет тому назад» («La Cour de la Russie il y a cent ans»), сочинение А. И. Тургенева (см.)
- «Россия глазами недавнего путешественника» («Russia by a recent traveller») — 94, 95, 486
- Ростовский Михаил Александрович, чиновник департамента общих дел министерства внутренних дел в 1859—1860 гг. — 447
- Ростовцев Яков Иванович (Иаков, Иаков Энтузиаст) (1803—1860), генерал-адъютант, генерал-отинфантерии, член Государственного совета, примыкал к декабристам, незадолго до восстания допес на них, участник турецкой войны 1828 г. и подавления польского восстания 1831 г., с 1835 г. начальник Главного штаба военно-учебных заведений, в 1857—1858 гг. член Секретного (затем Главного) комитета, организованного для разработки проекта крестьянской реформы, с 1859 г. председатель Редакционных комиссий — 64, 71, 87, 123, 141, 183, 184, 237, 246, 247, 257—259, 264, 396, 414, 415, 477, 484, 501, 520, 526, 538, 548, 555, 577, 593, 602, 631

- Ростопчин Федор Васильевич, граф (1763—1826), генерал-от-инфантерии, московский главнокомандующий в 1812—1814 гг. — 178, 457, 519
- Рубенс Петер Пауль (1577—1640), фламанд. живописец — 269, 552
- Руперт Вильгельм Яковлевич (1787—1849), генерал-лейтенант, генерал-губернатор Иркутской и Енисейской губ. в 1837—1847 гг. — 380
- «Русские голоса» — см. «Голоса из России»
- «Русский вестник», литературно-политический журнал, издававшийся в 1856—1906 гг.; до 1887 г. редактором-издателем был М. Н. Катков; занимаемая умеренно-либеральную позицию в 50-х гг., журнал становится с начала 60-х гг. органом дворянской реакции — 233, 365, 472, 496, 512, 513, 516, 521, 536, 552, 566, 573
- «Русский заграничный сборник», сборник статей русских авторов, издававшийся в Париже и Лейпциге А. Франком с 1858 до 1866 г.; всего вышло 5 частей в 23 тетрадях — 89, 485
- «Русский инвалид», военная, литературная и политическая газета, издававшаяся в Петербурге в 1813—1916 гг. (с 1816 г. стала ежедневной); в 1855—1861 гг. редактировалась П. С. Лебедевым — 93, 294, 336, 471, 565, 584
- «Русский сборник» — см. «Русский заграничный сборник»
- «Русское слово», ежемесячный журнал, издавался в Петербурге в 1859—1866 гг.; основан графом Г. А. Кушелевым-Безбородко; с 1860 г. редактором стал Г. Е. Благосветлов — 226, 531
- Руссо Жан Жак (1712—1778) — 15
- Рыбников Павел Николаевич (1831—1885), этнограф, собиратель фольклора; в 1859 г. сослан в Олонецкую губ. — 144, 461, 466, 509, 510, 534, 535
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — 48, 371, 512, 577 — «Видепие» — 371
- Рындин, полковник, жандармский штаб-офицер в Херсонской губ. — 440, 443
- Рюрик (ум. 879 г.), легендарный варяжский князь, родоначальник династии Рюриковичей, с 862 г. князь Новгородский — 262
- Сагтынский (Сахтынский) Адам Александрович, чиновник особых поручений при III отделении, ближайший помощник Л. В. Дубельта — 345
- Сад Донасьен Альфонс Франсуа де, граф, псевдоним — маркиз де Сад (1740—1814), франц. порнографический писатель — 415
- Саксен Веймарский герцог — см. Карл Александр
- Салвотти (Salvotti) Антонио фон, барон (1789—1866), в 1822 г. советник трибунала в Милане, вел следствие по делу Конфалоньери, в 1850 г. председатель верховного суда в Тренто — 285, 561
- Саллогуб, прапорщик 4-го саперного батальона — 311, 571
- Салтыков (Щедрин) Михаил Евграфович (1826—1889) — 118, 494 573, 604
- Салтыков Николай Иванович, князь (1736—1816), генерал-фельдмаршал, председатель Государственного совета и Кабинета министров с 1812 г.; с 1783 г. руководил воспитанием вел. князей Александра и Константина Павловичей — 76
- Салтыковы, русский княжеский и графский роды; граф Василий Федорович Салтыков приходился дядей имп. Аппе Иоанновне — 350
- Сальвапди (Salvandy) Нарцисс Ахилл де, граф (1795—1856), франц. государственный деятель и публицист — 64—66, 476
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876), публицист и общественный деятель, славянофил, с 1859 г. принимал участие в работе Редакционных комиссий — 260, 288, 513, 625
- Самсон (библ.) — 331, 426
- «Санкт-Петербургские ведомости», официальная газета, издававшаяся в 1728—1917 гг. (выходила фактически с 1703 г., но под другим названием), с 1836 г. до

- 1862 г. редактировалась А. Н. Очкиным — 272, 281—283, 305, 370, 414—416, 466, 472, 480, 500, 522, 523, 537, 558, 563, 587, 612, 626, 629
- Сафонович Валериан Иванович, до 1859 г. орловский гражданский губернатор, в 1860 г. чиновник министерства внутренних дел — 74, 478
- Сахаров Степан Евграфович, пристав Литейной (до 1858 г.), затем Каретной части Петербурга — 407
- Сахтынский — см. Сагтынский А.А.
- Свечин Александр Алексеевич, предводитель дворянства Одесского у. Херсонской губ. с 1856 г. — 442
- Свирская Наталья Васильевна, помещица Сумского у. Харьковской губ. — 248, 432, 433, 545
- Свирский, штаб-ротмистр, помещик Сумского у. Харьковской губ., муж Н. В. Свирской — 432, 433
- «Свисток», сатирическое приложение к журналу «Современник», созданное Н. А. Добролюбовым в 1859 г.; всего вышло 9 номеров, последний в 1863 г. — 116, 493, 494, 496, 498
- Свистунов Петр Николаевич (1803—1889), корнет Кавалергардского полка, декабрист, с 1823 г. член Северного общества; в 1826 г. приговорен к 15 годам каторжных работ, в 1837 г. переведен на поселение в г. Курган; в 1856 г. амнистирован, участвовал в подготовке крестьянской реформы в качестве члена калужского губернского комитета по крестьянскому делу — 413, 466, 624
- Святополк I Окаянный (ок. 980—1019), великий князь Киевский с 1015 г.; в междоусобной борьбе убил своих братьев — князей Бориса, Глеба и Святослава — 340
- «Священный союз и австрийская политика» (в тексте неточно — «Об отношениях России и Австрии»), статья неизвестного автора, опубликованная в кн. I «Исторического сборника» — 82, 481
- «Северная пчела», ежедневная (с 1831) литературная и политическая газета, издавалась в Петербурге в 1825—1864 гг., редактировалась до 1860 г. Ф. В. Булгариным, с 1831 г. совместно с Н. И. Гречем — 64, 65, 266, 281, 412, 476, 477, 516, 552, 558, 580, 628, 635
- Сегюр Луи Филипп де, граф (1753—1830), франц. государственный деятель и писатель, с 1783 г. посол в Петербурге — 264
- Сезострис — см. Сенусерт
- Сейерс Том — 302
- Селиванов Илья Васильевич (1810—1882), писатель, член Общества любителей российской словесности в 1859—1860 гг. — 292, 498, 563
- «Перевоз» — 118, 498
- Семашко (Симашко) Иосиф (1798—1868), организатор воссоединения униатов с православной церковью; с 1840 г. архиепископ литовский и виленский — 17, 81, 82, 96, 471, 480, 481
- Семенов 1 Николай Петрович (1823—1904), исполнял обязанности обер-прокурора 4 департамента Сената с 1858 г., член Редакционных комиссий — 260
- Семенов 2 (Семенов-Тяп-Шанский) Петр Петрович (1827—1914), известный географ, с 1859 г. член-эксперт и заведующий делами Редакционных комиссий, один из ближайших сотрудников Я. И. Ростовцева — 260
- Сенар (Sénard) Ангуан Мари Жюль (1800—1885), франц. политический деятель, депутат Национального собрания в 1848 г., министр внутренних дел в правительстве Эжена Кавеньяка — 165
- Сенковский Осип Иванович, псевдоним — барон Брамбеус (1800—1858), журналист, востоковед, писатель, редактор журнала «Библиотека для чтения» — 119, 120, 266, 267, 461, 494, 496, 497, 550—552, 626
- Сенусерт (Сезострис), имя трех египетских фараонов XX—XIX вв. до н. э. — 98

- Сен-Симон Анри Клод де Руруа (1760—1825), франц. социалист-утопист — 10, 517
- Сергей Александрович, всл. князь (1857—1905), сын Александра II — 272, 311
- Сергий, черниговский священник — 399
- Сечени (в тексте — Сеченый), граф, австрийский поверенный в делах в Петербурге — 408
- Сечинский Иван Иванович, полковник, московский полицмейстер в 1849—1869 гг. — 88, 398
- Сиверс Александр Карлович, граф (1823—1887), екатеринославский гражданский губернатор в 1857—1860 гг. — 422
- Сиверс Евгений Егорович, граф (1818—1891), генерал-майор, вице-директор инспекторского департамента военного министерства с 1855 г. — 344, 462, 584, 585, 623
- Сиверс Яков Ефимович, граф (1731—1808), государственный деятель, в 1776—1781 гг. генерал-губернатор (наместник) новгородский, тверской и псковский, участвовал в составлении «Наказа» Екатерины и «Положения о губерниях» — 297, 566
- Сийес (Sies, Siyès) Эммануэль Жозеф (1748—1836), аббат, деятель Великой французской революции, после переворота 18 брюмера короткое время был одним из трех консулов — 90, 242
- Сикст V (Феличе Перетти) (1521—1590), римский папа с 1585 г. — 382, 607
- Силич Николай Михайлович, управляющий палатой государственных имуществ Саратовской губ. в 1855—1859 гг. — 416
- Сильванский Петр Иванович, управляющий палатой государственных имуществ Смоленской губ. в 1859—1860 гг. — 416
- Симашко — см. Семашко Иосиф
- Сименовский И. М., жандармский штаб-офицер в Тверской губ. — 293
- Симеон Богоприимец (библ.) — 216
- Симеон Столпник (356—459), христианский аскет — 75, 160, 516
- Синельников Николай Петрович (1805—1894), генерал-майор, воронежский губернатор в 1857—1859 гг. — 405, 619
- Скибиновский Святослав Святославиич, предводитель дворянства Царицынского у. Саратовской губ. до 1855 г. — 434
- Словацкий Юлиуш (1809—1849), польский поэт — 85
- «Слово» — см. «Słowo»
- Собакевич, действ. лицо в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (см.)
- Соболевский Сергей Александрович (1803—1870), библиограф, эпиграмматист
- Эпиграмма «Просвещения Маяк издает большой дурак...» — 311, 570
- «Современник», основанный А. С. Пушкиным, литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1836—1866 гг.; редактировался с 1847 г. Н. А. Некрасовым, до 1862 г. совместно с И. И. Панаевым; ведущий орган революционной демократии в период подъема 50—60-х гг. — 116, 493—498, 513, 514, 516, 518, 520, 547, 550—552, 556, 572—579
- Соколовский Николай Петрович, исправляющий должность станового пристава Камышинского у. Саратовской губ. в 1859—1861 гг. — 436
- Солнцев Алексей, кандидат философии Дерптского университета — 228, 533
- Соловьев Яков Александрович (1820—1876), деятель крестьянской реформы, член Редакционных комиссий — 259, 260, 512
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, профессор русской истории Московского университета в 1847—1877 гг. — 405
- Соломон (библ.) — 11, 159, 232, 332, 427, 516
- Солтан Адам, помещик Минской губ. — 439, 440
- Софокл (496—406 до н. э.) — 326
- «Царь Эдип»: Эдип — 37
- Спартанский А., псевдоним одного из корреспондентов «Кулокола» — 362

— «Письмо в защиту г. Ч.» — 362
Сперанский Михаил Михайлович, граф (1772—1839), государственный деятель, с 1808 г. ближайший советник Александра I по вопросам внутренней политики, автор проекта государственных преобразований (1809), в 1812 г. сослан в Пермь, с 1816 г. пензенский губернатор, в 1819—1821 гг. сибирский генерал-губернатор, в 1826 г. член Верховного суда по делу декабристов, впоследствии руководил работой по кодификации права — 257, 588
Стакельберг — см. Штакельберг Э. Г.
Сталь (Staël) Анна Луиза Жермен де (1766—1817), франц. писательница — 90
Старицкий Виталий Павлович, майор, заседатель палаты гражданского суда Полтавской губ. до 1857 г., полтавский и херсонский помещик — 368, 379, 437, 438, 440—444, 598, 606, 634, 635
Стахович Михаил Александрович (1819—1858), поэт, переводчик, собиратель фольклора, предводитель дворянства Елецкого у. Орловской губ.; был убит своим бурмистром с целью грабежа — 75, 412
Стаховский Лев Львович, переводчик палаты уголовного суда Могилевской губ. до 1858 г. — 405, 619
Стэнли, лорд — см. Дерби Эдуард Генри Смит
Степанов, чиповник военного министерства — 344
Стороженко Владимир Андреевич, инспектор студентов Харьковского университета в 1858—1859 гг. — 395
Строганов Александр Григорьевич, граф (1795—1891), генерал-адъютант, член Государственного совета, генерал-губернатор черниговский, полтавский и харьковский в 1836—1838 гг., управляющий министерством внутренних дел в 1839—1841 гг., военный губернатор Петербурга

в 1854 г., новороссийский и бессарабский генерал-губернатор в 1855—1863 гг. — 60, 89—92, 96, 122, 123, 198, 199, 203, 204, 220, 365, 368, 369, 382, 405, 414, 431, 438, 440, 443, 444, 461, 464, 474, 484, 485, 487, 499, 500, 522 — 524, 553, 598, 634, 635
Строганов Григорий Александрович, граф (1770—1857), член Государственного совета, дипломат, посол в Швеции, Испании и Турции в царствование Николая I — 123
Строганов Сергей Григорьевич, граф (1794—1882), генерал-адъютант, член Государственного совета, попечитель Московского учебного округа в 1835—1847 гг., московский военный генерал-губернатор в 1859—1860 гг.; с 1860 г. главный воспитатель великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей — 122, 123, 201, 237, 499, 500, 538, 555
Строгановы, русский баронский и графский роды — 123, 474
Струков Владимир Васильевич, генерал-майор, управляющий палатой государственных имуществ Астраханской губ. в 1859—1861 гг. — 416
Стэнли, лорд — см. Дерби
Суворов Александр Васильевич (1730—1800) — 248, 340, 545
Сулук (Soulouque) Фаустин (род. ок. 1782—ум. 1876), негр, участник войны за независимость Гаити, впоследствии президент (1847—1849) и император Гаити в 1849—1858 гг. — 220
Сульт (Soult) Никола Жан (1769—1851), франц. военный и государственный деятель, в 1847 г. получил звание главного маршала Франции — 250
Сумароков Измаил Иванович, управляющий палатой государственных имуществ Пензенской губ. в 1858—1862 гг. — 416
Сумароков-Эльстоп Феликс Николаевич, граф (1820—1877), генерал-лейтенант, вице-директор канцелярии военного министерства

- ства в 1857—1859 гг.— 269, 553
- Сумцова Лукерья, крепостная помещицы А. Г. Полянской — 435, 436
- Сухозанет Иван Онуфриевич (1785—1861), генерал-адъютант, участник Отечественной войны 1812—1814 гг.; как начальник гвардейской артиллерии сыграл решающую роль при подавлении восстания декабристов, в 1832—1854 гг. начальник военной академии — 304, 462, 529, 568, 607
- Сухозанет Николай Онуфриевич (1794—1871), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., военный министр в 1856—1861 гг.— 89, 147, 204, 220, 382, 484, 511, 607, 609, 622, 623
- Сухотин Михаил Николаевич, майор, иркутский полицмейстер в 1859 г.— 381
- Съяс — см. Сийес
- Табачников (в тексте — Кабашников) Василий Андреевич, исправник Черкасского у. Киевской губ.— 448
- «Таймс» («Теймс») — см. «Times»
- Талейран Шарль Морис (1754—1838), франц. политический деятель и дипломат, министр иностранных дел при Директории, Наполеоне I и Людовике XVIII— 249
- Тараканова, «княжна» (наст. имя неизвестно), авантюристка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны; по приказу Екатерины II арестована в Ливорно гр. А. Г. Орловым в 1775 г., заключена в Петропавловскую крепость, где в том же году умерла — 30
- Тарновский Виктор Михайлович, чиновник департамента общих дел министерства внутренних дел в 1858—1861 гг.— 379
- Татаринов Валериан Алексеевич (1816—1871), статс-секретарь, председатель комиссии по улучшению финансовой системы и государственного контроля с 1858 г.— 260
- Таубе Максим Антонович, барон, полковник, инспектор и управляющий Царскосельской железной дорогой — 371, 600
- Тацит Публий Корнелий (ок. 55 — ок. 120), римский историк — 187, 204, 548
- «Annales» («Анналы») — 256, 548
- «Телеграф» — см. «Московский телеграф»
- «Телескоп», литературно-общественный журнал, издававшийся в Москве с 1831 по 1836 г.; редактор-издатель П. И. Надеждин; закрыт за пансечатапие «Философического письма» П. Я. Чаадаева — 325, 578
- Тертуллиан Квинт Септимий Лоренс (род. между 150—160, ум. 222), христианский богослов; примкнул к секте моптанистов — 164
- Тёрнер (Турнер, Turner) Джозеф Мэйлорд Уильям (1775—1851), англ. живописец — 53
- Тимашев Александр Егорович (1818—1893), генерал-адъютант, управляющий III отделением и начальник штаба корпуса жандармов в 1856—1861 гг.— 85, 86, 89, 116, 117, 120, 121, 128, 130, 134, 135, 138, 218, 221, 253, 261, 264—266, 273, 280, 290, 292, 304, 305, 311, 326, 337, 345, 353—355, 364, 382, 387, 388, 394, 484, 494, 497, 503—505, 544, 547—550, 555, 558, 561, 563, 568, 585, 588, 607, 612—614, 629
- Тимашев, оренбургский помещик, брат Тимашева А. Е. — 130, 394, 613
- Тимашев-Берннг Алексей Александрович (1812—1872), генерал-майор, московский полицмейстер в 1845—1849 гг., вице-губернатор в 1851—1854 гг. и обер-полицейстер в 1854—1857 гг.— 223, 530
- Тит Ливий (59 до н. э.— 17 п. э.), римский историк — 297, 519
- Титов Алексей Иванович, стряпчий нарвской части петербургской полиции до 1855 г.— 407
- Тихоцкий Сергей Георгиевич, генерал-майор, директор Петровского полтавского кадетского кор-

- пуca в 1859—1861 гг.— 302, 315, 462, 567, 572
- Толстой Николай Матвеевич, граф (1802—1879), генерал-от-инфантерии, директор Николаевской Чесменской военной богадельни (с 1854) и член Комитета о раненых с 1858 г.— 251, 252
- Толстой Федор Петрович, граф (1783—1873), медальер и гравер, вице-президент Академии художеств в 1828—1859 гг.— 408, 620
- Толстой (псевдоним — Ростислав) Теофил Матвеевич (1809—1881), музыкальный критик, композитор и романист — 447
- Толь Карл Федорович, граф (1777—1842), генерал-адъютант, участник Итальянского похода Суворова (1799), Отечественной войны 1812—1814 гг., начальник штаба И. И. Дибича во время подавления польского восстания в 1831 г., главноуправляющий путями сообщения с 1833 г.— 297, 385, 566, 609
- Топильский Михаил Иванович (1811—1873), директор департамента министерства юстиции до 1862 г.— 85, 248, 255, 259, 264, 301, 402, 420, 545, 548, 567, 616, 629
- Торчанский Александр, крестьянин дер. Дудчина Херсонской губ.— 444, 445
- Трубецкой Александр Васильевич, князь, публицист — 128, 190, 461
- Трубецкой Николай Никитич, князь (1744—1821), сенатор, один из главных членов общества мартинистов, близкий друг Н. И. Новикова — 297, 566
- Трубецкой Петр Иванович, князь, генерал-лейтенант, орловский губернатор до 1849 г.— 124
- Трюбнер (Trübner) Николай (1817—1884), англ. издатель и библиограф; издавал и распространял произведения Герцена — 133, 134, 385, 505, 601
- Тургенев Александр Иванович (1785—1846), археографисторик, помощник статс-секретаря Государственного совета, директор департамента иностранных исповеданий с 1810 по 1824 г.—372, 600
- «Российский двор 100 лет назад» («La Cour de la Russie il y a cent ans. 1725—1783. Extraits de dépêches des ambassadeurs anglais et français») — 372, 600
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 270, 472, 482, 496, 542, 550, 554, 556, 558, 562, 572—575, 579, 583, 586, 613, 631
- «Записки охотника» (в тексте — рассказы *Охотника*) — 119
- Тургенев Николай Иванович (1789—1871), декабрист, один из основателей и руководителей Союза благоденствия, эмигрант, автор мемуаров «Россия и русские» (Париж, 1847) — 258, 328, 329, 375, 376, 575, 579, 603
- Турнер — см. Тёрнер
- Турунов Михаил Николаевич, старший чиновник III отделения до 1862 г., позже председатель Петербургского цензурного комитета и член совета министра внутренних дел — 345
- Тучков Павел Алексеевич (1803—1864), генерал-адъютант, член Государственного совета, московский военный генерал-губернатор в 1859—1864 гг.— 218, 294
- Тьерри (Thierry) Огюстен (1795—1856), франц. буржуазный историк, один из создателей теории классовой борьбы — 189, 521
- «Письма по истории Франции» («Lettres sur l'histoire de France») — 189, 521
- Убри Павел Петрович, граф, советник русской миссии в Берлине в 1856—1857 гг., с 1857 г. советник посольства в Париже — 333, 428
- Уваров Сергей Семенович, граф (1786—1855), министр народного просвещения в 1833—1849 гг., с 1818 г. президент Академии наук — 297
- Уилберфорс (Wilberforce) Уильям (1759—1833), англ. общественный деятель, борец за отмену торговли неграми — 289
- Уллоа (Ulloa) Джироламо (1810—1891), итал. генерал, начальник

- гарнизона во время обороны Венецианской республики в 1848 г., участник национально-освободительной борьбы с 1859 г.—100, 455
- Ульрих Федор Юльевич (1808—1878), до 1864 г. первый переводчик департамента внутренних сношений министерства иностранных дел, старший цензор Петербургского почтамта, руководивший перлюстрацией частной переписки — 284, 285, 345, 559
- Ульрих Юлий Петрович (ум. 1836), профессор всеобщей истории Московского университета в 1823—1832 гг.— 285, 559
- Унковский Алексей Михайлович (1828—1893), тверской губернский предводитель дворянства с 1857 до конца 1859 г.— 256, 264, 304, 373, 375, 377, 386, 387, 463, 533, 534, 556, 563, 601—604, 610, 611
- «Соображения по докладам Редакционных комиссий» — 386, 610
- Урбан Карл, барон (1802—1877), австр. фельдмаршал, участник подавления венгерской революции 1848—1849 гг., в 1859 г. командовал отдельной дивизией, действовавшей против отрядов Гарибальди — 190, 521
- Уркхарт (Уркуард, Urquhart) Давид (1805—1877), англ. политический деятель и публицист — 95, 468, 488, 489
- Урусов Петр Александрович, князь (1810—1890), чиновник особых поручений при военном министре до 1860 г.— 89, 484
- Урусова, княжна — см. Радзивилл С. А.
- Устрялов Николай Герасимович (1805—1870), историк, профессор Петербургского университета, академик — 272, 297, 349, 554, 565, 566, 587
- «История царствования Петра I» — 272, 297, 554, 566, 587
- «Русская история» — 297, 566
- Ушаков Андрей Иванович, граф (1672—1747), генерал-аншеф, с 1731 г. начальник Тайной розыскной канцелярии — 150, 515
- Фальстаф (Фалстаф), действ. лицо в «Виндзорских кумушках» и в «Короле Генрихе IV» В. Шекспира (см.)
- Фарадей Майкл (1791—1867), англ. физик — 283
- Фауст, герой одноименной трагедии Гёте (см.)
- Федоров Борис Михайлович (1794—1875), поэт, журналист, драматург; театральный цензор при министерстве двора, чиновник «бутурлинского комитета» — 129, 448, 504
- Фейербах Людвиг Андреас (1804—1872), нем. философ-материалист — 259, 510
- Фердинанд I (1793—1875), австр. император с 1835 г., в 1848 г. отрекся от престола — 151, 202, 515
- Фердинанд II (1810—1859), король Обеих Сицилий (Неаполитанский) с 1830 г.— 418, 627
- Фиалковский Антоний Мельхиор (1778—1861), варшавский архиепископ с 1856 г.— 17, 471
- Филарет, до построения—Дроздов Василий Михайлович (1783—1867), московский митрополит с 1826 г.— 33, 81, 82, 88, 480, 481, 486, 525, 541
- Фогт (Vogt) Карл (1817—1895), нем. естествоиспытатель и философ, участник революции 1848г., эмигрировал в Швейцарию, с 1852 г. профессор Женевского университета — 97, 115, 486, 489, 490, 513
- «Письмо к издателю „Колокола“» — 97, 454, 455
- «Studien zur gegenwärtigen Lage Europas» («Этюды о современном положении Европы») — 97, 490
- Фойт Карл Карлович (1808—1873), профессор, ректор Харьковского университета в 1853—1859 гг., помощник попечителя Харьковского учебного округа в 1859—1863 гг.— 395
- Фокс Чарлз Джеймс (1749—1806), англ. политический деятель, лидер вигов — 205
- Фонвизин Александр Иванович, граф брат Д. И. Фонвизина — 352
- Фонвизин Денис Иванович (1744—1792) — 351, 352, 553, 588

- «Недоросль»: Митрофан — 270, 553; Простаков — 270; Простакова — 270
- «Рассуждение о непремennных государственных законах» — 351, 352, 588
- Фонвизин Михаил Александрович (1788—1854), генерал-майор, член Союза спасения и Союза благоденствия; по делу декабристов приговорен к каторжным работам; племянник Д. И. Фонвизина — 329, 351, 352, 502, 588
- Фонвизин М. И. (ошибочно) — см. Фонвизин Д. И.
- Фонвизин Павел (в тексте ошибочно — Петр) Иванович (1746—1803), директор Московского университета в 1784—1796 гг., младший брат Д. И. Фонвизина — 351, 352
- Франц Иосиф I (1830—1916), австр. император с 1848 г. — 273, 307, 339—343, 387, 490, 541, 543, 544, 583, 584, 586
- Франц II (1768—1835), последний император т. н. «Священной Римской империи» с 1792 до 1806 г., под именем Франца I — австрийский император с 1804 г. — 104, 107, 491
- Франциск II (1836—1894), последний король Общих Сицилий (Неаполитанский) в 1859—1860 гг. — 307, 570
- Фребель Юлий (1805—1893), нем. ученый и публицист, в 1848 г. избран в Национальное собрание Австрии, в 1849 г. эмигрировал в Америку, издавал в Нью-Йорке газету, в Сан-Франциско — журнал; в 1857 г. вернулся в Европу — 95, 486
- «Америка и Европа» — 95, 486
- Фрейман Карл Оттович фон, до 1859 г. управляющий канцелярией попечителя Виленского учебного округа, в 1859—1861 гг. директор виленской гимназии — 407, 619
- Фридрих Вильгельм (1620—1688), курфюрст Бранденбургский с 1640 г. — 150, 201
- Фридрих Вильгельм I (1688—1740), прусский король с 1713 г., отец Фридриха II Великого — 200, 201
- Фридрих Вильгельм II (1744—1797), прусский король с 1786 г. — 107, 491
- Фридрих Вильгельм IV (1795—1861), прусский король с 1840 г. — 445
- Фридрих II Великий (1712—1786), прусский король с 1740 г. — 151, 200, 308, 515
- Фролов Петр Николаевич (1790—1863), генерал-от-инфантерии (до 1857 г. генерал-лейтенант), с 1838 г. инспектор учебных карабинерных полков, в 1855 г. командующий войсками петербургского гарнизона, с 1857 г. член военного совета — 89, 92, 93, 484
- Фурье Шарль (1772—1837), франц. социалист-утопист — 10, 517, 624
- Харченко Гаврила, помещик Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ. — 422, 630
- Хлебников Леонид, орловский помещик — 388
- Хлебникова (урожденная Казакова), орловская помещица, жена Л. Хлебникова — 388
- Хлопов Владимир Владимирович, чиновник Московского опекунского совета — 279, 557
- Хмельницкий Зиновий Богдан Михайлович (1595—1657), гетман Малороссии с 1648 г. — 21, 267, 552
- Хмельницкий Юрий Богданович (1641—1685), гетман Украины в 1659—1663 гг., младший сын Богдана Хмельницкого — 267
- Хоминский (в тексте ошибочно — Хотинский) Станислав Фадеевич, военный губернатор г. Ковно и гражданский губернатор Ковенской губ. в 1858—1860 гг. — 146, 147
- Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт и общественный деятель славянофильского лагеря — 292, 337, 338, 409, 461, 513, 563
- «Дмитрий Самозванец» — 292, 563
- «Ермак» — 292, 563
- Христос Иисус (библ.) — 40, 42, 140, 141, 158, 258, 319, 328, 473, 516, 524, 579

- Христофоров, лейтепапт, член дирекции Благородного собрания г. Николаева — 398
- Хрущов Дмитрий Петрович (1816—1864), товарищ министра государственных имуществ в 1856—1857 гг., впоследствии сенатор; составитель сборника «Материалов для истории упразднения крепостного состояния помещицких крестьян в России в царствование императора Александра II» — 387, 596, 611
- Цезари, имя римских императоров, принятое в честь Юлия Цезаря; впоследствии становится названием носителя неограниченной власти вообще — 113, 256
- Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.), государственный деятель и полководец древнего Рима — 285, 576
- Цертелев (Цертелев) Петр Николаевич, князь, чиновник, состоявший при министерстве внутренних дел по армии в 1858—1860 гг. — 379
- Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.), оратор и государственный деятель древнего Рима — 80, 398
- Цыцури (в тексте—Цецурип) Федор Степанович (1814—1875), президент Медико-хирургической академии в Варшаве — 402, 403, 466, 562, 617
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856)— 49, 119, 144, 168, 234, 325, 509, 518, 563, 569, 577, 578
— «Философическое письмо» — 49, 119, 168, 325, 515, 578
- Чарторыйский (Чарторижский, Czartoryski) Адам Ежи, князь (1770—1861), польский политический деятель, глава шляхетского Национального правительства в 1831 г.; после подавления восстания жил в Париже, возглавляя аристократическую часть польской эмиграции — 26
- Черепнин Владимир Григорьевич, управляющий палатой государственных имуществ Воронежской губ. с 1859 г. — 416
- Черкасский Владимир Александрович, князь (1824—1878), деятель крестьянской реформы, член-эксперт Редакционных комиссий в 1858—1861 гг. — 123, 259, 260, 288, 436, 501, 625
- Чертов Павел Аполлонович (1784—1871), генерал-лейтенант, сенатор с 1846 г. — 405
- Черчилль, английский консул в Яссах — 406, 466, 619
- Чижов Федор Васильевич (1811—1877), писатель и общественный деятель славянофильского лагеря — 364, 594, 595
- Чингисхан (Темучин) (ок. 1155—1227) — 80, 376
- Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), юрист и публицист, профессор Московского университета в 1861—1868 гг., идеолог дворянского либерализма 60-х годов — 83, 361, 362, 471, 481, 482, 485, 512—514, 516, 519—521, 535, 543, 547, 563, 590
- Чумиков Александр Александрович (1819—1902), педагог и писатель, находившийся в нелегальной переписке с Герценом с самого начала 50-х годов; в 1857—1863 гг. издавал журнал «Воспитание» (в 1857—1859 гг. назывался: «Журнал для воспитания») — 133—135, 505
- Шабельский Катон Павлович, екатеринославский губернский предводитель дворянства до 1857 г., черниговский губернатор с 1857 до 1861 г. — 398—401
- Шаликов Петр Иванович, князь (1768—1852), поэт и журналист, редактор «Дамского журнала» и «Московских ведомостей» — 222
- Шамиль (ок. 1798—1871), вожьд национально-освободительного движения горских народов Кавказа — 199, 229, 448
- Шангарнье (Changarnier) Никола Анн Теодюль (1793—1877), генерал, франц. политический деятель, монархист; участник подавления июньского восстания рабочих Парижа в 1848 г.;

- в период подготовки государственного переворота 1852 г. вступил в борьбу с Луи Наполеоном — 166, 517
- Шахматов Н. А., саратовский помещик — 415
- Швалев (Швалов) Василий Афанасьевич, следственный пристав Литейной части петербургской полиции до 1857 г. — 407
- Шварц, ковепский жандарм — 146
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) — 448, 466, 542, 620, 636
- Шекспир Вильям (1564—1616) — 326
- «Виндзорские кумушки»: Фальстаф — 111, 279
- «Гамлет»: Гамлет — 238, 259, 548, 556; Горадио — 275, 556; Фортинбрас — 275, 556
- «Король Генрих IV»: Генрих, принц Уэльский — 279, 557; Фальстаф — 279, 557
- «Макбет»: Леди Макбет — 308
- «Отелло» — 230, 435, 634
- Шервуд Иван Васильевич (1798—1867), в 1825 г. унтер-офицер Украинского уланского полка, секретный правительственный агент, информировавший Александра I о деятельности декабристских организаций в армии — 264, 305, 328, 329, 549, 569
- «Из записок генерал-майора Б. П.» — 328, 329
- Шереметев Борис Петрович, граф (1652—1719), генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I, полководец и дипломат — 149, 515
- Шереметев Василий Александрович (1790—1862), товарищ министра юстиции в 1843—1845 гг., член «бутурлинского комитета», с 1856 г. член Государственного совета — 447
- Шереметев Сергей Сергеевич, церемониймейстер (с 1860 г.) и сверхштатный член строительной конторы министерства двора (с 1857 г.) — 418, 466, 627
- Шестаков Иван Алексеевич (1820—1888), капитан I ранга, командир фрегата «Генерал-адмирал»; впоследствии адмирал, управляющий морским министерством — 347, 586
- Шийко Семен Андреевич, управляющий палатой государственных имуществ Киевской губ. до 1860 г. — 416
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — 285, 549
- «Дон Карлас, инфант испанский» — 285, 519, 560; Маркиз де Поза — 70, Великий инквизитор — 285, 560; Доминго — 264, 549
- «Разбойники»: Карл Моор — 70, 311
- Ширинский-Шихматов Александр Прохорович, князь (ум. 1884), помощник попечителя, затем попечитель Виленского учебного округа (1857—1864) — 407, 619
- Шиммарев Михаил Васильевич, петербургский домовладелец — 446, 447
- Шкляр Григорий, крестьянин, приказчик помещика В. П. Старицкого — 440, 441, 443, 444
- Шнейдер (Schneider) Фердинанд, берлинский книгоиздатель в 1850—60-х годах — 133, 387, 611
- Шор Владимир Федорович, управляющий делами Комитета главного попечительства детских приютов с 1858 г. — 285, 345
- Шредер Андрей Андреевич (ум. 1858), русский чрезвычайный посланник в Саксонском королевстве и Ганновере в 1830—1850 гг. — 333, 428
- Шрек Иоганн Матиас (1733—1808), нем. историк церкви, профессор Лейпцигского университета — 284, 559
- Штакельберг Эрнест Густавович, граф (1814—1870), генерал-лейтенант, состоял при русском посольстве в Вене в 1852—1853 гг., чрезвычайный посланник при дворе короля Сардинии в 1856—1861 гг. — 333, 337, 428, 582
- Штанге Карл Карлович, начальник отделения инспекторского.

- департамента военного министерства в 1856—1860 гг. — 344
- Штейп, доктор, владеец психиатрической больницы в Петербурге — 363, 592
- Штейн Генрих Фридрих Карл фон, барон (1757—1831), прусский государственный деятель либерально-дворянского лагеря, участник освободительной борьбы немцев против французской оккупации; в 1812 г. был советником Александра I в Петербурге — 12, 328, 375, 376, 398, 516, 521
- Штейнгель Владимир Иванович, барон (1783—1862), декабрист, член Северного общества с 1824 г., отбывал каторжные работы в 1826—1835 гг., до 1856 г. жил на поселении — 77, 79, 81, 479, 480, 565
- Штер Дмитрий, чиновник почтового ведомства, занимавшийся перлюстрацией — 285
- Штиллинг — см. Юнг-Штиллинг
- Шувалов Андрей Петрович, граф (ум. 1873 г.), обер-гофмаршал двора, с 1859 г. член Государственного совета — 329, 418
- Шувалов Павел Андреевич, граф (1830—1908), генерал-адъютант, дипломат — 329, 580
- Шувалов Петр Андреевич, граф (1827—1889), генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер в 1857—1860 гг., впоследствии начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением (1861 и 1866—1873 гг.) — 329, 418, 530, 580
- Шувалов Петр Павлович, граф (1817—1876), петербургский губернский предводитель дворянства с 1857 до 1862 г., председатель губернского комитета по крестьянскому делу, член-эксперт Редакционных комиссий — 254, 255, 580
- Шульгин Дмитрий Иванович (1785—1854), генерал-адъютант, петербургский генерал-губернатор с 1848 г. — 407
- Щедрин — см. М. Е. Салтыков (Щедрин)
- Щербатов Михаил Михайлович, князь (1733—1790), историк, экономист, публицист — 52, 473 — «О повреждении нравов в России» — 52, 473
- Щербинин Михаил Павлович (1807—1881), сенатор (с 1856 г.), председатель Московского цензурного комитета в 1860—1865 гг. — 273, 279, 280, 554, 555
- Эдип, действ. лицо в трагедии «Царь Эдип» Софокла (см.)
- Эллерман Константин Христофорович, полковник, брандмайор петербургской городской полиции с 1858 г. — 335
- Эльстон-Сумароков — см. Сумароков-Эльстон
- Энгельгардт (Енгельгардт) Лев Николаевич (1766—1836), генерал-майор, адъютант князя Потемкина в 1783—1785 гг., участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг. — 297, 566 — «Записки» — 297, 566
- Энден (в тексте — Энтен) Александр Павлович фон, инженер-полковник, член одесского строительного комитета с 1858 до 1861 г. — 369
- Эней (миф.) — 37
- Энох (библ.) — 188
- Энох (Енох) Юлий Яковлевич, обер-прокурор общего собрания варшавских департаментов сената в 1859 г., редактор «Официальной газеты Царства Польского» — 367
- Энтен фон — см. Энден А. П.
- Эпиграмма на Булгарина П. А. Вяземского (см.), ошибочно приписывалась А. С. Пушкину
- Эргардт (Эргард) Фридрих Фридрихович, профессор Киевского университета с 1860 г. — 431
- Эристов Георгий Евсеевич, князь (1779—1863), генерал-от-инфантерии, сенатор — 407
- Эспинас Эспри Шарль Марк (1815—1859), франц. генерал, участник государственного переворота 2 декабря 1851 г., министр внутренних дел и общественной безопасности в 1858 г. — 221
- Эстергази Павел Антон, граф (1786—1866), австр. государст-

венный деятель, посол в России с 1856 г. — 407, 408
Эхо (миф.) — 290

Юго — см. В. Гюго

Юзевич, госпитальный медик в Кисве — 431

Юзфович Виктор Владимирович (1818—1871), председатель палаты государственных имуществ Киевской губ. в 1859—1863 гг. — 416

Юнг-Штиллинг (Штиллинг) Иоганн Генрих (1740—1817), нем. писатель-мистик — 77

— «Победная труба» — 77

Юферев Аристарх, студент Дерптского университета — 228, 531, 532

Языков Александр Петрович (1802—1878), генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., директор Училища правоведения в 1849—1877 гг. — 420, 421, 630

Языков Николай Михайлович (1803—1846), поэт — 372, 600
— Элегия «Блажен, кто мог на ложе ночи...» — 372, 600

Яковлев Иван Алексеевич (1767—1846), отставной капитан лейб-гвардии Измайловского полка, отец А. И. Герцена — 149

Якушкин Евгений Иванович (1826—1905), исследователь обычного

права, библиограф, в 1859—1861 гг. председатель палаты государственных имуществ Ярославской губ., сын декабриста И. Д. Якушкина — 416, 502

Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), декабрист, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Северного общества — 329, 502

Якушкин Павел Иванович (1820—1872), этнограф и публицист — 319, 576, 577, 622

Ян Фридрих Людвиг (1778—1852), организатор гимнастических союзов, связанных с борьбой за национальное освобождение и объединение Германии, в 1813 г. вступил в добровольческий корпус, сформированный для борьбы с наполеоновскими войсками — 95

Янковский Ладислав, поляк, арестован во время усиления террора в Польше в 1860 г. — 347

Янус (миф.) — 114, 217, 492, 528

Ярошевицкий, помещик Черниговской губ. — 431, 432

Яфимович (Ефимович) Михаил Матвеевич (1804—1872), генерал-лейтенант, дежурный генерал штаба гвардейского и гренадерского корпусов в 1854—1859 гг. — 145, 510

Яхве (Иегова) (библ.) — 72

«Aleksander Hercen i Wolna Rosyjska Drukarnia w Londynie», статья, помещенная в «Przegląd Rzeczy Polskich» — 7, 8, 16, 23, 236, 452

«Allgemeine Zeitung» («Аугсбургская газета», «Всеобщая газета»), нем. ежедневная газета реакционного направления, основанная в 1798 г.; в 1816—1882 гг. издавалась в Аугсбурге — 64, 85

«Börsen Halle», вечерняя газета, издававшаяся в Гамбурге с 1829 г. — 345

«Briefe von Alexander von Humboldt an Varnhagen von Ense aus den Jahren 1827 bis 1858» («Письма Александра фон Гумбольдта к Варнгагену фон Энзе с 1827 до 1858 г.») — 445, 635

Buckle Henry Thomas (1821—1862), англ. историк — 283
— «History of Civilisation in England» («История цивилизации в Англии») — 283

«Daily News», англ. газета либерального направления, издавалась в Лондоне с 1846 по 1930 г. — 354, 355

- «The Daily Telegraph», англ. ежедневная газета консервативного направления, выходящая в Лондоне с 1855 г. (первоначально «The Daily Telegraph and Courier», теперь «The Daily Telegraph and Morning Post») — 373, 382
- «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» («О развитии революционных идей в России»), соч. А. И. Герцена (см.)
- «Dresdner Journal», официальная газета Саксонского королевства, основанная в 1846 г.; до 1848 г. выходила под названием «Dresdner Tageblatt» — 246, 544
- Francke (Frank), книгоиздатель и книготорговец в Берне, владелец книжных магазинов в Лейпциге и Париже — 133
- «Gazeta Warszawska» («Варшавская газета»), издавалась на польском языке с 1774 г.; в середине XIX в. носила консервативный характер; редактировалась в 1849—1859 гг. Антонием Лешновским, в 1859—1883 гг. Иозефом Кенигом — 363
- «Gazette du Nord», еженедельная литературно-политическая газета, посвященная преимущественно русским вопросам, издавалась в Париже на франц. языке с 1859 г., редактировала ее Г. Рюминым — 236
- George Sand — см. Жорж Санд
- «L'Homme», еженедельная газета франц. эмигрантов в Англии, издавалась в 1853—1856 гг., редактировалась Ш. Рибейролем (см.) — 8, 470
- «L'Indépendance belge» («Indépendance»), ежедневная политическая и литературная газета, издавалась в Брюсселе с 1831 г. — 373
- «Le Nord» («Nord», «Норд»), ежедневная политическая газета, издавалась на франц. языке в Брюсселе в 1855—1862, 1865—1892 гг. и в Париже в 1863—1864, 1894—1907 гг.; субсидировалась русским правительством — 138, 233, 242, 245, 246, 339, 363, 369, 373, 411
- «Postępowa myśl R osyjska w oie zadań Polskich», статья, опубликованная в «Przegląd Rzeczy Polskich» (см.) — 36, 38—41, 44, 50, 453, 454
- «Die Presse» («Пресса»), австр. ежедневная политическая газета либерального направления, издавалась в Вене в 1848—1894 гг. — 416, 417
- «Programme de la Sainte-Alliance des Peuples», брошюра В. А. Панаева (см.)
- «Przegląd Rzeczy Polskich», журнал польских эмигрантов во Франции; издавался в Париже на польском языке в 1857—1860 гг. — 7, 36, 236, 402, 453, 454, 562
- «Punch, or the London Charivari» («Punch», «Пунш»), англ. еженедельный юмористический журнал, издается в Лондоне с 1841 г. — 117, 346
- «Reynold's Weekly Newspaper», англ. еженедельная демократическая газета, издавалась в Лондоне с 1850 г. — 61
- «Russia and the West of Europe», статья, напечатанная в книге 1 «Universal review» за 1859 г. — 95
- «Russia, its reforms, political and social progress, and present state. By a recent Traveller», книга, вышедшая в Лондоне в 1859 г. — 94, 487
- Schneider — см. Шнейдер Ф.
- «Słowo» («Слово»), газета, издававшаяся в Петербурге на польском языке в 1859 г. под редакцией И. Огрызко (см.) — 85
- «Słowko Prawdy», статья неизвестного поляка, полученная А. И. Герценом — 26
- Sobieski Jan (1624—1696), польский король, занимавший престол с 1674 г. под именем Яна III — 57
- «La Spectre rouge» — соч. Ромье (см.)
- «Times» («Таймс», «Теймс»), англ. ежедневная газета консервативного направления, издающаяся в Лондоне с 1785 г. — 110, 215, 253, 256, 284 310, 329, 347, 348, 393, 416

«Universal review», англ. журнал,
издавался в Лондоне в
1859—1860 гг. — 95
Vogt Charles — см. Фогт Карл
Walker Thomas (1822—1898), англ.
журналист, редактор газеты

«Daily News» с 1858 по 1869 г.—
354, 355
«Wiadomości Polskie», газета поль-
ских эмигрантов во Франции,
издавал.сь в Париже в
1857—1861 гг. — 417

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. И. Герцеп и Н. П. Огарев. С фотографии. Лондон, 1860.	4
Сборник «За пять лет» (1855—1860). Часть первая. Титульный лист с дарственной надписью А. И. Герцена: «Николаю Ивановичу Тургеневу в знак глубокого уважения от издателей „Колокола“. Лондон, 20 мая 1860»	272

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
33	16 св.	рамантизм	романтизм
69	17 св.	варить	верить
75	6 св.	М-ше Гутцвейт	М-ше Гутцейт
205	14 сн.	сам-третий	сам-третьей
256	16 св.	Цазарь	Цезарь
275	9 св.	он	но
293	3 сн.	шим	вашим
373	1 св.	увязает	увидает
379	3 сн.	Примечание	Примечания
389	13 сн.	Примечание	Примечания
485	17 сн.	России	Петербурге

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1859—1860 годов

	Текст	Варианты	Комментарии
1859			
Россия и Польша.	7	452	467
Еще раз корнелевское «Qu'il mourût!»	60	"	474
〈О биографии Панина〉.	60		474
Опять объяснение.	61		475
〈Радзивилл и его поместья〉.	63		475
Генералы от цензуры и Виктор Гюго на батарее Сальванди	64		476
Ответ русской даме.	67	454	477
〈Смотр парохода «Колхида»〉.	74		478
Постельная барщина продолжается.	74		478
〈Предисловие к «Историческому сборнику Вольной русской типографии в Лондоне». Книжка первая. Лондон, 1859〉.	76		478
Еще и еще письма против «обвинительного акта», помещенного в 29 листе «Колокола»	83		481
Граф В. Н. Панин	84		482
И. Лелевель и казематы.	85		482
Новая мерзость в Польше	85		483
〈На этот раз мы очень богаты корреспонденциями...〉.	87		484
〈Попытка предания анафеме〉.	94		485
Russia by a recent traveller. London, 1859	95		486
〈Строгонов и porto franco〉.	96		487
Война и мир.	97	454	487
Very dangerous!!!	116	456	492
Прощайте, Арсентий Андреевич!	122	456	499
〈Мы всегда думали...〉.	123		500
Еще о Гутцейте.	124		501
〈Кончина Пушина〉.	126		501

	Титул	Варианты	Комментарии
Еще о возведении пьянства в православную и государственную обязанность	126		502
〈Путешествие Тимашева〉	128		503
〈Un austriaco principe Troubetzkoу〉	128		504
По части цензуры творческой	129		504
1814—1859. Второе занятие Парижа русскими	130		504
Выговор по службе	132		505
Гоение умерших	136		506
〈Объяснение статьи «Very dangerous!»	138		506
〈Модест Корф приставлен (говорит «Nord»)	138		506
Под суд!	139		507
Во Христе сапер Игнатий	140		507
Злодейства помещиков продолжаютс	142		508
〈Еще о «Колхиде»〉	142		508
〈Еще о Радзивилле〉	143		508
〈Панин сошел с ума〉	144		509
〈Ссылка г. Рыбникова〉	144		509
Смерть или косушку!	145		510
Блистательная победа, одержанная в Ковенской губернии гусарским е. и. в. полком	146		511
〈Отзыв на письмо о контрабанде〉	147		511
<u>Русские немцы и немецкие русские . . . . .</u>	<u>148</u>	456	<u>511</u>
〈Поправка к заметке о кн. Трубецком в «Колоколе», л. 47〉	190		521
Синхедрион московских университетских фари- рисеев	191		521
〈Опять и опять pas de rêveries!»	198		522
Тот же граф Строгонов, плачущий на гробе сеченного Кандыбы	199		523
«Pas de rêveries!», ведущее к faux pas!	200		523
〈Экзамены в Петербургском университете〉	203		523
Граф Строгонов, шпицрутены и штабс-капитанша Баранова	203		524
От Искандера	205		525
Разговоры с детьми	206		525

1860

1860 год	214	458	526
Ай да Корф!	226		530
Das Liefländische Athen	227		531
Вопрос и ответ	228		533
Чрезвычайное прибавление к 61 листу «Колокола»	229		533
<u>Изобличитель . . . . .</u>	<u>230</u>		<u>534</u>

	Текст	Варианты	Комментарии
〈Убитый помещик〉.	233		535
〈В. Безобразов〉.	233		536
For gentlemen only.	235		536
Ученые известия.	235		537
〈«Агрономическая газета»〉.	236		537
〈«Przegląd Rzeczy Polskich»〉.	236		538
Ростовцев и Строгонов.	237		538
От редакции 〈Предисловие к «Письму из провинции»〉.	238		538
Опять розги.	245		543
Россия защищает линию Минчио!.	245		543
Чрезвычайное прибавление.	246		544
〈Невероятная новость о назначении Панина...〉	248		544
Топильский в ненужном месте.	248		545
Еще об регроградном архимандрите и негрессивном Озерове, посланнике афинском	248		545
От издателей.	249		546
Набег немецких татар в Тамбовскую губернию	251		546
〈Каченовский〉.	252		547
Слово графа Виктора Панина к депутатам . .	254		547
Письма из России.	<u>256</u>		<u>548</u>
Почта в России.	261		548
La vérité sur la Russie (par le prince Pierre Dolgoroukoff, Paris, 1860).	263		549
Тайное явно.	265		550
«Библиотека» — дочь Сенковского.	266		550
Новости из России.	272		554
Тайный советник в квадрате.	273		555
За пять лет.	274	458	555
Муханов, что не на Висле	279		557
〈Тимашев и Дубельт〉.	280		558
Религиозное значение «СПб. ведомостей» . .	281		558
От издателя 〈Заключение к статье «Г-н Извольский — управляющий Иркутской губернией»〉.	284		559
Еще тайная полиция.	284		559
Князь А. Ф. Голицын.	285		560
Русские матросы в Виллафранке.	286		560
〈Правда ли, что доносчик Лужин отдан под суд...〉.	286		561
Розги долой!.	287		561
Победа, одержанная храбрым генералом Мухановым, что на Висле.	290		561
Русская музыка в Лондоне.	<u>291</u>		<u>562</u>

	Текст	Варианты	Комментарии
А. С. Хомяков и Австрия.	292		563
Берг, магистры и телеграф.	293		564
Письмо к генерал-адъютанту Зиновьеву	293		564
Офицерское ёрничество на Тверском бульваре	294		564
«Записки» И. В. Лопухина	<u>296</u>		<u>565</u>
Rapiniana.	301		567
Генерал-кулачный боец и детский кисель	302		567
Пальто Менщикова и рубаха Муравьева Вешателя.	303		567
Пугачев и Сухозанет.	304		568
Неприкосновенность великокняжеских камердинеров.	304		568
Шалун Муханов.	305		568
Лужин Верный <Лужин сошел с ума...>	305		569
Просьба от издателей.	306		569
Последний удар!	307		570
Богомокрицы и богосаранча.	309		570
Crab and Lobster.	315		571
<Тихоцкий>.	315		572
Тиранство сибирского Муравьева.	315		572
Лишние люди и желчевики!	317		572
Вольное русское книгопечатание за границей	328		579
Александр Второй Наполеону Третьему—четыре лошади!	329		~~580~~
Сербы и черногорцы.	330		~~580~~
Полицейские маскарады Игнатьева.	335		581
Дом, примчавшийся к Мине Ивановне на почтовых.	337		582
Самодержавная демонстрация	337		582
А. С. Хомяков.	338		582
Es reiten drei Reiter	339		582
Русские генералы Герштенцвейг и Сиверс и русский помещик Гутцейт.	344		584
Почтовые, почтенные и иные шпионы	345		585
Игнатьевские маски	346		585
Константин Николаевич за линьки	347		585
Террор в Польше.	347		586
<Предисловие к «Историческому сборнику Вольной русской типографии в Лондоне», 1861 г., кн. II>.	349		587
To the editor of the «Daily News»	354		588
К издателю «Daily News» (перевод)	354		
<Предисловие к книге Ж. Санд «Похождения Грибуля»>.	356		589

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ,
ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

1859	Текст	Варианты	Комментарии
Письмо к издателю «Колокола» (Примечание)	361		590
Письмо в защиту г. Ч. (Примечания)	362		590
Из воспоминаний о Луние (Примечание).	362		591
⟨Просьба о присылке портрета А. Радищева и стихотворений В. Печерина⟩.	362		591
О положении евреев в России (Заключение)	363		592
По делу Кривоногова и доктора Штейна (Вступление и заключение).	363		592
Клэвета варшавской газеты на евреев (Постскриптум).	363		592
Из второго письма (Примечание).	363		592
⟨О «Проекте освобождения помещичьих крестьян в России⟩.	363		593
Бешенство цензуры (Редакционные заметки, вставки и примечания).	364		594
Дело о высеченном генерале Кандыбе и его жене (Примечания и заключение).	365		595
Эманципатор князь Ю. Н. Голицын	366		595
⟨Programme de la Sainte-Alliance des Peuples⟩	366		595
⟨От издателей «Колокола» о присылке им статей⟩.	366		595
⟨Заметка о публикации письма к Александру II в приложении к «Колоколу⟩.	366		595
⟨Поправка к заметке о г. Миклашевском в «Колоколе», л. 47⟩.	367		596
⟨Новые книги⟩.	367		596
⟨Заметка о выходе 1-го листа «Под суд!»⟩	367		596
От часу не легче (Вступление).	367		597
Варшавские новости (Вступление).	367		597
⟨Заметки из Одессы⟩.	368		597
Письмо к издателю (Примечание).	368		597
Граф Строгонов и Старикский (Вступление)	368		598
Черты из жизнеописания одесского градоначальника барона Местмахера (Вступление и заключение).	369		598
⟨О получении сорока франков в фонд Гарибальди⟩.	369		598
Шпионство Васильчикова в Париже (Вступление).	369		598
Убийство Неклюдова в Иркутске (Вступление и редакционная вставка).	369		599

	Текст	Варианты	Комментарии
Отчет о последствиих ревизии <Заключение>	370		599
Дело о сообщничестве Волохова с Метлиным <Заключение>	370		599
О полковнике Таубе.	371		600
<Примечания к публикациям в «Полярной звезде на 1859 год»>.	371		600
Записки императрицы Екатерины II <Примечания>.	372		600
Записки княгини Е. Р. Дашковой <Предисловие «От издателя»>.	373		601

1 8 6 0

У парадного крыльца <Примечание>	373		601
<По последующим известиям из России...> . .	373		601
От редакции <Нас спрашивают, получили ли мы...>.	373		602
От издателей <С искреннейшей благодарностью извещаем...>.	374		602
Из Петербурга <Примечания>.	374		602
Комиссариат в России <Примечание>	375		602
Эпилог Тверскому комитету.	375		602
Поправка.	375		602
Афинский архимандрит <Примечание>. . . .	375		603
<О Головачеве>.	375		603
Возражение на 63 № «Колокола» <Примечание>	375		603
<Письмо к государю, присланное нам...> . .	376		604
Провинция и резиденция <Примечания и заключение>.	376		604
Брилевич и разрубленный еврей <Примечание>	377		604
<Тверской вице-губернатор>.	377		604
<Revue Прудона>.	377		604
Розги и шпицрутены <Примечание>.	377		605
К характеристике Сибири <Примечание> . .	378		605
Переписка князя П. В. Долгорукова с русским правительством <Примечание>.	378		605
По делу иркутской дуэли <Примечания> . . .	378		605
Обер-фор-шнейдер <Вступительные строки>	379		605
Еще раз о Старицком.	379		606
<От издателей> <Издатели объявляют, что полученные ими...>.	379		606
Еще о стрелке Кочубее <Примечание>	379		606
Письмо в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым <Примечания и редакторские вставки>.	379		606

	Текст	Варианты	Комментарии
Тост Пугачеву и последняя кампания (будущего графа) Тимашева <Примечание> . . .	382		607
Поправка по делу генерал-майора Дарагана <Примечание>	382		607
<Уведомление>	383		607
Замечания <по поводу представления военного министерства о нижних чинах, находящихся в отпуску <Примечание>	383		608
Грязь и Лужин <Вступление>	383		608
От издателей <Господ, приславших нам письмо...>	383		608
По поводу «Розги долой» <Примечание> . . .	384		608
Становой пристав Орловский и ефрейтор Дობропас <Заключение>	384		608
Еще раз о Витвицком <Примечание>	384		609
И. И. Глушков.	384		609
От редакции <Господина, приславшего нам филиппику...>	385		609
Отчет <Издатели «Колокола» извещают...>	385		609
Die edlen Ritter von Liefland!	385		609
Ответ <У нас есть «Записки» Толя...> <Заключение>	385		609
От редакции <Предисловие к IX книге «Голосов из России»>	386		610
Второе письмо по поводу «Розги долой!» <Примечания>	386		610
Лужин Верный <Редакционная вставка и заключение>	386		610
Киевский губернатор Гессе и мнимо отравленный им <Примечания>	387		610
Унковский и Европеус.	387		611
Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование имп. Александра II. Berlin, F. Schneider.	387		611
<Просьба «Колокола»>	388		611
Помещичьи злодейства в Орловской губернии <Вступление>	388		611
Светское и духовное образование <Редакционная вставка>	388		611
<Г-н Глушков>	389		612
Высочайше подтвержденный 19 декабря 1849 г. доклад генерал-аудиториата о тит<улярном> сов<етнике> Буташевиче-Петрашевском и других лицах <Примечания>	389		612

	Текст	Варианты	Комментарии
«Дело Кочубея и Зальцмана»	393		613
«Похищения людей»	393		613
Материалы для поимания начальника III отделения	394		613
По делу о харьковских злоупотреблениях Зиновьева и потворстве Ковалевского . . .	395		614
«Мы получили письмо...»	395		614
«Правда ли, что страшные сцены бирюзовских времен...»	396		615
Семь могил, злодей-помещик и губернатор-палач в Кременчугском уезде	396		615
«Имена преследователей г-жи Софии Иогихес»	397		615
Печенег или не печенег?	398		616
Церковно-самодержавные шалости	401		616
«Топильский, Муравьев и Панин»	402		616
По Муханову и Цецури	402		617
«Дуэль Неклюдова с Беклемишевым» . . .	403		617
Политические обеды в Москве	403		618
«Заметка о губернаторе Синельникове» . . .	405		619
«Председатель уголовной палаты в Могилеве г. Стаховский»	405		619
Консул Попов и консул Черчилль в Яссах . .	406		619
«Преследование в Вильне гимназистов бароном Врангелем, князем Ширинским-Шихматовым и фон Фрейманом»	407		619

Через два года	407		619
Академия художеств в осадном и иконописном положении	408		620
Слабость к ворам	409		621
Засеченный матрос «Вступление»	409		621
Из Москвы	410		621
Эпоха прогресса и гласности в России . . .	410		622
«Академик Бассин»	411		622
«Переходное положение»	411		622
«Герштенцвейг»	411		622
Шпицрутены и Сиверс	412		623
Палач Барановский	412		623
«Лужин дерется»	412		623
Начало новых гонений в России	412		624

	Текст	Варианты	Комментарии
〈Дуэль в Иркутске〉.	413		624
〈Свистунов и Кашкин.	413		624
Переходное состояние.	413		624
Афинский архимандрит, Ромботи и иеродиакон	413		625
〈«С.-Петербургские ведомости»〉.	414		626
Омское красноречие.	414		626
По части «мерзостно-отвратительных картин»: «Библиотеки для чтения».	415		626
Августейшая благодарность за государственный разбой.	415		626
Еврейские выборы в Вильне.	416		627
Теория сечения петербургской полиции	418		627
〈Сверхштатный член Шереметев〉.	418		627
Самодержавный либерализм.	418		627
Законоучитель Палисадов и его меры распро- странения «Колокола».	418		627
Распространение антропофагии в России . .	419		628
Запрос.	419		628
Граф Закревский и герцог Саксен-Веймарский 〈Вступление и заключение〉.	419		628
Ей ты, фельетонист!.	420		628
〈Войт〉.	420		629
〈Д. Н. Замятнин〉.	420		629
Еще глупее!	420		630
Потоцкий, Закревский, Ильинский.	421		630
Полтава и Стокгольм.	421		630
〈Рад стараться〉.	421		630
〈Паспорты〉.	422		630
〈Помещик г. Харченко〉.	422		630
〈Ковалевский призывал петербургских журна- листов...〉.	422		630

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

1860

La presse russe a Londres aux Serbes et Monte- negrins.	425		632
--	-----	--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Корреспонденции, обработанные в редакции «Колокола».	431		633
---	-----	--	-----

1860

Отравители в Киевской губернии	431		633
В защиту Н. Журавлева.	432		633
Помещица — ненавидящая и помещик — лю- бящий своих рабов.	432		633

	Текст	Варианты	Комментарии
Мадам Полянская — саратовский Отелло . . .	435		634
Космическое значение русского свода	436		634
Поправки, возражения, оправдания.	437		634
Souvenirs modestes о мертворожденной цензуре Корфа.	445		636
В дополнение к биографии г. Шевченко, напечатанной во 2 кн. «Народного чтения»	448		637
В а р и а н т ы.	449		638
Принятые сокращения.		451	
К о м м е н т а р и и.		459	
У к а з а т е л ь и м е н.		639	
С п и с о к и л л ю с т р а ц и й.		691	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. П. ВОЛГИН (главный редактор), И. И. АНИСИМОВ, Д. Д. БЛА -
ГОЙ, Б. П. КОЗЬМИН (зам. главного редактора), С. А. МАКАШИН,
Ю. Г. ОКСМАН (зам. главного редактора), В. А. ПУТИНЦЕВ,
З. В. СМИРНОВА, Д. И. ЧЕШОКОВ, А. Б. ШАПИРО,
Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ

Текст и текстологические примечания подготовили:

Л. М. Долотова и М. А. Соколова

Комментарии составили: *Г. Н. Антонова, И. М. Белянская, И. А. Винникова, Э. И. Власова, Л. М. Долотова, Л. А. Иванова, С. Г. Исаков, А. М. Малахова, Л. С. Мандельштам, Г. И. Месяцева, Ю. Б. Неводов, И. В. Порох, В. М. Потявин, В. В. Пугачев, Е. Л. Рудницкая и Т. И. Усакина.*

Лингвистическая редакция французского текста *И. Д. Постоловой*.
Подстрочные переводы иноязычных текстов редактировали: *Н. Г. Елина*
(итал.), *О. Н. Михеева* (нем.), *О. В. Моисеенко* (франц.)

Указатель имен составил *Д. П. Муравьев*.

Редактор тома — Ю. Г. ОКСМАН

Редактор издательства *М. Б. Покровская*
Переплет и титул художника *А. П. Радищева*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректор *В. К. Гарди*

РИСО АН СССР № 3-99 В. Сдано в набор 5/III 1958 г.
Подписано к печати 30/VIII 1958 г. Формат 60×92/16.
Печ. л. 44 +2 вкл. Уч.-издат. л. 39. Тираж 22000. Изд. № 2786.
Тип. зак. 275

~~Цена 15 р.~~ 4-00

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсогненский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

